

Académie Marr d'histoire de la Culture matérielle
Institut scientifique de la Langue, de la Littérature et de l'Histoire
près le Comité Exécutif central de la République Bouriat-Mongole

A. OKLADNIKOV

ETUDES SUR L'HISTOIRE
DES BOURIAT-MONGOLS
OCCIDENTAUX
(XVII — XVIII SIÈCLES)

ÉDITIONS D'ÉTAT
Édition sociale-économique
Section de Leningrad
1937

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ ЗАПАДНЫХ БУРЯТ-МОНГОЛОВ

(XVII—XVIII вв.)

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине
175	15 сверху	лю	смертью	типографии
245	18 снизу	зависевших	зависевшие	издательства
270	15 сверху	Китай	Китой	типографии
314	10—11 »	иритский	ихиритский	издательства
341	Рисунок 24	на «Шишкин- ской шаманке» Облава.	на «Шишкинской шаманке».	издательства
382	2 снизу	обнаруживается	обнаруживает	издательства
420	20 сверху	1933 г.,	1923 г.,	издательства

А. П. Окладников, Очерки из истории западных бурят-монголов

ОГИЗ

Государственное социально-экономическое
издательство

Ленинградское отделение

1937

Académie Marr d'histoire de la Culture matérielle
Institut scientifique de la Langue, de la Littérature et de l'histoire
près le Comité Exécutif central de la République Bouriat-Mongole

A. OKLADNIKOV

**ETUDES SUR L'HISTOIRE
DES BOURIAT-MONGOLS
OCCIDENTAUX**
(XVII — XVIII SIÈCLES)

ÉDITIONS D'ÉTAT
Édition sociale-économique
Section de Leningrad
1937

*Государственная академия истории материальной культуры им. Н. Я. Марра
Государственный научно-исследовательский институт языка, литературы
и истории при ЦИК БМАССР*

А. П. ОКЛАДНИКОВ

**ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ
ЗАПАДНЫХ
БУРЯТ-МОНГОЛОВ**

(XVII—XVIII вв.)

ОГИЗ

*Государственное социально-экономическое
издательство*

Ленинградское отделение

1937

9(е)13

9(47)

0-50

Доб. 9(57)

Работа является опытом монографического исследования основных фактов освободительной борьбы ангарских бурят-монголов против царизма в XVII—XVIII вв., рассматриваемой в связи с историей завоевания Бурятии и развитием общественного строя западных бурят. Автор использует неопубликованные архивные материалы, фольклор и археологические данные. Работа рассчитана на научных работников, преподавателей истории народов СССР, студентов, краеведов и работников национальной школы.

ОТ РЕДАКЦИИ

Публикуемая работа А. П. Окладникова представляет собой опыт разработки ряда важнейших вопросов истории одного из народов СССР — бурят-монголов.

Будучи построена на основе богатого неопубликованного архивного материала, а также на данных фольклора, археологии и отчасти языка, работа А. П. Окладникова вводит в оборот и дает в руки исследователям новый документальный материал по истории бурят-монголов.

Вместе с тем вторая часть работы, посвященная вопросам социального строя бурят-монголов, во многом представляется спорной и носит характер скорее постановки вопроса, чем окончательного его решения.

Особенно это следует отнести к гипотезе автора о происхождении бурят-монголов и к его выводам о характере общественного строя бурят-монголов накануне русского завоевания.

ВВЕДЕНИЕ

В 1933 году Советская Бурят-Монголия праздновала свой десятилетний юбилей. «Из угнетенной колонии царской России Бурят-Монголия благодаря ленинской большевистской политике стала быстро-растущей советской республикой, успехи социалистического строительства которой служат народам колониального Востока примером и призывом к борьбе за свое освобождение»,¹ отмечал ЦК ВКП (б) в своем приветствии республике-юбилару.

Великие успехи хозяйственного и культурного социалистического строительства в Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической республике, ликвидирующей вековую отсталость — наследие колониального прошлого, — и ее мощный культурный рост обуславливают и повышают глубокий интерес трудящихся масс к историческому прошлому своей страны и народности. Вполне естественно, например, что, выступая перед тов. Сталиным от имени бурят-монгольских трудящихся масс, строящих бесклассовое общество в стране, испытавшей все ужасы аннексионистской, колонизаторской политики царизма и феодально-кулацкий гнет национальной эксплуататорской верхушки, с рассказом о достижениях республики, М. Н. Ербанов — руководитель большевиков Бурят-Монголии — на приеме в Кремле в январе 1936 г., выражая мысли и чувства народных масс республики, не мог не вспомнить этого прошлого, противопоставляя ему новую счастливую жизнь, расцветающую в свободной Советской Бурят-Монголии. Вполне понятно желание строителей новой Бурят-Монголии знать прошлое своей страны, историю ее культурного развития и быта.

Этот интерес трудящихся республики к истории своей народности, растущий вместе с ее хозяйственно-культурным ростом, имеющий столь глубокие корни, предъявляет к самой исторической науке высокие требования, требует поднятия исторической работы в Бурят-Монголии на уровень, соответствующий эпохе и директивам партии.

Перед историками Бурят-Монголии стоит задача создания истории бурят-монгольского народа, а также и других народностей и племенных групп, входящих в состав республики как

¹ Цитировано по статье М. Рагумова — Форпост социализма на Востоке, «Правда», 28/1 1936 г.

части истории народов СССР, — истории марксистско-ленинской, в которой трудящиеся «...должны получить не мертвую схему возникающих и разлагающихся общественно-экономических формаций, а конкретную картину борьбы классов с характеристикой их вождей, с конкретной характеристикой классовых отношений в этой борьбе, ибо только таким образом история научит их тому, что является задачей ее, как науки о политике, т. е. о борьбе за власть и ее сохранение».¹

Основные трудности предстоящей работы исчерпывающе отмечены центральным органом партии «Правдой», а состояние исторических работ² в области изучения истории бурят-монгольского народа лишь иллюстрирует все эти указания.

О состоянии работ по выяснению основных фактов и событий бурят-монгольской истории может дать представление разработка любой темы, связанной с последними, в том числе о национально-освободительном движении на разных этапах его развития, т. е. темы, обнимающей и предмет данной работы.

В замечаниях тт. Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» указано: «В конспекте не даны условия и истоки национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России и, таким образом, октябрьская революция, как революция, освободившая эти народы от национального гнета, остается немотивированной, равно как немотивированным остается создание Союза ССР».³

Имеющие такое значение вопросы национально-освободительного движения остаются в Бурят-Монголии совершенно неразработанными во всей их сложности, особенно в части изучения истоков этого движения.

Что касается именно этих последних, то одним из наиболее сложных и значительных фактов истории бурят-монгольской народности является, например, и та длительная упорная борьба бурят-монголов, которую они вели против царизма, начавшего захват бурятской территории еще в первой половине XVII в. Но несмотря на то, что вся «политическая история» бурят-монгольской народности с 1630 г. до конца XVII в. и отчасти позже представляет яркую и цельную картину многочисленных попыток угнетенных масс свергнуть иго царизма или избавиться от него бегством, мы до сих пор не имеем достаточно отчетливого представления даже о важнейших явлениях этой борьбы, не говоря уже об отсутствии методологически четкой марксистской постановки самой данной проблемы в прежней литературе. Нет ни одной работы, которая была бы специально посвящена изучению восстаний бурят-монголов в XVII в.; со времен Миллера и Фишера события, связан-

¹ «Правда», 27/I 1936 г., передовая — Преподавание истории в нашей школе.

² Там же.

³ Там же, Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР».

ные с восстаниями бурят, бегло излагались исследователями лишь в качестве одной из многих деталей завоевания Сибири. Даже в специальных обзорах истории бурят-монгольского народа,¹ вышедших большей частью после революции, восстания XVII в. не получили достаточно полного описания и места, которого они заслуживают. Историками же, стоящими на марксистских позициях, в чьи задачи входило изучение по-новому национально-освободительного движения и классовой борьбы Бурят-Монголии, начиная с их истоков и позже, почти ничего не было сделано для углубленного анализа конкретных фактов и привлечения новых материалов.

В юбилейных сборниках и общих статьях, правда, иногда отводилось известное место немногим скупым строчкам с декларативной оценкой роли восстаний и бегло, хотя и не всегда точно, перечислялись главные из них, как факты борьбы с завоевателями, но этим все и ограничивалось. И вообще историки-марксисты в Бурят-Монголии почти не пытались проводить самостоятельных новых работ в области изучения столь «далекого прошлого», ограничиваясь традиционными ссылками на своих ученых предшественников, обладавших полнотой сведений и аппаратом фактов, казалось исключавшими не только необходимость, но и возможность извлечения чего-либо нового из архивов, создания новых построений и проверки старых. Как бы молчаливо признавалась и утверждалась по отношению к истории Бурят-Монголии XVII в. монополия Фишера, опубликовавшего сокращенное продолжение «Сибирской истории» Миллера; не возникало никаких попыток пойти дальше «Очерков» М. Н. Богданова и проч., хотя неизбежны были во многом методологические принципиальные расхождения с ними; очевидна была потребность в критическом освоении этого научного наследства и в выходе за поставленные ими пределы.

Наиболее значительным препятствием для развертывания широких конкретно-исторических исследований по истории бурят-монголов в эпоху русского завоевания и восстаний XVII в. было известное пренебрежение вопросами «далекого прошлого» и часто ложно поняты задачи актуализации тематики исторических работ, расчленяемых по формальным признакам хронологической близости к современности, склонность к схематической трактовке

¹ М. Н. Богданов, Очерки истории бурят-монгольского народа, Верхнеудинск, 1927; Б. Б. Барадийн, Бурят-монголы, краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности, Верхнеудинск, 1927; А. Н. Турунов, Прошлое бурят-монгольской народности, Верхнеудинск, 1922.

К числу общих обзоров может быть причислена и дореволюционная брошюра И. И. Серебряникова, Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии, Иркутск, 1915, поскольку автор в хронологическом порядке излагает события русского завоевания и «покорения» бурят, а также работа свящ. И. А. Подгорбунского, Буряты, исторический очерк, «Иркутские епархиальные ведомости», 1902.

явлений, «социологизаторство» и вызванная всем этим недооценка конкретно-исторических исследований. По этой причине, а совсем не потому, что все уже было сделано и нечего было внести нового в изучаемые проблемы, судьбы бурятских восстаний и события русского завоевания с фактической стороны излагались также по ставшим классическими работам Фишера и Миллера, отражавшим взгляды помещицкой, великодержавной по устремлениям, школы русских историков XVIII в., и по историческим работам представителей нарождавшейся мелкобуржуазной национальной интеллигенции XIX—XX вв., пропагандировавшей националистические идеи.

Между тем *«нас касается всякий важный вопрос не только настоящего и будущего, но и прошлого нашего собственного народа»*, — как говорил тов. Димитров на VII конгрессе Коминтерна, указывая на исключительную важность общей задачи: «...исторически правильно, в подлинно марксистском, ленинско-марксистском, ленинско-сталинском духе осветить перед трудящимися массами прошлое их собственного народа, чтобы увязать свою теперешнюю борьбу с его революционными традициями в прошлом...». ¹

Историки бурятского народа также бесспорно могут и должны показать массам борьбу его предков в XVII в. с царизмом, увязать ее с последующим революционным движением и борьбой за новую социалистическую жизнь в современности.

Задача такого, исторически правильного, освещения прошлого бурятского народа требует пересмотра не только тех или иных теорий, но и фактического материала, документальной базы прежних построений, привлечения новых источников, мобилизации всего необходимого материала. Здесь открывается обширное поле для напряженной творческой работы, которая должна отвечать также и несравненно более высоким, чем прежде, методическим требованиям, обусловленным марксистским, ленинско-сталинским направлением исследований. И может быть, потребность не только пересмотра выводов и методологии прежних исследований, но и полной проработки всего материала заново, нигде в других разделах истории бурятского народа не ощущается так остро, как в частной области изучения восстаний XVII в., в силу некоторой общей заброшенности этого участка исторических исследований.

До сих пор, как уже отмечалось выше, кроме документов и их копий, опубликованных в сравнительно незначительном количестве в «Актах исторических» и «Дополнениях» к ним, основным источником для работ всех позднейших исследователей, так или иначе касавшихся восстаний и связанных с восстаниями со-

¹ Г. Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, Доклад и заключительное слово, Партиздат, 1935, стр. 64, 65.

бывшей, начиная с Чудовского и т. п. и кончая Серебренниковым, Туруновым, Козьминым и Богдановым, служили «Сибирская история» Фишера и труды Миллера, являющиеся классической, для своего времени, фундаментальной сводкой огромного фактического материала, собранного в копиях с дел местных сибирских архивов, ныне в большинстве своем бесследно исчезнувших. Но при всех для того времени неоспоримых достоинствах трудов Фишера и Миллера их «Сибирская история» в настоящее время уже не может служить единственным источником и образцом для стереотипного изложения по ней истории народов, населявших и населяющих Сибирь, истории их борьбы с царизмом в особенности. Недостаточно и опубликованных документов.

Это тем более ясно, что в архивах центра, а отчасти и мест, например в фондах Восточно-Сибирского краевого архивного бюро, центрального архива Бурят-Монгольской АССР и т. д., хранится большое количество документального материала на русском, на бурят-монгольском, отчасти и на других — китайском, монгольском — языках, необходимого не только для проверки и дополнения построений Миллера и Фишера, но и для новых исторических исследований, которые на богатых архивных данных и в новом свете покажут подлинные исторические судьбы народностей и племенных групп Сибири, в частности бурят-монгольского народа.

По инициативе и поручению Государственного института культуры Бурят-Монгольской АССР в целях предварительной разработки намеченной частной, но очень сложной темы, требующей вообще длительной работы целого коллектива, автором проведен был обзор и выявление только важнейших материалов о бурятских восстаниях XVII—XVIII вв. в архивах Иркутска, Ленинграда и Москвы в надежде, что эти материалы будут полезны для разработки истории бурят-монголов. Такая попытка лишь приоткрыла, конечно, некоторые перспективы дальнейшей работы, тем не менее исключительный интерес, который приобретают вопросы изучения национально-освободительного движения, а также и его истоков, в связи с подъемом исторических исследований в Бурят-Монгольской АССР на новую, высшую ступень, заставляет автора, ограничиваясь определенными географическими и хронологическими рамками, выступить с анализом уже имеющегося конкретного материала, с хроникой событий и некоторыми обобщениями, вытекающими из наличных данных, а потому, конечно, и не окончательными, имеющими лишь предварительный характер, но оправданными в данный момент общим состоянием исследования затронутых проблем.

В ней использованы известные, но нигде полностью не опубликованные, частично изданные лишь в «Актах исторических» и «Дополнениях» к ним списки, т. е. копии с подлинных дел сибирских архивов, принадлежащие к собранию рукописных материалов академика Миллера (архив АН СССР, фонд 21), в частности «Спис-

ки Якутской архивы», «Списки Енисейской архивы», «Списки Мангазейской архивы», «Списки Иркутской архивы» и др., послужившие основой «Сибирской истории» Фишера и известных трудов Миллера.

Кроме того, привлечен ряд неопубликованных пока материалов из фондов Института истории АН СССР («Якутские столбцы»), Восточно-Сибирского краевого архива и некоторых других. Очень интересные и обширные материалы получены при изучении столбцов фонда «Сибирского приказа» в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи в Москве, бывшем «Древлехранилище» Централхива (ниже используются материалы ГАФКЭ только из фонда «Сибирского приказа»).¹

Все эти материалы имеют свою специфику: казачьи отписки XVII—XVIII вв., как и все вообще памятники приказного делопроизводства, разумеется, очень односторонни как документы, оставленные завоевателями и колонизаторами.

Ограниченность и специфическую узость архивного документального материала очень четко отметил в свое время и Н. Н. Козьмин, указывая в одной из статей о задачах исторического изучения прошлого бурят-монгольской народности, что нужен материал для освещения «в динамическом разрезе» вопросов национального самоопределения, культуры, хозяйства, языка и быта. По его словам, труды Миллера, Фишера, «Акты Исторические» и т. д. непригодны для такой цели: «А где взять нужный для этого материал? Не в тех, конечно, сборниках исторических известий, которыми являются старые сочинения Фишера, Слоцова, Андриевича; там мы найдем только известия о покорениях сражениях, воеводских делах. Но бурятские дела и бурятскую народность приходится разыскивать в них чуть ли не в лузу».²

Пессимизм Н. Н. Козьмина может служить только иллюстрацией отмеченного выше «тустика» XIX—XX вв., когда историки Сибири, особенно с периферии — сибиряки, обычно ограничивались разработкой сведений Фишера и Миллера, не имея под руками первоисточников.

¹ Ниже даются ссылки на использованные материалы архива Института истории АН СССР с обозначением «Архив ИАИ АН СССР» или «ИАИ АН СССР», с указанием фонда («якутские», «иркутские дела») и года.

Архивные материалы ГАФКЭ приводятся со ссылками на фонд («Сибирский приказ»), номера столбцов и книг, листы последних (сокращенно: «ГАФКЭ, столб. 17/18, л. 205»).

Ссылки на материалы из собраний миллеровских копий архива АН СССР содержат указания на фонд (№ 21), опись этого фонда (№ 4), номер дела (например, номер дела, содержащего копии документов «Енисейской архивы»), номера документов каждого дела, цитируемых в тексте, их листов или страниц. В целях сокращения места, занимаемого сносками, даются и более краткие указания («Списки Енисейской архивы» и т. д.), причем имеются в виду лишь дела фонда 21 архива Академии Наук СССР.

² Н. Н. К о з ь м и н, Исторические изучения и родословия, «Бурятско-ведческий сборник», в. III—IV, Иркутск, 1926.

Сами Миллер и Фишер располагали значительно более ярким и разнообразным сырым материалом, который мог бы заговорить по-новому «под лупой» современного исследователя. Но вполне естественно, что их монументальная «Сибирская история» не дает на своих страницах места для дел бурятской народности, а прославляет «успехи российского оружия» в «дикой» сибирской окраине Московского царства XVII в. и Российской империи XVIII в. Являясь результатом классового заказа, такая «История» использует тенденциозно подобранный конкретный материал. Подлинные же казачьи отписки, донесения, доезды, сметы, ясачные книги и тому подобные деловые документы могут дать под объективом историка-марксиста неожиданно богатый и красочный материал, касающийся таких бесспорно «бурятских дел», как организация и ход вооруженного отпора царским завоевателям и приказным людям, как классовое расслоение самих бурят, страдания масс под гнетом царизма и собственной знати и т. д. и т. п. Все эти факты неизбежно входят в историю самих бурят, а потому и требуют изучения в связи с общим ходом истории Бурятии.

В этом же и ценность архивного «сырья» для данной темы. Ценность эту можно было бы не отмечать, если бы не было к тому повода в виде дезориентирующих пессимистических высказываний хотя бы того же Н. Н. Козьмина. Кроме того, значение русских письменных источников тем более велико, что собственно бурятских письменных источников начала XVII в. мы не знаем.¹

Наряду с письменными русскими документами XVII в. есть, однако, и еще два вида ценнейших неписьменных источников, использовавшихся вообще совершенно недостаточно.

Н. Н. Козьмин в указанной статье, несправедливо оставляя в стороне известия о покорениях, сражениях и воеводских делах, правильно подчеркнул особое историческое значение фольклорной традиции, устного исторического материала, являющегося у бесписьменных прежде бурят, западных в особенности, единственным собственным бурят-монгольским памятником глубокого исторического прошлого. Само собой разумеется, что значение фольклорных данных крайне велико, но вместе с тем и ограничено условиями бытования бесписьменной устной традиции, где быть граничит со сказкой, правда незаметно переходит в вымысел. Перед историком здесь стоят, прежде всего, задачи исторической критики фольклорных сведений в свете других данных, анализа фольклорных сюжетов, как таковых, в их развитии, оценки устного истори-

¹ Институтом востоковедения АН СССР в серии «Материалы для истории бурят-монголов» недавно изданы и готовятся к изданию бурятские летописи, написанные в XIX в.

См. А. И. Востриков и Н. Н. Поппе, Летопись баргузинских бурят, «Труды института востоковедения», VIII, Л., 1935; Летописи хоринских бурят, вып. 1; Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова, текст издал Н. Н. Поппе, «Труды института востоковедения», IX, Л., 1935.

ческого материала как памятника народного творчества. Поэтому в настоящей работе привлечены и некоторые фольклорные материалы как источник о бурятских восстаниях XVII—XVIII вв. и той эпохе в жизни бурят-монгольской народности, настроениях и думах народных масс,¹ с учетом специфики и этого, драгоценного вообще, материала.

Наконец, вне поля зрения большинства исследователей, в том числе и самого Н. Н. Козьмина, много сделавшего для изучения истории бурят-монголов, оставался всегда третий источник: вещи, памятники материальной культуры, археологические данные. Не имея возможности подробно излагать конкретные данные, например, о поселениях, об обусинских, тункинских, ленских и других древних погребениях, автор данной работы сделал лишь пробную попытку обобщить накопившиеся факты с точки зрения стадильно-генетического анализа истоков и предпосылок тех форм быта и явлений общественной жизни, которые потом выявились на историческом материале XVII—XVIII вв.

Только такой комплексный подход, с привлечением всех видов источников, может, как казалось автору, обеспечить охват всех сторон изучаемого явления, хотя бы и в самых его общих чертах.

Работа территориально охватывает только Приангарье, т. е. районы расселения западных: усть-окинских, ангарских и унгинских бурят, по преимуществу булагатов, обладавших рядом сходных черт экономики и быта и находившихся в постоянной связи. Восстания на Лене, и тем более в Забайкалье и по Уде, по объему работ и материала требуют специального исследования.²

Первая часть работы освещает события освободительной борьбы бурят Приангарья в хронологических рамках XVII—XVIII вв. и в пределах наличного материала; вторая часть посвящена характеристике общественного строя Бурятии до русских и на первом этапе русской колонизации, так как различные факты общественного движения бурят-монголов и борьбы их с царизмом,

¹ Много собрано и много издано, но еще больше можно собрать, и пора, пока еще не исчезло все, что относится к «живой старине» бурят-монголов, приступить к более систематическому и широко развернутому, при участии массового краеведческого актива, собиранию фольклорных материалов, а затем к изданию и также к переводу на русский язык накопленных сокровищ, часто лежащих без движения в архивах ученых обществ и учреждений в центре и на местах. Сохранились, например, ценнейшие рукописи М. Н. Хангалова, В. А. Михайлова и др.; лежат в Иркутске и Улан-Удэ драгоценные материалы П. П. Багорова, в том числе бурятские исторические предания о происхождении отдельных родов, шаманские призывания и песнопения, легенды, относящиеся к отдельным историческим личностям и местностям. Эти рукописи покрываются пылью, о них не знают даже иногда специалисты, хотя новая марксистская история Бурятии остро нуждается, будучи еще в стадии возникновения, в таких материалах, где звучит голос самого народа о его нуждах и судьбе.

² Лишь такое исследование позволит рассмотреть историю бурятских восстаний в целом, в полной мере осветить совместные выступления ангарских и ленских, байкальских и кудинских бурят, оставленные поэтому нами в стороне, как подлежащие проработке в общей связи.

очевидно, не могут быть полностью поняты без установления их связи с ходом всего общественного развития.

Историкам, занимавшимся изучением вопросов истории бурят-монголов в XVII в. и до русского завоевания, хорошо известны все трудности, ожидающие здесь исследователя, и прежде всего — отсутствие необходимой полноты фактических сведений о внутреннем строе общества; автор, однако, считал себя в праве привлечь все имевшиеся данные, в том числе, как указано выше, археологические и этнографические, и выдвинуть на обсуждение некоторые общие положения, поскольку они вытекают из предшествующего анализа событий и разъясняют последние, причем предметом изучения также были факты, относящиеся только к западным бурятам, преимущественно же к ангарским и ленским, ввиду очевидных различий в темпах развития и хозяйственно-культурных особенностях у двух основных групп бурят-монголов, западной и восточной, в прошлом.¹

Сама по себе тема исследования и концентрированный вокруг нее фактический материал вели именно в отмеченном направлении и до некоторой степени облегчали поставленную трудную задачу, так как в бурных событиях, связанных с ходом освободительной борьбы бурят-монголов, в тактике ее участников и в бесчисленных, наконец, бытовых мелочах нередко с особой яркостью находили свое отражение внутренние пружины явлений, лежавшие глубоко в общественном строе и в общих условиях всего исторического процесса, но выходявшие на поверхность в связи с внешнеполитическими и внутренними социальными конфликтами.

Наиболее сложной и наименее разработанной является проблема генезиса и характера классовых отношений в бурятском обществе, без того или иного положительного решения или правильной постановки которой вообще не может быть выяснен характер восстаний как общественно-политических явлений в конкретном обществе на определенной стадии его развития.

Предлагаемые наблюдения и предположения о дофеодалном периоде у бурят-монголов и возникновении феодальных отношений в конкретно-исторической обстановке древнего бурят-монгольского общества, естественно, не выходят за пределы подлежащей обсуждению и проверке на фактах «рабочей гипотезы», дополняющей работу ввиду отсутствия таких построений, на которые можно было бы опереться в анализе материала основной нашей темы о восстаниях. Что касается выводов о характере самих восстаний, то необходимо заметить, что в процессе работы

¹ Вопрос об этнической терминологии решается здесь автором таким образом, что при изложении документальных данных сохраняется терминология документов. Термин «буряты» применяется в этнографическом его значении как общее определение для совокупности племен, входивших в прошлом в бурятскую народность. У нас нет уверенности, что все «тунгусы» XVII в. были эвенками и называли себя так, и поэтому вряд ли целесообразно при изложении казачьих сведений отказываться и здесь от их терминологии.

над источниками и существующей по истории бурят-монголов литературой выявилось и окрепло расхождение с построениями и взглядами ряда историков (Козьмин, Богданов) на освободительное движение бурят-монголов в XVII—XVIII вв. и историю общественного строя Бурятии, также как и некоторые более частные разногласия фактического порядка с указаниями в работах некоторых авторов.

Вопрос об историческом значении и социально-экономических корнях бурятских восстаний, направленных против царизма, против его захватнической, колонизаторской политики и национального гнета, является для нас, естественно, коренным.

Историческое значение и социальный характер бурятских восстаний великодержавными историками всех направлений и школ, со времен Фишера и до областника-сибироведа Серебренникова, представителями буржуазной и помещичьей русской историографии рассматривались в плоскости сопротивления «наглых» и «диких» бурят (Фишер) культурной миссии колонизаторов и завоевателей, высоким государственным целям и делам русского государства, якобы, преследовавшего в своей политике благородную задачу приобщения «дикарей» к благам цивилизации, хотя бы и московской XVII в. Такие хорошо известные, не раз разоблаченные в марксистской литературе взгляды, носители которых пользовались и вполне определенной соответствующей терминологией («возмущения бурят», «дикари» и т. п.), в критике не нуждаются. Было бы, однако, напрасно искать и у историков другого лагеря каких-либо иных общих определений освободительной борьбы XVII в., выходящих за пределы простого, как и у Фишера, противопоставления народа-завоевателя народу завоеванному.

Националистически настроенные авторы, представители мелкобуржуазной бурятской интеллигенции и близкие к ней сибирские областники-историки, под влиянием националистических тенденций рассматривали бурят-монголов как единое целое, а их отношения с русскими представляли как взаимоотношения народа-угнетателя с народом угнетенным. Они не видели социальных противоречий внутри бурятской народности, а также и внутри русского населения Сибири. Борьба бурят-монголов с царизмом неизбежно изолировалась в их представлении от борьбы с тем же царизмом русского трудящегося населения Сибири, восстания же бурят против царизма понимались как проявления борьбы угнетенных бурят против господствующей народности, против русских.

Известно, что документы отмечают то или иное участие князцов в движении и выдвигают их имена при описании событий. Не пытаясь пойти глубже констатации фактов, как они даны в документе, эти историки сосредоточивают внимание своих читателей на фактах внешнего порядка [сношения князцов с завоевателями, личная их шерть (присяга) за сородичей, обращение русского начальства к князцам и т. п.]. На основе внешнего описания фактов

у них не только возникает убеждение в монолитном единстве интересов народа, но и проводится традиционное освещение событий в таком виде, что князцы, якобы, всегда руководят движением в целом, выражают интересы народности и борются за них. Мы не думаем отрицать участия тех или иных князцов в освободительном движении, но отмеченные взгляды являются, по нашему мнению, в значительной части логическим следствием народнической, усвоенной национал-«демократами», идеализации элементов родового строя. При склонности некоторых других исследователей к подчеркиванию только феодальных черт быта внешняя канва документов иногда тем не менее снова дает опору для подобных взглядов на гегемонию князцов в движении, но уже наделенных властью и правами феодалов. Если в первом случае описываются отношения патриархального вождя, защитника и как бы «отца своего народа» к завоевателям, то во втором случае один феодал вступает в отношения с другим, малый феодал с большим, князь с царем или с его представителем — воеводой. В обоих случаях массы отсутствуют на исторической сцене, народ всегда «безмолвствует».

Подобное противопоставление двух народов, двух культур националистическими историками, общее для них с великодержавными по взглядам историками, неизбежно приводило к выводу о бесцельности освободительного движения угнетенных царизмом народов и даже о реакционности этого движения.

Если великодержавные историки, начиная с Фишера и его современников, объявляли борьбу народов Сибири против царизма бессмысленным бунтом дикарей против вводимой Московским государством высшей культуры и цивилизации, то сравнение бурятской национальной культуры и быта с культурой и бытом колонизаторов и завоевателей, культурой высоко развитого классового общества, логически приводило и националистов к капитуляции перед установками великодержавников.

Не кто иной, как М. Н. Богданов, по словам Н. Н. Козьмина, развивал в печати мысль, что «нации, успевшие в более ранние периоды истории государственно организовать себя, построить национальное хозяйство и создать литературные языки, не оставили фактически свободного места в мире для маленьких отсталых народов. В мировом масштабе развиваются нивелирующие культурно-экономические процессы, и под их прессом трудно думать о создании особых литературных языков и культур мелких народностей. Время упущено».¹

С точки зрения сторонников таких взглядов восстания бурят в XVII в., конечно, не были явлением прогрессивным и положительным в общеисторическом смысле, освободительная борьба казалась бесцельной и ненужной. Поэтому, быть может, не нашло своего

¹ М. Н. Богданов, Очерки истории бурят-монгольского народа, стр. 176.

места в работах бурятских историков и освободительное движение прошлого, в котором они не видели героического и славного прошлого своей народности, наследниками традиций которого они и не могли себя чувствовать. Документы, подлинные исторические факты, содержат все необходимое и для иной точки зрения, снимающей все фактические основания указанной выше теории.

Факты указывают прежде всего на сложность явлений общественной жизни и освободительного движения бурят-монголов в XVII—XVIII вв., протекающего в таких условиях, где давно возникли и развиваются уже глубокие социальные противоречия, не позволяющие видеть в бурят-монголах единое целое, как того хотелось сторонникам мнений о патриархальном «отеческом» отношении князей к улусному люду.

Эти социальные отношения и противоречия не могут быть, следовательно, сброшены со счетов при анализе движений бурят-монголов. Необходимо от поверхности явлений пойти вглубь, порывая окончательно с традициями, сложившимися в исторической науке и приобретшими нередко прочность предрассудков, ибо социальные противоречия на деле обнаруживаются не только в отдельных частных случаях, но сказываются и во всем ходе движения, определяя тактику его участников и судьбу движения в целом, разрушая заодно и концепцию о «единстве» бурят-монгольской народности и обычное представление о склонности масс к безмолвию.

В связи с этим сами факты предстают перед нами в их действительном, а поэтому и не столь «простом» виде.

Далее, неустойчивой оказывается по этим причинам стена, воздвигнутая между народом-завоевателем и народом завоеванным, с одной стороны, «феодалами» бурят-монгольскими и царем — с другой, ибо классовые отношения так или иначе вмешиваются в отношения межнациональные и внешнеполитические, а на фоне внешних политических и национальных взаимоотношений проявляются контуры иных связей. Внутри русской государственности и господствующей народности в Сибири XVII в. обнаруживается крестьянство, несущее царскую барщину — десятинное тягло — и выплачивающее оброк; внутри бурятской народности за спиной князцов — черная кость, кроме царского ясачного тягла эксплуатируемая и князцами.

Становится очевидным, что рядом с национальной враждой реально существовало известное родство классовых интересов улусной массы с насущными интересами угнетенного крепостническими повинностями на московского царя сибирского крестьянства, хотя проявления и сила этого единства, конечно, не были постоянными на всем протяжении своего существования. С другой стороны, существовало и потенциальное единство интересов эксплуататоров, возможность их союза.

Фишера меньше всего занимали вопросы внутреннего строя народов, завоеванных царизмом, как и судьбы русского крестья-

яинства, оседавшего в Сибири. И это не требует объяснения. Но почему же историки, специально занимавшиеся судьбами бурятской народности и чуждые великодержавным политическим взглядам, не шли здесь дальше Фишера, только излагавшего в связной форме документальные сведения завоевателей под тем же углом зрения?

Причина этого обстоятельства явно не исчерпывается историковедческой стороной дела, одним недостатком фактов и проч., а лежит глубже: в мировоззрении и обусловленном им методологическом подходе, во влияниях определенных общественно-политических взглядов на результаты и ход исследований. Поскольку речь идет не о великодержавных тенденциях и взглядах, необходимо вспомнить указания тов. Сталина относительно местного национализма:

«В чем состоит существо уклона к местному национализму?»

Существо уклона к местному национализму состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы, в стремлении затушевать классовые противоречия внутри своей нации, в стремлении защититься от великорусского шовинизма путем отхода от общего потока социалистического строительства, в стремлении не видеть того, что сближает и соединяет трудящиеся массы национальностей СССР, и видеть лишь то, что может их отдалить друг от друга.

Уклон к местному национализму отражает недовольство отживающих классов ранее угнетенных наций режимом диктатуры пролетариата, их стремление обособиться в свое национальное государство и установить там свое классовое господство.

Опасность этого уклона состоит в том, что он культивирует буржуазный национализм, ослабляет единство трудящихся народов СССР и играет на руку интервенционистам.¹

Теория и практика бурят-монгольских местных националистов хорошо известны, начиная с национал-«демократов» и кончая национал-уклонистами, выражавшими их взгляды. Известно и несомненно также то или иное влияние националистических тенденций на работы ряда историков, изучавших прошлое бурят-монгольской народности. Вполне понятно, что местные националисты в Бурятии, шовинистически стремившиеся отделить бурятскую массу от русской, изолировать и противопоставить их друг другу, не видели и не хотели видеть всего, чем и в далеком прошлом объединялись угнетенные массы обеих народностей. В шовинистической же пропаганде буржуазных националистов, наоборот, могли бы иметь немалое значение факты русского завоевания и примеры восстаний, объясняемые в виде борьбы одного народа с другим, в виде угнетения всей русской народностью всего бурятского народа.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 427, 428.

История бурят-монгольского народа, вопреки попыткам фальсификации ее хода в духе национал-«демократических» и тому подобных построений, наоборот, наглядно показывает, что даже в тяжелые времена XVII столетия та или иная внешняя грань между русским крестьянством и бурятским, те или иные межнациональные противоречия были менее значительными по сути, чем действительная пропасть классового антагонизма, отделявшая пойнонат от бурятской массы, эксплуататорские слои русской деревни и военно-бюрократический аппарат царизма от общественных низов господствующей народности. История показывает, что общая ненависть к царизму в лице представлявшей его на местах администрации — лихоимцам-приказным, вымогателям-дьякам и насильникам-воеводам, — столь ярко отраженная документами, в моменты, когда движение угнетенных достигало апогея, стихийно ломала бесчисленные преграды и отчасти преодолевала национальную ограниченность.

События конца XVII в. на Ангаре являются такими примерами, когда, несмотря на ужасы погрома бурятской земли казаками и т. д., освободительное движение масс националов-ясачных и движение сибирских крестьян, при всей их стихийности и противоречивости, по сути не раз фактически сливались вместе. Своеобразие исторических условий этого времени в отличие от позднейшей поры заключалось в том, что борьба за землю не имела еще остроты, какую она приобретает позже, но как раз отсутствие этого входящего обстоятельства, неразрывно связанного с колониаторской политикой царизма, и оттеняет внутреннюю социальную близость обоих движений.

Только при полном учете этой стороны дела, не замечавшейся прежними историками и заслуживающей самого тщательного внимания исследователей-марксистов, может быть понята история восстаний бурят-монголов во всей ее действительной сложности и как борьба целой народности против национально-колониального гнета. Тогда станут, очевидно, более ясными и все зигзаги событий, поведение тех или иных участников общего движения на различных его этапах в условиях конкретной исторической ситуации, а также характер возникающих между ними конфликтов и непрерывно изменяющихся форм борьбы.

И, наконец, при правильном подходе к фактам, в отличие от великодержавных и националистических историков, будет полностью вскрыто действительное прогрессивно-историческое значение как русского крестьянского, по сути своей антифеодального движения в Сибири, так и стихийно-революционной освободительной борьбы угнетенных народностей против царизма, против его хищнической колониальной политики, следствием которой были истощение производительных сил страны, хозяйственный упадок, физическое истребление и вымирание значительной части ее коренного населения.

Действительные исторические факты, события бурятских вос-

станий, городских бунтов и крестьянских волнений XVII в. в Восточной Сибири приобретают, таким образом, особый интерес и глубокий смысл, рассматриваемые в общей широкой исторической связи, и как пролог дальнейшей борьбы народных масс против эксплуататоров и в качестве истоков национально-освободительного движения, коренные задачи которого были полностью разрешены много позже, лишь в то время, когда «свергнув власть помещиков и капиталистов, основных носителей национального гнета, и поставив у власти пролетариат, Октябрьская революция одним ударом разорвала цепи национального угнетения, перевернула старые отношения между народами, подорвала старую национальную вражду, расчистила почву для сотрудничества народов и завоевала русскому пролетариату доверие его инонациональных братьев не только в России, но и в Европе и Азии»,¹ как сказано об этом в тезисах товарища Сталина к XII съезду ВКП(б).

¹ И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1935, стр. 105.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОССТАНИЯ АНГАРСКИХ БУРЯТ

1. ЗАВОЕВАНИЕ БУРЯТИИ (1609—1630 гг.)

К первому десятилетию XVII в. русскими завоевателями был завершен захват Западной Сибири.

С основанием Томского города в 1604 г. и затем в 1618—1619 гг. Кузнецкого и Енисейского острогов военно-колониальная экспансия царизма приобрела в Сибири новую и очень важную опорную базу на путях в Алтайский край и в долину реки Енисея. Перед завоевателями стали выявляться возможности новых территориальных захватов, наметились перспективы дальнейшего еще более стремительного, чем прежде, проникновения вглубь страны — в ангаро-енисейскую тайгу, абаканские и прибайкальские степи.

Царских воевод, атаманов, служилых людей и купцов, охочих промышленных и гулящих людей с одинаковой силой притягивали к новым землицам сведения о множестве соборей, скота и людей — желанного «ясыря» — в тех областях Сибири, куда еще не ступала нога русского завоевателя. Захват Восточной Сибири был неизбежен, как продолжение колониальной политики царизма, а в смысле добычи валютного сырья — драгоценной пушнины — обещал не меньше выгод для казны московского царя, чем «златоквиная государева вотчина» — Мангазея, сильно истощенная к этому времени. «И будет та Лена река — вторая Мангазея», патетически восклицал мангазейский воевода А. Ф. Палицын в своей записке о плане завоевания Приленского края.¹ Захват Приленского края, долин Ангары и Енисея, обещал не только горы «мягкой рухляди»: эти области были известны обилием скота, ходили слухи о наличии там золотой и серебряной руды, узорочных камней и дорогих товаров. В сообщениях того же Палицына, а также иностранцев, проникавших в Сибирь, упоминается и некая «великая река», где имеются каменные города, слышен колокольный звон и пушечная стрельба, плавают большие суда.² Каково бы ни было реальное ядро этих сообщений, полусказочный, легендарный их облик хорошо отражает настроения эпохи, чаяния и надежды, возлагавшиеся на захват земель за Томском не только массой

¹ С. В. Бахрушин, А. Ф. Палицын (русский интеллигент XVII в.), сборник «Века», П. 1924, стр. 31.

² «Русская историческая библиотека», т. II, 1875, стр. 373—376.

завоевателей, но и московской властью. Такие настроения, находили официальное оформление в планах новых колониальных захватов, а затем в военно-феодальной захватнической практике царизма.

Завоевание Восточной Сибири во многом подтвердило ожидания завоевателей, полностью оправдало надежды охочих людей на «ясырь» и таежного соболя, а казны — на ясак и десятинную руду. Но вместе с тем действительность принесла и немало разочарований. Сведения о чудесном «Белом городе» и «великой реке» косвенно оправдались при ближайшем знакомстве русских с верховьями Енисея, затем с Амуром (земледельческая культура, городки и т. д.), однако, позднее столкновение с китайским влиянием указало Москве на пределы ее собственных захватнических возможностей, на опасность соседства с феодальным Китаем, проводившим сходную с московской политику военно-феодального характера по отношению к своему, во многом еще варварскому, окружению.¹

Первые же попытки достичь некоторой ясности по вопросу о возможностях продвижения вглубь Восточной Сибири также принесли московской администрации в Сибири значительные неприятности. Неприятности эти выражались в сведениях о существовании среди прочих степных племен и народностей воинственных киргизов, а также бурят-монголов или «братьев», как их называют тогдашние документы. Самые ранние документы, где встречаются упоминания имени бурят-монголов («братьев»), отражают даже очень, быть может, преувеличенные представления томских воевод о силе этой народности и опасности, угрожавшей Томску с ее стороны. «Браты» выступают здесь как многочисленная народность, как воинственная и хорошо вооруженная враждебная сила; они выступают в роли серьезного конкурента и соперника русских завоевателей в деле «шкорения» обитателей Восточной Сибири, ставят те же самые цели, что и служилые люди: сбор ясака со своих киштымов-данников. Как и киргизы, братья по этим признакам резко выделялись из большинства остальных племен и родовых групп Сибири, особенно отличаясь, конечно, от раздробленных таежников и племен Приенисейского края.

Уже в 1609 г., спустя всего пять лет после основания Томска, местное начальство получило первые и очень характерные сообщения о бурятах. В этом году воевода отправил служилых людей для приведения в подданство московскому царю «есаров» (точнее — «десаров», «джесаров»). Служилые люди смогли формально привести джесаров под власть царя, но ясака с них томская экспеди-

¹ М. П. Алексеев, Сибири в известиях западно-европейских путешественников и писателей, т. I, Иркутск, 1932.

Обстоятельный разбор работы М. П. Алексеева и анализ исторических сведений о «Белом городе», «великой реке» и т. п. см. в статье В. Н. Кашина, Крестьянская железодельная промышленность Кузнецкого края XVII—XVIII вв., «Проблемы истории докапиталистических обществ» № 7—8, 1934.

ция 1609 г. не привезла. Джесары сказали в ответ на требование дать ясак, что «не чаяли приходу государевых людей, а до государевых людей ясак с них взяли брацкие люди». ¹ Джесары — в переводе значит «дальние люди», обитатели окраин. Для степных турецких племен Минусинского края в XVII в. дальними людьми были жители восточной окраины минусинской котловины, промышленявшие по водоразделам Кизира, Казыра, Амыла, Кана, Бирюсы и Уды. ²

Очевидно, где-то в этих районах томские служилые люди услышали о бурятах и смогли уже констатировать как бы встречную экспансию с востока.

Следующие годы подтвердили эти сведения о бурятах и об их склонности к объясачиванию лесных людей восточной окраины Минусинской области — поставщиков пушнины. В числе племен, испытавших на себе силу бурятского воздействия, оказались теперь обитатели долины Енисея около нынешнего Красноярска — арины, земля которых называлась сначала тюлкиной (по имени князя Тюлки).

Сведения о взаимоотношениях аринов и бурят происходили на этот раз от «князя Намака», который, по сообщению Фишера, будто бы в 1612 г. «прибыл в Кетский острог с приятным известием, что не токмо тунгусы, но и арины в области Тюлкинской приняли намерение покориться царской державе и платить ясак свой впрядь исправно». ³ На самом деле источники, использованные Фишером, дают несколько иную картину, и притом значительно более сложную, заслуживающую внимания по ценным деталям, раскрывающим обстановку, в какой происходило завоевание долины Енисея русскими.

Кетские казаки еще в 1608 г. намеревались объясачить аринов, опираясь на поддержку сымских и касовских остяцких «князцов». Продвижение вверх по Енисею в тюлкину землицу было для казаков значительно безопаснее, чем походы по Тунгуске-Ангаре. По Ангаре жили воинственные таежные охотники — эвенки (тунгусы), оказавшие казакам жестокий отпор, устраивавшие постоянные набеги на покоренных русскими завоевателями остяков. В тюлкиной же землице жили оседлые люди, находившиеся в дружественных связях с остяками. Тюлкиных людей казаки иногда не отличали от сымско-касовских остяков, называя их тоже «остяками». Во время осеннего набега тунгусов в 1610 г. остяки, например, разбежались в тюлкину землю, бросив своих жен и детей. ⁴

¹ М и л л е р, Описание Сибирского царства, стр. 443 (примечание). Использованный Миллером текст документа находится в архиве АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, Списки Томской архивы.

² М. Н. Богданов, Очерки истории бурят-монгольского народа, с дополнительными статьями Б. Б. Барадийна и Н. Н. Козьмина, Верхнеудинск, 1926, стр. 9, 28.

³ Ф и ш е р, Сибирская история, стр. 274, 275.

⁴ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, Списки дел Кетской архивы, д. 16, № 13, л. 13 (47).

Естественно, что при наличии столь тесных связей остяков с аринами остяцкие князцы и «лутчие люди» охотнее служили проводниками и посредниками кетских служилых людей при походах по Енисею, чем по Тунгуске, где им угрожали тунгусские стрелы.

В 1613 г. в такой поход по Енисею пошли кетские служилые люди: Васька Именинников, Янко Шпаковский, толмач Карпин Амонатко. Их путь лежал вверх по Кети, в Кадымскую волость, а затем «в тунгусы и в Тюлкину землю». Кадымский князец Намак согласился идти от имени казаков к тунгусам. Другие лучшие люди из его волости пошли в тюлкину землю. Из тунгусской земли Намак пришел в Кетский острог и заявил, что «тунгусы их обманули, велели ему к себе быть и государев ясак хотели платить, а как де они пришли в тунгусскую землю и тунгусы государева ясаку не дали, а их переграбили и самих хотели побить, отпустили де душою и телом». Брат Намака Атабай и лучший человек Енбель возвратились из тюлкиной земли с небольшим ясаком: принесли 60 соболей в ясак, 13 в «поминки». Они передали казакам слова аринского князца Затыгаша о том, что аринам «государева ясаку болши тово дать невозможно». По словам Затыгаша их «повоевали брацкие люди и что де было у них ясаку в зборе и тот де ясак у них отгромили брацкие люди». ¹

Территория к востоку от минусинской степной полосы и вверх по Енисею от устья Тунгуски была еще вне границ областей, освоенных русскими. Так же, как томские служилые, кетские казаки проникают в нее крайне редко или посылают туда своих посредников-туземцев, не решаясь сами на такой рискованный поход. Судя по сведениям остяков в 1613 г., на этой территории едва ли не чаще русских появлялись бурятские отряды, тоже собиравшие ясак. Жертвой бурятского погрома, естественно, становились не воинственные тунгусы, а более слабые арины, не сумевшие противостать и русским, и оказавшиеся поэтому между двух огней. Из степей аринам угрожали еще и киргизы, бравшие в первом десятилетии XVII века дань с Тюлки и тюлкиного сына. ²

Так к 1610—1620 гг. на Енисее завязался сложный узел взаимоотношений между Московским государством, киргизами, бурятами, с одной стороны, и слабыми племенами — «киштымами», с другой.

Русские не были склонны уменьшать опасность, грозившую со стороны степи — от киргизов. Они с опаской смотрели и за Кан, в сторону бурятской земли. В 1617 г. томские служилые в своей мирской челобитной жаловались на горькую участь и тяжелую службу «в дальней Сибирской украине». По словам том-

¹ Там же, документ № 29.

² В 1609 г. тюлкинцы не дали ясака кетским казакам, потому что Тюлкин сын Татуш «и з своими остяками» держался «податно к киргизским людям», давал последним ясак.

ских казаков их город был окружен кольцом враждебных народов — «орды великие многие к Томскому городу прилегли». Кочевые «воинские люди» беспрерывно побивали на пашнях и по заимкам служилых и жителей города, подъезжая даже к Томску. Томский гарнизон указывал, что без «прибавошных людей» ему не удержать от кочевых орд государева города. В числе орд — черных и белых колмаков, киргизов, тубинцев, саянцев, басагаров и кучегутов — упоминаются снова «маты и братья». ¹

Указание на бурятскую опасность упорно повторяется томскими отписками и в более позднее время. Из степи приходили в Томск тревожные слухи: будто в 1621 г. хотел Харахула с черными колмаками идти войной на Томск и на «кузнецы», а с ними собиралась братья и маты войною. ²

В следующем 1622 г. в Томске снова появились слухи, будто киргизы и тубинцы и «с бравыми людьми» хотят идти войною под Томский и Мелесский остроги «на ржаной сноп», т. е. под жатвенную страду. ³

Самые тревожные сообщения со слов туземцев-осведомителей и разведчиков пришли к началу 1623 г. В Басагарах по какому-то делу был ясачный ясаул Кусточик и затем рассказал служилым, что аринский князец Татауш послал своего человека в Басагары, в Кересукскую и Верхне-Мелесские волости, а с ним прислал и «знамя брацкое, потому что подлинно де идут воевать брацкие люди аринцов, и качинцов, и басагар, и керексуков, и мелесских людей». В этот поход на Енисей и дальше, к июско-чулымским татарам, собралось, по данным Татауша, 3000 бурят «окроме киштымов», т. е. огромная армия по тогдашним масштабам. ⁴ Было, значит, чего опасаться томским служилым людям, если бы такой поход состоялся. В связи с рассказами «ясаула» Кусточика и подобными слухами, ходившими в степи, были командированы 11 декабря 1623 г. из Енисейска в братскую землю служилые люди Ждан Козлов, Вас. Лодыгин и Ан. Иванов с наказом собрать самые точные сведения об ее состоянии: об экономике, вооруженных силах, «какие у них крепости и бои», много ли бурят

¹ Текст челобитной содержится в Списках Томской архивы, архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, № 46; челобитье датировано 125-м годом.

Ср. Г. Ф. Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 120. В работе М. Н. Богданова, Очерки истории бурят-монгольского народа, изданной в 1926 г., приводится неверная дата: 1614 год.

² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, № 74, л. 129.

³ Там же, № 83. Ср. Г. Ф. Миллер, Сибирская история, «Ежемесячные сочинения» I, 1764, стр. 225, 226; Фишер, Сибирская история, 1774, стр. 281; Щеглов, Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, 1883, стр. 80, 81.

«Бравые люди» миллеровской копии (архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, № 83) — несомненно буряты; переписчик XVIII в. не сумел понять подлинника XVII в.

⁴ Там же, № 86, Челобитная О. Харламова 131 г. из Мелесского острога.

пришло на Кан реку, и «на которых земель людей пришли войной», «для чего пришли, куда и откуда идут».¹

Опасность нападения бурят на аринов и качинцев, казалось, не была полностью устранена и после основания Андреем Дубенским Красноярского острога в 1628 г. Вскоре за закладкой Красноярска оттуда по привычке писали воеводе Акинфову, что на полуоседлых жителей качинской земли нападают степняки, приезжают «белые колмаки», киргизы («и братские люди с тех качинцев на себя ясак емлют-же, приезжаючи к ним в землицу сильно»).²

До прямых столкновений с бурятами однако у русских отрядов дело не доходило, и с 1623—1624 гг. исчезают совсем и всякие сообщения о сборах на войну по Енисею со стороны бурят. В то же время, на основе успехов русских колонизаторов в Томском крае после основания Енисейска (1618 г.) и ряда военно-стратегических пунктов около Томска, меняется отношение к бурятской проблеме: местную русскую администрацию вооружение бурят интересует уже не так сильно, как их экономика, поднимается интерес к богатствам бурятской земли, захват которых обещал больше выгод, чем грабеж немногочисленных «остяков» и аринов, ассанов («васанские люди») и маторов — прежних бурятских данников.

Недавние соперники в борьбе из-за киштымов теперь сами становятся объектом «ясачной политики» Москвы, предметом особых вожделений со стороны завоевателей, как будущие ясачные холопы для царя и «ясырь» для казаков. Постепенно надаживается сбор более точных и обстоятельных данных о бурятской земле. От коллекционирования отдельных туманных сведений, которые передавались лучшими людьми племен, обитавших у киргизского и «братского рубежа», енисейцы переходят к более активной политике вплоть до снаряжения разведывательных экспедиций из своего острога, — форпоста русского завоевания в Восточной Сибири.

Енисейские воеводы, с ведома своего томского начальства и Сибирского приказа, ведут эту политику очень настойчиво, но осторожно. Они как бы прощупывают силы противника, рисовавшегося не так давно в воображении русских, как грозная и опасная враждебная сила, угрожавшая самому Томску.

«Разведывательные предприятия» позволили надеяться на возможность таких территориальных захватов, о которых прежде не было и понятия. Енисейские воеводы обосновывали ссылками на эти перспективы свои неустанные просьбы об усилении местного военного аппарата; они писали тогда царю: «Твоим государским счастьем и высокою руюю земля ширитца — прилегли к Ени-

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22 (Списки Енисейской архивы, ч. 1), л. 18, 19; ср. «Собрание государственных грамот и договоров», ч. III, стр. 269.

² Там же, д. 17, № 96; Отписка Дубенского в «Собрании государственных грамот и договоров», ч. III, № 78, стр. 299.

сейскому острогу земли многие и большие, братья и мунгалы и иные розные языки». ¹ В порядке этого перечисления «розных языков» в 1626—1629 гг. очередь подходила уже к братьям, а вдали виднелись «мунгалы». Никаких сомнений относительно бурят в Енисейске и Томске теперь уже не возникало: буряты должны были быть завоеваны в самое ближайшее время.

Планы енисейцев действительно осуществились спустя лишь несколько лет после прихода бурят на Кан в 1623—1624 гг. Но эти годы продвижения к земле бурят стоили завоевателям довольно дорого, в силу специфических условий Приангарья и характера самой дороги в бурятскую землю, в особенности. Глухая тайга, таежное бездорожье, знаменитые ангарские пороги и «тесные места» с крутыми скалами, перегораживающими путь, встретили казаков на Тунгуске. Завоевателям часто угрожал и голод в малонаселенной тайге, ели казаки кору, «терпели великую нужду и бедность», тащили на себе кочи и струги против течения, волокли их по-суху мимо порогов. ²

«Таких, Государь, нужных и жестоких служб, что в Енисейском остроге, и во всей Сибири нет», писали тогда царю из Енисейска. ³ Но главным обстоятельством, особенно затруднявшим покорение Приангарья в двадцатых годах XVII в., было непрерывное отчаянное сопротивление «воистого» тунгусского населения тайги, упорного в борьбе за свою свободу от ясачного рабства, в борьбе за родовые территории. Казачьи челобитные, воеводские отписки и грамоты полны перечислениями фактов этой борьбы, сопровождавшей каждый шаг пришельцев вглубь ангарской негостеприимной долины. «А в тех государь, службах многих нас, холопей твоих, тунгусские и иных земель люди побивали» и «от иноземцев, новых земель проведываючи, великое позорство терпим», жалуются казаки. ⁴

Воеводы тоже пишут в Москву, что в Енисейске «малыми людьми нельзя быть, потому что малых людей тунгусы и гуляши, переходя из Подкаменные Тунгуски в Верхнюю, побивают и промышленных людей побивают же». Даже за крепкими стенами Енисейского острога воеводам было от тунгусских, наляжских и братских людей «страшно», на Тунгуске же кипела непрерывная борьба, постоянные стычки с немирными, неясными людьми и волне-

¹ См. Государственный архив феодально-крепостнической эпохи в Москве (ГАФКЭ), фонд Сибирского приказа, столб. 12, л. 439, Отписка воеводы Ошанина, 134 г.

² Изложение этих условий см. у Бахрушина, Очерк колонизации Сибири, и у Фишера. С поразительной силой описал путь по Ангаре в отряде Пашкова протопоп Аввакум в своем «Житии».

³ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 12, л. 438—469 (137 г.).

⁴ Там же, челобитная П. Бекетова, Терехи Савина, В. Черменнинова и всех 100 енисейских служилых людей: «Служим мы холпы твои в Енисейском остроге всякие твои государевы службы зимою в нартах и летом идучи на кочах и в стругах беспрестанно», писали енисейцы в мирском челобитье 137 г.

ния объясаченных туземцев, так как «в тую Тунгуску реку для промыслов приходят многих земель люди и ясак братские люди, приезжая, с тунгусских людей и с налягов емлют». ¹

В конце концов, хотя многие «лутчие» люди енисейского гарнизона «были побиты», казаки преодолели сопротивление эвенков на Ангаре, пользуясь превосходством огненного боя над лучным, преимуществом военной организации русских отрядов над отрядами отдельных тунгусских родов, сила сопротивления которых ограничивалась и подрывалась локальной раздробленностью и взаимной враждой изолированных родовых групп.

Судя по челобитной Петра Бекетова и других енисейцев к 1629 г. были уже объясачены основные тунгусские «волости», т. е. родовые группы эвенков Приангарья. Первая волость находилась на Рыбной Ловле, где сидели лапальские тунгусы с князем Иркинеем и Аболкеем, вторая на Муре, где жили тунгусские люди Топорки, третья на Чадобце — люди князцов Мамыги и Мулты. Дальше были объясачены по реке Кове и на Аплинском пороге чипогирцы с князем Болтурином, по Кате — князец Когоня, по Тунгуске — Чеулка, на Илиме — наляжские люди — князцы Кинегя и Абалей. Выше по Тунгуске — князцы Мунгулей и Едок, вверх по Тасееве — «васанские люди». ² К этому времени разворачивается параллельное наступление русских отрядов из Красного Яра, основанного в 1628 г. Андреем Дубенским. Судьбы населения тайги и долины Енисея, подвергавшегося раньше бурятским набегам, были таким образом окончательно решены в сторону подчинения его новым завоевателям. Область бывлой бурятской экспансии оказалась, освоенной русскими, и в 1628—1629 гг. они впервые непосредственно столкнулись с бурят-монголами на Ангаре. К 1629 г. оказались объясаченными верхние тунгусские люди на Ангаре, жившие выше шаманского порога «з брацкими людьми врьд», т. е. старинные бурятские киштымы. За киштымами настала очередь самих бурят. В том же году в Енисейске получили ясак «с брацких людей — князца Кодогоня с товарищи» и других.

Этому предшествовали три военные экспедиции, ставившие целью проникновение в Братскую землю. Первая экспедиция 1625 г. связана с именем атамана Василия Алексеева, по прозвищу Тюменца.

К тому времени в Енисейске знали уже достаточно хорошо пути к бурятам, и собранные данные могли сослужить большую службу в походе к ним. По отписке воеводы А. Ошанина (28 августа 1626 г.) от тюлкиной или аринской земли до бурятских кочевьев конного ходу было не больше двенадцати дней, а до аринов требовалось идти четыре дня. Другой путь, уже не к удинским, а приангарским бурятам, шел по тунгусским местам. До первых тунгусских стойбищ надо было идти из Енисейска 8 дней, «выше

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 12, л. 468.

² Там же, л. 438—469.

тунгусов вверх по Тунгуске реке живут аплинцы, за аплинцами — шаманцы. До шаманцев, т. е. шемагиров, водным путем было шесть недель ходу. За шаманцами дальше жили сычюги, наляги, чалкаги. К моменту составления этого перечня «государевы служилые люди в сычюгах, да в шелегах и в налягах и в чепагах не бывали, для того, что в Енисейском служилых людей мало». ¹

Уже Ошанин рисовал перед Москвой неисчислимые выгоды от развертывания форсированного наступления русских отрядов по Тунгуске; он указывал на возможность сбора богатого ясака «не токмо, что с малых землиц, но и з братьов». Если бы служилые люди привели под царскую руку и братскую землю, то тогда бы «твое государское Великое в далной Украине во многих ордах и землицах имя славилось», прельщал воевода царя славой и соболями из братской земли. ²

На счет славы заявление Ошанина не было пустым звуком: дело в том, что после целого ряда неудачных попыток покорения некоторых тунгусских родов, князца Тасея в особенности, по Восточной Сибири пошли недестные для московской власти слухи и посыпались обидные насмешки. Татары и остяки говорили казакам в глаза: «что людей у царя много, а с одним мужиком управитца не умеют». Воевода с опаской констатировал, что один «вор многие землицы смущает», и если «не повоюет Тасейка, и в землех де будет великая шатость». ³ От состояния славы царского имени непосредственно зависел сбор соболей в ясак, а это было самым чувствительным местом Москвы.

Под свежим впечатлением неудач карательных экспедиций против Тасея и остальные таежные люди стали заявлять: «нам де государю ясак не платить, а буде де к нам будут служилые люди по ясак и нам же их побивать». ⁴ Нужно было спешно поправлять несколько пошатнувшийся авторитет и поднимать ясачный сбор. В срочном порядке налаживается поэтому ликвидация восстания Тасея, ⁵ организуются затем и походы в бурятскую землю.

30 мая 1625 г. Яков Хрипунов послал енисейского атамана Поздея Фирсова с атаманом Вас. Алексеевым (Тюменцем) во главе отряда из 40 человек служилых на кочах вверх по Ангаре к тунгусам для ясачного сбора. Фирсов и Тюменец должны были по воеводскому наказу сначала идти к тунгусским, аплинским и шаманским князцам, взять ясак с Мулты, Ючаны, Трежи, Иркия и Карнея, а затем отправиться для объясачивания других неясачных людей, для проводывания новых землиц. Закончив

¹ Там же, л. 121: тот же документ имеется в миллеровской копии, см. архив АН СССР, ф. 22, оп. 4, д. 22, № 18.

² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 18.

³ Там же, № 4, 10, 18.

⁴ Там же, № 10 (от 30/X 133 г.).

⁵ Замыслы у Тасея были широкие. Он хотел со своими людьми перенять волок от Маковского к Енисейску, овладеть Кетью и «выморить» Енисейский острог (архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 16).

«сбор ясака среди ангарских тунгусов, отряд Фирсова и Тюменца должен был, взяв с собой на помощь «тунгусских и аплинских и шаманских князей», идти в поход на «бращую землю». Придя к бурятам и в иные новые земли, служилым следовало проводить «всякими мерами»: «Какие в них люди — сидячие или кочевые. Что в тех землях князей имяны? Какие у них крепости и бои и сколько в которой земле воинских людей на конь садитца, или (они) не воинские люди? Какими промыслами промышляют и какими товары торгуют? Соболи у них добрые или иной какой зверь, или иные какие товары есть ли? Чають ли от них великому государю прибыли?»

Служилые должны были притом стараться привести новых людей в ясачное холопство, но «ласкою и приветом, а не жесточью, сказывать им государеву милость и жалованное слово», давать царское жалованье «лутчим людям» и кормить их вдоволь царскими запасами.¹ В этой инструкции-анкете отражены основные интересы и тактика московской власти по отношению к новым землям — объекту ее захватнических желаний. Как и в наказе Ждану Козлову, В. Лодыгину и А. Иванову, наказ 1625 г. ставит целью выяснение боевой мощности, силы сопротивления, а затем богатств этих земель, количества соболов в первую очередь. И в этих наказах раскрывается обычная тактика Москвы: русские власти держат курс на туземную социальную верхушку, на «лутчих людей», их дарят, поят и кормят, говорят им жалованные слова. Разумеется, о второй стороне московской тактики здесь нет ни слова: о «жесточии» и «смирении» противников «государевой грозой» говорить было еще несвоевременно при разведочной экспедиции.

П. Фирсов с В. Тюменцем ходили по Ангаре вверх на кочах шесть недель, собрали ясак с тунгусов, но до бурятской земли, видимо, не дошли, так как по маршрутным енисейским сводкам за шесть недель на кочах можно было дойти только до шаманских людей.² Повидимому, именно от П. Фирсова и В. Тюменца все же были получены более точные данные о состоянии бурятской земли в то время и о путях в нее. Бурятская земля по этим данным «сошлась рubeжем с китайским государством», людей в ней больше 20 000 «на конь садитца», у бурят «с китайскими людьми бой живет мало не по вся годы», буряты по хозяйственной базе их быта «люди пашенные».³

Дальнейшие походы В. Тюменца на Ангару не состоялись. После прихода из земли питских тунгусов, где казаками его отряда были побиты и взяты в холопство все тамошние тунгусы, В. Тюменец с товарищами в Енисейском остроге устроили бунт: «круг завели и запись меж собою одиначную писали», крест цело-

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, л. 22. № 14, 30/V 133 г.; там же, № 6, л. 7—8; ср. Сибирский приказ, столб. 12, л. 335—351, о бое Позд. Фирсова с тунгусами у Летней Рассохи на пути по Ангаре.

² Там же, № 6, л. 7, 8.

³ Там же, № 18.

вали, приходили «с шумом» к приказной избе, «лаяли» воеводу, выдрали ему бороду и приступали с оружием к воеводскому двору. Взбунтовавшиеся казаки стреляли из луков и пищалей, убили на приступе литвина Ф. Ласковского и «до смерти» били торговых и промышленных людей, стоявших на стороне воеводы А. Опанина. Особенно сильно были избиты служилые люди воеводской партии, в том числе сын боярский Г. Обольянинов и подъячий Максимка Перфильев. После подавления бунта В. Тюменца и 10 стрельцов — пущих заводчиков — отправили в Тобольск, пять или шесть казаков были биты кнутом, а на место атамана поставлен был из подъячих Максим Перфильев, впоследствии сыгравший значительную роль в покорении бурятской земли.¹ Максиму Перфильеву поручили руководство вторым походом в бурятскую землю с той же программой, какая намечалась инструкцией 1625 г. Летом 134 (1626) г. Перфильев пошел на Верхнюю Тунгуску к тунгусам, аплицам и шаманским людям, во главе отряда из 15 служилых с поручением собирать ясак и «про новые земли и братскую землю проведать». По дороге Перфильев встретил тунгусского князю Лукашку и его брата Иркия с родом, которые перед этим восстали и перебили служилых людей, ходивших за ясачным сбором. Иркия и Лукашка были приведены в покорность и дали ясак. В дальнейшем продвижении вверх по Ангаре М. Перфильев был остановлен Шаманским порогом; этот порог «пришел добре велик и место пришло тесно, и поднятца по порогу было не мочно, что люди с ним были невеликие и вода в пороге была мелка».² До бурятской земли Перфильев не дошел только трех дней ходу, но со слов бурятских киштымов, шаманских людей, смог подробнее описать быт бурят, чем его предшественники. В Енисейске после возвращения с Тунгуски Перфильев описывал братскую землю как богатую и многолюдную страну. По сказке Перфильева, буряты были «люди сидячие», имели «коней, коров, и велбудов бесчисленно», сеяли они ячмень и гречиху. В бурятской земле водилось много дорогих товаров: соболей, лисиц и бобров, бухарских тканей — дорогов, зенденей, киндяков, шелков и «белья»,³ а «серебра-де добре много». Буряты не ограничивались торговлей с соседями, но и брали «ясак со многих с малых земель».

Самое важное известие из бурятской земли было довольно неожиданным. Тунгусы уверяли Перфильева, будто «ядут брацкие люди к себе тех государевых служилых людей, а хотят тебе, ве-

¹ Там же, № 20.

² ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 12, л. 89.

³ Ю. Крижанич указывал на возможность приобретения от бухарцев бархатов, атласов, камок и крашения бумажных, «кое зовут ариями, зенденями, китайками, бейрами». Вполне возможно, что загадочное слово «белья» на самом деле означает разновидность бумажных тканей средне-азиатского происхождения, которые и назывались во времена Крижанича в Сибири «бейрами». См. в книге «Русское государство в половине XVII в.», стр. 13 (изд. П. Бессонова). Цитируется по работе Б. Г. Курца, Русско-китайские сношения в XVI, XVII, XVIII столетиях, 1929, стр. 10.

ликому государю, брацкие люди поклонится и ясак платить и с служилыми людьми торговаться». ¹

Отношения с бурятами налаживались, как будто, самым лучшим образом. Былые соперники сами изъявляли готовность платить дань московскому царю и подчиниться власти его воевод.

Енисейское начальство торопилось с осуществлением новой экспедиции в братскую землю уже из 60 служилых на трех кочах, «чтобы брацкая земля подлинно проведать» и объяснить ее обитателей. Воевода полагал немалые надежды на предстоящий поход 1627—1628 гг. «А как, государь, братская земля под твоею царскою высокою рукою учинитца и твоей государеве казне прибыли учинитца немалая, потому, что, государь, смотря на братскую землю, приклонятца к тебе, великому государю, многие мелкие землицы и твоей государевой ясачной и соболиной казне будет прибыль великая», писал тогда в Москву Андрей Ошанин. ²

В 136 (1627—1628) г. на Ангару в бурятскую землю снова пошел Максим Перфильев. С ним вместо 60 служилых шло сорок казаков, но и это количество русских людей — военных профессионалов, снабженных огнестрельным оружием — представляло внушительную для Приангарья военную силу, особенно для тунгусской земли. Этот поход Перфильев рассматривал как обычную «годовую службу», в его задачи входил сбор ясака с ясачных людей и привод новых земель в ясачный платеж. Он поставил во время своего ангарского похода 1627—1628 гг. первый Братский острожек выше устья реки Илима под Первым Шаманским порогом, отыскал на Илеме «новую» наляжскую землю и взял ясак с князцов налягов Кенеги, Балея и Курыбыля. Вновь были объяснены Перфильевым также мунгулы с князцами Седоком (Едоком) и Короком. Из числа бурятских киштымов на 1627 г. дали ясак ордынцы — Чеулка с товарищи, верхние шаманские тунгусы с князем Когоней, верхние тунгусы, жившие на Гее реке «з брацкими людьми вяд», — князец Халенга и др. ³

Всего с новых волостей собрал Перфильев 10 сороков, 28 соболой, 20 недособолой и 3 шубенки тунгусские, спитые из соболиных шкур, не считая ясака, собиравшегося с прежних ясачных тунгусов. ⁴

С основанием острожка под Первым Шаманским порогом — уже в бурятской земле — облегчалось дальнейшее продвижение по Ангаре, хотя сам Перфильев и не ходил дальше порога, вопреки утверждениям Фишера, иногда дополнявшего своими интерполяциями скудные сообщения источников. ⁵

На обратной дороге «от брацкого Шаманского порогу», непо-

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 42, л. 89; ср. Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 24, л. 33.

² Отписка Андр. Ошанина (см. ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 42).

³ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 38.

⁴ Там же, № 24, л. 33—35; ср. архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 25, № 86.

⁵ См. Фишера, Сибирская история, стр. 342.

далеку от Енисейска — всего в «3 днищах пути» от города, — на Рыбной Ловле у Перфильева произошло столкновение с местными тунгусами, давно платившими ясак. Тунгусы собрались на берегу в числе 300 человек и «приманили» Максима Перфильева к себе обещанием дать ясак, а затем князцы Иркиней, Мукотей и Болкей с сородичами, «забыв к себе государеву милость и свою правду, на чом они государю шертовали», стали стрелять по служилым из луков. Тунгусы переранили многих казаков, убили стрельца Поспелка Никитина и ранили стрелой самого Максима Перфильева: пробили насквозь обе руки и прострелили левое бедро.¹

При этом нападении тунгусы хотели «отгромить», т. е. отнять, ясачную пушнину, но Перфильев с большим трудом «от тунгусских людей отбилсЯ и государеву ясачную казну отстоял».²

Вслед за Перфильевым в 1628—1629 гг. на годовую службу по Ангаре пошел во главе отряда из 30 казаков стрелецкий сотник Петр Бекетов. Сначала он остановился на Рыбной Ловле для постройки острожка и расправы с тамошними «воровскими тунгусами».³ Отсюда Бекетов пошел вверх по Ангаре, явился на устье Оки, где нашел и впервые объясачил бурят, а весной 1629 г. вернулся в Енисейский острог с богатой добычей.

Путь Бекетова, впервые поднимавшегося за Шаманский порог к страшному Падуну и на устье Оки, оказался чрезвычайно трудным. Его поход был свеж в памяти енисейцев даже четыре года спустя. Максим Перфильев, рассказывая о трудностях путешествия через пороги, ссылаясь на опыт Бекетова, который шел не в обычных тяжелых кочах, а на двух стругах «легким делом» и без больших запасов — по два пуда на человека. И тем не менее, дорогой Бекетов «со всеми своими людьми мало не потонул», так как «у него в Падуне пороге струг один в щепы изломало и запасенка свои служилые люди потопили, а сами мало не притонули».⁴ Бекетовский отряд получил «с новые землицы под Братским порогом с князцов Кулзуза и СаадаЯ с товарищи на 137 год вновь 60 соболей да 27 недособолей с пупками и хвостами, одну лисью пластину, красную».⁵ На устье Оки, по сообщению М. Перфильева, Бекетову дали ясак тамошние бурятские князцы, а затем русский отряд впервые отправился вверх по Ангаре до верхних братских улусов. Судя по расселению бурят в XVII в., эти верхние улусы находились не ближе Яндов и Усть-Уды, а может быть и около Балаганска — на Унге и по Осе.⁶

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 30, 38.

² Там же, № 38.

³ Рыбенский острожек первоначально был основан не Бекетовым в 1629 г., а Перфильевым в 136 (1627) г. «за тунгусским воровством». См. Сибирский приказ, столб. 12, л. 469; ср. Фишер, Сибирская история, стр. 343.

⁴ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 43, л. 112.

⁵ Там же, л. 37—39. Из тунгусов ясак дали князцы Корот, Когоня, роды мунгулей, налягов, тетюков, чипогуров.

⁶ Там же, № 43, л. 105—112.

Обратно пришел Бекетов не без трудностей. В июле 1629 г. казаки «з голоду оцынжали, а иных тунгусские люди побили».

Поход Бекетова состоялся при воеводе Василии Аргамакове; Аргамаков призвал к себе Бекетова, только что вернувшегося из братской земли, вместе с участвовавшими в походе служилыми людьми, за их службу — «обедать». Приглашенные к воеводе казаки поднесли на обеде ему роскошный подарок: «беличью шубу под зеленой камкой», «мелкотравную — пробирана золотом», ожерелье у шубы было соболье, и вся шуба тоже опушена была «кругом соболями». ¹

Таким необычным торжеством в Енисейске ознаменовалось добровольное подчинение усть-окинских и ангарских бурят с Баяраканом, Кулзузом, Садаем и другими князцами во главе, которые, согласно точному указанию несколько более поздних документов, дали в 137 (1628—1629) г. ясак П. Бекетову «без войны». ²

Внешним выражением достигнутого с бурятами соглашения был дар воеводе — драгоценная шуба, о которой, как подарке именно самим бурят, писал в Москву Василий Аргамаков: «принесли мне холопу твоему брацкие люди шубу», хотя братские люди в Енисейске и не были. ³

Для торжества у завоевателей были вполне достаточные основания.

Мы видели, как на протяжении ряда лет стояла перед ними бурятская угроза, каждый год можно было ожидать прихода под остроги и города немирных людей, погрома ими ясачного населения. Не раз бурятские отряды появлялись на Кане и на окраинах минусинской степи, забирая ясак, приготовленный для царя.

Самый путь к бурятской земле был чрезвычайно труден, и на подступах к ней завоеватели несли такой урон, преодолевали столь большие трудности, что, казалось, труднее енисейских служб и во всей Сибири действительно нет. Только пройдя с великими предосторожностями и с большими страхами сквозь преддверие братской земли, ангарские пороги, завоеватели оказались лицом к лицу с бурятами — владельцами киштымов, организаторами походов на другие племена, богатым и воинственным народом.

Чрезвычайно характерно хотя бы такое обстоятельство, что в конце похода на бурят Бекетов мог констатировать только два фактора, препятствовавших его продвижению: это были... ангарские пороги, да тунгусы, которые побили некоторых участников

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 29, л. 57.

² Там же.

³ Наивно, но в ярких и образных выражениях эти события изложены еще писателем XIX в.: «...Бекетов, на берегах Оки изумил диварей своим появлением, потребовал ясака, назначил время взноса оного и с богатою данью возвратился в Енисейск. Город ликовал, чествол победителей, которые после кратковременного отдыха снова требовали занятия» (см. М. А., История Иркутска, «Северный архив», № XIII, 4825).

похода.¹ О каком-либо сопротивлении самих бурят мы не слышим ни слова, как будто их вовсе не было! И это в то время, когда еще в памяти у всех сохранялись воспоминания о недавних бурятских набегах, когда «воистыне» бурятские наездники, вооруженные несравненно лучше остальных племен Приангарья, хорошо снабжаемые железом, ездили в крепких металлических латах, превосходивших «ветчаные», т. е. обычно обветшавшие куяки казачьей пехоты и конницы, и мало уступали в своем вооружении казакам.

Такой оборот событий был в значительной мере неожиданным и для самих завоевателей, которые не сразу могли оценить свой успех полностью и, тем более, понять обширные перспективы, раскрывшиеся в связи с этим в будущем, — перспективы большой колониальной политики на территории к востоку от устья Оки, к Байкалу, и за Байкалом — в забайкальских степях, ибо только много позже, при Афанасии Пашкове, уже в начале второй половины XVII века слегка намечились широкие контуры будущих колониальных захватов.

К сожалению, лаконические сообщения казаков и фрагментарные данные из официальной переписки XVII в. дают лишь самую схематическую канву действительного исторического процесса, участниками которого являлись и результатами которого пользовались хищники-завоеватели, авторы наших документов. Из прошедшей же перед нами части самой хроники событий русского завоевания на отрезке времени с 1604 по 1630 г. тоже нельзя извлечь прямых указаний на внутреннюю жизнь бурятской земли, которые бы разъяснили с исчерпывающей полнотой причины той поразительной легкости, с какой совершилось подчинение бурят не только на Оке — Ангаре, но отчасти параллельно и на Уде — в другом центре «больших братских людей» добайкальской Бурятии. Тем не менее, поскольку в целях завоевания Бурятии русские довольно энергично собирали сведения об ее состоянии, мы находим в документах некоторое количество фактов, являющихся хотя бы и косвенным, но существенным указанием на причины бескровной победы в 1626—1630 гг. русских завоевателей в Бурятии.

Один из документов той поры, к счастью, раскрывает перед нами картину, необычайно живо и сильно передающую, хотя и в немногих, но важных штрихах общее состояние бурятской земли перед русским завоеванием.

В 137 (1629) г. писал из Качинского Красноярского острога воевода Андрей Дубенской, что из Тобольска приказали ему послать в братскую землю послов «для государеву ясаку, чтобы оне, брацкие люди, учинились под государевою высокою рукою» и давали бы ясак в новый Красноярский острог. В феврале 1629 г. Дубенский отправил с Красного Яра в братскую землицу пятидесятника казачьего Афоньку Путимца с десятником Ивашкой

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 27, л. 46.

Обедниным, с толмачом Максимом Ивановым. Послы из Красноярска пришли на Кан, к тамошним князям Сойту и Тымаку и «учали им говорить, чтобы вожей дали и вели-б в брацкую землю».

Тымак и Сойт им вожей не дали, в братскую землю не повели, а отвечали послам: «вожей дать в брацкую землицу не смеем, для того, што де вас какие люди побьют, а нам де будет худо. Станут де говорить казаки, бутто казаков мы побили. А мы де государю не хотим изменить и ваших де казаков потерять и своих людей потерять не хотим».

Свое решение Сойт и Тымак подкрепили описанием событий последних лет в бурятских улусах; они рассказывали: «а брацких де людей тако-же не воевать — и они де не будут под государеву высокую руку и ясаку с себя не дадут. *А в брацкой де землице топерво нет ни большево, ни меньшево потому, что де мы у них убили большево князца. А у них де ныне война промеж собою третей год.* А на брацких де людей мы итти войною готовы. И государю де я (очевидно Сойт) хочу служить со всеми своими людьми и ныне де мы под казаков дадим (вожей), как на службу итти в братья».¹

Из сообщения канских князцов выясняются контуры глубокой и сложной внутренней борьбы в бурятских улусах. Канва событий такова, что три года с 1626 и по 1629 гг. шла жестокая война между бурятскими родовыми группами, кипели племенные междоусобицы. Отзвуки этого междоусобия дошли и до Василия Тюменца, который застал начало войны 1626—1630 гг. Именно к ней должны относиться его сведения, что у бурят с китайскими людьми «бой живет мало не по вся годы».

В междоусобную борьбу бурят вмешались их данники-киштымы, часто страдавшие раньше от поборов и последствий опустошительных бурятских набегов из-за Кана. Пользуясь временным ослаблением мощи бурят и внутренними их замешательствами, канские князцы активно вмешались в войну и, видимо, нанесли бурятам тяжелое поражение и убили главного князца. Могли принять участие в борьбе родовых объединений среди бурят-монголов и монгольские отряды северо-западной Монголии, области озера Косогола, а может быть и Забайкалья — этим объясняется указание на «китайских людей», т. е. монголов, издавна принимавших очень близкое участие в бурятских делах и занимавшихся здесь торговлей монголо-китайскими товарами.² И в более позднее

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 47 (Списки Томской архивы, ч. I), № 86; ср. Ф и ш е р. Сибирская история, стр. 287.

² Хотя в задачи данной работы не входит описание событий, происшедших в земле удинских бурят, где в сороковых-пятидесятых годах XVII в. особенно видную роль играл князец Ойланко или Иланко, но нельзя пройти мимо сходной истории подчинения последнего и его киштымов-корчюнов и суртусов. Посланные этим князем его киштымы Чибилдейко да Курул сказали: «полново де твоего государева ясаку ныне будет ни взять негде, потому что они люди разворенные — в прошлом во 153 г. повоевали их и разворили твои государевы ратные люди, а в прошлом, государь, во 154 г. приходили на

время, во всяком случае, монголы постоянно вмешиваются в жизнь бурятского улуса, и не без их участия, по мнению местной русской власти, проходят, якобы, даже события на Оке в XVIII в.

Примеры кровавых столкновений между родоплеменными группами бурятского населения добайкальской Бурятии также хорошо известны нам и для позднейшего времени.

Очевидно, сходные события имели место и в двадцатых годах XVII в., но в значительно более широком масштабе и с присущей им громадной разрушительной силой. Тяжелые для бурят последствия внутренней войны, сопровождавшейся вторжением на их собственную территорию внешних врагов, сказались и на судьбах бурятской экспансии на запад и на их взаимоотношениях с киштымами в Приангарье. Приангарские киштымы получили большую свободу, судя по их отношениям с русскими. Для «шаманцев» и прочих обитателей зависимой от бурятских князей территории в двадцатых годах как будто и не существует бурят.

Что касается продвижения за Кан, то не до него было теперь бурятам. Годы войны в приангарской и удинской землях среди «больших братьев» стали годами затишья на Кане. Вот почему прекратились сразу все сведения о бурятах и обычные вести о бурятском приходе за ясаком в эти места именно с 1623—1625 гг. По той же причине получили свободу действий русские на Кане, Уде и Ангаре, а затем и в пределах собственно бурятской территории.

Совершенно сходную до мелких деталей картину тяжелой внутренней междоусобной борьбы во враждебном окружении наблюдаем мы в несколько более раннее время у «калмыков». В 1607—1608 гг. «меж себя черные колмаки воюютца и лутчево князя их Узения не стало», сучутцы «откочевали от своих тайш». Явившиеся в Томск калмыцкие послы от имени князей Бинея, Узения и Абакая вынуждены были добровольно бить челом царю о подданстве.¹ Гордые степные князья кинулись за помощью к «высокой государевой руке», готовые заплатить за царскую поддержку ценой вечного холопства.

У калмыков² достаточно окреп уже феодальный строй, надели внутренние социальные антагонизмы между черным народом и белой — княжеской костью. Естественно при этом, что в разгаре жестоких усобиц, вспыхнувших в степи, черные люди могли

них мунгалские люди войною, да у них же де была война меж себя и в нынешнем де во 155 г. жили они все в крепях в болших, — в камени, от твоих государевых воинских людей и ходить де для промыслов своих никуды не смели» (архив АН СССР, ф. 21, п. 4, Списки Томской архивы, I, № 234). Положение на Уде в 1647 г. сходно с событиями на Оке и Ангаре, а также, очевидно, и на той же Уде в 1625—1626 гг. Следует подчеркнуть и ближайшие, самые тесные, связи удинских бурят с окинскими, а тех — с балаганскими.

¹ «Сибирский вестник» Спасского, 1822, стр. 416 (Спасский пользовался, повидному, многими документами из числа скопированных для Миллера).

² Здесь сохранена этническая терминология источника, где речь идет о чжунгарах (ойратах), а белыми калмыками тогда именовали алтайцев.

восстать и откочевать от своих тайш, а последние поэтому обратились к ближайшему мощному феодалу — московскому царю, как сюзерену, за помощью в трудных обстоятельствах жизни. Аналогичные события имели место и в улусах Алтын-Хана.¹ Сходство событий 1607 г. у калмыков с событиями 1625—1630 гг. в Бурятии обязывает нас уделить внимание возможности объяснения последних причинами, одинаковыми с калмыцкой «шатостью», при учете, конечно, вероятных местных особенностей и, в первую очередь, меньшей степени развития внутренних антагонистических отношений у бурят-монголов по сравнению с калмыками. Случайное совпадение фактов гибели главного калмыцкого и бурятского князев во время смуты ничего не говорит само по себе, но заслуживает внимания в связи со всей обстановкой, ибо и для бурят несомненна в XVII в. значительная роль князей в общественной жизни племен, основывающаяся, повидимому, уже не на личном авторитете только, не на одном уважении членов рода к старейшине, а на его реальной мощи.

Наличие главного князя среди прочих — также явный показатель какой-то степени консолидации раздробленных прежде родовых массивов и некоторого объединения родовых групп вокруг личности общеплеменного вождя.²

Сопоставление калмыцких событий с бурятскими, а также учет и более поздних фактов, вроде некоторых монгольских происшествий конца XVII в. при разгроме халхасских феодалов Галданом, позволяют высказать предположение об известной закономерности, их объединявшей. Закономерность эта, повидимому, выражалась и в событиях на Оке и Ангаре в 1629 г., когда именно сами эти бурятские князья дают ясак царю, поступаютя киштымами и посылают специальные дары в почестъ воеводе, не дожидаясь обычной военной грозы и прочих стандартных страхов, угрожавших непокорным. Очевидно князья не столько опасались царской грозы, которая не смогла сразу убедить даже их кишты-

¹ Н. Н. Козьмин в своей работе «Князь Иренак», останавливаясь на тех же событиях, не обратил внимания на факты, подчеркиваемые русскими источниками: восстания черных людей, и не только у чжунгаров, но и в алтынхановом царстве, против их собственных господ. Между тем, внешнеполитическая борьба развязала классовую борьбу внутри обоих враждующих объединений. Как улусные люди от чжунгарских князей, так и «ясашные люди Алтыновы от Алтына царя отступили и с ним воюютца, которые от киргиз живут к Алтыну царю по дороге», свидетельствуют документы. Чжунгарские князья не обошлись без помощи извне, но была ли Алтын-Хану такая помощь оказана, — нам неизвестно. Это, однако, не меняет сути дела (см. Н. К о з ь м и н, Князь Иренак, «Сибирские записки» № 1, 1916).

² Мне кажется вполне убедительным мнение о существовании временных племенных федераций и военных вождей у бурят начала XVII в., высказанное в другой связи в книге М. Н. Богданова, Очерки истории бурят-монгольского народа, в главе «Исторические предания о бурят-монголах их соседей», оформленной, видимо, не автором, а «по материалам М. Н. Богданова» редакцией этой работы. См. стр. 9 «Очерков» М. Н. Богданова.

мов, сколько нуждались в мире с царем и, быть может, в поддержке со стороны его военной силы, государственного аппарата.

Но против кого? Против ли своих улусных людей, как то случилось у чжунгар? Об этом прямых свидетельств нет. Заслуживают, однако, внимания сообщения Перфильева об экономике Бурятии и о желании братских людей торговать с казаками и т. д., бросающие свет на внутреннее положение этой страны. Желание торговать с русскими вполне понятно, если учесть хотя бы наличие бухаро-китайских товаров, отмеченное для Бурятии тем же Перфильевым наряду с общим обилием богатств у бурят. Обилие и разнообразие этих привозных товаров наглядно показывают их удельный вес и общую роль торговли на фоне довольно сложной экономики страны.

Военное время прервало старые торговые связи. Пути на запад к бухарским товарам были отрезаны войной с канскими князьями, постоянные бои с китайскими людьми вряд ли способствовали нормальному развитию торговых сношений с Востоком и проникновению китайских товаров. Может быть, с этим связано и обилие соболей, скопившихся на руках у отдельных князцов бурятской земли и затем частично попавших в руки Петра Бекетова в счет ясака.

В силу их богатства и выдающегося положения князья были несомненно больше всех остальных «братских людей» заинтересованы в торгах, именно они же, следовательно, были заинтересованы теперь в установлении торговых связей с Россией и добивались их, используя для этого все свое влияние и реальную силу.¹ Подчинение царю явно означало, таким образом, свободу торговли, но только для тех, кто был заинтересован в торговых операциях и имел чем торговать, а не для всей улусной массы. Таким образом, уже в самом факте наличия князцов над родом и в роли торгов для сближения именно князцов с русскими допустимо видеть наличие косвенных признаков некоторого противоречия внутри рода между улусной массой и князцами, заставившего именно князцов впоследствии прибегнуть к царю в разгаре внутренних междоусобиц; подчиниться ему, чтобы и торговать с его купцами.

Второе обстоятельство — факты, выясняющие наличие и значение данников-киштымов у бурят и обстановку, в какой происхо-

¹ «Сказывают», пишет Фишер в «Сибирской истории» (стр. 360—361), «о некоем Пенда, что он с 40 человеками, собранными из Туруханска, проводил три года на нижней Тунгуске, прежде нежели пришел к Чечуйскому волоку. Перешед его, плыл он р. Леною вниз до того места, где после построен г. Якутск; откуда продолжал он свой путь сею же рекою до устья Куленги, потом Бурятскою степью к Ангаре, где вступив на суда, чрез Енисейск прибыл наки в Туруханск».

«Надежда прибыли» была, судя по этому, очень реальной, а мирное путешествие Пенды по всей бурятской земле в Предбайкалье показывает, насколько удобно могли здесь действовать купцы перед самым русским завоеванием. Пенда с его товарищами во время своих походов, невероятных на первый взгляд, лишь использовал условия, в которых и до него действовали среди бурят монгольские и бухарские купцы.

дило их вмешательство в жизнь бурят в это время. Эти факты красной нитью проходят сквозь всю хронику русско-бурятских отношений в начале XVII в., они обуславливают отношение бурят к соседям и завершаются чрезвычайно характерной концовкой, когда соседи бурят на Кане, их киштымы, пользуясь смутой в бурятской земле, сбрасывают ясачное иго и идут войной на прежних угнетателей.

Само по себе выступление киштымов могло иметь успех лишь в обстановке «смуты» 1625—1630 гг., когда произошли серьезные потрясения внутри самого бурятского общества. Попытка выяснить, хотя бы в форме догадки, причины и характер этих внутренних потрясений приводит нас опять к примерам с калмыками и т. п. Канские князцы, без сомнения, хорошо осведомленные во внутренних делах своих соседей и недавних господ, в лаконической фразе дали ключ к сложной обстановке того времени. В результате трехлетних раздоров и опустошительных нападений врагов, ставших возможными благодаря распадению прежнего некоторого единства бурятских племен и родов, наступила, по их словам, пора, когда не стало якобы «ни большево, ни меньшево», хотя, кроме убитого главного князца, несомненно были в наличии частично известные нам более мелкие, а меньшие люди сохранялись в достаточном еще числе. Речь, повидимому, шла об известном распадении создавшихся общественных связей, и не столько племенных, не столько о децентрализации бурятской земли (крепкая централизация мало вероятна), сколько о трещине в слагавшихся, хотя и не крепких еще, но, повидимому, по сути своей уже классовых отношениях.

Слова канских князцов имеют в передаче русских официальных документов именно этот, совершенно определенный, смысл. Они свидетельствуют о безначалии, о господстве таких порядков, когда «большие» не могут властвовать над «меньшими» и управлять ими, как это было до описанных потрясений. И позже, в XVIII столетии, Крашенинников в своем описании Камчатки употребляет почти такие же выражения, описывая общественный строй племен, не знавших сложившегося классового строя, живших в условиях родового быта. Очевидно, крепки еще были элементы подобного быта и в Бурятии в 1626—1629 гг., если могло иметь место охарактеризованное князцами канских киштымов коренное изменение политической обстановки, ибо здесь явно речь идет не о борьбе родов друг с другом, а о борьбе внутри бурятского общества как такового, о борьбе в том смысле, как наблюдалось в кочевьях чжунгаров и Алтын-Хана в 1608—1609 гг., т. е. «меньших» и «лучших» людей друг с другом.

И вполне закономерно в это именно время противостоящие черному народу и сохранившиеся еще «большие люди» бурятской земли бросаются навстречу кочам Петра Бекетова в расчете найти поддержку со стороны царя против одноплеменных улусных меньших людей и киштымов.

Предположение о связи глубоких потрясений в Бурятии двадцатых годов XVII в. с внутренней социальной борьбой не противоречит и общему, явно еще варварскому (в смысле «варварского общества») по многим признакам, укладу быта. Известно ведь, как трудно на первых порах четко отделить междуродовые конфликты от ранних форм антагонистических отношений и схваток между лучшими и худшими в роду, несомненно переплетавшиеся друг с другом в причудливой общей картине, тем более, что и само по себе существование господствующих и, с другой стороны, подчиненных родов и племен (киштымов) и высоко развитый обмен свидетельствуют о далеко зашедшем разложении родового строя и протекании очень сложных процессов, хотя бы под покровом древней межродовой борьбы и на ее фоне. Постановка всей этой проблемы в связи с историей бурятских восстаний, обнаживших самые глубокие корни общественных явлений и обостривших «пламенный» исторический процесс, возможна только на более широком материале (см. вторую часть работы). Для нас же в изложенной связи кажется вполне убедительным предположение о значительной роли внутренних противоречий в бурятском обществе для хода русского завоевания; допущение роли далеко зашедшего, но не закончившегося к приходу русских разложения и перерождения родовых отношений и борьбы, сопровождавшей этот процесс, как основной предпосылки «бескровной» победы казаков-енисейцев в 1629 г. Это ясно показывают, на наш взгляд, события двадцатых годов. О том же свидетельствуют события и более позднего времени, когда уже при новых условиях, связанных с русским завоеванием, раскрываются весьма существенные черты исторического процесса в бурятской земле; события, наглядно показавшие и всю силу сопротивления завоевателям, на которую в действительности был способен бурятский народ.

2. ПОГРОМ БУРЯТСКОЙ ЗЕМЛИ КАЗАКАМИ И ВОССТАНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

События, последовавшие за «мирным» покорением бурятской земли Петром Бекетовым, вскоре наглядно показали енисейским властям преждевременность надежд и неосновательность их оптимистических взглядов на будущее. Разочарование енисейцев вызвали не буряты: бурятские князцы собирались и впредь исправно нести ясачное бремя, очевидно не очень тяжелое, если сопоставить сумму ясака — 87 соболей — с количеством населения на одной Оке, где жило более тысячи бурят помимо киштымов. Этот ясак числился как неокладной, вносился не по числу душ, а по добровольному желанию князей. Он скорее был данью в «почесть», чем налогом, и сопровождался более или менее эквивалентным для князей обменом на царское жалование — сукна, металлические вещи, украшения и одежду.¹

Новый поворот событий к худшему обусловлен был в качестве конкретного повода к тому поведением русских, поступками самих завоевателей. Они сами сделали все необходимое для того, чтобы ликвидировать достигнутое соглашение енисейских властей с бурятской общественной верхушкой и тем содействовать подъему восстания в бурятской земле. Это были, с одной стороны, охочие люди, добровольные завоеватели, явные разбойники типа Хабарова-Святитского и Черниговского, охочие «ушкуйники» в лице красноярских казаков, с другой стороны, экспедиция бывшего енисейского воеводы и московского дворянина Якова Игнатьевича Хрипунова, снаряженная Сибирским приказом, с царского ведома, на казенный счет. Их деятельность обострила отношения между бурятами и завоевателями и привела к открытому восстанию первых.

Факты, относящиеся к деятельности «полка» Якова Хрипунова и красноярских служилых людей в Приангарье на очень небольшом отрезке времени, раскрывают не только хронику событий той бурной поры, но и взаимоотношения завоевателей с коренным населением, а также многие характерные черты самой си-

¹ С. В. Бахрушин, Ясак в Сибири, «Сибирские огни», 1926 (дана подробная характеристика видов ясака).

стемы управления Сибирью-колонией в эпоху ее «покорения» царизмом. Они заслуживают поэтому особого внимания. Ангарский поход Хрипунова преследовал, по официальной версии, только одну цель: поиски золотой и серебряной руд на Верхней Тунгуске. В Сибири завоеватели рассчитывали найти золотое дно. С яростью хищников, с примитивной жадностью грабителей они стремились открывать и захватывать все новые и новые богатства этого края. Щапов в своих работах талантливо нарисовал уже продвижение русских в Сибирь как погоню за отступающим вглубь тайги соболем, но помимо блестящих соболей шкурки еще в первом десятилетии XVII в. их привлекали и золотые камни: по известию англичанина Логана, «на морском берегу между этими двумя реками, Песидой и Катангой, находили некие камни, похожие на золото, а некоторые на серебро». Более подробные сведения о камнях, похожих цветом на золото, и белых камнях, подобных серебру, дал другой иноземец Переглоу.¹ В. Н. Кашин убедительно доказывает возможность отнесения сведений Переглоу и Логана о реке Katowga к верхнему течению Енисея, а также и отождествления Теулки — царя с аринским князем Тюлкой,² т. е. с ближайшим соседом бурят на западе.

Предполагаемые золотые россыпи и серебряная руда по Енисею и Тунгуске не переставали привлекать внимания русских землепроходцев, а наряду с ними и администрации, даже в более позднее время, тем более что продвижение завоевателей вверх по Енисею и Ангаре открыло прямые пути к новым неведомым землям, сделало возможным действительные поиски драгоценных металлов в широких масштабах. Поэтому, едва только проходят первые казачьи отряды по Ангаре до бурятской земли, как сразу же туда собирается и целая серебряная экспедиция Якова Хрипунова.

Вполне вероятно, что упорные слухи о золотых и серебряных камнях, циркулировавшие среди русского населения Сибири в первом десятилетии XVII в., отразились и в создании этого предприятия Якова Хрипунова. По мере освоения Енисея, Ангарской долины и «сторонних рек», устранявшего неясность и туманный фантастический облик первых географических сведений об этих местах, месторождения золотого и серебряного камня локализовались в более отдаленных и менее известных местах. Таким местом и была обширная территория за Енисейской стрелкой — собственно бурятская и тунгусская земли в Приангарье. В пользу этого предположения свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что Яков Хрипунов, еще будучи енисейским воеводой, слал вверх по Тунгуске двенадцать казаков для поисков серебряной руды. Посланные из Енисейска казаки шли вверх по Ангаре «на кочючке

¹ М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, т. I. Иркутск, 1932, стр. 214.

² В. Н. Кашин, Крестьянская железоделательная промышленность Кузнецкого края XVII—XVIII вв., «Проблемы истории докапиталистических обществ» № 7—8, 1934, стр. 24—27.

зырянском» четыре недели без двух дней. По тому времени, когда нехватало людей для привода немирных земель под царскую руку, когда партии ясачных сборщиков шли на восставших тунгусов в числе 5—10 человек, снаряжение подобной экспедиции было большим делом и свидетельствовало о серьезном значении, которое енисейский воевода придавал геологическим разведкам серебряного камня и золотых булыжников. Казаки, по их рассказам, действительно отыскивали серебряную руду: «первую руду на Тунгуске реке под Братским порогом в горе, а та гора пришла к Тунгуске реке концом, попереk 1000 сажен, а вышиною с Тобольскую Гору». Они взяли из этой горы «на опыт руды» и поехали назад. Вторую рудную гору казаки нашли, якобы, на Имере-реке, что «впала в Тунгуску» (на Илеме), а «третью руду сыскали в Тасееве реке». Хрипунов приказал переплавить в Енисейском остроге привезенные казаками образцы руды. В результате этого опыта «из руды трех гор изо шти золотников родилось три золотника с четвертью чистово серебра». Заинтересованный опытами воеводы один енисеец после рассказывал, что слышал от плавильщика Ивана Репы, будто руда, взятая с Илеме, «всех руд в переплавке будет прибыльней».¹

Убеждение Хрипунова в наличии серебряных руд по реке Ангаре подкрепляли рассказы ясачных людей. Последние сообщали казакам о князьях Окуне и Келте, обитающих близ Тунгуски по малой речке. Около их жилищ, рассказывали ясачные тунгусы, есть «Камень», до которого судами итти невозможно. В горе у князцов имеется серебряная руда, из которой они берут понемногу камней и плавят серебро, «и которое де серебро они переплавляют, и они де то серебро носят на себе на нагрудниках». «У этих же князцов Окуня и Келти серебро покупают остальные тунгусы, в том числе государевы ясачные люди, мало того «и в иные земли от них, князцов, то серебро отходит и меняют на товары, ... а иных земель людей не пускают». Кроме серебра в тунгусской земле, у Окуня, много соболей, «а зверь, сказывают, доброй, а бой де у тех князцов лучной, да копейной, да сабельной».²

В деле о посылке большой серебряной экспедиции во главе с Хрипуновым имеется и весьма любопытный документ: копия отчетного письма Вихоря Савина, посланного воеводой на разведки окунева серебра вверх по Тунгуске в 1625—1626 гг. В. Савин пишет воеводе: «К Якову Хрипунову от Терешки Савина о здоровье. А что он, Яков, ево, Терешку, посылал в Верхнюю Тунгуску и он, Терешка, ходил; и у Иркияня ясак взял и у Варгаганских людей серебро купил и расспрашивал тунгуса, Черколомом зовут, а тот же Чекол у тово князца у Окуня жил лет з 10 и тот ему Чекол рассказывал — ход тяжел, а дойти мочно. А ныне ево, Терешкина

¹ ГАФКЭ, Сибирский привоз, столб. 17, 18, л. 251, Расспросные речи казака Ивашки Проскурака 24/III 137 г.

² Там же, л. 130, 131.

служба и серебро из Тобольска послано ко государю к Москве». ¹ Эти сведения подтверждали наличие серебра у князя Окуня. Ходатайствуя об отправке экспедиции, Хрипунов добавил, согласно дополнительным сведениям, что «по рассказам ясачных людей у Окуня людей с 200, серебро идет из горы, а промыслить того серебра Окунь не умеет». Хрипунов предполагал поставить даже особый острог «у серебряных гор», в котором и ста человек служилых будет мало, потому что близко прилегли различные большие земли, в первую очередь бурятская земля. В «братской земле», по сведениям от ясачных людей, водилась и «медная руда», ² тоже представлявшая некоторый интерес для казны. Хрипунов просил послать с ним, кроме служилых людей, громадный экспедиционный запас — продовольствие, пищажи, порох да «новых землиц людем государево жалованье в роздачу пуд олова в блюдах и в тарелех, пуд одекую — камня, 2 тысячи «решоточек» оловянных, 300 ножей зырянских, 200 зеркалишек, 2 тыс. булавок, 3 тыс. игол, 2 тысячи змеевых головок, $\frac{1}{2}$ п. бисеру, муки, котел на 12 ведер, «в чем пиво варить новых землиц людем» и т. д. ³

В Москве проект Якова Хрипунова встретил сочувственный прием, там ухватились за возможность добычи собственной серебряной руды на Ангаре, да еще из целой горы. Сдержанный на расходы Сибирский приказ отпустил на этот раз двухгодичное жалованье отряду Хрипунова в составе 150 человек, равного которому в Енисейске и вообще никогда не было. Одновременно из Москвы дали указ отпустить для серебряной экспедиции 60 рублей деньгами, 60 четей хлеба, 60 четей овса из сибирских запасов и предоставили Якову Хрипунову для поездки в Сибирь подводы «против Сибирских воевод», ⁴ т. е. наравне с воеводами.

В Енисейске не было такого количества людей, которого требовало предприятие Хрипунова, и людей пришлось набирать из разных сибирских городов, явно — не «лучших» людей, а из числа деклассированных гулящих, любителей приключений и авантюристов, которым не повезло в других местах. Уже дорогой на Иртыше и по Оби люди Хрипуновского полку принялись грабить ясачных, нападать на промышленных и торговых людей. ⁵

Они даже написали особую «единачную запись» в том, чтобы всем, как один человек, грабить промышленных и торговых людей. А по дороге не слушали своего воеводу, «половину дни идут, а другую стоят». ⁶ Придя к Нарымскому острогу, казаки хрипуновского полка сделали попытку разграбить город, вломилась в него с шумом и криком, ограбили целую сотню торговых людей. ⁷

¹ Там же, л. 134.

² Там же, л. 251.

³ Там же, л. 166.

⁴ Там же, л. 145.

⁵ Там же, л. 330.

⁶ Там же, л. 341.

⁷ Там же, л. 246.

В завершение были устроены две попытки убийства самого Якова Хрипунова, но неудачно, и по челобитью последнего из Москвы приказали послать Тобольского сына боярского для сыска, выбрать пущих воров и бить кнутом, бросить «по человеку от города» в тюрьму, а воровскую запись изъять.¹

Как бы то ни было, но хрипуновская экспедиция прошла Енисейский острог, поднялась вверх по Тунгуске и «отаборилась» неподалеку от бурятской земли. Еще Спафарий видел на пятый день после Шаманского порога и на один день пути ниже речки Вихоревой по левой стороне Ангары «яр красной кочевой, а называют де его кочевым для того, что на том яру был кош московского дворянина, прозванием Хрипунова, и от того яру ходили искать под Братский острог и по иным местам руды золотыя и серебряныя, и на том яру оставлял запасы свои и в том месте людей его побии тунгусы».²

Спафарий получил несомненно вполне точные сведения, подтверждаемые нашими документами.

Вскоре после окончания экспедиции Хрипунова участники похода описывали в своих расспросных речах поиски серебра не только у «Братского порога», но и значительно дальше, около устья реки Оки и даже еще дальше, по следам Бекетова, до устья реки Осы, выше нынешнего Балаганска в земле «больших братьев».³

Енисейск был, однако, недоволен лишней тяжестью для себя и плохими результатами этой экспедиции. Воевода отмечал «немалую убыль» и никакой прибыли, а из Москвы приказали узнать: «вперед те деньги (потраченные на экспедицию — А. О.) не пропадут ли».⁴ Дело же клонилось явным образом к тому, чтобы казенные деньги действительно пропали. Еще в начале похода перед Хрипуновым шло 12 человек из его «полка» с его шурином М. Воейковым во главе, «бутто для серебряные руды». С Тунгуски Воейков привез «для прилику» камень, «что бутто то серебряная руда». Вместе с подозрительными камнями, из которых при пробе никакого толку не вышло, Воейков привез около 15 сороков соболей да двадцать собольих шуб. В Енисейске так и не могли решить, «какие-те соболи и шубы, выторгованные или грабленные», но в том году «промышленные» не решились идти на Тунгуску «от грабежей», а тунгусский князец Болтурин сказал, что соболей, приготовленных в ясак Бекетову, сильно забрали люди Якова Хрипунова и давали за соболей «не по велику» оловянными блюдами, котлами и тому подобными товарами.

Походив по Ангаре у Братских порогов, по Оке и до устья Осы, Хрипунов вернулся на свой кошевой яр, где и умер.⁵ Вер-

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 17, 18, л. 62.

² Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Н. Спафария, «Записки РГО (по отдел. этнографии)», т. X, в. I, 1882, стр. 104.

³ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 17, 18, л. 309.

⁴ Там же, л. 254.

⁵ Там же, л. 309.

нувшиеся с Тунгуски служилые люди заявили: «сколько было Якову Хрипунову ни ходить, а серебряной руды не сыскать». Про серебряную руду и даже про знаменитого владельца драгоценной горы князца Окуня и Келтю по их словам там «и слуху нет». Может быть, имя князца Окуня до неузнаваемости изменили толмачи, но может быть его и вовсе не было, как не было и мифической «серебряной горы». Во всяком случае царские деньги на этот раз были израсходованы без прибыли.

Серебряная экспедиция 1628—1629 гг. оказалась чистой авантюрой, но Хрипуновская авантюра была предпринята с таким широким для тогдашних масштабов размахом, что не могла пройти бесследно для местного населения. Она несомненно имела некоторые ощутительные результаты. Во-первых, служилые люди еще в 1629 г. рассказывали о намерении Хрипунова построить острожек под Братским порогом, где «прилегли пашенные места и сеньные покосы и рыбных ловель много и лес хоромной по Тунгуске и по иным речкам» имеется, и к тому же «место пришло крепкое», а до братской земли от острога будет ходу три днища.¹ Очевидно, этот острог и был тем Усть-Илимским острожком, который остался после похода Я. Хрипунова на Ангаре под названием Братского, что у Братских порогов. От этого острожка было до бурят три дня ходу, до Тасеевой две недели, а до «Имской руды» семь верст. Во-вторых, Яков Хрипунов действительно ходил вверх по Ангаре от устья Илима, до устья реки Оки и дальше вверх по Ангаре до устья реки Осы, причем в походах Якова Хрипунова принимали участие красноярские служилые люди. Очевидно, с этими походами были связаны не только геологические разведки и металлургические опыты: об этом свидетельствуют отмеченные Спафарием факты убийства людей Хрипунова тунгусами и, что чрезвычайно интересно, мотивы постройки нового острожка. Оказывается, Хрипунов спешно убрался в это крепкое место не столько потому, что «серебряной руды не сыскал», сколько по соседству многих «немирных землиц», лежавших за братским порогом вверх по Ангаре. С этих земель брал ясак Бекетов, и именно здешние буряты подчинились царю добровольно. Откуда же было здесь появиться немирным людям? Остается одно: по опыту хрипуновского шуриня Воейкова весь «полк» решил вознаградить себя за неудачи в поисках серебра за счет мягкой рухляди. Добывать в тайге мягкую рухлядь казакам было некогда, да и не с руки, они решили приобрести ее более легким и уже испытанным путем — грабежом туземцев.

В связи с этим особый интерес представляет история участия в хрипуновском предприятии красноярцев.

Фишер подробно останавливается на судьбе и деятельности этих красноярцев, поведение которых в освещении официальных енисейских документов было настолько зазорным, что обычно

¹ Там же, л. 251.

уравновешенный историк Сибири впадает в крайнюю горячность при изложении событий: «Между тем как сие происходило (завоевание тунгусско-бурятской земли по Ангаре. — А. О.), оба города, Енисейск и Красноярск, поссорились между собой; но в сей ссоре первый город повидимому не столь виновен, как последний, которого поступки соединены с таким неразумием, с таким нечеловечеством и неприязнью, что могли бы оные быть новым доказательством злобы, упрямства и мщения человеческого сердца, когда бы похотел кто о том еще сомневаться». ¹ История отношений между Красноярском и Енисейском, достаточно полно отраженная здесь Фишером, вряд ли может иллюстрировать извечную испорченность человеческого сердца вообще, как того хотелось историку: ее корни не в свойствах сердца, а в экономике Сибири того времени, в особенностях примитивной колониальной политики царизма. Соперничество и несогласие двух городов начались с момента основания Красноярска, помимо воли и желания енисейского воеводы, Андреем Дубенским, который поставил новый острог, по мнению енисейцев, «сам, без государева указа». ² К недовольству енисейцев перевозкой грузов из Маковского острожка для красноярского гарнизона вскоре присоединилось соперничество из-за бурятской земли. Борьба двух острогов разгорелась с исключительным ожесточением, причем красноярцы, продвижение которых на Енисее загромождали киргизы, тем самым урезывая их аппетиты, были активной стороной в соперничестве из-за бурят, представлявших тогда самую привлекательную добычу для завоевателей. Енисейцы, продвигавшиеся по Ангаре, шли в бурятскую землю с 1625 г. прямым путем, пользуясь всеми преимуществами и первого захвата и прямых путей сообщения с Бурятией. Красноярцы уже имели под боком бурят на Уде, кочевья которых соприкасались с кочевьями окинских бурят Приангарья. Путь красноярцев в бурятскую землю был, однако, затруднен порогами, горными речками, непроходимой тайгой, а также сопротивлением местного населения.

Еще в связи с походом Бекетова, всего год спустя после основания острога на Красном Яру, Андрей Дубенский жаловался в Томск, что ему в 137 г. поручили слать послов к бурятам, «и то послыша, Василий Аргамаков (енисейский воевода. — А. О.) послал в Братскую землю сотника стрелецкого Петра Бекетова с служилыми людьми». Придя на устье Оки, Бекетов с отрядом будто бы «назвалися новое Качинсково острогу служилыми людьми», а сколько ясаку взяли енисейцы на красноярской территории, это осталось Дубенскому «неведомо». Получив сведения о походе и ясачном сборе П. Бекетова, Дубенский поспешил теперь послать служилых людей в бурятскую землю, которые, как мы видели, не

¹ Фишер, Сибирская история, стр. 344.

² «Указ» Дубенскому, разумеется, был дан, — см. Наказ Дубенскому, архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 20, № 1; ср. там же, д. 17, № 96.

привезли ничего, кроме ценных исторических данных о состоянии бурятской земли в предшествующие годы.

Трения с Енисейском и всеобщее недовольство в Красноярске политикой енисейцев дали, однако, неожиданный повод для разрешения вопроса в пользу Красноярска путем самовольного прорыва красноярцев через енисейский барьер в Приангарье.

План этого рейда оформился стихийно, но при явном участии, а может быть и прямом руководстве, красноярских властей. Положение массы служилых людей было отчаянным: они ели в своем остроге древесную кору, продавали свои «животы» окрестным туземцам на сарау и коренья, потому что сами не хотели или не умели копать съедобные корни.¹ В таком состоянии они были удобным оружием в руках Дубенского для мести Енисейску, Дубенской же избежал тем самым иных осложнений, возможных и для него лично.

Стихийное движение служилых, умело направленное на Енисейск и в бурятскую землю красноярским воеводой, встретилось с параллельным крестьянским волнением, разгоревшимся в Енисейском уезде, и оказалось в связи с последним серьезной угрозой для Енисейска.

Волнение служилых людей в Красноярске началось с приездом из Енисейска атамана Ивана Кольцова. Кольцов не привез хлеба, а воевода, желая отклонить от себя возбуждение служилых, «выслал вон» И. Кольцова. Служилые люди приняли это как обвинение Кольцова в том, что «будто от него к ним на Красный Яр запас не пошел», и поволокли его на площадь, где били Кольцова ослопами, а затем труп убитого «скинули в Качю». После расправы с Кольцовым казаки стали просить официального отпуска на службу вверх по реке Тунгуске в братскую землю. Андрей Дубенской говорил казакам, повидимому, только для вида: «я де вас не посылаю, ни уймаю», а сам дал все-таки им указную память для похода на бурят. В пути к Енисейскому острогу красноярские служилые выбрали у себя старшин и эсаулов — пять человек. Для этого они вышли на берег и стали в круг. Выбрав свое новое «воровское» начальство, красноярцы «и ослоп им на себя дали».²

В это время в Енисейске уже знали от посланных покупать лошадей енисейских казаков о намерении красноярских служилых ехать вниз по Енисею и промышлять над Енисейским острогом, «как мошно». Красноярцами был даже выработан план послать вперед десять казаков, чтобы «отнять ворота Тунгуские и промышлять в остроге всякими меры». Вместе с тем стало известно енисейским властям и о соглашении красноярцев с енисейскими пашенными крестьянами, которые хотели восстать при поддержке

¹ Архив АН СССР, ф. 21, д. 17, № 97.

² Там же, д. 22, № 28. Этот выбор «воровского начальства» представлял упрощенную казацкую церемонию выборов старшин, а «ослоп» — дубина — заменял булаву, традиционный знак казацких властей.

служилых людей, явившихся из Красноярска, и бежать, покинув государево тягло, «к Русе». ¹

К первым числам июля красноярцы явились под Енисейский острог в числе 130 человек «без вести и ясы из пищалей», т. е. без извещения стрельбой о своем приходе, как это обычно делалось, потому что Енисейск тогда был «острог украинной, без востовщиков и без встречи в острог не приезжают». Но и без того была ясна цель приезда: «знатно, что приезжали воровством». Воевода приказал бросить в застенки передовщиков, которые хотели согласно плану открыть «тынгуские ворота» и впустить остальных красноярцев для грабежа города. Сначала был пойман один казак, принесший челобитье о хлебных запасах, затем попались и гварии — А. Путимец и Федька Псковитин. Последние и под пыткой ничего не рассказали о своих замыслах. Тогда им обрили головы и лили на них студеную воду «для того, что они закрепились и кнут и огонь их не взял». Только таким путем удалось вырвать у бунтарей подтверждение сведений о «воровском умысле».

Остальные красноярцы жалели в то время, что «не гораздо зделали», приехав к острогу в многолюдстве и отпустив «старшого» в острог. Надо было послать всего десять человек, «ино-бы их в острог пустили», перевязать крестьян в Верхней Деревне, чтоб вести не было, а самим ночью приехать под острог, ворота в который и открыли бы им передовщики. После этого, рассуждали красноярцы, «нам бы, вломя в город, воеводу убить и острог грабить». Теперь же им осталось только идти на Тунгуску. Вместе с приставшими к бунту промышленниками, ярыжками и пашенными крестьянами красноярцы пограбили кого смогли из торговых и промышленных людей «до нага» и пошли вверх по Енисею под начальством Ив. Носко и О. Васильева «воевать братскую землю». ²

Красноярцы после били челом царю, что в 137 г. их послал Дубенской на службу «вверх по Тынгуске реке на твоих государевых неприятелей и непослушников на брацких людей», ³ воевода же Аргамаков, когда они пришли в Енисейский острог, им «хлебных запасов, не радея твоей государеве службе, не дал». Аргамаков не только отказал красноярцам в хлебных запасах, но и забрал пятидесятника Афоньку Путимца с десятником Федькой Псковитиним, запер их в остроге и пытал «всякими пытки, — неведомо про какое дело». Мало того, воевода приказал «бити з башен из наряду», т. е. из крепостных пушек, по красноярским казакам, требовавшим освобождения арестованных товарищей. Отбитые от берега пушечными и пищальными выстрелами, без хлебных запасов и денег, отправились красноярцы в поход на бурятскую землю.

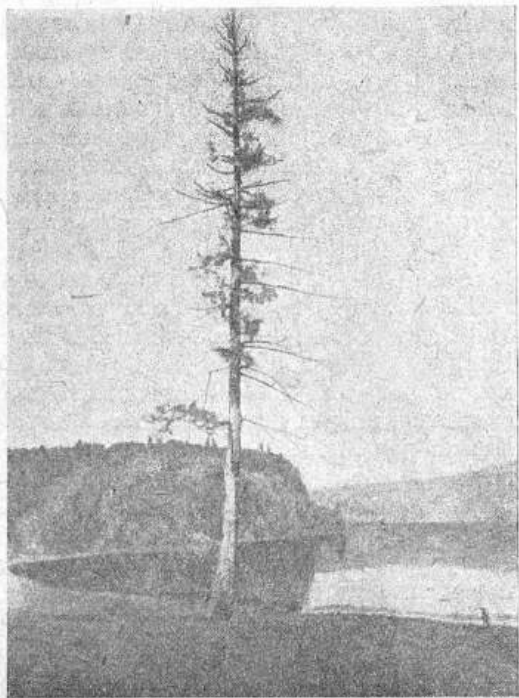
По Тынгуске казаки шли «наги и боси и голодни».

¹ Архив АН СССР, ф. 21, д. 22, № 28.

² Там же.

³ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 12, л. 505.

Пройдя область тунгусских родов Приангарья, они достигли «Братцова большово порогу». Через девять дней красноярцы в легких стругах достигли устья Оки. А на Оке встретили «тех государевых непослушников брацких людей, которые тебе государю преж сего исстари того государева ясаку ни в которые твои государевы остроги не плачивали и мы, государь, холопи твои у тех твоих государевых неприятелей твоего государева ясаку прошали и оне нам от твоего государева ясаку отказали — никому де мы преж сего ни в которые орды ясаку не давали и по нас, холопех твоих, брацкие люди учили стрелять и мы, холопи твои, с теми брацкими людьми дрались и божею милостию и твоим государским счастьем многих государевых неприятелей брацких людей побили и в полон поймали».¹

1. Общий вид р. Ангары при впадении в нее р. Оки, в окрестностях Братского острога у первого «Братского» порога.

После первого сражения на Оке с бурятами красноярцы отправились дальше. «Да мы же, холопи твои, шли от устья Оки реки вверх по Оке десять дней и нашли мы, холопи твои, твоих государевых неприятелей и непослушников брацких людей, и у тех брацких людей твоего государева ясаку прошали. И оне нам, холопам твоим, в твоем государеве ясаку отказали и по нас учили стрелять. И мы, холопи твои, прося у бога милости, учили с ними дратца и божиею милостию и твоим государским счастьем тех государевых неприятелей братских людей побили и после тое драки взяли на них, братских людех, твоего государева ясаку два сорока соболей. И после того вышли мы, холопи твои, из Оки реки и пошли вверх по Ангаре реке и шли легкими стругами 10 дней и нашли твоих государевых неприятелей и непослушников на брацких людех (т. е. наткнулись на бурят. — А. О.) и с них твоево государева

¹ Там же, л. 506.

ясаку прошали. И оне, брацкие люди, твоего государева ясаку нам, холопам твоим, не дали и учили нас, холопей твоих, стрелять. И мы, холопи твои, прося у бога милости, с теми твоими государевыми неприятели дрались и божиею милостию и твоим государским счастьем многих братских людей и непослушников побили и в полон поимали», сообщали красноярцы.¹

Всего, следовательно, красноярцы имели три битвы с бурятами: первая была на устье реки Оки, вторая где-то около Ии и третья, повидимому, близ Уды. Во всех трех битвах буряты были разгромлены, пленные были захвачены в качестве «погромного ясыря», а имущество бурятского населения разграблено. Что касается погрома бурят и тунгусов в Приангарье Яковом Хрипуновым, то сферы грабежа были, очевидно, известным образом разграничены у его полка с красноярцами. По крайней мере, енисейские ясачные книги сообщают: «в тех ясачных волостях на Усть-Илима реки под Братцким порогом зимовал Яков Хрипунов и посылал збирать ясак по тем волостям от себя и тот взяткок объявился в ево, Яковлеве, зборе. А по иным волостем ходили красноярские казаки войною и ясачных людей обвоевали и от тое войны тунгусские ясачные люди оголодали, стали без промыслов, и приносили ясатчиком в соболей место в ясак с себя кожаны и медведна и одеку и олово». ²

Яков Хрипунов брал ясак с бурят по Оке, которые уже числились в енисейских ясачных книгах. О ясачном сборе Я. Хрипунова с бурят дают полное представление «книги ясачные збору Якова Игнатъевича Хрипунова 138 году», которые представил в енисейскую съезжую избу атаман Максим Перфильев, «что был послан по государеву указу с Як. Хрипуновым в подъячих». ³ Енисейцы определенно указывали после, что Хрипуновым были разгромлены уже объясаченные Бекетовым бурятские князцы и их улусные люди. В их ясачной книге рассказывается, что следовало взять ясак на 138 г. «з брацких людей князца Кодогуня и с Кулзуза и с Садая с товарищи против прошлого 137-го году, которые живут на Усть-Оки реки, как те брацкие люди училились под государевою высокою рукою послушны и ясак с себя дали Енисейскому сотнику стрелецкому Петру Бекетову с товарищи

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 12, л. 506, 507.

² Там же, кн. 22, л. 193.

³ См. там же. В хрипуновских ясачных книгах написано: «138 (1629) г. Сентября в 2 день з брацкие земли с князца Баратая государева ясаку 30 соболей с пунки и с хвосты, да 5 пластинишек соболих, да десять недособолишек с пунки и с хвосты, лисиченко красное взято.

Сентября в 9-й день з брацково-ж князца с Кодогоня государева ясаку 19 соболей с пунки и с хвосты, да 18 недособолишек с пунки и хвосты, кошлочикшо, околишко шубное соболей с лоскутьем, вытерт. Да лоскут лисей красной.

Сентября-ж в 12 день з брацково-ж князца Монгола государева ясаку 5 соболей, полшубенка тунгусские соболи, а в ней полвосьма соболя, да окол шубной соболей, а в нем спито 9 пластинишек соболих, да окол пучатой, да в нем же 2 пластинишка соболи взято».

2 сорока семь соболей. И тот ясак з брацких людей из окладу выбыл же, потому что в нынешнем в 138 году тех брацких людей повоевал Яков Хрипунов своим полком и с красноярскими служилыми людьми, и ясак с них взял он, Яков». ¹

После погрома бурят на Оке Хрипунов поспешно убрался в свое Усть-Илимское зимовье, где и зимовал, как мы видели, опасаясь мести бурят. А красноярцы, несмотря на приобретение ясыря и соболей, зимовать не остались из-за недостатка хлеба. «Ходячи мы, холопи твои, на твоей государеве службе», жаловались красноярские служилые люди, «всякую нужу и бедность, голод и наготу терпели и помирали голодною смертью и души свои осквернили — всякую гадину и медведину ели». В 138 (1629) г. «о заморозе» 11—15 октября приплыли они в Енисейский острог, спасаясь от «великово непомерно голоду». ² В Енисейском остроге их встретило челобитье соперников — местных служилых с Вихорем Савиным во главе. Енисейцы жаловались на красноярцев, что они повоевали ясачных мирных людей, и потребовали изъятия захваченного в боях ясыря, который красноярцы везли с собой в большом количестве для реализации на рабских рынках тогдашней Сибири. Воевода отказал; он велел не разрешать провоза мимо Енисейского острога «братских людей, которые учинились послушны», погромленных красноярскими служилыми и участниками «серебряной» экспедиции Хрипунова. Ясырь, т. е. пленников, велено было отобрать и доставлять на аманатский двор. Такая мера задела интересы красноярцев: у них сразу изъяли погромного ясыря 48 человек, у тобольских же и других служилых людей, возвращавшихся с Ангары, отобрали 21 человека ясырей. Все эти громленные люди взяты были, по словам Ждана Кондырева, на Оке в улусах князей Баяракана, Братая и в кодогуневых улусах под Братским порогом.

Воевода, с целью наказания красноярцев, отдал приказ кормить ясырей за счет красноярского жалованья казачьими хлебными окладами. Красноярцы крепко обиделись и на это, хотя им за «воровские дела» никакого наказания не было. Они составили в ответ громадную челобитную на енисейцев, где перечисляли сходные действия последних. Они вспомнили здесь и атамана Вас. Ал. Тюменца в бытность воеводы Опанина, частью перебившего подгородных тунгусов, частью забравшего их в полон для «своей бездельной корысти», т. е. для продажи в рабство. Они рассказали, например, как в 138 (1629—1630) г., енисейский атаман Иван Галкин с М. Шориным погромили ясачного князца Темсеника под городом Красноярском — под самым острогом

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, кн. 22, л. 493.

² Там же, столб. 12, л. 505—508; ср. архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, № 136.

О дальнейшей судьбе красноярского ясыря см. архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, № 141, л. 218.

взяли и разгромили «военным делом» 30 ясачных изб, полонив всех людей, оставшихся в живых после погрома.

«А на нас, государь, холопей твоих, те енисейские служилые люди бьют тебе, государю, ложно, завидуючи к тебе и ради наши службишки и кровь и работы, чтоб нам на твоих государевых изменников и неприятелей на брацких людей вверх по Тунгуске реке не ходити»,¹ писали тогда красноярцы в Москву, обиженные этим поворотом событий.

Нет никакого сомнения в справедливости обвинений, которыми взаимно обменивались енисейские и красноярские служилые люди. Обвиняя красноярцев, — были правы енисейцы, в своих обвинениях по адресу енисейцев несомненно справедливы и красноярцы. Ни о каком выборе между двумя городами, как делает Фишер, не может быть и речи, но симпатии Фишера нам вполне понятны: Фишер стоял на том, что красноярцы были бунтовщиками, а поэтому в этой драке двух остроговиз-за добычи последней не пользовались его сочувствием. Так же решила этот вопрос и Москва. В конце концов, енисейцы-челобитчики победили в споре о том, кому грабить бурятскую землю, ибо на их стороне было бесспорное с точки зрения московских властей право давности, основанное на Бекетовском походе и приведении Бекетовым в ясак окинских бурятских князей. К тому же Енисейск был несравненно сильнее Красноярска, как метрополия, из которой отпочковался Красный Яр в 1628 г. Наконец, именно Енисейск с самого начала вел завоевание Приангарья.

Дальнейшим следствием из создавшегося тогда положения были новые события, о которых вкратце сообщает челобитье красноярцев. «Тот Вихорко Савин», вожак казаков-енисейцев, надевшихся на добычу в бурятской земле, пишет красноярцы, бил челом начальству в Томске и хотел «привести тех брацких людей под твою государеву царскую высокую руку... и просал тех ясырей, который мы, холопи твои, ясырь взяли головами своими и кровью, и нашей работишкой тебе, государю, выслужили. И послан, государь, тот Вихорко в братскую землю, а с ним посланы ис тех брацких людей лутчие ясыри».²

Однако дальнейший ход событий обескуражил енисейцев и привел к плохому концу предприятие, возглавленное В. Савиным. Документы рассказывают, что В. Савин и Сидорко Аникиев действительно посланы были из Енисейска весной 1630 г. к бурятским князям Баяракану, Братаю и Кодогуню, выбывшим из ясачных окладов в 1629 г., т. е. отказавшимся платить ясак с себя и с улусных людей. В. Савину было велено, «пришед в братскую землю, сказать братским князям и их улусов братским людем государеву цареву и великого князя (следует титул. — А. О.) жалованное слово», и уведомить их, что весь ясырь, захваченный крас-

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 12, л. 508, 509.

² Там же.

ноярскими казаками и полком Хрипунова, находится в Енисейске, что этому ясырю «государево жалованное платье и корм дают довольно». А если сами «они, брацкие люди, ныне и впредь государю будут послушны и правду свою и шерть государю дадут и ясак платить станут по вся годы беспеременно, и государь их пожалует — впредь Красноярским и Яковлева полку Хрипунова служилым людям войною ходить на них и ясырей иметь не велит, и от иных сторонних людей велит их оберегать, и прежний ясырь, который у них пойман, велит им государь отдать».¹

Для «уверения» к бурятам в сопровождении Вихоря Савина были посланы сын князца Кодогуня «Бугулдайко да Букиева улусу женка имянем Уенка Бугданьева жена». Если бы буряты отказались поверить в такие большие заботы енисейского начальства о своих погромленных и пленных в качестве «ясыря» родственниках, если бы их не убедило даже появление и рассказы Бугулдайки Кодогунева и Уенки Бугданьевой, то следовало предложить бурятам под гарантией полной неприкосновенности послать в Енисейск людей, кому они верят. Воевода от себя обещал: «задержания им никакова не будет, — пожаловав их государевым жалованьем, отпустит из Енисейского острога в их землю тотчас». С этими речами, с обещанием отдачи обратно ясыря и с пожалованием царской милости В. Савин и С. Аникиев отправились в братскую землицу «в Кодогонев улус» со своим ясырем, женкой да сыном Кодогуня.²

По дороге этой мирной делегации к бурятам имели место чрезвычайно характерные эпизоды, не только дополнительно выясняющие нам черты деятельности красноярской ватаги и дружины Хрипунова в Бурятии, но и сильно повлиявшие, повидимому, на результаты посольства Вихоря Савина. Дело в том, что после смерти Хрипунова значительная часть его людей зимовала на Кошевом Яру в острожке, построенном еще Хрипуновым. Эти люди жили своего рода землячествами по отдельным избам: пельмцы, тобольские казаки и т. д., каждый «город» в своем зимовье. При них оставался за главного Максим Перфильев, но его плохо слушали и в Енисейске, например, хорошо знали, что на Кошевом Яру в людях Якова Хрипунова «шатость великая и воеводы и головы над ними нет».

На этот Кошевой Яр 8 апреля и явились с бурятским ясырем Вихорь Савин и Сидор Аникиев. Их на подворье, т. е. на квартиру, пустил Максим Перфильев, как енисейцев. Некоторое время спустя явился в зимовье Перфильева какой-то «немчин Тобольского города», пришел к послам и стал их спрашивать про сына князца Кодогуня, Булгадайку: где они взяли этого «ясыря»? Они отвечали ему, что идут по царскому указу и по приказу князя С. И. Шаховского с царским жалованным словом в братскую землю. Немчин

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22 (Списки Енисейской архивы, ч. 1), л. 63—71.

² Там же.

отвечал на это от имени всех своих товарищей: «мы де на Томск и Енисейский уезд не слушаем и не глядим и мы детину возьмем». Послам пришлось сказать, что этот ясырь ими куплен, а не отобран у тобольских людей, но и тогда люди хрипуновской экспедиции не успокоились, принялись их «позорить неподобною лаею при иноземцах, а говорят: вы де накупились». На шум пришел пленник, «брацкой мужик-шаман», внушавший, видимо, известный страх русским людям, а потому и пользовавшийся относительной свободой. Шаман стал расспрашивать Вихоря с товарищем: «для чево де вы, послы, идете в братцкую землю»? Они изложили ему все содержание воеводской декларации к братским людям — о походе Я. Хрипунова с красноярцами на бурят не по царскому указу, о приеме ясыря на аманатский двор и т. д.

Услышав это, пелымские служилые заявили послам: «что ти за дело с нашим ясырем говорить»? А люди Томского города хотели их даже убить. После этого послов выслали вон из зимовья — «жити не велели». ¹ Выручили их только другие сургутские и пелымские казаки, поселившие послов у себя.

После столкновения с послами у перфильевского жилища тарский служилый Митька Палач поймал на улице перед воротами зимовья сына князца Кодогуня, Булгадайку, и стал его бить по щекам, «ушиб о землю» и бил ослопом насмерть. Вихорь Савин прибежал на Яр из «подгорья» и стал Митьке Палачу говорить: «за што де ты Дмитрий, малово убил? Малой послан по государеву указу в свою землю, велено ему рассказать государеву жалованное слово». Вместо ответа тот кинулся и на Вихоря со своим ослопом. Среди бытовых сцен, которые наблюдал В. Савин на Кошевом Яру, была и такая, возмутительная по зверской своей грубости: служилые люди поймали двух «женок-ясырей» у Гришки Толмача и татарина Урангилдея, а затем «учали их позорить при всем мире среди дни при иноземцах и учали соромотить, человек с 50, дву женок, а сами стоят кругом, а их среди кругу позорят — наругаютца, ростения за руки и за ноги держат».

Вихорь Савин и его товарищи не были убеждены, что князь Шаховской им поверит, и на этот случай просили его справиться обо всем у Перфильева и хрипуновского серебрянника Ивана Репы, очевидца всех происшествий на Кошевом Яру. Даже больше: послы были уверены и в своей собственной горькой участи, зная, что и их голов здесь ищут. «Наши головы — недороги», пессимистически заключали свою отписку из Кошевого Яра С. И. Шаховскому В. Савин и Сид. Аникиев. ² Пессимизм Вихоря Савина оправдался на деле, правда, уже после отъезда из Усть-Илимского острожка Якова Хрипунова, когда послы прибыли к бурятам и стали уговаривать князцов снова дать ясак царю. Князец Кодогунь принял их мирно, так как его сын Булгудай остался, повидимому, живым и был возвращен отцу. Но во время «уговоров» князца Кодогуня,

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 31, л. 58—60.

² Там же.

рассказывал после С. Аникиев, к Кодогуню в улус приехал князец Байракан со своими людьми, забрал Вихоря Савина и свез его в свои улусы, а Сидора Аникиева связал, но затем отпустил. В. Савин, инициатор посреднической поездки к окинским бурятам с целью приведения их в прежнее ясачное холопство, оказался сам в аманатах-заложниках, пока из Енисейска не отпустят всех бурятских жен и детей с шаманом, захваченным людьми Хрипунова. А несколько позже пришли вести от тунгусов из-под Братского порога о судьбе В. Савина; тунгусы говорили служилым людям, что князец Байракан убил Вихоря у себя в улусе. Байракан гонялся и за Сидором Аникиевым, но «Сидора де уберег брацкой же князец Кодогун», убить его Байракану не дал, а «справодил с своих улусов сам со своими улусными людьми до государевых ясачных тунгусов». ¹ Очевидно, С. Аникиев или не знал о смерти В. Савина или был так напуган угрозами Байракана, что не решился даже рассказать в Енисейске о гибели спутника, и весть о судьбе Вихоря пришла туда во всяком случае сравнительно поздно.

Смерть Вихоря Савина снова возбудила надежды у красноярцев на возобновление их походов с целью погрома государевых изменников. Ссылаясь на смерть В. Савина и на непослушание братских князцов, они просили «пожаловать их за службишко, кровь, за работу и за голодное терпенье для их великой бедности» — отдать им обратно пограбленный ясырь и затем разрешить итти в новый поход на бурятскую землю. Несмотря на убийство Вихоря Савина бурятами, ходатайство красноярцев, однако, не имело успеха.

Сложное и опасное дело возобновления связей с «взбунтовавшейся» и отпавшей от царской руки бурятской землей поручили Максиму Перфильеву, «проворному и искусному человеку», по отзыву Фишера. В 1630 г. Перфильева послали «их, братских людей, уговаривать и учинить в братской земле крепость». ² Максим Перфильев вместе с десятником Семейкой Родюковым, во главе отряда из 30 казаков, с бурятским ясырем хрипуновского полка — «тремя робятами», выступил из Енисейска на Ангару 3 августа 1630 г. Воевода дал отряду Перфильева строгий наказ «итти бережно и усторожливо, чтоб пришед под брацкие улусы усмотреть место угожее, крепкое» и поставить под брацкими улусами на устье реки Оки новый крепкий острог. А затем, «укрепясь гораздо», Перфильев должен был послать от себя к бурятам тунгусских толмачей и вожей, «которые живут блиско их, брацких

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 12, № 508, 509; архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 63—71.

² В связи с бунтом служилых людей было приказано послать в Тобольск из Енисейска замешанных в этом бунте атамана Василия Тюменца с товарищами, а из остальных участников выбрать человек 5—6 и «буде их воровство сыщется, велено бити кнутъем». Максим Перфильев тогда же был поверстан в «Васкин оклад», на место Тюменца. См. архив АН СССР, ф. 21, Списки Енисейской архивы, ч. I, № 20, л. 29 (15). Ср. выше, стр. 33.

людей, и государю которые прямят». Тунгусы должны были говорить братским людям, чтоб они ехали в новый острог к М. Перфильеву «к государеву жалованному слову и своих бы детей смотрели». В том случае, если приедут сами бурятские князцы, воевода наказывал отдать им их детей из числа хрипуновских полоняников, но при этом вместо ребят взять в аманатство самих князцов или лучших людей («и за теми князцы и лутчими людьми, только их будет мочно взять, приводити их, брацких людей, под государеву царскую высокую руку и велети им шертовати»). Особое место в наказе уделялось вопросу об убийстве Вихоря Савина в Баяракановом улусе. Воевода приказал требовать от бурят, чтоб они «меж себя сыскали, а сыскав привели в острог Вихоревых убийцов». ¹

25 октября Максим Перфильев и С. Родюков с товарищами писали в Енисейск «из-под брацково порогу из Инимского острожка, где стоял наперед сего Яков Хрипунов», что они ходили из-под этого братского острожка в легких стругах к братским людям на устье реки Гея, оставив хлебные и пушечные запасы в зимовье на устье Илима. ² Немного не дойдя до бурятских улусов, М. Перфильев послал к бурятам на разведку тунгуса по имени Халинку, которому Перфильев приказал призывать братских людей, и в ответ на призыв «братские люди, князец Кожгун да брат ево князец Кодогун да Братай с товарищи, которые наперед сего государев ясак платили», приехали в стан М. Перфильева. Приехавшим князцам служилые люди сказали «жалованное царское слово», что царь пожаловал их и велел отдать им ясырь, захваченный Яковом Хрипуновым и красноярцами, а также пригласили их от царского имени обратно в ясачное холопство. В ответ на жалованное слово и обещание царской милости князцы якобы «учинились под государевую высокую рукою», стали уверять Перфильева, что они «ево государские вековые холопи и ему государю служити прямити и ясак с себя платити рады», да и раньше служили царю верно, «дурна и задору никакова не чинили, а того де они не ведают, за што их красноярские и Яковлева полку служилые люди погромили, жен и детей их в полон поимали и во всем до основания разорили». После переговоров, как доносил М. Перфильев, князцы дали ему с себя 15 соболей. Больше соболей князцы не могли дать и просили сроку до весны, «потому что де они грабленные, государева ясаку в прошлом году не промыляли, жили в побегах, блюдяся от служилых людей достальнова раззорения». Князцы тем не менее обещали, что буряты начнут этой зимой промылять ясак и весной сдадут ясак полностью. ³

¹ Архив АН СССР, ф. 21, Списки Енисейской архивы, ч. I, № 20; ср. ГАФКЭ, Сибирский приказ, кн. 34, л. 665.

² Река Гея не может быть отождествлена с рекой Ией (Ия) — притоком реки Оки, так как ее устье находилось ниже Падуна (см. архив АН СССР, ф. 21, Списки Енисейской архивы, ч. I, № 43). Это была река Вихорева, потунгуски — Гея.

³ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 63—71.

Буряты просили привезенный Перфильевым ясырь отдать тут же, и М. Перфильев «для веры и для приучки» отдал им одного парня, «чтоб им впредь государю служить и ясак с себя платить» и приезжать в острожек впредь «повадно» и «бесстрашно». Оставил у себя Перфильев только двух «робят»: дочь князца Кодогуня да сына второго бурятского князя Котогора, на всякий случай, «если бы князцы решили изменить свое поведение».

На вопрос об убившем В. Савина князце Баяракане князец Кодогунь дипломатично ответил, что «Баяракан со всеми улусными людьми с своих жилищ откочевал на степь, от них далече, для того что блюдетца на себя от служилых людей приходу, а убил де Вихоря ево Баяраканов брат, напився пьян».

В отписке М. Перфильев ставил после этого в известность енисейского воеводу о предполагаемом походе в братскую землю для строения острога. «И как бог даст лед скроетца», М. Перфильев предполагал идти в «большие браты за льдом, по первой полою воде» собирать ясак, обещанный князьями, и ставить острог в самой братской земле «блиско братских улусов». Он надеялся также взять в аманаты лучших людей при одном условии, чтобы были в остроге «люди не малые». Надо было также иметь большие запасы, чтобы гарнизону нового острожка сидеть «от брацких людей безстрашно и голодною смертию не помереть». Пример Баяракана, который, «мстя свою обиду, что де ево на бою красноярские казаки ранили», убил В. Савина, был вполне достаточным обоснованием таких предосторожностей; Перфильев, как человек хорошо знакомый с бурятскими делами, это вполне учитывал. Что касается Баяракана, то Перфильев надеялся уладить дело при помощи Кодогуня: «а будет де князец Баяракан ныне зимою на свое жилище прикочует и он де, князец Кодогунь, учнет ево, Баяракана, к государской милости призывать в острог». ¹

В следующем году планы Перфильева о приведении в покорность и в ясачный платеж ангаро-окинских бурят были выполнены с успехом. Ясак был взят сначала со старого доброжелателя русских завоевателей Кодогуня и его брата Котогора, а потом с князца Баратая, Уныгея и даже вернувшегося из дальних кочевьев Баяракана. Эти князцы и племянники князцов шертвали царю «по своей вере» и тем самым была восстановлена на формальных основаниях прежняя связь между русскими завоевателями и бурятской социальной верхушкой. Буряты официально вернулись в русское подданство.

Всего взял тогда Перфильев с бурятских князцов 4 сорока 23 соболя с хвостами и пластину с соболю да за соболя «лиси-ченко красное». При этом Перфильев оговаривался, что «росписи имянные братским улусным людям, сколько человек под которым князцом людей в улусе, ... не привез». Причина эта очень

¹ Там же.

показательна для оценки создавшегося положения: «потому что брацкие люди učinились под государевою царскою рукою вновь и в острожек к нему, к М. Перфильеву, с товарищи, к государевой милости приезжали одне князцы, а спрашивать де было ему Максиму Перфильеву улусных людей пмяна вскоре не уметь, чтоб тех брацких людей не ожесточить». ¹ Князья приезжали в острог к Перфильеву, а также сделали особый мирный визит на Илим, где в то время находился Иван Галкин. Кодогон (Кодогунь) и Котогор явились к нему «о покрове». Галкин их встретил с честью, поил и кормил «государевым жалованьем». Гости же заверили хозяев, что они теперь «с государевыми людьми мирны». ²

Мир с бурятами временно обеспечен был возвращением Кодогону его дочери, а Котогору его сына. Кроме того, за «подарки немалые» Кодогон выручил из плена жену своего племянника «Манку». Перфильев шел на всяческие уступки бурятским князьям, и, конечно, не было сделано даже попытки выполнить тот пункт наказа, где предлагалось потребовать у братских людей выдачи убийцы Вихоря Савина. ³ Наоборот, позднее М. Перфильев ставил себе в особую заслугу приведение к шерти «государева изменника — братского князца Маярахана, который убил Енисейского острогу стрелецкого сотника Вихоря Савина». ⁴

Ясаку М. Перфильев взял также столько, сколько ему дали добровольно сами буряты, повидимому, с учетом товарного эквивалента в виде «государева жалованья», т. е. по сути в порядке обмена бурятских мехов на русские сукна, металлическую утварь и украшения.

Первая часть наказа Перфильеву (о призыве бурят в ясак) частично была выполнена им еще до зимовки. Для выполнения второй, т. е. для постройки острога, требовались подкрепления, — своего отряда из 30 человек Перфильеву нехватило бы для этого, — а с подкреплениями дело обстояло плохо. В то время енисейцы как раз добивались перевода войск из Красноярского острога, а следовательно и упразднения или уменьшения последнего. В 1630 г. из Москвы в ответ на ходатайство енисейского воеводы пришел указ свести из Красного Яра 200 человек, чтобы приводить в покорность цемирные земли по Ангаре. Таким образом, только путем снижения роли Красноярска был временно урегулирован спор Красноярска с Енисейском и, также за счет Красноярска, временно решена проблема завоевания Ангаро-ленского бассейна. Воевода томского разряда, которому поручено было исполнение указа о приверстании Красного Яра к небольшим

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, кн. 34, л. 665.

² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 41, л. 108.

³ Там же, № 38.

⁴ Здесь, как и в других случаях, дается общепринятая в литературе транскрипция имен, тогда как в цитатах выдерживается написание подлинника («Перфирьев», «Маярахан-Баяракан»). В некоторых случаях автор считал возможным и вне цитат использовать характерные слова и термины документов («Братская земля», «шатость») в их прежнем значении XVII в.

острогам, вроде Мелесского или Маковского, не проявил расторопности, «о государеве деле не радеючи».¹ Свести людей из Красноярска он свел, а в Енисейск прислал их поздно, «испустя зимнюю пору», 26 марта. Пришло 41 человек, да и те были наги и босы, нужны и бедны, пропились и проигрались зернью на Красном Яру у воеводы Архипа Акинфова. Остальных 109 человек красноярский воевода упорно не слал, «рияся» на указ о сведении воевод из Красноярска. Только весной по полой воде Акинфов прислал из Красного Яра 141 человека, «выбрав воров, а иных людишек нужных и больных», причем велел ехать обратно зимовавшим на Енисее 45 человекам. Енисейский воевода приказал служилым людям, красноярцам, которые зимовали в Енисейске и, по словам отписки, ели «государево жалование даром», служить в Енисейском уезде. К наличным 86 человекам он приказал прибрать еще 61 человека из вольных гулящих людей и послать в братскую землю к атаману Перфильеву на перемену и подкрепление с пятидесятником Василием Москвитиным. К Ивану Галкину с Петром Бекетовым, завоевывавшим Лену, велено было отправить 40 человек, в иные же земли воевода отправил человек по 10—20.

Вторая часть наказа, данного Перфильеву, т. е. постройка нового острога в бурятской земле, также была выполнена им поэтому лишь после зимовки, когда подоспел посланный Перфильеву на смену Василий Москвитин с 20 красноярцами, переведенными в Енисейск. Москвитин шел с 8 мая в двух легких стругах наспех со специальным заданием доставить новый острог вместе с Перфильевым. За ним 20 мая вышел на Ангару еще пятидесятник Петрушка Ропот с 30 служилыми. И Ропот и Москвитин должны были после постройки острога остаться в нем на годовую службу, сменив Перфильева.²

Наказ не выполнен был только в части определения места нового острога. В свое время Бекетов указывал именно место около устья реки Оки, по заречной левой стороне Тунгуски. Это объяснялось простым соображением: все буряты жили на правой стороне Ангары и вверх по Оке. Бурят не было только на левой, северной, стороне ангарской долины. Река Ангара достигает здесь огромной ширины, и Бекетов делал правильный вывод: «буде брацкие люди не похотят давать острогу ставить и похотят з государевыми людьми битца, и им де будет за реку домышлятца, мешкотно, а государевым де людям на заречной стороне будет усторожливо».³

¹ Ср. там же, № 42. «Красный Яр», советовал Москве енисейский воевода, «надо збавить», сделать его «невеликим острожком», таким как Мелесский и Маковский, т. е. с гарнизоном не больше 40—50 человек.

² Там же, д. 22, № 37, л. 84—87; ср. там же, д. 17, № 136 (отписка енисейского воеводы Ждана Кондырева в Томск о положении дел на Ангаре в 138 г.).

³ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 43.

Перфильев, учитывая обстановку, защищал еще более осторожную политику. Он не надеялся и на мешкотность переправы, а река Ангара, при всей ее ширине и бурном течении, по его мнению, была ненадежной защитой. С особой силой он выдвигал трудности хода по Ангаре, напоминая, как впервые шел сам Бекетов по порогам, потеряв один струг и «запасенко». Перфильев категорически заверял воеводу, что в случае приятия Бекетовского варианта острог вообще не будет поставлен, а ему не дожидаться подкрепления и придется помереть голодной смертью, так как до устья реки Оки «на кочах не подытятся не токмо одним летом, но и в полтора лет». ¹

Вместо опороченного бекетовского плана он предложил и выполнил иной: «а только дадут братские люди острог ставить по Тунгуске реке на левой стороне, и тот острог будет под самыми братскими улусами», на расстоянии всего полдница ходу в легких стругах до Окинського устья. 18 июня 1631 г. Перфильев доложил в Енисейске воеводе о завершении постройки острога ниже устья Оки на полднице ходу (в 40 км) в двух плесах у «Брацкого порогу Падуна» в Кодогоновых улусах. ²

Постройка нового острога на Падуне, укрепленного, по словам Перфильева, «всякими крепостями», и удвоенный гарнизон этого острога показывают, насколько серьезно относились в Енисейске к положению в бурятской земле. Правда, Перфильеву предлагали в свое время идти по следам Бекетова за устье Оки чуть не до Байкала. Перфильев резонно возражал, что «некем де ныне успеть, потому что нам хотя по нашей силе и по людям в брацкой земле острог поставить, и брацких людей к шерте привести, и ясак с них взять». На Байкал нужно было много служилых, да и вообще в таком походе, «хотя и ходити, ино ничего не ухахати, разве (т. е. кроме. — А. О.) нужи да волокиты не будет ничего», так как по Ангаре вверх живут теперь буряты «несмирные», хотят с царскими служилыми людьми «битца». Люди они грабленные и совсем «раззоренные», станут мстить за разгром и будут отчаянно сопротивляться продвижению казаков в их землю. ³

Миссия Перфильева выполнила свою роль — компромисс с социальной верхушкой бурятских родоплеменных групп был до-

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 43; Перфильев впервые описал ангарские пороги у Братска. По его словам, идут почти «до Усть-Оки реки многие великие и непроходимые пороги, первой брацкой порог-словет Шаманским, добре велик и долог больше четырех верст, а по обе стороны порогу камень-утес добре высок и каменибойца много, а ворота в нем дале пору (? — А. О.) реки, а не оберег. А другой Долгой порог в брацкой земле за Вихоревою рекою больше десяти верст, а по обе стороны порогу камень добре высок и бечевника в нем нет, а идти все завозами. А третий порог Падуни блиско под брацкими улусами, только в полы добре сух и воды в нем мало и крут добре и подыматца на него, что на гору. А от Падунского порогу до Усть-Оки реки в брацких улусах еще два порога и в кочах не подытятся».

² Там же, № 46, л. 118—121.

³ Там же, л. 111—115.

стигнут; но основная масса бурят не получала царских подарков и не слышала «жалованного слова», дети, жены, братья и сестры улусников жили на аманатском дворе попрежнему, продавались на работорговческих рынках Сибири и умирали в неволе.¹ Слова Перфильева о желании братских людей «битца» с царскими войсками отражают отчаяние ограбленных и разоренных масс бурятской народности, их решимость и готовность к борьбе даже вопреки воле князей. Тунгусы, прежние бурятские данники-киштымь, после подданства князей Байракана, Кодогоня и других владельцев бурятской земли, прекратившие сопротивление может быть в надежде, что новые господа будут не хуже прежних, тоже начинают волноваться. На первых порах они так же покорно несли ясачное бремя, как бурятский албан, но, видимо, оно оказалось тяжелее, а новые завоеватели гораздо жестче бурятских князев. Вместе с подъемом направленного против русских движения в улусах у бурят, оформляется недовольство и у тунгусских родов, выражаясь в различных конкретных формах («шатости»).

Вести из бурятской земли после ухода оттуда Перфильева были снова тревожными. Пятидесятники В. Москвитин и В. Попот 20 августа сообщали воеводе Шаховскому о том, что 8 августа братские люди прислали к ним в острожек на Падуне трех своих киштымь — шамана с двумя тунгусами. Киштымь бурятские князцы приказали заявить, что они отложились от царя, «изменили ему, и не хотят больше давать ясак с себя и с своих улусных людей ясачным сборщикам, а служилым людям «во всем отказали». Через киштымь бурятские князцы прямо бросили вызов казакам — «звали де их служилых людей к себе битца» и намеревались прийти под Братский острог всей бурятской землей с тунгусами-киштымьами вместе.² Буряты уговорились также с тунгусами, чтобы им убивать отдельных служилых, когда казаки пойдут из острожка для ясачного сбора, на рыбный или звериный промысел.

Гарнизон острожка в силу такого известия сел в осаду и, само собой разумеется, не решился принять вызов бурят итти биться

¹ В 140 (1632) г. из Томска был послан письменный голова Федор Дементьев в Енисейский острог для сыска про ясирь, который отобрал С. Шаховской у красноярцев и Хрипунова. И «буде поимали в немирных землях», ему велено было раздать ясирей казанам, а если взяты ясирь в ясачных волостях, — привести в Томск и раздать по тамошним (! — А. О.) ясачным волостям лучшим людям. В Енисейске 35 служилых людей сказали Дементьеву, что ясирь был взят из улусов Кодогоня, Братая, Баракая с сыном Думкеем, Букия. Эти же князцы в 137 г. «без войны» заплатили ясак Бекетову. Поэтому томское начальство разрешило отправить бурятский ясирь в их улусы, с условием взять за них в аманаты «добрых братских людей». Но отписка из Томска запоздала, пришла зимой, и до полои воды выполнить приказ в Енисейске не могли, а в марте 141 г. получили вести, что буряты опять все отложились. Так ясирь остался в Енисейске еще на четвертый год! См. архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 141, л. 218.

² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, № 136.

в бурятских улусах. Воевода через четыре дня после письма из острожка на Падуне послал туда к ним подкрепление из шести казаков, с которыми были отправлены и дети князцов — Ниткей, сын Котогора, и племянница князца Кодогуня. Чтобы вернее успокоить князей и снова привлечь их на сторону русских, из Енисейска послали четверем князцам — Кодогуню, Котогору, Унегилдею и Братаю — подарки: по четыре аршина лазоревой летчины. Баяраканову сыну Нозораку дали аршин сукна — «настрафили чревчатого», а всем князцам сверх того по рубашке, по порткам, по чаркам (кожаная обувь) и чулкам к ним. Всего по енисейской цене подарки стоили 12 руб. 3 алт. 2 деньги, не считая одежды, купленной специально по этому поводу бурятскому ясырю — княжеским родственникам, посланным для умиротворения князцов. 20 мая 1632 г. из Падунского острожка в Енисейский острог пришло 29 казаков с десятником Баженком Поленовым. Судя по словам последнего, порты и рубашки смягчили князцов бурятской земли, но о покорности последних нельзя было и думать до отправки внушительной военной экспедиции. Братские люди, говорил Поленов, ни в чем царю не послушны — «только де их твоею государскою грозою не умирять и доброво де ясаку с тех брацких людей противу иных ясачных людей не будет». ¹

Б. Поленов привез с собой мягкую рухлядь, которая служила наглядным подтверждением справедливости его слов. Эти «поминки» от бурят составляли всего-навсего 16 соболей да 4 «недособолишка летних, голых». Кроме того, Поленов привез одно «ожерелье братцкое», ценою в 3 рубля, 42 ясачных соболя, в том числе 3 опаленных, да всякой мелочи на 18 руб. 1 алт. 2 деньги. В то же время немногочисленные бурятские киштымы, жившие поблизости от острожка, дали в ясак 64 соболя и 42 пупка, ценою на 14 руб. 6 алт., почти столько, сколько собиралось со всей многолюдной и богатой бурятской земли. С точки зрения казны, даже и по енисейским ценам, такое положение было явно убыточным. Ясаку в 139 и 140 гг. собрали ценою на 141 руб. 21 алт. 2 деньги, а только царских подарков послали князцам на 55 руб. 16 алт. 2 деньги, не считая расхода по содержанию ясыря, который кормился и одевался на царский счет и на счет казны же был отправлен к родственникам в улусы. Воевода допросил поэтому Б. Поленова: почему казаки брали с бурят в ясак и поминки вешних и летних, опаленных и голых соболей с недособолями, которые «государеве казне негодны и не против государева жалованья — подарков и ясырю». В ответ Б. Поленов рассказал, что как только пришлют в братскую землю царские подарки, жалованное питье и корм, бурятские князцы «в тое пору ясаком помянут» и придут сами в острог. Служилые люди вынуждались «по неволе» брать тех плохих соболишек, которых к ним прине-

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, № 136.

сут буряты, потому что, согласно царскому указу и воеводской памяти, князцов «ничем гневить не велено, а велено им их братских людей уговаривать ласкою». Эти рассказы подтвердил затем отпиской и Василий Москвитин из Падунского острога, утверждавший, что теперь непослушание бурят выражалось в еще более определенных формах. Буряты не только не давали добрых соборей в ясак, но и «наругались» над ясачными сборщиками у себя в улусах, не пускали их ночевать зимой в юрты, грабили и называли «худыми людишками». ¹

Пятидесятник Москвитин, сменивший Перфильева, бил челом воеводе о том, что посылал в верхние братские улусы десятника казачьего Фому Кочергина и толмача М. Тарского. «Недошед Букиева улуса» на устье Чадомы, братские киштымы-наляги хотели побить этих служилых людей, в частности М. Тарского, потому «что он был с красноярскими людьми и оне его узнали»; тунгусы на этот раз только пограбили царскую казну и служилых людей, отобрали у них зипуны, котлы и запас, но тем и ограничились — «пограбили да и отпустили». Правда, как рассказывает отписка с обычной простотой про служилых, «оне хотели помереть», у них даже не осталось ни одного котла, «в чем кашу варить». Только когда им дали котел братские люди — «чем дойти до острогу», ограбленные служилые могли вернуться к пятидесятнику с вестью о грабеже. ² Дела осложнились настолько сильно, а указания служилых людей из Братского острожка на непослушание бурят были так настойчивы, что воевода усомнился в прежней тактике «ласки и привета» по отношению к князцам и обратился с вопросом к начальству: что делать дальше? Прибыли-де от бурят нет, да и впредь от них ничего, кроме «дурна», ждать не следует.

В Падунском острожке оставалось всего 25 человек, да и те без хлеба. В Енисейске нашлось им на помощь только 12 казаков, которых Ждан Кондырев и послал с хлебом к Падуну, чтобы гарнизон острожка от голода не бросил своей службы. Такой «государевой грозы» князцы не боялись. Об этом лишний раз свидетельствовал, например, и следующий факт. В 1632 г. приехал в «братья» из нового острога толмач Григорий Яковлев с товарищами для сбора ясака с «братских князцев», но услышал «вести дурные» о положении дел в братской земле. Киштымы, «которые государю прямят», сказывали служилым людям: «как де река станет и братские люди великие будут под острог и хотят де острог огнем жечь». Испугавшись плохих вестей, Москвитин жил теперь в остроге бережно и усторожливо, даже на промыслы отпустить голодных служилых людей не смел: в тайге им угрожали тунгусские стрелы и пальмы. ³

¹ Там же.

² Там же, д. 22, № 51, л. 135.

³ Там же, № 51, л. 134, и № 52. «Пальмы» — однолезвийные ножи на длинной рукояти.

Гроза действительно надвигалась. Началось с того, что приехали служилые люди в 141 (1633) г. к бурятским князям за ясаком и «у брацких князцов ясаку прошали», но князцы «учинились непослушны, ясаку не дали». В разговоре со служилыми людьми, сменившими Москвитина, о причине отказа от ясака князцы сказали им: «Нам дати нечево, да и за што? Приезжали преж вас для государева ясаку Максим да Василей и оне нам государевы подарки давали сукна и олова, хлебом кормили и вином поили, а от вас де государевых подарков нет». Служилые люди в ответ на слова князцов оправдывались: за то им подарков нет, что они давали Василию Москвитину соболи худые, опаленные. Если добрый ясак дадут хорошими соболями, то царь их пожалует и пришлет подарки.

Смятение в остроге еще больше увеличилось, когда в марте гарнизон острожка получил новую тревожную весть. От Байкала-озера приехал братский князец Когун с сыном, и с ним пришло улусных людей 100 человек, которые стали жить вместе с Котогуном. «И думы у них не ведаем, для чево вместе скопятца», писали тогда казаки. Они сообщали дополнительно, что «брацкой князец Баракан велит побивать служилых людей своим братским мужикам, которые живут блиско острогу, где которого ни увидят». Живших вблизи от Падун бурятских киштымов, человек пять-шесть, которые давали в ясак по два и по три соболя с человека, и всех остальных киштымов с Ангары братские люди взяли в свои улусы, сказав, чтобы они не давали больше соболей казакам. По окрестным рекам оставалось еще много пеших людей, но тунгусы, обитавшие около острога, отказывались вести туда ясачных сборщиков, потому что боялись бурят. Положение осложнялось и тем обстоятельством, что для прикорма и ласки по отношению к бурятским киштымам-тунгусам и «пешим людям» не было ни жиру, ни олова казенных — приходилось служилым людям давать им собственное олово, чем себя служилые люди, по их словам, «оскудили». Плохо было в острожке и с кормом для самих казаков, давала себя знать «хлебная скудость».

Наряду со старинным врагом русских пришельцев Баяраканом Вакодоровым в «непослушании» приняли участие и другие князцы, в частности — Тыргоурд, Уныгидей.¹ Тем не менее, несмотря на сигналы из Братского острожка, енисейское начальство с ответом не торопилось. Из Енисейска 29 мая 1633 г. смогли послать на Ангару только 16 человек служилых с пятидесятником Вас. Чермениновым во главе этого отряда. В это самое время пришлось вернуть на Красный Яр переведенцев-казаков в числе 150 человек, и больше войска в Енисейске не оказалось. С Чермениновым по опыту прошлых лет отправили и «ясырь». Запасы наиболее ценного ясыря уже истощились, на-

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 55, л. 140; ср. там же, д. 17, л. 218, № 141.

шла только одна княжеская дочь Букеева улуса, по имени Нухана, а остальные оказались черной кости. Это были «женка — Босухогонова жена, женка по имени Секрыра из Кодогунева улуса, да парень Хабар Басалганов». Больше послать ясырей не решились из-за боязни нападения бурят, которые могли отбить свой ясырь, а вместе с тем и перебить служилых. Хорошо зная, что буряты непослушны попрежнему, дают в ясак худую, никуда не годную рухлядь — «на смех», а за собой держат многих тунгусских людей и берут с них ясак, воевода учитывал реальную опасность «потерять даром» Братской острог и потому особо наказал Черменинову не начинать задоров с бурятами.¹

И в 1633—1634 гг. стрелецкий пятидесятник Василий Черменинов попрежнему сообщил только неприятные вести в Енисейск о братской земле. Посылал он из острога «к братским князям Кодоге и к Кутогору и к Братаю и к Негутаю служилых людей для ясачного сбора и для аманатов», но князцы ясака сначала не дали и держали у себя посланных за ним две недели «и им насильства чинили и хотели их побить». Правда, ясак после всего этого князцы все-таки дали, но всего только «23 соболишка, да пять пластинышек».²

Вырвались служилые люди из кочевьев бурятских непослушных князцов только при помощи братского же мужика Салмачка, потому что они отдали ему его сына Хабарка — одного из числа тех ясырей, которые отобраны были у красноярцев. Салмачко «сберег» служилых людей, не дал их побить и проводил до Падунского порога. В остальные ясачные землицы В. Черменинов послать никого не смел из-за боязни убийства служилых бурятами.

В это время бурятские князцы успели забрать в свои кочевья остальных ясачных людей, тунгусов и налягов. Кроме того, Баяракан устроил большой набег в окрестности острога. Он приехал под Падунский острожек по Вихоревой речке по первому зимнему пути, с сыновьями своими и с улусными людьми, переграбил ясачных людей, одного мужика «убил до смерти», а остальных забрал живыми с собой. Кроме того, Баяракан приказал ясачным людям, которые жили по речке Вихоревой, не давать ясака казакам: «только де хто станет из них нам ясак давать с себя и они де их всех до конца разорят».

Угроза полного разорения не только ясачных людей, но и самого острожка непослушными братскими людьми была снова настолько велика, что служилые люди опять писали воеводе об отсутствии достаточных сил в остроге для защиты ясачных людей — тунгусов и налягов и кочемаров, — указывали, что В. Черменинов со всем гарнизоном острожка «сидят в осаде», а приезжающие в острожек дружественные тунгусские люди рассказывают о намерении бурят взять обманом острог, «перебить в нем служилых».

¹ Там же, д. 22, № 141.

² Там же, № 63.

При такой «тесноте» от бурят, заключали свои челобитья казаки, «впредь такими невеликими людьми быти в Братском острожке не уметь». ¹ Так как в Енисейске попрежнему не было необходимой вооруженной силы, то в Томске, наконец, вняли просьбам енисейского воеводы. 14 июля 1633 г. оттуда послали усмирять бурятскую землю Д. Копылова с большим отрядом. Пока Копылов шел, настало осеннее время; в Енисейск он пришел только 17 сентября и потому вернулся обратно в Томск. ²

Воевода Андрей Племянников смог только в ответ на слезные челобитья В. Черменинова со служилыми людьми послать в братскую землю 22 июня 142 (1634) г. пятидесятника Дунайка Васильева во главе значительного все же по тому времени отряда из 60 человек, вооруженных огненным боем. Этот отряд должен был заменить в Братском острожке В. Черменинова с его товарищами, а затем взять «за аманаты» с братских князцов и их улусных людей ясак на 143 (1634—1635) г. сполна, а также «приводить в ясачный платеж и иные немирные землицы», ³

Так как основной причиной неуплаты ясака князцы выставляли недостаточные и плохие подарки от приказных людей, экспедиция Д. Васильева должна была привезти обильные дары князцам. Д. Васильев вез с собой для этой цели десять аршин темносинего полуанглийского сукна, четыре рубашки, четверо штанов холщевых, пуд меди зеленой в котлах и в тазах, пять безменов олова в блюдах и в тарелях. При помощи этих подарков Д. Васильев должен был призывать братских князцов Кодогона с братом Котогором, Негутая да Баяракана с их улусными людьми, чтоб они брали свой ясырь и надеялись бы на царскую милость. Затем следовало вместо ясыря взять аманатов из числа «добрых брацких людей» и сказать жалованное слово, накормить и напоить князцов, вручить им сукна, рубашки и штаны при условии дачи ясака с прибылью. Если же князцы будут неуступчивы и непослушны, Д. Васильев должен был «чинить поиск».

Кроме жалованного слова Д. Васильев получил наказ выговаривать братским князцам за их вины, что они живут в царском жалованье, а ясак с себя платят неполный, гораздо меньше прежнего, «да и то дают с себя наш ясак соболишками, которые мало не в зиму родятца». Так как князцы берут себе «многое жалованье», но не соблюдают своей шерти, то от их измены «в мяхкой рухляди, в ясаках и поминках учал быть недобор, в казне убыль

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 63.

² Копылову наказали из Томска итти «под брацкой порох (т. е. порог — А. О.) в новой брацкой острожек днем и ночью, не мешкая ни часу; приди туда, уговаривать бурят, а над непослушными промышлять, сколько бог помочи подаст». Если бы оказалось нужным, Копылов мог остаться в острожке и до перемены на следующий год (см. архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, № 142).

³ Там же, № 159.

великая». Если же этих выговорных слов буряты не послушают и от «дурна не отстанут», надо было им теперь уже сказать, что с ними «учинят, как Я. Хрипунов, с нашими служилыми людьми, учинил», и будет та «кровь самим от себя за свое непослушание и измену».¹

22 июня экспедиция Дунайки Васильева была отправлена воеводой в братскую землю, а 2 сентября 1634 г. Д. Васильев послал десятника Федьку Бобылина в бурятские улусы с толмачом для перевода. В ответ на посольство из острожка бурятские князцы от себя послали князца Кодогона с сыном его брата Котогора. Д. Васильев напоил Кодогона царским вином, дал ему котел зеленой меди, оловянную тарель, рубашку, а племяннику — оловянный таз. Д. Васильев, согласно наказу, призывал также этих послов, чтобы буряты жили по своим старым кочевьям в мире и тишине. Выслушав призывные речи Дунайки Васильева, Кодогон заявил ему, что с себя ясак даст, но относительно остальных князцов с их улусными людьми не знает, дадут ли они с себя ясак или не дадут. Несмотря на обещание давать ясак, князец категорически отказался давать аманатов в острог и не стал брать ясырь, присланный из Енисейска, так как в числе аманатов его собственной родни уже не было, а судьба «черной кости» князца не заботила.

Некоторое время спустя после отъезда в свои кочевья князца Кодогона приехал в Братский острог с реки Вихоревой тунгусский князец Корок и сказал, чтобы служилые люди в острожке жили бережно, так как князцы бурятские снова собираются войной под острожек, хотят уничтожить его и перебить казаков. Затем явились гонцы с вестями о своде бурятами в свои кочевья в дальние улусы по Ангаре всех тунгусов. По всему судя, «шатость» в братской земле разгоралась вновь и с большей, чем прежде, силой.² Снова полетели челобитья от осажденного гарнизона с просьбой дать подкрепления. Воевода просил из Томска людей на лыжах, но пока в Енисейске шли сборы и приготовления, медленно назревавшие события уже разразились: «Брацкие князцы со всеми своими улусными людьми учинились тебе, государю, непослушны и ясаку с себя и с людей своих тебе, государю, не дали и служилых людей пятидесятника Дуайка Васильева с товарищи 52 человека побили и пищали и зелье и свинец поимали», писали после из Енисейска в Москву о происшедшем разгроме отряда Д. Васильева.³

Второго июня 1635 г. в Енисейский острог прибыли служилые люди Гаврила Лапа с товарищами и объявили воеводе, что прежние доброжелатели русских, бурятские князья Кутугур и Кодогун с улусными людьми, перебили весь отряд Дунайки Васильева в составе 52 человека и «наши пищали и их зелье брат-

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 63.

² Там же, д. 17, № 159 и 255; ср. там же, д. 22, № 84, л. 250—256.

³ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 53/54, 6097, 6098, л. 16, 17.

ские люди поимали». Эту весть несли было сначала два человека, уцелевшие из отряда Д. Васильева потому, что их несколько раньше восстания послал пятидесятник с отписками в Енисейский острог, но узнав о бурятском выступлении, ангарские тунгусы ограбили этих двух казаков в тайге, и они «от того их грабежу из дороге позябли». Погиб, следовательно, весь гарнизон Падунского острожка.¹

В Енисейске начальство особенно жалело, впрочем, о гибели оружия. Воевода набрал новых казаков из гулящих людей, но казенных пищалей этим 54 служилым не оказалось; «и впредь за теми пищалами государевы службы станут», писал воевода в центр, указывая, что Енисейский острог место «украинное», близки к нему многие немирные земли, и без запасных пищалей там быть нельзя. Начальство после катастрофы с Дунайком Васильевым собиралось накрепко расспрашивать Гаврила Лапу — «коиими обычаями таких многих людей, Дунайку с товарищи, братские люди побили и в которых местах и на стану ли или на дороге, в день или ночью и сколько человек наших служилых или промышленных с ним было», много ли приходило бурят, какую казну они взяли и т. п.² Но после гибели всего отряда Д. Васильева в живых остались, очевидно, лишь буряты, бывшие участниками и очевидцами этого события. По крайней мере Г. Лапа, как видно, застал двух казаков, уцелевших от разгрома отряда, уже «позябшими», и никаких сведений об обстоятельствах гибели отряда в делах того времени не нашлось.

Тем больший интерес представляют воспоминания об этом событии очевидцев-бурят, следы которых пережиточно сохранились в их фольклоре, а также отчасти и в преданиях русского населения.

Разгром гарнизона Братского острожка надолго запечатлелся в памяти местного населения и нашел свое отражение в фольклорной традиции, сохранившейся вплоть до XX в., а также и в местной топонимике, в названиях «речки Дунаевки» и протоки «Кровавой».

Гмелин еще в 1736 г. имел возможность на месте в Братском остроге собрать некоторые расспросные данные по истории острога и гибели Д. Васильева. Согласно описанию Гмелина, воевода Афанасий Пашков в 1652 г. (!) послал из Енисейска 105 служилых людей под начальством сына боярского Дунаева. Казаки поставили зимовье выше Падунского порога, а затем Дунаев во главе отряда из 50 человек отправился к устью реки Оки. Когда казаки высадились для разведывания местности на берег, их окружили и вырезали буряты.

Часть отряда, оставшегося у Падунского порога после гибели Дунаева, отправилась к верхнему рукаву реки Оки и именно

¹ Архив АН СССР, д. 17, № 212, л. 398.

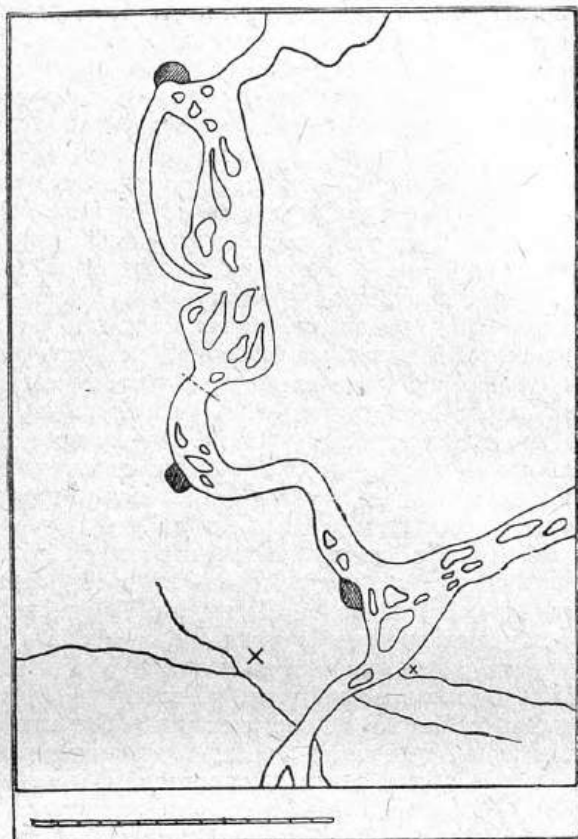
² Там же.

там построили острог в двух верстах от устья этой реки. Буряты же решили покончить со всеми пришельцами и пригласили их к себе в юрты на большой остров, лежавший против острога. При этом казакам обещан был ясак. На острове буряты напоили гостей тарасуном или «кумысом» и принялись их избивать. Казаки кинулись к протоке с целью бежать в острожек, но были все перебиты. Вследствие этого события протока и получила название «Кровавой».

После избияния казаков буряты сожгли острог, а немногие уцелевшие казаки сообщили о всем в Енисейск. Новый острог енисейцы заложили в 1655 г.

уже на левом берегу реки Оки при впадении в Ангару, где и теперь находятся остатки Братского острога.¹

М. П. Овчинниковым записана легенда о той же кровавой протоке, причем здесь пострадавшими оказываются уже буряты.² Легенда сообщает, что, когда казаки появились на Оке и начали строить острог, буряты, жившие на нынешнем месте Братского острога удалились со своими стадами вверх по Оке, на то место, где теперь стоит деревня Вихорева. «На прежнем бурятском месте оста-

2. План окрестностей Братска. Малым крестиком помечено местонахождение острога, поставленного Радукоским на правом берегу Оки в ее устье (местность Каитак). Большой крестик обозначает речку Дунаевку — предполагаемый пункт, где был уничтожен бурятами отряд Дуная Васильева.

¹ Gmelin, Reise durch Sibirien, ч. 2, Göttingen, 1752, стр. 188—197; ср. Фишер, Сибирская история, стр. 538—540.

² М. П. Овчинников, Отчет о командировке в г. Киренск, «Труды Иркутской ученой архивной комиссии», вып. 3, 1916.

лась лишь вековая лиственница, стоящая на южной стороне от церкви. Под ней бурятские шаманы совершали свои обряды. Однажды буряты, собравшись в большом количестве, окружили острог, стоявший на правом берегу Оки, с намерением уничтожить казаков, которые заперлись в остроге и из башен начали палить из пищалей и пушек. Несмотря на то, что много их уже было убито, буряты продолжали наступать. Не раз башни, в которых заперлись казаки, подвергались опасности, потому что буряты старались обложить их хворостом и поджечь, но казаки подходящих к башням обливали кипятком и бросали сверху камни и бревна, продолжая в то же время палить из пушек и тем наводить страх на осаждающих. Наконец, на подмогу осажденным пришли 200 илимских казаков. Они переплыли Ангару за несколько верст выше острога, обошли горой бурят и с юго-запада напали на них. Осажденные вышли из засады и тоже кинулись на бурят. Как храбро ни бились буряты с казаками, но оказалось, что с юго-запада их теснили илимские казаки, с северо-запада казаки Братского острога, а с северо-восточной стороны была крутая гора. Оставалась открытой одна вода, в которой буряты и нашли себе могилу. Они были все перебиты, и трупы их брошены в протоку, вода которой приняла красный цвет, дав протоке поэтому название Кровавой. Оставшиеся в живых просили на коленах пощады и были обращены в заложников. Они выполняли разные работы на казаков, а последние строго смотрели, чтобы бурятские рабы не убежали к бурятам. Казаки вместе с этими рабами в отдаленных улусах крали женщин и обращали их в жен», добавляет легенда братских старожилов.

А. И. Михайловская справедливо отмечает, что версия Фишера — Гмелина о Кровавой протоке и уничтожении русских имеет в основе «достоверный факт о битве между бурятами и русскими». ¹

В дальнейшем, кажется нам, предание сильно эволюционировало. Бурят в окрестностях уже не было, потускнела память об их сопротивлении и силе. Поэтому в легенде XX в. победителями становятся русские. Эту позднейшую версию приводит автор «Описания Братской волости» и повторяет Овчинников в своем отчете о поездке в 1914 г.

Исследователь бурятского фольклора А. И. Балдунников следующим образом устно передал мне содержание бурятской легенды, слышанной им от стариков и рассказывающей о событиях, связанных с Кровавой протокой. «Во время первых столкновений бурят с русскими казаками на Оке произошла кровавая битва. После боя, когда все казаки остались на поле битвы, по военному своему обычаю буряты собрали трупы убитых врагов вместе с их оружием, сложили на костры и сожгли. В огне часть заряженных ружей выстрелила и разорвалась, и несколько бурят было

¹ А. И. Михайловская, Братский острог (историко-археологический очерк), Иркутск, 1928. Отд. оттиск из «Известий ВСОРО», т. LIII, стр. 95—110.

убито. ¹ Оставшиеся говорили, что такое выходит из их оружия, из этих пустых трубок? Отчего мы умираем?

Восставшими бурятами руководили шаманы. Один из «худых», т. е. неавторитетных шаманов во время камлания сказал: «Тайгу топором не вырубить, земных людей из лука не перестрелять». Это изречение шамана означало: русских людей не уничтожить, — сожжешь одних, явятся другие. И решили буряты по совету шаманов подчиниться завоевателям».

Пессимистический тон бурятского предания верно отражает бурятскую действительность после описанного выше погрома казачьего отряда на Кровавой протоке в устье Оки.

Настойчивость же, с которой все легенды приурочивают место описываемых событий к устью реки Оки, наличие там речки Дунаевки и «Кровавой протоки», называвшейся так и во времена Фирсова, в 50-х годах XVII в., позволяют думать, что главный акт этой драмы произошел несколько выше Братска в устье Оки. Казаки, видимо, пошли в поход с Падуна на Оку и подверглись нападению из засады. Возможно, что источник Гмелина дает верное освещение факта гибели большого отряда Дунаева, когда последний рассказывает о пиршестве казаков в бурятских улусах. Остальные служилые, сидевшие в Падуновском острожке, очевидно были истреблены позже, а острог сожжен бурятами.

Интересная деталь русской легенды о появлении нового русского ² отряда, спешившего на помощь Дунаеву, имеет, очевидно, тоже реальные основания, с тем отличием от действительных событий, что новый отряд на самом деле пришел тогда, когда из отряда Д. Васильева никого в живых уже не осталось.

Воевода Племянников после разгрома отряда Д. Васильева отправил в 1635 г. на место происшествия енисейского сына боярского «Микулая Радуковского» с карательным отрядом из 100 человек для ясачного сбора и усмирения многих немирных и непослушных князцов и их улусных людей по Оке и Ангаре, истребивших гарнизон острожка. ³

¹ По словам М. Н. Хангалова, около 1627 г. племя икинат («икиняжские люди»), обитавшее в устье реки Оки, под предводительством силача Саган-Батора оказалось казакам вооруженное сопротивление. Саган-Батор был убит, а остальные буряты разбежались и присоединились к угинским и ангарским бурятам. Бежавшие на Ангару и Унгу икинаты рассказывали там, что у русских «есть пустое и волшебное железо, которым они плюют на нас; из пустого и волшебного железа выходит дым и огонь, и мы умираем» (М. Н. Хангалов, Юридические обычаи у бурят, «Этнографическое обозрение», вып. 2, 1894, стр. 132).

Без ссылки на источник тот же факт отмечает А. Н. Турунов в своем очерке «Прошлое бурят-монгольской народности», Верхнеудинск, 1922. Очевидно, М. Н. Хангалову был известен один из вариантов легенды, сообщенной выше в изложении А. И. Балдуникова.

² Относительно «илимского отряда» — см. ниже, в описании событий 1767 г. на реке Оке, откуда, видимо, и происходит эта деталь легенды.

³ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 53/54, л. 17, 18; ср. архив АН СССР, ф. 24, оп. 4, д. 17, № 141, 212.

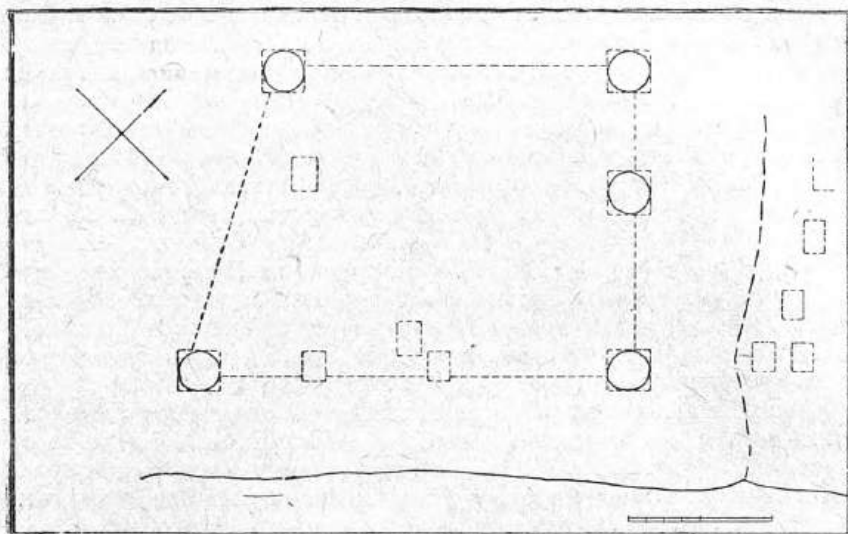
Четвертого октября Н. Радуковский писал в Енисейск, что первого августа 1635 г. он дошел со служилыми людьми до шаманского порога, а на шаманский порог поднимались «и подынутца не могли», так как добрых судовых снастей и путевых заводов им из Енисейска не дали, паруса дали малые; поэтому Радуковский вынужден был устроить зимовку у Шаманского порога с целью летом налегке устроить поход в бурятские улусы для примерного наказания бунтовщиков и государевых изменников.

Карательный отряд Радуковского взял на Шаманском пороге «в вожки», т. е. в проводники, одного из тамошних тунгусов и отправился вверх по Тунгуске «легкими судами», причем двадцать человек служилых остались при остальных судах на месте зимовки. Прибыв на место, где стоял первый Братский острог, у Падуна, Радуковский увидел, что «Братский острожек сожжен до основания». ¹ Проведав бывший Братский острожек, Радуковский отправился дальше, выше прежнего Братского острожка, под самый Падунский порог, а оттуда проводник повел их горою на братских мужиков. Буряты были уже, очевидно, осведомлены о движении карательного отряда, так как некоторые из них находились тогда в карауле повыше Падуна, не доходя до Усть-Оки. Вож-тунгус привел Радуковского прямо на караул, на пять бурятских юрт. Радуковский с обычными «божиею милостию и государским счастием» «те пять юрт погромил и пять мужиков убил и ясырь взял: четыре бабы, шестеро робят». Но всех жителей этих пяти юрт побить не удалось: «ис тех де юрт ушли языки на большие юрты к брацким князям, к Котогону и к Братаю и к Котогору, и вести им подали». Радуковский со служилыми людьми пытался поймать вестников, «гоняли за нами вверх по Оке реке четыре дни, пеши, горою и не могли их постичь служилые люди и притомились».

После неудачной погони за убежавшими из погромленных пяти юрт «языками» Радуковский со служилыми людьми сделали плоты и сплыли вниз по Оке, а затем присмотрели угожее место на устье Оки, где можно было поставить новый острожек «блиско брацких юрт и летних жировиц и сенных их покосов». ² Только, писал в Енисейск Радуковский, до усть-Оки нельзя было доходить в больших дощаниках, приходилось двигаться в досчатых шитых каюках и в малых судах типа стругов. Заодно Радуковский жаловался на отсутствие бурятского толмача, который знал бы бурятский язык и мог бы переводить. «Посланный с отрядом из Енисейского острога братский толмач Митька Шухтый брацково языку не знает и по брацку говорить не умеет ничего». С Радуковским шел на Ангару также и «брацкой малой, новокрепцей Петрушка, для брацково языку», но «тот Петрушка руссково

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 53/54, л. 19.

² Здесь, видимо, и был построен, вместо Падунского сожженного острожка, новый Братский острог (на правом берегу Оки).

3. План старого Братского острога на правом берегу р. Оки, до переноса на левый берег (по чертежу А. И. Михайловской).

языку не умеет и ныне де у него Микулая брацково толмача нет и без толмача де ему быть не можно»,¹ жаловался Радуковский.

В состав отряда Радуковского входили литовские опальные люди; вероятно, сам Радуковский был тоже из числа литовских опальных людей. Литовские люди позже рассказывали об ангаро-окинском походе с Радуковским, что они во время своего похода «случих князей трех человек Кутигура, да Наматая, да Бараканова сына поймали» в 143 г., а в 144 г. ходили ставить острожек выше прежнего и поставили его на устье Оки, «среди их брацкой землицы». ² Из острожка они ходили вверх по Ангаре с пятидесятником М. Максимовым, взяли ясак с князцов Салжая, Бачая и Муруя, «которые князцы тебе, государю, непослушны были». Из этого сообщения следует заключить, что экспедиция Радуковского не ограничилась погромом пяти юрт, но предпринимала и другие походы вверх по Ангаре, по всей вероятности вплоть до самой Унги.

24 июня 1636 г. был отправлен на Ангару новый управитель — В. Черменинов, которому поручалось принять острожек и, в качестве аманатов, братских князцов или их детей (первоначально в аманатах были сам князец Котогур, да сын Баяракана — князец Мухор). Теперь же аманаты оказались в числе трех, из них — «один де мужик добре стар, да двое молодых». Черменинов в момент приемки острога от Радуковского стал сомневаться,

¹ Там же, л. 21.

² Там же, столб. 12, л. 290.

действительно ли эти дети являются сыновьями Котогора и Баяракана, как они числились по книгам или те ребята киштымы, но в то время спросить, чьи они дети, про «тех аманацких робят было неково», потому что ни одного бурята в окрестностях нового острога не оказалось, все они откочевали дней на 10 пути. Радуковский же рассказывал, что по просьбе князцов отпустил Котогура да Баяраканова взрослого сына князца Мухора домой, а взамен их взял «робят» — младших княжеских детей. Князцы обещали вернуться оба вместе в острожек на четвертый день, тем не менее после того больше «бракские князцы и братские люди к Микулаю и к нему Ваське в острожек не бывали». Мало того, даже и те буряты и тунгусы, которые еще кочевали близ Усть-Окинского острожка со своими юртами, по 20 юрт и больше, прочь откочевали далече.

Черменинов стал строго расспрашивать самого Радуковского, «для чего де он лутчих князцев, что было взял в аманаты отпустил?». Радуковский ответил лишь: «ему государева служба не в обычай, человек он не русский, иноземец, и того он ничего не ведает, тех де ли бывших аманатов князцев Котогора да Баяраканова сына держать или переменить». Спрашивал он об этом у десятника Василия Бугра. Бугор отпустить их совсем не советовал, а велел на перемену самим аманатам взять их детей. Этот совет был вызван, по словам В. Бугра, теми соображениями, что если только самих братских князцов не отпустить в их улусы, а детей не взять, то в этом случае ясаком будет «промыслить» некому, потому что братские люди слушают только «своих князцов». Аманатов же берут вообще «для промыслу», пояснил Бугор Радуковскому, и притом таких, от «которых аманатов чаять прибыли, что он, шед в свою землю, учтет своих улусных людей розговаривать и под твою государеву царскую высокую руку приводить и ясак велит платить».¹

Служилые люди показали затем при расспросах, что «робята», сданные Радуковским Черменинову, действительно «прямые дети» князцов, причем Котогоров сын раньше был в аманатах при енисейском воеводе Шаховском и в Енисейске сживал на аманатском дворе. Князья же, якобы, не раз после этого приезжали к своим детям и бывали вместе с улусными людьми у острога «почасту». Как бы то ни было, Черменинову наказано было откочевавших и отложившихся «братских людей к себе призвать и их уговаривать лаской большой и приветом, чтоб они попомнили наше царское жалованье и милостивое призрение и на чом бы нам великому государю шерть свою дали, и были бы они сами и с улусными людьми и с киштымы попрежнему под государевую высокую рукою, и жили-б в тишине и покое без всякие шатости, и во всем нам служили и радели, и ясак с себя и с своих улусных людей и с киштымов давали, и иных немирных и непослушных

¹ ГАФКЭ, столб. 12, л. 685.

людей под нашу царскую высокую руку приводили, и оманатов бы у них велел имати против прежнево обычая, каковых наперед сего имали лутчих людей добрых, поскольку человек пригоже, смотря по тамошнему делу и по своему высмотру, чтоб кому мочно было в аманатах верить». ¹

Судя по всему, военная экспедиция Радуковского имела на первых порах некоторый успех. Приангарье временно было снова усмирено, взяты даже аманаты из числа самих князей. О районе распространения русского господства в это время можно судить по сведениям относительно похода литовских людей вверх по Ангаре в бурятские улусы — такими улусами могли быть только балаганские. Сведения о покорности именно балаганских бурят подтверждаются также именами князцов, которые были объяснены опальными литовцами: Муруя, Салжая и других. Князец Муруй, например, позже оказывается живущим на Ангаре у Балаганска, по Унге еще позднее также числится целый Муруев род. Очевидно, территорию Братского уезда половины тридцатых годов XVII в., о которой говорит Фишер, что она «распространилась» от Вихоревки вверх до Уды, следует расширить еще далее вверх по Ангаре; к территории, освоенной завоевателями, можно причислить отчасти и балаганско-осинский район.

При этих бесспорных успехах покорение бурятской земли попрежнему носило довольно условный характер. А освоение ее было очень непрочным. Это доказывается не только «дипломатическими» неудачами Радуковского в истории с заложниками, когда князцы откочевали с улусами на удаленные от устья Оки места и фактически покинули аманатов на произвол судьбы — были ли то киштымы или княжеские дети, — но и довольно сомнительными по исходу результатами успехов Черменинова в последующее время. Из документов мы узнаем об этом, к сожалению, крайне мало, но и отрывочные сведения определенным образом показывают, что энергия бурят не была целиком сломлена. Констатируя причины недобора мягкой рухляди, ясачная книга отмечает, что в 1637 г. Вас. Черменинов приискал по Ангаре и Уде с притоками «сторонними реками» и привел под царскую руку новых братских людей, взяв с них 75 соболей, но в следующем де 1638 г. «те брацкие люди учинились государю непослушны, пятидесятинику Федьке Чюрке с товарищи государева ясаку на 146 г. не дали и с ясашными сборщики с Енисейскими служилыми людьми дрались и многих переранили и к острожку приступали». ²

Это было, следовательно, новое настоящее вооруженное восстание ангаро-окинских и удинских бурят. В 1639 г., правда, удалось снова привести их в ясачный платеж, по Ангаре и по Уде «приискав ласкою и приветом тех брацких людей и уговоря».

¹ Там же, л. 689.

² Там же, кн. 127 (Ясачная книга Якутского уезда, 1639 г.), л. 47.

но и теперь никто не мог сказать, надолго ли. В числе прочих одной из важных причин, способствовавших частым восстаниям бурят против завоевателей, отказам от ясачного платежа и походам к острожку для расправы со служилыми людьми, являлось в это время также и старое соперничество между енисейцами и красноярцами, которые к этому времени оправились от потерь, понесенных прежде по интригам Енисейска. Погромы енисейских ясачных красноярцами, бесконечные грабежи и притеснения бурят со стороны враждующих между собой служилых людей естественно вызывали непрерывное острое недовольство со стороны бурятского населения. В результате, к началу 40-х годов, после длительной и кровавой борьбы и многих жертв, прочно освоена была казаками еще только долина Ангары от Падуна до устья Оки, а также значительный отрезок долины Оки до устья реки Ии. Остальная часть области, занятой бурят-монголами, была по существу независимой, полувраждебной территорией, куда казаки смотрели с опаской, вспоминая бывшие случаи прихода немирных князцов с Лены, Куды и от Байкала на помощь к восставшим бурятам окинской долины.

В связи с анализом всей обстановки, сложившейся здесь к сороковым годам XVII в., нельзя обойти и взаимоотношения бурят с их соседями-туземцами, а в особенности отношение последних к освободительной борьбе бурятской народности против русских.

Восстания ангаро-окинских бурят в тридцатых годах XVII в., в момент закрепления русского господства над их землей, в особенности истребление всего гарнизона и сожжение Братского острожка под Падунским порогом, в кодогоневых улусах, а также восстание 1638 г., когда бурятские воины осаждали и пытались брать штурмом новый Усть-Окинский острог, были серьезнейшей угрозой всем завоеваниям царизма в Ангаро-Ленском крае. По степям и тайге Восточной Сибири шли вести о нападениях бурятских отрядов на русские остроги, о победе бурятских воинов, вооруженных только луком, стрелами да саблями, над страшными казаками с их «огненным боем».

Психологическое воздействие, идейное отражение бурятского освободительного движения было в этих условиях, пожалуй, не менее опасно для завоевателей, чем сама вооруженная борьба бурят-монголов против царских войск.

Не случайно, поэтому, тунгусские роды, прежние киштымы бурят, хорошо узнавшие за эти годы нравы завоевателей, охотно дают «свести» себя в бурятские кочевья. Не случайно на Лене в то время наблюдается усиленная оппозиция «молодых» тунгусов «старым» — «лутчим» — тунгусам, причем молодые тунгусы часто идут на военный союз с бурятами, указывают на возможность изгнания ненавистных завоевателей из тайги объединенными усилиями и пытаются добиться этого.¹

¹ См. ниже, глава «О движущих силах освободительного движения бурят-монголов в XVII в.».

Исключительно ярко идейное воздействие бурятских восстаний на их соседей отражено отпиской енисейского воеводы в Москву о приезде и сообщениях енисейского атамана Ивана Галкина, завоевателя Приленского края и Якутии, который ставил в прямую связь подъем национально-освободительного движения на Лене с проникновением туда возбуждающих сведений об успешном ходе вооруженной борьбы бурятских племен с царскими служилыми людьми. Правда, в начале донесения воевода пишет, что «брацкие воровские князцы Котога с товарищи... запрещают и угрожают» ясачным тунгусам, которые живут близко от братских людей, «и побивают их и ясак емлют на себя». Но тем не менее это только одна сторона дела, дальше же следует рассказ, в ином свете показывающий тогдашние действительные взаимоотношения бурят и тунгусов. «Да в прошлом, государь, во 143 году (т. е. в 1635 г. — А. О.) Августа в 20 день с твоею государевою царевою и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии ясачною и десятинною и покупошною соболиною казною с Лены реки приехал в Енисейский острог атаман Иван Галкин со служилыми людьми и в съезжей избе в расспросе сказал мне, холопу твоему, что де на Лене реке и на Олекне реке твои государевы ясачные люди тунгусы и якуты и наляги и иных землиц люди, слышачи про брацких воровских князцов непослушание и воровство, учали быть в смуте, и ясаку с себя и с людей своих тебе, государю, полново не учали давать, и он-де, атаман Иван Галкин, с служилыми людьми на Лене и на Олекне реке с прежних твоих государевых ясачных людей с тунгусов и с якутов и с налягов и с иных землиц твой государев ясак имали на 143 год с великим боем и с великою нужею». ¹

Возможно, конечно, и такое положение дел, при котором на Ангаре около Братского острога могли иметь место случаи насильственного переселения тунгусов в бурятские улусы и грабеж прежних киштымов бурятскими князьями, а одновременно на Лене и по сторонним рекам, вплоть до Якутска, известия о бурятской вооруженной борьбе с казаками имели революционизирующее значение. Но даже и сообщения воеводы относительно насилий бурят над тунгусами — ясачными людьми — имеют особый характер.

Для правильного понимания развернувшихся событий следует учесть, как в свое время илимско-кутские налягири (наляги) жаловались, что их постоянно громят непослушные царю и необъясаченные шилюги (чилкагири) и мучюги за то именно, что они покорились русским и являются их опорой. Возможно, что в лице налягирей и шемагирей часть прежних бурятских киштымов на Ангаре, в особенности их общественная верхушка, тоже стала действительным союзником русских завоевателей

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 53/54, л. 25, 26; ср. архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, Списки Томской архивы, № 216, 214.

из-за подарков и государева жалованья, которые чаще всего перепали именно тунгусским князям. Именно этим тунгусам, исполнявшим обязанности вожей (проводников), например, при походе Радуковского на Оку, извещавшим русских о «плохих вестях» относительно повстанческих намерений бурят, само собой разумеется, мстили восставшие буряты, как мстили налягам на Илеме их сородичи, — неясачные тунгусы. Тунгусы жаловались воеводам на обиды со стороны государевых изменников с целью показать себя верными государевыми слугами, с целью прослыть обиженными и угнетенными своими и царскими врагами — бурятами.

В данном случае месть бурят таким тунгусам была неизбежной и вполне обоснованной. Но могло быть, несомненно, и бывало по-другому. Часто многие тунгусы «ели и пили» вместе с бурятами, как говорят наши документы. Отсюда не следует еще, что перед нами в таком случае всегда доказательство только экономической зависимости тунгусов от бурят. Может быть даже наоборот: это в ряде случаев признак известной самостоятельности и силы тунгусов, которые тем скорее оказываются на стороне бурят и в дружбе с ними, чем меньше была до прихода русских завоевателей зависимость этих тунгусов от бурятских князцов. Чем слабее становилась эксплуатация и чем больше смягчалась власть последних над киштымами, по мере отдаления тунгусских стойбищ от бурятских кочевий, тем сильнее были, конечно, в этом случае отзвуки освободительного движения бурят-монголов в тайге. Вот почему, очевидно, такое сильное действие произвели слухи о «воровстве» бурят на Лене, а также на далекой Олекме, и не только среди тунгусов, но и среди якутов, как об этом свидетельствуют расспросные речи самого Галкина, показания которого вряд ли могут быть подвергнуты сомнению.

Тридцатые годы XVII в. вошли, таким образом, в историю бурят-монголов Предбайкалья как годы непрерывной войны, упорной борьбы между пришельцами и аборигенами страны, борьбы, сопровождавшейся переходом счастья от одной стороны к другой, пока превосходство вооруженной силы завоевателей и внутренние обстоятельства, еще недостаточно выясненные источниками, не привели к покорению бурят-монголов Приангарья.

Впереди бурятскую землю ожидали еще более мрачные, тяжелые годы.

3. БУРЯТСКАЯ ЗЕМЛЯ В 40—50-х ГОДАХ XVII В.

Сороковые годы XVII в. отмечены были решительным продвижением русских отрядов, несмотря на отчаянное сопротивление бурят, вверх по Ангаре и Лене и приведением в исполнение заветной мечты енисейских воевод о покорении Байкала, о проведывании мунгальской земли. Одним из пионеров этого движения был известный Иван Похабов. В 152 (1644) г. Ивана Похабова послал енисейский воевода Сила Аничков в Братский острог для ясачного сбора и прииска новых земель.¹ Иван Похабов ясак собирал с прибылью «перед своею братьею», прежними приказными людьми. Кроме того, он «круг старого острожку новой острог поставил» и сделал новые надолбы и рвы, потому что старый острог «был мал и худ». Поставив новый, более крепкий и основательный острог, Похабов пошел войной вверх по Ангаре до Осы и до «Беленя», до Куды и Иркута, а с Иркута на Байкал. С ним во время похода к Байкалу было 30 человек служилых людей вместе с «охочими» из числа промышленных и гулящих людей. «Перешед Байкал озеро», Похабов шел по Селенге два дня. Дорогой он по Ангаре, Селенге и Байкалу находил везде «многих неясачных людей». «И они, иноземцы, — рассказывает Похабов, — с нами, холопами твоими, бились и мы холоши твои, божиею милостью и твоим государским счастьем, многих у них людей побили и ясырю женок и робят живых поймали больши 40 человек, и после бою те иноземцы говорили: ныне де летом дать ясаку нечево, а дадим ясак зимою». По словам Похабова, «преж ево на Селенге реке ништо не бывал, проведывал тое реку я, холоп твой».²

В следующем 1645 г. на место Похабова прислали из Енисейска другого приказного человека, известного М. Перфильева. М. Перфильев правил бурятской землей год, а на следующий 1646 г. вынужден был потребовать срочной помощи от енисейского воеводы, так как буряты снова отложились, стали «непослушны и государев ясак почали давать не сполна».³ Тогда Иван По-

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 227, Челобитная Ивана Похабова, л. 254.

² Там же, л. 256—274.

³ Там же.

хабов был снова послан в братскую землю для усмирения непокорных, приведения их в ясачный платеж и прииска новых ясачных земель, а главным образом для поисков серебряной руды, слухи о которой не давали Москве покоя даже после неудачной экспедиции Якова Хрипунова и порождались рассказами об обилии серебра за Байкалом. Похабову наказано было даже «проездивать китайского государства». С Похабовым послали 64 человека казаков, да на свои средства он снарядил шесть человек в качестве своих личных покручеников в военном предприятии, а кроме того с ним следовали 26 человек вольных охотчих людей. Отряд Похабова из Братска сначала поднялся до балаганских степей. Здесь Похабов заложил острог на осинском острове против Унги, «выше брацких ясачных людей осмью днищи». ¹ Следовательно, люди, новоприисканные около Осинского острожка, к приходу Похабова снова оказались неясачными, хотя в свое время до них доходили служилые люди и князец Муруй давал с себя дань. «И те новоприисканные люди аманатов и ясаку с себя государю давать не учили», рассказывает снова Похабов, «и я, холоп твой, с теми людьми бился, и многих людей у них по Осереке побили, а они люди, государь, многие учинились сильны и жить стали в скопе». Иными словами, похабовская экспедиция не имела успеха среди осинских бурят; Осинский острог, как когда-то и Братский острог, оказался в центре враждебной территории. Местные буряты объединились в один военный лагерь, «стали куренем», и после первого грабительского налета вторичное

нападение на них стало небезопасным. Зато построение Осинского острожка как бы замкнуло усть-окинских бурят в пределах их территории, прервало их связи с верхне-ангарскими бурятами, и потому «Брацкого острогу ясачные люди государев ясак почали давать сполна, потому что им от Осинского острогу стало опасно». Основание Осинского острога имело таким образом большое политическое значение.

Весной 1647 г. Иван Похабов, «как лед скрылся», отправился в новый поход со служилыми людьми по Ангаре реке и на Байкал-озеро, на Селенгу и на Уду-реку. Этот поход продолжался 14 недель, причем

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 227, л. 254, 255.

4. Общий вид Братского острога в XVII в. (из «Чертежной книги» Семена Ремезова).

у похабовского отряда на Байкале, Селенге и Ангаре снова «с иноземцами бои были многие». В боях были побиты многие «непослушники», а ясырю у них казаки захватили «женок и робят больше семидесяти человек». Но привести бурятское население этих мест в ясачный платеж у отряда Похабова «мочи не стало», потому что «люди многие и конны, а живут в скопе от рек откочевали».

Тогда Похабов двинулся назад, поставил на Култуке острог и оттуда провел набег на Иркут. Во время битвы с бурятами и тунгусами Похабову улыбнулось счастье: он взял в плен «Иркутсково» бурятского князца Нарая, а «из за того князца» взял с Иркутских бурят ясаку 5 сороков, 16 соболей да бурую лисицу. Из Култука же был устроен поход группы служилых людей с Федькою Говориным во главе на речку Погромную, где служилые погромили бурят, взяли в бою ясырь: «мужика да семь женок и робят» и добыли в юртах 34 соболя.

Но этот же поход вызвал неожиданные последствия: приход служилого человека Якуньки Кулакова, которого в то время послал Енисейского острогу атаман Вас. Колесников к «царю Цысану» для проведывания серебряной руды, а с Якунькой Кулаковым пришли два бурята. Эти буряты заявили Похабову, что у него требует обратно ясырь и мягкую рухлядь Турукай Табун, если же Похабов не отдаст этих киштымов Табуновых и их имущества, то он не выпустит остальных двух казаков, которые у него находятся, и казаки будут убиты. Поэтому Похабов вынужден был «лыжным ходом» идти к Турукай Табуну, а от него к его сюзерену Цецен-Хану (посольство Похабова в литературе достаточно хорошо известно).¹

Что касается дальнейшего хода событий, связанных с покорением бурятской земли и деятельностью Похабова, то интересен частично осуществленный, уже после Похабова, план пересечения бурятской территории сетью острогов, в качестве стратегических центров в важнейших пунктах страны, где жили основные группы бурят-монгольского населения и проходили важнейшие пути. Похабов предлагал построить остроги на Осе, Белой, Иркуте, а также на Байкале около Селенги или у Баргузина, у малой Ангары, «а только де на тех реках в брацкой земле в брацких людях и в тунгусах», писал Похабов в своем челобитье, «остроги поставить и отправить туда человек по 50 служилых людей, и братские люди и тунгусы государю будут послушны и ясак с себя платить учнут».²

Со времени походов Похабова и Колесникова освоение верхних частей долины Ангары движется несравненно быстрее, чем прежде.

Москва учла ходатайство Похабова об отправке его для построения новых острогов, приказала дать Похабову сто человек

¹ Там же, л. 254, 255.

² Там же, л. 255.

служилых и отправить их вверх по Ангаре для строения острогов, в частности острога повыше Осы. Енисейское начальство, выполняя приказ правительства, отправило Похабова на Ангару во главе отряда из 80 служилых и «охотников» с наказом ставить острог выше «братских людей» и Братского прежнего острога, «повыше Осы». Осинский острог первоначально был поставлен Похабовым, как мы видели, в 1646 г., а сам он отправился вверх по Ангаре, оставив только четырех казаков да 13 казачьих наемщиков в Осинском острожке, причем наемщики были «безопасными», сидели без пороха и свинца. 30 мая приплыли в Енисейский острог на лодке девять наемщиков, четыре казака, а с собой приплавляли одну затинную пищаль, 74 ядра железных и другое оружие и снаряжение. В расспросных речах прильвшие сказали, что приехали они из Осинского острожка, который был мерою кругом 80 сажен с полусаженью и имел четыре башни.¹

Похабов, по их словам, зимовал на Осинском острове и ушел оттуда на Байкал, оставив 17 человек служилых «безопасных» и без толмача. По утверждению этих людей, «острог поставлен был не у дела, среди брацких больших людей». Буряты яsak в этот острог не платили, и аманатов в нем не было. Осенью же 1647 г. из острожка сбежали казак да три казачьих наемщика. Остальные 13 человек зимовали там впроголодь, «ели борщ и сосну и пихту дерево и помирали голодною смертию». Буряты, жившие на острове, караулили служилых людей, не пускали их на рыбную ловлю и вообще никуда из острога не выпускали. Весной положение еще больше ухудшилось. Сбежало еще девять наемщиков. В то же время постоянно «почали братские люди к острожку приезжать и неприступно в острог из луков по ним стрелять, и по борщ и по сосну и по пихту дерево, чем им кормица, из острожку не выпускать, и от острожку братские люди беспрестанно не отъезжать почали». «Убоявся брацких людей», чтобы они не взяли острога и казенного оружия, остальные служилые люди поплыли в карбасе, «Осинский острог покинув пуст». В Братском остроге к служилым людям пристали и наемщики, бежавшие перед этим из Осинского острожка.

Управителю Братского острога А. Оленю было известно, что братские люди обожгли надолбы у Осинского острожка, из Енисейска приказано было ему слать подкрепление и съестные припасы в острожек, но Олень не выполнил этих приказаний, потому что и в Братском нижнем остроге дела были далеко не блестящими.² В результате покинутый служилыми людьми острожек на Осинском острове был сожжен бурятами до основания, так что и следов его не осталось. Связь ангарских бурят с Окой снова была восстановлена.

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 131, л. 389.

² Там же, № 132.

Дела в Братске были действительно плохи для завоевателей. Относительное спокойствие продолжалось там всего 2—3 года.

В 1650 г. приказным человеком Братского острога был П. Бекетов, положивший немало усилий на укрепление острога, организацию пашенного дела и объясачивание туземного населения. Он отмечал тогда, что ясак по соболю с человека дают только те буряты, которые «кочуют блиско брацкого острогу», а «которые подале живут и кочуют, и те ясаку не платят, потому что людей в Брацком острошке немного — всего посылают де на год по сороку человек».¹

При таких условиях, после уничтожения Осинского острожка, трудно было надеяться на более прочное господство над бурятами и полное «приведение их в покорность». Спокойствие в уезде Братского острога было нарушено сразу же после смены Бекетова А. Оленем, который хорошо был известен бурятам по его набегу на Букиевский улус в 1647 г.² Олень управлял уездом так, что и старые ясачные люди поднялись против него. Если Бекетов собрал 16 сороков соболей, то Олень смог добыть ясак только «не со многих» — 12 сороков, 10 соболей и 6 лисиц, а на следующий год он не собрал и этого. Именно тогда, как писал Фишер, «буряты, на Оке жившие, почитая силы свои за недостаточные против россиян, в 1650 и в последующем годе почти все разбежались, и ясак, наибольшая польза всех сибирских завоеваний, в сем годе пропал».³ Сам А. Олень писал 25 мая 1651 г. воеводе, что от Братского острога «отъехали» и «изменили» царю почти все ангаро-окинские буряты.⁴ Зимой оставались еще немногие, до и те ясак платили плохо, «с перебоем, а под весну все отъехали прочь».

Буряты не только отъехали прочь от острога, но и намеревались взять острог приступом и истребить гарнизон острога, как это было во времена Дуная Васильева. О намерениях бурят казакам сообщил, однако, ясачный мужик М. Кутухта. Последний слышал «от них, братских людей, думу недобрую, что хотят казаков побить на рыбных промыслах и острог, говорят, сожжем. И от их думы он, М. Кутухта, ночью ушел с женою и с детьми к государеву величеству — хочет креститца», почему и отправлен был в Енисейск. Служилым людям М. Кутухта из острогу ходить не велел: «только бы не он, то бы званечно хотели побить», говорил о бурятах А. Олень. Олень сел поэтому в осаду с гарнизоном из 40 человек, так как «поиску чинить» и ходить войной на улусы он не смел из-за малолетства служилых.

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 402, л. 104—122. Всего собрал Бекетов на 1646 г. с бурят и тунгусов 16 сороков соболей, причем тунгусы платили по 5 соболей с человека. Иван Похабов перед тем в 157 г. взял с новой земли, с неясачных бурят «балаганов» в ясак 13 недособолей, бобра и кошлока (ср. архив АН СССР, ф. 21, д. 22, № 151, л. 444).

² ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 227, л. 292—296.

³ Ф и ш е р, Сибирская история, стр. 537.

⁴ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, № 281.

К окинским бурятам в их намерениях побить служилых людей Братского острога присоединились и верхне-ангарские буряты Букиева улуса, мстившие за погром их улусов Оленем в 1647 г. Букиевцы приезжали в полном составе и даже со своими киштымами. Осенью они же отогнали от Братского острожка с царской десятинной пашни, заведенной Бекетовым, два казенных коня, у служилого человечка Исачка Павлова угнали кобылу с двумя жеребятами, а у кузнеца Терешки Шаверы двух коней. Хлеб, посеянный к 1651 г. и уже взошедший, буряты весь вытоптали скотом на пашнях.¹

События 1650 г. показывают наличие самых тесных дружественных связей бурят-повстанцев с тунгусами: «а подводят их братских людей воровать те же ясачные тунгусы, которые живут по Ангаре реке... они, братские люди и тунгусские, живут с однова, а нам угрожают, хотят побить и не боятца ничево», подчеркивает А. Олень в своем донесении начальству.²

По этим вестям решили послать из Енисейска в Братский острог стрелецкого сотника Перфильева, причем служилых людей дали Перфильеву в Братский острог «противу прежнего с прибавкою». 4 марта Перфильев доносил: «Братские люди Бараканова, Баратанова да Негодеева (Нагатаева) улусов князец Кутугур, да Томтокуй, да Бахай Баракановы дети, да Долон Негодяев (Нагатаев), да Омегень, да Тутчик со своими улусными людьми, послыша в Братский острог государых людей приход больше прежнево, убоясь войны, принесли повинную и вновь к Братскому острогу прикочевали. Тем не менее, осторожный М. Перфильев писал в Енисейск, что и ста человек на Ангаре мало, а надо для замирения ангарских бурят 500 человек.³

В 1652—1653 гг. состоялась новая экспедиция под начальством атамана Петра Бекетова вверх по Ангаре к Осинскому острову в связи с посылкой Бекетова воеводой Пашковым на озеро Иргень, которое стало известным после походов В. Колесникова в Забайкалье.⁴ По словам самого Бекетова служилые люди его отряда 6 сентября ночью выше Осы у Ангары «наехали на воровских братских мужиков», неясчных «государевых изменников». Произошла жестокая схватка, после которой буряты угрожали Бекетову и похвалялись, что «на Усть-Белой побьем!» Грозили они также, что если не удастся казаков побить на Усть-Белой, то подстергут и перебьют их на устье Голоустной или за «морем».

С Ангары Бекетов отпустил служилых людей «по челобитью» якобы для уговора бурятских князцов на реку Белую. Служилые ходили четыре дня и нашли на Белой бурят, но те не пожелали платить ясак, «почали стрелять и бой поставили». В результате схватки победили служилые люди, убившие шесть человек бурят,

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 477.

² Там же.

³ Там же, д. 17, № 281, л. 548.

⁴ Там же, д. 22, № 179.

но ясаку взять им все же не удалось, так как, повидимому, после захвата пленных больше людей там не осталось.

Свою угрозу напасть на Бекетова при устье Голоустной ангаро-байкальские буряты выполнили. Они встретили Бекетова у Голоустной 18 сентября, угрожая не пропустить его на Иргень и Шилку, но Бекетов побоялся ввязываться в драку, поднял паруса на кочах и пошел парусным ходом, «видя их непокорство», за Байкал.¹

Поход Бекетова в Забайкалье не только показывает непримиримость ангаро-байкальских бурят к русским завоевателям, но и обнаруживает существование своего рода коалиции бурят-монгольских племен, направленной против продвижения русских служилых людей в пределы балаганской степи, Куды и Манзурки, Иркута, Селенги и дальше в Забайкалье. В битве с Бекетовым принимали участие, повидимому, не только балаганско-осинские буряты (Готольский род и др.), но и буряты Ленского края, а также Ольхона, иначе трудно объяснить исполнение угрозы бурят встретить Бекетова боем и в Голоустной и на Белой.

В 1653 г. 10 марта отпрашивались служилые люди Иван Котелков с товарищами итти для ясачного сбора с тунгусов и бурят, «где сыщут», на Иркут, Ангару и т. д. В устье Голоустной казаки нашли бурят, но последние отказались платить ясак, и в результате завязался бой. После боя в поле осталось четыре человека бурят убитыми, а четырех взяли, как пленников-ясырей. Кроме того, в руки казаков попала и жена верхоленского князя Торума.

Ясыри в расспросных речах сказали, что их отцы и деды, братья, мужья и дети ясака «ни в который острог не даывали, государевых людей побивали многих» и громил царскую ясачную казну. К ним на Байкал и на Голоустную приезжают кроме того и верхоленские буряты «для убойства государевых людей заодно». Жена князя Торума сказала в расспросе, что ее муж в воровстве не был, но другие верхоленские буряты действительно «в убойстве были». После погрома, «видя, что государева рука высока», буряты вынуждены были слать парламентаром от себя верхоленского князя Торума «с виной» и с соболями (15 соболей, да два ожерелья соболиных). Тором сказал, что в убийстве служилых людей были замешаны буряты с Иркута, куда по этому поводу вскоре и отправились казаки из Голоустной. На Иркуте они снова погромили тамошние бурятские улусы, убили в них двух человек, в качестве ясыря забрали еще четырех бурят, а с уцелевших взяли ясак.²

В ответ на вести о «братском воровстве» и удачных походах служилых людей по Ангаре и по самому байкальскому побережью воевода Пашков послал вверх по Ангаре Д. Фирсова.

¹ Там же.

² Там же, д. 22, л. 559.

По поводу предполагаемой посылки Фирсова Афанасий Пашков доводил до сведения центра, что Братский острог поставлен был не у места, «в бору», а потому он в 1652—1653 гг. приказал Д. Фирсову идти вверх по Ангаре, перенести острог за Оку, т. е. на левую сторону, затем следовать с отрядом на Унгу и до Осинского острова, «где кочуют Балаганские земли большие брацкие люди», с тем, чтобы поставить новый острог между немирными балаганскими людьми.¹ Оказалось, что на Осинском острове имеются соляные ключи и даже целое соляное озеро, а по Унге вверх «по степям кочуют большие брацкие Балаганской земли люди». К ним на Унгу приезжают торговать «з большими своими товары мунгальские люди... и их приводить в ясак будет поблиску, и торговать государевыми товары с ними, мунгальцами, можно». Места эти обещали казне большие выгоды не только в смысле ясачного сбора. Вниз по Ангаре, от Унги и Осинского острога вплоть до старого Братского острога, было верст 300: «и з Балаганскою, государь, сторону подле Ангару реку прилегли степи большие, самые угодные пашенные места, а по другую сторону тое-ж Ангары реки соболиные промыслы и рыбные ловли большие по иным и по сторонним рекам. Да и Балаганской острог поставил я в самом угодном месте — рвы выкопал, надолбы поставил, и всякие острожные крепости учинил», докладывал Пашкову Фирсов.²

Построение Балаганского острога содействовало приведению в покорность царю булагатских князей. Д. Фирсов привел к шерти «случных князцов Бодона, да Лалага, да Муруева улусу князца Инкея и их улусных людей 1700 человек»³ и дал князцам в ясаке сроку до осени следующего 1655 г., потому что они перед его приходом променяли своих соболей мунгалам на товары. Кроме того, Д. Фирсов послал служилых людей «в дальние улусы тое-ж Балаганские земли по реке Белой и по Иркуту и до Байкала озера», где неясчных людей было больше 10 000, с целью выяснить возможность покорения остальных бурятских родов.

Прочной основой русских завоеваний в Приангарье, кроме острогов должны были служить крестьянские заимки, деревни, села и слободы, особенно же мощные эксплуататорские хозяйства слободчиков. В свое время Бекетов усердно разводил хлебопашество в районе Братского острога, и еще до него, в 1648 г., там были посажены охочие люди на пашню, причем известный по

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 182.

² Там же, № 186.

³ В Балаганском дистрикте, по Георги и Палласу, в XVIII в. имелось двенадцать бурятских родов: 1) Волзаев или, вернее, Олзоев, 2) Кульмет, 3) Шарайт, 4) Бикот (Быкот), 5) Ноет, 6) Зоонгар (Зунгар) 7) Холтубай, 8) Муруй (ср. с именем князца Муруя), 9) Ихинат, 10) Онгой, 11) Онготой, 12) Боролдой. По всей вероятности, эти же двенадцать входили и в состав семнадцати булагатских родов, подчинившихся русским в 1654 г. (см. ниже). См. М. Н. Богданов, Очерки истории бурят-монгольского народа, Верхнеудинск 1926, стр. 78, 79.

работам Бахрушина слободчик Распута Степанов Потаповых принес для опыту в 158 (1649—1650) г. в Енисейский острог ячмень и коноплю, которые оказались «перед Енисейском зерном лутче». Распута посеял уже три десятины хлеба и ждал богатого урожая. По этим данным можно было судить о перспективах земледелия в Братском и Балаганском уездах, а вместе с тем и русской земледельческой колонизации в бурятской земле.¹ Местность около Братского острога представлялась Бекетову как прекрасное пашенное место: «около Братсково острожку места прямые пашенные, теплые, по обе стороны Ангары реки в ширину полверсты и больше; а серед реки Ангары против устья Оки реки остров в длину днища на два езды, а поперег версты в полуторе и по две и вешнюю водою не поймает; земля пашенная, садить можно сто человек или двести крестьян и больше, земель пашенных добре много».²

Такое же впечатление сложилось позднее и у Фирсова при осмотре балаганских степей. В Балаганске сразу же удалось поселить 30 семей пашенных крестьян, которые по плану Фирсова: «взорют и посеют» с наемными гулящими людьми на царя пять десятин пашни.³

Пашня в Балаганске была заведена, острог поставлен, значительную часть бурят привели уже в ясачный платеж. А вдали — и не так уж далеко — рисовалась заманчивая перспектива объединения бурятских улусов по Ангаре, Иркуту и Байкалу с выходом на Байкал и в Монголию. Лучшего и желать было нельзя после окончания длительной упорной борьбы бурят-монголов с завоевателями на протяжении почти половины столетия. Тем не менее, дальнейший ход событий не оправдал надежд енисейских воевод на богатые и обильные прибыли от замиренной «братской земли», на дальнейшую территориальную экспансию, ставшую в порядок дня после освоения главной части Добайкальской Бурятии. Впрочем, если бы история чему-нибудь научила енисейских воевод и они смогли бы полностью осознать реальную действительность того времени и свои собственные дела, то вряд ли бы их надежды на прочное владение бурятскими улусами могли окрепнуть в самом начале освоения Приангарского района.

Уже в момент шертования 1700 булагатов имели место события, обещавшие мало хорошего для русских властей. Как раз в то время, когда булагаты, обитавшие около Балаганского острога, стали ясачными данниками московского царя и обещали платить ясак енисейским сборщикам, в Красноярский острог приехал бурятский князь Узун, сын князца Ойланка (Иланка). Узун шертовал и вины свои просил простить, обещая платить исправно ясак с себя и со своих улусных людей. Кроме того, Узун заявил

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 402, л. 104—124; ср. архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 153; там же, л. 472.

² Там же, столб. 402, л. 104—124.

³ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 186.

красноярскому воеводе: «бьют, де, челом государю больших братьев булагатские земли князцы и улусные люди, чтоб их государь пожаловал, велел их принять под свою государеву высокую руку в вечное холопство и в ясачные люди». Узун рассказывал далее, что булагатов, которые просятся в ясак под Красноярский острог, 600 человек, ясака они прежде не платили, а теперь их булагатов «воюют государевы служилые люди с Верхоленского острогу и из Братских острошков, что на реке Ие и на реке Ангаре». ¹ Налицо было одно из самых опасных явлений, угрожавших изнутри новому порядку в Бурятии: вражда русских завоевателей между собой, соперничество острогов, связанное с беспощадным разгромом спорных областей.

Соперничество между острогами и борьба из-за права объявлять отдельные территориальные группы бурятского населения, возникшие в условиях первоначального захвата новой территории, когда каждый отряд служилых людей, каждый острог рассматривал неясачных бурят как объект своей военной добычи и источник живого товара для работорговли, не прекратились и в условиях некоторого раздела территории между воеводствами; булагаты оказались неизбежно между не двух, а даже трех огней: их рассматривали как свою собственность, с одной стороны, енисейцы, с другой — красноярцы, а кроме того, на право беспрепятственного грабежа сначала неясачных, а потом также и ясачных булагатов претендовали верхоленские казаки.

Первоначальный рассказ Узун о жалобах булагатов на государевых служилых людей всех трех острогов, точнее, трех воеводств Восточной Сибири, бледнеет перед материалами официальной переписки пятидесятых годов, передающими подробности этого взаимного соперничества завоевателей из-за ясачных людей и их имущества.

6 марта 1654 г. основатель Балаганского острога Д. Фирсов жаловался на красноярцев, что 26 октября 1653 г. приходили «воровски» войною на ясачные волости Братского острога Енисейского уезда из Красноярского Удинского острожка тамошние служилые люди во главе с пятидесятником М. Ярлыковым, причем в отряде красноярцев, кроме русских служилых, были также «татары» и «братские мужики». Во время набега красноярское войско побило нескольких братских ясачных людей и в том числе Саганку, сына князца Тохтохи, посланного в качестве вожака с ясачными енисейскими сборщиками из Братского острога. Ярлыков после убийства сына Тохтохи взял самих енисейских ясачных сборщиков в плен и повез их насильно с собою в качестве вожей, отняв собранную ими ясачную казну. В дальнейшем люди М. Ярлыкова ранили жену князца Тохтохи, убили некоего Буятова сына Мальха и отогнали у погромленных бурятских улусов 500 голов скота. Когда же Димитрий Фирсов

¹ Дополнения к актам историческим, т. III, № 111.

послал людей к Ярлыкову, требуя вернуть награбленное, Ярлыков не только не отдал имущество и ясырь, но и приказал стрелять по послам из пищалей.

В августе 1654 г. в ясачные кочевья енисейских ясачных людей вновь пришел тот же Ярлыков «войною» на князца Хандея, перебил часть его улусных людей, а остальных взял в плен и привел, как военную добычу (ясырь), в Удинский острог. Некоторая часть пленников отдана была Ярлыковым на выкуп сородичам, которые выкупали их скотом и соболями, а остальные, разумеется, пополнили товарные фонды работорговческих рынков. Во время второго набега М. Ярлыков взял в семи верстах от Братского острога с реки Ии 14 семей ясачных людей кармагинцев, «Томдака с братьею и с детьми», свел их затем всем улусом под Удинский острог, взял грабежом с них ясак и превратил в данников своего острога. С реки Вихоревой Ярлыков на сильно увел еще четыре тунгусских семьи, он увез даже, кроме ясачных, пашенного крестьянина И. Яловицына и крестьянина же Д. Маркова, «уволок с ними две пищали государевых» и вообще забирал все, что только можно было захватить с собой.¹

Красноярцы не остались в долгу, они тоже умели жаловаться и отписываться. 10 октября 1653 г. М. Ярлыков писал из Удинского острожка о своем походе якобы по челобитью служилых людей и ясачных татар (а не по своей инициативе) на «государевых непослушников Тотомские земли князца Будая», причем побил 10 человек непослушников, а в улусе всего живых осталось семь человек, которые и обещались платить ясак в Удинский острожек.² На руках у Ярлыкова оказалось 10 ясырей, которых, однако, разграбленные родичи почему-то не выкупают — по наивному сообщению Ярлыкова. Через некоторое время прислали к Ярлыкову челобитную «ашахабаны Узунко, да Абанко, да Номко, да Каранюдко, да Борчинко со всеми ашахабацкими ясачными тотары, да Корчульского улусу Сумангилейко со всеми корчульскими ясашными тотары»; в челобитье они жаловались на «Игнатцкого улусу (икинатского рода) князца Абахая». Жалоба сводилась к тому, что Абахай (или Баахай) пошел войною со своими улусными людьми на их улусы и людей побил, скот, жен и детей в полон взял, животы все ограбил, да и впредь им угрожает войною и убийством, а они, ясачные татары, помирают голодною смертию от его набегов и непрерывного воровства.

Припоминали красноярцы и более старые обиды. Ещё в 1652 г. Баахай отнял у красноярского ясачного князца Абакана 26 лошадей, а у «мужика Кочемарского улуса, Узунова кштыма» отобрал жену. Когда в 1653 г. был отпущен в братскую землю полоняник Ашахабатского улуса Коогай, то Баахай отнял у него

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 182, л. 566.

² Там же, № 190 а, л. 624; там же, № 190б.

кобылу «и животы ево пограбил». Затем отпущена была для выкупа из Красноярского острога сестра Узуна, у нее отнял Баахай 3 коня и «животы» и держал ее у себя долгое время насильным образом. В 1653 г. приезжал Баахай войною на ясачных людей Красноярского острога, причем у Нома отнял коней, у Каранюдума взял 8 лошадей; спустя неделю увел 17 лошадей, в корчюньские улусы ездил, «хотел тех корчюнь воевать», но они де «разбежались в черные леса» и тем только и спаслись.

А в 1654 г. пришли под Удинск 72 человека русских служилых людей из Балаганска, да баахаевых икнатских (икинатских) татар 100 человек, и к острожку «приступали накрепко, а бою де с ними было целый день», причем было побито на смерть 10 ясачных. После боя Ярлыков сумел взять двух пленников, пашенных крестьян Ивашку Григорьева и Макарова Данилку,¹ которые затем в расспросе сказали, что пришли к нему сами, так как от своих отрядов они отбились, а дорогой у них нехватало запасов. В расспросных речах один из пленников рассказал историю этого похода. Оказывается, в Окинском острожке князец Баахай «с улусы» бил челом на М. Ярлыкова со служилыми людьми и с удинскими ясачными татарами, что они у него отогнали скот. Баахай просил помочь ему вернуть весь отогнанный скот, и в ответ на это русские служилые люди в количестве 72 человек с сотней бурят Баахаева улуса собрались с разрешения Фирсова идти на русский же Удинский острог. Придя под Удинский острог, енисейские служилые бились здесь на приступах полдня, осаждая город.

Кроме того, тот же князец Абахай сказал служилым про ашебагатов, будто бы они неясачные люди, и дал казакам, чтобы вести к ним, вожей. В результате, енисеец И. Котельников ходил из Братского острога «войною по Абахаеву научению» в ясачные волости Удинского острога, погромил там улусы ашебагатов, отогнал полторы тысячи голов скота, убил двух мужиков да двух женок, а одну женку-иноземку на огне пытали и сожгли ее на смерть.²

В челобитной, поданной от имени всех ясачных улусов Удинского острожка, Бачигалдай, сын Иланки, жаловался на того же икнатского князца Баахая в его обидах и грабеже и заявлял, «что как они, удинские ясачные люди, учинились покорными Красноярску», баахаевы икнаты, «ненавидя их», начали их громить.

Баахай призывал, например, дружественных окинско-унгинских булагатов, шаронимцев (шарайт), рузанатов и цагатов в феврале 1654 г. в поход на удинских ясачных ашабагатов и корчунов, но те отказались. Несмотря на их отказ, Баахай с икнатами, опять-таки с разрешения Фирсова, снова пришел в удин-

¹ Ср. выше рассказ Фирсова об увозе этих пашенных Ярлыковым.

² Архив АН СССР, ф. 24, оп. 4, д. 22, № 190а, 190в.

ские кочевья и убил там 7 человек ясачных, а 17 в плен взял и превратил в рабов. В ответ на такие жалобы красноярцев у енисейцев снова нашлись свои доводы, доказывающие, что именно они и их ясачные люди являются потерпевшей стороной. В Балаганск приехал тот же Баахай и извещал о приходе уже с Уды служилых и ясачных людей, которые разгромили здесь 30 юрт князя Кадая и убили 6 человек «ясачных мужиков». ¹

Тогда же в уезде енисейских служилых людей появились красноярские ясачные сборщики и стали требовать ясак с бурят, кочевавших по Осинскому острову, причем сборщик Ф. Обухов «грозою» взял с князя Ботака шесть коней. Ботак в это время заявил енисейцам: «с Волоку с нас ясаку просят (енисейцы), а с Красново Яру войною грозят». ²

Красноярцы, обозленные соперничеством енисейских служилых людей, довольно оригинальным способом и вполне в духе своего времени, старались подорвать их авторитет среди местного населения, особенно среди князцов. Они, во-первых, ставили весь Енисейский уезд «ни во што», а во-вторых, называли «нас, холопей государевых, в ыноземцах: то де наши кыштымы». ³

В конце концов туземное население, согласно яркому выражению того же Фирсова, стало «вне ума», массы пришли в отчаяние, в бурятской земле началась смута и всеобщее волнение. А в это время воеводы попрежнему отписывались в Москву друг на друга, примерно таким же образом, как писал красноярский воевода жалобу на енисейского, указывая, что по призыву красноярцев пришли в ясачное холопство к Удинскому красноярскому острожку балаганские буряты с платежом по две лошади с рода. Но, «сведав то в енисейском остроге воевода Афанасий Пашков и позавидя моей ко государю службе, поставил в булагатах острожек и написал ево Булаганским острожком». С тех пор начали енисейские служилые люди брать с булагатов по соболю с 10 человек, причем за ясак енисейский воевода велел давать булагатам сукна, олово и одекуй, тогда как прежде, меняя полученных в ясак лошадей ясачным же людям, красноярцы брали за ясачного коня по 20—30 соболей. «И та вся ясачная прибыли пронада от булаганского острожку, потому что он поставлен без рассмотрения», заключал свою отписку возмущенный красноярский воевода. ⁴

«Смута» же во время воеводской переписки росла, она проявляла даже некоторые тенденции к перерастанию в стихийное движение бурят против завоевателей, в восстание против их господства.

¹ Там же, № 193.

² Там же, № 195, л. 650.

³ Там же, № 194, л. 647. Такие примеры вообще нередки.

⁴ Там же, д. 23, № 2.

Об одной из вспышек этой шатости Д. Фирсов писал: «от тово воровства и раззорения брацкого острогу в ясачных людях и в новой Балаганской земле промеж ясачных людей учинилась смута большая, а в государевом ясачном зборе поруха и недобор и метя за ту ево, Михайлову (Ярлыкова), войну государевы новоприводные балаганской земли братские мужики в нынешнем в 162 (1653) году декабря в 30 день князца Кандея брат ево Будаи да с ним 50 человек приходили с Унги реки и сверх Ангары реки Брацкого острогу в уезды, в деревни пашенново крестьянина Распутка Степанова, и убили до смерти промышленного человека Андреяшку Попова, да отгонили государевых две лошади, да у него же де, у Распутки Степанова, да у енисейского де у ясачного мужика Маадаи отгонили 7 лошадей, да вверх де по Ангаре реке многих ясачных тунгусов Братского острогу пограбили, животы их и скот поймали». ¹

Из Красноярска тоже писали в Москву о смуте, что ездил в Булаганскую землю ашахабатской князец Изень и слышал там, как Д. Фирсов «загрозами» приказывал ясачным князцам платить ясак в Енисейский острог, и эти князцы били челом в Красном Яру о том, чтобы их от таких угроз избавили, иначе «сгонит» бурят Д. Фирсов в «иные орды». Угрожали бегством также булагатские князцы Будаи и другие, заявляя от лица семнадцати родов о непомерных нынешних притеснениях с ясаком, тогда как раньше они платили только по две лошади с рода. Булагаты прямо говорили казакам, что отъедут от изгони ясачных сборщиков и всех служилых людей в иные земли. ²

Существование «великой смуты» в начале пятидесятых годов очень красочно иллюстрируется любопытным документом о князце Буемиге. Хотя этот князец был с Лены или с Куды, тем не менее его судьба показательна и для положения бурят в Приангарье. Объявился совсем неожиданно для властей 28 июня 1654 г. бурятский князец Буемига, за которым по причине его безвестной отлучки вместе с ясачными людьми числилось ясаку три сорока четыре соболя.

Воеводы, получив сведения о появлении Буемиги на их земле, немедленно дали указ разыскать, почему он появился и «которые верхоленские приказные люди тово князца с ево улусными людьми от государской милости прочь отогнали своим раззорением для своей корысти, — собрався с промышленными людьми развоевали».

Даже не зная князца и не имея представления об его уходе, воеводы без всяких околичностей приказали узнать, какой именно приказный его развоевал, разграбил и отогнал, — такова была уверенность воевод в качествах их служилого аппарата.

Не случайно поэтому в наказе воевод по поводу объявления Буемиги прямо сказано: «А впредь бы ты, казачий атаман Ники-

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 182.

² Там же, № 1906.

фор Качин, без государеву указу и без указной памяти в поход с Верхоленскими служилыми и с промышленными людьми не ходил войною, и таких подговорщиков, которые для своей корысти учнут, собрався, итти в поход, — и ты бы их не отпускал и сам бы с ними не ходил... И буде учнут они называть которых иноземцев неясачными людьми и итти на них в поход, и ты бы им не веровал ни чем никоторыми делы». ¹

Бегство некоторых родов, отдельные попытки восстаний — таковы формы протеста бурятского населения против невыносимого положения, создавшегося после завоевания бурятской земли царскими вооруженными отрядами в первой половине XVII в. после подавления освободительного движения тридцатых годов. Но до всенародного движения было еще далеко.

Основным препятствием к перерастанию различных вспышек недовольства бурят в общенародное движение служило теперь то обстоятельство, что борьба с завоевателями перекрещивалась с междуродовой и межплеменной враждой и т. д., а русские власти становились на сторону того или иного князца, помогали ему грабить его врагов и тем разделяли бурятские племена и роды на воюющие друг с другом лагеря. Как выражается в своей «Истории» Фишер, «буряты самим себе более не верили, и один улус выходил в бой против другого». Земля приангарских бурят была в сороковых годах поэтому близка к состоянию ленской, о которой тот же Фишер хорошо сказал, что она «мало-помалу опять пришла в спокойствие, будучи почти совсем... как чужими, так и своими кровопролитием, граблением и жжением истощена». ² В этом состоянии и застал булагатов в Балаганске и окинских бурят у Братска Иван Похабов во время своего последнего управления приангарской бурятской землей.

¹ ИАИ АН СССР, Якутские дела, 1654.

² Фишер, Сибирская история, стр. 536.

4. ВОССТАНИЕ И ПОБЕГ БУРЯТ В 1658 ГОДУ

События, происходившие на территории Приангарья в конце первой и в самом начале второй половины XVII в. и связанные с именем Ивана Похабова — основателя Иркутского зимовья, — явились как бы завершением всей истории подчинения русскими завоевателями бурятской земли в Приангарье. Они вполне соответствовали общему ходу завоевания и характеру всей политики царизма по отношению к бурят-монгольской народности в первой половине XVII в. и явились логически неизбежным следствием создавшегося тогда положения. Трудно подобрать более отчетливый пример, который бы полнее отразил положение бурятского народа под гнетом завоевателей и условия его борьбы в середине XVII в. против угнетения, чем события 1658—1660 гг.

Рассматривая происшествия 1658 г. как катастрофу, вызванную исключительно жестокостью Ивана Похабова, историк Сибири Фишер кратко сообщает; что «едва построен был (Балаганский. — А. О.) острог, как уже тысяща семь сот Бологатов učinили верности присягу, и Фирсов в мыслях своих уже себе представил, что он овладел всею Ангарою даже до самого Байкала... Однако легче нечто затевать, нежели производить в действо, и вместо того, чтоб новых приобрести подданных, скоро и снисканные были потеряны. В 1658 годе для жестокости Балаганского управителя Ивана Похабова произошло между тамошними бурятами возмущение, которые, убив присланных к ним Россиян, из своей земли разбежались. В 1659 годе побег сделался таким общим, что в Балаганске ясака почти более уже не приходило, но прежде более 20 сороков ежегодно собиралось, а в следующем годе пришел монгалы, и остальных бурят с собою увели». ¹ Запустение целой области, уход из нее многочисленной народности действительно были катастрофическим явлением!

Иван Похабов, енисейский служилый человек, совсем не «воевода», как его ошибочно именуют некоторые, а обыкновенный сын боярский, будучи основным и ближайшим виновником смятения и бегства бурят с Ангары, Китоя, Белой и Иркуты,

¹ Фишер, Сибирская история, стр. 542.

по существу не представляет собой, однако, исключительной фигуры для того времени. Скорее, наоборот, может быть доказана известная заурядность этого «героя» половины XVII в., причем деятельность Похабова только подчеркивает и характеризует собою общую политическую обстановку Сибири, как колонии московских помещиков и купцов, обстановку рождавшую Курбатов Ивановых, Галкиных, Сорокиных, Поярковых, Колесниковых и тому подобных слуг московского царя. В сравнении с другими тогдашними деятелями с исторической точки зрения деятельность Похабова вряд ли больше выдается, чем деятельность какого-либо Кафтырева или Чемесова в конце столетия. В качестве типичного русского завоевателя XVII в. Иван Похабов и заслуживает внимания историка, хотя бы и уступая при этом по размаху и масштабам своих предприятий тому же Хабарову, завоевателю Амура, или Галкину.

Иван Похабов в 40—50-х гг. XVII в. принимает активное участие в завоевании Ангаро-Байкальского края, проходит все Приангарье, доходит до кочевьев монгольских феодалов. Вместе с именами Хрипунова, Колесникова, Бекетова, Фирсова и других енисейцев, покорявших огнем и мечом бурятскую землю, имя Похабова вошло в историю Сибири. «Знатнейшия Ивана Похабова приключения» (Фишер) сводились к поездке 1644—1646 гг. по Ангаре к Байкалу и объяснению здешних бурят. В начале пятидесятих годов воевода Афанасий Пашков на пути в даурские остроги поставил Ивана Похабова приказным человеком «братских острогов» в Балаганске, Братске и на Баргузине (1652 г.). Согласно материалам Фишера, во время своего управления И. Похабов проявил «беспокойный и сердитый нрав», и «в его время многие тунгусы Баргузинского уезда разбежались, потому что очень сильно были им притесняемы».

Челобитная служилых людей сообщает также, что первое правление Ивана Похабова в братских острогах было жестоким и кончилось плохо. Как писали казаки царю, «когда Похабов ехал на приказ, на отпусках из съезжей даваны были ему, Ивану Похабову, наказы за твоими государевыми печатями, что ему во всем тебе, государю, радеть и прибыли хотеть и дурна ни в чем которого отнюдь не чинить, и писано ему о том с жесточью». Но несмотря на столь строгий «с жесточью» наказ, «тот Иван Похабов, не помня страху божию и забыв твое государево истинное крестное целование и не боясь твоей государевы грозы, отъехав из Енисейсково острогу, почал, дорогою идучи и в острогах живучи, служилым людям чинить обиды и налоги», стал их притеснять и грабить, в колоды сажать и плетями пороть, кнутами бить «безвинно». ¹ Точно так же Иван Похабов стал притеснять и ясачных людей, грабить у них мягкую рухлядь, насиловать жен и «девок», а также учинил и поруху ясачному сбору.

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 589, л. 10—20.

Обижаемые Иваном Похабовым енисейские казаки принялись составлять на него челобитные и посылать их енисейскому воеводе, обвиняя Похабова в «воровстве» и в ущербе государевой казне. Однако, несмотря на поток челобитных, «тот Иван Похабов... покрываючи свое воровство», стал писать в ответ на челобитья служилых свои «воровские поклевные отписки», в результате которых воеводская власть обрушилась на челобитчиков. И последним стали чиниться тем же самым Иваном Похабовым «убытки великие, налоги и наказанье без пощады».

Только после особого «справедного сыску», очной ставки Похабова с челобитчиками и расспроса всех свидетелей воевода приказал «вместо кнута» бить Ивана Похабова за его злоупотребления батогами без пощады, а затем «учинил заказ — за его многое воровство» не бывать вместе с казаками в дальних отъезжих службах, обычно более выгодных.

Однако, опытный в подобного рода делах и опиравшийся на родственные московские связи Похабов вывернулся. «Умысля по своему ябедничеству, писал советно к Русе к брату ево родному, к подъячему к Григорию Похабову, и послал челобитную», в которой просил назначить его попрежнему на отъезжие доходные службы. Брат Ивана, подъячий Григорий, добился оправдательной грамоты и из самой Москвы послал эту грамоту в Енисейск к воеводе Ртищеву.

Воевода не смог послушаться московского приказа и послал Ивана Похабова в 165 (1657—1658) г. снова на прежнее место приказчиком Братекого острога, а для соблюдения приличий Ртищев дал «жестокый» наказ Ивану Похабову, в котором было написано, чтобы он жил «смирно и крепко», помнил бы при этом «страх божий и крестное целование», не чинил бы местным жителям обид и притеснений.¹

Однако, и на этот раз, успокоенный заступничеством брата и благополучным исходом первого дела, Похабов остался верен своим обычаям, о которых кратко рассказывает челобитная служилых людей: «в остроге и дорогой учал служилых людей злее первого бить и мучить кнутьем и батоги строчными своими палачами, и животы казачьи стал обирать, и ясыри и запасы грабить, и вином и пивом по прежнему торговать».

Да и могло ли быть иначе, если тогдашняя действительность давала самый широкий простор подобной деятельности, если грабежи и насилия были обычным бытовым явлением эпохи? Иван Похабов был верен своим обычаям именно потому, что эти обычаи были традиционными для его времени. Он даже сумел в лаконической фразе-поговорке изложить свою программу, обобщить примитивную «гедонистическую» философию современной ему среды. Отвечая на просьбу братского священника не мучить чересчур сильно крестьянское население уезда, — как никак, а мужики

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 589, л. 17.

кормили и попа и приказчика, — Похабов откровенно заявил священнику: «Батюшко! После, де, меня — хоть трава не расти, ныне де я был, сыт был, а после меня хотя и не было». ¹

Откровенный цинизм Похабова оттеняется не совсем лестным мнением о нем со стороны других его современников, которые вообще скептически смотрели на такие вещи, как «крестное целование», «государская гроза» и «страх божий», если речь шла о личной выгоде. Еще во время первого правления Похабова над ангаро-байкальскими острогами дошли до воеводы вести от служилых людей, что иноземцы рассказывают о покупке Иваном Похабовым большого количества лошадей. «Чтоб в опале за ево плутни не быть», служилые люди доносили воеводе: «а наряжаетца он в китайское государство, к китайскому царю». Правда, Иван Похабов от московского царя не отложился, не повторил истории с гантимуровым бегством от одного царя к другому, но, очевидно, возможность подобного побега имелась, и мысль об измене Похабова не казалась слишком невероятной енисейскому начальству. ²

Этот бытовой штрих только уясняет положение Ивана Похабова в подвластном ему уделе-сатрапии, обнимавшей всю «братскую землю» от Канска до тогдашней монгольской границы в пределах ангаро-байкальского и байкало-селенгинского бассейнов. Полномочный представитель не столько воеводы, владыки огромного завоеванного силой оружия края, сколько самого «великого государя», властелина и обладателя феодальной Руси, Иван Похабов мог делать в цорабощенном крае все, что только ему вздумается. Ему могла, быть может, при случае взбрести мысль о войне с Монголией, или Китаем, он мог, наконец, как полагали служилые люди, «решить отделиться со своим уделом от московского «великого государя» и «приклониться» под столь же высокую богдыханскую руку.

Вернувшись снова на приказ и пользуясь выгодами своего положения, Похабов стал, как мы видели, «злее первого» преследовать и грабить казаков. ³ Челобитные казаков и низшего командного состава служилых людей достаточно ярко рисуют картину этих преследований и грабежа, хотя, к сожалению, не все данные дошли до нас.

В первую очередь казаки жаловались на служебные злоупотребления Похабова, непосредственно затрагивавшие интересы «государевой казны», — это было важнее для начальства, скорее могло привлечь внимание властей. Еще при воеводе Ф. Узарове вез Иван Похабов хлебные запасы на корм служилым людям, их хлебные оклады. Дорогой он «учал те хлебные запасы продавать и корысть себе великую получать, а не в жалованье отдавать, а продавал самую большую дорогою ценою» тем же служилым людям и другим жителям. Продавая казенный хлеб, Поха-

¹ Там же, л. 87, 88.

² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 198.

³ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 589, л. 17.

бов «имал за всякий пуд по 5 рублей и по пяти и по 10-ти и больше, потому что дальное голодное место. А кому питатца нечем и те казаки з голоду померли и умерло в тая поры Енисейских казаков з голоду 90 человек». ¹ Этот факт имел место еще до первого дела о смещении Похабова, и потому «указу ему некоторого не учинено и ему стало всякое дурно чинить повадно». Во время вторичного правления Похабов попрежнему, наживался за счет казны, но более осмотрительно и не в таких явных формах. Зато он с особенной энергией насел на своих подначальных, прежних челобитчиков, и их «животами» вознаграждал себя за перенесенные неприятности.

В ущерб казне Иван Похабов вино курил и при первом сидении на приказе и во время второго сиденья. Вино курил он у себя уже на специальной поварне и продавал его дорогой ценой: пиво, например, у него покупали по 13 алтын 2 деньги ведро. На вино Похабов приобретал рабов, с помощью вина устраивал различные явно жульнические сделки, обирал пьяных и вымогал у них имущество.

Иван Похабов бил казаков кнутом, батогами, садил их в колоду и «из-за тое смертные муки понимал у них грабежом» всякое имущество, ничем не брезгуя. В результате грабительства Ивана Похабова, пишут служилые люди «многие от тово раззорения обнищали и задолжали». Один из отрывков казацкой челобитной рассказывает, например, что у некоего Пантелейки Минина Иван Похабов отобрал «дворишко», у Ивана Пантелеева взял «рубашку золотную да лисицу бурую» и деньги, всего на 30 тогдашних рублей. У В. Борисова 20 соболей, три лисы красных, одну черную, да восемь рублей денег, а как «увидел он у меня, что не стало соболей и денег и нитки-кропонок», стал еще «пуци угрожать кнутом и батоги», рассказывает В. Борисов. У того же Борисова, «из-за угроз», взял «запись вековую» на сына в холопство.

У Семена Сартакова вымучил кабалу в 20 алтын с гривною, заставил делать на себя сыромятные кожи, а денег, по ряде шести рублей, не заплатил. У толмача Петрушки взял три лисы, семь соболей, дочь у него «брал к себе в постелю насильно». У Устина Солдата отобрал 24 соболя, три лисы «в одну ночь вымучил», взял росомаху, шесть соболей, шесть пупков соболевых, да еще пару соболей и четыре рубля денег — всего на 30 рублей деньгами. У служилого Демки Подреза вымучил 12 рублей денег, взял «взаймы» муки на вино 10 пудов, отобрал 20 сажень неводных сетей, а мучил его в пустой избе и угрожал: «батоги забью досмерти». У служилого человека Безсонки Матвеева отобрал пять лис на 5 рублей деньгами и т. д. и т. п. ²

Точно так же, как и сам Иван Похабов, поступали его помощники по управлению уделом. Один из них, управитель Балаган-

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 589, л. 17; ср. архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 132, л. 396.

Там же, л. 20, 47, 33, 87 и др.

ского острожка Федор Шадриков, заслужил особенную ненависть населения своими злоупотреблениями. Он, например, даже по случаю потери суконного полукафтанишка бил насмерть 6 человек служилых людей и угрожал им ссылкой в Братский острог, «рняясь в том по своей кручине». ¹

Особенное недовольство служилых людей возбуждал Иван Похабов грабежом их военной добычи, приобретенной при разгроме бурятских улусов, в частности рабов, скота, конской сбруи, украшенной накладным серебром, и т. д. Пишут служилые в своем челобитье: «посылал он, Иван, нас, холопей твоих, на твою государеву службу на иноземцев на братских неясашных людей и мы, холопы твои, тех иноземцев погромили и под твою высокую царскую руку подвели, и что у них мы, холопы твои, на погроме взяли ясырю и коней и скота и всякого живота, и как мы, холопы твои, пришли в Нижний Братский острог и он, Иван Похабов, тот ясырь и кони, арчаки и узды оправные серебром и весь войсковой живот взял к себе, и запечатал для своей бездельной корысти, а всево нашево войскового живота взял на 200 рублей». В этом случае Иван Похабов ограбил целое войско, т. е. весь отряд карателей, громивших неясачные улусы. ² Но в других случаях он не стеснялся отобрать рабов и у отдельных казаков, хотя бы эти рабы давно уже принадлежали их хозяевам. Так у Демки Подреза был отобран принадлежавший ему парень-ясырь. У служилого Завъялки Иван Похабов отобрал шесть соболей да два бобра, но этого ему показалось мало, и поэтому он приказал запереть Завъялку в жаркую баню «в дым, ночью» и держал его там, пока Завъялка не отдал своего ясыря — парня братской породы». Немного позже Иван Похабов пришел пьяным в приказную избу, схватил сына Завъялки, Гришку, и затем приказал пойманного Гришку бить батогами насмерть, приговаривая при экзекуции: «только де ты Завъял с сыном своим Онискою не поступитесь ясырем, — жонки с парнем, — и я де вас обеих замучу кнутом на смерть». Те, разумеется, вынуждены были отдать Похабову еще двух рабов, а всего с прежним добром отдали имуществом на 82 рубля — эта была по тогдашнему времени огромная сумма, целый капитал! ³

Немалую злобу со стороны казачества вызвал Иван Похабов и своими разоблачениями по поводу воровства ясачной рухляди ясачными сборщиками, которые отбирали лучших соболей и лис себе, а худых клали в казенную «рухлядь», подлежащую отправке в Москву.

Столкновение на почве отказа принимать мягкую рухлядь плохого качества чуть было не вызвало вооруженного выступления служилых против Ивана Похабова. Сами служилые рассказывали, что Иван Похабов ходил с целовальником Федором Тороп-

¹ Там же, л. 61.

² Там же, л. 19.

³ Там же, л. 45, 47, 87 и др.

чанином «в государеву соболиную казну» и выбросил из казенного амбара на улицу две лисы и два «откаса», «и то служилые люди, стоя на карауле днем и ночью, стерегли многое время, и с улицы подняв, взяли и, запечатав, священнику Ивану беречь в церковь отдали»; но поп испугался гнева Ивана Похабова и тех лисиц в церковь брать не стал. Тогда служилые люди сами в церковь положили пушнину, выброшенную Иваном Похабовым на улицу.¹

А вскоре между служилыми людьми и людьми Ивана Похабова разгорелась большая драка, перешедшая в настоящее побоище. Разъяренный Иван Похабов приказал итти в драку против служилых пашенным крестьянам Братского острога, но те не пошли, а разбежались. Тогда Похабов приказал устроить особые заставы для ловли беглецов и челобитчиков из числа служилых и слал толмача в бурятские улусы, «бращких людей призывать и казаков побивать», но и буряты, однако, тоже не пошли драться с казаками — изменниками,² как их называл Похабов.

Все эти обиды служилых людей не могут, конечно, итти в сравнение с обидами пашенных крестьян и ясачных людей. Произвол Ивана Похабова в отношении их проявился не менее откровенно, а его насилия имели еще более систематический характер.

Иван Похабов пользовался принудительным трудом всего крестьянского мира и с этой целью, например, заставлял крестьян писать мирские челобитные о прекращении работы на государственной мельнице, взамен которой приказал крестьянам строить себе новые обширные хоромы в Братске вместо старых из прежних зимовьев, оставленных воеводой Пашковым при церкви, как вклад, после его известной зимовки в Братском остроге совместно с протопопом Аввакумом. Крестьяне, само собой разумеется, отказаться не посмели и написали требуемое челобитье, после чего и построили Похабову новые обширные хоромы.³

Историю постройки новых хором Ивану Похабову и его притеснения подробно описывали в своей мирской челобитной «бедные и беспомощные и до конца разоренные сироты пашенные крестьяне, староста Тимошка Савельев, да целовальники Игнашка Дементьев да Ивашко Осипов, да Бориско Васильев, да Ивашка Михайлов, да Андрюшка Захарьев... и все пашенные крестьяне 58 человек», рассказывая, как Похабов велел ломать зимовья, которые Афанасий Пашков «после себя приказал Богородице на церковное строение». Крестьяне говорили, что он обещал им свободу от мельничной стройки: «нам, бедным, велел принести челобитную сильно, чтобы нам тою осенью твоей государственной мельницы не строить, а делать бы ему тою осенью хоромы», так как в прежних он «жить не изволил — все для нашей сиротской изгони, а для своей бездельной корысти». Мужики проработали целую

¹ ГАФНЭ, столб. 589, л. 47.

² Там же.

³ Там же, л. 20, 43.

осень над разборкой зимовий Пашкова и постройкой новых хором Похабову. Но весной, когда подошло время сеять и пахать царскую и собинную пашню, «чем нам, бедным, сыты быть», Похабов вставил их строить царскую мельницу, нарушив свои первые обещания и обманув крестьянский мир; 6 мая, в начале самых горячих полевых работ, крестьянский мирской староста получил официальную память от прикащика, чтобы крестьяне шли строить новую мельницу.

Крестьяне на этот раз не выдержали и в коллективном мирском челобитье по адресу енисейского воеводы стали жаловаться на «бездельные» поступки Похабова, подробно описывая его насилия и грабежи над беззащитными «государевыми сиротами». Не было, кажется, ни одного крестьянина, которого не задел бы насилия Похабова. Так Ивашка Садовник жаловался, что Похабов бил его обнаженного батогами и засадил его в колоду, пока Ивашка не отдал ему 5 рублей денег в качестве выкупа, а затем Похабов снова бил кнутом Садовника, но на этот раз безрезультатно: денег больше у крестьянина не нашлось.

Тимошка Савельев жаловался, что Похабов бил его на козле кнутом и вымучил две овцы. «Ездил я, — говорил Т. Савельев, — для своей великия скудости в Илимской христовым именем просить хлеба и было у меня последние две овцы и тех у меня вымучил силою, и тот последний крестьянский заводышко отобрал». У Игнашки Дементьева Похабов также отнял две овцы, угрожая при этом: «Только де ты мне ся не поступишь двух овец и я де тебя раззорю со всем твоим домом». Отправлялся у Похабова в Илимский уезд «кормиться христовым именем» так же, как и Тим. Савельев, другой братский крестьянин Терешка Фомин, но прикащик его не отпустил. «А нашу, государь, братью пушал, а меня за тем не отпустил, что дать ему нечево, человеченка я бедной, з женишкою и з детишками помираю голодною смертию — идим борщ и сарану и без соли оцынжали», плачется Т. Фомин в челобитной. Несмотря на ужасающую бедность этого крестьянина, питавшегося чуть ли не полевой травой, Иван Похабов все-таки сумел поживиться и около голодающего Т. Фомина, отобрав у него единственную стельную корову, а вместо нее дал худую.

У М. Иванова прикащик отобрал доброго коня, «самова головоно из наше братьи твоей государевы ссуды (т. е. из выданных крестьянам в ссуду. — А. О.), а дал мне в то место кобыленцо, что и твоей государевы пашни не поднять, а на себя отнюдь пахать не на чом», кроме того взял с того же М. Иванова насильно 50 копеек денег, 8 пудов ржи, тушу свиную — все, что он имел.

Крестьянин Федор Семенов дал Похабову, по его требованию, доброго коня для поездки в Илимск, но Похабов того коня замотал, а привел чужого гораздо хуже первого и, не довольствуясь этим, отобрал у Ф. Семенова еще 15 пудов ржи в наказание за жалобы.

Про Ивана Павлова Похабов проведал, что имеется у него «моление — Богородицы Казанской образ в окладе». Иван Похабов хотел «то моление променить для своей нужи и бедности», причем в Илимском остроге ему давали за тот образ 20 рублей денег. Однако, Похабов не разрешил ему вести икону в Илимск для продажи, а приказал отдать ему, Ивану, за десять рублей, т. е. за половинную цену. Когда Иван Павлов вздумал перечить Похабову, тот нашел средство для укрощения строптивого крестьянина и без кнута: «за тем не дает коня, твоей государевы ссуды, и я, бедный сирота твой, скитаюсь третьей год без коня на твою государеву пашню наймую и сам бедной з женишком и з детишками помираю голодною смертью без пашни меж двор скитаюсь, Христовым именем кормлюся».

Остальные скопом, за всех, жаловались: «Да и у многих, государь, наши братья коней были даваны которые кони старые, и те кони померли и мы, государь, бедные сироты твои скитаемся без пашни по год и по два на твою государеву пашню, измогаючись, наймуем, а самим нам коней купить нечем, людиска мы бедные и до конца раззоренные, а твоя государева казна из Енисейского острогу на конскую покушку давана: сукна и котлы и олово, и он, Иван Похабов, не покупает и нам коней не дает и нам, сиротам твоим, твоей государевы пашни пахать не на чем, и сами помираем голодною смертью», рассказывается в мирском челобитье.

В деревню Наратай остров, на Кежемскую займку и во все верховые деревни Ив. Похабов послал «ушника своего» Орефку Фирсова, как приказчика у пашенных крестьян. Этот Орефка Фирсов, «будучи на приказе, пашенных крестьян всякими приметными статьями угрожал и батоги бил и за угрозкою с них, пашенных крестьян, на Ивана Похабова хлеб збирал». ¹ В особом пункте челобитной крестьяне этих верховых деревень рассказывают, что бил О. Фирсов их нагих батогами «по ево Иванову ученью... и что нам, сиротам, бог дал хлеба и он, Орефий, тот хлеб у нас вымучил весь». На крестьянские жалобы О. Фирсов угрожал именем Ивана Похабова и указывал: «веть де вы ведаете, как де бил (Похабов — А. О.) у вас и лутчево вашево пашеннова крестьянина Ивана Садовника, да Тимошку Савельева кнутом и батоги и в холоде мучил». Будучи у хлебного умолота, О. Фирсов «выдерживал сырой и на гумне весь хлеб подметывал; и после он же сыщет, что не вымолочено, и всяко приметьваючись и нас, бедных, напрасно мучил батоги для своей бездельной корысти».

Служа ушником Ивану Похабову, Арефий Фирсов создал таким образом настоящую провокационную систему для собственного обогащения, причем умело использовал все конкретные условия выполнения пашенными крестьянами барщинных натуральных повинностей по отношению к государству, как организатор государственной десятинной пашни. Крестьяне, как известно, обязаны

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 589, л. 91.

были не только пахать, сеять, жать, но и молотить и в амбары ссыпать казенный хлеб, выросший на государевых барщинных десятинах. Фирсов подкидывал в измолоченные вороха соломы сырой хлеб в колосьях, а затем придирался к мужикам и наказывал батогами якобы за плохую молотьбу, за небрежное отношение к государевой барщине. От побоев крестьяне опять-таки должны были откупаться собственными пожитками и хлебом.

Фирсов достиг этих результатов при прямой поддержке самого Похабова и группы своих помощников, из числа которых выдается своеобразная фигура некоего Ив. Суворова. Ивашка Суворов, по словам челобитной лучших, т. е. зажиточных крестьян, взял ссуду от казны на полдесятинный оклад, а затем дорогой в Братский острог, «проигрався зернью, бежал», был пойман на Илеме и посажен на пашню насильно еще, повидимому, при Бекетове. В другой раз тот же Суворов учинил новое «воровство» — в 164 (1656) г. подговорил свою братью «воров многих пашенных крестьян и нашу, государь, братью, нарочитых людей, пограбя ушли, а он, Ивашко, был у них, у беглецов, атаманом вместе с Микитой Чахом». Для Ивана Похабова с его ушниками пригрозился и деклассированный И. Суворов, грабитель и разбойничий атаман.

Следуя примеру самого Ивана Похабова, О. Фирсов стал чинить крестьянам своего приказа «великое озорничество и насильство». «Домы наши учал бесчестить и дети просмехать. У выборново мирсеково старосты, у Антона Агашитова, жену ево хотел насильничать и она ему не далась, — деручися с нею вывалил у нее брюхо — младенца. Да у меня, сироты твоего, у Фимка Алексева тож хотел женишко мое изнасильничать и она от нево насилу отбилась и из избы ушла, и у многих, государь, нашей братии жен хотел сильничать», жалуется, например, один из крестьян верховых деревень на О. Фирсова.

Крестьяне били на него челом «справедному государю», но Иван Похабов не только обороны не дал и прикащика не переменял, а наоборот, — взялся со всей своей энергией за челобитчиков и особенно за составителей мирского челобитья. Одного из крестьян, Софрона Федорова, человека грамотного, Иван Похабов собирался бить кнутом и руку отсечь за сочинение челобитных: «а сказывает на меня, будто я писал челобитную тебе, праведному государю, от служилых людей на нево в Енисейской острог и я, сирота твой, никакие челобитные на него не писывал и блюдучися я, бедной, от нево тое жестокие угрозы, что мне бог дал хлеба, и ему переносил весь в отмер 7 четвертей, да лисицу чернодусчатую, а лисице цена 2 рубля 10 алтын, а сам, бедной, помираю голодною смертью з женишкою и з детишками».¹

На другого мужицкого грамотея Федора Зиновьева ополчился И. Похабов за «то же самое», как сказано в документе, т. е. за составление челобитных крестьянам. И последний, «укрываючися

¹ Там же, л. 88.

в лесу, покиня свое женишко и детишка, за тем что ему дать нечево и сам он беден», помирал голодом в тайге, как о нем рассказывали мирские люди.

Особенно же стал неистовствовать Иван Похабов после случая с выступлением казаков. По словам крестьян Братска драку затеял первый сам И. Похабов со своими людьми. Крестьяне верхних деревень даже и не знали об этих событиях, когда в Братске «меж дворовыми ево людьми и казаками случилась драка и ножевое резанье и сабельное сеченье». Возвращаясь с Илима, И. Похабов забрал с собою всех верховых пашенных крестьян, а им при том «дела никакова не сказал». «И приветчи нас в острог», рассказывают крестьяне, «велел служилых людей бить и имать и в тюрьму сажать без языку (т. е. без следствия, без сыска — А. О.) и без распросу, а вины на служилых людей не сказал. И мы, сироты твои, такие междоусобные брани с служилыми людьми не учинили, драться не стали и нам, сиротам твоим, учал (И. Похабов — А. О.) за то угрожать кнутьем».¹

Эту угрозу Похабов по обыкновению привел в действие. По крайней мере, он додумался до внушительной демонстрации своего могущества: «после того на Святой Неделе поехал в Илимской острог жениться, а с собою возил по деревням палача с кнутьем и многих нашу братью хотели бить кнутьем неведомо за что».

В результате Похабовского управления государевы крепостные, пашенные крестьяне, писали царю, что они «от ево, Иванова, озорничества и изгони и от ево ушников» в конец погибают и помирают голодною смертию, «стали наги и босы и на нове месте до конца разворены». По словам крестьян, «от их, приказных людей, великие изгони многие, государь, наша братья, покиня твое государево пашню и свое домишка, розно разбрелися, видя над собою погибель и жестокое мученье». Что это не было превеличением и обычной штампованной фразой челобитных, можно судить по участи Терешки Фомина и остальных, питавшихся травой и кореньями — «борщом» и сараной, бежавших в тайгу от угроз и насилий прикащиков.²

Наравне с пашенными крестьянами от похабовского управления страдали и «ясачные холопы» московского царя, перенесшие перед этим ужасы «замирения и приведения под царскую высокую руку». О насилиях Похабова с помощниками над бурятским населением рассказывает сходная по характеру с крестьянской челобитная бурят. Царские холопы, «иноземцы, ясачные людишка, князцы брацкие Бахайко с братом своим Толтохаем да с сынишком з Дунайком, да Лудка Дахаева улусу, да Конко, Акалкан, Каканчей, да Шадра Гоголев, да Даркейко з женишком Кудукою, да князец же Абачейко, да Лукойко, да князец же Даху, да улусной мужик Хабарко Князев, Турундугайко и вместо всех ино-

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 589, л. 98.

² Там же, л. 88.

земцов достальных ясачных людишек», били челом на Ивана Похабова в том, что «будучи на твоей государеве службе в Братском остроге тот Иван Похабов чинил нам великие обиды и всякие насильства, и во всем изгоняет и утесняет, и женишек и детей емлет к себе на постелю сильно для блуда, и нас, ясачных иноземцов, бьет и мучит, и животы наши грабит и всякими страстями угрожает». ¹

Бурятские князцы, разумеется, приводили в своем челобитье в первую очередь только те факты, которые их лично касались, оставляя в тени многое, что имело отношение к эксплуатации улусной массы Иваном Похабовым и его сотрудниками. И тем не менее эти сообщения князцов чрезвычайно характерны для взаимоотношений Похабова, как администратора и представителя московской власти, с бурятским населением; они тем более интересны, что перечисляемые князцами факты насилий и тягостей падали на долю второго поколения бурятской аристократии, отцы которого называли пришельцев-казаков в 20—30-х гг. XVII в. «худыми людишками» и пользовались почетом и неприкосновенностью, иногда даже и после убийства послов московского царя, как например Баяракан.

В отношениях между русской властью и князьями произошел коренной сдвиг, предоставивший прежним владельцам улусов в лучшем случае участь простых приказчиков царизма и поставивший их в гораздо бо́льшую зависимость от русской власти, чем прежде.

В условиях роста русской колонизации, когда «братская земля» покрывалась русскими селами и займками пашенных крестьян, на крутых ярах возвышались многоярусные острожные башни и острые тыны палисадов, виднелись земляные насыпи и рвы, — князья утратили прежнюю независимость и силу. И только в этих условиях сами князья могли стать жертвой не только временного погрома, учиненного служилыми за отказ платить ясак (об отказе от ясака теперь не могло уже быть и речи), но и объектом постоянного систематического лихоимства со стороны русского начальства того же Братского острожка. Рассказы о деятельности Похабова среди русского населения Приангарья вскрывают картину именно повседневных систематических притеснений, где насилия, избиения и грабежи являются бытовыми фактами. Таково же было и отношение Похабова к подвластному бурятскому населению. Положение бурятских князцов с этой стороны крайне близко к положению старших служилых людей и лучших крестьян, нередко возглавлявших оппозицию местному начальству, как это проявилось и при похабовском управлении в Братске, только потому, что чрезмерные налоги со стороны управителя били прежде всего по их карману.

Параллельно с жалобами лучших пашенных и служилых на попытку Похабова обесчестить их жен и дочерей раздаются такие

¹ Там же, л. 85.

же жалобы князцов. ¹ Похабов предлагал им ехать в Братск не одним, а в сопровождении их жен. Жен княжеских Похабов требовал с целью «поругатца на постеле»; по словам князцов, он со всеми поступал одинаково: «вином напоит и вышлет вон, а жен де наших у себя оставляет». Служилые подтверждали их слова и прямо указывали на «Шадрину Балееву жену», да улусного мужика Кундуна жену, которую Похабов «брал к себе в баню ночью и жонка здатся ему не хотела и он ее разболокал и хотел бить кнутом, ее изсильничал». ²

Избиениям и побоям подвергались и сами бурятские князья. Одного из наиболее сильных людей бурятской земли, «лутчево» князца Баахая, повидимому, того самого, который организовывал раньше набеги на красноярских ясачных бурят, Похабов держал в тюрьме за караулом около двух-трех дней и отобрал у него «сильно» лучшего коня. Князца Лутка, Дахаева улуса, Похабов подвергал мукам, отнял у него тоже коня «доброво» и, не ограничиваясь этим, угрожал ему и впредь «большою мукою», желая «вымучить другово доброво коня». ³

Похабов, кроме самого Баахая, мучил и Баахаева сына Дунайку: посадил его в колоду и угрожал кнутом, пока не получил «коня доброво куяшново».

Что Похабов обращал особое внимание на хороших лошадей, — вполне понятно: у князцов должны были водиться лучшие кони, утрата которых нелегко переносилась степными скотоводами. Также понятен интерес братского управителя к дорогим мехам: буряты-скотоводы были и поставщиками ясака. Кони и пушнина — таковы специфические объекты грабежа у бурят, тогда как у русских Похабов отбирал хлебные запасы, коровенок и прочие животы, вплоть до серебряных окладов с икон.

В челобитной князцы рассказывали об угрозах со стороны Ивана Похабова и о том, как они «с тое боязни» приносили ему лучших бобров, добрых черных лисиц, а он, «похвата у нас нечестно, мечет под порог, а говорит нам — с чем де вы ко мне пришли на поклон и кому те соболи годны?». Притом Похабов требовал, чтобы князья приезжали к нему с женами и везли на поклон «соболей по десять». «А переди сего наша братья приезжали к вам хуже меня и вы де им приносили на поклон соболей по сороку и больше», выговаривал князьям новый управитель. Не ограничиваясь «добровольными» поклонными соболями, он попросту грабил князей: у того же Баахая, например, отнял 3 бобра и 3 лисицы. ⁴

Похабов приставлен был к сбору ясачной и десятинной пушнины для казны, как наблюдатель за царской монополией на мягкую рухлядь; но царскую монополию на высокосортную пушнину он обратил в личную привилегию. Им было, например, пред-

¹ ГАФКЭ, столб. 589, л. 85, 86.

² Там же, л. 17, 20, 99.

³ Там же, л. 20, 85.

⁴ Там же, л. 17, 85.

писано бурятам, под строгой ответственностью князцов за выполнение приказа, не продавать раньше, чем самому Похабову, соболей каким-либо иным служилым или торговым людям. Наконец, он обворовывал казну и одновременно грабил ясачных: когда буряты несли лучшую пушнину в ясачный платеж, Похабов, «приметався к нам бездельным умыслом, те лисицы у нас имал к себе в корысть», а не в казну, пишут князцы.¹

Пользуясь правами судьи и администратора, властью полного хозяина бурятской земли, Похабов использовал и суд для собственного обогащения. Как администратор, он применял свою власть для того, чтобы сажать, кого вздумает ограбить, в колоду, бить его батогами и даже кнутом. Как судья, он обдирал немилосердно обе стороны и, конечно, продавал свой судебный приговор той стороне, какая больше даст. Об этой стороне похабовского управления свидетельствует такой, например, факт. Обратились к приказному человеку крестьяне с челобитьем на бурят, укравших снопы хлеба, коня и корову. Похабов взял с виновных большую взятку, а украденное оставил у них же. Совершенно одинаковым образом действовали представители управителя на местах: балаганский приказчик Шадриков, а в деревнях вверх по Ангаре — Фирсов.²

Уже само по себе завоевание бурятской земли, в котором он принимал активное участие, было для Похабова очень выгодным, доходным предприятием, в которое он вложил значительные средства и, само собой разумеется, не ради «славы государева имени», а для того, чтобы вложенные средства принесли предпринимателю чудовищные прибыли. С этой стороны деятельность Похабова ничем не отличалась от деятельности К. Иванова на Лене и Ольхоне, Хабарова на Амуре и тому подобных «землепроходцев» XVII в., у которых деловой расчет и соображения о прибыли сочетались с хладнокровной жестокостью, жадность к деньгам и мягкой рухляди — с жаждой крови.

Еще в 1644 и 1646 гг., когда воеводы Сила Аничков и Уваров посылали Похабова для приведения под царскую руку бурятской земли, Иван Похабов «подымал» значительную часть своего отряда на собственные средства в качестве своего рода равноправного наряду с казной вкладчика, акционера и организатора нового доходного дела. Управляя затем завоеванной землей, Похабов, естественно, драг с нее все, что только мог взять, рассматривая эти доходы как некоторое возмещение собственных расходов, как своего рода проценты на вложенный капитал.

Наиболее ценный продукт бурятской земли для русских землепроходцев в эпоху «покорения» последней представляли не кони, не узды, насеченные серебром по железу, не рогатый скот и прочее имущество скотоводов-бурят, а сами люди. Иван Похабов был для

¹ Там же, л. 17—20, 47.

² Там же, л. 91—93.

своего времени и места довольно выдающимся предпринимателем по части операций с рабами среди остальных русских завоевателей, постоянно занимавшихся эксплуатацией рабского труда и перепродажей рабов. Его дворовые люди были настолько многочисленны, что осмеливались идти на братский казачий гарнизон с боем. Были у Похабова и русские холопы, но явно преобладали рабы туземного происхождения, «громленные парни, девки и бабы братской породы».

Большую часть этих своих рабов Похабов приобретал во время разгрома приангарских и байкальских улусов в 1644—1650 гг., когда главной целью участников похода являлся захват рабов и грабеж всяких бурятских животов. В 1644 г., например, «ясырю женок и робыт живых поимали» участники похабовского похода более 40 человек, причем львиная доля ясыря досталась начальнику отряда.¹ Мы видели также, как казаки жаловались на Ивана Похабова, что он послал служилых воевать неясачных бурят, а затем отобрал в свою пользу захваченных ясырей, а заодно и весь награбленный казаками «войсковой живот».²

Подобные экспедиции устраивались во времена Похабова, повидимому, довольно часто,³ по случаю каждого волнения в улусах, а еще чаще в уезды соседних острогов, и приносили значительные выгоды и их прямым участникам и начальству, с ведома которого устраивались походы на «неясачных немирных людей».

Характер некоторых коммерческих операций по приобретению холопов, а заодно нравственный облик Ивана Похабова и его ближайшего окружения, выясняются некоторыми подробностями следственного дела о злоупотреблениях Похабова. Так, служилый человек Василий Борисов жаловался на Похабова, что тот заставил его дать поступную вековую кабалу на собственного сына Кондрашку, а затем этого «Васькина сына Иван Похабов на постелю к себе имал» наравне с князцовыми женами. Другие свидетели, разоблачая В. Борисова, позже доказывали, что В. Борисов добровольно променял И. Похабову своего сына на ясыря. Нашлись и очевидцы, рассказывавшие, «как менял В. Борисов сына на ясыря и в то же время почал целовать Васька Борисов

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 227.

² Там же, столб. 589, л. 20.

³ И. Сельский, имевший возможность знакомиться со старыми архивными делами в Иркутске, кратко передает содержание одной бурятской челобитной «балаганскому управителю Тургеневу» на Ивана Похабова: «на жестокие с ними поступки Похабова, который со своими казаками не только грабил улусы их, но и убивал людей и с имуществом увозил их жен и детей, предавая огню жилища инородцев». Гибель во время пожара 1879 г. иркутских свитков, хранившихся там в количестве нескольких тысяч, лишила нас, к сожалению, не только этого, но и многих других документов по истории бурят, их восстаний и борьбы с завоевателями. См. И. Сельский, Путь от Култука, по направлению в Тункинский край, «Записки сиб. отд. РГО», кн. X, стр. 545.

ясыря своего, женку; а он же Иван почал целовать сына его, Васькина, у постели». ¹

Иногда, как сообщают наши документы, Похабов разрешал себе христианское удовольствие спасать крещением в православную веру языческие души своих рабов. В связи с этим нельзя не вспомнить легенды о крещении Похабовым балаганских бурят, дожившей среди местного бурятского населения до конца XIX в. По записи Стукова, ² Иван Похабов «мыл водою» (угхар-угаха), т. е. крестил, бурят следующим образом: «просекши на льду Ангары прорубь, Похабов сгонял к ней толпы бурят и буряток. Когда наступал момент погружения в воду, казаки связывали бурят человека по два, по три, прикрепляли эту вязанку к середине длинной жерди, брали за концы и по данному знаку три раза погружали в прорубь». Миссионерская деятельность Ивана Похабова приобретает особый интерес для выяснения его занятий продажей и покупкой рабов «мунгальской породы», если принять во внимание роль крещения для закрепления крестников-холопов за частными владельцами и их крестными отцами, ³ так как некрещенные были ясачными, царскими, людьми, а холопами могли по закону стать только крещенные.

Для полноты картины существенное значение имеет замечание одного из опрошенных при сыске казаков, который рассказал о способах приобретения Похабовым живого товара, ясыря, что «ясырь у них (казаков — А. О.) Иван Похабов покупал, а иные приводили в почесть». ⁴ Это происходило, видимо, постоянно и было обычным делом.

Челобитчики от служилых людей по вполне понятным причинам предпочитали не распространяться насчет своего собственного ясыря: Москва относилась очень неодобрительно к уменьшению числа плательщиков ясака и стремилась ограничивать захват рабов служилыми, так как каждый из туземцев означал для казны доходную статью — от одного до десяти соболей ежегодно. Тем более ценно указание казаков на массовость и систематический характер операций Похабова по приобретению холопов мунгальской и тунгусской породы. Добровольные подарки в почесть от служилых людей и казаков, благодарных за устройство походов на государевых неприятелей, указывают на обилие и дешевизну рабов в Братске 1640—1660 гг., — первое условие широко поставленной работоторговли. Торговля рабами тогда занимала вообще не последнее место и немногим уступала размаху пушного торгова. Рабы и соболя всегда стояли в то время рядом в числе предметов вывоза из бурятской земли. Если в 1658—1659 гг. уже не было такого размаха в погромах и военных набегах на улусы, как во

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 589, л. 33, 109.

² См. «Памятная книга по Иркутской губернии», 1881 (статья Стукова).

³ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 589, л. 20.

⁴ Там же, л. 87.

времена Якова Хрипунова, то в новых условиях завоеватели перешли к более организованному и систематическому освоению богатств бурятской земли, — пушнины и ясыря в первую очередь, ибо источники для приобретения холопов не были закрыты, еще часто происходили усмирения немирных и «воровских» людей, шла продажа рабов и через бурятских князцов.

Естественно, что при изобилии и относительной дешевизне рабов в недавно завоеванном Приангарье работорговля занимает первое место среди коммерческих операций братского управителя 1658 г.

Рабы использовались у него не только в домашнем хозяйстве: он был первым рабовладельцем и главным работорговцем в Братском уезде. Ближайшим крупным рынком работорговли тогда был Илимск, где скрещивались Ангаро-Енисейские пути с дорогой в Якутию и на верхнюю Лену. С целью продажи рабов Похабов совершает специальные поездки на этот межрайонный рабский рынок, причем документы, вскользь упоминающие поездку в Илимск, как мелкую бытовую деталь и обыденный факт, подчеркивают обычное сочетание рабов с соболями: «а в Великий пост ездил Иван Похабов в Илимский острог продавать соболей и ясырь». ¹

Перед нами прошла деятельность Ивана Похабова в ее основных чертах. Документы с достаточной полнотой осветили «неистовства» Ивана Похабова, о которых говорили, со слов Фишера, все сибирские историки. Население Приангарья испытывало на себе весь этот гнет похабовского управления, в котором следует видеть только яркое отражение и проявление общего военно-феодального гнета в крепостнической России, осложненного лишь специфическими условиями недавно завоеванной, окончательно еще не подавленной Сибири-колонии. Угнетенные улусные и сельские массы, с одной стороны, отчасти даже оппозиционные слои служилых и посадских, бурятские князцы — с другой, не только терпели, но и пытались протестовать против описанных притеснений и даже пробовали активно бороться с Похабовым.

Служилые люди, сами бывшие работорговцами и рабовладельцами, но недовольные притеснениями и грабежами Похабова, писали челобитные, жаловались начальству. Дошло дело даже до вооруженной схватки служилых с похабовцами, так как служилые люди были хорошо вооружены, их профессией была война, а кроме того они чувствовали себя опорой русской власти среди «иноземцев» и могли решиться на такое выступление с оружием в руках без боязни особо жестокой кары.

Пашенные крестьяне тоже писали челобитные, в которых перечисляли обиды. Но до открытого восстания крестьян дело не доходило: «государевы сироты» осмеливались только не исполнять чересчур наглых требований Похабова, усваивали и применяли

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 589, л. 87.

лишь испытанную тактику пассивного сопротивления, обычную свою тактику бегства, — «бежали врозь, покинув дома и жен и детей своих», бросив государево тягло.»

Что касается туземного населения, бывшего таким же объектом военно-феодалной крепостнической эксплуатации со стороны государства и жертвой насилий Похабова, то в его памяти еще жили события недавней героической борьбы за свободу против русских завоевателей, государевых слуг.

В своем общем челобитье на Похабова служилые люди сообщали начальству: «и от такова ево насильства иноземцы многие ясачные люди отложились, и по улусам и в зимовьях служилых людей, енисейских казаков, по многие годы побивают до смерти и животы их грабят, а того приказного человека (т. е. Похабова — А. О.) называют они вором». ¹

Отношение бурятского населения к Ивану Похабову, как грабителю, тогда уже резко отличалось от отношения бурят к массе всего русского населения Приангарья. Иван Похабов — для них непосредственный враг, угнетатель и разоритель; а не принадлежащее к составу администрации русское население, тоже притесняемое приказным человеком, — если не союзник еще в прямом смысле этого слова, то во всяком случае дружественная сторона, с которой они объединяются существованием общего неприятеля. Что касается русского населения, то даже представители служилого сословия, в частности толмачи, особенно тесно связанные по роду службы с бурятским населением, поддерживали бурят в их борьбе с Похабовым.

Казачи в своей челобитной полностью подтверждали жалобы князей Баахая с товарищами: «у ясачных людей и у иноземцов в острошках и по улусам имал у них к себе жен и детей на постелю для блуда, и брал с них многие соболи и бобры и лисицы прежде твоего великого государя ясачного платежу, и в том зборе чинил тебе, государю, поруху великую».

Служилые, разумеется, стояли ближе по своему социальному положению к улусной аристократической верхушке. К ним поэтому в острог съезжались «иноземческие люди лутчия» и спрашивали казаков, недовольных Похабовым: «так ли де у вас на Руси великия люди и приказные делают, что жены чюжие к себе на постелю берут ли и чюжие животы отнимают ли сильно?» Казакам не оставалось ничего другого, как сказать, что это по московским законам тоже называется «воровством», — «и толмачи твои государевы сказали им, иноземцам, что на Руси де за такое воровство живет от государя жестокое наказанье, а вы де о управе то-ж бейте челом от насильства праведному государю». ²

По крайней мере, именно толмачи советовали князям писать челобитную в Москву на Ивана Похабова. Кое-кто из толмачей

¹ Там же, л. 17—20.

² Там же.

даже пострадал за такие советы и юридическую помощь бурятским князям. Один из казаков, расспрошенных во время сыска о делах Ивана Похабова, заявил, что Иван Похабов на толмача Петра Мироманова «государево великое слово сказал» и посадил его в тюрьму со словами: «для чего де ты, Мироманко, ездить к брацким людям в улусы и велишь брацким людям на меня, Ивана, писать челобитье». ¹

Пашенные крестьяне тоже открыто сочувствовали бурятам, и к ним обращался князец Дахай со своим вопросом — так ли на Руси делают великие приказные и начальные люди? — «у Вас, пашенных крестьян, емлет ли Иван Похабов к себе жен?», спрашивал он Шумку Фомина. ²

В то время как разыгралось столкновение казачества с людьми Ивана Похабова и последний посылал по бурят своих гонцов с целью разгрома непокорных служилых людей, буряты отказались выполнить приказание Похабова, хотя, на первый взгляд, им представился удобный повод для мести своим врагам-завоевателям, не раз громившим бурятские улусы и грабившим улусные животы, скот и ясырь. Иван Похабов послал, как рассказывают документы, толмача и наемщика к Дахаю в улус с приказанием «со всеми своими улусными людьми в куюках и в шишаках приехать, и служилых им бить велел, и брацкой князец Дахай ему, Ивану, в том отказывал и он, Иван, из избы ево Дахая за то вон выбил, и толмача за то, что ево в том брацкие улусные люди не послушали, бранил». ³

Каждая из трех основных групп местного населения — служилые люди, пашенные крестьяне и люди ясачные — поддерживала, таким образом, по отношению друг к другу своего рода дружественный нейтралитет, сопротивляясь, насколько было возможно, по отдельности И. Похабову.

Время шло, накоплялось отчаяние угнетенных, росла всеобщая ненависть, а конца власти Похабова, как будто, и не предвиделось. И терпение похабовских подданных начинало постепенно все более и более истощаться.

Первым активным шагом в борьбе с Похабовым в 1658 г. было общее мирское челобитье 5 июня, когда вместе с ясачными били челом на Похабова и пашенные крестьяне («пашенные крестьяне: староста Тимошка Савельев, да целовальник Игнашка Дементьев с товарищи, (всего) 58 человек, да Нижнего Брацкого острога твои государевы ясачные брацкие люди князец Бахайко з братом Толксоханком, да Абачейко, да Лукайка, да Бахайко, с своими улусами»). Служилые же били челом отдельно и немного позже, 14 июня 1658 г. ⁴

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 589, л. 52.

² Там же, л. 99.

³ Там же, л. 47; ср. Списки Енисейской архивы, II, № 13.

⁴ Там же, л. 17а.

В этом челобитье ясачные князцы уже прямо угрожали повальным бегством,¹ уходом в иные улусы, т. е. в монгольские улусы, во владения степных феодалов Халхи и Прикосогольского края, не видя, очевидно, пользы от разрозненных вспышек и локальных выступлений.

А затем произошли и события, явившиеся прямым толчком к решительным действиям. Балаганские буряты, жившие по Унге и по Осе, давно были недовольны одним из самых усердных сотрудников Похабова, приказчиком Ф. Шадриковым, и его толмачом, по прозвищу Байкалом, который всячески «приметывался» к ним. В конце июня 1658 г. Федор Шадриков послал из Балаганского острога в бурятские улусы служилых людей Семена Мануйлова, Якова Клепика и Кирилла Вятку. Посланные за казенным делом казаки перепились в улусах бурятской араки и стали драться с бурятами. Последние, опасаясь мести служилых людей за побои и не решаясь поэтому причинить самим казакам какой-либо ущерб, осмелились только перерубить «лук стрельной», из которого казаки хотели стрелять по бурятам. На беду «тот лук был ево, Федора Шадрикова». После драки казаки буяны, «Семейка с товарищи, пришед в Балаганский острог, жалобу учинили ему, Федору Шадрикову, на тех брацких людей», оказавших им сопротивление. Ф. Шадриков был, видимо, крепко раздосадован на бурят, осмелившихся испортить его собственный лук, и приказал немедленно отправить людей в улусы за бурятом Бодоем, виновным в этом преступлении.² Бодой сыскали и доставили на приказный двор, где с ним и расправился балаганский приказчик: «и того иноземца бил батоги нещадно и снял де с него брацкой кованой пояс за то, что он изрубил ево, Федоров, лук».³

Одного кованного пояса Ф. Шадрикову показалось мало, он послал за добавочной контрибуцией того же избитого Бодоя в улус: «и тот брацкой мужик, съездил к себе в улусы, и привез в Балаганской острог овцу живую, братскую, и отдал тое овцу ему, Федору Шадрикову».

¹ Князцы вполне недвусмысленно объявили о своей готовности к бегству: «И от такие смертныи муки нам и женам нашим и детям житья не стало и ездить с ясаком в Брацкой острог не смеем, и только, государь, тому Ивану Похабову, вскоре перемены не будет и нам бедным по нуже отступить в иные улусы, от ево насильства быть немощно, что он поругаетца на постеле женам нашим, и обида стала великая.

Милосердный государь, царь и великий князь (титул)... пожалуй нас, сирот своих ясачных людшек всех иноземцов, вели государь из Брацково острогу твою приказново человека Ивана Похабова переменить, и про то ево всякое насильство и про многие обиды и про грабеж обыскать всяких чинов людьми, и по тому обыску вели, государь, с ним, Иваном, милостивой своей государев царской указ и оборонь учинить, чтобы нам от твоево государева ясачного платежу не отстать и от Брацково острогу не отбыть, и в ясачном недоборе и в твоей государеве пене и в жестоком наказанье не быть, и до конца не пропасть, Царь государь, смилуйся».

² ГАФКЭ, Сибирский прика, столб. 589.

³ Там же.

Через некоторое время обиженный Шадриковым Бодой со своим братом Нетукием решили отомстить за побои, а также за грабеж овцы и кованного пояса, представлявшего, видимо, значительную ценность.

«В те-ж дни» они призвали к себе в улус якобы для расплаты за долг ненавистного бурятам толмача Ивана Байкала, а затем убили его у себя в юртах. Заодно подвернулись и другие русские люди, не замешанные в истории с поясом: служилый Акимка и сын пашенного крестьянина Карпуньки Давыдова Семейка. Сгоряча, «с той же рьяни и с того же задору убили» и этих. А затем попались бурятам две русские девки, дочери того же К. Давыдова, и они тех двух девок тоже «живых в полон взяли». После убийства толмача отступления не могло быть, да и не такова была обстановка: из случайной искры в атмосфере всеобщего волнения и недовольства вспыхнуло массовое движение: сначала только на Унге, а затем к унгинцам примкнули буряты и правобережной стороны (левой с точки зрения бурят) Ангары.¹

Восставшие отогнали с острова под Балаганским острогом царских лошадей, забрали рогатый скот и коней у служилых и у пашенных крестьян, побросали свои улусы и кинулись бежать «в мунгалы». В это время Иван Похабов находился по дороге в Балаганск, на расстоянии 5 дней пути от Братского острога, где его встретил гонец от Ф. Шадрикова. В отписке, датированной 20 июня 1658 г., Шадриков официально сообщал Похабову о совершившемся факте восстания и побега унгинских бурят, «что в Балаганском остроге братския ясачные люди государю, царю и великому князю (титул — А. О.) изменили и от его царские высокие руки отложилися и отъехали в мунгалы».²

С Унги и Осы бежали поголовно все местные буряты. Приехав в Балаганский острог, сам Похабов со служилыми людьми кинулся на Унгу, где жили прежде «большие братья», и на Осу, но везде, где они прежде кочевали, «брацких ясачных людей нижде не нашли», обнаружили только, что на их жилищах «арбы и решотки и сумишка оставливаны и по Унге проса посеена». Вверх по этим рекам, в «дальние кочевые улусы», где тоже кочевали буряты, Похабов с «небольшими людьми ехать не смел и проведать без толмача некем».

Во время массового стремительного бегства осинских бурят на перевозе задержался с женою и детьми только один ясачный бурят Курсунка. Его там и ухватили служилые люди, так как видели, что и он побегал в мунгалы ж. Курсун отчаянно отбивался от служилых, «стрелять их хотел», но был обезоружен, связан и привезен в острог. В остроге Курсуна ждала жестокая пытка; не выдержав истязаний, «сказал с пытки пойманной брацкой мужик Курсунка, что де дума у нас стала быть о измене

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 589, л. 83.

² Там же (ср. Списки Енисейской архивы, II, № 13).

ко зимнему пути весною, а подзывал де и приезжал к ним с торгом мунгалы Абавак да з братом Бадан, отъехав живут в камени пониже верхнево Ратая острова». ¹

Вспыхнуло, таким образом, настоящее открытое выступление против завоевателей, окончившееся бегством. Вспыхнуло неожиданно для русского гарнизона Балаганского острога, уверенного в покорности бурят и отсутствии у них бунтовской думы.

В Балаганске забеспокоились, стали вспоминать такие вещи, например, как коммерческие операции Федора Шадрикова, который отобрал силой у казака Овдокимки Микитина куяк и наручни и продал иноземцам, взяв за куяк с наручниками «девку брацкую». «И в том де куяке иноземцы служилых людей воюют теperь», — меланхолически рассказывал об этом О. Микитин. ²

Но было уже поздно, и факт оставался фактом: «они, князцы и улусные братские люди, с тое поры в мунгалы отъехали», т. е. выполнили угрозу отъехать в иные сторонние улусы, которую в свое время представители местной администрации не приняли всерьез.

В то время как в Балаганском остроге происходили эти события, Похабов находился еще по дороге в Балаганск в пяти днях езды от Братска. С собою Похабов вез окинских бурят, захваченных по какому-то делу. Судьба этих окинцев сильно волновала их родичей. Когда на Оку пришла весть о восстании в Балаганском остроге, тревога там еще больше усилилась. А в это время из балаганского похода вернулся О. Плехан, один из служилых, сопровождавших Похабова в походе. Этот служилый сказал потом в расспросе, что по приезде его спрашивали братские мужики о судьбе своих двух родственников, и он на их вопросы ответил: «не знаю живы, не знаю — нет, ехали де они на Ивановых лошадях Похабова наперед». При этом Плехан добавил Турчанкайку, брату одного из пленников Похабова, Тенючки: «лучше бы де ты умер, уже де ты стар, а брат твой Тенючка был молод». ³

Услыхав эти речи О. Плехана, буряты, по словам казаков-очевидцев, стали тогда в страхе говорить между собой: «Иван Похабов Кадалайка да Тенючка замучил, а нам де здесь как жить? И всех де нас замучит».

Историю с увозом двух окинских бурят Похабовым в Балаганск и смятение на Оке подробно освещают показания одного из окинцев, Микчанки Оленева. Оказывается, когда Иван Похабов пошел в Балаганский острог и взял с собою этих двух бурят, Кадалка Буксогонова и Тенючка Гулегаева, то с дороги от И. Похабова воротился служилый человек Оська Федоров Плехан и сказал по приезде в Нижнем Братском остроге братским ясачным мужикам Азигидайку Буентину с товарищами, что захваченных

¹ Там же, л. 83.

² Там же, л. 65. Куяк был продан буряту Шебуке.

³ Там же, л. 52.

двух бурят Иван Похабов убил и «больших де брацких ясачных людей хочет всех побить».

Азигидай, прибежав в улусы, «сказал брацким людям те ево Оськины речи», и хотя вскоре же после О. Плехана прибежали от Ивана Похабова и те «два брацких мужика, про которых он, Оська, сказывал убитых», Кадалка и Тенючка, но они, в свою очередь, «пришед, сказали своей братье, Нижнего Брацкого острогу ясачным людям, что де Иван Похабов на Унге реке жжот и мучит на смерть брацких ясачных людей неведомо за что. И нам де от нево, Ивана, тоже будет». ¹

Смятение на Оке, начавшееся сведениями о гибели двух окинцев в Балаганске от мучений И. Похабова и о расправе с унгинскими бурятами, катастрофически росло и питалось новыми паническими сведениями.

Тот же Оська Плехан дал повод к новым страхам, говоря при бурятах, что «мочно поднять из Илимского острога войско на тех брацких людей, которые побили в Балаганском остроге служилых людей и двух девок взяли в полон». А кроме того, он же рассказывал во всеулышание о словах некоего С. Кривонога, заявившего ему, что «в деревне у служилого человека Исака Павлова ² войско де из Илимского острогу пришло и стоят в лесу, куда де велит итти, на низ или вверх». Мало того, что эти слова говорит О. Плехан русским людям, он и в юртах те ж речи говорил при братских людях. ³

Братский детина Азигидайко рассказал позже на допросе, что эти вести немедленно дошли до улусов, в улусах уже рассказывали о походе по зову Похабова на Оку войска с Илима в числе 200—300 человек.

Но больше всего напугало бурят страшное известие, что будто бы «жить ему, Ивану Похабову, в Братском остроге еще три годы». В три года, решили они, мучитель сумеет их всех извести и умерить, как злополучных унгинских бурят. И в результате, 28 июня 1658 г., вслед за балаганскими бурятами бежали в иные улусы и окинские в полном своем составе.

Служилые люди рассказывали позже, что после известия о свирепой расправе с унгинцами «они де, брацкие ясачные люди Нижнего Брацкого острогу, убояся ево, Ивана Похабова, побежали ночью все. И, будучи де те брацкие люди на Ие реке, ясачному тунгусу Шохиче да Нагатаеву сыну Кокуре сказывали: побежали де они от изгони и обиды Ивана Похабова — у ково де он, Иван, узнает у нашей братьи лошади добрые и соболи и лисицы черные имал себе сильно, а жен же наших имал к себе на постелю, а ясак великому государю за нас (пусть — А. О.) он, Иван Похабов, платит; побежали де мы от ево Ивановы изгони,

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 589, л. 56, 57.

² Теперь деревня Исакова на острове того же названия, против б. Лучинского железнодорожного завода.

³ ГАФКЭ, столб. 589, л. 54—56.

плачючи, от государевы милости». ¹ На побеге некоторые буряты говорили тунгусам, что «не будут в Братской острог три годы», — пока не кончится правление Ивана Похабова.

В то время как балаганские буряты бежали с Унги на реку Белую, Китой и через верховья реки Иркута мимо Иркутского острога в Монголию, путь окинских беглецов шел через верховья реки Оки мимо реки Ии, оттуда в Танну-Тувинский край и к озеру Косоголу. ² Буряты Окинского района, впрочем, не все сразу ушли за пределы Братского уезда.

Опасаясь нападения бурят, служилые люди засели в Братский острог, куда уже успел вернуться с Унги Иван Похабов. Буряты приезжали тогда к острожным башням «небольшими людьми», выпрашивали своих аманатов и «аракою толмача выманивали», учитывая видимо его склонности и общую для русских казаков любовь к араке или тарасуну (молочному вину). Побег бурят из улусов и смелый приезд немногих людей к острогу нагнали на гордого и жестокого управителя такой страх, что он не только не посмел послать казаков в погоню за бурятами, но откровенно писал в Енисейск: «потому, что брацкие мужики в скопе и сидим в осаде, а из острогу для караулов выттить и скота выпустить не смеем».

Пашенные всех верховых деревень крестьяне точно так же сидели «в скопе» на Ратаеве острове и не смели пахать царской пашни, опасаясь внезапного набега. ³ Характерно, что в общем смятении из-под Братского острога сумели, видимо, бежать и скрыться, угнав четырех коней из табуна, бывшие тогда в конном карауле два человека: один был беглый холоп Афанасия Пашкова, а второй — холоп самого И. Похабова — Кондрашка Васильев. Не менее характерен для обрисовки личности Ивана Похабова, как администратора, и такой штрих: в разгаре бурятского восстания Похабов находит нужным занять часть своего сообщения о нем сведениями о том, что «у пашенного крестьянина у Ивана Распутина есть лисица черная, а купил де ту лисицу у ясачных людей, а толмачил Распутин сын Федька, и та лисица годна в государеву казну на государя, и государеву лисицу таит с ведома, про лисицу Федосею Поясницыну чинитца силен и в острог не идет». ⁴

Из всех сообщений Похабова, Шадрикова и других сквозит впечатление неожиданности разразившихся событий, но это сви-

¹ Там же, л. 57.

² В 1720 г. посланный из Удинского острога для ясачного сбора с беглых бурят красноярский казак Ф. А. Тетерин ехал «через каменные горы» на реку Ию, приток Оки. Переправившись через Ию, он приехал на вершину Оки, а с Оки поехал через каменные же горы к озеру Косогол, где и обнаружил беглецов (около 100 человек). Сухим путем от Нижнеудинска до Косогола потребовалось ехать три недели. Очевидно, Тетерин ехал на Косогол старой дорогой бурятских беглецов, по которой шли буряты в 1658 г. (архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, Списки Красноярской архивы, л. 259).

³ ГАФКЭ, столб. 589, д. 82, 83.

⁴ Там же.

детельствует только об отсутствии у них проницательности, о том, что главное внимание того же Похабова отвлекали его коммерческие дела и насилия, грабежи, а не управление краем.

А в это же время, несмотря на кажущееся спокойствие, среди бурятского населения еще с зимы 1658 г. назревали серьезные события. Имела место «дума лучших людей» относительно общего выступления не только против балаганского и братского управителя Похабова, но и против всех вообще русских властей. Князцы собирались для выработки общего плана, ездили друг к другу с вестями.

Одна из таких поездок сына князца Баахая Дунайки с товарищами из окинских улусов на Унгу стала даже известной Ивану Похабову, но в то время не вызвала, повидимому, особых опасений с его стороны. «А из Брацкого острогу перед тою изменою незадолго приезжал де в Балаганский острог неведомо для каково совету брацкой же князец Баахая сын ево Дунайка с товарищами, и иные мужики с ним же приезжали и были на Унге реке», сообщал позже Похабов в своей отписке воеводе.

Между тем, это поездка, несомненно, ставила целью увязку предполагавшихся выступлений Балаганских бурят с Окинскими и достигла ее, ибо именно «с того время измена сталась», что в конце концов понял и сам Иван Похабов, но слишком поздно!

Подготовку бурятского восстания на Унге, Осе и особенно на Оке подробно осветили показания окинского бурята Азигидаю Буентина, того самого, что принес весть о расправах И. Похабова на Унге и дал первый повод к волнению на Оке в июне 1658 г.

Азигидай был вторым по счету бурятом, оставшимся после побега 1658 г. на Унге и в окинской долине, причем, если Курсун был взят с бою и умер от пыток и ран, то Азигидай Буентин остался здесь по собственной воле.

28 июня, в тот самый день, когда «ясачные брацкие люди Баахай и Дахай со своим родом и с улусными мужики государю изменили и от царские высокие руки отъехали», от «тех брацких мужиков на государское величество под его царскую высокую руку от них ушел и прибежал брацкой мужик Азигидайко Буентин, прозвищем Ивашко». Буентин прибежал в острог вместе со своей матерью и сестрой, брат же у него, по его словам, остался за караулом у бурят и не мог от них бежать. По словам Азигидайка Буентина, он бежал от сородичей, «пряма государю и хотя с сестрою креститца». Как и Курсун, Азигидай Буентин подтвердил наличие общего сговора у восставших бурят, общей «думы». По его словам, в этом сговоре приняли участие даже нижне-удинские и ленские буряты: «межу себя говорят, что де из Верхоленсково и из Удинсково острогов хотят все братские мужики отъехать в мунгалы-же и дума де у них заодно».¹

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 589, л. 82, 83.

5. Братский острог и его окрестности в XVII в. (из «Чертежной книги» С. Ремезова).

Огромную роль в подготовке массового побега сыграли старые торговые связи с Монголией; не случайно торговцы-монголы приезжали по зимнему пути подзывать бурят к себе, в монгольские владения. Окинские буряты находились в постоянных торговых связях с Танну-Тувинским краем именно через окинский путь, и это в значительной мере предопределяло их маршрут.

С Унгой у монголов были прежде самые прочные связи через старую мунгальскую дорогу вверх Иркутка. В качестве эмиссаров со стороны монголов Курсуном были названы Абавак с братом.

Монголы приняли в делах 1658 г. на Оке самое ближайшее участие. Перед тем они приезжали в дахаевы улусы и грозились отогнать у бурят весь скот, говорили, что «хотят их совсем раззорить», если они не поедут в мунгальскую землю, и подзывали, «угрожаячи им». Призывая к себе бурят, в 1658 г., мунгалы явились на Оку уже в количестве около трехсот человек, пригнав с собою «для подъему брацких мужиков верблюдов и на кормлю овец».

Получив поддержку от монголов, если верить А. Буентину, решили «братские мужики с князем Баахаем ехать к острогу и острог зажечь, и казаков побить, и детей своих аманатов взять, а по деревням крестьян побить же и скот отогнать».¹

Рассказы об организации восстания князьями и монголами, с одной стороны, а с другой — сведения о «загромах», которыми все это сопровождалось, заставляют обратить особое внимание на эти факты, в особенности с целью выявить в возможной степени участие масс улусного населения в событиях 1658 г. Массовый побег 1658—1659 гг. несомненно освобождал бурят в целом от власти страшного Багаба-Хана (Похабова) и от «милости» московского царя, что не означает, впрочем, одинакового отношения к нему со стороны всех слоев бурятского общества, уже далеко неоднородного в классовом своем разрезе. Князцы Баахай с товарищами мало интересовались нуждами черного народа, они преследовали только свои узкие интересы белой кости. При нали-

¹ Там же.

чи развивающихся классовых противоречий внутри улуса эти интересы были зачастую противоположны интересам массы.

Похабов притеснял и грабил князцов, издевался над их женами, «поругал» княжескую честь. Он обращался с ними так, как будто, это были дети не Баяракана и других гордых князей начала XVII в., а рядовых улусных людей. Недовольство бурятских князцов питалось и ущемлением их торговых интересов монополистическими мерами казны по части торгова пушниной и прочими заповедными товарами, конкуренцией русских купцов и пресечением прежних связей с Китаем, с богатым и хорошо приспособленным к запросам степняков торговым ассортиментом которого вряд ли могли равняться русские купцы того времени со своей пестрядью, грубым холстом и сукнами — продуктами примитивной домашней промышленности русской деревни и ремесла.

Блок князей с монголами понятен: в Монголии высоко ставили княжескую феодальную честь, она была страной, где в постоянных междоусобных войнах, способствовавших ее политическому дроблению, укреплялись низовые мелкие феодалы — образцы для подражания бурятским князцам.

Хорошо известно феодализирующее политическое влияние соседней Монголии на Бурятию в XVII в. Как монгольские владельцы выпрашивали у китайского правительства титулы и парадные одеяния, так и бурятская знать не была равнодушна к отличиям, которые она склонна была за отдаленностью Китая принимать от монгольских князей. Например, по данным Н. Н. Козьмина и М. Н. Богданова, один из родоначальников атаганского рода получил от Тушету-Хана титул «Хошигучи» за богатую силу и ловкость в борьбе; другой родоначальник — Ундун-Улцзейту — получил свой титул за исполнение обязанностей воспитателя одного из сыновей хана.¹

В этих условиях переход на монгольскую территорию обещал князьям только выгоды по сравнению с положением, в котором они находились на родине под русским нивеллирующим владычеством, представители которого, даже и не принадлежавшие к похабовской разбойничьей разновидности, не поднимались в своей политике выше примитивных приемов кормления «дикарей» царским хлебом и вином и сказывания им государева жалованного слова. (Характерно, что известный сотник П. Бекетов говорил о туземцах: «иноземцы люди дикие, лесные» — задолго до С. В. Бахрушина.²)

В смысле экономическом постоянные наезды монгольских торговых людей показывают всю реальность торговых связей между монголами и бурятами и в середине и в конце XVII в., а обычные примеры вмешательства монголов-торговцев в политическую жизнь

¹ Речь идет о восточных бурятах; см. «Очерки» М. Н. Богданова, стр. 41.

² Ср. С. В. Бахрушин, Ясак в Сибири, «Сибирские огни», 1926.

Бурятия и перезыв к себе бурят монголами указывают на явную заинтересованность монголов бурятами и после завоевания Приангарья русскими.

Монгольские купцы были заинтересованы в обмене товарами, монгольские князья — в возможности приобрести и гораздо крепче, чем прежде, освоить как своих новых вассалов в лице князей, так и данников в лице улусного бурятского населения. Очевидно, столь крупным по масштабу предприятием на Оке, как подъем бурят на караване верблюдов, снабжение переселенцев пищей и конвоирование их отрядами из 300 воинов, руководили сильные монгольские феодалы. Понятен при этом и усиленный нажим монголов на местное население — угроза окончательного и полного разорения улусов, если буряты не уйдут в монгольские кочевья.

На этой основе становится также более ясным, почему масса бурят шла в Монголию с реки Оки «плачючи», почему, согласно рассказу детины Азигидая, «многие де с ними в мунгалы едут в неволю, боясь их разорения».¹ Плакать могли улусники, кинувшие родные места для монгольских кочевий, черные люди, которых впереди ожидали монгольские улусы с их укрепленным духовными и светскими феодалами аратским населением.

Азигидай с братом могли принадлежать именно к этой группе бурятского населения Приангарья, и вполне допустимо предположение, что недовольство князцом, личная обида улусного мужика были причиной побега к русским людям этого «братского детины» в самом разгаре событий.

Внутренняя борьба в улусе, которой не видели и не хотели видеть национал-демократические писатели, привела Азигидая к русским с повинной и с челобитьем окрещении. А случай был, действительно, самый подходящий: за то, что он бежал от изменников, «прямя великому государю», и предпочел православие шаманской вере, его могли только похвалить и наградить. Остальные из тех, кто «плакал» на пути в Монголию, не решались остаться в Приангарье под царским гнетом, а вместе с тем не смогли бы оказать какого-либо сопротивления и монгольским феодалам — они оказались между молотом и наковальней.

Князцы во всяком случае колебались меньше. Если настроение умеренного крыла вышедших из повиновения бурят, отражавшие думы черного народа, переданы речами Азигидая и рассказами тунгусов с реки Ии, то в сообщении того же Азигидая разоблачались и радикальные планы князей.

В первую очередь их занимал вопрос об освобождении аманатов из аманатской избы в Братском остроге. Аманаты, как мы знаем, принадлежали к «лучшим» аристократическим семьям; в свое время, перед самым бунтом на Оке, князец Дахай боялся, что его вместе со знатными родичами засадят в ту же аманатскую казенку; это и было одним из поводов к побегу 1658 г.²

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 589, л. 82, 83, 56.

² Там же, л. 65.

Князец Дахай рассчитывал погромить русские села, сжечь Братский острог, отобрать аманатов и со всем награбленным «животом» откочевать за Саянский камень. Этот план уничтожения всякой возможности обратного возвращения в Приангарье черных людей не был выполнен может быть и по воле монголов, которых в данном случае интересовали не «побитые» казаки, а живые данники, ясачные люди-буряты, и не в интересах которых были длительные операции в Приангарье.

Внутренняя слабость движения может быть и заключалась в том, что оно не смогло вылиться в единодушное выступление всего народа против завоевателей, в движение за искоренение русской колонизации, ибо народ не был единым, а интересы различных его слоев находились в явном противоречии, и масса улусных людей думала иначе, чем князья.

Впрочем, окинским повстанцам задерживаться на Оке было далеко не безопасно, потому что Иван Похабов слезно просил вооруженной помощи от воеводы, которая должна была избавить Братский острог от угрозы разорения восставшими бурятами. Воевода в ответ на письмо И. Похабова об осаде послал в Братск 150 человек служилых людей во главе с двумя сыновьями боярскими Иваном Максимовым (Перфильевым) и Яковом Турчаниновым «для выручки тех острогов и для оберегания пашенных крестьян и для промыслу над иноземцы». Попутно И. Максиму и Я. Турчанинову был дан наказ расспросить местных людей: «для чево иноземцы нам, великому государю, изменили и от острогов откочевали». ¹

Освобождать остроги от осады этому отряду не пришлось: буряты давно уже покинули эти районы. Что касается сыска, то расспросные данные целиком направлены против Похабова. Служилые люди, подтверждая свои челобитья о злоупотреблениях Похабова, единодушно показывали во время сыска, что откочевали ясачные люди из Братских острогов от обид И. Похабова, от его насилий, посулов и поминков, а больше всего — из-за угрозы итти войною из Нижнего Братского в Верхний Балаганский острог: «и они де, братския люди, того убоялись».

Прикомандированные к казакам для розыска бежавших бурят «Верхоленские ясачные люди братцкие князцы Багуй, Седуй, Камкай» и другие «лутчие люди» сказали в расспросных речах «по своей вере, в правду» приказному человеку, енисейскому сыну боярскому Я. Турчанинову: «проведывали де мы беглых брацких ясачных людей допряма и допрашивали де у них накрепко, для чево они государю изменили и от какова насильства от государева Балаганского острогу отъехали в мунгалы и за что не стали государю ясак платить. И они де нам сказывают, а сами плачут горкими слезами — рады бы де мы жить под государскою высокою рукою и ясак платить, да великая де смертная обида от

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 589, л. 79.

приказных людей, от Ивана Похабова, что де тот Иван Похабов чинил нам великие насильства — жен и детей наших имал к себе на постелю и блудом позорил и наругался. А иных де ясачных людей бил и мучил, и скот: кони и коровы и овцы сильно поимал. А Федор Шадриков в Балаганском остроге имал с нас себе посулы и поминки, брал у нас себе соболи и бобры и лисицы сильно, и велел де нас он, Федор, избивать толмачю Ивану Байкалу, и мы де на того толмача ему, Федору, в обиде своей били челом и жалобу свою ему сказывали. И он де, Федор, нам суда на того толмача Байкала не давал, и указу с ним и оборони некоторые не чинил, и мы де того толмача убили, и от тех де приказных людей и от их насильства разбежались по нуже, что забоялись страху и грозы». ¹

28 сентября 1658 г. Нижнего Братского острогу ясачный тунгус шемагирского рода Кучюмейко Шаманов сказал, будто от своей братьи, ясачных же тунгусов, он слышал, что когда пошел Иван Похабов из Братска в Балаганск и «почал брацких людей угрожать неведомо чем», то последние бежали, а дорогой на реке Ие извещали тунгусов и просили их передать тому приказному человеку, который придет на место И. Похабова в Братск, что отъехали де они от изгони и обиды, насильством Ивана Похабова, который, например, отбирал у них насильно соболей самых лучших, а «худые де соболишка бросал и жег». ²

Посланные воеводой Ртищевым в братскую землю И. Максимов и Я. Турчанинов вместе с дружественными русским властям верхоленскими ясачными князцами ездили в погоню за беглецами вверх по Ангаре, Китою и Белой. Один из участников похода, казачий пятидесятник Ф. Поясницын, в своем отчете 1 февраля 1659 г. о поездке вверх по Ангаре и по сторонним рекам до бурятских улусов на р. Иркуте с целью призывать и уговаривать «беглых старых ясачных людей иноземцов попрежнему в государев ясачный платеж к Балаганскому острогу» сообщал властям, что ездил он 12 дней, а в результате «ясачных людей никоме не сыскали и никто не объявился». Только попались ему немногие из оставших беглецов, но и те не пожелали ехать обратно на свои кочевья, а только рассказывали через переводчиков («говорили иноземцы переводом»), что отложились по нуже, из-за насиллий И. Похабова, Ф. Шадрикова и толмача И. Байкала, на которого Шадриков «суда и управы не давал и во всякой дурости ему норовил, и они де, братские люди, за то толмача и служилово человека избили и, забоявся грозы, отбежали в мунгальские степи за Камень». ³

Оставалось только одно: констатировать, что «и от такова де их (приказных людей — А. О.) великого насильства ясачный

¹ Там же, столб. 583, л. 61.

² Там же.

³ Там же, л. 58.

збор стал и Балаганскому острошку до конца запустеть. То де за нами всеми и речи», как говорили беглецы-буряты казакам через переводчиков. За беглецами их пессимистический вывод повторили и сами служилые в расспросах и сыскных речах.¹

В результате сыска 23 декабря 168 (1659) г. Москва приказала сменить Похабова, а затем велено было послать его для допросов и наказания в Енисейск. По сообщению воеводы Ржевского, отправленный Турчаниновым с двумя приставами И. Похабов, «доплыв до Тунгуски реки до Шаманова порогу учинился им, приставам, силен и непослушен, и в Енисейский острог, узнав свою вину, ко мне, холопу твоему, не поехал, а поехал на Ленский волок в Ылимский острог». Несмотря на посылку воеводой из Енисейска в Илимск особого гонца, И. Похабов без труда избавился от суда и наказания.²

С точки зрения царской казны утрата двадцати сороков соболей была неприятным фактом. Казна не хотела мириться с утратою ясачных плательщиков. Предпринимаются поэтому новые экспедиции в погоню за беглецами с целью вернуть их из Монголии «под высокую царскую руку». Вверх по Оке русские люди ходить не решались, но старый монгольский путь вверх по Иркуту за «мунгальский камень» был значительно удобнее и извещаннее.

В 1660 г. снаряжается из Балаганского острожка экспедиция под начальством пятидесятника Дружинки Васильева Попова «да с ним служилых людей в прибавку к прежней посылке 10 человек». Воевода Иван Ржевский приказал отряду Д. Попова «про тех брацких людей проведывать и сыскивать всякими мерами накрепко, а где их проведают и сыщут, и ему, Дружинке, тех брацких людей велел призывать под твою великого государя царскую высокую руку к Балаганскому острогу в ясачной платеж и в вечное холопство ласкою и приветом, а не жесточью. А где будет мочно, велел я, холоп твой, промыслять войною, сколько милосердный бог помочи подаст, чтобы тех изменников привести по-прежнему под твою великого государя, царскую высокую руку в ясачной платеж».³

Экспедиция Дружины Попова нашла на Иркуте ясачного мужика Моксойку с товарищи, всего в числе сорока человек; Моксойка на допросе о беглецах из Балаганска сказал: «прежние де твои государевы ясачные люди, брацкие князцы с своими улусными людми, от Балаганского острога откочевали за Камень в Мунгальскую землю» и «людно, — есть сот с пять и больше» живут в монгольских степях у тайш, а тайши монгольские поставили заставы для предупреждения попыток бурят вернуться обратно и для преграждения дороги русским служилым людям.

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 589, л. 60, 62.

² Там же, л. 69.

³ Там же, л. 20—27.

Про себя Моксойка добавил, что он отъехал от Балаганского острога уже в 1659 г., после массового побега балаганцев и смены И. Похабова, при Якове Турчанинове, а о причинах своего побега сообщил, что «меня мучил приказной человек Яков Турчанинов, и в цепи и в колодку и в железа ковал, и мучил меня напрасно, и взял с меня на один год другой ясак, и я де от ево изгони отбежал». Тем не менее, как сообщают документы, Д. Попов всех сорок человек, обнаруженных на Иркуте, «к шерте по их вере привел» и снова ясак с них взял за тот же 1659 г.¹

Следующая экспедиция во главе с Я. И. Похабовым² отправилась весной 1661 г. за беглецами по той же дороге. Ее отправление было вызвано новым бегством бурят из Балаганского уезда уже при управлении Дружины Попова, когда «я достальные ясачные братские мужики откочевали и сбежали со всем и с женами и детьми, и пограбя лошади государевы, и Спасские церковные и казачьи кони отогнали, и служилых людей оголодили и безо всего учинили». ³ Яков Похабов поднял на ноги все мужское русское население Братска, собрал служилых людей, «старых годовальщиков, пашенных крестьян, и детей их и охотников», со всем своим войском поднялся вдоль Ангары на судах и частью на конях по берегу от Братска до Балаганска. Придя в Балаганск, они выявили еще более неутешительную картину: «в Балаганском отнюдь нет ни единого человека, ясачные люди все разбежались за Камень, в Мунгальскую землю не помня своего шертования и тебе, великому государю, изменили».

В Балаганском уезде Я. Похабов нашел проводников тунгусов, прошел с ними до Иркута, затем поднялся вверх по Иркуту «в тесной самой камень в нужной, и меж Камень Мунгальской», где между черными и желтыми монгольскими людьми обнаружил яндашских татар с особым языком, неизвестным русским толмачам. Этих яндашских татар, в числе шести юрт, Я. Похабов разгромил, а они, «видя на себя тот погром, поклонились тебе, великому государю, соболиным ясаком», дали 4 сорока 24 соболя. В походе Похабова застала зима — «в Камню пал снег великой, и захватили морозы лютые и бездорожица непроходимая и голод смертный», а среди купленных и взятых внаймы лошадей служилых людей от этого бездорожья начался падеж. Отступление войска из Монголии было катастрофическим: казаки лошадей побросали по степям, «борошнишка свои и животишка по дороге розметали и брели путную дорогу пеше, а с голоду, государь, не хотя умереть голодною смертью, ели по дороге присталых лошадей, постели и обутки и камос ели». После всех этих злоключений с великою «нужей» они едва приволоклись в Балаганский острог.

¹ Дополнения к актам историческим, т. IV, № 80. Текст взят из Списков Енисейской архивы, ч. II, № 33; архив АН СССР, ф. 21, оп. 23.

² Однофамилец, не родственник, Ивана Похабова.

³ Дополнения к актам историческим, т. IV, № 97.

Проведя в пути восемь недель, все без исключения участники похода «испухли и оцынжали и позебли». ¹

Яндашские татары, т. е. сойоты, с их даругой Яндашем стали, впрочем, платить в течение некоторого времени ясак, а в декабре 1661 г. приезжал от них мужик Бакшей с приглашением строить острог в устье Иркута для приведения в покорность тубинских людей. ² Откочевавших к монголам бурят сыскать так и не пришлось, а что касается тех из них, которые откочевали из-под Балаганска при Дружине Попове, то история их бегства представляет некоторый интерес для всей истории того тяжелого и смутного времени.

28 августа 1660 г. Дружина Васильев писал из Балаганского острога в Енисейск, что 6 августа к Балаганскому острогу будто бы приходили войною мунгальские люди, больше тысячи человек, и при этом набега взяли будто бы силой в мунгальскую землю бурятских балаганских князцов Инкея и Бурая с улусными людьми, всего триста человек. Но на самом деле эта информация оказалась неправильной, монголы не приходили в таком количестве и князцов силой к себе не уводили, а балаганских и верхоленских «Цыганова улусу» бурят не воевали. ³ На деле оказалось, что «изменили князцы Инкей и Бурай с улусными людьми своим воровским умышлением, и Спасской скот и у служилых людей коней и коров отогнали до единые скотины, и в мунгалы за Камень откочевали», а теперь двадцать балаганских ясачных людей и все Цыганова улусу люди кочуют вверх по Унге, потому что вернулись обратно с Усть-Куды. ⁴

Несмотря на строгие наказания из Москвы о сыске беглых ясачных людей и о прекращении причинения им обид, несмотря на театральную пышность, с которой, по словам документов, будто бы проводились отпуска служилых людей на царскую службу, отправлявшихся «взираючи на образ божий и испущаючи слезы, чтоб... на той государеве службе великому государю служить с великим радением», положение в бурятской земле не выправлялось. ⁵ Полоса насилий и издевательств продолжалась. Оставшиеся под властью царя буряты и вернувшиеся обратно из Монголии бурятские же выходцы, бежавшие от притеснений монгольских феодалов, переживали невыносимый гнет. В особенности

¹ ДАИ, т. IV, № 97.

² Эти неизвестные яндашские люди были сойотами, а Яндаш — их даругой (старшиной). Иркутские служилые люди были очень недовольны в 1666—1667 гг. тем обстоятельством, что «соецкие люди к аманату Янташу не приезжают» и ясака платить не хотят (см. архив АН СССР, ф. 21, Списки Енисейской архивы, ч. I, № 76). О сборе ясака с «Яндаша дороги, из-за Мунгальского камня сверх Иркута реки» в 169 (1661) г. сообщал воеводе Т. А. Вындомскому Яков Похабов (см. архив АН СССР, ф. 21, Списки Иркутской и Верхоленской архивы, № 121, л. 498).

³ Списки Енисейской архивы, ч. II, № 29, стр. 48; архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 23.

⁴ Там же.

⁵ ДАИ, т. IV, № 80.

это относится к ленским бурятам, которые оставались во время бегства балаганских бурят на своих «породных местах», за исключением части эхиритов и сэгенутов (Цыганский или Цыганов улус), проживавших по реке Куде.

Похоже, что слуги московского царя стремились разогнать последних ясачных данников, нисколько не считаясь с уроками повального бегства и восстаний бурят, крепко ударивших по доходам царской казны. Грабежи, насилия, обманы, избиения и наглое беззастенчивое воровство оставались основными чертами деятельности правителей бурятской земли как во время Бекетова и И. Похабова, так и при преемниках последнего. Особенно же показательна живучесть явления, отмеченного еще Фишером в его «Сибирской истории»: постоянной борьбы отдельных территориальных групп служилых людей из-за права эксплуатировать ясачных людей чужих уездов. Известно, что енисейцы, красноярцы, томские, мангазейские и другие служилые люди устраивали даже кровавые схватки и целые побоища из-за права монополистически обирать туземцев какого-либо района.¹

Казалось бы, это явление должно исчезнуть вместе с завершением первого этапа завоевания бурятской земли, но на деле оно оказывается необычайно живучим и сохраняется до самого конца XVII в., доказывая таким образом, что в течение всего столетия система военно-феодальной эксплуатации Сибири, как колонии, оставалась в основном без изменений, а поэтому представители местной государственной администрации попрежнему чувствовали себя властителями уделов, господами поработенного населения, хотя они и сами были только «холопами» московского царя.

Вот несколько показательных фактов для времени непосредственно после восстания и побега 1658—1659 гг.

Енисейские служилые люди, сидевшие в Балаганском и Нижнем Братском острогах, рассматривали земли туземцев, плативших ясак в Нижнеудинский острог и Верхолениск, как неприятельские территории. Даже в конце шестидесятых и в начале семидесятых годов XVII в. енисейские служилые люди обижают верхолениских братских людей, «жен и детей их насилем к себе в холопстве емлют и отвозят в Енисейский острог и продают». Обескровленные борьбой сороковых годов верхолениские бурятские улусы отличались тогда уже известным спокойствием, отсутствием шатости, исправно платили ясак и были старинными подданными московского царя. Тем не менее енисейцы превратили их землю, нарушая приказы Москвы, в своего рода «Золотой берег», в источник живого товара для енисейского работорговческого рынка, откуда различные предприниматели везли холопов и на Русь. Для этого достаточно было только того обстоятель-

¹ Ф и ш е р, Сибирская история, стр. 276, 298 и др.

ства, что верхоленские ясачные буряты числились не в енисейских, а в якутских и позже в илимских ясачных книгах.

Не довольствуясь военными набегами на верхоленские улусы с целью добычи рабов; енисейские служилые люди из Балаганска не раз делают попытки отобрать ясачных людей у Верхоленского острожка и свести их в свои земли, как это проделали по отношению к самому Балаганску монгольские феодалы.

В 1667 г. князец верхоленских ясачных бурят Багун, принимавший участие в розысках беглецов-бурят при Я. Турчанинове, жаловался на енисейских служилых людей, которые «сыскивали у них в родех по улусам подростков детей их и братью и племянников» лет шести и семи и насильно брали с этих ребятишек ясак «непротив их иноземческой мочи в большую тягость, а которые де подростки женского полу, девки, и над ними чинили поругательство с мужеским полом женской пол досмотром разбирали». ¹ Прежние же енисейские приказные люди насильно, без ведома верхоленского начальства, перевели в Балаганский острог 115 человек из Багунова улуса.

А в 1666 г. зимним временем погромили на братской степи верхоленских ясачных людей Мохонка да улусного мужика Базейка Кривого енисейские служилые люди из Балаганского и Иркутского острогов Д. Даурской и Ем. Миронов (прикащик Балаганского острожка) с товарищами. При погроме енисейцы забрали в юртах «шлятье и их живот все без остатку» и угнали весь скот в числе 500 голов. ²

Убеждение в безнаказанности, а может быть и в «праве» на военную добычу на территории соседнего уезда, рассматриваемой как иная страна, как неприятельская территория, было настолько велико, что енисейцы свели дружбу с монголами, торговали с ними и пропускали их... собирать ясак с бурят, плативших дань в Верхоленске. Енисейцы не только караулили коней монголов, презревавших собирать с верхоленских бурят ясак на своих ханов, но «научали и подговаривали» монголов грабить ясачное население по Куде и Лене. ³ Монголы же прямо заявляли русским властям в Балаганске: «велел де нам Очирой-хан говорить, чтоб верхоленские брацкие ясачные люди сверх ясаку великому государю дали ему ясак с себя, потому что те брацкие люди прежде до русских людей ясак с себя плачивали им, в мунгальскую землю». Эти монгольские люди объявились в улусах по Лене и Куде со своими товарами, собирали дань на Очирой-хана (1669 г.) и покупали ясачных соболей и лис.

Когда такие послы явились к балаганскому управителю Е. Миронову, он немедленно дал им разрешение собирать ясак с верхо-

¹ Списки Енисейской архивы, ч. II, № 88, л. 134; архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 23.

² Там же, № 87, л. 134.

³ Там же, № 186; ср. Списки Иркутской и Верхоленской архивы, № 123, л. 202.

ленских ясачных, а коней монгольских держал и кормил в остроге три месяца, научая притом монголов «грабить и разорять» верхоленских ясачных людей, а «ясак им в мунгалы давать». Поощряемые енисейскими служилыми людьми, стремившимися принести как можно больше ущерба враждебной территории и ненавистным верхоленским служилым людям, монголы действовали уверенно и настойчиво. Их действия были настолько невыносимы для бурятского населения Лено-Кудинского края, что бурятский князец Багун, наконец, взмолился с отчаянным челобитием к своему непосредственному начальству на «мунгалских немирных иноземцев», которые «ходят к нам почаству, обиды и утеснения чинят и угрожают воинским приходом, похваляются разорить вконец» и живут в кочевьях у них, по году не съезжая. Багун просил: «а которою де дорогою мунгалские люди... перелазят, и тот де мунгалский перевоз через Ангару реку на верхоленскую сторону в Ылимском уезде в братской ясачной землице, меж Иркутцким и Балаганским острожки, на усть Иды реки» перегородить и острог там поставить, чтобы воровские неясачные монгольские люди не могли переходить в верхоленские бурятские кочевья для грабежа и сбора ясака.¹

Тунгусы куланские, Кумкагирского рода, жаловались также, что прежде они промышляли ясак за Ангарой, ибо в верхоленских ясачных кочевьях соболи опромышлялись, а теперь их енисейские казаки не пускают промышлять за Ангарой, грабят и берут посулы (взятки). Тунгусы поэтому просят поставить острог на устье реки Иды для защиты от енисейских служилых людей.²

Грабежи, погромы с целью приобретения ясыря, увод ясачных людей, наконец, чуть ли не военный союз с монголами против верхоленских ясачных людей — таковы уже знакомые нам формы соперничества енисейских служилых людей с верхоленцами.

Не давали покоя енисейские служилые люди и другому соседнему острогу, Нижнеудинскому. 17 марта 1661 г. приехали в Удинский острог ясачные тамошние сборщики и сказали, что «Касоноцкой улус повоевали служилые Енисейского острогу люди», ясырь взяли и заставили «неволею», т. е. насильно, выкупать остальных ясачных полонянников. Трех человек, однако, выкупить не удалось: ничего не осталось для выкупа.³

Обиженные со своей стороны в долгу не оставались, пользуясь теми же испытанными методами борьбы. В особенности усердно действовали верхоленские служилые люди, которые регулярно устраивали ответные набеги в Енисейский уезд, забирали ясачных в свои улусы, разжигали вражду между своими ясачными людьми и енисейскими, наживаясь при этом за счет разграбленных «чужих» улусов. В 1662 г., например, изведал словесно в балаган-

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 185.

² Там же, л. 221. Острог и был поставлен илимским начальством в 1672 г. См. Списки Иркутской и Верхоленской архивы, № 131.

³ Там же, № 44.

ской приказной избе «старый ясачный мужик Моманко», что его улус Илимского уезда верхоленские братские люди «Кережаева роду» повоевали. После погрома напавшие на Моманков улус ихириты¹ продали его сына Шипкайка 25 лет верхоленскому прикащику атаману Никифору Качину, а последний отдал Шипкайку илимскому воеводе Тихону Вындомскому. Даже сам илимский воевода был замешан в грабительских операциях верхоленских служилых людей.²

Жаловались также ясачные тунгусы Иркутского острога, тунгусский князец Заектай «с улусными людьми», да «братские людишка» тетеревакого рода — Турайко с братьями, да Роенутцкого роду Колочейка «с детишками», Конкодорского рода Табайко с улусными людьми, на верхоленских ясачных тунгусов, которые приходят «сверх Лены реки» и ходят вверх по Иркуту, «опромышляют те наши угодыя... и нас, сирот, громят и обижают, и луки наши и табуны пустошат».³

В 1667 г. вышел из мунгал ихирит Ки랄, «лучший мужик» Кережского рода, живший в бегах больше двадцати лет, а ясак прежде плативший в Верхоленский острог с трех человек по соболу. С ним пришло из Монголии 15 человек улусных людей. По выходе из Монголии кираловы люди поселились на своем прежнем месте, «промеж Иркутским и Верхоленским остроги, на Куде, ближе к Иркутскому». И по научению верхоленских служилых верхоленские ясачные люди улусных людей Кирала обижают, «жен отымают и куюки», сами же служилые люди грозят Киралу погромом, если он не станет ясак давать вместо Иркутска в Верхоленск.⁴

Дело дошло, наконец, до того, что 5 марта 1662 г. по научению верхоленского толмача Кудри верхоленские ясачные люди Седой и Седун с товарищами да беглый Братского острогу мужик Иркичей отогнали от Балаганского острога двух принадлежавших казне коней и 39 казачьих лошадей, убили двух человек служилых людей, двух толмачей и торгового человека из Соли Вычегодской и пограбили имущество убитых.⁵ Вслед за погромом в улусы приехали верхоленские служилые с толмачом Кудрей «и взяли у тех убойцов Седова с товарищами за убитые головы головщины 100 лошадей», а сверх того все «животы» убитых.

После этого случая верхоленский толмач Кудря приезжал в Балаганский острог, говорил там, что «поделом де убили толмачей, да служилых», и вперед похвалялся побывать толмачей Нижнего Братского, Балаганского и Иркутского острогов, находи-

¹ То же, что и «кережаи», т. е. племенная группа ленских бурят (ихириты, или эхириты).

² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 23, № 49.

³ Там же, № 195.

⁴ Там же, № 133.

⁵ Там же, № 49.

впихся под ведением енисейских воевод. Показательно отношение илимского воеводы к этим событиям. Воевода был хорошо осведомлен о всем происходившем в Верхоленском уезде, подчиненном илимскому начальству, знал и о погроме 1662 г. и о «головщине», взятой толмачом Кудрей с погромщиков-бурят, но «расправы не учинил».

Споры и столкновения из-за ясачных происходили, впрочем, между острогами и того же енисейского присуда, а в конце концов известный И. М. Перфильев вынужден был возбуждать специальное ходатайство об установлении точных границ ясачных территорий Иркутского острога и Балаганска, предлагая провести пограничную черту по реке Белой, так как иначе были неизбежны бесчисленные столкновения и ссоры, кровавые распри и междоусобия.¹

Если эти факты междоусобной борьбы отдельных острогов из-за ясачных людей, из-за данников, свидетельствуют, с одной стороны, на рубеже XVIII в. о продолжении той захватнической политики военно-феодального аппарата царизма по отношению к бурят-монгольскому населению Прибайкалья, которая имела место в начале XVII в., то, с другой, они показывают, насколько велико было кровопускание в XVII в., как тяжелы были потери Бурятии после вступления на ее территорию первых отрядов царских завоевателей. Обескровленная, разграбленная страна, изнемогавшая под ясачным ярмом, теряла свое население. Кроме многих сотен «побитых» или проданных на рабских рынках людей, ее покидали многие разоренные семьи, целые роды бежали куда глаза глядят, бросая свои жилища, покидая родовые урочища и прадедовские пашни с просом.

Тяжесть положения усиливалась и плохими вестями из Монголии о положении бежавших туда бурят. В феодальной Монголии от ханов и их слуг беглецам пришлось, как известно, тоже не сладко.² Монгольские ханы старались превратить новых переселенцев, — как только они за первым Монгольским Камнем, в верховьях Иркутта, вступали на их землю, — в своих данников, в киштымов. С их точки зрения это было тем естественнее, что монгольские «послы» собирали ясак, как мы видели, и в пределах русской Бурятии, на Лене и по Куде. Хань претендовали на постоянный второй ясак, кроме собиравшегося с бурят на московского царя, как с русских подданных. Монгольские ханы считали, хотя и без достаточных оснований, бурят-монголов своими старинными подданными.

¹ Там же, № 145.

² Собираясь бежать из Монголии, хонгодоры, по преданию, говорили: «Наш хан провинившимся отсекает головы, а русский царь наказывает розгами. Пойдемте отсюда в подданство к Белому русскому царю» («Сказания бурят, записанные разными собирателями», в «Записках Вост.-сибирского отдела РГО по этнографии», т. I, вып. 2, стр. 429).

Вести о плохом положении бурят в монгольских улусах, с одной стороны, а с другой, — поведение монгольских послов и торговцев, соперничавших в своей наглости с русскими приказными людьми по части обирания и оторговывания ясачных бурят-монголов в Прибайкалье, произвели свое действие.

В 1669 г. «из мунгал» приезжало 37 вооруженных всадников по ясак к брацким людям, бурят же Омегень с товарищами. Балаганскому приказному они сказали: «приказал де наш тайша брацким мужикам ясак с них имать по прежнему, как преж сего давали», и потребовали пропуска в улусы. По словам прикащика Е. Миронова, приехавшие «не послушались государева указу и поехали насильством своим по всей земле братцкой; разъехав, имали ясак насильством и угрозой и войной грозя». Не ограничиваясь сбором ясака и вымогательством пушнины у бурят в Балаганском уезде, отчего «государева казна стала в недоборе, — соболей нет», этот Омегень звал своего брата Инкея «в мунгалы бежать». Инкей отказался: «не иду де я в мунгалы и умру де я на своей земле». ¹ Видя, что Инкей хочет известить русских о подговоре ясачных к бегству из Балаганска, Омегень погнался за ними и настиг на дороге, коня заколол под Инкеем, и сам Инкей от Омегения «ушел насилу». Омегень подговаривал и других бурят бежать к монголам, а сам похвалялся перед монгольским тайшей, «что я ис тех брацких мужиков», и просил поэтому людей для поездки в Балаганск с целью перебивая бурят, но успел только силой увести трех человек. ² Возможно, что этот Инкей, отказавшийся бежать в Монголию, и есть тот самый князец, который бежал от Дружины Васильева в 1660 г., а затем, повидимому, вернулся после ближайшего знакомства с порядками, господствовавшими во владениях степных монгольских феодалов.

Обратная волна бегства бурятских переселенцев на свои «родные земли» начинается в шестидесятых годах и усиливается в семидесятые годы, когда Монголию охватывает междоусобная война, вспыхивают феодальные усобицы между крупными феодалами, стремившимися к захвату чужих владений, к округлению собственных.

Уже в 1660 г. иркутские служилые люди взяли с бывших балаганских выходцев Заяктаева рода на Иркуте ясак в размере 10 соболей. Беглец Кирал или Харал, Ихиритского рода, вышедший из Монголии с девятью юртами, в 1667 г. был оставлен иркутским управителем Иваном Максимовым на левой стороне Ангары с уплатой ясака по соболю с юрты. В том же году вышли из Монголии и просились на Унгу беглецы, прежние балаганские ясачные люди Быкотского рода, даруга Кункул со своими улусными людьми, а также 11 человек ашебагатов, которых подговорили

¹ Списки Енисейской архивы, ч. II, № 180.

² Там же.

красноярские служилые люди уйти под Удинский острожек. За ними целой волной двинулись и остальные.

Массовый побег в 1667 г. сильно встревожил монголов, которые устроили крепкие заставы и стремились жестоко расправляться с перебежчиками, чтобы и на остальных нагнать страх. Зимой 1667 г. под Иркутский острог пришли из Монголии двое беглых бурят Болотского рода. В своих расспросных речах беглецы показали, что шло их из монгольских улусов сто человек, но по дороге монгольские люди их догнали и погромили, причем многих убили, а остальных воротили с дороги обратно.

«Вверх Иркута» тогда собралось много монгольских выходцев из прежних ясачных людей, которые «уходили из мунгальской земли таем, без отпуску», пользуясь тем, что монгольские войска пошли на Лоузана вверх по Енисею в числе десяти тысяч человек. Кроме них собирались уйти еще многие буряты, но монголы поставили свои караулы и побили захваченных беглецов. Собравшиеся на Иркуте выходцы, опасаясь монгольского нашествия¹ при возвращении монголов из похода по Енисею, просили поставить на Иркуте в Торской котловине особый острог для оберегания их от угрозы монгольского нашествия.

При этом беглецы сообщили, что в поход на Лоузана монголы пошли в августе, а обратно «о туж пору будут».²

Неудержимая тяга бурят на «породные земли», стремление к возвращению в русское подданство и повальное бегство из Монголии поддерживались руссофильской агитацией в монгольских кочевьях, отдаленные возможно преувеличенные, отзвуки которой дошли до нас. «Русские цари — чистые бодисатвы, разумно святые и милосердные существа, а русский народ при ангельской доброте его сердца так богат, что лошадей своих привязывает к серебряным коновязям; сам ест из золотых, а собак своих кормит из серебряных сосудов; собольи меха подстилает вместо войлоков, а коровьим маслом разжигает печи, даже мальчишкам, табушицам рогатого скота, разрешается употреблять в игре овечьи курдюки вместо обыкновенных монгольских мячиков», гласили слухи, разносившиеся по монгольским стенам среди бурят, поработанных монгольскими ханами и их слугами.³

Несмотря на крепкие ханские заставы, подобные тем, какие в 1658 г. устраивал Иван Похабов по Ангаре и на Оке, несмотря на гибель от стрел сойотов и сабель монгольских палачей многих из смельчаков, прорвавшихся через «Мунгальские Камни» в Прибайкалье, поток переселенцев не ослабевал, а все усиливался и разрастался, захватывая даже народные массы коренных монголов, которые бежали от крепостного гнета и притеснений со сто-

¹ Там же, № 133.

² Там же, № 134.

³ Памятная книга Иркутской губернии, 1881, стр. 17.

роны монгольской владетельной аристократии и закабаления китайским купцом.¹

На родине беглецов встречала, однако, не благодатная страна воплощенных бодисатв, а царская колония, на родине буряты не увидели серебряных коновязей, золотых и серебряных сосудов у русского крестьянина, а познакомились ближе с десятинной пашней, тяжелым житьем царского крепостного, с мало изменившимися нравами царских властей. Вернувшиеся беглецы увидели также, что многие породные бурятские места были уже заняты русским населением.²

¹ Довольно подробно факты обратного переселения в конце XVII в. бурят-монголов в пределы царской России изложены М. Н. Богдановым в «Очерках истории бурят-монгольского народа»; см. главу «Русско-монгольские отношения и бурятский народ» и главу «Завоевание Забайкалья», стр. 55—76.

² См., например, дела о тяжбе илимской администрации с енисейской из-за захвата крестьянами этих уездов покинутых бурятами земель по Иде, у Яндов и на Уде (см. Списки Иркутской и Верхотенской архивы, № 134, л. 219, 220).

5. ВОССТАНИЕ 1696 Г. В БРАТСКОМ ОСТРОГЕ И БУРЯТЫ

В 1696 г. Братский острог и его уезд были снова потрясены шатостью, вспышкой восстания против письменного головы, грека Христофора Кафтырева, управлявшего в то время острогом. Материалы относительно этого восстания имеются в неопубликованных делах Сибирского приказа, относящихся к грандиозному сыску Берестова-Полянского о злоупотреблениях сибирской администрации — воевод, приказных, письменных голов и т. п. начальства — в конце XVII в. Фрагмент дела о злоупотреблениях Христофора Кафтырева и восстании жителей Братского острога обнаружен автором работы также и среди разрозненных бумаг фонда Илимской воеводской канцелярии, что и послужило поводом к изучению документов Сибирского приказа об этих фактах. Материалы дела о Кафтыреве и бунте жителей Братского острога против этого управителя дают богатую бытовыми подробностями красочную картину «Братской шатости» 1696 г. и, что особенно ценно для нас сейчас, эти материалы снова содержат интересные данные о некоторой связи бунтовавшего русского населения с окрестными бурятскими улусами в ходе общей борьбы против ненавистного представителя военно-феодалного аппарата царизма на территории тогдашнего Братского уезда, т. е. всей бурятской земли в Приангарье, — Христофора Кафтырева, в своей деятельности как бы сконцентрировавшего многие отрицательные черты этого аппарата.

Восстание братских жителей против Кафтырева хронологически и по причинам своего возникновения входит в ту мало изученную пока полосу восстаний, которая на рубеже XVII и XVIII вв. увязала в единую цепь Красноярск, Илимск, Иркутск, Братск, Забайкалье (бунт заморцев, т. е. забайкальских казаков, против воеводы Савелова) и Дальний Восток.¹ Сами жители Братского острога, подчеркивая наличие взаимной информации у бунтарей, хорошо осознавали эту связь, выливавшуюся даже в известные организационные формы (приезд иркутских казаков в Красноярск, расспрос о красноярском бунте и о том, «крепко ли они в деле стоят»). По крайней мере челобитья сторонников прежнего по-

¹ Н. Н. Оглоблин, Красноярский бунт 1695—1698 гг. (Очерк из истории народных движений в Восточной Сибири), Томск, 1902.

рядка из Братска определенно отмечают то обстоятельство, что «указывают они, бунтовщики, на Нерчинский и на Красноярский бунты», как на пример для себя и образец тактики.¹

Непосредственным поводом «к братской шатости» послужили злоупотребления местного управителя, енисейского письменного головы Христофора Юрьевича Кафтырева. Это был один из пронырливых греческих купцов и дельцов, искусно игравших на своем религиозном родстве с православными русскими вообще и с русскими властями в частности. Греки-коммерсанты, пользуясь своим православием, пробирались даже в самые глухие углы Сибири. В конце XVII и в начале XVIII вв. греки-купцы разворачивали свои торговые дела и в Иркутске (таков «Николай Иванов грек», или грек Цициник, погребенный «во архиепископском» старом соборе Иркутска и другие), и в Илимске, и за Байкалом; греки брали откупа на табак и т. п., путешествовали с казенными караванами в Китай. Грек Савва Рагузинский заключал договора с Китаем в чине полномочного министра, а валах Спафарий еще при царе Алексее был послом в Пекине.²

Христофор Кафтырев в своей деятельности несомненно опирался на помощь соотечественников, постоянно поддерживая связь и ведя деятельную переписку с ними. Особенно примечательна его переписка с одним из греков, участников торгового каравана в Китай, показывающая, что торги с Китаем больше всего интересовали предприимчивого грека, оказавшегося в роли братского управителя. Кафтырев отправлял свои товары в Китай, закупал для торгов пушнину в Удинске и в других городах Восточной Сибири.³

¹ Осадные сидельцы, сторонники Кафтырева, били челом, что жители Братска предлагали им выйти из хором, угрожая, что «не бытъ де вам казакам и Христофору живым», и говорили притом о нерчинском и красноярском бунте — что и братским осадным сидельцам грозит такая же участь. «Видя их бунтовство», сторонники Кафтырева не могли отсидеться в осаде, их ябобы «выбили» оттуда восставшие (см. ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 1254, л. 692 и др.).

² Ю. Арсеньев, Новые данные о службе Николая Спафария в России (1671—1708). М., 1900; Н. Н. Михайловский, Важнейшие труды Н. Спафария, 1897; е г о ж е, Очерк жизни и службы Николая Спафария в России, 1895.

³ В деле о Кафтыреве сохранились некоторые следы переписки Кафтырева с лицами, через которых он проводил свои торговые операции. Одна из «граммоток» живо передает своеобразную деловую обстановку того времени. Соотечественник пишет Христофору Кафтыреву: «государю моему, брату Христофору Юрьевичу. Здравствуй, государь мой, на множественные лета. Николайка грек челом бьет. А мне изволишь на память в Нерчинск августа во второй день, жив, ведомо тебе буди, казна государева другой день как отпустили и корован, увес вместе. А мы еще неделя тут стоим жити, да послы горой покатымся вместе и с кунчином. Ведомо тебе буди, от Дмитрия Назимова взять ище десять рублей денег и взятых прежних (45 руб. — А. О.), товар я тебе ведомость чинил, который взял да как слова говорено. И твоей милости посем здравствуй на множество лета. Грек Николайка челом бьет» (ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 1254, л. 236).

Торговые операции и коммерческие интересы Кафтырева придают особенную окраску всей административной деятельности этого яркого представителя царской администрации, воеводского наместника на Ангаре в конце XVII в. Деятельность Кафтырева сводилась к сочетанию методов внеэкономического принуждения, в их наиболее грубой и обнаженной форме, с методами ростовщическими и торговыми в деле эксплуатации покорного, подвластного ему населения. Кафтырев не ограничивался одними торгами и ростовщическими операциями, он полностью использовал власть и административно-военный аппарат, имевшийся в Братске, для собственного обогащения. Он не только торговал, но при случае просто-напросто грабил, кого вздумает, садил людей в колоду, заковывал в кандалы до тех пор, пока ему не платили отступного грабительского «налога».

Жители Братского острога — посадские и казаки — жаловались енисейскому воеводе на Кафтырева, что он «емлет с них сильно нападками своими, из-за гроз и из-за мученья животы, берет коньми и денгами и рогатым скотом и хлебом». ¹ Изощряясь в искусстве грабежа подвластных «людишек», Кафтырев додумался и до провокации: его доверенные люди подбрасывали ко дворам жителей заповедный табак, а затем хватали хозяев этих дворов и волокли к Кафтыреву на расправу, от которой те должны были откупаться деньгами, скотом или хлебом. ²

Не довольствуясь грабежом пожитков, Кафтырев требует к себе на постелю «женишек и детишек» братских жителей и «насилует их блудным воровством», причем за неподчинение воле управителя с виновных опять-таки полагался денежный штраф. ³

Конечно, особенно плохо пришлось при управлении Кафтырева в Братском остроге не столько посадской верхушке и служилому элементу местного населения, сколько трудящимся, крестьянам. Длинная «обидная роспись» содержит подробные перечни крестьянских обид, в которых не пропущено почти ни одного пашенного крестьянина Братского уезда, включая и самые дальние деревни. Содержание специальной крестьянской «обидной росписи» достаточно полно характеризует деятельность Кафтырева. С исключительной энергией старался Х. Кафтырев заслужить одобрение начальства усердием в деле расширения десятинной пашни, накладывая дополнительное тягло, усиливая оброки и барщину на царя. Эта сторона его деятельности вызвала особенное озлобление крестьянства и, конечно, похвалы начальства, довольного распорядительностью братского управителя. ⁴

¹ Там же, л. 584—673.

² Там же, л. 638. По словам пашенного крестьянина Андр. Гилева, К. Борисов «подметывал» перед его избой табак в сени «и он де, Андрюшка, усмотря подметной табак и взял затоцтал в грязь и соседем ево им то он, Андрюшка, не являл»; ср. ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 1150, л. 209.

³ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 1254, л. 584—673.

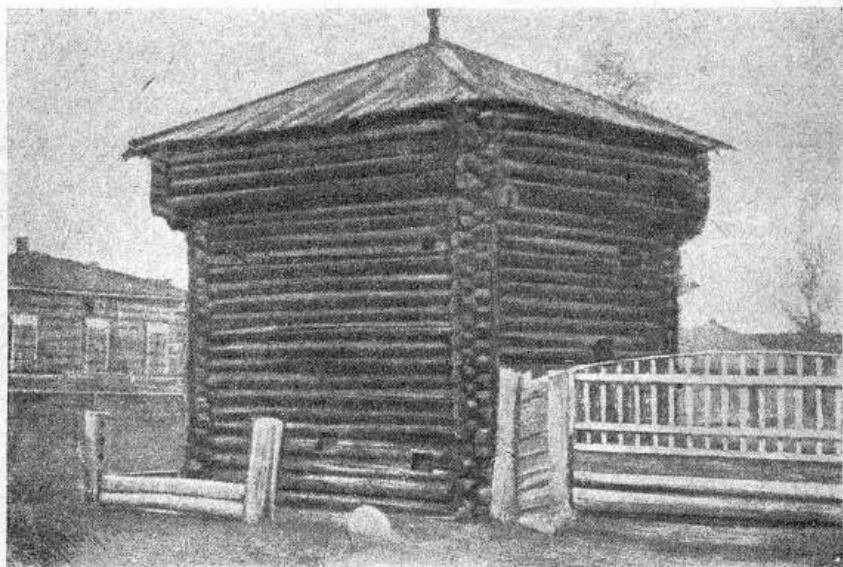
⁴ Там же, л. 581 и др.

Лихоимство, грабежи и насилия Кафтырева, а в особенности усиление крепостнического гнета его административно-хозяйственными мероприятиями, обусловили возникновение всеобщего недовольства среди местного населения. Это недовольство росло с каждым днем и, наконец, прорвалось в форме открытого восстания крестьянства и присоединившихся к нему наиболее решительных посадских и служилых людей. Восстание вылилось в форму осады острога восставшими по всем правилам военного искусства, известного тогдашней Сибири и знакомого участвовавшим в восстании служилым людям.¹ Обнаружившиеся внутренние разногласия среди восставших скоро привели, однако, к мирной ликвидации конфликта и примирению враждующих лагерей на основе соглашения о капитуляции Кафтырева и его подчинении требованиям восставших об уходе из приказного двора и о переходе власти к выборным «воровским судейкам».

Параллельно с этими «бунташными» событиями, развертывавшимися среди русского населения Братского уезда, происходило в то же самое время аналогичное весьма своеобразное движение и среди бурят. Один из руководителей восстания 1696 г., Григорий Бессонов, при розыске подробно рассказал о начале волне-

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 1254, л. 691, 692, 313 и др.

Восставшие грозили, что хоромы, в которых живет Кафтырев, «они, Братские жители, разбросают и размечут по бревну, а ему де, Христофору, пролуб готова» (там же, л. 265).

6. Одна из башен Братского острога. Современный вид.

ний, совпавшем с богоявленьевым днем. В этот день братские и уездные жители праздновали свой престол, т. е. местный церковный праздник, а потому и съезжались в острог всем миром для исправления мирских (общественных) дел и для выбора мирских старост и целовальников. Сбор уездных жителей и решение общественных дел происходили в церковной трапезе, где хранились мирская казна и мирской архив, так же как и в черносошных крестьянских волостях севера Европейской России.

На богоявление 1696 г. русские уездные жители и обитатели Братского острога съехались, как обычно, в полном составе. Были там и служилые люди Братского уезда, и посадские, и пашенные крестьяне.

На общем мирском совете собравшиеся представители всех «миров» уезда в числе более 150 человек постановили отказать Кафтыреву в праве управления уездом за «обида ево и за налоги к ним, потому что он, Христофор, того дни, как ему от дел отказали, к церкви в трапезу приходил и бил своими руками неведомо за что служилого человека Ивана Хромцова, да пашенных крестьян Ивашка Попова, Ваську Бухарова. И за насильство — блудное воровство; и что он, Христофор, будучи в Братском, курил вино и то вино продавал им; и за смертное убийство, что он, Христофор, бил в Спасском монастыре вкладчика, бывшего приказной избы подъячего Ф. Семенова, своими руками и от тех ево побой тот подъячий лежал три дня и умер без исповеди и погребен в том монастыре... Да что он-же, Христофор, бил у себя в хоромех гулящего человека Петрушку Гульму, который жил у него, Христофора, для винного курения, плегьми и от тех де ево, Христофоровых, побой тот Петрушка лежал восемь дней и, исповедавшись и святых тайн причащен, в девятый день умре».¹

Тут же на мирском совете составили обидную роспись и челобитье от имени всех жителей Братского уезда и за подписью их представителей, а также послали к Кафтыреву для отказа от государевых дел делегацию из четырех человек с требованием немедленно покинуть острог и государевы хоромы.

И вот уже в самом начале Братского восстания на этом мирском совете в богоявленев день проявилась связь русских «бунтовщиков» с бурятами. Оказывается, на совет прибыли не только пашенные крестьяне слобод, заимок и деревень Братского уезда, но и ясачные буряты. «А братские ясачные иноземцы, для челобитья в обидах своих и раззоренье, по своему умыслу в Братский острог приезжали, слыша их, Братских жителей, на Христофора Кафтырева челобитье, а не по их Братских жителей совету и зву», сообщал один из участников восстания при расспросе. Само собой разумеется, что участникам восстания было невыгодно полностью разоблачать свои связи с местным бурятским населением. Очевидно фраза: «слыша их, Братских жителей, на Христо-

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 1254, л. 652, 706, 673, 586, 652 и др.

фора Кафтырева челобитье» — значит больше, чем можно предполагать на первый взгляд. Буряты пользовались, как видно из этих слов, постоянной информацией о намерениях жителей Братского острога и уезда, посадских, служилых людей и пашенных крестьян. Они не только прислушивались к намерениям русского населения, поднимавшего восстание против Кафтырева, но и поддерживали с ним связь в целях общего выступления. Цитированная фраза в связи с самим реальным фактом приезда бурят на совет раскрывает существование какой-то организационной связи между бурятами и русскими еще во время подготовки выступления против ненавистного управителя, обусловленной совпадением их интересов и общностью непосредственных задач, связанных с целями бунта.¹

В позднейшем сыске ясачные люди тоже говорили, что они приезжали в острог на богоявленьев день «без совета и зву Братских жителей, видя ево, Христофорово, многое к себе разорение»²

Как в во всяком судебно-следственном процессе, здесь трудно ожидать от сторон абсолютной точности показаний, и тем более в том случае, когда такая точность могла бы им повредить. Так было и в сыску Ал. Галкина о братской «штатости» 1696 г. Наличие стандартных ответов у всех опрошенных по сыску русских и бурят еще не говорит о действительном отсутствии «совета и зова» между населением Братского острога и улусами. Единобразие ответов вызвано наличием определенно сформулированного вопроса в розыскных статьях по соответствующему пункту челобитья Кафтырева, где последний обвинял русских и бурят в совместном «воровстве» и измене царю. Обвиняемые, естественно, отрицали все это, ибо факт совместного выступления русских и «иноземцев», как это было и на самом деле, означал в глазах власти подлинный «бунт» и квалифицировался в качестве «воровского совета». Восставшие вполне последовательно стремятся показать высшим властям события Братского восстания не как классовую борьбу, а как столкновение «угнетателей и угнетенных, злых и добрых»,³ они, конечно, так и осознавали тогдашние явления политической борьбы, а вдобавок, выступая перед сыщиком Галкиным, намеренно опускали многие невыгодные для них факты, обрисовывавшие их как одну из сторон в классовой борьбе. Что такие факты были и братские жители не отгораживались стеной от «иноземцев», а наоборот, стягивали их к себе и объединяли недовольных Кафтыревым в одном «совете» и замысле, свидетельствуют конкретные указания Кафтырева на «воровские» дела пашенных крестьян Братского острога Якова и Петра Карнауховых и Максима Муратова с товарищами. Эти крестьяне агитировали среди тунгусов, не принимавших активного участия в вос-

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 1254, л. 586.

² Там же.

³ Фр. Энгельс, Крестьянская война в Германии, 1932, стр. 3 (предисловие).

стании, «чтоб они на меня (т. е. Кафтырева — А. О.) написали в обидах челобитную». Тунгусы слишком сильно боялись власти и не решились примкнуть к восставшим, а потому и выдали одну из деталей подготовки общего выступления всего населения Братского уезда против приказного.¹ Участники восстания были заинтересованы в сокрытии таких деталей, сыск проходил при явном сочувствии сыщика Галкина, близкого к мелкому служилому люду,² и только челобитья Кафтырева показывают общую картину событий перед бунтом. Кафтырев прямо указывает на революционный по существу путь, по которому пошли жители Братска.

Кафтыреву тем легче было оценить создавшуюся обстановку, что он сам был убежден в «воровском» характере всякого движения, направленного против основ того строя, которому он служил, и со своей классовой точки зрения не мог дать братским событиям иной оценки.

Если бы речь шла, пишет Хр. Кафтырев в челобитной, только о налогах и обидах, то братские жители с ясачными людьми «били челом и тебе великому государю, а в Енисейск стольнику и воеводе М. И. Римскому-Корсакову, а собою-б не управливались и бунту и мятежства не чинили, а знатно, что они, воры, мне, холопу твоему, отказали не за обиды и налоги, а для того чтоб им повольно было воровать». Недовольство крестьян десятинным тяглом и царской барщиной, жалобы бурят на тяжесть ясака, недовольство посадских царскими монополиями и налоговым гнетом, а служилых — вмешательством центра в их дела и насилиями воевод и т. д., достаточно ясно подтверждают указания этой челобитной на политический смысл братского восстания и разъясняют, в чем конкретно выражалось желание бунтовщиков «шовольно воровать».³

Форма и содержание движения вполне соответствовали друг другу. Сторонники Кафтырева — «осадные сидельцы» Б. и Т. Кириловы, В. Момотов, С. Пополутов, П. Ловцов, И. Каменев, М. Писарев, К. Борисов, В. Баранов, И. Калга, Ф. Бородин, И. Ездоков и Я. Попов — били челом начальству: что «В нынешнем, гос., в 204 г. генваря в 6 день» десятник Д. Кирилов со всеми рядовыми годовальщиками, посадские «и все пашенные крестьяне и всяких чинов люди ходят в Братском остроге и по улицам и становятца кругами и кличют друг друга атаманами-молодцами, а собираютца в трапезе неведомо для чего и заводят бунт и вашу, В. Г., казну хотят отбить или письменного голову Хр. Юрьевича Кафтырева убить, того мы, холопы ваши, не ведаем, а нас холопов ваших бьют на смерть и призывают к себе в бунт».⁴

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 1254, л. 578.

² Там же, л. 577, 580.

³ Там же, л. 578, 579, 581.

⁴ Там же, л. 699.

Активные участники движения были характеризованы Кафтыревым очень подробно. Это были, по его словам, «ведомые воры и бунтовщики». М. Кирилов и Гр. Безсонов еще в прошлых годах, до кафтыревского приезда, доводили на енисейского сына боярского Ф. Клепикова в винном курении и в налогах «как будто сказал на него Федора твое, В. Г., дело подъячей Иван Анкудинов», за что и были «приговорены и биты батоги, чтоб вперед не затевали ложно». ¹ Один из наиболее активных пашенных крестьян «ведомой вор Васка Бухаров» был «сослан в Сибирь, в Братской, в пашню за многое воровство». Второй пашенный крестьянин, участник движения, был тоже колоритной фигурой в духе своего времени. Это — «ведомой вор и разбойник и становщик воровским людем Иван Тупица, которой на Москве явился во многих разбоях и пытан и приговорен к смерти и сидел в покаянной и вместо смерти дан ему живот и сослан в Сибирь в пашню. И он, вор, твою великого государя милость презрев, в Тобольску явился в воровстве — крал церковь пресвятые Богородицы Абалатские, до он же в Тобольску крал дьяка Мих. Витязева, да подводил для смертново убивства вора Васку Воробья и в тех воровствах в Тобольску пытан и посажен был он в покаянную и приговорен к смерти-ж, и из Тобольска сослан в Брацкой в пашню, а ныне он, ведомой вор, нехотя тебе, В. Г., прежние вины свои заслужить, стакався с вышеписанными ворами, з Гришкою с Митькою и Ваською, со всеми Брацкими служилыми людами и посатскими и пашенными крестьяны учинили в Братску воровской бунт и воровские круги». ²

Среди крестьян и жителей Братского острога явно было немало ссыльных и беглых людей, прошедших, как И. Тупица или В. Бухаров, плети и дыбу, «покаянную» и встряски в застенках. Тем не менее, не все они, разумеется, испытали такую участь вследствие своих уголовных дел в прошлом, как И. Тупица. Сибирь, уже и в то время страна ссылки, видела в своих пределах не только воров в современном смысле этого слова, но и тех людей, кого в XVII в. царские власти называли «ворами» за борьбу против феодального гнета, против царизма. В Сибирь попали ссыльные московские стрельцы, в ней побывали и участники движения Разина. Память о Разине нашла свое отражение и в песнях, записанных среди сибирского крестьянства еще в XVIII веке, связывающих судьбу его сподвижников, после разгрома движения, с Амуром, куда так сильна была тяга с Лены, Илима и Ангары во второй половине XVII в.

Эти люди были с официальной точки зрения тоже «ворами», но сами они говорили в песне:

«Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички!»

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 1254, л. 549.

² Там же, л. 577.

Называя друг друга «атаманами-молодцами», выкликая «воровские ясаки», участники волнения 1696 г. в Братском уезде следовали этим старым казачьим традициям времени Степана Разина, а «воровские» деяния жителей Братского уезда имели совершенно четкий политический характер.

Подводя итоги перечислению «воровских дел», Кафтырев вполне резонно ссылаясь поэтому на Соборное уложение и на статьи, присланные из Москвы «после московского бунту», где писано было «о смутителях и кругов воровских о заводчиках», что их велено казнить смертью.¹ Заводчиками братского восстания, объединившего все население уезда, и были представители служилых низов, пашенные, бывшие ссыльные, вроде Бухарова и Тупицы, чей опыт не мог не сказаться на размахе и форме движения. Не случайно восставшие указывали на Красноярск, связь с которым была выявлена и иркутскими событиями 1696 г., когда, по словам Кафтырева, «стольник Семен Полтев изволением божие умре а в Ыркуцком чинитца шатость — росправу меж ыркуцкими жители чинят ыркуцкие жители».²

Совместный приезд в острог русских и бурят и появление иноверцев на русском престольном празднике в этих условиях также не были случайностью, а является, таким образом, весьма существенной деталью событий, открывающей вероятное наличие некоторого плана, в рамках которого и должен был выявиться протест населения против хищнической деятельности управителя, а также против общего гнета со стороны местной военно-феодальной администрации царизма.

Существование организационного единства русского и бурятского населения в общей борьбе против Кафтырева как в момент подготовки открытого выступления, состоявшегося на богоявленьев день, так и в последующее время, уже в разгаре движения, становится совершенно бесспорным в освещении документов. Один из руководителей движения, Димитрий Кириллов, рассказывал: «а как де Братские жители ему Христофору от дел отказали, и ево де, Митьку, выбрали те Братские жители и иноземцы в выборные, в неволю, да с ним Братского служилого человека Данилка Терентьева и выбор им Братские служилые люди и иноземцы дали».³

Участие «иноземцев» в событиях братского восстания было настолько существенным фактом, что Д. Кириллов забыл упомянуть даже про посадских людей и пашенных крестьян, участвовавших в выборе в качестве уполномоченных от своих миров, а иноземцев указал наравне со служилыми.

Текст «выбора» не оставляет никаких сомнений относительно факта совместного выступления русских и бурят и его политического характера. «А в выборе 9 казаков, 3 посадских,

¹ Там же, л. 538.

² Там же, л. 532.

³ Там же, л. 96.

4 пашенных, 10 человек ясачных иноземцов и все Братского острогу посадские люди и пашенные крестьяне и ясачные иноземцы: дали они выбор казачьему десятнику М. Кириллову да казачьему десятнику Д. Терентьеву в том, что в прошлом в 204 году Братского острога приказному Христофору Кафтыреву от дел великого государя они отказали в ево, Христофоровых, к ним налогах и обидах и в раззореньях, и чтоб ему, Христофору, служилых и посадских людей и пашенных крестьян и ясачных людей судом и росправою не ведать, а на ево, Христофорова, место выбрали для всяких государевых дел в Братском остроге казачьего десятника М. Кириллова, рядового казака Д. Терентьева. И им, Митьке и Данилке, быть в Братском остроге у всяких великого государя дел, и судом и росправою их, служилых и посадских и пащенных и ясачных людей ведать и смотря по вине бить батоги. А им, выборным людям, их, Митьку и Данилку, во всяких государевых и челобитчиковых делах во всем слушать, а ослушником чинить наказание; а им, выборным людям, за ослушников не стоять, и в том им, Митьке и Данилку, против того их выбору оберегать и челобитчиков на него, Христофора, послать». ¹ (Самый текст «выбора» дошел до нас в составе доклада о деле Христофора Кафтырева.)

Этот документ — точная копия подлинного «выбора» в деле о восстании — содержит указание и на два различных по времени и содержанию совместных акта русского и бурятского населения Братского уезда, оформлявших с юридической стороны их общее дело — борьбу против Кафтырева, причем, конечно, с чисто законной стороны и с точки зрения приказных людей оба эти акта имели несомненный «воровской» характер. Первый по времени акт подтверждает сделанные на следствии устные сообщения участников восстания, в которых говорилось, что «они, Братские жители с ясачными людьми», Христофору Кафтыреву от приказа отказали и выбрали своих десятников или судеек. Второй акт сообщает сведения о совместном продолжении челобитья на Кафтырева уже спустя долгое время после самого бунта 1696 г. (204), когда тот же М. Кириллов был снова избран русскими и бурятскими «бунтарями» для ходатайства перед енисейским воеводой и даже перед московскими властями о наказании Кафтырева за обиды.

Из документов становится ясным, что иноземцы не только вместе с прочими бунтовщиками Братского уезда жаловались на приказчика, но и вместе с ними же отказали старому управителю в повиновении, т. е. отказались повиноваться власти, поставленной центральной администрацией, и совершили тем самым «воровское дело».

Особенный же интерес представляют данные о «выборных воровских судейках-десятниках». Избрание своего, как выра-

¹ ГАФКЭ, столб. 1254, л. 95.

жались официальные правительственные документы, — «воровского» начальства, организация управления на коллегиальных началах в духе мирских советов и казачьих кругов, сопровождали почти все крупные революционные выступления в старой Сибири. «На место упраздненной воеводской власти или совместно с нею служилые люди избирали своих выборных властей — «выборных судеек» и др., заводили мирские круги, советы, думы, руководившие и борьбою с воеводами и всем вообще движением. При отсутствии воевод эти «воровские (т. е. незаконные, вольные) думы» брали на себя все функции воеводской власти и «отправляли на месте всякие государевы дела», как пишет исследователь восстаний сибирских служилых людей Н. Н. Оглоблин.¹

Братские события 1696 г. обнаруживают значительное сходство в этом отношении с классическими в своем роде событиями в Красноярске в том же самом 1696 г., на которые, как мы видели выше, прямо ссылались служилые люди и прочие бунтари Братского острога. Может быть под прямым влиянием красноярской «шпатошты», а может быть и самостоятельно, в Братске тоже возникает местная «воровская власть». Прежде всего основанием и источником зарождения в Братске нового порядка, без власти воевод и приказных людей, был общий мирской совет, состоявшийся в богоявленев день 1696 г. В нем принимали участие все жители уезда и наравне с прочими жителями также ясачные люди. Характерно, притом, что казенные воеводские документы чаще всего называют ясачных людей «иноземцами». Это выражение постоянно встречается, например, в документах того же сыска о восстании и о делах Кафтырева, производившегося московскими «сыщиками» Берестовым и Полянским вместе с местной воеводской администрацией.

В делопроизводстве новой «воровской власти», наоборот, ясачные называются наряду с пашенными крестьянами, служилыми и посадскими людьми также просто людьми — ясачными людьми (см. выше текст «выбора»).

На мирском совете избирались особые выборные для исполнения всех дел, которые выполнялись смещенным и устраненным от должности управителем острога. В Красноярске всем этим выборным судьям их выборщики дали особый официальный «выбор», т. е. составили акт избрания и подписали его в лице своих представителей.² То же самое было и в Братске. Братский «выбор», каким он дошел до нас в копии из следственного дела, содержал и подробную инструкцию, наказ об исполнении должности выборными десятниками. Эта «конституция» братского мирского совета, оформленная его доверенными выборными людьми, представляла новому начальству ведать судом и расправою всех жителей уезда, как служилых, так и посадских

¹ Н. Н. Оглоблин, Красноярский б., шт 1695—1698 гг.

² Там же

людей, пашенных крестьян и ясачных людей. Новое начальство могло и наказывать, «смотря по вине бить батоги».¹

Властью исполнительной, собственно начальством, заменявшим управителя Кафтырева в административных делах, и были два «десятника». Те же «выборные», которые сами, согласно тексту «выбора», должны были слушать десятников Д. Кириллова и Д. Терентьева и обязаны были за ослушников не стоять, очевидно, представляли коллегиальное управление, или совет уполномоченных от мира при десятниках. Во всяком случае, с обычными старостами крестьянских слобод и посадских общин они нигде не смешиваются.

Не следует, конечно, забывать ограниченности и слабых сторон этого движения, выявлявшихся притом не только по линии внутренних социальных противоречий отдельных классовых группировок внутри «бунтовщиков», но и в специфике крестьянского участия в подобных движениях. Будучи самой революционной частью братских бунтарей, крестьянство в массе было все же связано той своей царистской идеологией, на которую указал И. В. Сталин в беседе с Эмилем Людвигом.² Выражением той же ограниченности движения 1696 г. в Братском уезде следует считать и обособленность туземного мира, выступающего в качестве третьей общины, третьего мира по отношению к двум остальным — служило-посадскому и русскому крестьянскому. Локальный характер этого мира, его изолированность особенно резко подчеркивается фактом сношений бурятского населения с русским через своих особых уполномоченных в числе 10 человек.

Тем не менее, бурятское и тунгусское население целиком и полностью подчинилось новому выборному начальству в части уплаты ясака и выполнения всех требований административного характера.³

Одну из сторон деятельности нового начальства и его влияния на уезд вскрывают отписки Кафтырева в мае 1696 г. Кафтырев пишет: «послал я, Христофорко, в Енисейск к тебе, стольнику и воеводе, отписку с Енисейским пашенным крестьянином

¹ Любопытно, что новая власть, как и во всех крестьянских восстаниях, принимала меры к уничтожению бумаг и дел, оформлявших эксплуатацию. В данном случае, соблюдая внешнюю законность, братское «правительство» не уничтожило ясачных и десятинных книг, но подычий Матвеев, «норови бунтовщикам, в каких делах кто приличился и те ваши великих государей дела он жжет и дерет и ис приказные избы выдает» (Сибирский приказ, столб. 1254, л. 190).

² И. В. Сталин, Статьи и речи от XVI до XVII съезда ВКП(б), Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г., Партиздат, Москва, 1934, стр. 158, 159.

³ «Да они ж бунтовщики Митька Кириллов с товарищем своим з Данилкою Терентьев [ым] облыгаютца вашим великих государей указом — пишутся в памятех и в проезжих и в подорожных и в ярлыках и во всяких ваших, великих государей, делах будто они сидят в Братском по вашему, великих государей, указу», писал Кафтырев об административной деятельности судеек, выбранных в Братском остроге в 1696 г.

з Дмитрием Назимовым, а под той отпиской списки с челобитен, а те отписки писаны февраля первым числом. Хотел я посылать ту отписку в тех числах, и не мог я ту отписку и списков послать, и умедлил для того, что бунтовщики Митька Кириллов с товарищи, учиня заставы и заказ всяких чинов людям и ясачным иноземцам, чтоб от меня с отписками и с челобитными никого в Енисейск не пускать, и затем отписки были не посланы». ¹ «Заказ» нового начальства, отвечавший требованиям инструкции, полученной ими от мирского всенародного совета, строго выполнялся, как видно, и русскими и бурятами Братского уезда.

К сожалению, документы вскользь и поверхностно освещают внутреннее состояние бурятского населения и события, происходившие внутри самого бурятского улуса. Некоторые косвенные указания на жизнь бурятского населения в это время и на его отношение к восстанию все же до нас дошли, причем на основании этих данных возможно уловить и своеобразие тех форм, в которые вылилось движение 1696 г. внутри улусов.

В одной из своих челобитных на «бунтовщиков и воров» — братских жителей — Христофор Кафтырев жаловался на подъячего Григория Матвеева и на одного из «воровских управителей» Д. Кириллова, что они не первый уже раз замечены в «бунтовских» предприятиях. В своей челобитной Кафтырев приводил пример из событий предшествовавшего 203 (1695) г., когда Д. Кириллов, «согласясь с родичем своим Григорием Безсоновым и норовя ей, Марфутке, [Нагаловой] и ясачным иноземцам, сродичам своим, в том же 1695 году в Балаганску учинили бунт и убойство».

В другой челобитной Христофор Кафтырев дополняет эти интересные, но отрывочные сведения. «Да они-ж (Д. Кириллов и Д. Терентьев — А. О.) научают всяких чинов людей и ясачных иноземцов бить челом на меня, холопа вашего, в раззорении по недружбе для того, что в прошлом, великий государь, в 203-м году посылал я на Барлуцкую заставу, чтоб не пропустить из Балаганска через Барлук на Красной Яр бывшего толмача Нагалову жену, ² Марфутку, Иванова да мужа ее Мишку Нитника, а они — бунтовщики Кирило и Гришко Безсонов, ей, Марфутке, в родстве». ³

Таким образом, выдвигается интересный мотив: вожди братского восстания находятся в близких отношениях с бурятами через Марфу Нагалову, жену умершего балаганского толмача, причем, пользуясь этим родством, они по собственной своей недружбе с Кафтыревым убеждают ясачных иноземцев подавать челобитные на него. А до братского восстания, год тому назад,

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 1254, л. 700. В мае 1696 г. Кафтырев посылал отписки «тайным обычаем, заклея в дорожную подпиральную палку» (там же, л. 79).

² Овдовев после смерти толмача, Марфа вновь вышла замуж за Нитника.

³ ГАФКЭ, столб. 1254, л. 690.

те же самые лица и родственники Марфы Нагаловой подняли какой-то «бунт и убийство» в Балаганске. В связи с этим бунтом находится, очевидно, и самый повод к «недружбе» с Кафтыревым: посылка Х. Кафтыревым особых людей на Барлуцкую заставу для поимки Марфы Нагаловой, собиравшейся для челобитья в Красноярск.

Очень сложные и запутанные балаганские события 1695 г., поставленные Кафтыревым в прямую связь с «бунтом» 1696 г. в Братске, отчасти разъясняются материалами другого свитка Сибирского приказа. Согласно последним, в 1695 г. Кафтырев писал воеводе, что ему было велено ехать из Братского острога в Балаганский для розыска по челобитью балаганских ясачных бурят (Ирбанка Обукова, Зомейка Зангидаева, Карамалахайки Боцогоева, Будурка Толцаева — А. О.). Кафтырев должен был «русскими людьми и ясачными иноземцы розыскать», а затем, взяв розыскное дело за руками (подписями) русских людей и «знаменами» (значками) ясачных, отправить в Енисейский острог казака Федьку Оленя и жену бывшего балаганского толмача Гришки Нагала — Марфицу. Кафтырев произвел сыск между русскими людьми и бурятами, оформил дело, но сидевший тогда за караулом в связи с этим челобитьем «бывшего балаганского толмача Гришкины жены Нагала Марфутки муж ее, гуляющий человек Мишка Тимофеев сын Нитник» украл розыскное дело и сам, «пократчи сыск, с разезжего двора ночным временем бежал». Сидела за караулом и его жена Марфа Иванова, однако ее со съезжего двора «отбили ночным временем» люди Мишки Нитника с бурятами — сродичами Марфы Нагаловой. Василий Чемесов «научал их для большего себе взятку» и помогал им при этом.¹

К отписке Кафтырева было приложено челобитье Енисейского казака Андрюшки Поясницына «с товарищи» о том, что они караулили Марфу Нагалову и ночным временем, во время их караула, пришли «разбоем люди Марфуткина мужа Мишки Нитника с родичи ее, Марфуткиными, с ясачными иноземцы; и их де, Ондрюшку с товарищи, били ослопьем на смерть и ее, Марфутку, из за караулу у них, Ондрюшки с товарищи, отбили. А подвох чинил и приходил Тимошка Полежаев к Христофору Юрьевичу [Кафтыреву] с Енисейскими казаки з Балаганскими жители з десятником с Петрушкой Кузнецовым, с Симашкой Софоновым, с Савкою Евдокимовым, да з Данилком Москвитиним с посадским человеком с Мишкою Долганом не по одно время и ее, Марфутку, из за караулу выпрашивали, что ее с нарочным посыльщиком в Енисейск не посылать, а выпустить ее, Марфутку, на волю для того, что де до нее, Марфутки, Христофору Юрьевичу никакого дела нет». При этом Т. Полежаев говорил, будто бы, что если прикажет Кафтырев везти Марфутку в Братский острог «для своей бездельной корысти», то они ее все-таки отобьют до-

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 1150, л. 20, 21.

рогой, хотя бы при этом «и потерять де будет им, Ондришке с товарищи, свои казачьи головы». ¹

В расспросе, учиненном, видимо, в разгаре балаганских событий, гуляющий человек Лучка Крюков рассказывал Кафтыреву, что в то время как М. Нитник с женой сидели на съезжей избе за караулом, к балаганскому прикащику Василию Чемесову приходили «сродичи ее, Марфуткины, Балаганские ясашные иноземцы и говорили ему, Василию, чтоб ее, Марфутку, с съезжего двора и из за караулу отбить». Чемесов, однако, отбивать из-за караула на съезжем дворе не велел, «а велел де отбить, как поедет Христофор Юрьевич и [з] Балагансково в Братской [острог] и ее, Марфутку, с собой повезет, на степи». Что касается отбоя Марфутки со съезжего двора, то об этом «доподлинно знает де Т. Полежаев». ²

Перекрестные челобитные и отписки о балаганских событиях 203 года сильно запутывают общую картину, но дают отдельные ценные штрихи к пониманию их последовательности и взаимной связи. Стороной активной и нападающей является все-таки Кафтырев, которому поручено было разбирательство иноземческого челобитья. Кафтырев тенденциозно, конечно, но с большими и ценными подробностями излагает ход событий. По словам Кафтырева, ему пришлось арестовать Марфу Нагалову с мужем и других лиц по делу о ссоре между иноземцами. За помощью Кафтырев обратился к представителю местной власти в лице управителя Чемесова. Но Василий Чемесов, норовя Марфе Нагаловой и в надежде на взятки, отказал в помощи. При этом Чемесов не ограничился отказом, а прислал к съезжему двору, где после приезда из Братска жил Кафтырев, балаганской приказной избы подъячего Леонтия Осипова и велел последнему бранить Кафтырева «матерно и согнуть тайные уды вдвое». С такой же целью, с непристойными словами и матерной бранью, пришли от Чемесова к Кафтыреву служилые люди Лучка Васильев и Петрушка Кузнецов. Не ограничиваясь официальной передачей от его имени матерной брани, В. Чемесов явился в караульную избу и приказал караульщикам «рубить бердышами в пирожные части» Христофора Кафтырева.

«И меня, Христофорка, он, Василий Чемесов, с теми вышеписанными людьми били на смерть и голову поленом проломили и бранил матерно и называл вором... применяя неведомо к каким воровским иноземцом и изменникам», жалуется Кафтырев. А дальше рассказывает о том, как его на постоялом дворе В. Чемесов «осадил в осаду и ко мне Балаганским жителям никому ходить и хлеба носить он, Василей, не велел, и хотел заморить голодною смертью, а которые Балаганские жители ко мне в потай

¹ Там же, л. 21—25.

² Там же, л. 27—33.

ходили и хлеб-соль приносили, и тех людей бил он, Василий, вместо кнута нагих батоги». ¹

Василий Чемесов в долгу не остался и тоже отправил жалобную челобитную енисейскому воеводе о насилиях со стороны Кафтырева, описывая, как Кафтырев бил его насмерть плетью и бросил в амбар на 6 суток «связана по ногу с женою торгового человека М. Шульгина (Нитника), руки связал назад и повесил на грядку и мучил многое время на смерть». Не ограничиваясь побоями и мученьем «на грядке», Кафтырев основательно ограбил Чемесова: отнял у него сто рублей денег, сундук с камками, бархатами и другими товарами, соболей, «сагадак с лубьем, насечен серебром», «пояс двойной насечен с серебром», «кунган китайской оловянной» и т. д. Чемесову пришлось, кроме того, платить караульщикам по три рубля в сутки для избежания той «томительной смертной муки», которую он уже испытывал при висении «на грядке в анбаре». ²

Таким образом, вокруг Марфы Нагаловой и ее мужа завязывалась борьба между старым начальством Балаганского острога в лице Чемесова и новым — «сыщиком» Кафтыревым, в которой они не стеснялись средствами.

А фоном этой борьбы и ее непосредственной причиной была борьба внутри бурятского населения, тоже завязавшаяся вокруг личности этой Марфы Нагаловой и ее родичей.

Бурятское население, принимавшее участие в балаганских событиях 1695 г., было раздроблено как бы на две части: одна группировалась вокруг Кафтырева, другая вокруг Чемесова и Марфы Нагаловой. О принадлежности части бурят к партии Кафтырева можно судить по роду документов, в которых буряты жалуются на Чемесова и Марфу Нагалову. Вот, например, челобитная «Карамалахайки Бодогоева, Зомейки Зангидаева с роды своими», где написана «жалоба» на енисейского сына боярского Василия Чемесова «да на единомысленников ево Васильевых», казачьего десятника Петрушку Кузнецова, казаков Симашку Сафонова, Данилка Мана, С. Ездокова, Ивана Томского и жену бывшего балаганского толмача Гришки Нагала, Марфутку Иванову, с теперешним ее мужем, бывшим гулящим человеком Мишкой Нитником. По словам жалобщиков, в 203 г. «по вашему, великих государей, указу, а по нашему, холопей ваших, челобитью приехал из Енисейска в Балаганский острог Енисейский письменный голова Христофор Кафтырев для розыска о разорении бурят «от прежних Балаганских приказных и бывшего Балаганского толмача от Гришкины жены Нагала, Марфутки Ивановы, и от роду ее ясачных иноземцев Ербугарка Бугаева с товарищи». Приехав в Балаганск, Кафтырев обо всем разыскал, а после розыска была написана мировая запись между спорщиками. Но в это самое время

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 1150, л. 61.

² Там же, л. 178.

М. Нитник бежал и розыск о их разорении покрал, и тем «их раззорили вконец и от раззорения будет нам, холопам вашим, великих государей ясаку отбыть и врознь разбрестись», писали «иноземцы», бывшие сторонниками Кафтырева и удовлетворенные его розыском и судом. Они просили снова написать мировую покраденную запись, чтобы от «суперников и раззорителей не раззориться в конце», а также настаивали на высылке ненавистного М. Нитника из Балаганска, «куда вы, великие государи, укажете».¹

Таким образом, все дело завязалось как-будто из-за старых межродовых и личных споров. По словам казака П. Иванова, родственники Карамалахайки из людей Олзоева рода — его брат Саган-Малагай, племянник Муку и зять Туба — сидели в тюрьме до приезда Кафтырева при прежних прикащиках по «ложному челобитью Ербугарки Бугаева». С ними же сидели и мунгальские выходцы Балей, Агилдей и Тунтур² за воровство, что «украли у него, Ербугарка, верблюда и за то де воровство им, мунгальским выходцам, учинено наказание — резаны уши и носы»; видимо, в том же обвинялись и буряты. Что касается этого верблюда, то про него сказал казак Сидор Песков, что он утонул, а не был украден. С Карамалахайки и его родичей была взята за верблюда «анза большая» (пеня) и «не делом напрасно».³ Другой казак сказал, что верблюда действительно съели мунгальские выходцы, но Карамалахайка отдал в «анзу» 22 скотины все-таки напрасно, и «наперед сего за ним, Карамалахайком, и за сродичами ево никакова воровства не бывало». Дополнительно допрошенные Кафтыревым «того же Балаганского острогу ясачные иноземцы, лутчие мужики Тузыга да Намырко Акеевы, по их вере и по шерте» сказали, что Ербугарка поклепал Кармалахайку напрасно. В этом деле был уже выбран от них, т. е. от Олзоевского рода Кармалахайки, «по их иноземской вере итти к шерте (шерти) из своего роду лутчий человек», племянник Кармалахайки Хамута Лелин (шерть заключалась в том, чтобы итти в шаманскую рощу «обнимать и целовать шаманскую сосну»)⁴.

Однако, Олзоевскому роду шерти не дали, а приказали выплатить «анзу» — 22 головы крупного скота и одну овцу.

Кроме того, с Ирбанка Обукова по такому же ложному челобитию Хахайки Ботогонова, дяди Марфы Нагальной, взята была

¹ Там же, л. 46.

² Там же, л. 221.

³ Там же, л. 222.

⁴ Обычай давать присягу на шаманском месте, отмеченный М. Н. Хангаловым, последний связывает с легендарными сведениями о присяге эгэзэ — облавщиков (участники древней коллективной охоты) новому галше (шаман и руководитель охоты) на месте сожжения тела старого галши. Выражение «обнимать и целовать шаманскую сосну», следовательно, означает присягу на месте сожжения шамана, на дереве, в котором заключен пепел покойного шамана, т. е. на «шаманской сосне», как подобное дерево называют и русские соседи бурят. См. М. Н. Хангалов, Юридические обычаи у бурят, «Этнографическое обозрение», № 2, 1894, стр. 127.

«по их вере анза» — за одну овцу 7 коров, 7 быков, 3 кочерика (двухгодовалый бычок), 7 овец. А после выяснилось, что «женка иноземка», племянница Хахана, рассказала, как эту овцу украд Тузинко, племянник того же Хахана», с Красноярским Удинским ясачным иноземцем Шахабатцкого роду с Хартуном Бозогидавым». ¹

Тот же И. Обуков жаловался, что жена толмача Г. Нагалова Марфа Иванова взяла у него «за угрозами» соболя, да выдру, да три коровы и двух быков. ²

Будурка Торцов и Карамалахайко жаловались на Марфу Нагалову и ее брата, Кулметцкого рода князца Ерубгарка, в том, что «взяла она, Марфутка, у него Будурка, обманом холошку ево, девку Номея, а хотела она, Марфа, дать коня доброво, да кобылу, тулуп камчатой, штаны да — сапоги, малахай лисей» — и не дала. «А холошку продала она, Марфутка, брацкому мужику Турчинке». Но бить челом на Марфу они не смели, потому что «прежние приказные люди к ней, Марфутке, и к сыну ее толмачу были добры». ³

Особенно яркие сведения дали «с Уды реки Братцкого острогу ясачные тунгусы», жаловавшиеся на притеснения от рода Марфы Нагаловой. Тунгус Оноконко Орючуканов с товарищами «всем улусом» извещал, что к ним в их ясачные урочища из Балаганска приезжали родственники М. Нагаловой с сыном ее Иваном для звериного облавного промыслу и ограбили его, Оноконку: отняли 20 кож, 3 волчьих шкуры ясачных, и котел медный, и два ведра, изломали лук костяной, да разорили юрту Оноконкову, да кроме того изломали 50 луков звериных самострельных «всего их Оноконкова улусу», а он, Оноконка Орючуканов, был оставлен «от всего своего улусу для звериного промыслу для осмотру тех луков». «Да они-ж, Ивашко Нагалов с товарищи, отняли у него, Оноконка, дочь его, девку, и ему, Оноконку, хотели отрубить голову и посадить в воду. И говорил он, Ивашко, ему Оноконку — беды де он, Ивашко, на себя не боитца, надеясь на свое богатство. И тем ево, Оноконка с товарищи, он, Ивашка, с иноземцы, разорили в конец; и помираем мы голодною смертью и государева ясаку за тем ево Ивашковым разореньем платить не в мочь». ⁴

Были в связи с междуродовой враждой и другие жалобы на Кафтырева, на его неправый суд. Так, например, «ясачный мужик Олзоева роду» Сахурко Сохоев жаловался, что еще в 197 г. ясачный мужик Онгоева роду Зомейка Онгидаев проломил голову его отцу, Сохою. Сахурко Сохоев жаловался иркутскому воеводе Кислянскому, просил присудить за проломленную голову своего отца Сохоя «по нашей вере анзу». Просьба Сахурки была уважена, и «анзу» он получил «по нашей вере, по указу великого государя». ⁵

¹ ГАФКЭ, л. 240. Сибирский приказ, столб. 1150, л. 240.

² Там же, л. 241.

³ Там же, л. 241, 242.

⁴ Там же, л. 99.

⁵ Там же, л. 95.

А в 200 (1691—1692 г.) уже Зомейка «бил челом ложно» на Сахурку приказному Евдокиму Курдюкову, и тот не поверил объяснениям Сахурки, хотел даже пытать Сахурку за ложное челобитье, чем Зомейка и «изубытил ево напрасно». В следующем году Зомейка бил челом енисейскому сыну боярскому Борису Серебренникову, который по челобитью Зомейки и постановил: доправить на Сахурке анзу обратно и отдать Зомейке. Тогда уже С. Сохоев снова стал бить челом воеводе Коробьину, и тот послал новую указную память, по которой Зомейка был опять обвинен и принужден пойти на соглашение с Сахуркой, подписав мировую челобитную. Но Христофор Кафтырев мировой челобитной не поверил, «а ложному Зомейкину челобитью верил», и скот снова остался у Зомейки.¹

Со своей стороны и род Марфы Нагальной не оставался в долгу. В делах по поводу сыска Христофора Кафтырева сохранились их челобитные с жалобами на другие роды и на Христофора Кафтырева, в своем сыске ставшего на сторону этих родов.

Несколько ясачных мужиков² писали в своей челобитной, что «жалоба у них на балаганских брацких ясачных мужиков, на Олзоев род, именно: на Кармалахайка с товарищи, да на Шарацкой род — на Ирбана с товарищи, и на Зомейку Санкидаева». Дело было в том, что «в прошлых годах явились эти люди во многих воровствах», продолжая их в нынешних годах и разоряя челобитчиков тем, что «крадут скотишко». Кроме того, в 1692 г. Карамалахай украл верблюда «у брацкого мужика Кулметцкого роду, у лутчего нашего князца у Ербугарка Бугаева». При расследовании виновность Карамалахая и его соучастников была установлена — «в том они обличилися». Поэтому Ербугарка о своем верблюде вновь бил челом в Иркутском остроге стольнику и воеводе князю И. П. Гагарину. Из Иркутского острога в Балаганский пришла указанная память тогдашнему местному администратору, иркутскому сыну боярскому Евдокиму Курдюкову, о производстве нового розыска, «и он, Евдоким, в Балаганском служилыми людьми и нашими братскими ясачными мужиками разыскивал, и они, Кармалахайко с товарищи, в том воровстве обвинены». После розыска Евдоким Курдюков по указной памяти доправил на виновных ользоевцах за украденного верблюда «анзу малую» — 22 головы рогатого скота и одну овцу.³ А дальше челобитчики

¹ Там же.

² Онгоева рода — Бурзыга Тюрин, Камшинко Ирбаев; Холтуваева рода — Бобалый Бултеев, Амыкзайко Хамнаев; Быкоцкого рода — Монхон Ноенгуев, Нарбел Холгунов; Зенгорского рода — Сордон Гондоев, Хинзикей Толонов; Янгутского рода — Халдан Хорвинов, Хурунчей Орюхоев; Ханинского (Хангинского) рода — Турчитка Шаманов; Хогуева рода — Хартенко Ортюгии, Хангинко Кургалзинов; Икинатского рода — Шехулдейко Молохонов, Абачайко Конокоев; Болотского рода — Моцдоханко Уданов.

³ «Ежели кто украдет у кого живую скотину, — коня, корову или овцу, за каждую голову, по древним всех иноверцев обыкновениям, разыскивается

рассказывали, как в 1694 г. отправились воровски убегом брацкие ясачные мужики Шаратцкого рода Ирбанка Елов да Зомайка Зангидаев в Енисейск и били там воеводе челом на лучших братских мужиков Ербугарку Бугаева и Сахурку Сохоева и на жену бывшего брацкого мужика Хахайка, Окойку, в старых вершенных делах, которые решены уже были в Иркутске и Балаганске по указным воеводским памятям местными приказными людьми и анзы по ним уже были взяты. Челобитья Елова и Зангидаева и ставили целью возвращение анзы обратно, между тем как по словам 16 челобитчиков: «у нас, холопей ваших, поданы скаски за нашими знамены, что старых вершенных дел и невершенных не отыскивать». По приказу енисейского воеводы «против ложного челобитья» Зомейки с товарищами приехал для розыска Кафтырев и причинил этим 16 челобитчикам большие убытки и налоги, например, брал подводы и лошадей замучил. Князец Ербугарка, Бачейко Кулметцкого рода, со своей снохой Икейцей жаловались на «мирского ругателя и разорителя» Христофора Кафтырева в том, что он, «рнясь» за примирение их с Зомейкой Сангидаевым, бил их своими руками «на смерть», Ербугарку бил безвинно по щекам и ослопом «на смерть-же», а затем, не довольствуясь побоями, сковал Ербугарку со снохой за ноги так, что «железа в стегна впилаась», и «мучил томительною мукою на смерть». ¹ Не стерпя мучений, Икейца продала свою дочь за два соболя, а соболей отдала на выкуп Кафтыреву. ²

с виновного, по сделанному им признанию или изобличению посторонними доказательстами, по 4 головы того ж роду скота и возвращаются хозяйину» — так описывается в 1818 г. обычай взимания штрафа, анзы «сведениями» балаганских бурят «всех семнадцати родов, опубликованными Хангаловым (см. М. Н. Хангалов, Юридические обычаи у бурят, «Этнографическое обозрение» № 2, 1894, стр. 107).

¹ ГАФКЭ, столб. 1150, л. 97.

² Один из свидетелей по делу о насилиях Кафтырева над бурятами, «Балаганской мужик Багун Шингаев», показал позже: «как приехал в Балаганской Христофор Кафтырев для розыску и он де, Христофор, послал ево, Багуна, с казаком с Ываном Ездоковым в улус вверх по Унге на Зупару, и велел взять у Братцкого мужика у Сахурка Сохоева пять скотин, да пять лошадей, да пять овец и дал ему, Багуну, память за своею печатью. А тот де скот велел он, Христофор, отдать Зомейку Зангидаеву и они де по той памяти приехав в улус к нему, Сахурку, вышеописанное число скота у него, Сахурка, взяли и отдали ему, Зомейке, а куда он, Зомейка, тот скот дел, того он, Багун, не знает. А ево де Сахурка он, Христофор, спрашивал всячески и хотел вешать ко грядке, чтоб он тот скот отдал ему, Зомейке, и для чего хотел мучить, того он, Багун, сказать не упомнит. А Ербугарка де Бугаева он, Христофор, своими руками по щекам и ослопом бил и в железах скована держал и велел пригонить табун скота и по тот де табун ево, Ербугарка, послал и он де, Ербугарка, не пригнал табуна, бежал в степь... А сноху де ево, Ербугаркову, Икейцу он, Христофор, на съезжем дворе сковану по стегнам в железах держал и от выпуску, чтоб ее отпустить на волю соболя у ней просил и она де, Икейца, не стерпя такие муки, что у ней железа в стегна впилился и ноги роспухли и помираяючи голодом дочь свою продала брацкому мужику Ботогалинову, а взяла де за тое дочь свою соболя и того де соболя он, Христофор, у ней взял и ее, Икейцу, из желез и из за караулу свободил. А по тому

Самого Ербугарку Кафтырев держал в железах и томительной муке до тех пор, пока не добился обещания дать выкуп. А затем, «росковав, послал меня в юрты и велел он, Христофор, пригонить из юрт к себе скота табун». В это время, «видя ево, Христофорово, к себе раззорение и нестерпимые томительные муки смертные и напрасные нападки, моя братья иноземцы улусные люди и я, холоп твой, убоясь ево, Христофора, покиня улусы свои и юрты, разбежались в дальные степи и в расели (расселины — А. О.) каменные и в бегах жили многое время», рассказывает князец Ербугарка в своем челобитье.¹

В 1695 г. поехал сам Ербугарка с братом Бачейком и зятем «ото всего улусу» в Енисейск быть челом на Кафтырева, причем с ним поехали енисейские казаки Тимофей Полежаев и Д. Москвитин, но Христофор Кафтырев, «многими своими заставами на поплаве переняв каюки», поймал их и в Братском остроге стал всячески мучить, заковав в кандалы. С Ербугарки в то время Кафтырев смучил доброго соболя, да «похвей наскан по железу серебром». Тем не менее, челобитчики все-таки добрались до Енисейска и стали бить челом перед воеводой на Кафтырева, однако и от воеводы праведного «розыску и управы не было». Тогда челобитчики, «видя его неправду и к Христофору Кафтыреву поноровку», стали проситься «к Москве», но и туда их не отпустили, «норовя Кафтыреву». Мало того, отпустив обратно в Балаганск челобитчиков, воевода послал впереди служилого человека Я. Елагина в «малой лотке» с вестью к Христофору Кафтыреву и с наказом, чтобы тот ехал во второй раз из Братска в Балаганск «для раззорения и пограбления балаганского прикащика В. Чемесова и торгового человека М. Шульгина животов их», как сторонников Ербугарки и остальных челобитчиков.²

Явившись вторично в Балаганск, Христофор Кафтырев бурят и Балаганских жителей «всякою томительною мукою мучал и дома их раззорил и животы их пограбил, а в улусы наши для иноземцев посылал служилых людей в велел их перехватить и привести к себе для своих пожитков и бездельных взяток». Тогда вновь, «видя ево, Христофорову, страсть над приказным и над жителями Балаганскими томительную муку и раззоренье и убоясь над собою того раззорения от него, Христофора, все иноземцы, покиня свои улусы и юрты и похватав свое скотишко, разбежались в дальные степи и в расели каменные». Этот побег имел тяжелые последствия: «в то время у них в улусах трава была покошена и те покошенные травы от ево, Христофорова, разгнания не сгребены погибли, и зимою без корму у нас, холопей твоих иноземцев, от ево, Христофорова, раззорения скотишко пал, а мы холопи

он, Багун, про вышеописанное стоит-знает, что он Багун у него Христофора был в толмачах) (Этот фрагмент дела о насилиях Кафтырева хранится в Иркутском музее).

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 1150, л. 315.

² Там же, л. 473.

твои скотишко свое продаем и соболи и лисицы на скот покупаем и тем покупным зверем по вся годы в твою великого государя казну платим, а ныне нам, холопям твоим, ясаку платить будет в пол-посте нечем, потому что мы скотишком от ево, Христофорова, разгнания и раззорения опали, и скота у нас малое число, и продать нечиво и кушить в ясак соболей и лисиц и всякого зверя не на чево, а собою нам, холопям твоим, соболей и всякого зверя промыслить в ясак не мочно, потому что мы, холопи твои, иноземцы конные». ¹

Ербугаркова челобитная кончается перечислением личных обид. Так, например, когда Ербугарка послал из Братска своего брата нанять подводы у братских мужиков, то на обратном пути из улусов брата его встретил Х. Кафтырев, взял коня за узду и повел к себе «на поварню». На винокуренной поварне Кафтырев напоил Ербугаркина брата вином допьяна, а затем снял с пьяного пояс и нож, отобрал седло и увел коня, захватив и коробью с мягкой рухлядью. Когда же Ербугарка стал жаловаться и просить отобранные вещи обратно, Кафтырев вещей не отдал, а хотел, наоборот, посадить его за караул и требовал в виде выкупа еще 5 быков. Ербугарка отдал ему вместо быков своего коня ценою в 20 рублей с полтиною.

Весь этот документальный материал достаточно удовлетворительно показывает характер борьбы родовых групп, разгоревшейся между людьми онгоева, быкотского, зенгорского, янгутского, хангинского, хогуева, икинатского, болотского и кулметского родов, с одной стороны, и людьми олзоева и шарайтского родов, с другой. Борьба эта имела своим поводом кражу скота, которая вызывала длительные тяжбы и судебные разбирательства с целью получения потерпевшими по степным обычаям «анзы» или пени. Спорные дела, разрешавшиеся местными властями, вызывали массу злоупотреблений со стороны последних, а апелляции к высшему воеводскому начальству помогали мало. Это начальство, призванное для решения дела, предпочитало по обыкновению московской администрации той поры «кормиться» около судебных дел и междуродовых распрей. Начальство становилось, по соображениям личной выгоды, на сторону той из тяжущихся сторон, которая могла больше дать, а противная сторона подвергалась преследованиям и не только, так сказать, в законном порядке. С нее брали и анзу; вопреки справедливости и обычному праву, сколько могли содрать. Само собой разумеется, что от этой судебной операции выигрывал в конце концов больше всех сам судья.

Обиженные переносили дело в новую более высокую инстанцию, из Иркутска в Енисейск. Енисейский воевода слал нового представителя решать старое дело. Новый представитель с целью подкормиться мог стать на сторону противоположной партии и вернуть ей анзу, опять-таки не забывая и себя.

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб, 1150, л. 473.

Именно такую картину столкновения властей около выгодного судебного дела и рисуют челобитные балаганского дела.

Борьбу двух начальных людей — соперников — из-за лакомого куска сопровождает внутренняя родовая борьба в улусах, причем последняя представляет для нас наибольший интерес, так как раскрывает некоторые существенные черты общественного быта.

Все документы отчетливо показывают существование и особую роль в междуродовой борьбе родовой, даже межродовой социальной верхушки. Особенно ярко обрисовывают эту верхушку и ее поведение в межродовой расправе документы о группе Ербугарки, Нагалихи и др. Ербугарка Бугаев единодушно признается всеми представителями онгоева, хангинского, икинатского и других родов, входящих в эту группу, как «лутчий наш князец». А сам Ербугарка в своей челобитной категорически отличает своих улусных людей от самого себя. Термин «улусные люди» не вызывает больших сомнений в его социально-экономическом значении: в данном случае он, очевидно, обозначает отношения полной зависимости улусных людей от Ербугарки.

Нет ничего невероятного и в том предположении, что Ербугарка Бугаев является потомком того самого большого князца Буги или Букья, чей улус разгромил Бекетова на Ангаре в первой половине XVII в. и который неоднократно упоминается в документах тридцатых годов.¹

Группа Ербугарки, признанного «лутчего князца», вероятного потомка старого аристократического рода у ангарских бурят, была, как мы видим, активной, наступающей сначала стороной. Даже в то время, когда ее карты биты, она не теряет бодрости и предпринимает попытку путешествия в Москву для жалоб, добравшись было до Енисейска.

Но такую активность проявляют не роды в целом, а именно их аристократическая верхушка. Она борется за свои права, за свою анзу, она в лице Ербугарки добивается наказания лиц, обвиненных в краже скота. Не кто иной, как Ербугарка, пользуется преувеличенно большой анзой, т. е. совершает замаскированный юридический грабеж вопреки степному обычному праву, хотя и так уже отражавшему нормы классового, феодального общества.

Эта верхушка с точки зрения ее классового положения и деятельности характеризуется также и фактом грабительского нападения на тунгусов по реке Уде. «Иноземцы»-буряты во главе с сыном Нагалихи, родственницы Ербугарки, ведут себя в тунгусских кочевьях точно так же, как в былое время могли вести себя Ербугаркины предки по отношению к поработанным киштымам. Следуя опыту предков, они грабят тунгусов, забирают их котлы, мягкую рухлядь. Мало того, они даже захватывают невольников, забирают девку тунгусскую в качестве «громленного ясыря». Право

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 49, л. 125, 126.

сильного по отношению к слабым тунгусским родам, голое принуждение, открытый грабеж — такова их политика. Что касается внутривидовых и внутривидовых отношений, то в их распоряжении и на их стороне обычное право — анза и т. п. При использовании этих обычаев, а где понадобится — и прямо вооруженной силы, эксплуататорская верхушка бурятского населения часто грабит и притесняет черных людей других родов, пользуясь, конечно, и выгодами от эксплуатации сородичей.¹

Казалось бы русская администрация должна была несколько обуздывать зарвавшихся князьков и лучших людей. На деле же русская администрация, поставившаяся из старожилой части казачества, в это время сама была связана с эксплуататорской верхушкой туземного населения коммерческими операциями, общими эксплуататорскими интересами по отношению к массе улусников, и даже родственными узами. Выразительный пример такой связи — та же Марфа Нагалиха. Она — крещеная бурятка, бывшая жена толмача, т. е. служилого человека, который по самому роду своей деятельности был тесно связан с улусом и играл огромную роль в его внутренней жизни, как самое близкое лицо из среды русского начальства, как посредник между бурятским населением и административным аппаратом. Выражаясь образно, можно сказать, что через Марфу, как ближайшую родственницу князька, эксплуататорская верхушка улуса породнилась с администрацией. Близость Марфы к административному русскому аппарату и сделала то, что прежние приказные «к ней добры бывали» и к ее родне тоже. Жаловаться на Ербугарку и его родню никто не смел. Ербугарка был, таким образом, самым видным лицом в роду и безраздельным хозяином своих улусных людей. Что касается Марфы Нагальной, то ее исключительное влияние, дававшее ей возможность называть письменного голову и следователя Кафтырева в лицо вором, объясняется тем фактом, что она была, во-первых, женой бывшего толмача, а во-вторых, — родственницей князя, представительницей родовой аристократической верхушки

¹ Наша точка зрения подтверждается и опытом позднейших времен, где находим сходные примеры. Не кто иной, как лучший знаток общественного быта бурят XIX в. М. Н. Хангалов, подметил, что «вообще бурятские родоначальники склонны к жестокости и мщению, с помощью которых они думают держать бурят в подчинении и страхе, как в прежнее былое время. Буряты обыкновенно до поры до времени молчат, пока число недовольных не станет уже значительным. Родоначальники, между тем, своими действиями все более и более вооружают против себя общество; наконец, общественники, выведенные из терпения, составляют из себя партию, и таким образом, в роде или ведомстве образуются две враждебные партии. Жалобы друг на друга сыплются обеими партиями без конца, и по ним невозможно разобрать, кто прав, кто виноват. Для воров и различных плутов наступает в это время особое приволье, они, конечно, держатся на стороне родоначальника и безнаказанно крадут у противной партии, так как жалобы последней родоначальнику остаются без удовлетворения». Будучи по внешности «родовой борьбой», эти распри были, таким образом, выражением внутренней социальной борьбы низов и верхов, тайш с массой «общественников», в условиях уже далеких от XVII в. в смысле сохранения родовых связей.

местного бурятского населения, и в-третьих, — обладательницей крупного состояния.¹

Любопытно, что Марфа Нагалова после смерти своего мужа-толмача выходит замуж за М. Нитника-Шульгина, торгового человека, коммерческие операции которого простирались вплоть до Китая. Не случайно жалуется Кафтырев на то обстоятельство, что воры и бунтовщики в Братске оторговывают улусы. Не случайно и то обстоятельство, что пожитки М. Нитника обнаружались в бурятских юртах.

Деловой контакт русских торговцев с бурятской эксплуататорской верхушкой был тем легче для них и тем естественнее, что сами купцы являлись собственниками живого товара, а также не прочь были поторговать и невольниками. По крайней мере, М. Нитник имеет своих холопов («мунгальской породы»), а Марфа Нагалова покупает и перепродает холопку бурятского происхождения, девку Номею. Эти взаимоотношения группы сторонников Ербуарки со сторонниками Чемесова и М. Нитника лишней раз подчеркиваются родственными их связями, что отмечал и Кафтырев.

Возвращаясь от событий 1695 г. к событиям 1696 г., связанным, по словам Кафтырева, друг с другом, нужно отметить, следовательно, что интересы эксплуататорской верхушки населения очень тесно переплелись с насущнейшими интересами местных русских купцов и служилых из числа старожилов. Слова Кафтырева о совместном выступлении их во время братского бунта, о «подзвыве» организаторами восстания 1696 г. в Братске «иноземцев», обиженных Кафтыревым в Балаганске в 1695 г., приобретает поэтому исключительный интерес и убедительность. Особый смысл приобретает и указание Кафтырева на то, что «они, воры и бунтовщики, к воровскому своему собранию и к бунтовству многих братских ясачных иноземцев к себе призывали, ... одолижа своим воровским заповедным шаром² и табаком, по неволе на меня, Христофора, к затейному и ложному своему напрасному и поклепному челобитию призывали и руки и знамена прикладывать им по неволе велели».³

Свидетельскими показаниями и речами иноземцев было определенно доказано, что ясачные иноземцы приняли участие в бунте не по неволе.⁴ Однако, некоторая роль торговли заповедным товаром в «возмущении» бурят все же несомненна. Общие выгоды от контрабандной торговли и торгов вообще связывали эксплуататорскую

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 1150, л. 56, 60.

² Разновидность китайского табака.

³ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 1254, л. 579.

⁴ В сыску 14 человек ясачных иноземцев сказали: «в обидях де своих на Христофора Кафтырева челобитную писать они велели и послали тое челобитную с Васильем Бухаровым с товарищи в Енисейск, а ништо их к челобитью не призывал и по неволе знамен прикладывать не велывал» (ГАФКЭ, Сибирский приказ, кн. 951, л. 244, оборот).

верхушку бурятского населения с русскими торговцами, служилыми и посадскими людьми. Так раскрывается связь «межродовой» борьбы в улусе с бунтом против Кафтырева в 1696 г., но только с одной ее стороны, касающейся верхов улуса.

В свете всего изложенного можно считать бесспорным факт увязки господствующей прослойки бурятского населения с русской верхушкой, а следовательно и одинаковое участие их в волнениях. Князцы и «лучшие люди» бурятских родов бунтовали совместно с «лучшими», в тогдашнем значении слова, людьми русского населения. Князцы были недовольны притеснениями местного начальства, его грабежами и насилиями (примером может служить обращение Кафтырева с Ербугаркой Бугаевым, Чемесова — с лучшими людьми противной стороны). Князцы были недовольны стеснением торговых операций: они тоже хотели торговать. И, наконец, князцы стремились к полной и безраздельной эксплуатации своих соплеменников, к установлению полной власти над ними. Их интересы сталкивались здесь с желанием московского центра стереть грани между ясачными холопами князцами и ясачными холопами — их улусными людьми. Одновременно с якутскими тойонами бурятская родовая аристократия старалась добиться признания их званий и, следовательно, прав.¹ Однако, как бы то ни было, разногласия князцов с местной администрацией не выходили за пределы временных противоречий. Поэтому в своих заявлениях князцы и лучшие люди, выступая от имени родов, провозглашают неизменную покорность великому государю, ссылаются на испытанную верность их дедов и отцов и заявляют о своей преданности правительству.

Если от имени своего рода обычно выступают именно князцы и вообще «лучшие люди», то тем не менее было бы непростительной ошибкой проглядеть за их спинами представляемую бурятскими аристократами массу улусных людей, черный народ. Этот народ поставлял из своей среды холопов — парней «мунгальской породы», «мунгальских девок», вроде девки Номей. Он жестоко угнетался знатью, и притом особенно часто под прикрытием общинно-родовых институтов. И этот же самый народ испытывал всю тяжесть междуродовых столкновений и распрей, на него ложилось бремя ясачного платежа, принудительным образом толкавшее бурятское хозяйство по пути некоторой «товаризации» (рассказ Ербугарки о покупке соболей и других ясачных зверей на скот). Наконец, низы испытывали притеснения и грабежи со стороны русского начальства типа Кафтырева и Чемесова.

Само собой разумеется, что тяжелое положение колониального крестьянства, находившегося под двойным — феодальным и ротовицким — гнетом, не могло не вызывать с его стороны недовольства.

¹ Ср. Н. Н. К о з ь м и н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме, глава «Царская Россия и буряты», стр. 105—110.

Показательна для характеристики создавшегося положения челобитная 1695 г. бурят Братского уезда, поданная от имени 27 ясачных иноземцев Братского острога.¹ Они жаловались на приказного человека Братского острога Христофора Кафтырева, что в 1694 и 1695 гг. он посылал их на собственных ясачных людей подводах в Удинской острог для покупки себе соболей и всякой мягкой рухляди в ясачное время. При посылке, от тяжести в пути, пали лошади ясачных людей. Кроме того, Кафтырев посылал ясачных людей в числе девяти человек на Барлуцкую заставу с енисейскими казаками Тих. Кирилловым и К. Борисовым для несения караульной службы. Живя на этой Барлуцкой заставе четыре недели, они «помирали голодною смертию». В 1695 г. Хр. Кафтырев насильно выкосил сенные покосы ясачных и велел им после этого на их же лошадях свозить сено в стоги. По этой причине, «без зимнего корма, скотишко наше, холопей ваших, все выпало з голоду», жаловались буряты. Кафтырев же у ясачного бурята Бодолчейка взял нападками корову; буряты Урмакейко, Сегдейко, Тебелдейко, Мычкгейко и Умудыкейко ставили Кафтыреву «из за мученья» полтораста копен сена и отдали ему по той же причине «быка большово». У Доеки Холзика он взял четыре быка больших, у Содойка Нарекаева отбрал «жеребца доброво», а у бурята Сакуйки — тоже жеребца, «шерстью пегово».

«И теми своими он, Христофор, нападками и мученьем раззорил нас, холопей ваших, в конец и впредь нам, холопям вашим, вашего великих государей ясаку промышлять будет не на чем и купить нечем», обращались к правительству буряты улусники. Они просили защитить их, чтоб «от него Христофора, и впредь от иных приказных людей в конец не раззоритца и вашего, великих государей, ясаку не отбыть и врознь не разбрестись».²

Христофор Кафтырев, как мы видели, брал у бурят подводы для своих коммерческих предприятий,³ гонял по своим же делам людей, грабил у бурят скот, у кого сколько мог, отбирал сенные покосы, заставляя их косить эти покосы и сено метать на него самого, избивал улусников и требовал у них взятки. Совершенно аналогичны по содержанию таким бурятским челобитным и жалобы крестьян Братского уезда, в которых крестьяне тоже жалуются на Кафтырева, что тот их грабит, отнимает скот и хлеб, а также заставляет насильно работать на себя.

¹ Асхибайко Дерднев, Аткуйко Котконов, Андришка Азигидаев, Осейко Дахуев, Оботук Горшев, Болдойко да Молкоца да Бозейка Кайдаевы, Касамайка Тарчиев, Сакирко Бькучин, Болдойко Барсаев, Заректуйко Борчиев, Дагалко Баранов, Залбулко Ирилдиев, Хангайко Илкчиев, Колочейко Табеев, Манулко Камнаев, Урмакейко Напрев, Дочикайко да Халзин Мумуеговы, Садойка Нарекаев, Сегдейко Судукуев, Тебелдейко Кусынетев, Мусыкейко Кылтуйев, Умудыкейка Уныгенов, Кекуйко Боладаев, Бадолчейко Наканов (ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 1254, л. 717).

² Там же.

³ Христофор Кафтырев ездил «на иноземских лошадях» и в Иркутск для отправки своих товаров с караваном в Китай (ГАФКЭ, кн. 951, л. 225, 226).

Прямой грабеж, вымогательство и принудительная эксплуатация труда подвластной сельской и улусной массы со стороны Кафтырева в его личных интересах дополнялись, кроме того, не в меру усердным взысканием ясака и десятинного оброка в пользу царской казны. Кафтырев выдвигал эти свои заслуги в своих челобитных и писал, что он «великому государю служба и радея, у ясачново збору против прежних годов учинил прибыли и у иных всяких денежных зборов потому-ж учинил прибыль... а в Братском остроге на пашенных крестьян на семейных и пожиточных прибавил к пахоте их тягла пятинного отсыпного хлеба, потому что многие пашенные крестьяне явились в Братском в захребетниках, а с пашни в твою великого государя казну пятинного и отсыпного хлеба и инова никакова тягла и оброков не платят и я, холоп твой, по наказу, каков дан мне в Енисейску ис приказной избы, на тех захребетников пахоты и тягла велел прибавить, а иных изоброчить в денежный оброк».¹

Таким образом, борьба массы ясачных людей и фактически закрепощенного государевой казной крестьянства против Кафтырева была по существу и в конечном счете борьбой и против крепостнической эксплуатации со стороны Московского государства, усиленной прямыми грабежами и наглыми насилиями со стороны его доверенных людей в их корыстных целях. Общность интересов могла только способствовать укреплению взаимной связи русского земледельческого населения и массы улусных скотоводов и сказалась в конце концов на событиях в Братском и Балаганском острогах в 1694—1695 гг.

Взаимная связь выступлений ясачных и крестьян не случайна: ее закономерный характер подчеркивается и событиями происходившего в то время красноярского бунта. «В красноярском бунте участвовали преимущественно служилые люди, но «шатость была и между жилецкими людьми города и уезда, между посадскими, крестьянами и ясачными людьми», пишет Оглобин, отмечая притом неизменное сочувствие бунту всех жилецких людей не только втайне, но и явно выражавшееся в подаче челобитных на злоупотребления воевод.

Как указывает Оглобин, весь город и уезд добровольно и охотно признавали власть «выборных судей» в Красноярске, точно так же, как и в Братске. В Красноярске в самый решительный момент 14 ноября 1696 г. по набату с Покровской церкви стали собираться служилые люди с оружием, посадские подгородные крестьяне и ясачные люди. Затем все это «многолюдство с ружьем, с копьями и со знамены» двинулись на приступ² к городокой крепости («малому городу»), где засел «слихой воевода».

Участие ясачных людей в челобитных русского населения на «слихих воевод», совместное с ними подчинение выборному «воров-

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 1254, л. 282; ср. там же, л. 690.

² О г л о б и н, Красноярский бунт, стр. 3, 9, 16, 19, 30, 37 (участие ясачных и крестьян в городском движении).

«скому» начальству и, наконец, участие в вооруженном восстании ясачных людей вместе, плечо к плечу с пашенными крестьянами, — таковы факты объединенной борьбы русского и туземного крестьянства против феодально-крепостнического гнета, выявленные красноярскими событиями 1696 г. и закономерно подтвержденные восстанием в Братском остроге и другими аналогичными событиями того же времени.¹

Еще не изученные полностью, но многочисленные исторические факты свидетельствуют так же, что в Сибири конца XVII в. действительно поднималась какая-то, хотя и слабая, волна подлинно массового движения против установленных и допущенных царизмом порядков и что касается движения крестьян и ясачных — против феодально-крепостнической эксплуатации трудящихся, т. е. своего рода как бы запоздалая сибирская «разинщина», вероятная идеологическая связь которой с движением Степана Разина как бы отражена и наименованием одного из вождей локальной вспышки крестьянского бунта на Лене в Бирюльской слободе «Степаном Разинным».²

Движение девяностых годов XVII в., увязавшее в хронологическую единую цепь волнений красноярский («мятеж»), «бунты» в Иркутске, Забайкалье, Илимске, Братске, Нерчинске, Бирюльской и Чечуйской слободах на Лене, заслуживает внимания исследователей именно в целях выявления совершенно неизученной еще антифеодальной борьбы трудящихся туземных и русских крестьянских масс Сибири на грани петровского времени против царской администрации, ясака и десятинного тягла.

Оппозиционное движение городских посадских слоев, а также выступления «гилевщиков» (бунтовщиков) из числа служилых людей против «лихих воевод», были только эффектными, но поверхностными выражениями этого стихийного волнения масс, и тем более нет никаких оснований сводить к «фронде» служилых людей, к недовольству служилых всю политическую борьбу в старой Сибири, как это прежде делал, хотя бы Оглоблин.

Пути развития антифеодального движения масс старой Сибири во многом еще неясны, но мы уже имели возможность отметить в наших документах о Братском восстании 1696 г. не только дружное сотрудничество русских с бурятами, но даже и обращения, хотя, правда, безуспешные, пашенных крестьян Братского острога к эвенкам Братского уезда с приглашением пи-

¹ К таким же выводам пришел С. В. Бахрушин. В конце XVI в. восставшие вогуличи действовали против Строгоновых, «сговорясь с ворья», «ставаясь с Максимовыми крестьяны». По словам исследователя, «мы имеем дело здесь с совместным выступлением вогуличей и русских крестьян против общего классового врага». С. В. Бахрушин, Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., л., 1935, стр. 19. Нет сомнений, что изучение истории народов Сибири вскроет еще немало подобных фактов.

² Вопрос о бирюльском бунте 1692 г. является предметом специальной работы.

сать челобитные на Кафтырева и тем самым примкнуть к общему движению.

С другой стороны, в тех же документах постоянно встречаются, как показано выше, сведения о союзе между представителями бурятской социальной верхушки и фрондирующими богатыми посадскими людьми, а иногда и местной служилой прослойкой.

Здесь уже намечается как бы неосознанная, но естественная для того времени дифференциация внутри населения, известное размежевание «лучших» и «худших» по имущественному уровню и независимо от национального происхождения, от рода и племени, в процессе борьбы с Кафтыревым.

В связи с вопросом о классовых отношениях, и особенно о «плебейской оппозиции» в братском бунте, чьим лозунгом была, например, боевая политическая поговорка, направленная против самого самодержавия: «как народ голкнет, так и царь умолкнет»¹ и т. д., — заслуживает особого внимания характер челобитной, поданной бурятами на Кафтырева в богоявленьев день 1696 г.

Кто такие были челобитчики, от имени всех бурят жаловавшиеся на приказного, «отказавшие» ему и выбравшие вместе с русскими жителями Братска «воровское» правительство, — мы уже знаем. Это — Асихибайко Дерднев с товарищами, люди незнатные, в роду у которых отсутствовали имена владельцев киштымов и многочисленных табунов — бурятских князюв Букуев, Баяраканов, Омонгуев и т. д. В их лице к Братскому восстанию 1696 г.

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, кн. 951, л. 178, 188, 260 и др.

В одном из документов рассказывается, что когда Христофор Кафтырев вышел на рундук унимать от бунта жителей Братского острога, явившихся с оружием к приказной избе, «ив то де время вышел из них, Братских жителей, один Гришка Безсонов и говорил ему, Христофору, непристойные слова:

«Как де мир встанет, так де и царь ужаснет, а ты де, Христофор, говоришь с нами» (Сибирский приказ, столб. 1254, л. 333; ср. там же, л. 313 и др.).

Григорий Безсонов, он же Микляев, бил позже челом по этому поводу на христофоровых «единомысленников» попа Ивана Васильева, Семена Нополутова, Костку Борисова и других, будто они сказали на него ложно, что он говорил Х. Кафтыреву непристойные слова: «как де мир восстанет, так де и царь ужаснет». Костка же Борисов на пытке сказал, что непристойные слова Г. Безсонова звучали так: «Как де мир голкнет, так де и царь умолкнет» (ГАФКЭ, Сибирский приказ, кн. 951, л. 178—188).

Оба варианта непристойных речей по сути одинаковы и свидетельствуют о популярности такой идеи, противопоставлявшей «мир» царю и оформившейся в виде острой поговорки-пословицы. Совершенно невероятно, чтобы эту поговорку, столь законченную по форме и яркую выдумали специально для данного случая сторонники Кафтырева. Поговорка, которую приводят в своих речах участники событий 1696 г. в Братском остроге, отражает настроения наиболее передовых и крайних «левых» из числа восставших. Разумеется, и эти крайние элементы движения были за доброго царя, с хорошими советниками. Сама же по себе поговорка, приводимая выше, напоминает нам идеологию и судьбу участников знаменитого «медного бунта» в Москве, бравших царя за пуговицы и говоривших с ним от лица народа «невежливо», но и не помышлявших о жизни в государстве без царя.

присоединился именно улусный народ — хара-хуны, черные люди, эксплуатируемые царем, приказными, купцами и своими князьями.

Это явление само по себе входит в историю бурятских восстаний XVII в. на правах наиболее замечательного политического события, оно обозначает по существу кульминационный пункт освободительного движения бурят-монгольской народности в то время, ибо только размежевание с собственной аристократией, готовой на любые сделки с царем или монгольскими ханами, только союз улусников с русским крестьянством могли в этих условиях обеспечить последовательную и сколько-нибудь успешную борьбу бурятских улусных масс с царизмом.

Нужно надеяться, что дальнейшими исследованиями подобные факты будут выявлены полнее и позволят исследователям восстановить действительную картину социальной борьбы того времени, о характере которой мы сейчас можем строить, по наличным немногим данным, только более или менее вероятные предположения. Несомненно, однако, что уточнение наших представлений будет выражаться в уяснении подлинной роли масс в этой борьбе и в точной характеристике связанных с этим фактов.

Движение жителей Братского острога и его уезда в 1696 г. закончилось относительным успехом, который объясняется своеобразной обстановкой той поры. Цепь «бунтов» в сибирских городах и слободах вызвала отправку из центра целой экспедиции, призванной разбирать дела между воеводами и приказными, с одной стороны, и населением, — с другой. Экспедиция дьяков Берестова и Полянского была облечена полным доверием центра и правом казнить даже самих воевод, не отписываясь даже о том в Москву, — такое значение имели сибирские волнения в глазах московского правительства!

При разбирательстве братского дела думные дьяки-ревизоры встали на сторону жителей Братска, и по решению Берестова и Полянского был казнен в Енисейске за составление «подставных челобитен» ближайший сотрудник Кафтырева Ив. Ездоков.¹

В указе Сибирского приказа от 27 июля 1706 г. по приговору кн. Решнина было записано и о самом Кафтыреве следующее: «За насильное ево Христофорово х крестьянским женам и дочерям и девкам воровство, как о том в сибирском приказе в скасках служилых людей писано, учинить ему, Христофору, жестокое наказание — бить ево кнутом при многих людех нещадно и сослать в ссылку в Якутской в казачью службу, а животы ево все взять на великого государя».²

На смену же Кафтыреву и «воровскому» начальству, занявшему его место, пришел, разумеется, новый, назначенный властями приказный, и этим закончилась история «бунта» в Братском уезде.

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, кн. 951, л. 188, оборот.

² Там же, л. 185.

6. ИРКУТСКИЕ СОБЫТИЯ 1695—1696 гг.

Источники

В литературе, посвященной истории бурят-монгольской народности, а также и в работах по истории города Иркутска упоминается так называемый «бунт и побег» бурят под предводительством Петра Тайшина и Василия Степанова в 1695 г., наряду с осадой Иркутского острога «теми же подгородными бурятами» в следующем году.

Без описания и анализа этих интереснейших событий наше изложение фактов освободительной борьбы бурят-монголов Приангарья в XVII в. не может быть полным и законченным, но, к сожалению, неясность этого вопроса и явные противоречия в наличных данных требуют предварительного разбора как показаний некоторых историков, так и самих источников, т. е. вариантов

так называемой «Иркутской Летописи», в которых заключался весь известный до настоящего времени в литературе материал по восстанию Тайшина и осаде бурятами Иркутского острога.

Уже Мартос, один из авторов, писавших в начале XIX столетия, когда повышается интерес к истории Восточной Сибири и выходит ряд посвященных ей исторических трудов и очерков местного краеведного характера, дал очень яркое описание указанных иркутских событий 1695 г. Излагая историю первоначального заселения города, он писал, что «в скором времени внутренние мятежи угрожали сему новому отдаленному русскому городу: боярский сын Петрушка Тайшин с гнусными сообщниками Ванькою Степановым, мунгальским законником Ерденею Ношным и дру-

7. Иркутский острог в конце XVII в. (по гравюре худ. Б. Лебединского).

тими праздными беспокойными людьми сделали бунт, начали грабить, но боясь преследования успели скрыться. Однако-ж, Иркутские казаки настигли мятежников и казнили зачинщиков бунта — Тайшина и Ердению Ноина». ¹

Эти сведения А. Мартоса дословно совпадают с более ранними, опубликованными под инициалами «М. А.» в статье «История Иркутска». ²

Как у Мартоса, так и в последней статье, очевидно, принадлежащей ему же («А. Мартос» — «М. А.», т. е. перемещены лишь буквы?), рассказывается далее о вторичном восстании. М. А. писал, что через 27 лет «после сего происшествия новая опасность грозила Иркутску. Буряты уже давно с завистью взирали на умножающиеся здания в городе, среди их областей воздвигнутом, и когда русские отправились в поход за Байкал, то сии, кочующие по окрестным улусам хотели воспользоваться удалением войска, решившись во что-бы то ни стало, истребить сие ненавистное им место; однако случилось вопреки их расчетам, что малочисленный гарнизон отбил смелый приступ и сие нападение на Иркутск было уже последней». ³

В «Письмах» Мартоса, в примечании на стр. 215, после почти дословного изложения сказанного выше добавлено только, что вторичное восстание произошло в мае — июне 1696 г., а вовсе не через 27 лет после первого восстания. ⁴ К сожалению, в этих обеих работах указания на источники отсутствуют. Позднее о тех же событиях писал Н. Щукин, любопытная статья которого о сибирских воеводах вышла в 1866 г.

Воевода Савелов, по словам Щукина, приказал пойманных в 1695 г. бурят казнить 11 августа 1695 г., но «не ограничиваясь этой легкой административной мерой усмирения монгольского протеста против административного насилия, без всякого сомнения, продолжал свою усмирительную политику. Хотя летопись не передает, что именно делал Савелов с бурятами, но они не даром решились на отчаянный поступок. За 1696 г. в летописи обозначено, что буряты, мучимые и притесняемые воеводой, сделали заговор и, собравшись в большом числе, осадили Иркутск, но как племя совершенно неспособное ни к каким демонстрациям, а тем более к воинским, были отбиты казаками и обывателями». ⁵

Щукин, ссылаясь на свой источник — различные списки Иркутской городской летописи, «в которых благодаря заботливости сибирских старожидов для потомства их сохранились многие любопытные сведения и переданы нам некоторые обстоятельства той тяжелой жизни, которую они изжили в Сибири в борьбе с природой и с людьми, в особенности с дикими выходками воевод и их

¹ Мартос, Письма о Восточной Сибири, М., 1827, стр. 212—215.

² «Северный архив», 1825, № XIII, стр. 27.

³ Там же, стр. 28.

⁴ Мартос, Письма, стр. 215.

⁵ Н. Щукин, Сибирские воеводы, «Дело» № 1, 1866, стр. 6.

преемников в администрации», отмечает, однако, что «и такое крупное обстоятельство, к сожалению, записано так кратко, без всяких подробностей обстоятельств дела».

Сведения начала девятнадцатого столетия и Щукина о «мятеже», связанном с именем Петра Тайшина, а также В. Степанова и Эрдени—Ноина, действительно в основном подтверждаются материалами «Иркутской городской летописи» в ее различных редакциях, частично дошедших до нас и опубликованных в печати. Вместе с тем остается и много неясного.

Иркутская летопись, или, точнее сказать, летописи, известны главным образом по опубликованному Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества (ВСОРГО) труду Пежемского и Кротова, с одной стороны,¹ по басниинскому тексту, названному так в связи с именем владельца рукописи купца Баснина, изданному Головачевым, — с другой,² хотя существовали и другие еще неопубликованные списки летописи.³ Историей Иркутской летописи занимался И. И. Серебренников, располагавший значительным и весьма интересным материалом по этому вопросу. Из его материалов и из текста летописи, сохранившегося в двух общеизвестных редакциях последней, становится ясным, что ядро летописи, ее первоначальная редакция, восходят к XVIII в.,⁴ а составители летописи принадлежали, если не к именитому купечеству города, то к очень близким к нему слоям, во всяком случае к старожилу населению города.⁵ Связь старой купе-

¹ П. И. Пежемский и В. А. Кротов, Иркутская летопись, с предисловием и примечаниями И. И. Серебренникова, Иркутск, 1911.

² Сборник «Первое столетие Иркутска», под редакцией П. М. Головачева, Иркутск, 1902.

³ Один из них хранится в Иркутском музее; другой в рукописном отделении библиотеки Академии наук СССР под шифром 1. 5. 90 (нов. 5447). См. Описание рукописного отделения библиотеки АН СССР, т. 3, вып. I, Л. 1930, стр. 136.

⁴ Заслуживает внимания «Предупреждение» к «Иркутскому летописцу» библиотеки АН СССР (см. выше), где сказано, что подлинник рукописи «кем веден неизвестно», а «отыскан оной в Иркутском губернском архиве в деле, начавшемся в 1764 г. февраля 23 числа по насланному из Правительствующего Сената от 29 октября 1763 г. в бывшую Иркутскую канцелярию указу, предписывающему о доставлении в Академию наук каждому правительству, в том числе и оной канцелярии географического известия для сочинения российского атласа, из коего все те деятельности для любопытных замечателей здесь (в копии — А. О.) и выписаны, которые уповательно могут быть справедливыми, тем наиболее, что об некоторых бывшие в то время самовидцы и памятовавшие старожилы иркутские в нынешних годах точно уверили и засвидетельствовали» (библ. АН СССР, рукоп. отдел., № 1. 5. 90, нов. 5447).

Отсюда следует, что уже в 1764 г. имелся текст рукописной летописи, которая размножалась во многих списках и продолжалась в позднейшее время. Так академический экземпляр летописи доведен до 1794 г. и принадлежал прежде иркутскому губернатору Ив. Алф. Пиль, тогда как оригинал, о котором говорится в «Предупреждении», был, видимо, закончен перепиской в 1764 г.

⁵ Следует указать лишь, что в иркутском музее и библиотека имеются месяцесловы купцов с погодной записью событий иркутской жизни, были

ческой фамилии Иркутска — Басниных — с одной из редакций летописи, обозначение «щегоринской» редакции по имени купца Щегорина и т. п. также косвенно указывают на среду, которая создала и хранила все эти родственные друг другу редакции Иркутской летописи.

Эта среда объединяла в XVIII—XIX вв. потомков прежних посадских и служилых людей, а также и церковников, связанных экономическими, бытовыми и прочими связями. Она сохраняла устные предания о прошлом и долго берегла свою «живую старину». В этой среде были не только грамотные, но и высокообразованные для Сибири того времени люди. Таков позже Баснин, а до него Дудоровский, обладавший первой в Сибири оранжереей и великолепной библиотекой. Об уме и образованности этих (хотя и немногих) людей с восторгом отзывались приезжие чиновники из центра, которых поражала не только пышность китайских предметов роскоши, украшавших дома иркутских купцов, но и библиотека того же Дудоровского.

Внешний блеск роскоши именитого купечества и пышность города, точнее — купеческих домов и церквей, расцвет этой «купеческой культуры», особенно в конце XVIII в., на фоне дикой и беспощадно угнетаемой окраины — объяснялись рядом экономических причин.

Одна из главнейших причин роста Иркутска заключалась в том, что Иркутск стал тогда не только узлом транзитного торгового с Китаем, крупным административным центром, но и резиденцией крупнейших акционеров Российско-Американской компании. Даже автору «Воздушного тарантаса», живого и яркого очерка о Иркутске первой половины XIX в., были ясны эти факты, и не менее ясны они были для самих купцов — именитых граждан Иркутска. В уста Дудоровского этот автор вкладывает слова, которые и на самом деле могли быть им сказаны: «Если вы видите в Иркутске прекрасные каменные здания и дома граждан, гостинный двор, божьи храмы, все это — плоды торговых приобретений в отдаленных местах северо-востока материка Сибири. Город этот принял физиономию настоящего города и начал оживать в это время открытия Алеутских островов, т. е. с половины прошлого столетия, а до той поры Иркутск был ни больше ни меньше, как обыкновенный сибирский острог, укрепленный в гнезде многочисленных племен, волновавшихся междуусобными раздорами и дышавших сродною им непримиримую ненавистью к русским».¹

По существу и сама Иркутская летопись в значительной мере (тем более в самых поздних ее вариантах, хотя и явно всходящих по источникам к более раннему времени, чем вторая половина

и купеческие семейные хроники и т. п., т. е. своего рода историческая местная рукописная литература, к сожалению, почти неизвестная в науке.

¹ М. Александров, Воздушный тарантас, или воспоминания о поездках по Восточной Сибири, «Сборник историко-статистических сведений о Сибири», т. I, 1875, стр. 1—44.

XVIII в.) была связана с отмеченным общим подъемом г. Иркутска, начавшимся в половине этого столетия. Отмеченное в приведенных словах Дудоровского сравнение старого Иркутска с новым показывает корни внимания самой просвещенной части иркутского купечества к прошлому своего города, к своей собственной истории, и разъясняет побуждения, руководившие вдохновителями и авторами Иркутской летописи. «Летописцы» отражали в своих трудах развитие самосознания передовой, наиболее культурной части купечества, они опирались на его местный «патриотизм» и чувства, росшие вместе с общими успехами купцов, которые все более и более входили в силу, приближаясь еще в XVIII в. по своему положению к той отвратительной монополистической олигархии XIX в., о которой с негодованием писал А. П. Щапов.

Сказанным объясняется особое критическое отношение, которого заслуживает Иркутская летопись во всех ее явно неодновременных редакциях, и особенно наиболее поздних,¹ как исторический источник, в частности как источник о восстании Петра Тайшина, очевидно, также учтенном в словах Дудоровского насчет монгольских племен, «волновавшихся междуусобными раздорами и дышавших сродною им непримиримою ненавистью к русским». Что касается источников самой летописи, в басинской и кротовской редакциях, то поскольку речь в ней шла о событиях XVII в., ее авторы пользовались, очевидно, устными сведениями, старинными летописными записями и т. п., но они могли иметь доступ и к архивам, что, естественно, не может не отразиться в передаче тех или иных событий, в особенности их деталей и дат, в зависимости от того, на какой материал опирались составители одного из текстов летописи. Разночтения этих текстов представляют поэтому большой интерес, позволяя ближе подойти к восстановлению не только истории летописного текста, но и действительных фактов.

Переходя к летописным известиям о «бунте бурят», следует указать, что в первом издании летописи Пежемского и Кротова, печатавшемся в «Иркутских губернских ведомостях», относительно событий, связанных с именем Петра Тайшина, было сказано следующее: «1695 г. августа 11-го ясачные П. Тайшин и Иван (он же и Васька) Степанов с 40 чел. бурят бежали из подгородных селений по дороге к Тунке, захватив с собою городской конский табун. За ними послана была погоня из вооруженных казаков, которые отбили половину табуна. Беглецы, быв поражены военною рукою, взяты в плен и из них бунтовщики в числе 10 человек осуждены на смерть: они повешены». А дальше сообщается: «В 1696 г. Иркутск выдержал осаду от бурят, скопившихся из близ лежащих кочевьев и сделавших набег; но попытка бурят ограбить жителей осталась без успеха и не имела никаких важных последствий».²

¹ Опубликованы два варианта летописи, но в XIX в. их было, повидимому, больше.

² «Иркутские губернские ведомости», отдел II (неофициальный), 22 мая 1858 г.

В баснинском же списке, после рассказа о появлении под стенами Иркутского острога в июне 1696 г. забайкальских казаков, устроивших бунт, сообщается лишь, что в 1696 же г. 11 августа «из иркутских подгородных улусов новокрещенные сын боярской Петрушка Тайшин и Васька Степанов, да с ними мунгальская законница Эрдени-Тоин да мунгальских выходцев 40 человек, изменя, бежав и отогнали у разных чинов конные табуны, за которыми из Иркутска посланы были служилые люди, кои, нагнав их, учинили с ними бой; и на том бою из служилых одного убили да одного служилого же и двух братских ранили, однакож половину табуна от изменников отбили и потом паки за ними погнались; и не доехав до Тункинского острогу, догнав, учинили вторично бой, на коем Петрушку и законницу, также и других побили, да десять человек в полон взяли и привезли в Иркутск, кои и казнены смертью». ¹

В отличие от первого, этот текст отличается более архаичным складом речи и обилием весьма существенных деталей, в нем имеются такие обороты, которые напоминают язык официальных документов XVII в., но в то же время отсутствуют характерные для летописи Кротова — Пежемского чисто литературные выражения первой половины XIX в.

При сравнении двух главных вариантов Иркутской летописи в первую очередь заслуживает внимания совпадение и расхождение дат восстания Тайшина в летописях по обоим вариантам. Совпадая в числах и месяцах (11 августа), баснинский и кротовский варианты дают разные годы для восстания; в баснинском 1696, в кротовском — 1695.

Учитывая, что такое совпадение месяца и числа может быть объяснено только общностью исходного источника, возможно письменного документа, следует, однако, поставить вопрос: где именно налична ошибка в обозначении года — у Кротова или у Баснина, хотя число и месяц восстания не подлежат сомнению на основе дружных показаний обоих текстов. Далее, по летописям неясно, кто такие были вожди восставших Петр Тайшин, В. Степанов, загадочная законница или законник «Ердения», из кого вообще состояли восставшие и какова была в нем роль бурят, с одной стороны, и монгольских выходцев, — с другой. Особенно же интересен вопрос о втором бурятском восстании, которое не упомянуто в баснинском и академическом списках, но зато прикрепляется к 1696 г. у Кротова — Пежемского, а у М. А. отнесено на 27 лет спустя, т. е. падает на 1722 год!

Что это было за восстание, почему оно состоялось вновь, хотя бы в 1696 г., после побега и неудачного восстания В. Степанова,

¹ Сборник «Первое столетие г. Иркутска» (см. там «Летопись губернского города Иркутска», Иркутск, 1902. В «Иркутском летописце» (библиотека АН СССР, 1. 5. 90, нов. 5447) под 1695 г. дословно передан тот же самый рассказ, причем в нем точно так же отсутствует сообщение о вторичном восстании бурят.

Ердени Тоина и Петра Тайшина? Причем здесь эти последние лица, про которых в басинском списке и у Мартоса сообщается, что они побиты казаками?

Все эти и некоторые другие вопросы неизбежно должны встать перед исследователем, пытающимся понять историю восстания Петра Тайшина с его товарищами в Иркутске конца XVII в. Тексты Иркутской летописи в ее двух редакциях и примыкающие к ним сообщения Мартоса, М. А. и других, чрезмерно, однако, лаконичны и слишком противоречивы для того, чтобы решить только по ним вытекающие из них вопросы, а что касается поздних списков летописи, то они могли, несомненно, подвергнуться искажению в позднейшее время, а потому требуют проверки.

Немногие исследователи, ставившие эти вопросы на материалах одних летописей, часто вынуждены были исходить из собственного воображения и руководствоваться интуицией, так как не были в состоянии дать самим себе отчетливый ответ: почему они избирают тот или иной путь? Уже в «Письмах» Мартоса мы видим пример расцветивания пышной словесностью канвы скупого на детали первоисточника, которым был, как мы видели, очевидно, басинский (наиболее полный) список или другой текст летописи в очень близкой к нему редакции. Новейшие исследователи тоже вынуждены прибегать к гипотезам и рискованным допущениям, объявляя, например, «мунгальскую законницу» Иркутской летописи буддийской монахиней-шабаганцей. К сожалению, наличный печатный материал так скуден, что новые более или менее правдоподобные толкования его вряд ли возможны, и для догадок исследователей почти не остается места.

Поскольку же круг опубликованных источников ограничивает, по сути, исследователя двумя версиями с общим ядром и несходными, но весьма существенными, деталями, возникает обычное и вполне естественное желание свести их в новую сводную редакцию, включающую особенные детали каждой и устраняющую лишь их явные противоречия, причем основой обычно служит ставший известным раньше всех и уже сводный вариант Пежемского и Кротова, как пользующийся благодаря переизданию его в «Трудах Восточно-Сибирского отдела РГО» значительной популярностью, а вдобавок и наиболее лапидарный по форме, отбрасывающий второстепенные детали, прямо указывающий на бурят как на повстанцев и кратко отмечающий повторное восстание с осадой острога, как будто бы случайно пропущенное басинским вариантом.

После Щукина еще Щеглов в свое время, опираясь, видимо, именно на опубликованную в «Иркутских ведомостях» летопись Пежемского и Кротова, отметил для 1695 г. восстание бурят под начальством П. Тайшина и В. Степанова, которые будто бы сделали нападение на Иркутск, но были отбиты, после чего 10 человек повстанцев было повешено. Под 1696 же годом он отмечает безуспешную осаду Иркутска бурятами под начальством П. Тайшина и

Эрдения Ноина,¹ которые, кстати, в этой роли никем больше не упоминались.²

Сравнение текстов обоих летописных источников показывает неправомерность подобного подхода, необходимость новой постановки намеченных выше вопросов и пересмотра обычной схемы, сухой и бледной, отражающей, по нашему мнению, скорее всего не историческую действительность, а поскольку речь идет о старых историках XIX в., — обычное еще для времен Дудоровского представление о «диких бурятах», побуждаемых своей ненавистью к россиянам к постоянным возмущениям. Уже одно сопоставление красочной, богатой именами и подробностями быта версии басинского списка, придающими ей оттенок рассказа очевидца, с текстом Пежемского — Кротова, приводит к мысли о необходимости пересмотра вопроса, с привлечением каких-то иных, новых данных. Поскольку круг летописных известий исчерпан, а фольклор вряд ли что может дать, будучи видимо использован в полном объеме еще иркутскими летописцами и старыми писателями, и вдобавок успел с тех пор исчезнуть, — остаются лишь письменные, архивные источники. И этот письменный материал действительно дает некоторую возможность не только пересмотра вопроса, но и иного, чем было принято прежде, разрешения намеченных выше противоречий в основных анализированных выше источниках и работах.

Как в использованных нами архивных материалах, относящихся к Иркутску конца XVII в. и хранящихся в Историко-Археографическом институте АН СССР, так и в миллеровских копиях дел Иркутского, Верхотурского и Нерчинского архивов содержится ряд ценных указаний, проясняющих, вместе с басинским текстом летописи, основные факты событий, происходивших в Иркутске в восьмидесятых-девяностых годах XVII в.

БУНТ И ПОВЕГ ПЕТРА ТАЙШИНА

Одним из первых возникающих у нас вопросов является вопрос о личности вождя восстания 1695—1696 гг., новокрещена П. Тайшина и новокрещенного же В. Степанова, а также и таинственной «законницы», которую в литературе именуют то Эрдени-Ноин, то Эрдениноин, или Эрдени-Тонн, то даже Ирдени-Коин.

Обратимся по этому поводу к документам из собрания Миллера.

В 200 (1692) г. «на Москве» был крещен в православную веру с именем Василия посол монгольского тайши Мерген-Ахая Бодой. В поощрение и для примера остальным, Бодю дали 10-рублевый

¹ Щеглов, Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, Иркутск, 1883.

² В «Очерках» М. Н. Богданова, в примечании 194 к главе «Завоевание русскими добыкальской Бурятии» приведена, впрочем, по Щеглову ссылка на двукратное восстание бурят и участие в последнем восстании Эрдени-Ноина.

годовой оклад деньгами, а хлебом вдвое против обычной нормы. Служить новокрещенному положено было в Селенгинске.¹ В Селенгинске, однако, ему служить не пришлось. 16 сентября 1693 г. иркутский воевода И. П. Гагарин писал в Москву, что не посмел отправить новокрещенного служилого монгола в Селенгинск, вследствие бегства из этого украинного острога Мерген-Ахая «с ыными подданными мунгальскими тайшами», а велел служить Василию в Иркутском остроге — подальше от монгольских степей. Москва грамотой подтвердила решение Гагарина,² приказав «жалованье давать в Иркутску из иркутских доходов и в окладных имянных книгах имя его написать с его братьею вряд, а того над ним, Васильем, смотреть и беречь накрепко, чтоб он, Василей, православной христианской вере навывкал и по заповедем господним хранил и церкви божией ходил почаству и во святые посты постился и у отца духовного исповедался и святых тайн причащался и в Мунгальскую землю, изменя, не збежал».

Рассказ о бегстве Тайши-Мергена и несколько неожиданная, после религиозно-православной стандартной инструкции о мерах к спасению души новокрещенного Василия, концовка, где звучит весьма реальное опасение, чтоб он «изменя, не збежал», разъясняют до некоторой степени его роль в событиях 1695 г. и вводят нас в запутанный клубок этих дел. Поселение Мерген-Ахая под русским подданством и на русской земле обусловлено было нашествием чжунгарского завоевателя Галдана-Бошокут-хана на Халху. Мерген-Ахай, принявший не только русское подданство, но и православие, был одним из многих монгольских князей и зайсанов, укrywшихся в пределы России от халхасского «лихолетия». Их приход в русские пределы носил характер катастрофического бегства от феодальной усобицы, от военного погрома.

Погром этот грозил лично тайшам. Со слов чжунгарских слов русские воеводы передавали недвусмысленные угрозы Галдана «искоренить без остатку» монгольских феодальных владель-

¹ Обстоятельства дела были таковы. В 1691 г. «Мерген-Ахай-Тайцы» заявил, что «он богу молится и креститься хочет», с условием не давать подвод и исану 7 лет, ибо прикочевал в Селенгинску «повольно». Кроме того, он просил сделать ему «в Селенгинском хоромь», дать пицаль, да саблю. Москва велела дать ему хлебного жалованья вдвое, денег 20 рублей, а его зайсанам по 7 рублей, хлеба вдвое и соли по 2 пуда. Самому Ахаю из Москвы была «сабля дана в 17 рублей новая острая булатная, ножны — хоз черной, оправа и крыжц серебряные с чернью под золотом на турецкое дело», роскошная пицаль и т. д.

Посл Мерген-Ахая Бодой Дайчинов, рассказывает грамота, «бил челом Вел. Гос., чтоб его крестить в христианскую православную веру на Москве... а во крещении имя ему Василей, а восприемником от св. купели был ему стольник наш княж Степан кн. Иванов сын Шаховской, а для восприятия православной веры христианской зделано и дано на Москве тому посланцу платья по цене на 23 руб. 10 алт.». Отсюда и отчество (Степанов) у Васьки Степанова» Иркутской летописи (архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, Списки Иркутской и Верхоненской архивы, № 18, 19).

² Там же, «Списки Иркутской архивы, № 54, л. 121 (от 23 декабря 203 г.).»

цев, чтобы завладеть их уделами. Естественно, что «монгольские сайды бегут в пределы тогдашнего русского царства, надеясь получить земли в вечное пользование вместе с народом пришедшим с ними», как вполне определенно указывает Б. Я. Владимирцов, ссылаясь на бурятскую хронику Азиатского музея.¹

Гордые тайчи даже меняли веру, родичи Чингисовых потомков шли на «вечное холопство», с одним только условием: сохранить за собой улусных людей.² Что касается последних, то в 1689—1690 гг. вышли «от наступления воинского поведения на них государевых ратных людей многие мунгальские разоренные люди мяхочины, вышед в сторону нашего великого величества в города в Удинской и в Селенгинской и на заимки, живут меж русскими людьми по улицам и во дворах многолюдством, юрт по 60, и чинят утеснение великое — крадут лошади и рогатый всякой мелкой скот». Хотя «ты де их отсылал», как пишут из Москвы воеводе, «кочевать на Бургузинские степи, и в то же степное место кочевать они не идут, что де им в степи помереть голодной смертью, а служилым людям и всяких чинов тамошним жителем от них, мяхочин, жить опасно, и нашей великого государя казне прибыли от них никакой нет, и впредь де с них никаких сборов не чаять потому, что де они люди нищие».³

Здесь, разумеется, речь идет не о тайшах и зайсанах, получавших двойные служилые оклады, а об улусной массе, о низах, разорившихся вконец и дошедших до перспективы голодной смерти в голодной степи, куда их гнало русское начальство.

Под знаком этого разделения «мунгальских выходцев» на степную аристократию и на улусную массу, т. е. людей из «черной кости» (хара яган), и идут дальнейшие события.

Условия пребывания «под высокой царской рукой» заставили прежде всего черных людей «мяхочин»⁴ искать спасения от голодной гибели в обратном бегстве из гостеприимной царской Руси, где на пришельцев смотрели только с точки зрения выгод для госу-

¹ Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов*, стр. 161. Большое внимание монгольским делам восьмидесятых-девяностых годов XVIII в. уделил Н. Н. Козьмин в книге: *К вопросу о турецко-монгольском феодализме*, Иркутск, 1934. См. также М. Н. Богданов, *Очерки истории бурято-монгольского народа*, Верхнеудинск, 1926, стр. 67—76.

² История побега изложена в челобитье иркутян (см. архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, Списки Иркутской архивы, № 60).

³ Там же, л. 121.

⁴ По соображениям Ц. Жамцарано, которые он любезно изложил в устной беседе с автором, слово «мяхочин» может быть видоизмененным на бурятский лад монгольским термином, имеющим буквальный смысл: «мясоеды», «сыроядцы», а в относительном значении — «изменники».

В русские документы этот термин явно проник через толмачей, знавших монгольский язык, и, судя по контексту, употреблялся в официальной переписке с тем же значением, что и русское «изменники, воры и бунтовщики». Люди феодальной Монголии и Московского государства имели, по сути, общий язык и хорошо понимали друг друга («изменниками» же беглецы могли быть с точки зрения сторонников Галдана, а позднее и русских, когда уже произошел побег 1695 г.).

даревой казны да начальственных карманов. Это был основной повод для бегства и «измены» массы монгольских выходцев девятидесятых годов XVII в.

Чрезвычайно интересно, что в отличие от черных людей «белая кость» иногда не очень охотно отказывалась от царского «жалованья» и расставалась с царскими владениями, где она сразу стала вровень с сибирскими дворянами и детьми боярскими. Вот, например, как обстояло дело с побегом в монгольские кочевья улусных людей Окин-Зайсана: в то время как улусники задумали побег, Окин-Зайсан (Ухин-Хонтогор) был у воеводы. По приезде улусные люди и шуленги рассказали ему о бегстве других монголов и изложили план побега. При этом улусники заявили своему владельцу, что у них все изготовлено для бегства и сборы закончены. Однако, Окин-Зайсан отговорил своих людей от побега, а сам немедленно послал казака-гонца к воеводе с известием о степных событиях. Но, спустя некоторое время, когда бурят окин-зайсановых улусов воевода сослал в голодные баргузинские степи в целях предотвращения побега, улусная черная кость не выдержала. «Идучи на Баргузинские степи, на Курбе реке улусные ево Акинины люди, спаметовав прежнюю шатость, рнясь на него, Акинню, разорив ево и убив провожатых четырех человек служилых людей, да ближних ево сродичей шесть человек, и у него Акини жен и детей по себе разобрав, бежали в мунгальскую землю и привезли ево к тайше, к Ерденитойну». ¹

История Окин-Зайсана, как его называют русские документы, или по фольклорным данным и летописям бурят — Ухин Хонтогора, чрезвычайно показательна для понимания вопроса о «мунгальских выходцах» Иркутской летописи и внутренних взаимоотношениях между выходцами. Личность этого Окин-Зайсана известна довольно хорошо по роли, которую он играл позже в Забайкалье. Сначала Окин-Зайсан, в числе табунутских зайсанов, находился в подчинении у монгольского феодального владельца тайши Ерки-Белая (Бейлэ?), в качестве вассала. В 204 г. он отпросился у Ерки-Белая со своим родом «кочевать к лесу для промыслу ясака». ² В это время в Халху вступили войска Галдана и, пользуясь замешательством в монгольских улусах, Окин-Зайсан бежал на Русь, к воеводам. ³

Когда же вышедшие в это время к Удинску и Селенгинску монголы стали возвращаться обратно, Окин-Зайсан, как мы видели, не захотел идти к своему прежнему владельцу. В первый раз, когда его собственные улусники хотели бежать в Монголию, он отговорил их, а во втором случае они его связали и привезли к «Ердени-Тойну», который передал его своему брату. Брат же «Ердени-Тойна» отдал Окин-Зайсана прежнему владельцу его тайше Ерки-Белаяю.

¹ Списки Иркутской архивы, № 63, л. 119—121.

² Архив АН СССР, ф. 24, оп. 4, Списки Верхотенской архивы, № 63.

³ Ср. ИАИ АН СССР, Иркутские дела, Столб. 1697—1698 гг.

Над Окин-Зайсаном смеялись позже Бинту-Ахай и Мерген-Ахай, табунутские тайши, что он отъехал от Селенгинска «не без разоренья и без лутчево своего сына», который остался у Д. Многогрешного в аманатах. И вообще Окин-Зайсан был в плохих отношениях с другими табунутскими владельцами: жена тайши «Сирень-Секулая» Шамазабья жаловалась, например, на него в «зажигании огнем степи со всех сторон и о стрелянии их и о пограблении брошенного скота и лошадей». ¹

Повидимому, когда счастье повернуло на сторону монгольских крупных феодалов, укрывшихся от Галдана под рукой манчжуро-китайского императора, когда они стали даже оказывать всемерное содействие своим вассалам в поисках и возвращении их улусных людей, Окин из-за трений с другими зайсанами и тайшами все же предпочел остаться у царя в подданстве. Лично самому Окин-Зайсану жилось в пределах России не хуже, чем в Монголии, а до улусников ему дела не было. Он заботился лишь о сохранении их под своей властью, потому только, что, во-первых, обладание зависимыми людьми делало его значительной персоной в глазах русских властей, и во-вторых, потому что кормился Окин-Зайсан поборами со своих улусных людей.

Конфликт между Окинем и его улусными людьми чрезвычайно ярко рисуется бурятскими преданиями и показывает, как жестоко и предательски отомстил он им по своем возвращении в Россию за побег, и за то, что они осмелились его связать и вывезти в Монголию.

В передаче Юмжапа Лумбунова одно предание гласит: «Селенгинский Цонгол Укин-Хонтогор тоже, перебежав из Монголии, сделался русским подданным. Многие родные его с женами и с детьми, прибыв на Ключ Укин и ближние к нему лесистые места, просили его, как ранее познакомившегося с русскими, ходатайствовать о принятии их в подданство России. Укин обнадежил их, но вместо ходатайства отправился в Селенгинский и Итандинский остроги, заявил тамошним властям и войскам, что посланные за ним в погоню из Монголии войска остановились на Ключе Укин и в тамошних лесах и просил прогнать их. Русские войска, прибыв на указанное место, вступили в битву с пришедшими; одна молодая женщина, невестка Укина, схватившись за патвею его лошади, умоляла его спасти ее и взять. Укин, посадив ее на свою лошадь сзади себя, спас ее; после он женился на ней и имел от нее 8 сыновей и дочерей. За это сражение Укину пожалована пушка и плотина (?)». ²

Сведения Ю. Лумбунова полностью подтверждены и официальными документами. Когда Окин-Зайсан («табунуцкой Батур-Окин-Зайсан») отговорил своих родичей от их «злого намерения» бежать в Монголию и послал с вестью к русским властям толмача П. Киргиза, к нему было прислано 300 нерчинских бурят и 250

¹ Архив АН СССР, Списки Иркутской архивы, л. 23.

² Ю. Лумбунов, Поколения селенгинских бурят, «Записки ВСОРГО по этнографии», т. 1, вып. 2, Иркутск, 1899.

служилых людей. Табунуты-беглецы якобы поворотили поэтому обратно на Русь, а затем, «убоясь, почали бегать по каменю», т. е. разбежались по горам уже после разгрома, устроенного соединенной ратью казаков и Окин-Зайсана, который перед тем вызвал их, как своих сородичей, в русские пределы и обещал оказать заступничество.¹ Предательство Окин-Зайсана по отношению к улусным людям — своим сородичам — и его верность царю вскоре получили заслуженное полное вознаграждение со стороны последнего. 11 марта 1708 г. он получил указ, в котором писалось: «Велено тебя писать тайшею и давать тебе нашего великого государя жалованья по 20 руб. на год, да тебе ведать ясачных мунгальских и брацких людей, которые кочуют по Селенге реке и надсматривать над ними надежно, чтоб те иноземцы ясак платили сполна и шатости никакой не чинили, а буде ты в тех иноземцах усмотришь какую шатость или измену и в ясачных платежах и промыслах нерадение и тебе-б о том подавать в иркутской стольнику и воеводе Л. Ф. Синявину с товарищи письма за рукою, а по тем письмам им, воеводам, о том разведывать подлинно со всяким прилежаньем». Характерна приписка, показывающая взаимоотношения Окин-Зайсана, объявленного указом тайшей, с его улусниками: «А самому тебе тем иноземцом никаких обид и никакого утеснения отнюд ни в чем чинить не велено... А буде ты по своей обычности тем иноземцом учинишь какую обиду и нападки, и ни в чем остерегать их не учнешь или учнешь с ними заодно чинить какие непорядки и шатость, и тебе от нас, великого государя, быть в опале и в разоренье быть без всякого милосердия».² Старые «обычности» Окин-Зайсана, теперь назначенного тайшей, включали и его усердие к выполнению поручений царских властей и склонность к грабежу и «нападкам» на улусных людей, для которых он был феодалом-насильником.

Окин-Зайсан был далеко не одинок в этом отношении. Имеются и другие, вполне аналогичные, факты, рисующие сходные взаимоотношения мелких монгольских феодалов с массой улусного люда. В это же время шел на Русь, например, некий тайша Контогон Батуров, но улусные его люди ограбили своего тайшу и разбежались во все стороны,³ как гласило донесение местных властей. Позднее сообщалось про тайшу Хандук Ирки Батура сына тайши Далай Батура (очевидно, про того же «Контогона»), что он кочевал на «Кулюрюне» (Керулэн?) и Радуй-реке во главе улуса из 10 000 человек, был погромлен войсками Галдана и потому бежал к китацам, откуда и перешел на Русь в 204 г., имея при себе лишь 60 человек улусных людей, да 130 коней, 20 верблюдов, 30 скотин рогатых, 100 баранов.⁴

¹ Списки Иркутской архивы, № 53.

² ИАИ АН СССР, Иркутские дела, 1708; ср. Списки Иркутской архивы, № 11.

³ Архив АН СССР, ф. 21, Списки Иркутской архивы, л. 135, об.

⁴ Там же, № 64, л. 136.

Вполне вероятно, что под именем тайши Шандукугуна упоминается еще в одном документе тот же самый злополучный перебежчик, о котором здесь рассказывали, как он отложился от Богдохана с иными семью монгольскими тайшами и увел с собой на Русь 700 человек улусников, из которых 640 отделилось от тайши, не желая идти в русское подданство. Отделившиеся 640 человек отбили у тайши весь рогатый скот и лошадей. Тайша обратился в Нерчинск за помощью. В ответ на челобитье нерчинские служилые, «взяв того тайшу с собою в вожи, пошли на тех ево улусных людей для своих пожитков в поход войною, и тех де ево улусных людей розвоевали, и побрали себе в полон робят мужеска и женска полу много, и тех робят привезли в Нерчинск». Когда китайцы потребовали вернуть перебежчиков обратно, нерчинские служилые «утаили тайшу», но продавали зато китайским послам, приехавшим по этому делу, погромных людей за дорогую цену, хотя по словам воеводы Савелова послы покупали ясырь «неведомо для какого вымыслу». ¹ На выговорные речи Савелова казаки отвечали бранью, «ругаясь нащему великих государей указу и ево Афанасья, безчестя всячески». ²

История — во всем основном сходная с приведенным выше, по бурятскому преданию, описанием похода Окин-Зайсана с казаками на возмутьившихся улусных людей!

Мы знаем, как беспомощны были под гнетом феодалов улусные массы истерзанной этими феодалами и внешними войнами Монголии. У Б. Я. Владимирцова прекрасно сказано об этом: «Феодальные цепи были настолько тяжелы и надеты так искусно, опутывая все явления жизни, что простым харачжу невозможно было подняться против гнета сеньёров и тех, кто был с ними». Владимирцов указывает, что «самой обычной и доступной формой сопротивления сеньёру был уход, откочевка, но и эта форма протеста не всегда была возможной». ³ Сеньёры объединялись для погони за крепостными одного из феодалов и принимали меры к их выдаче владельцам. В данном случае первоначальный успех отмеченных попыток был связан с особым положением, созданным военным временем и разгромом монгольских феодалов, а также переходом Окин-Зайсана и Шандукугуна на сторону русских. Открыто клас-

¹ Повидимому, Хандук-Ирки-Батур и цзасак Сэцэн-хановского аймака Ханду, о котором рассказывают монгольские хроники, — одно и то же лицо. Последний был известен «своими смутами» и, опасаясь суда манчжурского правительства, задумал бежать к русским, принудив к тому еще и другого тайчи Цзамбала с его данниками. Разбитый при побеге, Ханду все же успел приблизиться к русским границам и от реки Борзи пришел к русским властям. Те, по сообщению монгольских источников не приняли Ханду, и он с 500 данниками перекочевал на Онон в урочище Ийэхэ-Арал, после чего спустя некоторое время был схвачен русскими, выдан манчжурам и последними казнен. См. А. П о з д н е в, Монгольская летопись Эрдэнийн-Эрихэ, СПб., 1883, стр. 240.

² Списки Иркутской архивы, л. 136.

³ Б. Я. В л а д и м и р ц о в, Общественный строй монголов, стр. 173. См. его указания на бурятские хроники и т. д.

совый характер отмеченных активных выступлений черных людей против тайш особенно важен, как и ожесточение, с каким велась борьба господ против восставших улусных людей, «черных галок», как их именовали еще герои чингисовой поры.

Тактика самих тайш в событиях конца XVII в. четко отражена не только русскими документами, но даже их собственными словами. Тот же Хандук Ирки-Батур вышел от богдохана в Нерчинск потому, что «Богдойской де хан хотел ево тайшу и улусных людей захолопить в вечное холопство». ¹ При обратном же переезде к манчжуро-китайцам тайши говорили русским, что им «у прежних владельцев жить привольнее». И действительно, выгода от возвращения к прежним владельцам была явной. Последние отчасти, гарантировали своим прежним вассалам возврат даников, разбежавшихся по разным улусам Монголии во время смутений. Это обеспечивалось и действовавшим феодальным правом, ибо «владетельный феодал имеет в своем распоряжении харачжу так же, как имеет скот и прочее имущество». ² Согласно ойратским законам никто не мог укрывать беглеца-крепостного в своих улусах. ³ После принятия маньчжурского подданства новый верховный владетель Монголии окончательно закрепил, как известно, за степными феодалами их данников и тем привлек их на свою сторону, в отличие от русских властей, отпугнувших тайш званием «вечных холопов» и установлением ясачного оклада для их улусных людей. ⁴ Естественно, что теперь уже не было и речи о желании богдыхана захолопить тайш с улусными людьми!

Сказанным характеризуется в общих чертах положение на Руси и внутренние отношения «мунгальских выходцев», о которых пишет Иркутская летопись. ⁵ В описанной обстановке происходили и те события, которые связаны с деятельностью лиц, отмеченных в летописи, — новокрещена В. Степанова и П. Тайшина, — и с побегом мунгальских выходцев из Иркутска.

Летопись не сообщает лишь, что последнему предшествовал массовый побег с Селенги монголов-выходцев, о котором Демьян Многогрешный, бывший украинский гетман, писал китайскому трибуналу из Селенгинска, что в 1694 г. «месяца апреля 19 числа нашего Белого царя подданные мунгалы Табунуты Ахай со внучатами, Иргижалды Ахай, да Чуфаков брат, да наш скормленный Тачи Мерген-Ахай, да наш ясашной Чайчак, с шуленгою вместе зговорясь, одного улусу людей всех взяв, нашего русского царя хлеб-соль позабыв, пред нашим русским царем божебное шертование издержав и изменив, убежали, а на побеге, из Иркутского города в Селенгинской город, служилым людям на жалованье по-

¹ Архив АН СССР, ф. 21, Списки Иркутской архивы, л. 136.

² Б. Я. Владимиров, Указ. соч., стр. 159.

³ Там же, стр. 180.

⁴ Там же; ср. К о з ь м и н, К вопросу о турецко-монгольском феодализме, гл. 2-я.

⁵ Басинский список (см. «Первое столетие г. Иркутска»).

сланое серебро и з серебром посланных Сеньку Красноярра с товарищи трех человек те изменные мунгалы, на дороге стретив и их поймав, связали и три дни с собою возили и серебро ограбили и улусные тайши промеж собою раздельли и опять еще нашего русского государства служилых людей и промышленных людей, на дороге переймав, побивали и, с собою поймав, имали иного, а Сеньку с товарищи, развязав, отпустили». ¹ По дополнительным данным для своего бегства монгольские тайши Бинтуахай, Мергень-Ахай и другие выбрали самое подходящее время, когда на Селенге лед ломало. Ограбив у С. Красноярра 170 руб. денег, тайши бросили его со спутниками в степи голых, раздевши до последней нитки. На побеге монголы говорили С. Красноярру, что их прежние владельцы Очирой Хан и Гегень-Хутухта «преклонились к китайскому хану. А им у прежних владельцев жить привольнее на своих прежних породных местах». ²

Именно этот побег основной массы табунутов и других монгольских выходцев, и в том числе загадочных наших «мяхочинов», вызвал целую волну побегов монгольских выходцев обратно в монгольские кочевья. Бежали выходцы из-под Верхоленского острога, Тунки и т. д., хотя, конечно, не все одновременно. Даже спустя два года, в мае месяце 1696 г. «изменили великим государем мунгальские породы выходцы, ясачные люди и купленные казачьи холопы их породы, Соконолко с товарищи человек з 20 и отогнав у Верхоленских казаков и у брацких ясачных людей конные табуны, лошадей с 50; а чайть де тот их воровской мунгальский побег через Ангару на Мунгальские степи мимо Индинск и Олонки-волости». ³ Часть мяхочинов бежала с Лены раньше, часть позже. Первым бежал ночной порой новокрещенный Пашко Остафьев с двумя некрещеными. За ними гнались пять ясачных бурят: «и они от них отбились и одного брацкого мужика ранили на побеге — чуть будет ли жив, а иные мяхочины живут в бегах около Верхоленска на хрептах в диких лесах и по полям; ночью порою ездят, лошадей и седла крадут, и сыскать их некоторыми меры не мочно, а служилые люди и доднесь не пахивали, и на поля ездить не смеют, а которые из них в Верхоленском пойманы, и им во всем воровстве и в замысле и с кем они в заговоре и в побеге были (велено было) пытать накрепко и те воровские мунгальские люди в Верхоленску пытаны», рассказывает одна из отписок верхоленского прикащика. ⁴

Не все, однако, монгольские выходцы бежали с Лены так неудачно.

В 1696—1697 гг. верхоленские служилые люди отговаривались от выполнения приказа выехать в Тункинский острог не только

¹ Списки Иркутской архивы, № 31.

² См. там же, № 54. Это были, разумеется, слова тайш, а не улусных людей.

³ Списки Верхоленской архивы, № 163.

⁴ Там же, № 164.

прежними службами отцов и дедов, но и тем, что в 1692 г. их посылали в Иркутск для охраны города, а без них «изменили... мунгальские породы новокрещенные ясачные мунгалы и бежали на свои мунгальские земли, и острог зяечь и служилых людей побить хотели». Спустя значительное время казаки опасались, чтобы «и ныне-б государь, от тех мунгальских людей какова-б дурна над острогом не учинилось». ¹

Всего-навсего одним из проявлений, хотя и самых крупных, этого массового стремления прежних выходцев из Монголии, покинувших ее в годы бушухту-ханова погрома, к возвращению на родину были, следовательно, и события в Иркутске, «измена» новокрещенных П. Тайшина и В. Степанова-Бодоя. После этих событий били челом воеводе Полтеву и в Москву все иркутские жители и описывали создавшуюся там обстановку следующим образом: «приходят под Иркутской и под остроги и слободы и деревни на них служилых и на ясачных людей тунгусов воровские неприятельские и мунгальские тайши с улусными своими людьми и по многие времена воровски безпрестанно войною подъезжают, и займки и слободы и деревни разоряют без остатку, и служилых и брацких людей побивают и конные табуны и рогатой всякой скот отгоняют, и брацких ясачных людей и тунгусов многих, разобрав, увозят». Именно в это непостоянное и шатостное время произошел, по их словам, и побег П. Тайшина с товарищами, полная история которого подробно излагается далее в челобитной иркутян так:

«А во 196 году послыша, мунгальские воровские тайши в мунгальской земле калмыцкого Бушухту-Хана, что их он искореняет без остатку, и от них многие мунгальские тайши с улусными своими людьми, не смога против силы его стоять и нигде от смерти укрытись, убежав со степей своих и с породных кочевьев чрез Камень и хрепты, в то время на наше, великого государя, имя в вечное подданство в ясачной платеж к Селенгинску и к Удинску и к Тункинскому и к Иркутску выходили, и меж городами и острогами и слободы и деревни кочевали, також и меж брацкими и ясачными людьми иноже выходцы жили. И ис тех де мунгальских воровских людей от тайшей многие умысля воровски, похотели в христианскую веру креститца. И у них де злой умысел и лукавство учинились с тех мест, как Калмыцкой Бушухту-Хан с войском своим с их мунгальских степей и с кочевьев отступили, оне де и нам, великому государю, изменили и отбегали в мунгальские степи».

«А как де были крещены и по Иркутску поверстаны в дети боярские Петрушка Тайшин, Васька Степанов и иные мяхочины, — умысля воровски, собрався во многолюдстве из Иркутска, видя их, служилых людей, малолюдство, что бывает за разсылками годовые и отъезжие служеб и многих безпрестанных посылок остаецца

¹ Списки Верхотенской архивы, № 173

самое малое число, и ведая то, что де в государевой казне в Иркутску и в острогах мелкого ручного ружья нет, а у кого и есть, и то де плохо и в службе к нужному делу не надежно, и изготовясь де с ружьем те вышеписанные изменники, задавя жену и убив дочь свою русской породы, со многими мяхочины в 40 человеках, отгнав весь городской табун и ис под Иркутска за Ангару реку в Мунгальскую землю, изменя, бежали». ¹

В заключение челобитная всех иркутских жителей излагает и последующие события: «И от того де их злого умыслу, и от воровства, краж и конских отгонов и смертных убивств они, служилые люди гонясь за ними, изменники, в конец погибли, и до основания раззорились и великими долгами одоужали. И в нашей государеве десятинной пашне учинились недопашки великие потому, что де за малолюдством их посацкие и пашенные крестьяне и промышленные и гулящие люди с ними, казаками, за изменники на своих подводах в погоню бывають, и для оберегательства от воровских мунгальских новокрещенов и мяхочин опасения имея, круг города и и по улицам и по кресцам на караулах их служилых и посадских людей и пашенных крестьян, дети бывають и промышленные и гулящие люди караулят же, чтоб они, воры, города и посаду не выжгли». ²

Из приведенного документа и всего сказанного выше, кроме существенных деталей событий, с совершенной очевидностью выясняется также, кто такой был В. Степанов и кто такие в действительности были в своей массе эти остальные беглецы.

Из числа трех главных деятелей бурятского «восстания» наиболее загадочной была, далее, фигура Эрдени-Тоина или Эрдени-Ноина, как пишется это имя у большинства авторов. Расхождение мнений о ней настолько велико, что одни считают это лицо мужчиной («наглый Ердения» Мартоса), другие — женщиной. В басниском варианте Иркутской летописи, как мы видели, упоминается «мунгальская законница Эрдени-Тоин». Судя по точно датированному «Иркутскому летописцу», этот взгляд на Эрдени-Тоина как женщину восходит к одной из первоначальных редакций летописи, т. е. к половине XVIII в.

И. Сельский во время своей поездки в Култук расспрашивал жителей долины Иркуты о прошлом этой местности и получил от кого-то весьма любопытные сведения о могиле шаманки Эргина-Таюн, предводительницы бурят-повстанцев: «Налево от дороги», пишет он в дневнике своего путешествия, «бросается в глаза (близ Максимовщины) небольшой курган, обросший тальником. Здесь, говорят, зарыто тело шаманки Эргина-Таюн, одушевлявшей бурят в набегах на Иркутский острог. В этом месте она была взята казаками и повешена с главными 9 бурятами. Тем не менее, — продолжает свой рассказ Сельский, — осмотрев курган, «нам пока-

¹ Архив АН СССР, Списки Иркутской архивы, № 60.

² Там же.

залось, что это не что иное, как масса намывной земли, набросанная водами Иркутта». ¹ Повидимому, Сельский прав, ибо совершенно невероятно приводимое им со слов какого-то старожилы сообщение о казни «Эргина-Таион (Эрдени Тоин) с девятью бурятами у Максимовщины, так как во всех случаях, где этот факт упоминается, он связывается только с городом Иркутском.

Странно также, что в подлинных документах XVII в. нет ни одного упоминания о мунгальской законнице или шаманке с именем Эрдени-Тоин или Эрдени-Ноин. Очевидно, не в этом направлении следует разыскивать следы «Эрдени-Тоина» и не на этих столь неустойчивых преданиях нужно в данном случае основываться, хотя вообще учитывать свидетельства фольклора и устную традицию необходимо. Самое же сочетание этих слов указывает на фантастичность тех предположений, которые высказывались в литературе о личности Эрдени-Тоина, ибо перед нами, всего вероятнее, даже не личное имя, а титул, который мог принадлежать лишь высокопоставленному лицу. Тоин и Ноин — обычные формы термина, означающего «господина», «владыку». Слово Эрдени, т. е. «драгоценность», встречается в конце XVII в. в русских документах, сочетаясь с именами монгольских князей, иногда со словом «Тоин», совершенно так же, как наблюдается это сочетание в имени загадочного персонажа иркутских событий 1695—1696 гг., т. е. в форме «Эрдени-Тоин» и близких к нему вариантах. Мы встречаем довольно часто имена Ахай-Эрдени-Батура, Ахай-Эрдени-Дайчина, Ирдени-Контазия, Эрдени-Батура и т. д. при упоминании тех немногих местных монгольских князей, с которыми постоянно сталкивались русские за Байкалом. Сравнивая эти имена, можно предполагать при этом, что имя «Эрдени-Батур», быть может, есть только сокращение более длинного титула Ахай-Эрдени-Батур, из которого отброшена лишь первая часть — слово «Ахай».

Но этот же Ахай-Эрдени-Батур может быть опять-таки закономерно сближен и с Ахай-Эрдени-Дайчином. Наконец, заслуживает внимания и другой, часто употребляемый в русских документах, титул со словом Эрдени, звучащий в русской транскрипции — «Ирдени-контазий». Этот последний титул по контексту и по прямым указаниям документов принадлежит лицу, которое иначе называется Идайчи-Тазием или, еще точнее, Дайчин-Контазием, ² Эрдени-Дайчином, т. е. опять-таки ведет нас к тому же одному лицу. Сами по себе сочетания титулов в русских документах приводят к мысли о том, что в этом направлении среди лиц, носивших титул «Эрдени» у порубежных монголов XVII в., и следует вести поиски «мунгальской законницы» и, следовательно, наиболее вероятно и допустимо отождествление этого лица Иркутской летописи с одним из монгольских князей, носивших титул со словами «Эрдени» и

¹ И. Сельский, Путь до Култука, по направлению в Тункинский край, «Записки Сибирского отдела РГО», кн. X, стр. 535.

² Списки Иркутской архивы, № 50, 53, 51, 23.

«Дайчин». Наконец, этот монгольский князь, даже и по данным летописи, должен был быть со своими кочевьями более близок к Иркутску, чем к Селенгинску, иначе маловероятно то или иное его участие в событиях 1695—1696 гг. Следовательно, это лицо необходимо искать или среди нижне-селенгинских монголов или в районе северных монголов, пограничных с киргизами.

Такая попытка выяснить обстоятельства и события, связанные с князьями, носившими интересующие нас титулы, действительно дает интересные данные, которые позволяют ближе подойти к решению вопроса о личности «Эрдени Тоина». Разбирая различные факты, имевшие место в соседних с русскими владениями кочевьях монголов в то бурное время, мы, по нашему убеждению, можем все-таки разыскать действительного Эрдени-Тоина Иркутской летописи.

Переходя к этим фактам, нужно отметить, что еще, например, в 1685 г. киркутскому воеводе явились послы от Бушухту-хана Ойратского — Галдана и Кинтасея (Контазия) с речами о мире и торгах.¹

Затем мы знаем, что в 1688—1689 гг. на Кемнике кочевал монгольский тайша «Ирдени-Контазий».² После разгрома Головинным табунутских тайш к «Ирдени-Контазию» прибежали улусные люди тайши Серен-Секулая Тезинко с братом и жили у него в кочевьях до 10 апреля. После того они пробежали в Селенгинск и рассказали русским, что весной явилась из Селенгинска к «Ирдени-Контазию» в улусы беглая баба-ясырка», а прибежав де сказала, будто идут на него Ирдени-Контазия наши, великих государей, ратные люди, войною». Ложный слух от беглой бабы-ясырки произвел великое замешательство в улусах и вызвал бегство монголов с Кемницкой степи, причем кочевники бежали вверх по Селенге в дальние места «на скоро», оставляя свои пожитки в степи и бросая по дороге тяжелые части юрт.³

15 же января 1689 г. был подписан монгольскими князьями Дзяб-Ирдени, Ирдени-Цатку, Ирки-Контазием и Ирдени-Контазием договор о «вечном оных тайшей подданстве Российскому престолу»,⁴ текст которого опубликован в Полном собрании законов и подробно разобран в «Очерках» М. Н. Богданова.⁵

В числе владетельных князей, подписавших договор, на первых местах мы находим и Ирдени-Контазия, обладающего тем же титулом Хунтайчки («Контазий»), которым пользовался Ирки-Контазий.

¹ Списки Иркутской архивы, л. 19.

² В документе (миллеровская копия) дата, видимо, ошибочна.

³ Списки Иркутской архивы, № 49.

⁴ Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1618 по 1792 гг., Казань, 1882, стр. 59.

⁵ М. Н. Богданов, Очерки, стр. 68—70. В Списках Иркутской архивы (№ 30, л. 85) как подписавшиеся под договорными статьями числятся Ирки-Контазий, Ирдин-Батур-Серельзаб Бинтухай, Элден-Ахай, Дзяб-Ирдени-Цонгум, Гоньчичинз.б Мерген Ахай.

Московское правительство обращалось к ним со словами: «Вы, Ирденъ да Ирки Контайши», а затем, упоминая договор их с Головиным, писало, что «по зову полномочного посла вышли из мунгал к Селенгинску мунгальские Ирдени-Контазия да Ирки Контазия да Бинтухая-Тайши, з братьями своими и с племянники и с зайсаны и с улусными людьми». ¹

В последних двух примерах «Ирдени-Контазий», т. е. Эрдени-Контайша (Контазии, Хунтайчжи), ставится московскими дипломатами, понимавшими толк в монгольских феодальных обычаях, в местничестве, тоже имевшем место и там, на первое место среди прочих князей.

Добровольно поддавшийся русскому царю, как о том настойчиво говорили позже ойратам и монголам русские дипломаты, «Ирдени-Контазий» или Эрдени-Дайчин был, однако, позже покорен Галданом и поддался ему. На посольстве к Кисляинскому в июле 1689 г. был в числе посланцев от монгольских тайш, подчинившихся Галдану, посол и Эрдени-Контазия, или Дайчина, который оказал на словах: «Тайша де ево Ердени-Контазий поддался в подданство под самодержавную царского величества высокую руку в вечное холопство волею и отпустил к Москве к В. Г. посланца своего, а ныне ево повоевал и по неволе подклонил под себя Калмыцкой Бушухту Хан и ныне он кочует вместе с Тайшею Далай-Цецен-Ноеном», поставленным от Галдана Бушуктухана над остальными князьями. ²

В изложении галданова посла Сохто-Кашки история подчинения Дайчина-Контазия была связана с борьбой последнего против Эрденса-Батура, брата Цецен-Ноена. После того, как Дайчин погромил Эрденса-Батура, на него напал Цецен-Ноен с калмыцкими людьми и «ево Дайчин-Контазия самово взяли в подданство к Бушухту-Хану». Сохто-Кашка был там, все видел и принимал в этом деле личное участие. ³

В 1691 г. «изменили» Бушухту-хану, как сообщают русские документы, «воровские тайши», забыв свою шерть, Далай-Цецен, Ахай-Эрдени-Батур, Орцоло-Уй-зайсан. Они захватили в плен брата Бушухту-Ханова, Дандзилан-Ноена-Хашку, а немирный тайша Катан-Батур разбил бушухту-хановых «крилщиков» «с 3000», когда тот шел с боем назад в Калмыцкую землю. ⁴ Русские заявили в то время чжунгарам о своей готовности ходить войною на непокорных, а Галдан также был полон решимости «искоренить» этих воровских тайш. ⁵ На то, что Ахай-Эрдени-Батур — участник

¹ Списки Иркутской архивы, № 24, л. 79 (83).

² ИАИ АН СССР, «Иркутские дела, столб. 1689; ср. Списки Иркутской архивы, № 50.

³ Там же. Здесь (и везде, где особо не оговорен термин «калмыки») имеются в виду «черные калмыки», т. е. чжунгары, ойраты, — западные монголы, в отличие от восточных, халхасов.

⁴ Списки Иркутской архивы, № 51, л. 114.

⁵ Там же; русские писали, что они на таких воровских мунгальских тайшей воинским поведением для искоренения их «ходить никогда не перестанут».

этих событий — был одним и тем же лицом с Ахай-Эрдени Дайчином, указывает другой документ о попытке отгона табунов из-под Селенгинска перечисленными выше князьями.¹

Вскоре же в 1691 г. «хутухта Далай Манжиширей», державшийся стороны Галдана, был разбит на голову беглым от ойратов Дайчин-Контазием. Из 1000 юрт у хутухты осталось только человек с 200 данников, но на четвертый день вверх по Селенге у «Доленнора» на Дайчина напали чжунгары. Разбитый бушухту-хановым воеводой Дайчин бежал к манчурам («ушел к Богдохану»),² в 1694 г. люди «Ирдени-Контазия» прошли на Китою и Белую, а в следующем году к нему бежали из Иркутска Петр Тайшин с товарищами.³

В декабре 1695 г. были погромлены бушухту-хановыми войсками Эрдени-Тоин с другими тремя князьями: Номо-Орки-Тазием, Эрки-Тайчином и Цокту-Нойоном, в которых следует видеть «Ирдени-Контазия» с тайчжиями. Эти битвы наблюдал русский посол Гурий Уразов, будучи у Галдана на Толе и Керулэне.⁴

Наконец, в 1697 г. Г. Уразов видел на Селенге вверху улусы мунгальского тайши Эрдени-Контазия «во многолюдстве» и общал, что они собираются кочевать, вместе с оставшимися у Эрдени-Контазия тремя сотнями из числа разбитых китайцами бушухту-хановых ойратов ближе к Селенгинску.⁵

Спустя два года были получены новые сведения, касающиеся судьбы Эрдени-Контазия. 23 мая 1699 г. пришло к русским властям письма от жены «умершего Дайчи Контазия», где было (в русском переводе XVII в.) сказано:

«Год доброй в радости будет!
Белого царя указ-совет держать положили.
Золотова царя заказ-совет держать велми добро.
Золотой царь — Белой царь,
Двое издавна и доньне в совете.
Обо всем держать здоровье.
Обо всем ведомо стоит совет.
Мы в совете держать...» и т. д.

Далее сообщалось о подарках и передавалась просьба отпустить прежнего дайчинова посла.⁶ Воевода спросил посланцев: почему в листе, поданном ими, нет имени их тайши, а значится титул китайского богдыхана? Послы отвечали: «В прошлых де годах учинились мунгальские их владельцы в подданстве под китайским Богдыханом для того де в листу имя ево пишут, а тайши де их имяны не упомянулось потому что он тайша их в прошлом в 204 году Эрдени-Контазий, он же Идайчи-Контазий, умер и

¹ Списки Иркутской архивы, № 53.

² Там же.

³ Там же, № 20, 21.

⁴ Там же, № 23.

⁵ ИАИ АН СССР, Иркутские дела, 1697.

⁶ Списки Иркутской архивы, л. 74—78.

после ево остался сын ево Суджин-Сенге-Тюрюин-Ноен, да жена ево, тайшина, и улусом владеют они». ¹ Послы сообщили сведения и о событиях, предшествовавших смерти их тайши. Они рассказали, что после того как были посланы от Эрдени-Контазия послы в Москву, один с Селенги, а другой через Удинск и Красноярск, — он вынужден был бежать в верховья Селенги, «боясь разорения калмыцкого Бушухту-Хана», и был погромлен его людьми Рабтаном и Гунзапом. После погрома и разорения «иман он, тайша, с иными такими же разгромленными тайшами в китайское государство». ²

В приведенных документах интересны и важны уже указания на местонахождение улусов «Эрдени-Контазия». В восьмидесятых годах они очень близки к Иркутскому уезду. Тунка, во всяком случае, находилась рядом с областью влияния этого князя, через нее проходили его люди и посты к Ангаре. Озеро Косогол в это время тоже находится во владениях того же Дайчина или «Тайчи-Контазия».

В некоторых документах упорно утверждается еще, что настоящие породные земли Эрдени-Хунтайчи (Контайши) лежали вблизи Красного Яра, около киргизской землицы. Последнее указание связывает собственную территорию «Ирдени-Контазия» с той областью, которая находилась под влиянием так называемых Алтын-Ханов «Золотых царей» русских источников.

Путь из порубежных острогов к Алтын-Хану в начале XVII в. шел через киргизскую землю: «а от киргиз к Золотому Царю едучи река Аскис до р. Абакан до р. Частые Броды, а та река течет каменною щелью, а тою щелью ходу конем три дня, да р. Кантергин, да р. Кемчюг, а по Кемчюге кочует Золотой Царь», сообщали посланцы в декабре 1616 г. ³

Ставка Золотого Царя располагалась в то время у озера Убса. Эти данные согласуются и с позднейшими, позволяя установить, что «породные земли» Дайчина совпадают со страной Алтын-Ханов, занятой северными монголами, племенем хотохойтов, простирающейся к востоку от озера до берегов рек Селенги и Орхона. ⁴

Второй важный момент, бросающий свет на происхождение нашего «Ирдени-Контазия», — слова Г. Уразова о своем проезде по улусам «мунгальского тайши Эрдени-Контазия, Лозоновщины». ⁵ Дело в том, что еще в 1689 г. на посольстве в Иркутске речь шла о «Лозоновом брате — Дайчине», т. е. о том же самом Эрдени-Контазие, как это подчеркивает его посол Цаган-Батур. Когда Кислянский спросил Цаган-Батура, где кочует Лозон, тот отвечал

¹ Списки Иркутской архивы, л. 74—78.

² Там же № 23, л. 75 (79).

³ Фишер, Сибирская история, стр. 264; Копия статейного списка в архиве АН СССР, ф. 21, оп. 4, № 36.

⁴ Позднеев, Образцы народной словесности монгольских племен, СПб, 1880, стр. 153.

⁵ ИАИ АН СССР, Иркутские дела, 1697.

о своем князе, что он расстался с братом в третьем году, а последний, т. е. Лозон, убежал в правую сторону, «к Далай-Ламе». ¹ Этот бежавший брат носил титул: «Лозон Дайчин Контазий».

«Лозон» — явно значит: «Лубсан», т. е. имя, которое иначе выговаривалось русскими еще как «Лоджан» и «Лоузан». Под таким именем был известен Алтын-Хан Лочжан, еще в 1652 г. принявший регентство, а в 1666 г. взятый в плен чжунгарским тайшей Сэнгэ. ² Он хорошо был известен русским и позже. Лочжан упоминается некоторыми документами и в восьмидесятих годах под тем же титулом Алтын-Хана, к нему посылаются по древнему обыкновению послы с подарками, как и к прежним Алтын-Ханам. ³ В 1680 г. к нему была послана царская грамота в ответ на присылку от него посла Тархана-Бақши с изъявлением верности и подданства. ⁴

Под титулом же «золотого царя» или Алтын-хана енисейским, томским и другим местным властям в XVII в. вообще был известен влиятельный монгольский князь, имевший в своем владении северную часть Цзасақту-Хановского аймака и происходивший из князей младшей линии этого дома. Сильное владение «Алтын-Ханов» было создано Омбо-Эрдени, которому подчинялись северные монголы-хотохойты и урянхайцы, т. е. танну-тувинцы. В зависимости от Алтын-Хана находились и енисейские киргизы.

О Лубсане, «Алтын-Хане» второй половины XVII в. имеются вполне определенные сведения и в собственно монгольских источниках. Согласно летописи Эрденийи-Эрихэ, Лубсан был поставлен в 1655 г. одним из восьми халхасских цзасаков под именем Лубсан-Нояна. ⁵ Собственное имя этого князя было Эринчин. Он был сыном Омбо-Эрдени и правил хотохойтами, «которые хотя номинально и состояли под зависимостью Цзасақту-ханов, но в действительности, вследствие своей отдаленности от общих кочевьев халхасских представляли собою совершенно отдельный аймак». ⁶ Он сыграл затем весьма крупную роль в истории междоусобия среди халхасов, когда, разорив хошун Цзасақту-хана и убив его самого, Лубсан-Тайчжи бежал к олэтам. ⁷

Позднее, в 1681—1682 гг., когда Галдан объединил Чжунгария, Лубсан снова выступает на сцену. К этому времени относится его вторичная борьба с новым Цзасақту-ханом Цэнгуном при помощи Галдана, «который постоянно поддерживал сторону склонив-

¹ Там же; ср. Списки Иркутской архивы, № 53.

² Н. Н. К о з ь м и н, Князь Иренак, стр. 48, 53 (отд. оттиск из Сиб. записок, 1916).

³ «Акты исторические XVII ст. (1633—1699)», Материалы для истории Сибири, собрал и издал И. Кузнецов, Томск, 1890, стр. 51—54.

⁴ «Полное собрание законов Российской империи», собр. 1-е, СПб, 1830, т. 2, стр. 236, 237.

⁵ А. П о з д н е е в, Монгольская летопись Эрденийи-Эрихэ, СПб., 1883, стр. 58.

⁶ Там же, стр. 161, 162.

⁷ Там же, стр. 59.

пегося под его покровительство мятежного владыки хотохойтов». ² Русские документы этого времени, свидетельствующие о «подданстве» Лоджана, отчасти подкрепляют, таким образом, указание монгольских источников на его связи с русскими, например, о том, что, якобы, «подговоривши русских, Эрнчин предположил снова итти войною на Цэнгуныя». ³

На бельчирском сейме в 1686 г. было установлено новое административное членение Халхи, а в числе других событий отмечено летописями для того времени и возведение сеймом на место Лубсан-Тайджия, убийцы Цзасакту-хана, правителем хотохойтов тайчжи Гэндуня. ³

Учитывая последнее обстоятельство, можно перейти снова к показаниям русских источников конца XVII в.

Как раз об этом событии и упоминает, видимо, посол брата Лоджана, Цаган-Батур, в 1689 г., говоря, что его князь не виделся с братом, бежавшим в Тибет, уже третий год.

О том, что этот бежавший в Тибет брат Эрдени-Контайши является одним лицом со знаменитым Лубсаном-Эринчином, сыном и преемником «Алтын-хана» Омбо-Эрдени, прямо говорят документы.

Когда Ирденъ-Контайша и Ирки Контайша били челом в Москву о подданстве, они просили жаловать их так же, как прежние цари Алексей и Федор «отца нашего Алтана хана жаловали». ⁴

Действительное же имя второго сына Омбо-Эрдени, т. е. нашего «Ирдени-Контазия» Лозонова брата, следовательно, было Гэндун-Дайчин, ибо он и был поставлен в 1686 г. во главе племени хотохойту.

Новый правитель хотохойтов Гэндун-Дайчин вправе был наследовать все права прежних «Алтын-ханов», в том числе их титул. Еще в пятидесятых годах XVII в. Алтын-хан именовался «Ирден-Контайшею». По вполне убедительному мнению Фишера «имя Алтын-хана произошло от киргизов. Надобно думать, что Ирден-Контайша настоящее было имя и титул сего князя; ибо сын его Лоузан также контайшею, а не ханом назывался». ⁵ Титул Эрдени, который имел еще Омбо-Эрдени, перешел, само собой, на Гэндуня, по положению имевшего все права на исконное звание хунтайчжи. Так появился «Ирденъ-Контазии» русских исторических актов. Дайчин — было имя, также входившее теперь в унаследованный титул, отсюда: «Дайчин-Контазии», «Идайчи-Тазий» и тому подобные титулы.

В сношениях с русскими немалое значение имели прежние традиции и пышный, так сильно импонировавший им титул «Золотого

¹ А. Позднеев, Монгольская летопись Эрдэнийн-Эриха, СПб., 1883, стр. 181.

² Там же, стр. 180.

³ Там же, стр. 186.

⁴ Списки Иркутской архивы, № 24, л. 79 (документ, царская грамота в Иркутск, датирован 19 января 198 г.).

⁵ Фишер, Сибирская история, стр. 514; см. также его примеч. 74.

Царя»; Гэндун-Дайчин, естественно, тоже не отказывался и от этого наследства. Как мы видели, ссылки на титул «золотого царя» повторялись потомками Алтын-хана Омбо постоянно. Еще в 1686—1687 гг. пришел в Иркутск лист от мунгальского Тайши Кинтасея (Контайши), где было сказано: «Впрет будущих лет с великими государи, с их царским величеством *золотой царь* имел дружбу и любовь и пребывают без войны и чтоб де изволил их царское пресветлое величество посылать от себя к нему Кинтасею посланцев своих».

Далее сообщалось о причинах войны между окраинными монголами и русскими, о походах монголов под Тункинский острог и т. д. и о том, что «они хотят жить в совете и чтоб де попрежнему на обе стороны повелено было ходить торговым людем со всякими товарами». ¹ Кинтасей и есть новый правитель хотохойтов Гэндун.

В монгольских исторических материалах находят свое объяснение и сообщаемые русскими документами факты из событий 1680—1700 гг., в которых был замешан хотохойтский правитель «Ирдени-Контази», Гэндун-Дайчин. Так, например, известие о бегстве его улусов по ложному слуху от бабы-ясырки может быть сопоставлено с более точными сведениями монгольских источников. Когда Галдан летом 1688 г. во главе отборной конницы из 30 000 человек вторгся в Халху первым, на его пути лежал аймак Цзасакту-Хана. Правитель аймака, только что возведенный на сейме в это звание, Гэндун-Дайчин, решил сопротивляться вторжению ойратов. Не будучи совершенно уверенным в своих силах, он «счел необходимым укрыть слабых из своего аймака. Таким образом, оставив в своих землях только воинов и людей, способных носить оружие, Гэндун заставил всех остальных своих данников с имуществом и скотом их перекочевать к востоку на берега Селенги, а сам с войсками ожидал неприятелей». ² Хотя сообщения беглецов рисуют панику, овладевшую выселенными на Селенгу в июле 1688 г. людьми, но галдановы войска на этот раз были разбиты хотохойтами. Судя по монгольским источникам, Гэндун со своими хотохойтами оставался на севере и позже, но явно был вынужден в условиях господства чжунгаров над Халхой подчиниться Галдану, и притом после борьбы, как о том сообщал его посол Цаган-Батур в Иркутске. Энергичный князь воинственных хотохойтов, судя по сообщениям русских документов, был в подчинении у Галдана очень короткое время. По крайней мере уже в 1689 г. его посол ведет себя иначе, чем остальные посланники монгольских тайш, подчеркивая насильственное подчинение своего владыка ойратами. В 1691 же году, после погрома Далай-Манчжушири хутухты, погромленный за это ойратами, Дайчин-Контази бежал к манчжурам. ³ В год возвращения халхасских князей на север от манчжуров (1696) он скончался, а на его место был поставлен,

¹ Списки Иркутской архивы, № 13, л. 20, оборот.

² П о в д н е в, Монгольская летопись Эрдэнийн-Эрихэ, стр. 191, 192.

³ О дальнейших приключениях Гэндуна — см. там же, стр. 233 и др.

как свидетельствуют и наши документы, сын Гэндун-Сончжин-Сэнгэ, по улусам которого и проезжал в следующем году Г. Уразов, называя их по старой памяти Эрдени-Контазиевыми, «Лозовщиной». С тех пор не появляются больше сведения о беспокойном Дайчине или Ирдени-Контазие, навсегда исчезает и прежний титул Золотого Царя.

В свете приведенных данных, таким образом, становится ясным тот факт, что в основе романтического образа шаманки «Эргина-Тайон», «мунгальской законницы» и «наглого Эрдени» находится вполне реальная личность монгольского феодала, по нашему мнению — знаменитого военными подвигами хотохойтского князя и потомка Алтын-ханов, Гэндун-Дайчина.

Что касается личности Петра Тайшина, как третьего участника событий 1695 г., то кем он был — бурятом или монголом, — в приведенных выше материалах прямых указаний мы не находим. Из официальных же документов мы узнаем о Петре Тайшине очень мало. О нем писали только: «И в прошлом в 201 (1692—1693) г. при стольнике и воеводе князе Иване Гагарине за восприятие христианские веры поверстан новокрещеной Петрушка Иванов, сын Тайшин, в оклад Петра Многогрешного. Придачи ему учинено пуд соли и в прошлом в 205 году стольник и воевода Афанасий Савелов в прежнему его окладу учинил придачи денег 2 р., хлеба 2 чети ржи, овса тож, $\frac{1}{2}$ пуда соли.

И в прошлом же в 203 году, он, Петрушка, изменя Великим Государем бежал в Мунгалы. И в 204 г. сентября в 8 день по помете на челобитье стольника и воеводы Аф. Савелова поверстан на его, Петрушкино, место Тайшина, в дети боярские из Иднских пятидесятников Федор Черниговской».¹

И из этого документа не видно, был ли П. Тайшин монголом или, наоборот, бурятом, хотя его крещение и совпадает почти с крещением Бодоя. Крестились буряты и позже и раньше событий 1695 — 1696 гг. Суммируя сведения о Тайшине, мы можем только отметить:

1) Петр Тайшин, или Петр Тайшич, как его иногда называют, всегда упоминается первым в числе повстанцев. Следовательно, это было лицо более известное, чем другие, и значительное по его общественному положению.

2) Петр Тайшин числится сыном боярским, т. е. принадлежит к привилегированной верхушке иркутских служилых людей.

3) По происхождению он не русский, а «новокрещен». Его отчество «Тайшич» явно было употребительным в кругу служилых людей бытовым прозвищем и может быть даже принято за косвенное доказательство старинной связи П. Тайшина с Иркутском.

Само по себе слово «Тайшин» и «Тайшич» обозначает, что его отец был аристократом, и заставляет вспомнить, что в отличие от ангарско-окинских бурят здесь, по Ангаре, у самого Байкала

¹ «Первое столетие Иркутска», стр. 36.

и по Лене, еще в начале XVII в. казаки встретили в быту бурят-монголов термин «тайша». О крещении же сына монгольского Тайши мы ничего не знаем.

Заслуживает внимания и указание Щекатова в его историко-географическом «Словаре», под словом «Иркутск», что первым пришел к приказчику Иркутского острога вскоре после его основания «тутошних подгородних улусов сын боярской Петр Тайшин». Мы не знаем источника, находившегося в распоряжении Щекатова или его информатора, но характерно, что Тайшин, по свидетельству Щекатова, появляется в Иркутске еще при первых приказчиках, т. е. задолго до 1695 г. и до выхода монгольских тайш в пределы Прибайкалья, на Русь.

Допустимо, следовательно, предположение, что Петр Тайшин был действительно бурят, а не монгол, и принадлежал по происхождению к местной, не монгольской, а бурятской аристократии и был сыном какого-то князца подгородных улусов, подвергавшихся всего сильнее русскому влиянию. Лишним доказательством в пользу такого предположения может служить сообщение челобитной иркутян о том, что он бежал, «задав яжену и убив дочь свою русской породы», так как вряд ли П. Тайшин, будь он недавним выходцем из Монголии, мог так скоро обзавестись семьей «русской породы».

Следует предполагать в таком случае, что бегство Петра Тайшина было вызвано какими-то трениями с иркутскими властями или служилыми и связями с появившимися в городе монгольскими выходцами, сулившими ему выгодное положение в Монголии на службе у их тайш.

Таким образом, массы бурят явно не приняли участия в побеге и в восстании монгольских выходцев, а бежал с монголами лишь Петр Тайшин, руссифицированный потомок бурятской аристократии, если, конечно, и он не был монголом. Буряты-улусники, наоборот, участвовали, как мы знаем, в погоне за беглецами, и некоторые из них были даже ранены в схватках. Так было во время побега выходцев из Иркутска, так было и на Лене в 1696 г.

Низы бурятского улуса, масса черного люда, должно быть, не были заинтересованы в данном предприятии монгольских выходцев и Тайшина. Этот факт не подлежит сомнению, но в то же время такой отрицательный вывод обязывает поставить вопрос: «почему»? Он дает, как увидим дальше, возможность пойти глубже в анализе событий и сделать некоторые выводы о характере собственно бурятского освободительного движения в конце XVII в.

Общая же цепь событий, приведших к бегству Петра Тайшина и Василия Степанова совместно с монгольскими выходцами, теперь разъясняется документами довольно полно и удовлетворительно. Во время бурных событий в Халхе, когда в ее пределы вторглись войска Галдана, — «калмыцкого Бушухту-хана» наших документов, когда разгорелась вслед за усобицей между ханами

Цзасакту и Тушету война чжунгаров с Китаем из-за господства в Центральной Азии и усилилась экспансия русских завоевателей, монгольские князья оказались между молотом и наковальней. Вдобавок, в то время как Галдан нанес сокрушительное поражение монголам, русские параллельно разбили кочевавших по Селенге табунутов, т. е. табунгутских тайш. В числе тайш, вынужденных тогда покориться царю, был и упоминаемый выше Мергень-Ахай, давший «божебное шертование» в вечной покорности в обмен на хоромы в Селенгинске, хлебное и денежное жалование, дорогую саблю и пицаль, семилетнюю льготу от ясака и подводной повинности и т. д. Тогда же подписал договорные статьи правитель хотохойтов Гэндун-Дайчин, он же «Ирдени-Контазий», Эрдени-Тоин.

Отправленный Мергень-Ахаем в Москву посол Бодой, выбранный из числа его зайсанов, для извещения о готовности своего господина креститься в православную веру, вернулся в Сибирь к моменту, когда Мергень-Ахай вместе с остальными табунгутскими тайшами уже бежал от Селенгинска к прежним владельцам — монгольским ханам и к новому верховному сюзерену — китайскому богдохану. Поселенный в Иркутске, подальше от порубежного «украинного» города Селенгинска, новокрещен В. Степанов (Бодой Дайчинов) встретил других своих соплеменников, заброшенных сюда теми же событиями. Вместе с ними и с Петром Тайшиным они, в числе 40 человек, задумали и тщательно подготовили свой побег, заранее запасли огнестрельное оружие. Выждав удобный момент, когда, по словам М. А. и челобитной иркутян, большая часть служилых была в отсутствии, воспользовавшись этим обстоятельством, заговорщики захватили врасплох городской табун и отогнали его, как это делали обычно степняки при своих набегах на остроги. Бегство состоялось 11 августа 203 (1695) г.

За беглецами была снаряжена погоня, очевидно сразу же после их выступления. Факт погони иркутян за повстанцами вверх по Иркуту подтверждается сведениями из местных преданий о двухдневном бое казаков с беглецами, будто бы с «тункинскими бурятами», на Монастырской Поляне близ деревни Введенщины.¹ Казаками руководил будто бы известный Максим Перфильев, но, очевидно, на самом деле его сын Иван, игравший выдающуюся роль в жизни Иркутска той поры. Как сообщается в басинском списке летописи, погоня сначала догнала беглецов и отбила у них половину городского табуна. Это и была, видимо, схватка у Введенщины, которую помнили еще в конце XIX в. потомки М. Перфильева — местные старожилы в Максимовщине.² После первой

¹ Иркутск, его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири, изд. Сукачевым, М., 1891, стр. 4.

² Сельский указывал, что «фамилия Перфильевых до сих пор существует в селе Максимовском и настоящее поколение передает о доблестных подвигах своих предков». Он слышал в Максимовщине, как в прежние времена

схватки погоня продолжалась до Тунки. Схватки были ожесточенными, и с той и с другой стороны люди бились жестоко: казаки мстили за угон своих табунов, монгольские же выходцы знали, что их ожидает в руках победителей. По летописному известию, из числа преследователей был убит один служилый да двое бурят было ранено, но были и другие жертвы. Позже в своем челобитье иркутский казак К. Зверев сообщил, например, что в 203 г. он был послан «за изменники, за Петрою Тайшичем да за Васью Степановым, с иркутскими казаками. Бился не щадя головы своей и от них, изменников, ранен — на бою пострелен из лука в левую ногу и от той раны лежал многое время». ¹

Во время вторичного боя, когда беглецы были разбиты на голову и большей частью убиты, казаки захватили десять человек пленных, повешенных затем победителями у стен острога на страх другим. Вопреки показаниям летописи о гибели «законницы» и Петра Тайшина следует полагать, однако, что сам Петр Тайшин и В. Степанов спаслись бегством, ибо на это указывают попытки иркутских властей разыскать его следы в Монголии и указания на прием беглецов Эрдени-Контазием. Мнимая же мунгальская «законница» и вообще не подвергалась опасности, так как оказалась в конце концов самим Эрдени-Контазием или Эрдени-Тоином, владетельным монгольским князем.

Русские начальные люди долго и крепко добивались выдачи беглецов, наводили справки шпионскими средствами «тайным обычаем» о «ворах и изменниках Петрушке да Ивашке» (Ваське) в улусах Бушухту-Хана, но это было безуспешно. Когда толмачи и посланцы спрашивали монгольских богдохановых тайш через их послов о беглецах, те отвечали уклончиво, что воевали, например, китойских бурят не они, а «остальные тайши», онкоты, кордыни и найманы, в то время когда высшие монгольские феодалы были в бегах под защитой у богдохана, а что касается «изменников-де» Петрушки Тайшина и Васьки Степанова, то «таких людей в улусах у них нет, а ушли де они к иному тайше мимо их улусов позади». ²

Монгольские тайши или «их люди» все-таки были в этом замешаны. Настойчивые указания позднейшей летописи и преданий на участие «Эрдени-Тоина» в событиях 1695 г., несомненно, имеют под собой какие-то фактические основания, коль скоро теперь становится ясно, что ни о каком «законнике» или «законнице» речи быть не может, что в этом следует видеть лишь искажение, вкравшееся в летопись, а речь идет об Эрдени-Дайчине. «Эрдени-Тоин» кочевал близ русских пределов и постоянно вмешивался в местные дела. Перед самым побегом монголов-выходцев его люди

Перфильев с Похабовым, якобы, бились двое суток на монастырской долине с бурятами, разбили их и прогнали в Торскую степь (см. И. Сельский, Путь до Култука, «Записки Сиб. отдела РГО», кн. X, стр. 533, 527).

¹ Списки Иркутской архивы, л. 27.

² Там же, л. 76.

в 1694 г. устроили поход на реку Китой, вглубь русской территории, и погромили тамошних бурят. Бежавшие в 1695 г. из Иркутска выходцы кинулись по направлению к его кочевьям, и остатки беглецов нашли там убежище.

Далее, вполне вероятной становится некоторая связь между беглецами-монгольскими выходцами — и ближайшими к Иркутску монголами, т. е. «остальными» людьми Эрдени-Дайчина, если принять во внимание постоянные сношения обитателей монгольских кочевьев с долиной Иркутта, частые приходы купцов, послов и гонцов по разным делам пограничного характера и т. д. в Иркутский острог. Сам же Эрдени-Дайчин, разумеется, в то время не смог бы лично вмешаться в иркутские дела 1695 г., ибо, согласно летописям и другим монгольским источникам, использованным Поздневым и целиком подтверждаемым русскими документами, в 1691 г. он восстал против чжунгаров и бежал к богдохану, а в 1696 г. умер.

Отношение русских властей к монгольским событиям 1691—1696 гг., раскрываемое официальными документами той поры, бросает свет и на то несколько загадочное обстоятельство, что отсутствовавший Эрдени-Дайчин оказался в летописном известии прямым сообщником Петра Тайшина. По терминологии русских документов, действия монгольских князей, отпавших от Галдана, квалифицируются как «измена». Они бежали к манчурам «забыв свою шерть», данную Бушухту-Хану, а потому и рассматривались как «немирные воровские тайши». Русские власти открыто сочувствовали Галдану и были на его стороне, хотя и не предпринимали самостоятельных действий, заняв выжидательную позицию, опасаясь Китая, мощь которого была им известна.

«Немирный» Эрдени-Дайчин, поведение которого охарактеризовано выше, один из наиболее энергичных противников Галдана, естественно, должен был пользоваться самой скверной репутацией у русского начальства. Такая дурная слава, очевидно, и лежит в основе увязки его имени с побегом монгольских выходцев из Иркутска.

Приведенные материалы позволяют считать вопрос о «бунте» 1695 г. в Иркутске с фактической стороны в основном исчерпанным. Ясно также, что перед нами не «бурятский бунт» и не местное только лишь явление. Ибо описанные политические события в целом явились результатом весьма сложной социальной обстановки вне и внутри Сибири восьмидесятых-девяностых годов XVII в. Рассматриваемые в таком более широком историческом плане все приведенные выше факты приобретают также особое значение для характеристики и правильного понимания русско-монгольских отношений и судьбы самих масс, народов обоих государств, обычно остававшихся в тени за кулисами пышного театра, на переднем плане которого происходила политическая игра.

Внешнее положение, как мы видели, определилось соотношением сил и борьбой Китая, России, монгольских феодалов и чжун-

гарского (ойратского) государства Хунтайчи Галдана. «Яблоком раздора» была теперь для этих феодальных держав-соперниц Монголия, за счет которой пытался создать монголо-ойратскую империю Галдан, за счет которой хотели округлить владения китайский богдохан и русский царь. В этих условиях внутренняя политика монгольских феодалов, беспощадным угнетением и эксплуатацией народных масс страны, непрерывными усобицами и своими интригами приведших Монголию к беспримерно тяжелому хозяйственному и политическому состоянию, превратила монгольский народ в игрушку этих трех сил: России, Китая и чжунгаров.¹ Феодальные усобицы монгольских князей были прекрасным предлогом для захвата, что хорошо понял Галдан, вмешавшийся в распрю феодалов Монголии с целью использовать их борьбу в своих целях.

В это время русские дипломаты и воеводы считали Галдана «Бушухту-Хана» своим союзником против могущественного Китая, но тем не менее они приняли тогда «беглых воровских тайш», ушедших в русские пределы от Галдана, надеясь на подчинение и всей Монголии. Соглашение с бежавшими от Галдана монгольскими феодалами русские власти устроили быстро, дошло даже до крещения буддистов-тайш, но новый поворот событий — разгром Галдана китайцами — восстановил в Монголии «равновесие» уже под властью Китая. Русские нравы XVII в. пришлось не по вкусу гордым тайшам, а еще больше не приглянулись им попытки воевод отобрать у них улусных людей (хотя некоторые возможности для взаимного соглашения — для отыскания компромисса — все же были, как об этом свидетельствует пример Окин-Зайсана). Тайши поэтому и кинулись в подданство к манчжурскому императору, когда выяснилось, что тот не намерен задевать их коренных интересов.

Но немаловажным фактором, вызвавшим бегство выходцев, были, как мы видели, и настроения низов, тех бедняков, которые были посланы царем умирать с голоду на голых степях, особенно тех мяхочинов-холопей, которыми успели обзавестись домовитые казаки на Лене. Феодальная Россия встретила нищих беглецов — улусных людей — как холопов для казаков и ясачных данников для царя. В этом отразился безысходный трагизм положения монгольских масс, у которых не было впереди никакого просвета, которых ждала тяжелая доля — одинаково как у бушухту-хановых князей, так и у русских воевод, у китайских амбаней и монгольских тайш.

Некоторые историки сводили, правда, причины перебежек в Россию только к стремлению монголов на свои прежние пастбища. Это заманчивое «экономическое объяснение», тоже имеющее под собой некоторые факты, не может устранить не менее реаль-

¹ К о з ь м и н, К вопросу о турецко-монгольском феодализме, гл. 2-я.

ного факта классовой борьбы в степи, о котором свидетельствуют и позднейшие и более ранние события.

По словам Позднеева, «сразу после погрома чжунгар китайцами», в деле внутреннего благоустройства Халхи главнейшею заботою всех халхасских князей, по возвращении их на родину, было собрать своих разбредшихся данников». Подданные же халхасских феодалов были настроены против такого благоустройства. Князья встречали «положительные отказы от перекочевков со стороны переселенцев», причем в числе мелких и разнородных обстоятельств, побуждавших халхасов оставаться на чужбине и предпочитать ее родине было и то, что подданные «не хотели подчиняться власти старых и еще прежде изнуравших их правителей». «Что касается значения этих отказов для страны и для народа», — пишет Позднеев, — то оно обуславливалось особенно тем, что данники, не желая уступить требованиям князей, выражали иногда свой протест с такою силой и с таким упорством, что дело принимало с их стороны характер открытых сопротивлений княжеской воле, которые в свою очередь вынуждали князей принимать более энергичные меры и достигать своей цели уже и военною силою. Очевидно, что в такой борьбе князья должны были своими войсками побивать своих же данников, и нужно ли после того распространяться и уяснять все гибельное значение упорства переселенцев?!» Против баргутов, которые восстали и не пожелали подчиняться своему владельцу, последний первым начал войну и вел ее с 1699 г. в течение целых пяти лет. «Родовой правитель» баргутов Шибту — хатан-батур сумел все-таки одолеть своих подданных, и пример баргутов по всей вероятности «убедил другие роды в бесполезности вооруженного протеста», хотя «различным князьям приходилось, правда, и даже не раз, поднимать оружие против своих отделившихся и непокорных данников». ¹ Так поступал и Окин-Зайсан, опираясь уже не на манчжурские, а на русские силы.

Это и была картина действительной классовой борьбы, в которой на одной стороне стояли монгольские и иноплеменные феодалы, манчжуро-китайское государство, чжунгары и русские, а на другой — обездоленные монголы-данники, нищие, отчаявшиеся во всем, черные люди-албатгары.

Вернувшись на прежние места в Монголию, испытывая там тройной гнет — феодалов, китайского торгового капитала и манчжурской бюрократии, представлявшей китайский феодальный государственный аппарат, улусные массы Монголии позже поэтому пытаются снова и снова бежать, но теперь, по иронии судьбы, уже в Россию. В 1730 г. все улусные люди семи тайш сказали: «ежели в Российскую империю в подданство будет прием, то мы все желаем выйти»; только одно удерживало их: угроза обратной выдачи тайшам. А 18 марта 1730 г. улусные люди знакомых уже

¹ Позднеев, Монгольская летопись Эрдэнийн-Эрихэ, стр. 269—271.

нам «Ирдепи Ахаевшины, Илдене-Цохтоевшины, 606 луков» все же бежали из Монголии за русскую границу, несмотря на меры, принятые владельцами, и помощь последним со стороны хутухты, приказавшего «быть в погоне» своим шабинарам (монастырским крепостным).¹

Беглецов, очевидно, не могли сдерживать варварские казни, практиковавшиеся в ханской Монголии, а также и договор, по которому обе стороны — китайское и русское правительство — обязывались рубить и ломать руки перебежчикам и водворять их изувеченными на прежние места.² В таких условиях, наконец, вряд ли могла волна движения монголов из России в монгольские степи в 1694—1696 гг. затронуть сколько-нибудь значительно и бурят Прибайкалья, ибо Монголия для них не была родиной и совсем не казалась раем, как и 20—30 лет тому назад.³

«Осада» Иркутска бурятами в 1696 г.

Остается еще нерешенным один последний, по весьма важный — вопрос из числа поставленных выше, в связи с анализом источников и работ о событиях 1695—1696 гг., о вторичном бурятском бунте и осаде города Иркутска.

Ни один из авторов, писавших о вторичном бунте, не сомневается в том, что это было движение бурят, и все они придают этому факту большое значение, которого он вполне заслуживает, если согласиться с их изложением.

В самом деле, после длительной полосы русского господства, в крае вновь происходит бурятское восстание.

Оно происходит в чрезвычайно трудной обстановке, но протекает энергично и в эффектной форме.

Только что были возведены новые мощные стены и боевые башни Иркутского острога воеводой кн. Гагариным. Иркутский острог обрастал посадом, становился многолюдным городом, одним из крупнейших вообще в Сибири той поры и самым крупным в Восточной Сибири. Его гарнизон обладал вполне достаточным вооружением и хорошей боевой подготовкой. Восстание в таких условиях связано было с большим риском, как показал даже и побег 1695 г., закончившийся разгромом беглецов, не ставивших себе широких целей и бежавших из подгородных улусов по Иркуту, а не из-под стен Иркутска, отделенного от них бурной и широкой Ангарой.

¹ Архив АН СССР, Списки Нерчинской архивы, л. 17 (4).

² В тексте сказано: если кто из лучших людей умыслит зло, то «всево ево разграбить и, стняв жен и детей, отдать в украинные города» и «чинить по русским правам». А если побегит ясачный, то «попмав, переломить ему руки и отдать совсем пспрежнему сткуды от бежал» (Списки Иркутской архивы, л. 90).

³ О бегстве из Монголии см. у Бантыш-Каменского, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами, стр. 203.

И тем не менее буряты «из близ лежащих кочевьев» якобы сумели объединиться, скопились у острога и осаждали его, рассчитывая взять город штурмом и ограбить его жителей. Значение такой осады и в это именно время было бы тем более велико, что примеров осады острогов в истории бурятских восстаний вообще не так уж много и для более раннего времени, для начала XVII в., а последнее собственно бурятское вооруженное выступление против Похабова совсем не коснулось острогов: буряты ограничились, как известно, бегством. Тем более существенна, следовательно, задача рассмотрения тех оснований, из которых исходит сама традиция, свидетельствующая о втором восстании и осаде Иркутска бурятами.

В «Иркутском летописце», восходящем к середине XVIII в., и близком к нему баснинском варианте никаких сведений об этом событии нет; они содержатся только в кротовском, сводном тексте Иркутской летописи, их приводят затем М. А., Мартос и другие писатели, причем сличение рассказа Щукина с сообщением Мартоса и с кротовским вариантом летописи убеждает в их текстуальной близости, указывающей на общий извод, каким мог быть в основе только один из упоминаемых Щукиным списков Иркутской летописи в сочетании с иными данными (предания старожилов, вроде слышанного Сельским по дороге в Култук, и некоторые архивные дела). Но их общая основа была настолько скудной и скупой на подробности, что еще Щукин, сожалея об этом, писал: «В особенности интересно было бы знать, чем кончилось это импровизированное восстание народа, который до такой степени чужд войне и во оной драке, что как только увидит человеческую кровь, сейчас же теряет присутствие духа, в чем буряты остаются неизменными и до настоящего времени. Также любопытно было бы знать, какие последствия были для инородцев от этого восстания, изменились ли сколько нибудь к ним отношения воеводы и понятно ли было в Москве, что за причина побудила самое мирное из азиатских племен сделать открытое наступление на русских». ¹

Сам Щукин, хорошо знакомый с иркутскими летописями и преданиями старожилов города, не мог, следовательно, получить от них ответа на свои вопросы, хотя были хорошо известны детали менее значительных событий близкого к предполагаемому второму восстанию времени. Еще более странно, что во вторичном восстании, по словам Щеглова, снова появляется Петр Тайшин, а также и то, что «М. А.» относит это восстание к 1722 г. или к близкому этой дате времени, когда столь крупные события не могли пройти незамеченными и нашли бы свое отражение далеко за пределами страниц иркутских летописей. ²

¹ Щ у к и н, Сибирские воеводы, «Дело» № 1, 1866, стр. 6.

² В Иркутской летописи, уже весьма подробно излагающей происшествия двадцатых и тридцатых годов XVIII в., есть только два выдающихся события в промежутке между 1625 и 1735 гг. Первое из них — столкновение бургомистра Сухого с воеводой Измайловым из-за определения в посад пятиде-

Как отмечено выше, совершенно непонятно также по сути и известие об осаде, хотя бы и неудачной, бурятами Иркутска, который превратился к 1696 г. в первоклассную по тогдашним сибирским условиям крепость и был защищен «всякими крепостями». Это станет особенно ясно, если вспомнить осаду в те же годы Шиптатур-Батуром Тункинского острожка, когда монголы не могли взять этой малой крепостцы всеми своими «10 тысячами» войска, как отписывались после осадные сидельцы. Наконец, не может быть уверенности и в том, что Иркутск осаждался именно бурятами, если вспомнить историю «восстания» Тайшина, в котором подгородные буряты не участвовали, вопреки летописной традиции, обвинявшей их в этом.

Первый факт, который должен быть нами установлен, — это, очевидно, дата вторичного восстания бурят в Иркутске; от решения этой проблемы зависит все, так как точная датировка позволит увязать известия об осаде Иркутска бурятами с конкретной обстановкой, в которой это событие должно было происходить. Остальные же частные вопросы, например, об упоминании Щегловым Эрдени-Тоина и П. Тайшина в роли вождей подгородных бурят, осаждавших Иркутск, могут быть оставлены в стороне, как вызванные какими-то недоразумениями, обусловленными недостаточной внимательностью писателя к фактам или искажениям, вкравшимся в источники, которые были в руках Щеглова.

Вариант, сообщаемый М. А., следует при этом заранее оставить в стороне, так как вряд ли может быть вообще принята предлагаемая им дата, от которой отказался Мартос в «Письмах». В издании «Иркутск», вышедшем под редакцией Сукачева, сказано в соответствии с кротовской летописью, что новому городу и помимо восстания Петра Тайшина, вскоре же после сдачи дел воеводой Савеловым малолетнему своему преемнику «воеводе-младенцу» Николаю Полтеву и игравшему при нем роль своего рода «регента» Ивану Перфильеву, пришлось «в первый год правления этого малолетка выдержать осаду бурят, сделавших набег из ближайших к городу кочевьев. Попытка эта осталась без успеха и с тех пор Иркутск никаким более нападением извне не подвергался». Это был именно 1696 г., т. е. дата, указанная в «Письмах» Мартоса, а также Пежемским и Щукиным в их сочинениях.¹

Здесь уже сама по себе постановка вопроса о бурятском вторичном восстании в хронологической связи с историей передачи А. Савеловым воеводства Полтеву и со всеми событиями того вре-

сятника Е. Курдюкова, и второе — борьба Жолобова с Сытиным, сопровождавшаяся избранием малолетнего сына Сытина, вместо Жолобова, с регентом при нем — Бухгольцем. В 1722 же году и раньше никаких бурных событий, тем более таких, как осада города бурятами, летописи (басинский и академический списки) не знают.

¹ Совместное правление «младенца» Полтева и И. Перфильева продолжалось до октября 1699 г. См. «Иркутский летописец», стр. 6 (библ. АН СССР, рукоп. отд. № 1. 5. 90, нов. 5447).

менн обязывает обратиться к ним, ибо тем самым бросается некоторый дополнительный свет на обстоятельства бурятского вторичного «восстания» и, самое главное, «осады» 1696 г., о которой Петр Тайшин в 1695 г. и не мог думать, стремись только быстрее уйти с захваченными табунами скота за рубеж, в улусы монгольских тайш. Чтобы понять общий ход этих событий конца семнадцатого столетия в Иркутске, нужно учесть и тот факт, что передача воеводства Савеловым Полтеву имела место после так называемого «бунта заморцев», т. е. должны быть приняты во внимание события этого «бунта», как происходившие одновременно или почти в одно время с бурятской «осадой».

Селенгинские служилые люди были недовольны притеснениями и вмешательством Савелова в их дела. Вызывала их недовольство также и деятельность многих назначенных воеводой прикащиков по острогам и слободам «за морем», т. е. за Байкалом. Еще зимой 1696 г. недовольство «заморцев» стало принимать весьма ощутительную форму, и стали возникать попытки организационного объединения всех заморских (забайкальских) служилых, недовольных Савеловым.¹ Служилые люди под предводительством ссыльных, в том числе некоего П. Арсеньева, «забыв страх божий и нам, великому государю, обещание и крестное целование, забунтовали, как писали из Москвы. Они написали между собою «единачные записи», чтобы стоять в своем деле во всем «как один человек», принялись грабить и бить ненавистных им горожан и заменять своими выборными приказчиков, сторонников Савелова; поставленных Савеловым приказных никто уже за Байкалом зимой 1696 г. не слушал, так же как и его указных памятей. Посланным за Байкал Ив. Перфильеву с соборным протопопом не удалось уговорить заморцев, чтобы они «от того злого начинания отстали». Служилые, наоборот, говорили послам, «что ему, Афанасью, хотят быть непослушны и как де они захотят, так и живут и делают, и хвалятца итти во многолюдстве в Иркутск и просят многих иркуцких жителей, чтоб их побить на смерть и пограбить».

В марте 1696 г. бунтовщики-казаки принялись бить и грабить нежелавших итти с ними «старых», т. е. наиболее зажиточных казаков, а 9 мая заморцы появились на своих дощаниках под самыми стенами Иркутского острога. По отписке А. Савелова «мая в 9 день, умысля воровски, приплыли в Иркутской острог из-за Байкала моря на дощенике в два пойма да на каюке человек с 200 и больши, с ружьем и з знамены и з барабаны во всякой готовности, бутто к воинскому делу, — не по прежней обыкности, Удинские и Селенгинские и Ильинского острогов служилые люди, конные и пешие казаки и полковые стрельцы».²

¹ События излагаются ниже по материалам списков Иркутской архивы, 38, 39, 57 и др.; ср. сборник «Первое столетие Иркутска», стр. 98—119.

² «Иркутский летописец»; АН СССР относит приход заморцев к июню 1696 г. (л. 6, оборот).

Собравшись у закрытых ворот острога в круг, заморцы кричали горожанам, чтобы те пустили их в город и отказали воеводе от должности. Старого воеводу, Савелова, заморцы хотели убить, а на его место «посадить своего приказного».

Спустя некоторое время, после поездки в Бельск за хлебом, заморцы вновь явились к Иркутскому острогу «нарядным делом с ружьем». Теперь они уже всерьез «к городу и к воеводскому двору к нему, Афанасью, приступали и ис пищалей и стрелюю на него, Афанасея, и на градских всяких чинов жителей прикладывались», желая их побить, а город с одной стороны зажечь с другой «рубить». Эта осада продолжалась неделю и должна была, даже при своем безуспешном конце, оказать значительное влияние на население.

А вскоре и сами иркутские жители «отказали» Савелову от воеводства, выбрав правителем И. Перфильева при официально числившемся в воеводах сыне умершего воеводы Полтева, который ехал на смену Савелову и скончался, не доехав до Иркутска.

Схематически изложенные здесь события бунта заморцев происходили в 1696 г. и как раз совпадают по времени с предполагаемой осадой Иркутска бурятами. Замечательно притом, что в списке Баснина и в «Иркутском летописце» нет упоминаний о бурятском бунте 1696 г., но указано, что в июне этого года явились на дощаниках забайкальские служилые, учинили бунт и устроили осаду. В списке же Кротова казачий бунт ошибочно отнесен к 1695 г., а побег Тайшина к 1693 г.

Учитывая вообще большую точность показаний баснинского списка восходящего к половине XVIII в., следует думать, что его автор, как указано выше, вообще имел дело не только с надежными устными сведениями, но и с подлинными документами, а в данном случае — с какой-то отпиской, подробно излагавшей ход преследования казаками П. Тайшина с его товарищами — монгольскими выходцами (может быть, это был подлинный «доезд»), а также, очевидно, и с другими официальными материалами из местных архивов, излагавшими историю бунта заморцев. Сообщения же «М. А.» о втором восстании явно включают только расспросные данные, полученные от местных старожилов. Вполне вероятно заимствование ими некоторых данных из Иркутской летописи в кротовском варианте. Список Пежемского — Кротова в свою очередь также, очевидно, включает показания старожилов, приведенные в систему и собранные автором этого сводного варианта летописи, может быть, уже в середине XIX в.

Вполне допустимо поэтому по совокупности данных категорическое утверждение, что «осада Иркутска бурятами», под предводительством Тайшина и Эрдени-Ноина, как о том рассказано в летописи Кротова — Пежемского, Щеглова и др., является на самом деле осадой Иркутского острога в 1696 г. заморцами, которая превратилась в «бурятское восстание» только потому, что на протяжении длительного времени память о действительных со-

бытиях хотя и не изгладилась полностью, но сильно потускнела; произошло неизбежное смещение лиц и фактов, а события причудливо переплелись друг с другом. При попытке же разобраться в этой сложной мозаике фактов, сохраненных устным преданием, позднейший редактор Иркутской летописи лишь пересказал эти предания, пытаясь сочетать их с некоторыми архивными данными, известными из местных архивов, так, как ему казалось удобнее. Так возникла версия о бурятском восстании 1696 г.

Такое утверждение не означает, конечно, отрицания возможности освободительного движения и среди улусных бурятских масс в конце XVII в. на Ангаре, близ Иркутска, а скорее наоборот, как мы увидим сейчас.

Даже движение заморцев и осада ими Иркутска, на первый взгляд не имеющие ничего общего с движением черных улусных людей приангарских и иркутских бурятских улусов, на самом деле представляет значительный интерес для понимания тех путей и форм, в которых могло проявляться последнее.

Движение заморцев обладало одной чрезвычайно существенной особенностью: это было, во-первых, движение под руководством «ведомых воров и бунтсвщиков», во-вторых, это было движение казацкой гольтыбы по преимуществу, т. е. оно носило своего рода «плебейский» характер. Активными участниками событий 1696 г. были переведенцы из Тобольска, тюменские и тобольские казацкие дети. О них было известно, что еще по дороге в даурские остроги из Тобольска эти «казацкие дети» в числе 100 человек во главе с П. Сорокиным устроили в Нарыме бунт: «к острогу приступали с великим шумом и боем, с канатами и баграми и на острог канаты наматывали и острог хотели выломить и государеву казну пограбить и торговых людей из острогу прошали, из животов их хотели мучить».¹

В даурских острогах, наконец, находилось немало ссыльных людей, участников бунтов и восстаний, в том числе стрелецких, которые, видимо, хорошо помнили прошлые дела, если понадобился специальный указ о наказании тех, кто в Забайкалье «такое дело», как стрелецкие бунты, «начнет хвалить».

Именно участники нарымского бунта во главе с Данилкой Фыком агитировали служилых людей и говорили им, что «де они Иркутскому воеводе ни в чем послушны не будут и станут жить особо». А когда придут по полой воде в Иркутск, то и «к тому де в пазуху заглянут, который сидит в Ыркуцку».²

Эти крайние элементы движения, взявши верх над умеренными и «сторонниками порядка», принялись избивать зажиточных домовитых казаков из числа староприборных служилых людей, угрожая тем же и зажиточным иркутянам. Этими элементами руководило не только желание получить хлебное и денежное жа-

¹ «Первое столетие Иркутска», стр. 101; ср. описание этих событий в «Иркутских делах» ИАИ АН СССР, столб. 1697, № 294.

² Архив АН СССР, Списки Иркутской архивы, № 38.

лованье, как приставшими к ним старшими служилыми. Они проявляли, наоборот, стремление осуществить давно вышедшие из употребления традиции казачьей вольности и демократии. Уже Головачев, комментируя издаваемые им документы, констатировал: «Черты старого Донского казачества были еще живы в общественной практике Иркутских служилых людей; они собирались в круг по «Донскому извычаю», под знаменем для суда над виновными и вообще для разбирательства всяких дел, практиковали старинный способ смертной казни — сажали в воду и проч.»¹

Но эти формы «донских извычаев» жили не вообще в общественной практике служилых, а восстанавливались чаще плебейской частью служилых в качестве форм борьбы против властей и своих врагов в лице зажиточной верхушки казачества.

Для характеристики их настроения и «вольного» поведения имеет значение одна деталь. Оказывается, подавая свои челобитья, эти «ведомые воры и бунтовщики», Кабанского острога, служилые люди, Куземка Кудреватый с товарищами, совершили неслыханное дело: вместо обязательного в челобитьях на царское имя употребления униженных, уменьшительных форм имени написаны были эти челобитчики «в той их челобитной ... целыми именьями!» Такого рода акт был расценен властями как явное покушение на государеву честь.²

Власти хорошо понимали различие между «плебейской» оппозицией и оппозицией зажиточного люда в городах. Отказ Савелову от воеводства и самовольный выбор собственного начальства иркутянами сошел им с рук безнаказанно. Москва смотрела на их самоуправство сквозь пальцы. Зато движение заморцев в центре правильно расценили как серьезную опасность и приняли сначала по тактическим соображениям демагогические меры, а затем, когда непосредственная угроза миновала, вожаки заморцев были повешены.

Резкий и крутой поворот от уговоров и широких обещаний к террору вполне понятен, если вспомнить, что Москва располагала точной информацией как о событиях 1696 г., так и о прошлом его участников, ссыльных, одни из которых были замешаны в стрелецких восстаниях и, пройдя плети и дыбу, получили вместо казни ссылку, а другие участвовали в нарымском бунте. Из Москвы грозили поэтому с самого начала заморцам божьим гневом и царским грозным судом: «а буде они удинцы и селенгинцы и иных острогов жители забыв страх божий и крестное целование и обещание свое от таковых злых противных и возмутительных дел и бунтовать не перестанут и учнут нашему В. Г. указу в чем

¹ См. сборник «Первое столетие Иркутска» (введение Головачева). Совершенно так же обстояли дела и во время восстания жителей Братского острога в 1696 г., в Нерчинске, Илимске и т. д.

² Архив АН СССР, Списки Иркутской архивы, № 39; ср. «Первое столетие Иркутска», стр. 162.

быть ослушны, а станут слушать возмутителей и бунту наговорщиков и самовольством своим учинят сибирскому краю и народу междоусобие... и их за такие их злые и никогда в сибирской стороне слышанные дела завести на себя божий правильный гнев и нашего В. Г. опалу и казнь таковую, каковая народовозмутителем творится».¹ Угрозы, как свидетельствуют документы и летопись Иркутска, были выполнены.

В качестве таких «народовозмутителей» и «бунтовщиков» и проявили свое отношение к улусному черному люду, к холопам и беглым ясырям заморские служилые люди в 1696 г., как свидетельствуют отрывочные, но весьма яркие данные, сохранившиеся в официальных документах.

Характерно, что, провожая своих челобитчиков в далекий путь по Ангаре, заморские служилые, перед тем расправлявшиеся с домовитыми староприборными казаками на Селенге и требовавшие некоторых иркутских горожан для той же цели, «наплыли» на иркутских служилых. Последние были перед тем посланы «с наказными памятами по челобитью иркутских разных чинов жителей за беглыми их холопи и за покраденными животы».

Вообще в Иркутском уезде заморцы почти не скандалили и крестьян, например, не обижали. В данном случае, однако, они убили трех попавшихся им служилых людей, а четвертому насыпали песку за пазуху и «в воду посадили», т. е. утопили. Не поздоровилось и остальным. Их заморцы, «бив дубьем и перераяя, покинули замертво Братского острогу в уезде, пониже Кежемской деревни».²

Жестокая расправа с служилыми, взявшими беглых холопов к их господам в Иркутск, закончилась присоединением освобожденных холопов к казакам. По словам документов, «они же, удинские и селенгинские и полковые служилые люди, прибрав к себе на дощаники беглых полковых стрельцов и беглых холопей з женами, з детьми и з животы», пришли осаждать Иркутский острог.³

Заморцы присоединили к себе по дороге также и холопов богатых иркутских служилых людей, сидевших по своим заимкам и пахавших пашню руками холопов. Один из самых крупных, по

¹ Архив АН СССР, Списки Иркутской архивы, № 39; ср. «Первое столетие Иркутска», стр. 162.

² См. Списки Иркутской архивы, № 39; ср. «Первое столетие Иркутска», стр. 109—110.

³ Там же; «Иркутский летописец», говорит, что побитые служилые были посланцами Савелова; последний, однако, этого не пишет.

Жители Братского острога в сыску сказали, что «те Иркутские казаки были ниже Братского острога и беглых людей сыскав поворотились и выше де Братского под Кежемской деревней их побили заморцы». Заморцы затем привезли 6 человек убитых в Братск «и по приезде учинили из ружья стрельбу по одному выстрелу» («Первое столетие Иркутска», стр. 110).

Сами заморцы объясняли в целях оправдания погром служилых тем, что последних послал якобы Савелов побить челобитчиков, посланных заморцами, и разделить их пожитки «по себе» (там же, стр. 110).

размерам хозяйства, служилых людей сын боярский Евдоким Курдюков, был ограблен заморцами во главе с М. Борисовым. «Да с ним же Миткою пришли люди его, Евдокимовы три человека с женами», бежавшие из деревни своего владельца.¹

Соединение беглых стрельцов со своими прежними товарищами-заморцами — вполне понятно. При учете же «плебейского» характера движения заморцев, по большей части тех же бывших ссыльных стрельцов, резко противопоставлявших себя старым служилым, проясняются и взаимоотношения их с холопами, с беглыми ясырями бурятской и монгольской «породы».

Всево интереснее, что заморские бунтари-служилые не ограничились приемом в свой «воровской круг» холопов и ясырей, а вовлекли в движение и ясачных бурят. Они не ограничились бунтом в Иркутске и его уезде, а захватили под свое влияние и Лену вплоть до Илги. «Шатость великая», которую позже здесь устроили заморские казаки, проявилась, например, в том, что «собрався з брацкими мужиками многолюдством и разбоем», они явились на Тутуру и к илгинскому приказному Ив. Валютинскому, били его и других увечили «на смерть», а «животы» пограбили и увезли с собой.²

Движение «заморцев» явно проявляло в какой-то мере тенденцию к перерастанию в движение всех недовольных, включая не только ясачных, а также и холопов.

Такое движение в случае его роста представляло значительную опасность для зажиточных посадских и местной служилой аристократии города Иркутска, до чьих голов и пожитков, видимо, и добирались заморцы.³ Потому, будучи тоже недовольны

¹ «Первое столетие Иркутска», стр. 108.

² Воеводы Арсеневы писали из Якутска в Москву: «По ведомости де гостинные сотни Алексея Ушакова лавочного сидельца от Алешки Богова и иных многих торговых людей, которые по приезде вверх Лены реки, есть Якутского уезду в волостях шатость великая и приезжали же из-за моря удинские казаки в Иркутской уезд в Верхоленское, а из Верхоленского собрався з брацкими мужиками многолюдством разбоем в Илинскую (Илгинскую) волость к прикащику к Микитке Гладкову и в Тутурскую волость к прикащику к Ъвашку Валютинскому в дома их и Микитку и Ивашка и жен их били и увечили на смерть и животы их все пограбили и увезли с собою» (см. архив АН СССР, ф. 21, Списки Иркутской архивы, № 40, л. 106 (113)).

³ В «Иркутском летописце» рукописного отделения библиотеки Академии наук сообщается, что заморцы, «стоя под городом жителям чинили обиды и озорничество». Мы знаем, однако, что грабежу и побоям подверглись служилые, большей частью, из их верхушки, как например, Евдоким Курдюков, сын боярский Ю. Крыжановский, у которого Д. Фык с товарищами забрали рожь и пшеницу, «рогатой скот и свиней убили».

Наоборот, среди населения Иркутска и его уезда были люди, сочувствовавшие заморцам. Когда они плыли мимо деревень по Ангаре и к Иркуту, к ним приезжали три человека из деревни и говорили, чтоб заморцы шли со своим дощаником бережно, «хочет их в Иркутском хватать и мучить воевода А. Савелов». В Бельске к ним приходили служилые и пашенные крестьяне, известная словесно на Е. Курдюкова в винокурении («Первое столетие Иркутска», стр. 104, 106).

Савеловым, эти слои иркутского населения, руководившие жизнью города, и не открыли заморцам острожных ворот. «Отказав» затем сами Савелову от воеводства и выбрав регентом Ивана Перфильева, иркутяне поэтому все же не выдали воеводу заморцам в июне 1696 г., а наоборот, отбили их дощаники от берега.

Смотря на происшествия 1696 г. с явным неодобрением, из Москвы писали в Иркутск после этого, чтобы никто из русских людей не смел впредь так поступать, а в особенности, чтоб «собою, чево прежд сего из давних лет в Сибири не бывало, не управлялись».

Особенно беспокоило тогда московскую администрацию окраинное положение сибирских земель и наличие коренного населения, готового в ряде случаев начать борьбу за свою свободу. Было приказано собрать всех жителей «заморских» острогов и их уездов по приказным избам и объявить им царский указ, чтобы они «сами не бунтовали и такими б своими поступками и иных городов жителей не возмущали и в таком междуусобии и нестроении не навели б на себя войною наших, великого государя, неприятелей мунгалов и иных народов людей и не учинили б сибирскому краю какого разорения великих убытков». ¹

О том, что выше речь шла не только о «внешних» врагах, свидетельствуют другие факты. Спустя десять лет, в 1706 г., писали из Москвы стольнику и воеводе иркутскому Спнявину относительно сделанного в ноябре 1705 г. городовым иркутским толмачом К. Зверевым извещения, что у бурят, тунгусов и монгольских выходцев, поселившихся в Иркутском уезде, «явилось огненного ружья, пороху и свинцу многое число, а тот порох и свинец те вышеписанные братские люди, мунгальские выходцы и тунгусы покупают в Иркутску на гостине дворе и на торгу». Москва приказала учинить крепчайший заказ всем торговым людям, чтобы они не смели продавать и менять порох и свинец «ни на какие товары», так как, судя по отпискам из Иркутска, воеводы здесь были «от такова у вышеупомянутых ясачных иноземцев многого огненного ружья опасны». Кроме того, было предложено конфисковать у бурят, выходцев и тунгусов весь запас пороха и огненного оружия. ²

Не меньше опасались тогда и побегов ясачных данников царя за границу. В 1709 г. били челом бурятские шуленги иркутских ясачных улусов о том, что буряты ездят в Монголию, «в уренскую и соецкую землицу» для покупки мягкой рухляди в обмен на коней и другой скот, потому что у самих бурят соболей нет и на лесные соболиные промыслы они не ездят, а выменивают соболей у сойотов и русских купцов в Иркутске. Но в 1708 г., как говорили шуленги, вышел указ, запрещающий подобные зарубежные поездки за границу под угрозой смертной казни. Начальство выслушало

¹ Списки Иркутской архивы, № 38, л. 97—101. Указ от 20 ноября 205 г.

² ИАИ АН СССР, Дела иркутские, 1706 («по описи № 55» — пометка XVIII в.), л. 33, 34.

это ходатайство об отмене указа 1708 г., заканчивавшееся просьбой разрешить поездки к сойотам, чтобы «от недобору с них ясаку в конец не раззориться и ясашного платежу не отбыть и на правеже замученным не быть», но постановило... казнить смертью за такие путешествия. ¹

Оставляя теперь в стороне «бунт» 1696 г., следует заметить еще, что именно эти «внутренние враги» царизма, не принявшие участия в побеге Петра Тайшина, тем не менее задолго до последнего события вели своего рода партизанскую борьбу в Тункинских Альпах. Когда в 1689 г. выше Тунжинского острога были побиты бухарские купцы и послы Бушухту-хана, иркутские власти ссылались на существование там, в диких горных местах у границы, своего рода «Запорожья» или «Вольного Дона» — убежища как для поданных монгольских феодальных владельцев, так и для ясачных холопов Московского царя.

Отвечая послан Бушухту-Хана, воевода кратко, но очень ясно обрисовал и антифеодальную борьбу, которую вели, добиваясь «вольности», свободы от ясака и албана, эти партизаны XVII в.

«Разве де побили и погромили», говорил он, «тех бухарцев неясачные крайние соецкие мужики и которые отложились изменя великому государю братские мужики, которые бывают повсегодно в шатости также и ваши мунгальские крайние люди, которые живут промеж крайними великого государя ясачными и вашими крайними людьми, убегая ис под самодержавные царского величества руки и от ясачного платежу и обладания ваших тайшей, и живут в вольности». ²

В самом разгаре событий, связанных с восстанием П. Тайшина и бунтом заморских казаков, и несколько ранее, в Приангарье действовал также бурят Богачейко с родом. О нем писали иркутские власти, что «в 200 и 201 и 202 и в 203 и в 204 и в 205 и в 206 гг. великого государя ясачной иноземец Богачейко с родом своим отъехал в дальние места отбывая великого государя ясаку, и воровски подъезжая под Тунжинской и под Белской и в Нукуцкое зимовье, русских служилых людей и ясачных иноземцев побивает по все годы, кони и рогатой скот отгоняет». ³

Богачей называется просто «ясачным иноземцем». Если бы он был князем или «лучшим человеком», о нем так и писали бы. Значит, Богачей должен быть рядовым улусным человеком, а не аристократом. Богачей отъехал «с родом». Про князя писали бы, что он ушел в горы «с улусными людьми». Выражение «с родом» следует понимать и как указание на крепость родовых родовзей и как на выступление целой родовой общины. Так же говорят документы и о тунгусах-повстанцах, например, «Звероуле с родом».

¹ Там же, январь 1709 г.

² ИАИ АН СССР, Иркутские дела, 1689.

³ Списки Иркутской архивы, № 23, л. 75.

Поддержка местных бурят была явно на стороне Богачей. Иначе он не продержался бы в горах шесть лет. Но кто поддерживал его? Предания бурят и документы ясно показывают преданность царю местной бурятской знати, всех этих Бошко бурятского эпоса. Естественно, что, мстя им, повстанец Богачей громит и их кочевья, грабит их имущество и угоняет скот. Зато улусные массы, так страстно ненавидевшие, как мы знаем, своих туземных начальников, верных царизму, сохранявшие в тех же самых местах, где когда-то действовал Богачей с родом, до XX столетия предания о Хатту-хулитай-ноене Бошко, не могли не сочувствовать деятельности улусного мужика-повстанца.

Учитывая создавшуюся в то время общую социально-политическую обстановку в Западной Бурятии, мы можем высказать, иными словами, предположение, что ясачный бурят, отец и дед которого платили ясак в казну, не выдержал ясачного бремени, восстал против царя и его ясачного тягла и вместе со своими сородичами ушел в тайгу. Пользуясь поддержкой местного бурятского населения, Богачей с его родом целых шесть лет вел непрерывную партизанскую, если выражаться языком современности, войну в западном Прибайкалье. Подъезжая к укрепленным русским поселениям и крепостям, вплоть до самого Иркутска, Богачей громил царских слуг, расправляясь также и с их агентурой из числа местной бурятской знати и как бы следуя в том примеру улусных людей Окин-Зайсана. Несомненно, что люди типа Богачей имеют поэтому больше права и на внимание советских историков освободительного движения бурят-монголов, чем тот же Петр Тайшин.

Иркутские власти вполне представляли значение таких людей, как «Богачейко». Они настойчиво добивались, чтобы монголы «ево, Богачейка, изымав связана» прислали в Иркутск с надежными провожатыми, за крепким караулом.¹

Богачей был, как мы видели, не один, а кроме его родовичей поднимались на борьбу и прочие буряты, старые «ясачные холопы» царя. Показательно уже то обстоятельство, что они приняли участие в осаде Тункинского острога Шиптатур-Батуром и при этом бились на передовых линиях. Казаки писали тогда в Иркутск: «И на тех приступах и выласках они, Иркутские служилые люди, их мунгальских людей, изменников — бывших иркутских ясачных многих побили».²

Итак, что касается «осады» Иркутска бурятами, то мы видели, что поздний иркутский «летописец», автор Иркутской летописи в кротовско — пежемской редакции, «открывший» бурятское восстание 1696 г., которого еще не знает автор басинской рукописи, и положивший начало этой легенде, — является, как показано выше, повидимому, первым представителем ряда историков, освещавших события 1695—1696 гг. под противоположным на-

¹ Списки Иркутской архивы, № 23, л. 75 (79).

² Там же, № 16.

шему углом зрения и, при скудости данных, извращавших былую действительность. И это понятно. Иркутянин «летописец» конца XVIII и начала XIX в. плохо представлял обстановку более раннего времени. Акционеры Российско-Американской компании, их подручные, приказчики и т. д. вряд ли не только понимали, но и хотя бы знали факты оппозиционных выступлений посадского люда, городской бедноты, низших служилых и прочих недовольных людей старого Иркутска против московских властей. Тем более им чужда была мысль о том, что такая борьба доходила местами до объединения ее, в той или иной мере, с национальным освободительным движением тех же бурят.

Непонятный для летописца «бунт заморцев», о котором он слышал, как и М. А.,¹ туманные рассказы, и для рассказчика и для писателя, был, поэтому, уже бурятским бунтом. Кому же в самом деле, осаждать Иркутск, если острог окружали «кипевшие ненавистью к русским монгольские племена»!

Совокупность фактов всей истории событий 1695—1696 гг., запутанной историками, показывает, как зыбки и неустойчивы основания отмеченной традиции, господствовавшей по крайней мере столетие. Факты раскрывают иную картину, притом более интересную и богатую жизненными чертами. Во всей этой сложной картине на фоне внешнеполитических столкновений, за кулисами крупной политической игры, разворачивается жизнь масс, история их страданий и их борьбы. Красная нить, проходящая сквозь весь этот сложный переплет событий, разделяет их участников внутри каждой государственной границы и каждой этнической группы на два лагеря, противоположность которых вполне очевидна, хотя документы той поры и не ставят своей задачей рассказывать именно о ней.

Может быть доказано и сходство положения «ясачных холопов» царя и «государевых сирот» — пашенных крестьян, тянувших царское тягло, городской бедноты и даже мелкоты из служилых, бросающее свет на участие в бунте заморцев беглых холопов, «ясырей» и ясачных бурят. «Бунт» Богачея, восстание заморцев, «штатость» в Тунке вполне вознаграждают нас за отказ от столь эффектного факта, как осада города Иркутска полчищами бурят в 1696 г., раскрывая черты подлинно народной борьбы против угнетателей.

Особого внимания заслуживает при этом скрещение фактов истории русского народа в лице сибирского крестьянства, ссыльных и городских низов и истории бурят-монголов Прибайкалья

¹ Лишним доказательством в пользу нашего отождествления «бурятского бунта» 1696 г. с осадой Иркутска заморцами служит и указание М. А. и Мартова на поход служилых из Иркутска именно за Байкал. В памяти старожитов все еще сохранились воспоминания об осаде Иркутска заморцами, единственной в его жизни, а по проницательности судьбы — русскими же, и о какой-то связи этого события с забайкальскими делами. Оставалось только рационалистически увязать их, что и было сделано.

е историей собственно монгольской народности, халха-монголов, в тяжелые годы на исходе XVII в.

Приводимые выше материалы о жизни трудящихся масс всех этих трех народов в эпоху изнурительных и грабительских феодальных войн, коварной дипломатической игры, грязных измен и предательств, ценны именно тем, что показывают нам лишний раз сходство положения, в котором находились низы, и дают, как мы знаем, одинаковые примеры борьбы угнетенных с угнетателями, эксплуатируемых против эксплуататоров, хотя бы это были еще только зачатки антифеодальной борьбы и, что касается бурят-монголов, лишь истоки освободительного движения, скованного еще бесчисленными путами — вплоть до элементов патриархально-родовых связей, темноты и тому подобных препятствий. И тем дороже для нас — хотя и немногие данные, раскрывающие картину совместных выступлений казачьей голытьбы с ясачными людьми, крестьянами и холопами, против богачей, служилой аристократии сибирских городов и московских властей в конце XVII в.

7. ВОЛНЕНИЯ НА ОКЕ В 1767 г.

Материалы одного старинного архивного дела из фондов бывшей илимской воеводской канцелярии, сохранившегося в числе прочих дел местного воеводского управления XVII—XVIII вв. под названием: «Секретные указы о отдалении ламы Данжина в 1767 году», при ближайшем знакомстве с ними открыли автору данной работы не только биографические данные об этом «секретном арестанте» ламе Данжине, но и самым неожиданным образом выявили картину «бунтовского заговора» и даже подготовки как будто «бурятского восстания» на Оке и в Приангарье летом 1767 г.¹ Если полагаться на документы этого объемистого дела, события начались с того, что в иркутскую губернскую канцелярию с промеморией известного Якобия был прислан вышедший из-за границы «монгольской породы лама Гилун Нован Данжин».

Якобий велел направить «мунгальского выходца» ламу Данжина в отдаленное место, «куда способно, под смотрение тамошним иноверческим старшинам и приказать бы содержать его в улусах без отпуску, дабы никогда не мог ездить в Баргузин для свидания с находящимся там под арестом братом ево, а особливо и за границу утечки и о здешних обстоятельствах разглашения учинить не мог».²

Секретный арестант лама Данжин представлял собой, очевидно, довольно опасную политическую фигуру, так же как и брат его, содержащийся под арестом в Баргузине, если было решено запрятать ламу поглубже от китайско-монгольской границы. Обладая, повидимому, способностями политического авантюриста, имея прочные связи в Забайкалье и замешанный в большую политическую игру властных правящих кругов Монголии, этот мунгальский выходец был все же наиболее опасен не этими связями, а тем, что он был хорошо осведомлен во внутренних делах и обстоятельствах Забайкалья и мог информировать о них за границей заинтересованные в этих сведениях монгольские и китай-

¹ Дело илимской воеводской канцелярии, «Секретные указы об отдалении ламы Данжина в 1767 г.» хранится в данное время в восточно-сибирском краевом архиве в фонде «Илимской воеводской канцелярии».

² Выдержки из документов без ссылок на источник в дальнейшем изложении взяты из названного выше дела о ламе Данжине.

ские круги. Разглашение «здесьних обстоятельств» явно пугало всемогущего губернатора.

Случайный гость для Забайкалья, этот мунгальский выходец был обязан такому вниманию русских властей и их заботам не своим личным качествам, а заслужил его именно по причине «здесьних обстоятельств», складывавшихся, очевидно, настолько неблагоприятно для русских властей, что самой неотложной заботой последних было пресечение всяческой информации, просачивавшейся из Сибири за границу.

Каковы были «здесьние обстоятельства» в шестидесятых годах XVIII в. и в чем именно они таили неприятности для русского правительства, наглядно показывают на конкретных фактах события 1767 г. в Братске, разыгравшиеся в связи с личностью ссыльного ламы Данжина и бросившие свет на положение бурятского населения в половине XVIII в.

27 января 1767 г., исполняя желание Якобия, губернская канцелярия направила в илимскую воеводскую канцелярию ламу Данжина в сопровождении илимского казака Герасима Мироманова. Илимская воеводская канцелярия в то время ведала и Братским острогом с прилегавшими к нему бурятскими волостями. Братский острог находился в центре бурятских улусов, наиболее удаленных от Забайкалья, от так смущавшей Якобия «пограничности»; и Иркутской администрации, хорошо знакомой с ангарским водным путем и трудностями сообщения в этом районе, казалось, нельзя было и найти более удобного места для ссылки опасного мунгальского выходца. Шестьсот километров водного пути по Ангаре и непроходимые таежные дебри кругом представляли достаточно прочную преграду для неблагоприятной политической информации. Что касается местного бурятского населения, то кругом располагались уже большие русские села, многочисленные крестьянские заимки и деревни. Буряты были как бы охвачены кольцом русского населения, издавна соприкасались с ним, и ничего опасного в политическом отношении после событий XVII в., после кровопусканий, учиненных первыми завоевателями, и лихоимственных упражнений Ивана Похабова, казалось, уже не представляли.

Так и рассуждали тогда власти в Иркутске.

Специальная инструкция, данная конвоиру ламы Данжина казаку Мироманову, подробно излагала правила, которыми должен был руководствоваться Мироманов в пути, и самым тоном своим внушала понятие о важности порученного ему дела. «По получении сего принять тебе из Иркутской губернской канцелярии секретного арестанта мунгальского ламу Гылуна, который кован в ножных кандалах, и в посланном об нем в Илимскую воеводскую канцелярию конверте за печатью указ и следовать в город Илимск немедленно на определенной тебе уездной подводе и на платеж за одну поверстных денег на 500 на 80 на 5 верст по денге на версту — 2 р. 92 к. с половиной... Будучи в пути, онаго арестанта

весть под крепким и неоплошным караулом, дабы он уттить не мог, а притом смотреть за ним, чтоб он себе или тебе какова вреда не учинил, а для того никакого язвительного орудия ему не давать, напротив же того и никакого озлобления ему не чинить, а по тракту в деревнях низачем напрасно не проживать». В заключение губернская канцелярия подчеркивала: «при сем объявляются тебе указы: 1. 1724 года о делах, которые тайности подлежат, — оные отнюдь в партикулярных письмах никому не писать, ниже к тому, от кого отправлен, кроме настоящих реляций; 2. 1764 года апреля 27 дня о таких делах, каких в производстве не было, не рассказывать и от лживых и неизвестных дел обдержаться и по дороге жителей тем в беспокойство производить отнюдь не дерзать под угрозой штрафа».

Окруженный строжайшей тайной, в звании секретного арестанта, прибыл лама Данжин в Илимск. Илимские власти, подчиненные Иркутской губернской канцелярии, получили в секретном указе приказание принять ламу и содержать его в тамошних братских родах, «в каких она (воеводская канцелярия. — А. О.) за способное признает, под крепким присмотром, дабы он оттуда никуда не отлучался, а паче и за границу побег учинить не мог». 30 января 1767 г. родовым шуленгам (старостам) приказано было предложить неотступно наблюдать за ламой Данжином, чтобы «он, заграничной, о том никому не разглашал», если же будет за ним примечено, что станет куда-либо ходить или «к побегу какие приготовления предпринимать», то в таком случае содержать его под арестом за караулом. Однако, оговаривалась губернская канцелярия, намекая на важность этой опасной персоны, «никакова озлобления ему не делать, а между тем о его намерении в тот час сюда репортовать под опасением в случае его побегу за слабое смотрение неотменного по указом штрафа».

Получив указ, илимская воеводская канцелярия «за способное признала» присланного к ней «ламу содержать Илимского ведомства в Верх-Окинской и Иитской волостях, которые волости к пограничным х китайским и мунгальским землям не смежны». Немедленно отправили нарочного казака по шуленгу тех двух волостей, новокрещенного Никифора Тютюкова. Шуленга явился в Илимск 21 февраля и получил под расписку секретного арестанта. При этом шуленге строго-настрога наказали иметь за ламой неусыпное смотрение, согласно наказу и инструкции губернской канцелярии «во всем непременно». Если же от ламы Данжина «будут в тех волостях происходить худые поступки, а особливо к побегу намерение», то тотчас рапортовать секретным образом в илимскую канцелярию, а самого арестанта немедленно заковать в ножные и ручные кандалы и содержать под крепким присмотром. «Ножные и ручные железа», которых у шуленги не имелось, последний для этой цели получил из воеводской канцелярии вместе с поднадзорным.

«Есть ли же он, лама, будет содержать себя в тишине и худых поступков происходить от него не будет», то в таком случае велено было содержать Данжина «во всякой ласке, и пищею чтобы был доволен, и никакова озлобления ему не оказывать, а особливо ему, шуленге Тютюкову, накрепко подтвердить, чтоб о том ламе тамошним иноземцам, какого он роду, не объявлять под опасением, ежели в том окажется, жестокого по указом наказания». Сам шуленга Тютюков тоже был обязан крепкою подпискою о роде ламы Данжина никому не разглашать, под угрозю жестокого наказания.

Секретный арестант, попав в бурятские улусы, не пожелал будто бы содержать себя в тишине. 26 марта 1767 г. прилетел с нарочным в илимскую канцелярию секретный рапорт шуленги Тютюкова, в котором шуленга сообщал о переполохе в улусах, происходящем от худых поступков ламы Данжина. По словам Тютюкова, как только ламу доставили «в мои улусы», собраны были все ясашные Окинско-Итского ведомства, после чего арестант «отдан для содержания и пропитания» по юртам. Кормили Данжина, повидимому, по раскладке: «что сами ясашные по скудости своей в пищу употребляют, тем ево и кормят. Також оной лама требует от тех ясашных, чтобы давано было ему говяжье сало и баранье мясо, масла и молока завсегда».

Убежденный особыми заботами высокой провинциальной администрации в своем исключительном для нее значении, лама добивался, по словам рапорта, улучшения питания и «ласки» довольно-таки демагогическими мерами. «Ежели всего онаго приготавливаемо и на всякое время, когда потребует, давано ему того не будет, то де хочет бежать или удавитца и показывает образ к побегу, каким образом он хочет уйти, — выставляетца в окошко и объявляет, что нынешним летом приедут искать, а отколь, того не выговаривает, в чем я, Титюков, и все ясашные имеем великое опасение, чего ради Илимской воеводской канцелярии и репорту».

Воеводская канцелярия определила по этому рапорту ламу Данжина «за его противные поступки, а особливо за объявляемой им к побегу случай», заковать в кандалы, данные шуленге Н. Тютюкову, и содержать в крепком смотрении, приставив к нему «наикрепчайший караул», который должен был находиться при ламе «денно и ночью, неотлучно», а кормить ламу в наказание за худые поступки тем, что сами караульные станут есть. О поступках же секретного арестанта решено было осведомить губернскую канцелярию секретным образом, через ординарную почту.

Получив сообщение воеводской канцелярии, иркутское начальство предписало «наикрепчайше смотреть» за ламой, а также почаще напоминать и подтверждать Тютюкову о том же, дабы лама «утечки или какова вреда учинить не мог, а притом ласкою ево уговаривать, дабы он находился там добропорядочно и впредь

в каком состоянии обращаться будет, о том в здешнюю (иркутскую) канцелярию репортовать».

Подтверждение губернской канцелярии об усиленном карауле, а особенно требование ласкою уговаривать, не ожесточать арестанта, естественно, должно было поставить шуленгу в затруднительное положение, возлагая на него особую ответственность. Как бы то ни было, в течение трех месяцев лама больше не беспокоил своими поступками илимскую воеводскую канцелярию. Надо полагать, что занятые своими обыденными делами власти мирного илимского захолустья позабыли о столь беспокойном сначала арестанте.

Но 28 июня 1767 г. в братскую приказную избу пришел крестьянин Шамановской деревни Братского острога Федор Чюсовитин с братом Мироном Чюсовитиным. «По секрету в Братской приказной избе в присутствии» они объявили, что ясашный иноземец Сенька Мычикеев сказал им, крестьянам: «вам только жить до субботного дни, т. е. июня 29 числа». Братская приказная изба немедленно приняла меры предосторожности, были арестованы и посажены под крепкий караул С. Мычикеев, шуленга Н. Тютюков, ясачные плательщики Харгал Минкин, новокрещенный Мпшка Колчин. Приказная изба, кроме того, сообщая «об оказавшемся деле», потребовала от Илимска «для предосторожности казаков и солдат пристойное число».

Происшествие в деревне Шамановской (по реке Оке) 28 июня 1767 г. подробно описано в одном из документов дела о ламе Данишине. Оказывается, к Чюсовитиным в этот день пришел ясачный С. Мычикеев и, по всей вероятности, в пьяном виде стал говорить хозяевам «похвальные речи», угрожая, что русским людям дожить только до субботнего дня. «И означенного ясачного Мычикеева за те ево похвальные речи, по выходе ево от него, Мирона, из избы вон, для отвозу и объявления в Братской приказной избе, Чюсовитины ево, Мычикеева, на улице связали веревкою», при участии того же Шамановского погоста крестьян П. Горностаева, И. Тетери и других.

При этих же крестьянах Шамановского погоста пришел на место происшествия шуленга верхне-окинской и иицкой ясачных волостей Н. Тютюков, который вмешался в дело и «им, Чюсовитиным, выговаривал при тех же крестьянах — оного де ясачного Мычикеева развяжите и в Братскую приказную избу не возите». В отплату за выполнение просьбы Тютюков обещал крестьянам купить осьмину вина. Но Шамановские крестьяне не соблазнились обещанной в виде награды осьминой вина, очевидно сильно испуганные угрозой Сеньки Мычикеева. Они, наоборот, связали вместе с Мычикеевым и его заступника шуленгу.

28 числа из деревни Шамановской крестьяне доставили арестованных шуленгу и Мычикеева в Больше-Кадинскую деревню, сами «оттоле возвратились обратно», а дальше арестованных везли крестьяне «меж деревень» от станка к станку на ямских подводах.

Случившиеся в илимском ведомстве «такие нечаянные строгости» не на шутку взволновали воеводскую канцелярию и ее начальника и воеводу Шарыгина. Разобрать дело и принять необходимые меры было поручено сержанту городской илимской команды Зарубину («начальнику гарнизона»). Зарубин первые сведения о бурятском волнении на Оке получил еще будучи в Мало-Мамырской деревне по реке Ангаре, — здесь он уведомился 1 июля от крестьян Антона Псковитина и В. Софронова, что из Братского острога приехал крестьянин В. Кошкаров и объявил, будто там поймано двадцать семь человек «иноверцев», из которых один объявил, что с 29 на 30 июня к Братскому острогу придут «из-иноземцев» 150 человек. По словам Кошкарова, сведения от которого получены были в Братске, этот иноверец, якобы, объявил местному начальству, что «ежели его окрестят, то де объявит, где у них, иноземцев, лежат их ружья».

На рапорт Зарубина воеводской канцелярии о «бунте» бурят и готовности выдать их оружие, проявленной неким иноземцем при условии крещения его в христианскую веру, канцелярия предложила ему «пойманными иноверцами, а наипаче тем, которой требует святого крещения, в самой скорости исследовать, где у них такое оружие лежит, и в котором месте покажет, — того ж часу, взяв, которой из них покажет, скомандировать тамо имеющихся казаков и к ним ис крестьян и разночинцев человек до 200 или как можно приумножить с собственными их ружьями, с которыми следовать вам самому в то место с осторожностью и то иноверческое ружье все без остатку забрать и содержать в Брацком остроге под караулом впредь до указу».

Относительно осторожности воеводская инструкция Зарубину очень детальна и пространна, такой тщательностью еще более оттеняя общую картину переполоха в воеводском административном центре при первых слухах о бурятских волнениях в Братске.

Зарубину рекомендовали, «будучи в пути и по наслегам, иметь крепкой и безопасной караул, а если где вами усмотрено будет их иноверческое собрание, то как можно оных увещевать, а без указу с ними вооруженною рукою не поступать, и сколько тех иноверцев сыскатца может, — всех без остатку взять и привести в Братской острог и держать под караулом до указу; також того ис них и прежде взятых шуленег содержать в крепком смотрении под караулом».

Особо было приказано арестовать и содержать под крепким караулом ламу Данжина, связь которого с бунтом на Оке, впрочем, не только была неизвестной илимскому начальству, но, видимо, и не предполагалась им.

К сержанту Зарубину командировали из Илимска четырех солдат и казака «самых добрых и надежных», а для письменного делопроизводства при розыске и для «предускорения и к лутчему основанию, дабы по окончании можно было взять того дела обстоятельства», подканцеляриста Ив. Карелина.

Канцелярского работника командировали именно потому, что велено было произвести на месте в Братске допрос и очные ставки «во всем без упущения в самой скорости, не полагаясь и не отговариваясь ни в чем, дено и ночно». Арестованных воеводская канцелярия приказала после предварительного следствия в Братске доставить скованными в Илимск под конвоем «достойным и безопасным».

Предварительное следствие сержанта Зарубина увенчалось полным успехом. Ему, казалось, удалось добыть самые полные сведения, какие только могли быть собраны, о предполагавшемся набеге на Братск и об организации восстания бурят.

Прежде всего он обратил внимание на первого доказчика — иноземца, о котором слышал еще в Малой Мамыри. Доказчик оказался к 8 июля уже окрещенным без особых проволочек, по особым обстоятельствам военного и осадного времени. Новокрещенный Алексей Костянтинов в расспросе показал, что в вешнее время шуленга и лама, разъезжая с некоторыми ясачными плательщиками, имели между собою согласие о совместном выступлении против русских. Разъездным уполномоченным при шуленге, своего рода адъютантом, во время организации восстания был ясачный плательщик Капкара Кирентин.

В события на Оке, по словам новокрещенного «доказчика», замешаны были и китайцы, которые стояли будто бы на речке Тетбее и хотели в петров день напасть на русские поселения и в первую очередь на Братский острог. В качестве технической военной базы «имелось у них, ясачных брацких людей, запасного оружия по речке Тубе ружей до ста».

Допрос остальных захваченных ясачных людей подтвердил в основном показания новокрещенного Костянтинова, но выявил и другие моменты этого дела, а также и неодинаковую осведомленность допрошенных о событиях (расспрос проводился дважды: сначала Зарубиным, а после него секретной комиссией).

Ясачный плательщик Микишка Чючкин показал в своих расспросных речах, что «оной волости новокрещенной шуленга Никифор Тютюков с содержавшимся у него под арестом мунгальской породы ламой чинили согласие купно и с плательщиком Сенькой Мычикеевым, в коем он, Чючкин, был же, и чтоб им идти на Братский острог, и как их, так и в деревнях всех крестьян и жителей погубить до смерти. И тогда-ж означенной шуленга Тютюков учинил со оным же согласие, чтоб быть у них в обществе ис китайского государства китайцам. И по тому согласию ездил во оное государство и когда он приехал, то оных китайцев не видел». Игнашка Бодороев подтвердил слова Чючкина, но добавил только, что в китайское государство из Верхне-Окинской волости ездил ясачный плательщик Никишка Букинов, который «со всем оружием, человек до 200» по приходе в Верхне-Окинскую волость явился на речку Каду. Китайцы обещали будто бы прибыть к петрову дню к Братскому острогу на Дунаеву речку.

а ныне оные по увозе ево, Игнашки, остались на Каде-ж рече». ¹

Ясачный Иван Бузуев сообщил, что нынешним летом (1767 г.) в китайское государство посылал шуленга Тютюков ясачных же плательщиков Богандая и Гаврила Зоринных да Сеньку Буймина, чтобы «ис того государства дали ис китайцев в помощь для раззорения всех крестьян». Посланные вернулись из китайского государства с китайскими людьми обратно, причем китайцы явились «с коньми и со всем оружием, человек з 200», на реку Каду, а оттуда опять поднялись к устью речки Тетбен, где и остались после увоза И. Бузуева в Братск.

Тимошка Хандоров «без всякого пристрастия» (а было, значит, и «пристрастие») рассказал, что после призыва бурятами китайцев последние остались «Братского ведомства в Аргалицкой деревне, где вышепоказанной шуленга Тютюков имеет жительство», после же увоза Т. Хандорова в Братск эти китайцы оставались выше Аргалицкой деревни верстах в 15. Несмотря на раскрытие заговора, «китайцы», по словам Хандорова, намеревались итти в Братский острог «для убития русских людей».

Игнатий Бадараев повторил те же сведения о совете ламы с шуленгой призвать китайцев, которые и обещались к петрову дню быть на Дунаевой речке.

Сенька Мычикеев подробно изложил весь ход событий и раскрыл нити «заговора». По его словам, шуленга в великий пост, вскоре после приезда из Илимска, находился в Верх-Окинской и Иитцкой волостях вместе с ламой. Приехав из Илимска, шуленга послал за ним, С. Мычикеевым, ясачного плательщика Ботрахана Калтагарова («который ныне по выбору отправлен в Иркутск делегатом»). По приезде Мычикеева домой (очевидно, с работы) шуленга вызвал его из избы на улицу и «по вызове выговаривал ему, Мычикееву, что де он Тютюков производил совет Верх-Окинской и Иитцкой волостей с есашными плательщиками с 75 человеки и с содержавшимся у него под караулом мунгальской породы ламой, также и Иркутцкого ведомства ясачными плательщиками 60 человека, итти на Братской острог и всех жителей, также и того острогу в присутственных деревнях всех же пашенных крестьян и прочих жителей до смерти убить и дома их все раззорить».

В ответ на предложение шуленги войти в это соглашение и принять участие в готовящемся выступлении, Мычикеев будто бы сказал, что «и он де в то согласие идет». Выступление предполагалось на петров день 1767 г.

Уехав домой в Аргалицкую деревню, шуленга недели за три и более до петрова дня послал Мычикеева в Яндинский погост и в Усть-Удинскую деревню за сбором платежных ясачных кви-

¹ Речь идет, конечно, не о манчжуро-китайцах, а о жителях пограничных владений Китая в Монголии.

танций с особой на этот счет памятью: «по приезде в те места, скажи оным ясачным плательщикам, чтобы они готовились, как выше показано, для убийства как крестьян, так и жителей». Выполняя поручение шуленги, Мычикеев ездил в указанные места по бурятским улусам, собрал платежные квитанции и говорил ясачным: «приказывал к вам шуленга Тютюков готовитца, как и прежде приказано было». Но эти ясачные, вопреки прежнему будто бы согласию, отказывались и «в согласие не пошли». Приехав к шуленге, Мычикеев заявил ему об отказе ясачных принять участие в намеченном выступлении на петров день 1767 г., а сам уехал в деревню Шаманскую и по приезде туда, «убоясь от того себе наказания, пришед в дом к крестьянину Миرونу Чюсовитину, при том был и крестьянин Федор Чюсовитин, объявил им, что де не хотя на православную веру рук поднимать; при том объявил: только де вам житья будет сего году до Петрова дни! И по тому от него, Мычикеева, объявлению оные крестьяне Чюсовитины ево, Мычикеева, связали веревкою».

Выгораживая себя, Мычикеев развернул и более широкие планы и мероприятия «заговорщиков». «Да оной де шуленга Тютюков в минувшей Петров день посылал Иркутского ведомства в Икинатцкой улус на Унгу реку ясачного плательщика Матилу Инкеева для збору ясачных, а сколько человек им собрано, того он, Мычикеев, не знает. А вышеописанные ясачные и со всем оружием имелись в постоях Илимского ведомства по Каде речке, не доезжая Барлуцкой слободы верст 30; и с протчими Илимского ведомства и протчих мест ясачными людьми, також Верхне-Ангарской подьострожной и Удинской волостей с шуленгой Арпунном Чекалиным и его ведомства ясачными людьми к тому убийству крестьян и жителей он, шуленга, и протчие ясачные согласие имели-ль, того он, Мычикеев, не знает».

О китайцах, однако, Мычикеев умолчал.

Расспрошенный того же 2 июля шуленга Тютюков рассказал, что в великий пост действительно С. Мычикеев приезжал к нему в Аргалитцкую деревню «втай», т. е. тайным образом. Здесь они с ламой Данижином советовались для убийства итти на Братск. При этом Мычикеев говорил, что у него «по согласию» соберется ясачных Иитцкой деревни до 30 человек, а кроме того, с ним в совете Красноярского ведомства Удинской слободы 120 человек. А сам Н. Тютюков тут же заявил и про себя, что в его ведомстве есть 53 человека ясачных плательщиков, «кои в том же совете состоят». Срок для выступления был определен на петров день.

Характерно, что по словам Тютюкова «при том же совете» Мычикеев будто бы заявил шуленге: «ежели он, Тютюков, об оном кому скажет и не пойдет в совет, то страшал ево и хотел застрелить». После же совета Мычикеев уехал к себе домой. Тютюков подтвердил и посылку Мычикеева в Тулуновский погост, а также в Усть-Удинскую деревню за квитанциями и с приказом о сборе повстанцев на петров день. В отличие от слов Мы-

чикеева об отказе этих ясачных присоединиться к выступлению против Братского острога, шуленга сказал, что Мычикеев заявил ему о готовности 150 человек, обещавшихся прийти на петров день на Дунаеву речку, «которая от Братского острогу расстоянием верст пять, а ныне где находятся, он, Тютюков, не знает».

С общего же согласия («в минувшем великом посту») Тютюков и Мычикеев послали в Икинатский улус, на Унгу, Матилу Инкеева, о судьбе которого теперь шуленга не знал.

Участие Илимского ведомства Подъострожной и Удинской волостей шуленга Арпуна Чекалина в совете Тютюков категорически отрицал, так как они «никогда в согласии не были».

Так как показания шуленга и Мычикеева резко различались, то им даны были очные ставки. Шуленга сначала заперся, но затем во всем принес повинную: «оное де к тому убивству крестьян и жителей согласие с ясачными плательщиками точно учинил он. Тютюков, по научению содержавшегося у него под арестом мунгальской породы лама и к тому согласию и все той Верх-Окинской и Ишквой волостей ясачные плательщики по призыву были склонны. В том и утвердился».

Вторично допрошенный С. Мычикеев дополнил, что с сыном своим Торгой ездил в Красноярское ведомство, причем собрал 8 человек, а сын его 9 человек и поставил их на Каде, а «что шуленга показывает 150 человек напрасно». Подтвердил он и о поездке шуленга за границу, в китайское государство. По его словам, шуленга будто бы «за границу подлинно сам ездил», но только неизвестно, каким путем. Что касается китайцев, то, по словам Мычикеева, действительно, в июне их пришло 200 человек и стояли они в 146 верстах и хотели затем уйти за китайскую границу.

На вторичном допросе шуленга Тютюков тоже дополнил свой рассказ точными данными о китайцах. Рассказывая о сборе ясачных для похода на Братский острог, он заявил: «а к такому же сбору и в вспоможение за китайскую границу, он, Тютюков, общес ясачным Капкарой Кирингиным в апреле месяце сего года один раз по Оке через Окинскую вершину вперед и назад через полтора месяца подлинно ездил по такому случаю; когда у них на тот острог к убивству у всех (ясачных. — А. О.) состоялся тогда (договор. — А. О.), содержащийся у него подарестом мунгальской породы лама писал к тем мунгальцам письмо, с коим велел ехать, как выше описано, по Окинской вершине, с коим он с ясачным и поехал. И по приездку и по объявлении того и по подаче того письма к тем мунгальцам, к тому в помочь собралось их 200 человек с луками, с сайдаками и лошадьми, с коими обратно от них до Братского ведомства выехал и оставил на Коде речке на Петров день в тот острог напасть военною рукою и раззорить. А ныне тут ли оне стоят, он не знает. А что в допросе, учиненном ему в Братской приказной избе и Илимской воеводской канцелярии, заперся, отбывая надлежащего за то нака-

зания. И по разорении того острогу показанной лама хотел вывести их за границу».

В нашем распоряжении имеются только те данные о событиях 1767 г., которые были собраны илимской администрацией. Если полагаться на них, то общий ход «бурятского заговора» и «подготовка восстания» против русских властей в 1767 г. приведенными показаниями лиц, опрошенных во время следствия, обрисовывается как будто следующим образом.

Толчком к подготовке восстания послужил, бесспорно, приезд ламы Данижина с шуленгой Тютюковым в окинские улусы. Провинциальная канцелярия очень сильно просчиталась, следовательно, в своих расчетах на ссылку ламы-авантюриста к самым отдаленным бурятам Иркутского края. Лама не занимался разъяснением обстоятельств, вызвавших опасения иркутского начальства, а прямо воспользовался таковыми, когда обнаружил соответствующие настроения среди населения Окинской долины и Приангарья.

Заграничные связи и таинственная история ссылки ламы из Баргузина в Окинскую долину при важной бумаге и срочном курьере взволновали население улусов, по степи быстро полетели вести о таинственном ссыльном, возбужденные умы получили пищу для размышлений, а затем и для действий.

Сам лама вел себя, как правильно, видимо, сообщил Тютюков, именно так, чтобы внушить окружающему населению впечатление его могущества и мысль о выдающейся политической роли Данижина в Монголии, о теснейших его связях с ее правящими феодально-теократическими кругами. А страх, нагнанный чрезмерно усердной местной русской администрацией на бурятское начальство, только содействовал этому.

Нащупав недовольство бурятского населения, лама решил использовать его и добиться своего возвращения в родные монгольские кочевья каким угодно путем. Так завязались первые нити заговора на Оке, крепко связавшие ламу и шуленгу, а за ним остальных заговорщиков в один узел.

К этому времени относится сообщение о «буйстве ламы» Данижина. Буйство, несомненно, или вымышлено, или преувеличено с определенной тактической целью нагнать туман на зреющий заговор, показать, что шуленга и подвластное ему население недовольно ссыльным ламой, боится его и совсем не намерено входить с ним в близкие отношения. Получив сведения о буйстве, илимское начальство должно было успокоиться насчет преданности шуленги правительству и насчет спокойствия вверенного ему населения.

Тютюков же сначала предпринимает довольно широкие организационные мероприятия вплоть до вербовки сил и сбора повстанцев с Унги и Осы из прежней «булагатской земли». Он, повидимому, мобилизует широкие круги населения окинской долины под лозунгом восстания против русских.

Случай с Мычикеевым, в пьяном виде, а может быть и намеренно, рассказавшим крестьянам, что им предстоит гибель, прервал развитие заговора и выдал движение. Возможно, Мычикеев действительно хотел предупредить крестьян, как он об этом рассказывает, может быть, здесь отразились прочные связи бурятского крестьянства с русским крестьянством, но во всяком случае планы избяения русского населения Братского острога и его уезда на петров день не состоялись. Монголы будто бы вернулись обратно, а заговорщики попали «за караул» и в кандалы.

Раскрытие «бурятского заговора» с целью разорения Братского острога с окрестными деревнями вызвало волнение и у Иркутского начальства. Иркутские власти учли ходатайство илимской воеводской канцелярии, которая жалобно писала, что «хотя в Илимску городской команды солдаты и казаки имеютца, но за разными командировками ныне на лицо состоит малое число в караулах и у починки города, который разнесло водою, да и у всех, как у солдат, так и у казаков ружья и палашей и патронных сум не имеетца, и к тому случаю приотупить совершенно нечем, ибо в казне пороху нисколько не имеетца, а ружейных и амуничных вещей и поныне в присылке не имеетца-ж, а свинцу хотя пудов до 10 в казне имеетца, токмо одним оным что может исследовать?»

Илимская канцелярия опасалась «тех ясашных иноверцев неприятельского вооруженною рукою нападения на российския жилища» настолько сильно, что даже отказалась держать в Илимске ламу Данижина, будто бы на основании неизвестности, на чей счет следовало кормить его, а на самом деле, как писала она ниже двумя строками, — потому, что «по таковому возмущению ламы... содержать весьма опасно».

Иркутская канцелярия послала поэтому во главе секретной комиссии на Ангару в Братск капитана Чемесова, как офицера надежного, который мог бы «толь нужную кампанию порядочным образом исправить», с тремя капралами и 30 солдатами. Из Иркутского «цзяйхауза» приказано было выдать 15 пудов пороху и 15 мушкетов, посадить всю карательную экспедицию на купленный для этого баркас и «плыть денно и нощно не мешкав, не проводя нигде ни за чем ни малейшего времени, но всячески стараться прибытием туда поспешить». Чемесов должен был, согласно наказу губернского начальства, принять команду в Братске от Зарубина, словить всех возмутителей и объявителей бунта, «под караул забрать и порядочным образом исследовать». Особенно же велено было искать «скрытное у брацких оружие», и при подходящей оказии отправить в Иркутск, или в случае опасности раздать его русским жителям. Что касается явного бунта, то если бы такой всыхнул, велено было уговаривать восставших ласкою, чтобы выдали «первых предводителей и к тому делу зачинщиков бескрытно», а при отказе заявить восставшим: «будет

оне от такой шатости и возмутителей не выдадут, то поступлено будет с ними, яко с сущими неприятелями, вооруженною рукою». Насчет ламы Данжина канцелярия предписывала, если он с восстанием не связан, отправить в Илимск, а если замешан в нем, — отправить в Иркутск.

Явившись в Братск, капитан Чемесов принял команду Зарубина, в состав которой входили мобилизованные поголовно крестьяне окрестных сел и деревень, забрал пойманных бурят, ламу Данжина и прочих, а также конфискованное у бурят оружие. В числе этого оружия числились: 23 винтовки «к стрельбе годные», одна «свалина» (копье), 14 луков, в том числе 8 костяных, 9 колышей, в которых «льют пули», 20 натрусков, 2 фунта свинцу, 1½ фунта пороху.

Чемесов установил прежде всего, что при конфискации оружия бурят грабили все, кому не лень, из числа карателей под начальством Зарубина. Оказывается, «при поимке брацких чинили немалые в экипаже брацким грабительства, ис коих приличились к вящему раззорению казаки Герасим Рыбников, Федот Ознобихин, у коих немалое число и отобрано, потому ж в обществе с ними и многие обыватели были» (грабителей оказалось ни много ни мало — 41 человек!). Даже из имуществ, переданного в казну после реквизиции, «немалого же не оказывается, да и многие переменьи», как писал Чемесов. Следственная комиссия Чемесова приговорила грабителей к наказанию, почему они и были «сечены плетьюми нещадно».

Выяснилось также, что и после приезда Чемесова имели место ложные донесения о сборе бурят для нападения на острог. Так, в первый раз на расстояние 7 верст от Братска, по заявление жены посадского Родина, напрасно съездил сам Чемесов, а второй раз послан был отряд к деревне Верхнеокинской, где собралось будто бы до 70 повстанцев.

Оказалось, что восстание больше уезду не угрожало. Зарубин писал уже, например, что буряты и сами готовы «на неверную силу поступить». В том же духе о миновании всякой опасности вскоре написал рапорт в губернскую канцелярию и сам Чемесов.

Илимские казаки, солдаты и крестьяне, которые находились с первых чисел июля «для охранения казенного интереса и народа от неприятелей», писали покорнейшие донесения начальству о том, что «никакого военного случая не происходит», в процитации имеют «великую скудость», у крестьян же пашня и все домашние хозяйственные дела остановились. Илимская канцелярия учла все это, согласилась с представлением Чемесова и приказала войско распустить, невиновных в бунте отпустить по домам, а зачинщиков и участников во главе с шуленгой, за исключением ламы, умершего в Братске во время следствия, и не пойманных еще некоторых повстанцев, немедленно отправить в Иркутск.

Хотя опасность «бунта» на Оке явно миновала, но события, имевшие место в Братске в конце июня — начале июля, нашли свое немедленное отражение на всей территории, подведомственной илимскому воеводскому начальству. Устная информация очень быстро разнесла сведения о возмущении бурят, приукрасила их вымысленными подробностями и явилась, таким образом, основой для местного фольклорного творчества, сохранившейся вплоть до конца девятнадцатого столетия. Отражением братских событий на остальной территории Илимского воеводства открывается и отношение всего туземного населения к бурятскому возмущению, хотя его настроения дошли до нас через призму официальных отписок и различных «сказок», рассказанных речей и т. п.

Переполох, имевший место в Братске, прежде всего коснулся второго центра Илимского воеводства, Нижне-Илимска, окруженного лесами черными и горами, где обитали немногочисленные потомки тунгусов-налягов.

14 июля ниже-илимская приказная изба, «по подлинному уведомлению» илимского казака Петра Качина, доносила в воеводскую канцелярию о том, что ясачные и неясачные иноземцы собираются по притоку реки Илима речке Тубе, в том числе как нижеилимские тунгусы, так и енисейские с ленскими, в чем вообще ничего невероятного не было при наличии между ними постоянных связей.

Приказная изба писала при этом, что «чего ради» собираются тунгусы по Тубе — неизвестно, но «слышно — стрелы куют и чего ради — неизвестно-ж, токмо не было б какого из них злодейства и христианскому народу, уже отчего Боже сохрани, вечной гибели».

Илимская воеводская канцелярия установила, что «из одного репорта предает немалое сумнительство и ради того приказала командировать одного казака во оную Нижне-Илимскую слободу, Михаила Сизова». Сизову приказали собрать в Нижне-Илимской слободе всех разночинцев, а если разночинцев окажется недостаточно, то и крестьян забрать с собою «пристойное число» и с имевшимся у них собственным «домовым оружием» отправиться на поиски тунгусов. При встрече иноверцев должно было их сначала увещивать «и от противных случаев отвращать, обещая им ея императорского величества в недостатках их высочайшую милость». Если же склонности к увещанию не обнаружится, то «по усмотрению, ежели явитца их малое число и возможно будет познать, токмо вооруженною рукою не поступать, ловить»...

Качин, с командою под начальством Сизова, после получения указа воеводской канцелярии сразу же отправились по Илму на поиски тунгусов. 20 июля в деревне Коробейниковой Качин остался ночевать в доме крестьянина Мосея Погодаева, а Сизов с командою остался позади в деревне Стушной. У М. Погодаева «случился» в этот день нижеилимский ясачный плательщик

Петр Ефремов «и крестьяне пиво пили». Во время выпивки и всяких разговоров Петр Прокопьев, Мих. Ведерников, Максим Черных и Иван Анисимов Черемнов говорили с укором ясачному Ефремову: «докуда де ваши их (крестьян) будут мучить?» Ефремов, оправдываясь, сказал крестьянам: «Что де оные (крестьяне) на него нападают? Он де не один в думе был! А в какой именно (думе) того не объявил».

Качин немедленно арестовал и взял под караул злополучного Ефремова. К этому времени подоспел Сизов, и они вместе с М. Погодаевым и Качиным поплыли на Тубу. В Тубинской деревне Ефремов был оставлен на поруках у десятского.

Казалось, повторяется история «братского бунта» на Оке. Тот же совет — «дума». Тот же факт выдачи планов восстания одним из его участников. Но на деле события приняли несколько иной ход. Услыхав о происшествии в деревне Коробейниковой и о доносе Качина, тунгусы сами поспешили явиться к начальству с изъявлением верноподданнической покорности. Часть же была связана и привезена в Илимск и там тоже заявила на допросе о своей невиновности в бунтарских замыслах.

Тем не менее, при аресте тунгусов у них в кочевьях было реквизировано все имевшееся в наличии оружие. В Верхне-Илимской волости было отобрано у Теулки Сергоулева с сыном две пицали, одна турка, две пальмы, один лук «буловсий», две натруски, у Дороги Хуевулева — одна пицаль и натруска.

В Нижне-Илимской волости отобрали у Сеньки Жептанова с детьми 4 пицали, 4 натруски, 2 пальмы, лук костяной. В Ангарской волости у Пинпирчи Кочиева — 3 пицали, 3 натруски, 3 пальмы. На Игирме у Седеуля Чемеева отобрана была одна пицаль, у Кудака — 1 пицаль, 1 натруска и пальма, у Кормишки — 2 пицали, одна пальма, у Лаврушки Жептакова — 1 пицаль. Всего огнестрельного оружия было у тунгусов: 16 пицалей и одна турка.

В допросах тунгусы: Нижнеилимской волости Гришка Жептанов, Игирменской — «по их названию десятник» Жедиул Челачев; Верхне-Илимской — Кукшин Кеулин — объявили: «якобы от них никакой думы и злодейства на христианской народ не имеется и с протчими согласия не имеют же». Получив эти заверения от добровольно явившихся в нижеилимскую слободу тунгусов, здешняя приказная изба, однако, не была уверена, «не имеетца-ль от них какого подлогу и обманства». Она отправила для дальнейшего розыска этих тунгусов в илимскую канцелярию. В илимской канцелярии на допросе Г. Жептанов сказал: «кочевья де он имеет с протчими ясачными той же Нижнеилимской слободы от речки от деревни Тубинской, называемой Тубе-ж, расстояние от той деревни например в 10 верстах, в семнадцати юртах». В этих же юртах находились «той же Нижнеилимской слободы Игирменских кочевей десятник Жидигуль» с двумя своими братьями, да Верхне-Илимской слободы четыре

ясачных, в том числе тунгус Боявица Жаргаулев с сыном, «а два человека как зовут и чьих пишутца, он не знает». Эти чужие люди пришли к ним на Тубу по родству для гостьбы «не в давнем времени». Что касается ясачных и неясачных тунгусов других ведомств, особенно же Енисейского, то у них в кочевьях никого якобы нет и прежде не было. Стрел они не ковали; к возмущению «кольми паче» ни с кем согласия не имели и не имеют. Даже о происшедшем в Братском остроге «от братских возмущений» тунгусы на Тубе узнали от илимского казака Петра Качина. «Наведавшись» о событиях в Братске, тунгусы с Тубы пошли в приказную избу, чтобы объявить себя, как и прежде, в вечном подданстве, а о том, что на них подал извет П. Качин, от него самого тунгусы и не слыхали.

Верхнеилимский ясачный тунгус Дорога Хуевулев сказал, что «с прежних издавних лет он имел свои кочевья по Ленскому волоку на реке Муке, а в июне месяце с родным своим братом Боявицей Жаргауловым и его сыном Кукшином Теунгиным, да своим сыном Нестеркой, «по зву предписанного Боявицы для гостей в Нижнеилимской слободе на Тубе речке», пришел к Боявицыным родственникам Г. Жештанову и др. Остальные тунгусы подтвердили слова Д. Хуевулева о том, что 24 июня они пришли на Тубу в качестве гостей.

Там же оказался тунгус Мишка Дворченков, кочевья которого находились в Каранчанском погосте, а пришел он на Тубу посылке ясачного Петра Ефремова «для сыску работника ево ясачного ж новокрещенного Александра Устинова, коего и нашел, а показанной Ефремов взял к себе».

Нижнеилимские тунгусы добавили относительно обвинения в ковке стрел для восстания, что «токмо у тех Нижнеилимских ясачных кочующих всегда на той речке имеется кузница малая для себя, а кузла стрел» не было.

Допрошенный в связи с показаниями ясачных о мнимом восстании Петр Качин показал, что ходил в июне, а подлинно числа за безграмотством не знает, «обще» с крестьянином Андреем Слободчиковым для звериного промысла по Тубе и Жданихе. При этом, в «суземе», кроме 18 здешних юрт видел ленских ясачных тунгусов Кочюту Силкина с 2 быновьями, от которых ему, Качину, никакого притеснения не было. Тунгусы, в том числе ленский выходец Силкин, приходили из тайги по Тубе в деревню для покупки хлеба у крестьян. И что касается прежнего его объявления о тунгусах, то говорил он только о новых выходах на Тубе, «каких прежде там не бывало», чтобы за необъявление этого факта «не последовало ему какого штрафа и истязания». Насчет жековки стрел и прочего он писать писчику не велел, написано все сверх его слов.

27 июля илимская воеводская канцелярия отпустила обратно на свои кочевья задержанных тунгусов «по именованию до них касательства». А 7 августа 1767 г. приказала: казаку Качину

за подачу в пьянстве на ясачных ложного челобитья, пищину Петровых за прибавку к тому челобитью лишних речей, «чрез что в настоящих делах помешательство и затруднение учинили, а особливо в посылках крестьянам в весеннее и в страдное время от работ отлучку и отягощение», — учинить наказание, в «страх другим, дабы впредь того учинить не отваживались», бить батогами. Что касается ясачного Ефремова, то «за употребление в пьянстве непристойных речей, хоша надлежало такое же наказание учинить, токмо он Ефремов, из иноверцов новокрещеной и российского разговору недовольно разумеет, к тому же был весьма пьяной, да и подозрения по делу чрез других ясачных к возмущению никакова не оказалось», — поэтому Ефремова отпустили домой без наказания.

На Илимке, таким образом, дело о сборе ясачных и ковкестрел на Тубе для похода на русские села кончилось ничем, хотя многие детали этого дела остаются еще неясными.

Так же быстро отзвуки братских событий донеслись и до соседних ангарских волостей, где тоже произошли волнения подобные илимским. Докатались слухи о бунте бурят и до Кежемской волости. 25 июня 1767 г. явились в приказную избу Кежемской слободы крестьяне деревни Тургенева Острова Кирилл и Дмитрий Брюхановы и Николай Панов, да илимский посадский Як. Качин и объявили, что «живущие де в здешней Кежемской слободе тунгусы, из которых де есть и новокрещенные, новокрещеный де святым крещением Илья Иванов Межов пришед из лесу в здешнюю Кежемскую слободу в деревню Тургенева Острова ко крестьянину Максиму Заборщикову, и сидели де в доме его, и стали де оне, вышеписанные крестьяне, говорить про Брацкой острог, как де имеющиеся тамо Илимского ведомства иноверцы чинили бунт и подымались на Русь». В это время новокрещеный Илья Межов «выговаривал де такие речи — ужле де вы нас не слышите, что де в Братцком остроге иноверцы делают бунт? А мы де уже знаем, что тот бунт другой уже год! На эти речи Илья Межова крестьяне говорили: если в Кежемскую слободу придут иноверцы из Братского острога «и станут здесь розбивать», то в таком случае «за ково де вы станите приставать?» А на эти де их речи новокрещеной Илья Межов ответил: «почто де мы станем своих иноверцов выдавать? Мы, де, и сами изладились с ними-же де в согласии другой год».

Выборной крестьянин Лука Заборцов просил илимскую канцелярию «от таковых похвальных слов милостиво защитить», так как сами они без указа взять иноверцев не могут, из-за их принадлежности к енисейскому ведомству («енисейской команды»). 23 сентября в кежемскую приказную избу, действительно, пришел енисейского уезда «их иноземческой десятник новокрещеной же Иван Ильин Сизой» и сказал такие речи, что «де я своего ясашного иноверца без указа от Енисейской провинциальной канцелярии не отдам», затем взял Межова за руку, вывел из

приказной избы вон «насилъно и спехнули з берегу в берестяную лодку и поплыли на низ». Вскоре из енисейской ясачной комиссии пришло в Илимск известие о жалобе новокрещенного Канской волости И. Межова на выборного Кежемской слободы и крестьян в обидах, «а паче во взятые оным выборным и пищиком Басаевым со оного Межова якобы в похвальных словах к бунту подлиски и в прочем». Иркутская губернская канцелярия приказала после этого допросить Межова «в злом намерении к разорению Братского острога», с кем именно совет и умысел был — с шуленгой Тютюковым или другими ясачными. Тогда Енисейская провинциальная канцелярия послала за свидетелями в Кежму, причем илимская канцелярия опять жаловалась губернскому начальству на вмешательство енисейцев не в свои дела, выразившееся в том, что взяты и отвезены в Енисейск кежемский выборный и пищик, как колодники, по делу И. Межова.

Как бы то ни было, но в Енисейске Заборцов признал себя виновным в сочинении подложного от имени крестьян Тургенева Острова донесения, а на самом деле ж от Межова они узнали только, что он сам слышал от проплывших по Ангаре на судах русских людей: «что брацкия заводят бунт». Пищик повинился, что брал деньги у Межова 1 руб. 80 коп. в качестве взятки. Конеч и этого дела был, следовательно, таким же, как и нижеилимского.

15 июля в яндинскую приказную избу от сотского И. В. Андифорова да крестьян Ивана Коренева и Ив. Попова поступило донесение, где последние писали, что «привезли они в приказную избу из Милославской деревни пойманных в той деревне брацких иноверцов шесть человек», да еще одного из Усть-Удинской деревни. Для чего приезжали в деревню Милославскую и на Усть-Уду буряты, — крестьяне не знали о их «вымысле ничего», но забрали их только потому, что «всею волостью весьма стали быть через проезжающих людей опасны, что в Брацком остроге от оных же иноверцов учинилась между российским народом немалая ссора и от того Яндинская волость стала быть опасна, дабы от них не произошло какой злости и вреда».

Разночинцы и крестьяне в яндинской приказной избе затем подробно изложили все обстоятельства поимки бурят. Иван Вологженин рассказывал, например, что «17 июля поутру рано, в тумане, переехали брацкия иноверцы с одну сторону трое и пришли к дому моему на крыльцо, а при моем доме никого, как детей моих, так и работников не прилучилось». Увидев бурят, Иван Вологженин пошел к соседу Сидору Лукину, у которого в то время находился крестьянский староста Г. Денисов и другие жители деревни Милославской, и рассказал им о случившемся. В то же самое время «усмотрели они, что плывут из-за реки от деревни Москалевой в лотке тех же иноверцов 3 человека и пристали к берегу, вышли на дуг и с прежними приехавшими на конях иноверцами вышли вместе, а коней своих отпустили в те-

лятник и сидели на берегу в тумане немалое (время), а об чем советывались или нет, про то знать не можем». Крестьяне после этого пришли в «сумнение, нет ли от них какова на нас злодейства, и по общему согласию послали десятника В. Первушина по сына боярского И. П. сына Литвинцева».

Вместе с этой посылкой по сына боярского крестьяне послали затем в Усть-Удинскую деревню звать тамошних стариков и беломестных казаков, из которых явился казак Митюков, объявив при этом, что и он видел дорогой на острове трех иноверцов. За ним прибежал в Милославскую деревню посланный из Усть-Уды тамошними жителями крестьянский сын Иван Каргопольцев и заявил крестьянам «паки». «Что де вы не видите?! У нас в Усть-Удинску один пойман брацкой!». Тот же крестьянский сын сообщил, что дорогой «от двух сторон» видел бурят человек до десяти. А верхнеилимский крестьянский староста сказал при этом: «что де вы глядите, у нас де в Братском остроге таковых иноверцов ловят!».

Спросив Митюкова и сына боярского, крестьяне миром «согласовали» этих бурят связать и выслать с казаком в ядинскую приказную избу для допроса. В расспросе крестьяне Милославской деревни дополнили, что они никуда, кроме Усть-Уды, приглашать о событиях не посылали.

Пойманных бурят повели в Ядинскую слободу «с немалыми истезаниями и битьем, а притом лошадей и протчее, у них, братских, имевшееся, брали»... При расспросе бурят, пойманных в деревне Милославской и Усть-Уде, оказалось, что это были буряты Быкотского и Нюетского родов, которые, по их словам, никакого злого умысла не имели, а просто искали тела утонувших в реке «братцкой бабы, да парня», причем ехали по двум сторонам реки, а из деревни Москалевой переехали на лодке в Милославскую.

Тем не менее их повезли в секретную комиссию скованными и в «вилах», т. е. с колодками на шее.

Слух о поимке бурят в деревне Милославской быстро достиг окрестных сел и деревень. Уже 16 июля прибежал в Усть-Удинскую слободу «Ядинского острогу Ибалатцкой деревни» крестьянин Иван Афанасьев, ездил по всей слободе, подъезжал к каждому жителю под окно и кричал, чтоб все крестьяне со всем имевшимся у них оружием собирались в одно место, «яко-бы наступили братские мужики военною рукою того острогу на Милославскую деревню и требовал он, Афанасьев, оной слободы крестьян немалое число людей со всем оружием, а оставшимся велел быть во оной слободе со всякою опасностью, против чего от всего народу для ведома послан был в Ылгинской острог крестьянин Стефан Солодков».

Солодков явился в Илгинский острог и объявил там 17 июля, что на Милославскую деревню «нашла иноверная некрещеная сила, т. е. брацкия для осады оной и протчих деревень и острогов». По известию Афанасьева (или Анцыфорова) было собрано на

Илге более 400 вооруженных крестьян, но посланные по Обусе и Ангаре разведчики сообщили об отсутствии каких-либо неприятелей, «почему здешней народ и был распушен».

Смятение в деревне илимского воеводства, вызванное слухами о сборах «некрещеной силы» на «Русь», было настолько велико, что даже обыкновенный тайлаган вызывал опасения; тот факт, что «в степи от улусу было у братских иноверцев шаманство», чуть было не вызвал новых осложнений.

Смятение охватило и Лену. Поводом послужило сообщение «Усть-Куцкого острогу из-за Каменю Таюрской деревни разночинцов» Назара и Михаила Якушевых, Ивана Медведева и Василия Комова о том, что 7 июля в их деревню пришли иноземцы Намкалей Савка, Кутюкин Одой, Бурков Олешка и др., «коих и не знают и прежде у них никогда не бывали». Явившиеся в Таюрскую деревню иноземцы дом этих разночинцев разбили камнями и стягами, окошки выломали и били насмерть разночинца Ивана Медведева стягом. Ивану Медведеву при этом голову проломили в трех местах: «едва уже и жив». Разночинцы просили суда у шуленги Офоньки Теврюгина, «чтобы от того разбоя защитить», но шуленга приказал своим тунгусам взять просителя М. Якушева и «стегать батожьем безмерно»; после экзекуции, добавляют авторы челобитья, несчастного челобитчика «едва жива отпустили от суда. И росправы на оных разбойников никакой шуленга не учинил. А сказал оной шуленга Теврюгин, что поезжайте к воеводе и просите на меня суда, что я де не опасен!».

Жаловались разночинцы на тунгусов «с шуленгой и с своими оленцами» и в том, что последние чинят им крайнюю обиду, «вытравляли и вытоптали у них как хлебы их засеянные, так и санные покосы без остатку и в том навели их в крайнее раззорение».

А «противитца» разночинцы тунгусам не смели, ибо «оных иноземцев состоит у них в деревне Таюрской» от шестидесяти до семидесяти и больше.

Особенно же перетрусили разночинцы деревни Таюрской, когда некоторые тунгусы стали им говорить: «Что вы, ребята, берегитесь! Худо вам будет». В своей челобитной разночинцы нижайше просили усть-кутскую приказную избу: «дабы благоволено было от такого раззорения и убойства их, нижайших, защитить, или представить по команде куда надлежит».

В самый разгар братского дела, когда илимским властям всюду мерещились ужасы и нападения некрещеной силы на Русь, усть-кутская приказная изба писала в Илимск доношение с просьбой учинить защиту от «оных разбойников иноземцов, понеже Усть-Кутская приказная изба ныне находитца не в малом смущении и страхе, дабы от оных разбойников не учинилось казенному интересу какой траты, а особливо не могло б последовать в Усть-Куцком остроге Спасской святой церкви какого повреждения, а особливо от оных иноземцов не учинилось бы какого поругания, потому же и Усть-Куцкого острогу жителем какова

разорения и смертного убийства». В своем доношении усть-кутская приказная изба сообщила и о том, что «из оных разбойников иноземцев в Усть-Кутскую приказную избе для спросу о их разбоях и похвальных и поносительных и угрозных речей и убийства взять языка к ответу никоими меры невозможно», потому что этих иноземцев имеется «немалое число».

Страх, который напал на усть-кутскую приказную избе, был слишком очевиден. В своем донесении усть-кутский писарь настолько основательно расписал бунтовские разбойничьи деяния иноземцев, что илимская администрация, несмотря на малочисленность местного городского гарнизона, решила отправить подкрепление — 5 казаков с сыном боярским.

Сыну боярскому Березовскому приказали узнать подробно на месте, отчего именно в Таюрскую деревню вступили иноземцы и почему учинили разбой. Если же на месте будет усмотрено, что тунгусский шуленга Теврюгин «имеет случай к бунту, как то и в Брацком остроге ныне учинилось», то сначала точно разведать, сколько у него налицо бунтовщиков, а затем собрать разночинцев и крестьян Усть-кутского района для подготовки действий против бунтовщиков. Сначала приказано было увещевать бунтовщиков, поймать шуленгу, сообщить в Илимск, где находятся бунтовщики, какое имеют оружие и где лежит запасное оружие и «давно ль к бунту умысел начался». Посланный в Таюрскую деревню сын боярский Андрей Березовский сразу же ответил в Илимск, что «без собрания оружных людей ехать на них иноверцов в малолюдстве немалая опасность», но на месте все-таки собралось у него 74 конных и вооруженных людей. В Таюрский отряд Березовского стал, согласно наказу, искать шуленгу Теврюгина, «токмо оного в сыску не явилось», как после писал Березовский в своем репорте.

Сысканные же тунгусы, в том числе тунгус Каркалей Куточкин, имевший свои кочевья по реке Таюре выше деревни верстах в трех, сказали, что на Таюру приходили тунгусы с Ньюи, Ханды и Киренги для выбору нового шуленги в числе 16 человек. Что касается ссоры, то причиной ссоры был сам М. Якушев, бывший тунгусских баб: «стегал березиной-сучьями баб его (Каркалееву) да Ивашка Буркова жену-ж». Камни бросал в разночинцев тунгус Иван Бурков, а Медведева побили тунгусы за то, что он научал других бить тунгусских баб. «А миня, Каркалея, шулинга бил палкой и с тех сердцов я Ивана Медведева, что за него миня били, бросил необделанным томаром¹ по голове», рассказывал Каркалей на допросе.

Сам Якушев показал в своих расспросных речах, что тунгусов явилось человек до семидесяти, вытоптали мимоходом оленями хлеб и частью потравили, несмотря на неоднократные требования Якушева «штоб оной хлеб и впредь не топтали и не тра-

¹ Томар — разновидность стрелы.

вили, и оные на то невзирали, и после того опять теми-ж мерами чинили». А когда Якушев пахал в поле «и шла тунгуска Каркаленха с оленми по хлебу, и за то я ее ударил прутом двою, и она выдернула нож и на меня замахнулась и закрычала, на кой ее крык из юрт набежали иноземцы, и по оному полю за мною даже до деревни нашей иные из них гнались с камнями и палками человек до 20-ти, и по прибеге моем и по запоре Ивана Медведева в дом и бросали в дом камнями и палками и окна выломали, и в то время у Ивана Медведева голову проломил и ушли обратно», а затем шуленга их, разночинцев, велел по русскому обычаю драть батожем, несмотря на протесты, что они не его команды и его суду не подлежат. Шуленга мотивировал свою расправу резонно и просто: «не бей наших баб».

Ссору с тунгусами и расправу видели остальные таюрские жители, но, боясь той же участи, из домов не вышли.

Разузнав эти обстоятельства, Березовский донес о них в Илимскую канцелярию, та приказала Якушева сыскать и за ложное объявление, «чтоб впредь чинить не дерзал», бить батогами второй раз, а собранных конных вооруженных крестьян распустить по домам (30 июля 1767 г.).

Так кончилась история с «тунгусским бунтом» на Лене.

События на Оке имели, как мы видели, большое психологическое влияние среди населения обширного ангаро-ленского края. Их отзвуки докатились до Илимска, до Усть-Кута и Кежмы, т. е. вплоть до тогдашней енисейской провинции. Отзвуки этого движения сохранились и в фольклоре почти до наших дней, видоизмененные, правда, как и вообще все факты, переданные нам в фольклорной редакции.

В записи неизвестного автора «Описания Братской волости» (по А. И. Михайловской — семидесятых годов прошлого столетия) сохранилась легенда о «Кровавой протоке»; события, описанные в этой легенде, приурочены к времени перенесения братского острога с правого на левый берег. В легенду о Кровавой протоке вплетена деталь, судя по всему, несомненно относящаяся к событиям 1767 г. Легенда рассказывает:

«Буряты с речки Вихоревой хотели воспрепятствовать переселению русских на новое место из старого острога. Они подошли к острогу и верстах в двух стали поджидать остальных бурят, кочевавших в окрестностях. В острог они послали мальчика разузнать о количестве оружия, людей, о расположении острога. Русские подпоили мальчика и, выведав от него о намерениях бурят напасть на петров день, послали за помощью в Илимск. 30 июня буряты окружили острог и начали осаду».

Ожидание бурятами остальных участников восстания неподалеку от Братска очень похоже на рассказы участников движения 1767 г. об остановке бурят и китайцев на реке Каде для ожидания остальных «заговорщиков». Этот момент легенды, бесспорно, навеян живыми словами очевидцев событий и современ-

ников «бунта» 1767 г. Дата восстания, приведенная в легенде, — 30 июня, — как и указание на «петров день» также ведут нас к источнику фольклорной традиции — реальным событиям 1767 г. И, наконец, как это и было в действительности, вооруженную помощь Братскому острогу оказывает Илимск, снарядивший в 1767 г. первый карательный отряд и следственную экспедицию под начальством сержанта Зарубина.

Следует, поэтому, дополнить изложение А. И. Михайловской, которая в свое время в работе о Братском остроге после слов относительно этой легенды «30 июня» вставила «неизвестного года». Правильнее будет сказать: «30 июня 1767 года».

Другой вариант легенды о восстании бурят, в изложении М. П. Овчинникова, звучит так: «Переселившись на левый берег Оки, приблизительно в 1650-х годах, помимо построенного острога у русских появились земледельцы, жившие вне острога, и таким образом образовалась Братско-Острожная слобода. Буряты не тревожили уже русских. Они приходили в слободу для покупки предметов, необходимых в житейском обиходе, как то: топоров, ножей, водки, ситцев, ¹ табаку и проч., потому что железные предметы у них не выделялись, а получались из Монголии.

Надоело, по всей вероятности, бурятам платить ясак и переносить различные несправедливости, проявляемые частенько русскими казаками — сборщиками этого ясака, может быть двойного. И вот буряты пожелали освободиться от господства русских.

О настроении бурят русские узнали случайно, и вот каким образом: помимо тех пленных, взятых при сражении на правом берегу Оки в старом остроге, обращенных в работники, они не могли справляться с необходимыми работами, а потому охотно принимали к себе в услужение приходящих бурят с предложением своих услуг. Один раз пришел в острог мальчик и нанялся в работники к русскому казаку. Раз этот мальчик, играя в бабки или мячиком с русскими ребятами, был избит ими. Бурятский мальчик от боли и злобы сказал: «Погодите, вот скоро придут наши буряты и вас всех перебьют, будет вам куражиться над нами». Этим словам сначала никто не придавал никакого значения, но об них случайно узнал дьяк или подъячий, управлявший острогом. Он призвал к себе мальчика, угостил обедом, обласкал, дал игрушек и напоил водкой. Будучи пьян, мальчик рассказывал, что действительно буряты хотят напасть на острог в русский праздник, который бывает в середине лета, т. е. петров день, причем рассказал о том, что буряты для этой цели заготовили очень много мечей, кинжалов и луков, которые упрятали в лесу. Дьяк послал казаков в лес для того, чтобы отыскиали эти склады. Долго ходили казаки в лесу и наконец действительно нашли склад оружия, которое было перевезено в острог. Дьяк, убедившись в том, что маль-

¹ Очевидно, М. П. Овчинников подразумевал какие-либо бумажные ткани, получавшиеся через русских.

чик действительно сказал ему правду, послал к илимскому воеводе за помощью. Воевода исполнил просьбу дьяка.

Около складов был поставлен секретный караул. Буряты пришли на место, где хранилось оружие, увидели, что русские обнаружили их замыслы, и ушли, не сделав никакого зла русским». ¹

Эта легенда обнаруживает не только своеобразную фольклорную логику и приемы обработки сюжета, но и несомненную близость к первым устным сведениям о бурятском восстании в Братске, которые передавались из уст в уста в июне — июле 1767 г., уже облеченные легендарным налетом, таинственностью и фантастикой.

Центральными мотивами нового фольклорного сюжета, зарегистрированного Овчинниковым, являются, с одной стороны, мальчик-предатель, а с другой стороны, — потаенный лесной арсенал повстанцев. Оба эти звена легенды исторически оправданы. Под легендарным образом мальчика нетрудно угадать «обласканного» илимским начальством новокрещенного Константина, который изъявил готовность рассказать властям о потаенном месте хранения оружия. Что касается превращения взрослого в мальчика, то этого требовала логика творимой легенды, вырвавшейся на канве исторического предания уже в то время, когда подлинная острота рассказа о новокрещенном ренегате, предавшем остальных «иноверцев», уже исчезла и была непонятной и ничем в быту неоправданной, когда началась уже стилизация легенды. Неопытное и неразумное дитя, естественно, с точки зрения отдаленных потомков жителей Братского острога могло заместить взрослого — эта версия вдобавок куда поэтичнее и ближе к стилю, легенды как таковой, чем историческая быль 1767 г.

Совершенно неизменным выглядит рассказ о лесном складе оружия, но этот исторический факт сам по себе ближе к легенде; уже с самого начала он, кажется, наполовину был продуктом легендарного творчества. Известный налет романтики, неудержимого вымысла, широкий простор которому был дан событиями 1767 г., лежал с самого начала на сведениях о складе оружия и на Каде у бурят и на Тубе у тунгусов. Так и вошел, не как инородное тело, а как прочное ядро, этот сюжет в пеструю ткань непрерывно развивавшейся легенды.

Что касается заманчивости рассказа о древнем потаенном складе оружия повстанцев тунгусов или бурят, то она отражена и в статье археолога Овчинникова, который пишет: «нет ничего удивительного, что где-то в тайге, далеко от Братска, крестьяне-зверопромышленники знают склад или вернее коллекцию кинжа-

М. П. Овчинников, Отчет о командировке в г. Киренск для осмотра архивов, «Труды Иркутской ученой архивной комиссии», вып. III, Иркутск, 1916, стр. 335—337.

лов, мечей и стрел, будто бы тунгусских, но не бурятских. Сведения эти мне передавали становой пристав Красовский и ссыльно-политический Виноградов. Возможно допустить, что склад оружия где-то в тайге есть миф, но может быть он и действительно существует, но пока об нем можно говорить как о складе, существующем в воображении крестьян». ¹

Насколько привлекательна по своей романтической трактовке легенда о складе оружия в лесу, можно судить и по тому факту, что археологические исследования Я. Н. Ходукина в 1925—1926 гг. на Илимс снова послужили толчком к оживлению этой легенды. Ходукину рассказывали уже, что в пещерах горы Катунной «было найдено местным крестьянином несколько десятков (!) тунгусских луков». Эти сведения автору данной работы также приходилось слышать не один раз от жителей Илима и позднее.

Во всяком случае, вместе с Овчинниковым, а также и несчастливцами искателями бунтовщического арсенала на Тубе и на Каде, — илимскими служилыми людьми 1767 г., — нам остается только сказать: арсенал этот может быть и существовал, но скорее всего он существовал только в воображении современников еще с XVIII в.

Историческая ценность легенды в целом тем не менее бесспорна. Легенда верно указывает на время восстания, когда вокруг бывшего острога уже появились многочисленные русские села и деревни; верно она рассказывает и об эксплуатации русскими кулаками бедняков-бурят в качестве работников, особенно «новокрещенных» бедняков, для которых крещение в отличие от улусных богачей не было средством выслуги и приобретения почестей, как, например, для новокрещенного шуленги Тютюкова, а было первой ступенью кабалы и пожизненной зависимости от кулака и ростовщика.

Фольклорный источник с исключительной живостью отметил и донес до конца XIX в. эти бытовые черты, которых мы напрасно искали бы в официальных промемориях XVIII в.

В свете фольклорной традиции встают и некоторые частные вопросы с событиями в 1767 г.

Уже с самого начала движение бурят было окружено чрезвычайно разнообразными слухами, вымыслами и легендарными подробностями, так что в момент следствия начальству трудно было установить истинное зерно событий. Власти направлялись очень часто по явно ложному следу, преследовали несуществующего врага. В конце концов, уже Чемесов установил отсутствие какой-либо несомненной опасности для Илимска и Братска и взялся за наказание не бурят, а распространителей фантастических слухов и охотников до легкой наживы за счет предполагаемых повстанцев — «некрещеной силы».

¹ Там же, стр. 336.

Нам еще труднее отделить реальное зерно событий от вымыслов. Поэтому обращает наше особое внимание на себя такая деталь событий, как приход большого отряда монголов или китайцев на Каду, поразительно сходная со сведениями об организации бегства бурят с Оки в 1658 г.

Если принять во внимание общую устойчивость преданий, до конца XIX в. донесших дату бунта бурят на Оке, то нет ничего странного в предположении, что эпизод с приходом заграничного отряда на Каду является лишь пережиточным фольклорным мотивом, как и история таинственного склада оружия, что устная традиция донесла до 1767 г. ясные отзвуки реальных событий, происходивших около столетия до того. Такое предположение находит опору в безуспешном исходе поисков как склада оружия, так и отряда «китайцев» в 1767 г. илимским начальством и Чемесовым.

До сих пор мы в изложении фактов следовали в основном материалам илимской воеводской канцелярии. Рассмотренные под критическим углом зрения, эти материалы могут показать не только несколько точнее канву самих событий, чем изложенную в промемориях и донесениях илимского начальства, но и корни всех фактов, связанных с бурятским заговором, в тогдашней политической обстановке гораздо более ценные, чем те или иные детали «бурятского заговора».

Обращает на себя наше внимание прежде всего положение внутри улуса. Нет князей, на Оке исчезла древняя родоплеменная аристократия. Шуленга Никифор Тютюков, повидимому, сильно руссифицирован и живет в ясачной Аргалицкой деревне.

Кругом бурятских улусов по Оке и реке Ие на лучших местах густо располагаются русские слободы, займки и деревни. Окинские буряты оттесняются со старых «своих породных мест», лишаются прежних земель и попрежнему угнетаются местной администрацией, платят царю непосильный ясак, продавая последний скот, эксплуатируются русским торговым капиталом и своими собственными сородичами-богачами.

Нажим колонизаторов на бурятские улусы усиленно проводит кулацко-ростовщическая верхушка русской деревни при энергичной поддержке местных властей. О силе этого нажима свидетельствует сеть новых поселений, вырастающих из кулацких займок по Оке, Ие, Уде, Осе, на устье Унги и т. д., а в середине XVIII в. покрывающая долины этих рек часто от устья их до самого верховья.

Само по себе бурятское население количественно сильно уменьшается по сравнению с XVII в. Показательно, что согласно данным Сенатского дела о событиях 1767 г. на Оке¹ в Братской волости числилось бурят только 162 человека, причем из них в воз-

¹ Архив сената, д. № 276, Ленинградский исторический архив (ЛОЦИА). Пользуясь случаем благодарить за указание этого дела т. С. Б. Окунь.

расте от 18 до 50 лет было всего 77 человек. Русских же здесь жило 1746 человек, а во всем Илимском и соседнем Иркутском уездах русское население превышало по количеству 10 000 человек. Таков был общий итог русской колонизации к 1767 г.

Ход и направление этой колонизации, стимулируемой классовым расслоением деревни, отчетливо раскрываются материалами о хозяйственном строе Ангаро-ленской деревни в XVIII и отчасти в самом конце XVII столетия. Центральным лицом в деревне является крупный хозяин, в распоряжении которого — безграничные пространства земли, хотя и требующей для превращения в пашню больших затрат труда. Труд этот был, однако, даровым и дешевым трудом бродяжек, ссыльных, разорившихся промышленников, отчасти бедноты той же сибирской деревни. Распахивая десятки десятин плодородной земли, разводя огромные табуны скота, этот хозяин сплавляет продукты сельского хозяйства вниз по Лене — в бесхлебную тайгу и Якутию, выручая огромные барыши. Он держит в долговой кабале всю округу, разворачивает торговые и ростовщические операции. Сведения А. П. Щапова о местных кулацких «династиях» Горбуновых, Карнаковых и проч. им подобных в Восточной Сибири целиком подтверждаются и архивными документами и воспоминаниями старожилов, преданиями и легендами местного населения. Перед нами отвратительный образ мироеда, чьи эгоистические приобретательские наклонности так ярко описывал Щапов. Рост кулачества связан был с развитием хищнической эксплуатации Северо-Востока Сибири, его населения и природных богатств, а союзниками и опорой мироеда были и государство, и «монополистическая олигархия» купцов и промышленников в городах, всех этих Мыльниковых, Сибиряковых, Басниных и проч.

В связи с тем, что в это время были открыты самые широкие пути для развития колонизаторской практики, различным образом проявлялась обостренная шовинистическая идеология, усиленно разжигалась национальная вражда.

Каковы были проявления этой вражды и ненависти кулака к массе бурятского населения, к чьей земле он протягивал руки, можно судить даже и по более поздним фактам конца XIX в., когда первоначальная грубость отношений и порядков хотя бы внешним образом успела сгладиться по сравнению с XVII—XVIII вв. В газете «Сибирь» под заголовком: «из Балаганского округа. Обращение юридических отношений крестьян к инородцам» — была помещена заметка, рассказывавшая, как по подозрению, якобы, в мелкой краже кулаки схватили двух бурят, бросили их в ледяной погреб на ночь, а затем потребовали в виде выкупа со своих полумертвых жертв по ведру вина. Один из них не смог откупиться и тогда был привязан к оглобле тройки с мешком овса на шее. Беспощадно избивая его кнутом, мучители «покатили по улицам селения, останавливаясь перед каждым кабаком и хвастаясь перед зрителями приобретенною ими пристяжной». «К чести крестьян», пишет автор

заметки, «надо сказать, что это неистовое обращение с бурятом произвело на них довольно неприятное впечатление, и если бы они не боялись мироеда, зачинщика всего дела, то, вероятно, освободили бы бурята».¹

Окинские события в целом также могут быть понятны только в данной связи с общим ходом русской колонизации и внутренними отношениями в русской деревне XVIII—XIX ст.

Каковы бы ни были реальные факты событий, ход последних рисует нам прежде всего животный страх илимского начальства, ненависть и злобу по отношению к бурятам со стороны шовинистически настроенной крестьянской буржуазии и местных властей, с ней крепко связанных в быту. В условиях разжигания национальной вражды, на почве этой шовинистической психологии и протекали события 1767 г. в долине реки Оки. Фольклорные же данные и официальные документы илимских властей чрезмерно специфичны, слишком тенденциозны, чтобы доверяться их свидетельству, ибо они недостаточно четко показывают именно эту сторону событий и отражают реальные происшествия сквозь призму взглядов и настроений колонизаторов, кулака и местного начальства.

Что дело обстоит именно так, следует из материалов дальнейшего следствия в Иркутске и сенатского решения.²

В Иркутске выяснилось, что привезенные туда обвиняемые отказываются от своих прежних показаний, Мычикеев же, по их словам, объявил крестьянам о заговоре бурят «от пьянства». Даже и под пристрастием, под плетями, обвиняемые стояли на своем, утверждая, что ни в чем не виноваты, а говорили все на себя ложно, боясь «большого истязания». Учтя, что китайцев Чемесов на Оке не обнаружил, волнение утихло, а обвиняемые единодушно отрицали прежние показания, иркутская провинциальная канцелярия решила отпустить бурят по домам. Лишь Тютюкова с Мычикеевым решено было высечь в Братском остроге плетью при всех нарочито согнанных туда бурятах уезда. Сам Сенат указал, однако, что следует учинить «милостивое решение» и освободить виновных в происшедшем смятении бурят, без наказания их плетью, так как они уже были под пыткой.

Сенат отметил, между прочим, что из числа отобранных у бурят ружей годны были только 27, и пороху имелось «самое малое число».

Из сенатского решения и следствия в Иркутске следует, что бурят истязали и мучили, что вследствие этих мучений умер и лама Данжин, от которого стремились, видимо, узнать «всю подноготную» илимские следователи. Материалы илимского следствия, как мы видели, ярко рисуют и панику, овладевшую населением Илимского уезда, опасавшегося — в лице кулацкой верхушки

¹ Газета «Сибирь» № 32, 1876; ср. сборник «Обычное право», вып. II, Материалы для библиографии обычного права, Ярославль, 1896, стр. 70, 71.

² Архив сената, д. № 276 (ЛОЦИА).

села и начальства — заслуженной мести бурят за все их дела и насилия.

Это одна — и совершенно бесспорная для нас — сторона дела.

Вторая сторона событий, касающаяся собственно бурятских дел, к сожалению, менее ясна.

Слова ламы, что «у них в китайском государстве свободнее и лучше», — очевидно, не случайно врезались в память «заговорщиков»-бурят на Оке. Они звучат как агитационный призыв и зовут к действию.

Бесспорная активность колонизаторов, действия начальства и кулачества сами по себе также звали к действию и могли вызвать известное движение отпора, сплочение и какую-то потребность в самообороне у трудящихся масс бурятской народности. «Нет дыма без огня», и огонь этот, повидимому, сказывается в возникновении братских событий на Ангаре, в волнении и панике в долине Илги и на Лене, в общих смятениях по Илимскому уезду.

Обращает на себя внимание, прежде всего, определенность угроз пьяного Мычикеева крестьянам в деревне Шамановской, заявившего, что русским осталось дожидь только до субботы.

Это было сказано до официального следствия илимских властей и явно не по их указке.

Далее заслуживает внимания стройная в целом картина «заговора» на Оке; а также не менее важен и тот факт, что многие из допрошенных не повторяли друг друга, а дополняли и видоизменяли единую схему своими показаниями. Он может быть принят в качестве доказательства, что обвиняемые излагали не внушенную им начальством версию и не просто подписывали искусно сочиненный протокол допроса (вряд ли был канцелярист илимской приказной избы столь искусен).

Они излагали, следовательно, каждый по-своему, свои собственные представления о событиях, зависевших, вполне естественно, от различной степени информированности и близости к шуленге и ламе. Илимским же властям более подошла бы единая целостная канва, без противоречий в ней, если бы они задавались целью сочинить «бунт» на Оке.

Показания бурят, очевидно, были отражением реальных настроений в улусе и, может быть, некоторых организационных мер, предпринимавшихся бурятами в виду их невыносимо тяжелого положения.

«Милостивое» решение сената, основанное на категорическом отказе обвиняемых от прежних показаний, на малочисленности бурят и их плохом вооружении, выражает, возможно, лишь обычное более снисходительное отношение к бурятским делам центра, чем местной администрации, как это не раз имело место и ранее. Центр был более дальновиден и учитывал, что некоторые уступки, особенно после дел илимских властей, могут быть тактически выгоднее, чем репрессии, особенно при учете «заграничных обстоятельств».

Вопрос о реальности заговора на Оке и всех его деталей, как о нем рассказывает дело илимской канцелярии о ламе Данжине, мог бы быть окончательно решен, разумеется, только новыми материалами, но и при всем этом историю окинского инцидента в 1767 г. исследователь освободительного движения бурят-монголов обойти не может. Окинский инцидент 1767 г. показывает всю силу противоречий между массой бурят на Оке и кулацкой колонизаторской верхушкой русского крестьянства, поддерживаемой царским правительством, остроту конфликта между ними и брожение, делающие вполне вероятной попытку заговора с целью побега в «китайское государство». Он бросает, наконец, зловещий свет на недавнее кровавое прошлое XVII в., мрачное настоящее XVIII столетия и на все столь же беспросветное будущее западных бурят-монголов в Российской империи — тюрьме народов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ
В ЗАПАДНОЙ БУРЯТИИ
XVII — XVIII ВВ.

1. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Перед нами прошло значительное количество фактов, характеризующих так называемые «бунты» и «побеги» бурят-монголов в XVII и отчасти в XVIII вв., борьбу бурят-монголов западной части Бурятии против господства завоевателей, против военно-феодального гнета со стороны царизма. На всем протяжении этой борьбы, начиная с тридцатых годов XVII в. и кончая первой половиной XVIII в. и до семидесятых годов, когда на Оке обнаруживается «заговор» при участии ламы Данжина, она меняла формы, изменяла и свое внутреннее содержание в зависимости от конкретной исторической обстановки, от строя и развития самого бурятского общества.

К сожалению, именно последний и кардинальный для нас вопрос о развитии общественного строя в Бурятии остается еще настолько слабо разработанным и недостаточно выясненным конкретными историческими исследованиями, что историки, работавшие над изучением прошлого бурят-монгольского народа, разделялись на два разных лагеря в зависимости от освещения ими общего хода исторического процесса в Бурятии. Одни выдвигали положение о господстве общинно-родового строя в Бурятии вплоть до капиталистической эпохи, другие отрицали это и утверждали, что бурят-монгольская народность прошла через феодальный строй и в своем историческом развитии знала феодальные отношения.

Правда, после дискуссии «О спорных вопросах исторического процесса в Бурятии» спор о двух концепциях исторического развития бурят-монгольского народа большинством историков в основном решается в пользу второй, доказывающей существование феодальных отношений в прошлом Бурятии.¹ И тем сильнее, конечно, становится необходимость в детальном освещении генезиса и истории развития феодальных отношений у бурят-монголов, а применительно к нашей теме — общественного строя последних в период, предшествующий русскому завоеванию и до конца XVII в. включительно, под углом анализа как «феодальных», так и «родовых» отношений в реальной жизни.

¹ П. Т. Хаптаев, Тезисы доклада «К спорным вопросам исторического процесса в Бурятии», Иркутск, 1934. Доклад был сделан на конференции историков Бурятии.

Переходя к истории вопроса, следует прежде всего остановиться на взглядах М. Н. Хангалова. Чрезвычайно яркая и богатая фольклорным материалом, к тому же талантливо изложенная, оригинальная работа Хангалова, с участием Клеменца (1910 г.), о так называемой эпохе «Зэгэтэ-Аба» оказала значительное влияние на многие позднейшие труды в части описания древнего бурят-монгольского общества.¹

Древняя «Зэгэтэ-Аба» была условно реконструирована названными исследователями по многочисленным и разнородным фольклорным данным и представлялась им самим как весьма древний по происхождению обычай и как «доисторический период» существования бурят-монгольского народа, хотя М. Н. Хангалов и склонен был приблизить ее к моменту русского завоевания.² В преданиях и легендах бурят-монголов сохранились весьма определенные и обильные воспоминания об Зэгэтэ-Аба, как о коллективной первобытно-коммунистической охоте, определяющей весь общественный уклад и, как охота, являющейся основным занятием всего бурятского общества. В интерпретации новейшего исследования К. В. Вяткиной,³ опирающейся на работы И. И. Мещанинова об обществе верхнего палеолита, эпоха древнейшей «Зэгэтэ-Аба», как ее описывали Клеменц и Хангалов, приобретает черты сходства даже с временем верхнего палеолита, с ориньякосолутрейской и мадленской стадиями, когда «разнохарактерная деятельность коллектива и его многочисленность делали его менее подвижным, что вело к образованию становищ, куда возвращалась охотничья масса. На становищах образовывалось постоянное население, главным образом из женщин, детей и стариков. Здесь же на помощь охотнику приручались домашние животные, позднее переходящие в объекты производства (скотоводства)». Такой, в частности, вывод из работы о Зэгэтэ-Аба Хангалова и Клеменца делает (словами И. И. Мещанинова) К. В. Вяткина.⁴

В сопоставлении с археологическими данными подобная картина общественного быта, очевидно, должна быть отнесена, в ее основном виде, ко времени до образования бурят-монголов как народности («тотемические коллективы»), до развития скотоводства на территории Прибайкалья, т. е. не позже начала нашего

¹ М. Н. Хангалов, Зэгэтэ-Аба, облава на зверей у древних бурят, «Известия ВСОРГО», 1899, т. XIX, № 3; Клеменц и М. Н. Хангалов, Общественные охоты у северных бурят, «Материалы по этнографии России», т. I, Спб., 1910; Вамбоцыренов, Аба-Хайдак, облава у хоринских бурят, «ИВСОРГО», 1890, т. XXI, № 2; Кроль, Охотничье право и звериный промысел у бурят, «ИВСОРГО», 1894, т. XXV, № 4—5; А. П. Щапов, Бурятская улусная родовая община, «ИВСОРГО», 1875, т. V, № 3—5, стр. 135, 136.

² М. Н. Богданов, Очерки истории бурят-монгольского народа, с дополнительными статьями Б. Б. Барадийна и Н. Н. Козьмина, под ред. проф. Н. Н. Козьмина, Верхнеудинск, 1926, стр. 15.

³ К. Вяткина, Пережитки тотемизма и его разложение в связи с облавными охотами бурят, «Советская этнография» № 5—6, 1933.

⁴ И. И. Мещанинов, Верхний палеолит, 1931.

летоисчисления, а предания о Зэгэтэ-Аба, в целом, должны рассматриваться как наслоения многих периодов исторического прошлого.

Совершенно естественно, что столь яркая работа, как труд Хангалова — Клеменца, раскрывшая древнейшее общественное устройство глубокого прошлого, была и не могла не быть одним из существеннейших и веских оснований для мнений не только о господстве общинно-родового быта, но и о полном отсутствии феодальных отношений у бурят-монголов. Взгляды Хангалова — Клеменца закономерно нашли свое отражение и в фундаментальных «Очерках по истории бурят-монгольского народа» М. Н. Богданова.¹

Но, принимая положения о Зэгэтэ-Аба в целом и разбирая вопрос о хозяйственном и политическом устройстве Бурятии в древности, М. Н. Богданов все же выразил сомнение в возможности существования столь архаического строя «Зэгэтэ-Аба» у бурят даже и в более поздних формах (т. е. при наличии внутреннего неравенства среди общинников и рабства), перед русским завоеванием.

Он подчеркивал, что «эпоха Зэгэтэ-Аба» характеризуется по фольклорным данным существованием «общественных отношений, удивительно приспособленных к военно-походной жизни», и предполагал их возникновение «в ту седую старину, когда складывалась военно-кочевая монархия монголов, объединившихся позднее под властью Чингис-хана».² Определяя момент возникновения строя Зэгэтэ-Аба временем, предшествовавшим Чингис-Хану, М. Н. Богданов основывался на сходстве военной организации монгольских армий с устройством коллектива Зэгэтэ — облавщиков, из которого и выросла, по его мнению, «организация монгольских завоевателей».

В очерке «Исторические предания о бурято-монголах их соседей», написанном «по материалам М. Н. Богданова», Н. Н. Козьмин отмечал уже попытки объединения отдельных племенных и родовых групп бурят вокруг наиболее энергичных родовых вождей³ — «диктаторов». Сам Богданов далее пишет, что к моменту прихода русских, когда буряты только переходили к земледелию, хотя вели уже торговлю с монголами и лесными звероловами, во главе бурятского общества стояли князьки, «напоминавшие монгольских удельных князей» и бравшие последних за образец.⁴

Об экономических отношениях господства и подчинения между князьками и улусной массой авторы «Очерков» тогда тем не менее совсем еще не говорили; вообще буряты понимались ими еще как нечто целостное: буряты как бы «в целом» торгуют, бурют сообща

¹ Сами Клеменц и Хангалов расчленили, впрочем, Зэгэтэ-Аба на ряд этапов и проследили ее упадок, имевший место до прихода русских.

² М. Н. Богданов, Очерки, стр. 15.

³ Там же, стр. 9.

⁴ Там же, стр. 11.

ясака с киштымов. Отношения их с киштымами рассматриваются в плане ассимиляции многочисленными и сплоченными бурятами, как народностью, менее организованной и зависимой этнической группы.

Вопрос о феодализме у бурят-монголов еще, следовательно, не ставился, а весь бурятский народ делился в «Очерках» на три племени, последние же на отдельные роды, «так что в общих чертах вырисовывается лестница патриархально-родовых отношений». Все эти определения М. Н. Богданова и Н. Н. Козьмина основывались еще, таким образом, на признании господства патриархально-родового строя для эпохи, непосредственно предшествовавшей вторжению казаков, и коммунистического быта бродячих охотников (Зэгэтэ-Аба) для эпохи, предшествовавшей созданию монгольской империи XII—XIV вв.

В новейшем своем труде «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» Н. Н. Козьмин окончательно пересмотрел эти вопросы и сделал дальнейший шаг по линии отказа от положений Хангалова о родовом быте у бурят дорусской эпохи, выдвинутых последним в работах о Зэгэтэ-Аба,¹ и говорит уже о полном отсутствии у лесных племен Саяно-Алтайской области задолго до монгольской эпохи «патриархально-родового строя, основанного на кровном родстве больших племенных групп и массивов». «В собственно бурятской земле перед Чингис-Ханом мы тоже не находим следов господства первобытных «патриархальных» порядков. Там всюду дают о себе знать крупные владельцы пастбищ и звероловческих угодий»,² пишет теперь Н. Н. Козьмин.

Так на смену господствовавшей прежде патриархально-родовой теории Хангалова — Клеменца, разделявшейся (с некоторыми частными изменениями по линии хронологии) М. Н. Богдановым и другими, появилась целиком противоположная ей «феодальная теория». Общая концепция Н. Н. Козьмина в 1934 г. совсем не оставляет места родовому быту Зэгэтэ — облавщиков — не только в монгольскую эпоху XII—XIV вв., но и задолго до нее. Феодальные же порядки чингис-хановой поры в Бурятии якобы продолжали свое существование без больших качественных изменений до момента русского завоевания и даже сохранялись позже.

По мнению Н. Н. Козьмина, высказанному в 1934 г., имел место лишь некоторый количественный упадок мощи феодалов, измельчавших по сравнению с эпохой чингисидов; к моменту прихода казаков на Ангару и Уду в Бурятии якобы уже «не могло остаться сколько-нибудь значительных землевладельцев, особенно с большим количеством земельных угодий и большим числом

¹ Н. Н. Козьмин, К вопросу о турецко-монгольском феодализме, Иркутск, 1934. Работа эта нашла свою оценку в целом ряде рецензий, где подробно разобраны все ее основные положения.

² Там же, стр. 84—86.

зависимого от них населения. Но они не могли идти в сравнение даже с измельчавшими монгольскими князьками». ¹

Если сопоставить теперь параллельно высказывания автора книги «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» с мнениями, изложенными в «Очерках истории бурят-монгольского народа» — М. Н. Богданова и Н. Н. Козьмина, то четко определятся два в корне отличных друг от друга построения, по-разному отвечающие на коренные вопросы древней истории бурят-монголов, а также очень наглядно иллюстрирующие эволюцию взглядов самого Н. Н. Козьмина за десятилетие: ²

1926 г.

1) Буряты оформились в Прибайкалье после переселения туда части татар охотников и рыболовов (су-монгол, анци-татар).

2) До эпохи Чингиса существовал строй первобытно-коммунистических охотничьих коллективов.

3) У бурят существует лестница патриархально-родовых связей в начале XVII в.

4) «Князцы» являются родовыми воядами.

1934 г.

1) Буряты произошли из смеси племен, выведенных феодалами из других стран, подаренных ханами их вассалам, беглецов и т. д.

2) С глубокой домонгольской старины господствуют феодальные по содержанию отношения.

3) Никакого патриархального строя в XVII в. не существует, наличие феодальный строй.

4) Князья бурят — мелкопоместные нойоны, измельчавшие феодалы эпохи Чингиса. ³

При этом надо заметить, что концепция Хангалова — Клеменца строилась преимущественно на фольклоре и, естественно, не давала точной периодизации истории бурятского общества. «Очерки» М. Н. Богданова значительно уже устарели. Концепция же Н. Н. Козьмина в 1934 г., в свою очередь, не подкреплена анализом каких-либо новых реальных фактов из истории бурят по письменным источникам, так как уже старые работы почти исчерпали для обоснования противоположных взглядов весь имеющийся опубликованный письменный материал, вообще скудный. Не пользовался Н. Н. Козьмин и показаниями как вещественных, археологических, источников, так и фольклора.

Каждое исследование, ставящее целью дальнейшее продвижение в исследовании общественного строя бурят-монголов перед русским завоеванием, учитывая эти моменты, должно комплексно охватить, очевидно, в совокупности все три вида источников: этнографический материал, археологические данные и показания письменных источников, особенно новых, не использованных раньше.

¹ Там же, стр. 96.

² Ниже уделяется особое внимание взглядам Н. Н. Козьмина как по той причине, что его деятельности многим обязана разработка всей истории бурят, так и потому, что в последних работах Н. Н. Козьмина наиболее резко был выражен уклон к схематизму и модернизации истории бурят. Обойти их было бы невозможно.

³ Выводы Н. Н. Козьмина суммированы нами (А. О.) по указанным работам.

Только при этом условии может быть достигнут какой-либо определенный дальнейший сдвиг в данном вопросе и по сравнению с наиболее значительной работой по истории бурят-монголов — «Очерками» М. Н. Богданова (1926 г.)

Преследуя в данных очерках более узкие задачи, мы можем лишь бегло остановиться на этом вопросе и, конечно, как сказано выше, со специальным уклоном в сторону анализа социальных корней и условий конкретного хода событий освободительного движения бурят-монголов в XVII в., которые не могут быть поняты без выяснения коренных проблем строя и развития древнего бурятского общества, сложность и неисследованность которых достаточно иллюстрируется и самой кратко характеризованной выше историей их разработки.

2. ЭВЕНКИ (ТУНГУСЫ) ПРИБАЙКАЛЬЯ В XVII В.

Судя по указаниям письменных русских источников о бурятах, начинающимся с 1609 г., когда впервые в отписках называется имя народа — «буряты», или, по-тогдашнему, «братья» — к приходу завоевателей бурят-монголы в своем социально-экономическом развитии очень далеко ушли от той поры, когда могли существовать изолированные общественные группы, экономически совсем независимые от соседей, стоящих на том же уровне. Буряты теснейшим образом были связаны с соседними народами, в частности с родовыми группами эвенкийской народности. Эта связь отражена и фактами освободительного движения, в котором эвенки являлись союзниками бурят или, наоборот, жертвами борьбы между двумя враждебными сторонами. Но тем самым вопросы истории эвенков приобретают большое значение для понимания истории бурят-монголов. Это особенно относится к социально-экономической истории тунгусской народности. Анализ социально-экономического уклада предков тунгусской (эвенкийской) народности и ее роли в истории Восточной Сибири XVII—XVIII вв. должен бросить свет на взаимоотношения между бурят-монголами и тунгусами, прямо касающиеся хода освободительной борьбы самих бурят-монголов в этом же периоде; с другой стороны, сравнение более сложного общественного строя бурят с более простым и архаическим строем эвенков, и обратно, не может не дать ценных данных для понимания конкретной исторической обстановки, определившей содержание и формы борьбы бурят с царизмом.

«Тунгусские люди», по сообщениям казаков, занимали обширное таежное пространство по Енисею и Верхней Тунгуске, от Красноярска до Братского Нижнего острога.¹ В описании рек, составленном по данным, имевшимся в распоряжении енисейского воеводы к 1630 г., определенно указано, что тунгусы занимают устье реки Тасеевой, живут по Каменке, Иркиннееве, Карабуле, Муре, Чадопче, Скиде, Усть-Кове, Илимму и Вихоревой.² По словам воеводы Ошанина, в восьми днищах ходу от Енисейска живут тунгусы, выше тунгусов обитают аплинцы, за ними шаманцы, за шаманцами вверх по Тунгуске расположены кочевья сычугов,

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 12, л. 121.

² Там же, л. 478.

шелегов, налягов, чапагов. По реке Лене жили люди четырнадцати землиц, в том числе: наляги, шаляги, сычуги, куркаги, чолкаги, атагаи, корели, колжежи; «и те землицы оленные и собольные промыслы у них великие», сообщает роспись 1630 г.

А дальше числились «по той же реке Лене», девятая землица Камчаги, десятая Ойкогири, «а коней и оленей у тех землиц нет».

Еще дальше находились землицы: Ожань, «другая на десять — Оледыли», тринадцатая — Лалигили. Четырнадцатая землица — браты. «И те землицы конные», указывает роспись.¹ Нетрудно увидеть под этими наименованиями искаженные русскими казакми и подъячими названия современных тунгусских родовых групп: шемагиров, сычегиров, чилкагиров (шелegi, шаляги, шлюги), эжанцев и др., причем часть родов, вероятно, исчезла полностью или вследствие русского завоевания, как, например, наляги, или в результате дальнейшего дробления родовых групп, вызванного процессами самостоятельного внутреннего развития.

Такие роды, как налягиры, одновременно обитали по Ангаре, близ устья Илима, жили по Илимму, Куте и Лене — до Верхоленска; из числа налягов был, например, известный на Лене князец Липка.² Шемагиры не ограничивались расселением у Шаманского порога, получившего от них свое имя, но обитали и по Илимму, на реке Тубе. Но области, занятые отдельными группами сородичей, были строго определены, представляли замкнутые территории с определенными границами, т. е. «землицы» по русской терминологии XVII в. Различные группы тунгусов, разбросанных на обширной территории Восточной Сибири и объединенных общим родовым названием, соприкасались, но не смешивались друг с другом. Ленские тунгусы, например, рассказывали: «а вверх по Лене реке неясчных тунгусов челкагирских человек с 50, а налагинцов де около Тутуры и вверх по Лене человек с 60, а камчагирцов де человек с 50»,³ и т. д. и т. п. Со слов тунгусов, прекрасно знавших тайгу и границы родовых территорий, составляли свои описания и служилые люди, где точно разграничены обычно районы, заселенные отдельными родовыми группами⁴ и представлявшие их охотничьи территории.

Отдельные территориальные тунгусские группы отличались не только названием и территориальными границами, но и хозяй-

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 12, л. 478.

² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 49.

³ ИАИ АН СССР, Якутские дела, 1641, л. 29.

⁴ Соотношение родовых связей с наличием родовой территории у эвенков Восточной Сибири четко подметил Патканов. Ссылаясь на Георги, он пишет, что не только кочевые тунгусы, но и бродячие охотники по большей части имели прежде свои собственные родовые земли, на которые они не пускали посторонних. Название таких родовых территорий (по Георги — «боа») непосредственно обозначает и сам род и его тотем; оно является в то же время, как указывают новейшие исследования (Улитин), дериватом понятия «вселенная», небо и т. д. Это только отчетливее подчеркивает глубокую древность родовых территорий, как одного из материальных устоев коммунистического хозяйства рода, согласно наблюдениям Моргана и указаниям Энгельса.

ственным укладом, вопреки обычному упрощенному представлению о их экономике, как только таяжных охотников-оленоводо-вод. Само собой разумеется, что нет оснований подозревать в намеренном искажении действительности интереснейшие политико-экономические обзоры — «доезды» и «росписи» рек и земель XVII в., основанные на тунгусских «расспросных речах».

Эти же документы, как мы видели, категорически отмечают в Приангарье и на Верхней Лене, во-первых, существование пушного охотничьего хозяйства, основанного на применении оленя, как ездового животного, для передвижения по таяжным тропам, по соболиным ухоякам.

Во-вторых, рядом с такими соболиными охотничьими и оленеводческими землями налягов, шелегов, сычугов, куркагов, атагаев и др. упоминаются и «конные» эжанцы, оледыли, лалигили (лалигири), а затем и «скотные» (разводившие рогатый скот) мучюги, живущие «на край Лены». Иван Галкин во время своего похода с Илима на Лену в 1630 г. видел, что по реке Лене и ее притокам «живут тунгусские и налянские и сычегурские и брацкие многие люди, а люди, государь», писал он в Енисейск, «все сидячие. А внизу по Лене реке шилюги и мучюги, а те де, государь, мучюги и шилюги многие люди к тебе, государю, непослушны, а тем де, государь, в сем землям тунгусским и наленским и сычегурским людям они сильны и их де приходя громят по все годы, а те, де, мучюги — скотные люди, а живут по край Лены». ¹

Наконец, мы имеем не менее четкие указания на существование в начале русского завоевания «пеших земель»: «а коней и оленей у тех земель нет». Близ самих «братских» улусов по Ангаре, «около брацких людей», «по сторонним рекам людей много пеших»; ² пешие тунгусы жили по Лене и другим «сторонним рекам» Ленского бассейна. ³ Еще в 1657 г. отмечены пешие тунгусы около Нового Братского острога (Балаганска).

Сосуществование «сидячих» и «бродячих»-оленных тунгусских родов отмечается и для других территорий как вполне закономерный факт. Так, по Улье, «что пала в Ламу», в верхней части реки жили оленные люди тунгусы озяны, а на устье Ульи обитали «сидячие люди озянканы, а ездят они на собаках». По реке Охоте на устье обитала «сидячая орда Шалганы», а вверх по Охоте жили оленные тунгусы киланского рода. По Уде, которая пала в Ламу, жили вверху оленные тунгусы, а внизу располагались «сидячие»; «а те люди», сообщали казаки о таких сидячих, «хлеб сеют». Оленные у сидячих «крупы емлют, а им против дают соболи». ⁴ Здесь хозяйство сидячих людей уже резко разнится от

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 38.

² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 55.

³ Там же, № 92.

⁴ Речь идет о дауро-дучерах, земледельцах в бассейне Амура; см. там же, д. 23, № 13; ср. В. И. О г о р д н и к о в, Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в., Владивосток, 1927, стр. 11—51.

хозяйства пеших рыболовов, что указывает и на возможность различных сочетаний, переходов и связей.

Следует отметить, что развитие в целом на территории Прибайкалья, судя и по археологическим данным, шло от господства нерасчлененного единого хозяйства охотников и рыболовов (в тайге — это время существования неолитических матрилокальных родовых групп) к его дифференциации. Оно шло к экономическому преобладанию над бродячими охотниками тайги «сидячих» рыболовов, а может быть уже и мотыжных земледельцев типа шорцев XIX в., располагавших позднее довольно значительным ассортиментом домашних животных, среди которых олень и собака вытесняются сначала в эпоху металлов быком, а за ним конем и овцой, вместе с вытеснением рыболовства и охоты земледелием и скотоводством.

Ближайшие соседи бурят в Приангарье и Приленском крае — пешие тунгусы — с XVII в. являются, следовательно, не деградировавшими оленеводами, а как бы вероятным «обломком» более ранней стадии развития с очень архаическими чертами быта,¹ сосуществовавшим рядом с иными группами, более развитыми в хозяйственном отношении.

В свете археологических материалов историко-этнографические факты XVII в. приобретают особенный интерес как надежный показатель одновременного существования еще в то относительно позднее время элементов различных этапов и форм хозяйственного развития, с одной стороны, а кроме того, с другой, — как отражение коренных предпосылок слагающегося на определенной степени развития родового общества междуобщинного обмена, определяющегося хозяйственной «специализацией» родов в зависимости от природных и некоторых других условий.

Нужно отметить также, что казачьи отписки и доезды явно вслед за сообщениями самих туземцев отмечают не только раз-

¹ О пеших тунгусах-ламутах «Охотской округи» Патканов сообщает: «Весьма характерно, что пешие ламуты принадлежали к совершенно другим родам, чем бродячие, значит они не происходят от их обедневших родов». Они являются, по его словам, «жалкими остатками многочисленных прежде пеших тунгусов», коренных жителей края в прошлом, занимавшихся приморской охотой (см. Патканов, Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири, ч. 1, вып. 2, стр. 104—106).

Б. Долгих расшифровывает «буляшей» XVII в. как таких же пеших охотников и рыбаков (от слова bul — нога bulesti — ходить пешком) — кетов, т. е. «палеоазиатов», к которым причисляются и пешие охотники Алтая — шорцы (Б. Долгих, Кеты, Иркутск, 1934).

Пеший быт охотничьих племен был безусловно древнее оленего бродячего и распространялся раньше очень широко, существовал у разных этнических групп. В XVII в. он в Приангарье и на Лене был уже изживаемым пережиточным укладом и, возможно, свойственным особым по их этническому характеру группам, отличным от оленных собственно тунгусов и, еще больше, от бурят, наиболее же близким, по хозяйству, по крайней мере, к кетам и шорцам. Памятники так называемого энеолита могут, повидимому, бросить свет на этот интересный вопрос, так как в это время оформляется культура сидячих речных рыболовов.

личие в хозяйственных укладах, но и вероятную связь этого различного хозяйственного уклада с какими-то этническими особенностями. Они постоянно различают друг от друга «тунгусов», «налягов» и «кочемаров» как «скотных», «оленных» и тому подобных людей, упоминая притом эти названия не как синонимы или понятия, из которых одно может покрыть и снять второе.¹ Иными словами, у авторов отписок нет такого четкого понятия о тунгусах (эвенках), как целостном народе, которое существует в нашей этнографической литературе. Наоборот, «братья» остаются всегда «братами»: с четкой общностью хозяйства и быта, несмотря на отлично осознаваемую казаками дробность родовых группировок и у них.

При всем хозяйственном и этническом различии отдельных территориальных тунгусских групп Восточной Сибири — Прибайкалья, их социальный строй тем не менее сходен.

Прежде всего, с тунгусами казаки имеют дело, как с родовыми группами, состоящими из небольшого числа людей.

О тамошних тунгусских родах якутские казаки писали, что тунгусов насчитывается в роду человек по 100—150.² На верхней Лене, как мы видели, численность родов несколько меньше, она достигает в среднем 50—60 человек.³ И характерно, что чем позднее, тем количественно меньше становятся роды, а число самих родов увеличивается. Сведения о родах тунгусов на Нижней Тунгуске могут служить иллюстрацией этого вывода: здесь первоначально существовал один род маугирей, но в 1639 г. маугирей числилось уже четыре рода, в составе которых насчитывалось 153 человека. В то же время кондогирей насчитывалось 61 человек, муюгирей 65; уюрыльцев и баягирцев на устье Тетей — 211 человек.⁴ В XVIII в. распадение больших территориально-родовых групп на малые идет, повидимому, там еще интенсивнее.⁵

Внутренний строй тунгусского рода документы освещают слабо и недостаточно, но некоторые указания представляют значительную ценность. В частности, постоянно встречается термин «князец» по отношению к отдельным лицам из среды членов тунгусского рода. Таков тунгусский князец Липка, князец «верхних» ангарских тунгусов Корот, шаманской земли князец Когоня (чуть ли не полумифический «Окунь» Якова Хрипунова), князец питеских тунгусов Лупа Ялкеев, князцы с «Рыбной Ловли» Болкей, Мукотей, Сыркай, Сердика и др. Казаки говорят даже про «улусы Можеула» и т. д. Встает вопрос: кто такие тунгусские князцы

¹ См., например, разграничение «тунгусов» от «налягов», «кочемаров» и т. д. Чермениновым (архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 63).

² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 30, № 37.

³ ИАИ АН СССР, Якутские дела, 1644, л. 29.

⁴ ГАФКЭ, Сибирский приказ, «Ясачная книга», № 127.

⁵ Ср. также данные XIX в. в работе П а т к а н о в а, Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири, ч. I, вып. 1, стр. 109; вып. 2, стр. 92—95 и др.

и каково их положение, не действительные ли это «князья» с улусами.

Но было бы ошибкой полагаться на эти определения и на внешний смысл стереотипных терминов «князец» и «улус». Ничего похожего на личную внеэкономическую феодальную зависимость родовичей от тунгусского князца мы не встречаем, никакой эксплуатации путем внеэкономического принуждения и т. п. по отношению к тунгусам-сродникам со стороны их князцов акты тоже не выявляют.¹

Правда, еще в 1619 г. основатели Маковского и Енисейского острогов Албичев и Рукин отправили казаков на Тунгуску объяснять местных тунгусов. «Два князя», рассказывает о их походе Фишер, «пришел к ним на суда, склонились на все, чего от них требовали; однако при том объявили, что простой народ на то не согласен и не хочет им повиноваться: наипаче угрожает оный нападением как российским селениям, так и находящимся у Кета, Каса и Сыма остяцким волостям». Тут есть все: и князья и простой народ.² Документальный источник (в миллеровской копии), однако, дает более четкое и несколько иное освещение этому факту. К посланным Трубчаниновым и Рукиным кетским казакам на ночь приходили князцы Харигей да Такия и сказали: «Мы де государю радеем и ясак дадим, да лихи де у нас молодые люди и нас ни в чем не слушают», хотя собраты в поход на Кеть под остроги, воевать кетских и касовских остяков.³

Речь в подлинном документе идет явно не о «князьях» и «простом народе», а о старших и младших по возрасту, так как русские в XVII в. обычно для обозначения отношений зависимости употребляли более четкие выражения, да и весь контекст документа свидетельствует только о разногласиях между старейшинами и буйной вольницей, горячими молодыми головами рода, готовыми в любое время кинуться в поход, в авантюру. Фишер оценивал действительные отношения, как феодальные, с точки зрения своего века, так же как иногда и казаки склонны были к модернизации архаического быта этих племен, не порвавших еще пуповины родового строя. Подобный случай имел, например, место и на Лене при первых попытках объяснения тамошних бурят и тунгусов. Известный князец Можеул, крепко полюбивший русские подарки — сукно, оловянные тарелки, бисер и другие иноземные редкости, — сразу согласился платить ясак за себя, а также обещал давать ясак и со своих сородичей.

¹ По работам этнографов хорошо известны элементы родового строя у эвенков, сохранившиеся у них следы коммунистических производственных отношений и т. п., целиком подтверждающие правомерность такого толкования приводимых здесь нами фактов, относящихся к XVII в., когда родовый быт должен был быть еще более целостным и прочным.

² Ф и ш е р, Сибирская история, стр. 278.

³ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 16, № 37. У Миллера (Sammlung d. Rus. Geschichte, VIII, В., 1763) дано более точное изложение факта, чем у Фишера.

Тем не менее, покровительствовавшие Можеулу русские казаки, принявшие его за настоящего улусного владельца, который может дань брать себе с улусных людей, а может ее и казакам давать в уплату за государево жалованье, были скоро разочарованы. Соболей улусные люди Можеула продали бурятам, а сам Можеул в оправдание сказал «про тех своих улусных людей, что оне ево не слушают». ¹

История с непослушанием оленных людей налягов своему «лутчему князю» Можеулу приоткрывает те же самые черты родового, а не феодального быта. Можеул рассказывал казакам: «в нашей де земле старые люди померли, а иные де стары стали и увечны... а нас де старых людей молодые люди слушать не учили, государевым ясаком не радеют». ² Вся сила и власть князя Можеула, оказывается, покоилась еще в основном на устоях патриархального родового быта, где влияние родоначальника поддерживается исключительно уважением сородичей и основывается на его личных качествах, возрасте и т. п., а совсем не на внеэкономическом принуждении и экономической зависимости, как в настоящих «улусных владениях». Эту власть Можеул разделяет со стариками — главами семейств, — и сам он принадлежит к своего рода внутриродовой «геронтократии», полномочия которой, впрочем, не шире, чем у индейских сахемов. ³

Призрачную власть над родом дали в своих представлениях Можеулу казаки, выросшие в условиях такого общественного строя, где родовая демократия и во сне не снилась, а самый невинный намек на «народоправство» рассматривался как жесточайшее преступление. Реальную власть в наляжском роду имел еще сам род в лице родового совета, в состав которого входили все совершеннолетние мужчины рода. Важнейшие родовые дела решал сход-суглан. О таких порядках свидетельствует следую-

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 30, № 38.

² Там же.

³ В 1686 г. платившие ясак в Албазинский острог ясачные тунгусы киндигирского рода, Генеул с товарищами, рассказывали, как их взяли в аманаты китайские воеводы и затем послали по их родам, чтобы они послали из своих родов к воеводам богдойским «старых мужиков» для переговоров о месте сбора для платы ясака. «Они, де, аманаты, с табор их неприятельских воинских людей пошли и пришли к отцам и к роду своему... а отцы де их и иные роду их старые мужики к ним, неприятельским богдойским воеводам, не пошли».

Наличие отцовского рода и внутриродовой «геронтократии», власти старших в роду глав семейств, обрисовано и этим документом с полной четкостью (см. архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, Списки Енисейской архивы, ч. IV, № 27, л. 68).

Совершенно сходные сведения сообщаются другим, более ранним документом, относящимся к ленским тунгусам в сороковых годах XVII в. Енисеец толмач Кондратий Мясин ходил вверх по Киренге «на Ленской хребет» к тунгусам кантагирцам, жившим «возле брацких людей». Тунгусов оказалось здесь около 50 человек, но ясак давали не все, а «только де старики, а давали с человека по соболю и по 2 и по 3». (ИАИ АН СССР, Якутские дела, кор. 188—2, состав 38).

щий факт: получив предложение платить ясак, улусные люди Можеула ответили казакам, чтобы они не торопились со сбором ясака, а подождали сбора родового совета, когда, по словам тунгусов, они соберутся «вместе». На категорические требования казаков часть тунгусов ответила снова только таким же категорическим отказом, а часть сослалась на предстоящий в стойбище Можеула родовой совет: «будем де и мы у Можеула».¹

Существование родового строя косвенно подчеркивается в ряде случаев и независимым, даже почетным положением женщины у налягов на Лене. Посланником от тунгусов и служилых к бурятам является жена тунгуса Теметей, выполняющая ответственное поручение по собственной охоте и с большим достоинством.

Если у ирокезов женщины-матроны могли сменять вождей и возводить их, то и у ленских налягов женщина, если не правит родом, то решает дела за свою семью, за своих сыновей; так служилые люди встретили на Лене тунгусскую бабу Чагакчон. Последняя решила давать ясак со своей семьи и, мало того, сказала: «я де стану посылать детей своих к верхоленским тунгусам и к брацким людям и сама стану ездить», подзывая их давать царю ясак.²

При всей бесспорности существования родового строя у тунгусов на Лене и на Ангаре, нельзя, тем не менее, преувеличивать и здесь значение родовых, т. е. первобытно-коммунистических связей, чрезмерно архаизировать последние, ибо в прошлом тунгусские роды и племена тоже прошли многовековую историю, а в рассматриваемый момент имели многообразные и разветвленные торговые и политические связи с соседями, которые издавна действовали разлагающим образом на родовой уклад жителей тайги.

Оленные звенки XVII в. знали эпоху материнского рода уже в далеком прошлом по сравнению с этим временем, хотя различные пережитки матриархата сказывались с очень значительной силой в их экономике, общественном укладе и в идеологии. Хозяйственные коммунистические связи уже не совпадали целиком с кровнородственными отношениями в роду и были гораздо уже последних, охватывая теперь только узкий круг ближайших родственников по мужской линии, возглавляемых старшими членами этих мел-

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 30, № 38.

² Там же, № 38; ср. Якутские дела ИАН АН СССР, 1641, № 30. Жена Теметей и «преж сего радела», сообщали служилые люди. Отправляясь к бурятам, она говорила: «да и топерво иду я к братским людям уговаривать братских людей, что те братья послушают меня и будут под государеву царскую высокую руку, ясак с себя государю дадут и своих улусных людей и ясырь и жен и детей выкупят». Посольство увенчалось успехом. На второй день пришла «та баба тунгуская», а с ней брат Чепчюгуя Куражум Бурлаев с братом Жаякою, давшие шерть (см. Дополнения к актам историческим, т. II, № 91).

Заслуживает также внимания в связи с ролью женщины-посла и то обстоятельство, что у древних монголов особа посла вообще считалась, на основании родовых обычаев, священной (см. Владимирцов, Общественный строй монголов, стр. 58).

ких подразделений рода. При всем своеобразии быта оленных охотников тайги следует заключить, что и у них, судя по данным XVII в., давно уже сложилась и окрепла под влиянием торговых связей с соседями и на основе сочетания различных (повидимому, трех) хозяйственных укладов, повидимому, новая форма семьи, которая коренным образом отличается от семьи более древнего материнского рода, представляющего собой наиболее полное выражение внутреннего строя первобытно-коммунистического по экономике родового общества. Эта форма — отдельная «большая» патриархальная семья (малые подразделения родовых групп) внутри родоплеменного общества с отцовским правом на первых порах еще совместима с первобытно-коммунистическим общинным способом производства и является лишь результатом сужения экономических общинных связей, но вместе с тем ее существование связано и с усилением неравенства среди членов всей родоплеменной общины, с появлением, так сказать, «подсудков» и захребетников из пауперизованных сородичей, а также патриархального, домашнего типа, рабства. Имеются факты, полностью подтверждающие высказанное положение, мы знаем прямые документальные свидетельства о существовании рабов из числа военнопленных, т. е. захваченных у врагов женщин и детей, часто тех же тунгусов, данные о частной собственности и имущественном неравенстве среди членов тунгусского рода. При этом, в связи с утверждением Энгельса о подчиненном положении женщин в патриархальной семье мужчинам и о подчинении женского пола мужскому, как о первой форме общественного неравенства, нельзя не отметить, как наш фактический материал показывает, постепенную утрату женщинами с течением времени их свободного и даже привилегированного положения в роду: так, в некоторых случаях в первых годах XVIII в. женщины-рабыни уже обмениваются у тунгусов, как своего рода товар, свободные по рождению женщины идут в уплату головщины (виры) наравне с оленями, наряду с домашними вещами их братьев — «убойцев». ¹

Для характеристики уровня развития, который был достигнут эвенкийским обществом, показательно и наличие торговли, истари сложившийся обмен, приобретающий на протяжении веков в быту тунгусов все более и более значительную роль. В тайге существовали различные местные торговые пути и волоки, соединявшие один род или племя с другим, имевшие местное локальное значение. Таков, например, волок с Лены на Киренгу около устья Тутуры, по которому ходили тунгусы туда и обратно, по 8 дней в один конец. ² Жившие на Лене наляги, а на Киренге

¹ Интересные данные такого рода обнаружены автором относительно внутреннего строя тунгусского общества конца XVII и начала XVIII вв., в делах фонда «Илимской воеводской канцелярии» (Иркутский крайархив), касающихся курейских тунгусов (составляют предмет особой статьи).

² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 49, л. 133—125.

никогирцы и камчагирцы постоянно сообщались друг с другом по этому волоку, первые точные сведения о котором получил П. Бекетов в 1631 г.

Такой же путь местного значения вел с Лены по Куленге из тунгусских земель в бурятские улусы. Посланный П. Бекетовым за ясаком к тунгусам служилый человек П. Колмогоров и его спутники «сошлись с тунгусами на дороге, идучи на реку Куленге», откуда тунгусы шли «исторговався». ¹ Жившие на устье Идирмы тунгусы до построения там И. Галкиным первого русского зимовья постоянно ходили торговать к бурятам: «а с устья Идирмы до братьев на усть Оки реки блиско, на коне ехати — два дни об одну ночь переезжают, а пешей человек три дня переходит, а волок, государь, таков-же, как из Енисейсково острогу до Маковского», сообщили в Енисейск служилые люди, передавая расспросные тунгусские сведения. ²

Илимские тунгусы хорошо знали пути вниз по Лене, куда сами, однако, не отваживались ходить, потому что их постоянно громили проходившие оттуда и жившие «по край Лены», т. е. не в тайге, а на прибрежных местах, по наволокам, мучюги, «скотные люди». ³ Казаки узнали сначала, что можно перевалить с Идирмы по реке Чюхтерме вверх, оттуда волоком до речки Ялыка, с Ялыка на Куту, с Куты на Лену. Знали они и второй вариант: прямо с устья Идирмы на Куту, «сухим ходом». Один из енисейских атаманов вскоре после освоения Илима раздобыл новые сведения о речных путях и волоках с Ангары на Лену. Он «прикормил тунгуса и подарил ево государевым жалованьем одекуями и спрашивал про иные волоки, есть ли куды иные волоки на Куту и на Лену реку ближе тех волоков», которые уже стали известны енисейцам. Тунгус указал такие волоки: нужно было сначала идти с устья Идирмы вверх по Иниму (Илиму) водой по подволочья ⁴ два дня, «лехко человек и в день перейдет», а в два дня пойдет человек с ношей. Зимой по тому волоку ходить невозможно, места «гористы крепко».

Сведения тунгусов не исчерпывались в тридцатых годах XVII в. только этими данными о путях с Илима на Лену. Тунгусы хорошо знали о существовании и «якольской» (якутской) земли, про которую они рассказывали служилым, будто она людна, скот в ней всякий есть — «кони и коровы и овцы». Таким образом, некоторые связи существовали у них, очевидно, и с далекой Якутией, ⁵ не говоря уже о Бурятии.

Что касается князя ленских налягов Можеула, то он прекрасно был осведомлен о торговых путях своего времени, знал и экономическую географию той эпохи в пределах не только одного

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 56, л. 143.

² Там же, № 41.

³ Там же, л. 103.

⁴ Под волоком позже выросла деревня Подволошная.

⁵ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 103.

Прибайкалья. «С правой стороны Байкала», говорил, например, казакам Можеул, «живут люди оленные и скотные, хлеба сеют много», язык у них не братский и не тунгусский, а «свой». Имел он сведения о мунгальской земле, о «калмацких людях», очень толково разбирался в курсе соболя — тогдашней валюте, сравнивая ее со стоимостью серебряных чаш: вообще он был в курсе коммерческих дел, знал, что серебро братья покупают у мунгалов, а мунгалы у китайцев покупают всякие товары и ходят «по Селенге вверх в Китайское государство». ¹

Основными покупателями пушینی в Приангарье и Приленском крае для тунгусов являлись местные буряты. Тунгусы каждый год приходили в бурятские улусы с добычей целого сезона; они говорили, например, ясачным сборщикам, чтобы те приходили к ним за соболями ранним водным путем, а не зимой, когда соболи будут уже проданы бурятам. В одном случае указано, что ясачные сборщики встретили тунгусов на обратном пути от бурят в феврале.

Тунгусы продавали, как известно, соболей бурятам на просо, очевидно также и на гречиху (курлыч). Вели тунгусы из бурятских улусов и скот: ² в 1633 г. тунгусы говорили ясатчикам, что «соболи де они продали братским людям на скот». До некоторой степени характер товарообмена тунгусов с бурятами отражают даже торговые операции Петра Бекетова. Последний после разгрома бурятских улусов с большой выгодой сбывал ангарским тунгусам лошадей, бурятские луки; тунгусам реки Идирмы Бекетов продал «котел да стрел братских». ³

Усердно покупали тунгусы металлические изделия, ткани и предметы роскоши вроде излюбленных тунгусами серебряных круглых бляшек на головные уборы и нагрудники, ⁴ семантически заменявших собою теперь нефритовые браслеты и кружочки предков тунгусов — энеолитических оседлых рыболовов и собирателей. ⁵

Имел, несомненно, место и обмен между отдельными группами самих эвенков, как позволяют это предполагать данные, относящиеся к эвенкам иных районов Сибири. Один случай, имевший место на Олекме в 1669 г., бросает свет на обмен, происходивший

¹ Там же, д. 30, № 52 (речи Можеуля). Ср. «Дополнения к актам историческим, II, № 98». Тексты речей в № 52 и в ДАИ (№ 98) значительно отличаются друг от друга, причем речи Можеуля в деле 30, № 52 выглядят полнее и красочнее.

² Речи князца Можеуля, опубликованные в Дополнениях к актам историческим, II, № 98; ср. архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 30, № 22.

³ Архив АН СССР, ф. 21, д. 22, № 48, л. 124, 125.

⁴ Дополнения к актам историческим, № 96, стр. 260.

⁵ Автор работы при своих археологических раскопках на Ангаре и Лене имел возможность установить назначение энеолитических кружков и браслетов и убедиться в их сходстве по функции с тунгусскими украшениями XVII — XVIII вв. Положение же о родстве эвенков с древним неолитическим населением, основанное на антропологическом материале, выдвигалось в работах Г. Ф. Дебеца, а затем И. Я. Рогинского.

среди родственных тунгусских общин, и свойственные ему формы. Тунгусы Нанайского рода в жалобе на служилого П. Оксенова говорили, что они зимой этого года из Олекминского острожка отправлялись вверх по Олекме «к сродникам своим того же Нанайского роду к ясачным тунгусам в гости и с ними повидаться» и несли с собой к сродникам своим девять палем¹ «А те палмы несли мы, сироты твои, к родникам своим в подарках, а цена тем 9 палмам 20 соболей».²

Очевидно, что посещения сродников, происходившие постоянно, сопровождались подарками, т. е. представляли особую чрезвычайно архаическую форму обмена, как обмена внутри данной родовой группы, между ее отдельными ответвлениями, находившимися в удалении друг от друга. Характерно то обстоятельство, что тунгусами указан и эквивалент девяти палмам, который мог им соответствовать за пределами их общины, т. е. в актах обмена между тунгусами и чужеземцами.

Обменом эта форма может быть названа только условно, и только потому, что подарки были взаимными, что те, кто принесли зимой 1669 г. к своим родственникам 9 палем, получили бы на следующий год от них несколько железных таганов, или пряток бисеру и т. д. Внутриродовой обмен продуктами в данном случае у эвенков не имеет товарного характера и представляет еще собою лишь одну из форм общинного распределения продуктов, т. е. пережиток былого коллективного производства и связанного с ним распределения.

Но этот обмен внутри родов у эвенков протекает рядом с обменом внешним, связывающим их с чужеродцами и чужеземцами, и по контрасту он еще сильнее оттеняет специфические черты последнего, показывая, что «...развитие продуктов в товары возникает благодаря обмену между различными общинами, а не между членами одной и той же общины».³

Только внешний обмен у эвенков, например, хотя бы с теми же бурятами, является по сути и форме уже товарным, в отличие от внутреннего в эвенкийском обществе, где еще, как и везде «...на первых ступенях общественной жизни продукты потребляются самими производителями, и эти производители организованы в первобытные, более или менее коммунистические общины...».⁴

В связи с этим интересны указания того же Можеула на стоимость серебряной чаши, равную определенному числу соболиных шкур, и сведения о стоимости 9 палем, равной 20 соболям и т. д. В актах обмена, связывавших эвенков с соседями, отчасти проявляется, повидимому, уже развернутая форма стоимости, ибо соболь обменивается ими на многие другие продукты труда не

¹ Однолезвийные большие ножи на длинной рукоятки, заменяющие копьё и, отчасти, топор в тайге.

² ИАИ АН СССР. Якутские дела, кн. 205, № 8.

³ Ф. Р. Энгельс, О «Капитале» Маркса, 1933, стр. 104, 105.

⁴ Там же, стр. 105.

в виде исключения, а в порядке общего правила, хотя мы вправе предполагать, что со стороны бурят главным продуктом, которым они обменивались со своими соседями, был, наоборот, вполне естественно, скот. По крайней мере, буряты в XVII в. настойчиво добивались замены пушного ясака скотным, а красноярцы брали с них дань лошадьми, считая это выгодным. Путь к выработке всеобщего единого мерил стоимости, как такового, в Прибайкалье намечался в том, что именно соболи стали здесь всеобщей меновой единицей и обменивались на любой товар преимущественно перед всяким иным товаром.

Основанием для этого было, во-первых, обилие соболя, удобоносимость и портативность этого товара, удобство сохранения его и, наконец, особенная ценность по сравнению с другими местными продуктами. Последнее обстоятельство объясняет, почему именно продукт таежников соболь стал своего рода валютой того времени. Сибирские соболи находили ведь, как известно, постоянный спрос на мировых рынках Азии, в Китае, Монголии и Средней Азии с незапамятных времен, обслуживая азиатскую роскошь и пышность феодалов. К границам Сибири за пушниной тянулись бухарские и китайские купцы по старым караванным путям. Соболи и белка, а не скот и не другие продукты, давали их обладателю возможность получать такие товары цивилизованных стран, как ткани, редкостные украшения, заморскую утварь и т. п. предметы, перечисленные в 1626 г. М. Перфильевым при описании богатств братской земли.

По поводу роли скота как мерил относительной величины стоимости продуктов обмена Энгельс писал: «Для того, чтобы это осуществилось, необходимо было, чтобы стоимость скота, его меновое отношение к целому ряду других товаров, достигла фиксации, сравнительно выходящей за обычные рамки и беспрекословно признаваемой на территории многочисленных племен».¹

В отношении соболя наличие этих условий в Восточной Сибири XVII в. тоже не подлежит никакому сомнению. А вместе с тем становится ясным, почему в данных конкретных условиях бурятский скот оттесняется тунгусской пушниной в роли средства обмена на второстепенное место.

Столь развитый обмен имел уже прочную основу в истории сложившегося общественного разделения труда и среди самих обитателей Приангарья. В этом общественном разделении труда все пестрые «хозяйственно-этнические группы» края выступали как части сложного целого. Основным же фактом, определявшим удельный вес обмена и его роль в общественной жизни, было существование таежных охотников со скотоводами и земледельцами степных районов. Это обстоятельство, как мы увидим ниже, сказывалось и в политических отношениях и во внутренней жизни соседящих обществ Прибайкалья.

¹ Фр. Энгельс, О «Капитале» Маркса, 1933, стр. 107.

3. БУРЯТЫ. РАССЕЛЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ. ХОЗЯЙСТВО.

Буряты были несравненно многочисленнее своих киштымов — тунгусов. Если на верхней Лене в сороковых годах XVII в. насчитывается всего около 300 тунгусов, объясаченных известным управителем Верхоленинского острога Курбатом Ивановым, то бурят там же было полторы тысячи (речь идет об ясачных плательщиках, т. е. не о всех даже мужчинах, не считая вообще женщин). В Приангарье же бурят насчитывалось до 10—11 тысяч. Во время шерти семнадцати булагатских родов в 1654 г. к ним принадлежало 1700 чел., а необьясаченных предполагалось около 10 000,¹ не считая окинских бурят, где неясачных бурят помимо старых ясачных обнаружено было в 1654 г. 300 душ.² Тунгусы хорошо сознавали силу бурят; они угрожающе говорили русским завоевателям, что их «налягов — много, а братьев и тово больше».³

Вверх по Ангаре от Енисейска «Братская земля» начиналась в тридцатых годах XVII в. с Долгого порога за Вихоревой,⁴ а «большие братские улусы» располагались уже около Падуна, где находились кочевья князца Кодогона с братом его Котогором. По Оке и Ангаре располагались самые «большие братские люди», в частности на Ие жили, как мы видели, корчуны, шарайты и икинаты. Икинаты жили и на самом устье Оки. Фактически этот район был продолжением и частью тех улусов, которые отошли в ведение Красноярского острога и находились в тесной связи с ними. Связь их была, впрочем, не всегда мирной, если вспомнить походы Баахая на Уду. Отсюда отдельные группы бурят передвигались на Уду; вероятно, что были случаи перехода бурят и с Уды на Оку.⁵

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 186, л. 88.

² Там же, д. 23 (Списки Енисейской архивы, ч. II, № 25).

³ Там же, д. 30 (Списки Якутской архивы, ч. I, № 38).

⁴ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 12, л. 478.

⁵ По Оке в 1727 г. числилось ясачных Удинского острога: 1) «Ашахабачной улус» — 99 чел., 2) «Каранотцкой улус» — 30 чел., которые жили «близ нижнего устья той Оки реки», 3) «Иские корчуны» — 32 человека «близ нижнего устья», 4) «Кочемарской улус», в котором числилось 6 чел., 5) «Удегоцкой улус» — 11 чел., 6) «Баберской улус» — 9 чел. (архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, Списки Енисейской архивы, VI, № 11).

А. Мартос в начале XIX в. имел точные сведения о расположении улусов Харанутского рода на Уде а род Ашахабатов, князец которых Илан или

Следующим крупным центром расселения бурят-монголов был Балаганский район. «Большие братские люди» жили на левом берегу Ангары по Унге, а на правом берегу — около устья Осы. В 1689 г. для Балаганского района упоминаются роды: 1) муруев, 2) онгоев, 3) быкотский, 4) кулеметский, 5) олзоев, 6) шарайтский, 7) болотский, 8) солегутский, 9) хангинский, 10) икинатский, 11) онготоев, 12) шаранутский, 13) хугуев, 14) иркицеев, 15) готольский, 16) холтуваев, 17) зунгарский, 18) ноетский и 19) янгутский. Кроме того, числилось 20) тунгусов 13 чел. борондоева рода и 21) 9 чел. харанутского рода и 22) мунгалские выходцы.¹ Среди последних указывается «Ирбанов улус» — хонгодоры. Возможно, что в это число 19 собственно бурятских родов входили целиком все 17 булагатских, давших шерть в 1654 г. Для более раннего времени упоминается на Унге род Куркут,² повидимому, после шестидесятих годов, продвинувшийся на Китою.

По Куленте жили в первой половине XVII в. буряты Готольского рода, занимавшие также и часть долины р. Иды.³ В этих же районах находились кочевья Алконского или Алгунского рода,⁴ хонгодоров и некоторых других.⁵

На Лене упоминаются два очень больших улуса ихиритов: первый по реке Анге, второй по реке Манзурке (Байнаурухен);⁶ по соседству с ними в верховьях Лены жили сегенуты (или, как передается название этого рода в отписках: «Цынгогарский, Цаганский, Цыганов улус»).⁷ Несколько дальше ихиритов, по Манзурке и Куде, расселились булагатские роды, в частности ашебагаты (асипугаты) и батулинцы — батлаевцы, распространявшиеся к Байкалу и вниз по Ангаре, от устья Куды и т. д.⁸

Очевидно, для времени, предшествовавшего погрому 1658 г. и повальному бегству бурят из Прибайкалья, расселение отдельных родов на Ангаре и Лене было менее чересполосным, чем после событий 1658—1659 гг., когда отдельные группы бурят вновь возвращаются на «породные земли», но с ними идут и монгольские эмигранты и обломки отдельных родов, обитавших прежде в других местах. Наибольшее смешение, само собой разумеется, имело место в Тунке и в Забайкалье, пограничных с собственно Монголией, с халхасскими владениями, куда стремились беглецы из Прибайкалья и откуда выходили подданные монгольских владельцев часто по случаю простого неурожая трав.

Ойлан враждовал в пятидесятых годах XVII века с князем усть-окинских икинатов Баахаем, по его сведениям занимал уже «места, прилегающие к Оке и берега сей реки впадающей в славную Ангару». См. А. М а р т о с, Письма из Восточной Сибири, 1827.

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, кн. 941, л. 394, 395.

² Дополнения к актам историческим, т. IV, № 61.

³ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 402, л. 187.

⁴ Там же, столб. 402, л. 192.

⁵ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 30, № 57.

⁶ Там же, д. 23, № 133.

⁷ Там же, № 29. Вряд ли это был Саганский род нашего времени.

⁸ Ср. М. Н. Б о г д а н о в, Очерки, стр. 78—80.

По Б. Б. Бамбаеву, которому принадлежит наиболее полная сводка современных данных о родах бурят-монголов, булагаты делятся на шесть коренных родов: алагуи, готол, харанут, хромши, шоно и шаранут. Эхириты расчленяются на роды: авозай, баяндай, бабай, хэнгэлдэр, олзон, шаралдай, абаганут и баян.¹

Ответвлениями коренных Эхирит-Булагатских родов себя считают следующие:²

1) Адагуши	24) Манхамуд	47) Хогой
2) Аргасан	25) Нойот	48) Холтубай
3) Ашахай	26) Обондэй	49) Хонют
4) Ашита	27) Обогон	50) Хорчит
5) Бардам	28) Онгой	51) Хотогойт
6) Бодорхон	29) Онхотой	52) Хулдат
7) Болдой	30) Оута	53) Хурдут
8) Боргой	31) Очеул	54) Хурхут
9) Борой	32) Солманхин	55) Хухтэ
10) Борсой	33) Сэгэнут или Олод	56) Хухуйт
11) Бузагат	34) Табяжин	57) Хэнгут
12) Булут	35) Турлак	58) Хэрбит
13) Бухут	36) Тутур	59) Хэрмэшин
14) Бырбихэн	37) Тэртэй	60) Саган
15) Додот	38) Улабат	61) Чечол
16) Дурбат	39) Урянхай	62) Чегодар
17) Дуртум	40) Хангин	63) Читут
18) Зумад	41) Хамнай	64) Шарад
19) Зунгар	42) Хара-монгол	65) Шолот
20) Ирхэт	43) Хармяган	66) Шошолок
21) Ирхидэй	44) Хасамак	67) Эмханут
22) Ихинат	45) Хартул	68) Янгут
23) Муруй	46) Хахта	

Из коренных булагатских родов в XVII в. выше мы видели род Алагуи на Иде, там же Готол. Шарануты жили на Унге, где в конце XVII в. кочевали и буряты рода Готол. Мы встречаем также на тех же местах представителей отдельных их ответвлений, упоминаемых выше.

Эхириты не распространялись, видимо, в середине XVII в. на Ангару, тогда как булагаты занимали Ангару и долину реки Куды на территории современного Эхирит-Булагатского аймака Бурят-Монгольской АССР. Значительная часть ответвлений как и булагатских, так и эхиритских родов несомненно уже существовала в половине XVII в., на местах их нынешнего обитания по Ангаре и Лене, как это видно из сличения списка Б. Б. Бамбаева с указаниями русских документов той поры.

При учете исторических фактов и этнографических данных специальная разработка историко-географических вопросов, ка-

¹ Б. Б. Бамбаев, К вопросу о происхождении бурят-монгольской народности, «Бурятияведение» № 1—11 (9—10), 1929, стр. 119.

² Там же, стр. 132—133. Ср. перечисления родов бурятской народности в «Сказаниях бурят, записанных разными собирателями» («Записки Восточно-сибирского отдела РГО по этнографии», т. 1, в. II, Иркутск 1890).

сающихся бурят и их соседей, представляется нам в будущем далеко не безнадежным вообще делом, важность которого вполне понятна.

Работы по исторической географии Прибайкалья в XVII в., особенно первой половины этого столетия, могли бы в первую очередь дать драгоценные указания для решения проблемы происхождения бурят-монгольской народности и всей ее истории. К сожалению, мы еще далеки от возможности составления исторических карт, отмечающих расселение бурятских родов и границы племенных объединений в прошлом на основании архивных данных и фольклорных сведений, карт и сводок, показывающих судьбы этих родов и племен, их смешения и переселения на территории Прибайкалья. Этнические черты, происхождение и судьбы отдельных компонентов, составивших в ходе сложного этногонического процесса бурят-монгольскую народность, также еще подлежат выяснению,¹ и это следует сделать ранее, чем принимать те или иные гипотезы происхождения бурятского народа, основанные на случайном и часто тенденциозно подобранном материале, выбор которого облегчается очевидной пестротой наличных данных.

К числу таких построений относится старая гипотеза об отрыве бурят от ядра монгольского народа и занятии ими Прибайкалья после насильственного вытеснения оттуда древнего — турецкого по языку и происхождению — народа, в свою очередь занявшего здесь когда-то место тунгусов.²

Повторяемая в разных вариантах со времен авторов XVIII столетия, эта теория о бурятском нашествии и бегстве предков

¹ Нельзя не согласиться с выводами А. И. Балдуникова в его статье «К вопросу о задачах историко-этнографического исследования бурят», где он пишет: «Вопрос о взаимоотношениях бурят с соседними племенами в до-русское время остается для нас еще мало выясненным. Исследователи бурятской народности склонны считать бурят выходцами из Баргу-Монголии. Точно ли это установлено? Сказать трудно. Для того, чтобы воссоздать далекое прошлое бурят-монгольской народности, необходимо до основания перерыть народный эпос, изучать материальную культуру и все это сравнить с историческими фактами из жизни соседних племен» («Бурятиеведение» № 1—III (V—VII), Верхнеудинск, 1928).

² Н. Н. Козьмин указывает на курыканов орхонских надписей, как вероятных предков якутов. В VII—VIII вв. курыканы — небольшой народ; они могли выставить тогда не более 5 000 бойцов, хотя имели «много превосходных лошадей». В момент возникновения монгольской империи курыканы, по его мнению, жили в границах б. Иркутской губернии. Здесь они испытали отраженное влияние катастрофы, разразившейся над их соплеменниками, кераитами и меркитами. Под давлением монгольских переселенцев, предков бурят, курыканы отошли вниз по Лене, а их места в Приангарье и верховьях реки Лены заняли монгольские группы. По мнению же Г. В. Ксенофонтова якуты представляют северную ветвь общей волны турецкого беженчества из степной Монголии, протолкнутую в эпоху монгольского нашествия во времена Чингиса в долину реки Лены (см. Г. В. Ксеноф о н т о в, Хрестос, Иркутск, 1929, стр. 121—125; Н. Н. К о з ь м и н, К вопросу о времени водворения бурят около Байкала, «Сибирская живая старина», вып. III—IV, 1925).

якутов на Лену, при учете различных фактов, значительно осложнявших столь простую картину смены этнических волн и последовательных изменений расового состава, языка и культуры населения Прибайкалья, вызываемых каждой новой этнически-чистой волной, приняла позднее, однако, уже несколько иные формы. В изложении такого внимательного наблюдателя, как Г. Н. Потанин, значительно изменилась даже общая постановка проблемы взаимоотношений древних турецких насельников Прибайкалья с позднейшими, определявшихся, по его мнению, уже не катастрофически быстрым завоеванием и разгромом сопротивляющихся турецких племен монголами, а медленным и постепенным проникновением монгольских переселенцев отдельными ручейками по степным долинам в новые области, до того занятые «тюркским морем». При такой постановке вопроса исследования уже направлялись в сторону конкретного анализа фактов, показывающих не механическое столкновение, а взаимодействие народных масс.

Н. Н. Козьмин, придерживавшийся теории о вытеснении турецких насельников Прибайкалья бурятами в эпоху возвышения Чингиса, в последней работе, посвященной турецко-монгольскому феодализму, сделал попытку нового объяснения вопроса о составе и происхождении бурят-монгольского народа. Н. Н. Козьмин притом, в отличие от предшественников и вполне справедливо, сделал шаг вперед тем, что поставил решение проблемы в зависимость от истории общественного быта, предполагая, впрочем, что ключ к истории образования бурятской «смешанной» народности следует искать только в истории «турецко-монгольского феодализма».

Поскольку в такой постановке этногенетическая проблема приобретает особую сложность и важное значение для нашей темы, мы вынуждены остановиться на положениях Н. Н. Козьмина для того, чтобы путем их разбора перейти к выяснению впервые поставленной им задачи, конечно, только в тех пределах, какие ставит тема данной работы.

Задача эта может быть формулирована так:

1. Из каких — автохтонных или пришлых — элементов возникла бурятская народность?
2. Имел этот процесс в своей основе внутреннюю закономерность в развитии хозяйства и общества в Прибайкалье или был только следствием внешнеполитических катастроф?
3. Какова была эта закономерность и в чем сказалось влияние внешней среды, общих исторических условий?

Правильная постановка данной задачи должна, естественно, способствовать и верной оценке тех противоположных взглядов на строй и историю бурятского общества до русского завоевания, которые выше сведены нами в два параллельных столбца.

Общие взгляды Н. Н. Козьмина, оформившиеся к 1934 г., уже были сформулированы выше (см. стр. 253), в правом столбце

нашей таблицы. Остается перейти к его аргументации. Она оставляет несколько странное впечатление и осадок неудовлетворенности предлагаемыми доводами. Учет некоторых данных об этническом составе бурятского народа действительно позволил Н. Н. Козьмину отметить сложность этого состава, сочетание в нем групп монгольского, турецкого, тунгусского и даже «туркестанского» (?) происхождения. Казалось бы, сами факты, вызвавшие эти, отличные от старых, новые обобщения указывали на необходимость осторожного подхода к этногонической проблеме и тщательного анализа всех сведений во избежание одностороннего и узко формального описания явлений. Тем не менее Н. Н. Козьмин этого не сделал. Увязывая, например, для доказательства своего взгляда предков рода Сартагул (Сартул-Гартул — у Баторова) с предполагаемыми невольными переселенцами, пленниками-сартами из Туркестана, урянхитов с известными урянхитами Рашид-Эддина, бодонгутов с меркитами и т. д. и т. п., Н. Н. Козьмин не сделал даже попытки разобраться в семантике и возможных изменениях этих этнических терминов, в родословных и фольклоре каждого из тех родов, которые им были перечислены.

Если бы эта работа была проделана, то Н. Н. Козьмин смог бы, очевидно, убедиться в поспешности сравнений и отождествлений, допускаемых им на основе одного лишь созвучия слов. Вместе с этим он мог бы увидеть в признаках, сближающих те или иные этнические группы, в ряде случаев доказательства не кровного их родства по происхождению, а наоборот, лишь стадияльного единства. Имена и этнические термины, равно и мифы, как показал Н. Я. Марр, требуют одинаково умелого предварительного палеонтологического анализа для того, чтобы быть введенными в оборот исторического исследования лингвистами.

Н. Н. Козьмин предпочел даже указания фактов на сложность этногенеза и разнообразие входящих в бурятскую народность этнических и культурно-хозяйственных элементов тенденциозно использовать только для подтверждения своих общих методологических взглядов об исконности феодальных отношений в этой части Сибири и вместо анализа сложной действительности ограничился простым утверждением, что именно воля феодалов, деятельность мелкопоместных нойонов механически определила процесс сложения бурятской народности из разношерстных компонентов. Мы узнаем от него только, что в Прибайкалье, якобы, прочно обосновались «мелкопоместные нойоны», а это, по словам Н. Н. Козьмина, «не были какие-то родоначальники-патриархи, соединенные со своими улусными людьми узами кровного родства. Их люди были пестрого происхождения. Одних они получили в дар от Чингис-Хана и его преемников с землями или на «вывод», других сами приобрели тем или иным способом, третьи добровольно закреплялись за ними. Одни были монголы, другие турки, третьи тунгусы, иные — выходцы из Туркестана и других земель. Ничего похожего на большие кровные союзы, на роды, разросшиеся в

племена, ничего похожего на «патриарха»,¹ категорически заявляет Н. Н. Козьмин.

Несколькими же страницами ниже Н. Н. Козьмин в той же работе тем не менее пишет: «Бурято-монгольская народность сложилась в Прибайкалье. Все ее национальные предания и традиции приурочиваются к Байкалу, как центру, около которого развивалась ее история. Значительная часть бурято-монголов и в хозяйственном отношении как бы прикреплена к Байкалу. Историческое предание их не знает почти ничего определенного о предшествующих этапах жизни и странах, где они обитали до прихода в Прибайкалье. Их можно считать за аутохтонов последнего, т. е. исконных аборигенов края... Но это не так»,² вдруг столь же неожиданно заключает свой обзор автор и переходит, используя исторические сведения письменных документов, к истории разгрома монголами меркитов и татар, к предполагаемому захвату опустевших земель монгольскими колонистами, составившими ядро бурятской народности вместе с остатками разгромленных турок. Иными словами, ссылка на бурятские предания о их прошлом, явно противоречившие основной, заранее оформленной, мысли автора, была сделана, видимо, лишь с целью подчеркнуть полный и намеренный отказ от признания этого источника — как ненадежного и «неисторического», на том основании, что якобы он противоречит письменным источникам, т. е., в конечном счете, лишь выводам Н. Н. Козьмина. Попыток же объяснения самих причин такого противоречия источников Н. Н. Козьмин не делает, а поэтому уже само по себе противопоставление эпоса и письменных источников, сделанное исследователем, возбуждает сомнения в правильности его метода и справедливости его положений.

Н. Н. Козьмин использовал письменные источники формально полностью, но односторонне, в отрыве от иных источников, явно желая доказать, что без насилия монголов над турками, без разгрома и гибели их основного массива не было бы и бурят как народности, состоящей из механической смеси обломков народов и племен, и потому он неизбежно и полностью возвращается к старым предположениям о катастрофическом столкновении монголов и турецких племен Прибайкалья. Между тем, отношения между монголами и турками эпохи Чингиса в это время, согласно тем же источникам, были значительно сложнее и шли глубже, — насколько мы можем, конечно, их теперь представлять. Сам же Н. Н. Козьмин, вслед за Бартольдом, склонен был думать, что, например, Джучи и Чагатай стали во главе главным образом турецких племен, опираясь лишь на монгольскую гвардию и монгольскую феодальную верхушку. Подобные факты подчинения,

¹ Н. Н. Козьмин, К вопросу о турецко-монгольском феодализме, стр. 90.

² Там же.

а не вытеснения турок монголами неизбежно должны были иметь место в той части Прибайкалья, которая безусловно входила в границы собственно монгольского государства, и, следовательно, когда речь идет об истреблении турок в Прибайкалье, то в большинстве случаев следует понимать это только как указание на уничтожение их общественной верхушки, а не масс.¹ Наконец, и не все Прибайкалье в равной мере было охвачено влиянием монгольской государственности в XIII—XV вв. и процессом ее становления. Сохранялись еще во многих местах старые социальные отношения и местные политические объединения, повидимому, если и подчинявшиеся монгольскому центру, то не больше, чем ленские буряты Сайн-Хану в XVII в. И тем более, там сохранялось древнее население.

При этом особенно существенно, что низовьями Селенги (меркиты), а тем более ее верховьями, Орхоном и долиной реки Толы (керейты), входившими в коренные земли чингисова государства, не определяется вся территория, с которой так или иначе было связано становление бурят-монгольской народности. Забайкалье — область лишь восточных бурят, преимущественно хоринцев, вообще значительно более близких к монголам и по сравнению с Западной Бурятией, под влиянием древних связей с Халхой, имеющих в быту более резко выраженные черты позднейшей феодальной монгольской культуры. По существу, описанная Н. Н. Козьминим для XIII—XV вв. история образования смешанного населения с монгольским ядром из завоевателей только и может быть приурочена к этой области, позднее занятой восточными бурятами.

Коренными же аборигенами Прибайкалья, меньше всего задеваемыми событиями той поры, поскольку можно предполагать на основании эпической традиции и опираясь на работы большинства исследователей прошлого бурятского народа, на письменные и прочие источники, оказываются обитатели Ленско-Байкальского и Ангаро-Байкальского районов, отчасти предки бурят Окинского и Ангаро-Удинского районов. Наиболее захолустной частью далекой окраины монгольской империи, Баргуджин-Тукума, где по словам Рашид-Эддина случались безмерные морозы, бывали страшные грозы и рождалось «без числа шаманов знаменитых», и были эти области Ангаро-Ленского края — Кудинская и Окинская степи, долины Ангары и Уды.² Здесь, действительно, — на краю места и земель, занимаемых монголами, —

¹ Рашид-Эддин совершенно четко пишет, что Джучи во время похода на киргиз покорил, подчинил их и возвратился обратно. Даже керейты отделались тем, что «стали пленниками и рабами Чингис-хана» (см. «Сборник летописей» «Труды ВОРАО», ч. V, стр. 95).

Положение же рабов ханских было, по мнению Б. Я. Владимирицова «формой крепостного вассалитета» (см. его «Общественный строй монголов», стр. 65).

² См. «Сборник летописей, История монголов, сочинение Рашид-Эддина», «Труды ВОРАО», ч. V (Введение, О турецких и монгольских племенах), стр. 142.

в прибайкальских горах и долинах, на грани тайги, естественно ожидать сохранения древнего населения, его быта и социальных отношений. К этому лесному населению и его потомкам собственно и относится — вполне приемлемое в данной части — замечание Н. Н. Козьмина, подтверждаемое и мнением остальных исследователей, что все национальные предания и традиции бурят-монголов концентрируются вокруг Байкала, в таежном Прибайкалье.

Учитывая все это, а также то обстоятельство, что Н. Н. Козьмин вообще не привел точных доказательств своим основным положениям:

1) о неавтохтонном происхождении и целиком механически-«смешанном» составе всей бурятской народности;

2) о возникновении ее, как следствии разгрома монголами турок в степях Монголии в XII—XIV вв.;

3) об отсутствии родового быта и объединений, основанных на кровных связях;

4) а также не указал имен и лиц, которые могли быть признаны мелкопоместными нойонами, и не доказал наличия феодального строя в древней Бурятии;

5) не объяснил причин «расхождения» письменных источников с устными и т. д., остается только одно: обратиться по данному вопросу к источникам, начиная с фольклора, как устной литературы, принадлежавшей самим бурятам, не имевшим собственной письменности.

Как известно, при наибольшей сохранности пережитков родовых отношений у западной группы бурятской народности, особенно у северных бурят эхиритов и булагатов, выступающих в XVII в. с чертами цельного, хотя и сложного по составу родоплеменного массива, полнее всего сохранилось шаманство и весьма четко выражены различные идеологические пережитки древнейших стадий первобытно-коммунистического быта, представляющие огромный исторический интерес, поскольку по ним можно палеонтологически восстановить глубочайшее прошлое.

Именно у них были записаны наиболее полные и красочные варианты чрезвычайно характерного центрального генеалогического мифа или комплекса мифов бурятской народности о Буха-Нойоне, Эхирите и Булагате, шаманках Асуйхэн и Хусухэн, действие которого разворачивается на берегу Байкала и в байкальских волнах.¹ На этом мифе и вариациях последнего от-

¹ Варианты мифов о происхождении бурят-монголов неоднократно приводились в разных изданиях. Особенно интересны материалы в сборнике «Сказания бурят, записанные разными собирателями» («Записки Восточно-Сибирского отдела РГО по Этнографии», т. I, вып. 2, Иркутск, 1890) и в труде Г. Н. Потанина, Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению РГО; вып. IV, Материалы этнографические, СПб., 1883. Там же даны и обширные комментарии к текстам, не утратившие своей ценности до настоящего времени.

См. также сборник Позднеева, «Образцы народной литературы монгольских племен» и другие работы.

Разлились сложные исторические судьбы создавших его этнических групп; в нем видны различные по времени стадийные напластования, представляющие значительный интерес хотя бы потому, что из мифа о Буха-нойоне, Эхирите и Булагате берут начало все родословные и, следовательно, время его возникновения уходит глубже обычных 10—15 поколений любой генеалогической таблицы бурятского рода.

Из двух комплексов, обычно слагающих предание о прародителях бурятского народа, один содержит историю двух мальчиков и девочки, «водяных детей», вышедших из воли Байкала для игр на берегу, а затем хитростью, во время сна, захваченных и усыновленных шаманками Асуйхэн и Хусухэн. Характерна деталь. Проснувшиеся дети закричали: «Возьми нас, Молочное Море — мать и Недоступные Горы — отец». Поднялись волны и чуть не унесли в море шаманок. Девочка обратилась в нерпу и ушла в море, один мальчик обратился в черную белку и скрылся в горах. Второй мальчик остался у шаманки Хусухэн и получил имя Эхирит. О нем говорили: «в яру найденный Эхирит»; а также что у него «береговая щель — мать, пестрый налим — отец», так как его воспитывал пестрый налим, а матерью была щель в берегу. Культ былых тотемов: белки (белка — «хэрэ», не отсюда ли и керенты, и керемучины, и курумчины, как отмечали некоторые исследователи?), нерпы и налима, — на фоне общих космических представлений о Байкале, как первоизданном Океане — матери и отце прародителей всего народа, явно матриархальный удвоенный образ шаманок Асуйхэн и Хусухэн и тому подобные черты, — все они указывают на очень отдаленное время и, что важнее всего, они в этом комплексе являются идеологическим наследием материнского рода древних охотников и рыболовов, быть может, еще построенного в формах дуально-родовой организации.

Миф о Буха-Нойоне переплетается с элементами более позднего быта скотоводов. Сам Буха-Нойон представляется в виде быка, культ которого связан с развитием скотоводства, конкретно — с разведением рогатого скота; этот культ отражает также и строй отцовского рода.

К Буха-Нойону, как отцу и прародителю, обращались аларские шаманы с призыванием, полным поразительной эпической мощи:

Бухха-Ноеи-отец! Будан-Хатан-мать!
Развилыстыми рогами небесный свод чертил ты,
Висящим бойноком¹ всю землю покрыл,
Грозною силой древней тайгой завладел,
Могучею силой черной тайгой завладел.
От помета твоего непроходимая тайга распространилась,
От мочи твоей священные кедры и пихты выросли.²

¹ Бойнок — подшейная свисающая кожа у быка.

² Этот текст был записан П. П. Баторовым и находится в бумагах покойного исследователя (архив ВСКО).

Так возглашали шаманы на тайлаганах, рисуя облик священного быка, своего первопредка.

Приведенный отрывок входит в молитвенное призывание на тайлагане, обращенное к Баруни хадам. Специальное же обращение к Буха-Нойону содержит следующие слова (в переводе Баторова): «Сэгк! воспрянь, вознесись! Достигни назначения мною вознесенная жертва выше, ото всех, и моление мое за всех: От земель начиная, от страны выдвигая, взываю! 9-круговой месяц отец! 8-круговое солнце мать! Золотое солнце-светило, алмазный месяц-сияние зеркальное, маслянолицый тэнгери-небо, шолковотканно-ясная земля, беспредельно высокое небо, бесконечно широкая земля! С широкоразвилистыми великими рогами, с отвисающим большим бойноком Буха-Ноен баабай-отец! Буддан-Хатан мать! Великими рогами широкою землю задевая, спустились вы, от избытка милости вашей сделались создателем бурятского народа и покровителем булагатского рода!

По величеству ноздрей ваших, всю землю обнюхав, завладели ею, по обилию милости вашей сделались творцами всех людей, от вечной Удай-Тенгэри притянув (или приняв) принесли сюда родительскую утробу (вернее — семя людское), от вечно голубого неба притянули вы пуповину людскую на землю. Кукушкина гора — седалище ваше, бурый камень монолит — изображение (двойник) ваше!

Всех проверяющая и над всеми надзирающая попечительная власть ваша велика и славна! Где вы останавливались и оставляли помет свой, — тут выросла глухая густая тайга, где вы мочились, — оттуда потекли светлые ручьи, по извиистой тропке вашей кедры и пихты выросли, из ноздрей выпустив и свеся шелковые хадаки (шелковые ритуальные платки. — А. О.), стоящий величественный вид ваш славен!

Когда злонамеренные наступали, вы оттесняли их, при приближении вредоносных врагов заранее отгоняли прочь, из-за высоких гор и широких дол ревностно охраняли нас, от всяких бед и напастей спасали нас. Такое ваше могущество прославляю!

Дальние люди слышали, близкие люди видали, как даруете нам ваши милости и благоволения. В лихолетие защиты просим у вас, в жестокие месяцы о пощаде умоляем вас! В добрый день вспомнив, меткий день выбрав, как снежным бураном заполнившим нашу землю милостью и как обильным бурлящим источником воды, насытившим страну нашу благодарностью, Буха-Ноен-Бабаю, Будан Хатун-Иби белоснежною, молочною пищею делаю сасали (брызганье), чистой чашкою подношу вам из большого котла сильную первинку крепкого напитка (тарасун). Принося жертву вам, прошу и умоляю милости и благоволения ваши излить на просящих» (Текст датирован П. П. Баторовым 26/XI 1925 г.).

Отношение шаманистов к Буха-Нойону настолько ярко обрисовано здесь, что не нуждается в комментариях.

Происхождение этого мифа теряется во мраке времен. Возможно, что еще замечательные бляхи «скифо-сибирской» эпохи, изображающие двух быков, стоящих друг против друга, близки по семантике к мифу о Буха-Нойоне и быке Тайжи-Хана, соперниках.

В преданиях о Буха-Нойоне упоминается Тайжи-Хан и дочь его царевна, излагается в связи с этим архаический вариант легенд о сверхъестественном «непорочном зачатии» от божественного быка этой девицей предка бурят Булагата, или Булган-Хара, найденного в кочках («Бутага олгон хубун Булган-Хара тургун саган»). Этого типа легенды окружали небесным ореолом и земных владык Азии.

Таким образом, один этот миф о предках бурятского народа, действие которого пространственно локализовано Байкалом и его берегами, взятый за исходный пункт анализа и в качестве наглядного примера имеющихся возможностей, раскрывает уже контуры довольно сложной истории развития бурятского общества.

Следуя показаниям эпоса и мифов самого бурятского народа, нужно, очевидно, также констатировать необходимость пересмотра старых вульгарно-миграционистических построений, так как нет никаких оснований прибегать к ним для объяснения истории всех бурятских родов, хотя и следует учитывать отдельные переселения и перемещения, чаще всего происходившие в позднее историческое время. Именно только стремление остаться на позициях старых теорий, очевидно, и заставило Н. Н. Козьмина отказаться от столь невыгодного для его априорных построений источника.

Фольклорные данные позволяют переместить центр тяжести в вопросах образования бурятской народности внутрь, в область развития экономики и общественных отношений, которые в конечном счете определяют ход развития языка и всей культуры, характерной для отдельных этнических групп, для тех же турок, монголов, эвенков и т. д., т. е. их важнейшие этнические признаки.

Родословные, имеющие стержнем последовательную смену родоначальников по отцовской линии, не могли возникнуть до становления отцовского рода; мифы же о близнецах и двойниках Эхирите и Булагате, удвоенный образ Буха-Нойона и быка Тайжи-Хана должны были оформиться значительно раньше, во времена материнского рода, о котором свидетельствует также и термин «утха». Значение этого термина буряты объясняли Г. Н. Потанину именем предка или матери или бабушки, или же говорили, что утха есть «родство по шаманству». Характерно, по указанию Потанина, что во время камлания только материнское — «утха» — имеет значение, кость же, т. е. отцовский род, или «яган», вовсе не упоминается.

Родословные отцовских родов, «яган», вряд ли могут быть отделены от мифов о быке Буха-Нойоне, а также от легенд о конепрародителе, следы которых обнаруживаются у бурят разных родов и тем самым, следовательно, дают право увязывать время отцовского рода с эпохой развития скотоводства, тогда как элементы звероловного и рыболовного быта в мифах должны уходить, по преимуществу, ко временам материнского рода. Эти пестрые идеологические пережитки прошлого, часто чрезвычайно архаичные притом, не только могут быть расслоены путем тщательного их анализа на группы фольклорных мотивов, обрядовых действий и т. п., относящиеся к эпохе материнского рода и эпохе отцовского рода, но они неизбежно должны обнаружить закономерное сходство с идеологическими реликтами тех же стадий и у других народов (миф о водяных детях у племен Кавказа, мотив женитьбы охотников на небесной девице-лебеди или гусе, и т. д. и т. п.). Чистота же и сохранность стадиальных напластований прошлого в фольклоре бурят как раз и служит доказательством автохтонного происхождения основного массива бурятской народности, как прямых потомков «лесных людей» Рашид-Эддина.

На фольклорных данных, являющихся одним из ценнейших исторических источников, мы можем убедиться, что прошлое бурят сложнее и богаче, чем это казалось сторонникам изложенных выше теорий о бегстве якутов и нашествии бурят.

Фольклор убеждает нас, что предки бурят были охотниками, рыболовами и собирателями и жили в условиях материнского рода, что позднее они стали скотоводами и перешли на ступень отцовского рода.

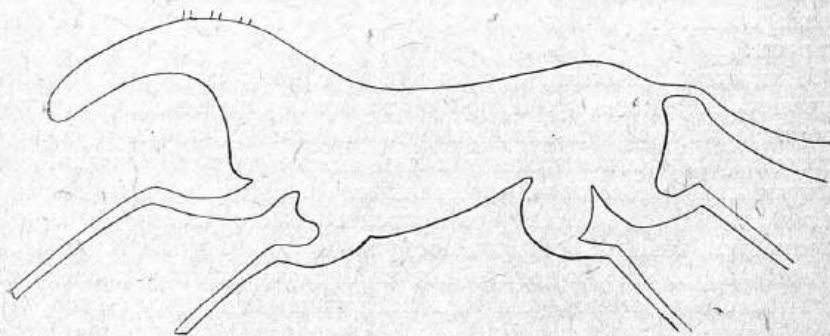
Легенды указывают на Байкал, как естественный центр древней родины большинства бурят-монголов, этого Баргуджин-Тукума классической истории монгол. Родословные датируют расцвет отцовского рода у бурят эпохой скотоводства и показывают, как складывалась будущая бурятская народность из преодолевших изолированность эпохи дикости родовых разнородных групп. Но последнее слово здесь не за фольклором.

Палеонтологический анализ мифов и тому подобных идеологических остатков в культуре бурятского народа может быть в его результатах признан полностью доказательным лишь в сочетании с изучением вещественных памятников той территории, где бытуют или бытовали изучаемые нами фольклорные мотивы. Переходя к ним, мы видим, что археологические работы на территории Прибайкалья раскрывают уже очень интересную с этой точки зрения, хотя и далеко еще не полную картину последовательной смены этапов развития материальной культуры и форм быта, отчасти идеологии, на основе которой постепенно начинают вырисовываться более общие контуры социологической периодизации.

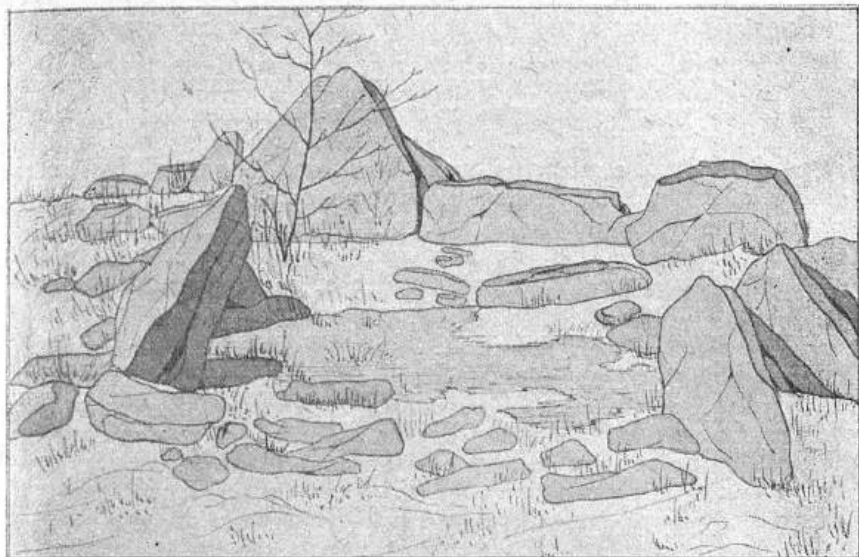
Верхний палеолит представлен классическими находками в Мальте, Бурети и более поздними памятниками типа «Верхоненской Горы». Развитой неолит, во многом близкий к позднему палеолиту, расчленяется на отдельные звенья, завершающиеся памятниками так называемого китойского типа. Охотники и рыболовы эпохи развитого неолита, несомненно, знали только материнский род. В китойское и более позднее время можно предполагать, с одной стороны, зарождение культуры лесных оленеводов и охотников, а с другой стороны, — оседлых рыболовов и земледельцев-собрателей в плодородных речных долинах.

Для нас в данном случае особо важны судьбы второй, последней, ветви древнего населения Прибайкалья. Медленный, длившийся века, переход от энеолита к железу отражен своеобразными памятниками раннего железа около начала нашей эры, принадлежавшими оседлым обитателям долины Ангары. Эти памятники еще «скифского» облика, постепенно переходят в иные, обозначавшиеся прежними исследователями как «курумчинские», «ладейские», «хара-монгольские» и т. п.

Перед нами культура, носители которой знали искусство выплавки железа и кузнечное дело, жили в прочных жилищах типа землянок небольшими поселками и заимками. Часто встречаются на горах и мысах у рек их укрепленные поселения — городища небольшого размера, обнесенные валом и рвами. В культурных слоях городищ и поселений много остатков своеобразной грубой керамики, костей коровы, лошади и диких животных, особенно козули. Около городищ располагаются следы старинных пашен — «китайские гряды», как их называют буряты. В. Э. Петри относит к этой культуре находки пряслиц из богхеда с вырезанными на них руническими орхоно-енисейскими надписями. Его датировке не противоречат и наблюдения В. Г. Карцева на Енисее, относившего городища ладейского типа к концу первого тысячелетия нашей эры. На Енисее и в

10. Изображение лошади. Писаница на священной горе ленских бурят, «Шикинкой шаманке».

11. Древняя могила «Хара-монголов» в местности Имэ-кутул на о. Ольхоне
(с рисунка П. П. Хороших).

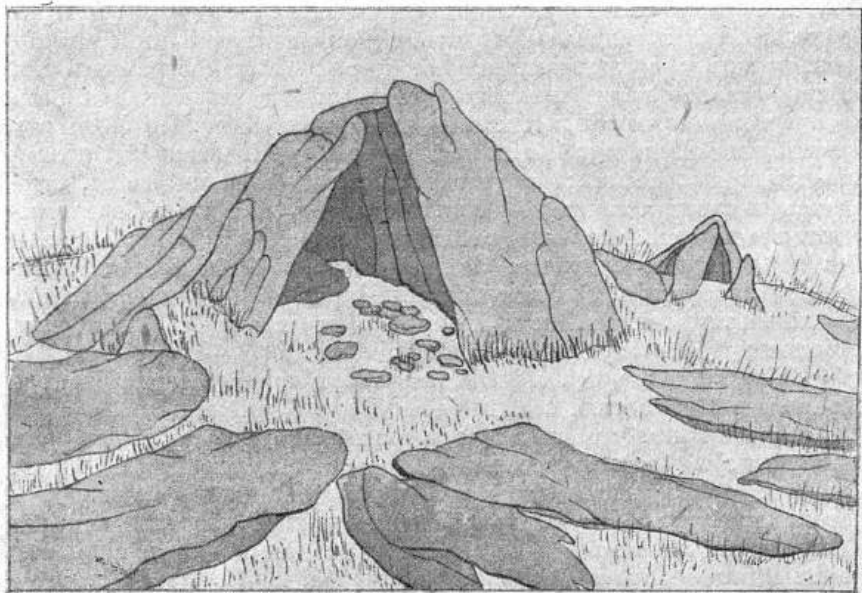
Минусинском крае памятники подобного типа могут быть приурочены к народу «хагя» — хакасам китайских летописей; в Прибайкалье их пытались сблизать с так называемыми курыканами-турками, с предками якутов и т. д. Распространены они в Прибайкалье исключительно в степях и лесостепных долинах, по притокам больших рек иногда вдаются в тайгу. По Лене эти памятники доходят до Жигалово и очень распространены в леяско-кудинских степях; на Ангаре идут до таежной зоны, спускаясь несколько ниже деревни Метляево, на Оке и Уде смыкаются с красноярско-минусинскими находками. В Забайкалье они найдены около дельты Селенги и близ Кабанска, а также хорошо известны в области долины Баргузина, где местное население приурочивает их к древним баргутам (у Кабанска есть и более древние «гуннского» типа находки).

В Прибайкалье эти памятники почти совпадают по распространению с областью, занятой в XVII в. бурятами.

Замечательно, что в районе верхней Лены, близ устья реки Манзурки, в области ихирит-булагатов, на территории рода Сэгэнут, обнаружен могильник с признаками более поздней переходной культуры. По наличию керамики она еще связана с «курумчинцами», а все остальные признаки (погребение под камнем, погребение коня, колодовые гроба, кости барана и, в инвентаре, монгольские ножницы и удила с симметричными половинками) указывают на прямую связь с позднейшими памятниками XII—XIV вв.

Последние обнаружены в ряде пунктов Прибайкалья, имеют аналогии в Минусинском районе и т. д. Это, по большей части, могилы, расположенные группами и разделяющиеся по инвентарю очень резко на бедные и богатые. Комплекс богатых погребений, раскопанный Б. Э. Петри в Тунке, содержал погребения в колодах с костями барана при покойниках. В могилах, сверху обозначенных площадками из булыжника, выложенного в виде правильного круга, найдены китайские бронзовые зеркала, остатки седел, крытых лаком, жемчуг, серебряные и золотые украшения, остатки конской сбруи с богатыми бронзовыми накладками, стремяна и удила, остатки сложного монгольского лука, наконечники стрел со свистунками и т. д., шелковые ткани и серебряная чаша на высокой ножке. Комплекс бедных погребений из долины речки Обусы (Приангарье) дал остатки грубой шерстяной одежды, унтов (обуви), пряслица, берестяные женские коробки, наконечники стрел и, что особенно важно, зерна проса. В могилах сходного облика близ села Зарубино на Селенге найдены зерна гречихи («курлыч»).

Перед нами здесь встает очень яркая картина быта двух слоев населения. Масса занималась земледелием, скотоводством и домашней промышленностью (ткачество и обработка продуктов скотоводства). Верхи же этого общества явно состояли из богатых скотоводов, чьей гордостью являлись любимые кони,

12. Могила «Хара-монголово». Местность Тырган на о. Ольхоне (с рисунка П. П. Хороших).

а занятием — охота, перемежающаяся с пирами, как у витязей, сподвижников Чингиса, по Юань-Чоу-Миши.

Памятники этого общества генетически связаны с курумчинскими (могильник в устье реки Манзурки), а позднейшими звеньями доходят до момента русского завоевания, т. е. могут охватывать и всю первую половину второго тысячелетия нашей эры, иными словами — эпоху становления бурят-монгольской народности.

Археологические памятники дают, следовательно, общие вехи единого последовательного процесса смены хозяйственных форм и бытовых укладов, показывают развитие производства и, совпадая с фольклорными данными, намечают некоторые контуры развития производственных отношений. Каким бы географическим перемещением этнических групп пока еще не могут быть на одном этом материале уловлены и описаны.

Исключительный интерес для вопроса о составе, общественно-бытовом укладе и происхождении бурятской народности в связи с намечающимися по археологическим данным общими контурами развития культуры населения Прибайкалья представляют также частично изложенные выше данные из письменных источников о соседях бурят Прибайкалья — эвенках, турецких и так называемых палеоазиатских племенах Уды и Енисея.

У эвенков мы констатировали пестроту их хозяйственного быта, причем наиболее архаичными по укладу представляются, по нашему мнению, «пешие» тунгусы, близко напоминающие энеолитических рыболовов и людей раннего железного века, — предков «курумчинцев». «Скотные тунгусы» — мучуги и др. — в отношении наличия скотоводства могут быть сближены с племенами, обитавшими по среднему Енисею, тоже скотоводами. О последних, живших близ Красноярска (Качинского острожка) в первой половине XVII в., казаки писали, что «в Качинской землице люди кочевные, летом пашню пашут, сеют ячмень, да курлак, а зимою кочуют в крепких местах, оберегаючись от кол-

13. Древнее погребение с бедным инвентарем (близ дер. Акимино, в 7 км от г. Иркутска, по р. Иркуту) XII—XIV вв.

мацких и от братских и от иных землиц». ¹ Эти «качинцы» XVII в., как и «курумчинцы» Прибайкалья, занимались одновременно земледелием и скотоводством; летом они держали, повидимому, скот на заимках. Их общественный строй при бедности и слабости хозяйства вряд ли мог быть особенно развит, едва ли могла сложиться такая резко выраженная социальная верхушка, как у киргизов и даже у носителей «культуры позднего железа» XIII—XIV вв. в Тунке. Учитывая небольшие размеры городищ «курумчинцев» глубокого прошлого и немногочисленность групп всех этих «качинцев» XVII в., мы вправе предполагать для них быт небольших (типа славянской задруги или русской большой семьи) семейных общин, чей коллективный труд и оставил нам «китайские гряды» и валы городищ. ²

Буряты по наличию резко выраженной общественной верхушки близки к людям, оставившим памятники типа «позднего железа».

Различия в общественном строе, хозяйстве и быте этих народов в XVII в. вполне естественны, ибо живая действительность постоянно дает чрезвычайно яркие и убедительные факты одновременного бытования различных укладов. Соотношение этих

укладов по археологическим и историко-этнографическим данным в Прибайкалье таково:

14. Могильник XII—XIV вв. в Тунке. Надмогильная кладка из валунов (фото Б. Э. Петри).

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, Списки Томской архивы, ч. I, № 199.

² О количестве людей (ясачных плательщиков т. е. мужчин) и следовательно о мощности волостей собирателей-земледельцев и скотоводов на Енисее и в соседних областях дают представление следующие данные начала XVII в.:

1) В Мелесской волости у князя Курдаека числилось всего людей 36 человек; там же, у Кошенбайки — 38 человек;

2) волость Кимская Байголова, а в ней князец Кузачик «с товарищи» — 7 человек;

3) Керексуская — князец Анчорок «с товарищи» — 3 человека;

4) Кызыльская — князец Татыбайко — 8 человек;

5) Ачинская — князец Бестина — 4 человека;

6) Басагарская — кня-

Социально-эконом. уклад	Археологический материал	Историко-этнографические данные
1. Тасжные звероловы и оленеводы, пещие рыболовы и собиратели (зачатки мотыжного земледелия?). Разложение материнского рода, становление отцовского. Развивающийся обмен	1. Энеолитические памятники Прибайкалья до начала н. э. и «раннее железо» в тайге, одновременное с гуинскими памятниками	1. Тунгусы оленные и пещие, «киштымы» бурят (На Алтае — шорцы?).
2. Оседлые скотоводы-земледельцы. Большая семья, — отцовский род	2. «Курумчинские» стоянки и городища VI—X вв. н. э. Культура «баргутов» в Забайкалье	2. Качинцы, мучюги и другие «скотные тунгусы» долины Лены. киштымы бурят
3. Отделение скотоводства от земледелия, оформление табунного скотоводства и, на этой основе, некоторых элементов классового строя в условиях господства родоплеменного патриархального быта	3. Памятники XIII—XVII вв., отчасти и более ранние (X—XII вв.)	3. Буряты ангаро-депского района

В данной сводке намечаются, конечно, лишь основные линии развития экономики и социального строя коренного населения Прибайкалья. Неравномерность же темпов развития отдельных групп и условия их быта привели к такому положению, что археологическими памятниками дана как бы единая целостная картина процесса, а этнические группы XVII в. показывают одновременно, по меньшей мере, три ступени приближения к самому передовому укладу, три стадии развития. На деле все эти уклады были еще пестрее, а связи их более сложными, но такая гипотеза, повидимому, ближе к действительности, чем построения, например, Н. Н. Козьмина. Она, как нам кажется, дает возможность ближе подойти к специфике социально-экономического строя бурят перед русским завоеванием, к конкретной истории их хозяйства и общественного строя, к их этногенезу, так как показывает место бурят среди прочих обитателей Прибайкалья и связи, которые их объединяют.

зец Кулгора — 7 человек.

В противоположность бурятам или киргизам такие «волости» могли быть большими семьями, в лучшем случае — двумя-тремя семьями (архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, Списки Томской архивы, ч. I, № 199).

В нашей сводке есть, впрочем, один момент, вызывающий некоторые сомнения и позволяющий высказывать, на первый взгляд, мысль об упадке культуры и общем ее регрессе, а не движении вперед и на высшую ступень в позднейшее время. Он заключается в предполагаемой здесь смене земледельческого хозяйства, как ведущего начала, скотоводческим.

Не подтверждает ли это общие положения Н. Н. Козьмина об упадке старых торговых путей, распадении мощных политических объединений и одичании входивших в их состав частей Прибайкалья, а поэтому — и вторичном «восстановлении» родового быта у насельников последнего и т. д. и т. п.?

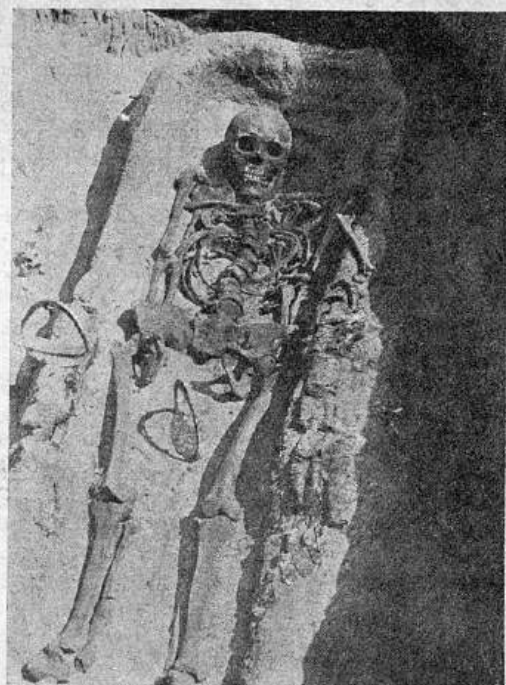
Не значит ли это, что на смену земледелию, как высшей стадии хозяйства, явилось скотоводство, как более экстенсивная форма хозяйства, и лишь позднее снова начинается переход к земледелию, восстановление последнего, завершённое уже в «благодетельных» условиях русского господства и под воздействием «просвещенных» администраторов XIX в.?

Эта проблема не могла полностью встать перед археологами в то время, когда «курумчинская культура» описывалась как кочевническая, со скотоводством в роли единственного занятия, при небольшой роли охоты, а поселения и оседлый быт приписывались ремесленникам, остававшимся на одном месте для изготовления своих изделий и выплавки железа. Бесспорные

15. Могильник XII—XIV вв. в Тунке. Надмогильная кладка из валунов.

следы древнего земледелия, оросительные сооружения — вещественные доказательства оседлого быта древних жителей Прибайкалья — обязывают нас теперь особо остановиться на соотношении земледелия и скотоводства в бурятском хозяйстве, с одной стороны, на общей характеристике взаимоотношений курумчинского уклада и бурятского, — с другой.

16. Погребение воина-кочевника с колчаном, стрелами и седлом. Тунка.

Перед нами стоят, таким образом, два вопроса: 1) почему земледельческо - скотоводческий оседлый быт сменяется «примитивным» кочевым и скотоводческим по преимуществу? 2) почему в XVII в. кочевники - скотоводы буряты господствовали над земледельцами и скотоводами енисейской долины, как будто стоявшими на более высоком хозяйственном уровне? Ключем к правильной постановке вопроса может быть только изучение самого земледельческого хозяйства курумчинцев или близких к ним по хозяйственному укладу мелких племен Саяно-Алтайской области, Приенисейского края, в частности минусинских турок в позднейшее время. Техника земледельческого производства и в древности и до революции имела там одинаково низкий уровень. Основным орудием земледельца был абыл или озуп, т. е. прямая палка с копьевидным железным наконечником или такая же палка с сучком на конце для прикрепления мотыги. Поля преимущественно обрабатывались вручную, в лучшем случае — с помощью быка или коня, тянувшего грубый плуг с примитивным сошником — вариацией наконечника мотыги. Техника земледельца, вооруженного землекопалкой, непосредственно граничила с техникой собирателя. Земледелие было и по его удельному весу менее важным занятием, чем собирательство. Календарь этих племен, в котором летние месяцы обозначаются как месяцы сбора кандыка (бесс-ай), желтой сараны (сары-шеп),

белой сараны, сибирской гречихи — кырлыка и т. д., имеет собирательский, а не земледельческий облик.

Земледелие в таких условиях само по себе не могло быть признаком высокого хозяйственного развития и безусловно уступало экстенсивному скотоводству по возможности извлечения излишнего продукта, товарного сырья и накопления пищевых запасов.

Хозяйство оседлых или полукочевых (с сезонным кочеванием) земледельцев и скотоводов имело противоречивый характер, ибо при дальнейшем развитии производительных сил рост земледелия наталкивался на невозможность совмещения больших посевов с крупными стадами скота в рамках одного оседлого общинного хозяйства. Намечался путь взрыва этой синтетической формы изнутри и, в первую очередь, путем выделения «богатых хлебопашцев» (И. Бичурин), водивших по несколько тысяч голов скота, которые постепенно превращались в скотовладельцев по преимуществу, забрасывая земледелие, имевшее лишь подсобное значение. Земледелие же оставалось уделом небогатых и маломощных слоев общества, оказывавшихся в зависимости от богатейшей верхушки родов и отдававших ей львиную долю урожая. Некоторые общие тенденции развития земледельческо-скотоводческого хозяйства в Ха-

17. Погребение в колоде, с серебряной чашей у ног костяка. Туника.

кассии именно в этом направлении отмечал Н. Н. Козьмин и для XIX—XX вв. Он говорит, что «из середняцких скотоводческих хозяйств имело наибольшую запашку именно то, которое имело от 6 до 25 лошадей на хозяйство и общую обеспеченность скотом (в переводе на крупный) от 6 до 8 голов; в зажиточных хозяйствах запашка постепенно уменьшалась, и у крупных скотоводов она спускалась до уровня запашки у безлошадных и малолошадных (в масштабе, конечно, скотоводческого хозяйства 1—2 лошади)».¹

¹ Н. Н. Козьмин, К вопросу о турецко-монгольском феодализме, стр. 40.

Само собой разумеется, развитие хозяйства в сторону выделения скотоводства в особую ведущую его отрасль неизбежно влекло на данной ступени и в этих конкретных условиях к распаду примитивного синтетического хозяйства, к дальнейшему разложению общинно-коммунистического строя и усилению имущественного неравенства. Кроме того, оно могло сопровождаться не только подчиненным положением, но и упадком земледелия.

Так должно было быть и у бурят или их предков, кем бы то ни были они в прошлом.

Обычное сочетание земледелия и скотоводства, т. е. следы былого синтетического хозяйства, мы находим в наших материалах у бурят и в XVII в. «Сидячие» буряты действительно имеют сенные покосы, просовые посевы в 1658 г. на Унге (про которую, кстати, тот же Н. Н. Козьмин сказал, что «в районах полупустынных степей... земледелие отсутствовало. Так было в агинских, хоринских, унгинских степях»).¹ Просо сеяли буряты на Лене, на Оке и по Осе в степных местах. Но наряду с просовыми посевами у бурят имелись дальние кочевые угодья, куда они уходили, как Баяракан в тридцатых годах XVII в., на зиму. Современные летники и зимники являются только пережитком эпохи постоянного сочетания земледелия со скотоводством, когда люди кочевали в летниках, чтобы кормить скот свежей травой, а в зимниках косили сено и собирали просо, гречиху и ячмень.

Это сочетание элементов хозяйственного быта носило, как мы видели, не абсолютно постоянный характер, а тоже имело известную внутреннюю тенденцию к перерастанию в чисто табунное скотоводство с преобладанием в стаде конного скота над рогатым у богатых семейств еще до прихода русских. За счет развития

18. Ритуальное захоронение барана. Турка.

¹ Н. Н. Козьмин, К вопросу о турецко-монгольском феодализме, стр. 98.

именно табунного скотоводства с разведением лошадей, верблюдов, овец и коров следует отнести факт наличия кочевых войлочных юрт и «арб» на Унге и Осе в первой половине XVII в. Войлочные юрты были на Лене, на Унге и Осе, где их застал Иван Похабов (точнее — он видел их «решотки»); существование войлочных кочевых юрт отмечено в долине Ангары также и дорожным дневником Ник. Спафария.¹ Он видел эти юрты вместе с большими зимними юртами, повидимому, деревянными. Нельзя не вспомнить в этой связи также и сообщений казаков, постоянно подчеркивающих особый характер расселения бурят. Отписки служилых людей указывают на бурятские улусы только в степных местах; например, на Ангаре около Балаганска степной левый берег был занят бурятами, а гористое правобережье принадлежало тунгусам-звероловам.² Заслуживает внимания и распределение в XVII в. бурят около Иркутского острога по степям — на пойменной заливной долине, удобной для пастбищ,³ а русских земледельцев — «по горам» (древние городища с пашнями тоже часто гнездились по увалам гор, а иногда и теперь такие места предпочитают для пашен). Буряты, судя по всему, как бы осваивают пойму, занимают степные площади долин и водоразделов, переходя на чисто скотоводческий вариант хозяйства, хотя их предки жили на городищах и распахивали увалы для гречи, проса и, может быть, ячменя.

Прочное освоение степей бурятами-скотоводами с их табунами коней и рогатого скота стало возможным лишь в результате длительного развития более древнего синтетического хозяйства. Сочетание земледелия и скотоводства оказалось, таким образом, в этих конкретных условиях источником дальнейшего продвижения общества даже в географическом смысле: осваиваются степи вплоть до полупустынных участков, леса теряют прежнее значение.

«Наоборот, лишь только эти варвары средней ступени привыкли к пастушеской жизни, им никогда не могло притти в голову из травянистых, речных равнин добровольно вернуться в лесные районы, в которых жили их предки»,⁴ можем мы отчасти сказать словами Энгельса и о далеких предках бурят, ставших на путь дифференциации и усложнения хозяйства, на путь выделения скотоводства как специфического и самостоятельного производства.

¹ Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Н. Спафария в 1673 г., «Записки РГО по отделению этнографии», т. X, вып. 1, 1882, стр. 111.

² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 186 и др. Характеристика расселения эхирит-булагатов по степным районам Прибайкалья дана в работе М. Н. Забанова, Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов, Верхнеудинск, 1929, стр. 7—10.

³ ИАИ АН СССР, Иркутские дела № 1, без обозначения года, с пометкой: «Весьма любопытный акт в географическом отношении (описание Иркутского уезда около 1680—1690 гг.)».

⁴ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, 1934, стр. 34.

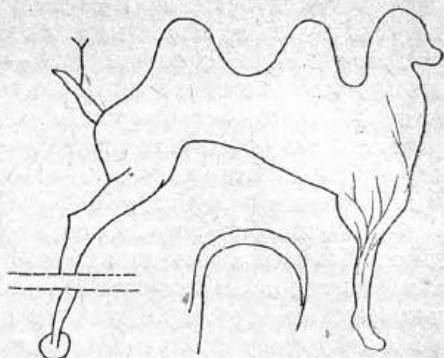
Такое направление дальнейшего развития производительных сил естественно и неизбежно подталкивало рост новых общественных отношений, а вместе с тем было в своем развитии до некоторой степени и их следствием.

В степных местах Бурятии табунное скотоводство давно уже представляло более выгодное занятие, чем земледелие, позднее оно давало гораздо более крупный доход при наличии установившейся торговли.¹ В первую очередь, естественно, табуны растут

у экономически сильной семейной верхушки полуседлых племен, а дальнейший рост табунного скотоводства, само собой разумеется, усиливает влияние и силу этой зачаточной родоплеменной аристократии. На этой экономической почве постепенно усиливается удельный вес в обществе владельца табунов, и он поднимается над родом, выделяется среди сородичей. Как это происходило — мы узнаем из эпоса.

В бурятской легенде о богаче Донэ-Баяне рассказывается, например, что на левом берегу Алары жил Донэ-Баян, обладавший несметным имуществом. «Сам Донэ-Баян не знал, сколько у него голов разного скота, а у Донэя каждый день выкуривали столько тарасуна, что всякий желающий напивался допьяна, до упаду».

Легендарный Донэ-Баян аларской легенды — только предшественник позднейших князцов бурятских; он еще не возвысился над родом-племенем настолько, чтобы управлять им и угнетать его. Наоборот, Донэ-Баян вынужден оказывать сородичам самое широкое гостеприимство, он, как и вожди тлинкитов, славится первоначально своим радушием и готовностью из богача «стать бедным» для народа.² Если вожди тлинкитов устраивали потлэчи для того, чтобы каждый сородич мог воспользоваться богатством, которое было в руках вождей, то Донэ-Баян также обязан был не отказывать каждому охотнику до тарасуна.

19. Изображение верблюда, высеченное на скале по правому берегу р. Лены, против улуса Сэгонут в местности «5-й камень».

¹ Заслуживает внимания количественное преобладание бурят над тунгусами, отражающее их экономический перевес (архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, № 46; ср. ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 402, л. 195).

² Как указывал Маркс в «Критике философии государственного права Гегеля»: «К тому же, частная собственность в целом, как у древних классических народов вообще, проявляет себя по отношению к толпе как *общественная собственность*: то, как в доброе время, в форме пышных празднеств, устраиваемых от имени республики, то в форме *роскошных и служащих всеобщему благу учреждений* (бань и т. д.)» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 636).

И вот, рассказывает легенда, повадились ходить к Донэ-Баяну для запойного пьянства на его счет семь соседей-родовичей, одноуслусников. Это были старики — представители родовых традиций, прямое олицетворение рода. В полном соответствии с обычаями родового быта старики пили тарасун Донэ-Баяна настолько усердно, что сваливались замертво в юрте у богача. Жене богача все это очень не нравилось, она, наконец, решила прекратить такое безмерное пьянство за счет Донэ-Баяна и восстала против законов родового быта, против пережитков общности имущества сородичей. И произошло невиданное дотоле событие: она «обругала семь стариков бесстыдными пьяницами и другими нецензурными словами, выволокла за косы из своей юрты на улицу и бросила там, а курунгу (молочный продукт) вылила на степь». Родовые боги не потерпели такого неслыханного нарушения древних законов, обязывавших смотреть на частную собственность почти как на воровство от рода и предписывавших делиться с родовичами в первую очередь пищей. Они лишили людей избобилия молочных продуктов (так выглядел первоначальный вариант легенды). Из вылитой курунги образовалось озеро Саган-Нур в Аларской степи. Боги наказали и самого Донэ-Баяна за его жадность и любовь к частной собственности. Он стал выдавать замуж собственную дочь и вслед за последним наданом (играми и плясками) для корма сородичам из-за скупости заколол только одну единственную козу. Тогда дочь с рыданием вынула мутовку из-под курунги и стала с проклятием бить по задам овец и коз. Козы Донэ-Баяна превратились в диких коз (поэтому у них и белые зады), лошади и коровы стали изюбрами и сохатыми (по рукописи Баторова).¹

В этой замечательной легенде древняя родовая традиция обрушивается с проклятием на частную собственность, на узурпаторов общинной собственности и прав рода. Но узурпаторы на деле уже приобрели такую власть, что кое-когда полностью оправдывают слова поэта: «Не страшны ему громы небесные, а земные он держит в руках».

Бурятский эпос почти и не помнит о прежней общности скота и прочего имущества рода.² Это тем более характерно, что Б. Я. Владимирцов указал уже на «одно из важных противоречий кочевой жизни вообще», заключающееся в неудобствах совместного кочевания крупных скотовладельцев с массой мелких. Богатые кочевники ищут «более привольного существования отдельным аилом», вдали от сородичей, но ввиду постоянных грабежей,

¹ Записи П. П. Баторова хранятся в архиве Восточно-Сибирского краеведческого общества (б. ВОРГО), членом которого был собиратель.

² В бурятских обычаях исследователями отмечаются любопытные черты, указывающие на глубочайшую древность частной собственности на скот и продукты скотоводства. Например, как отмечает проф. Петри, если за зиму истощится совсем запас курунги, то для восстановления ее нельзя было добыть хотя бы каплю чужой, ибо последнюю «грех» давать даже родственникам.

набегов и войн это было не всегда безопасно. «Приходилось поэтому искать выхода: разбивали большие курени на малые, сами владельцы жили и кочевали куренями, а стада свои, главным образом табуны, держали айлами». Для монголов XI—XII вв., говорит Б. Я. Владимирцов, сочетание куренного хозяйства с айльным представлялось, видимо, «самым идеальным». ¹ В связи с этим можно предполагать, что отдельные группы войлочных юрт, разбросанных по берегам Ангары еще во времена Спафария, могли принадлежать именно таким богатым сильным скотовладельцам, Донэ-Баянам бурятской легенды. С другой стороны, казаки во время войн 1629—1650 гг. упоминают также обыкновение бурят Приангарья держаться «в скопе». Кочевые объединения и в Монголии передвигались часто тоже общим табором и останавливались вместе стойбищами в сотни юрт. Б. Я. Владимирцов разъясняет характер такого кочевания и стойбищ-курений словами очевидца — даосского монаха Чань-Чуна и Рашид-Эддина. По словам последнего, «значение куреня есть колено. В старинные времена, когда какое-нибудь племя останавливалось на каком-нибудь месте наподобие кольца, а старший из них был подобен точке в середине круга, это называли курень. В нынешнее время, когда приблизится неприятельское войско, располагаются по той фигуре, дабы не вошел в середину чужой и неприятель». ² Сбравшиеся «в скопе» осинские буряты во время похода Бекетова и в других подобных случаях, очевидно, представляли такой «курень», сочетавшийся в обычное время с айльным кочеванием.

Повидимому, и у бурят того времени выделение частной семейной собственности из общеродового коллективного достояния шло в виде усиления айльных тенденций у богачей, при сохранении куренной формы бедняками, скот которых долго еще в условиях совместного кочевания ³ мог представлять, быть может, полуобщинное или родовое достояние. Общество монгольских кочевников до XII в., изученное Б. Я. Владимирцовым, представляло, однако, по его хозяйственной базе более или менее чистый

¹ Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Монгольский кочевой феодализм, 1934, стр. 36, 37.

² Сборник летописей, История монголов, соч. Рашид-Эддина, «Труды ВОИРАО», ч. V, 1858, 410 стр. (по Владимирцову).

³ По данным фольклора М. Н. Хангалов также констатировал не только рост скотоводства у древних бурят, но и разделение больших общин на мелкие, т. е. айльные, группы ввиду «невозможности пасти громадные массы скота вместе»; у каждого отдельного домохозяина завелось свое личное или семейное скотоводство» (Клеменц и Хангалов, Общинные охоты у северных бурят, стр. 151, 153). Стремление скотоводов-богачей выделиться и захватить побольше земли, под утуги (домашние сенокосы) и т. п. отмечает для своего времени и А. В. Потанина в очерке «Буряты» (Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю, сборник статей А. В. Потаниной, М., 1895, стр. 35); ср. указания Харузина в работе «История жилища у тюркских и монгольских народностей», «Этнографическое обозрение», I, 1896, стр. 21—49.

тип общества скотоводов. Наоборот, лесные люди, буряты, только вставали до прихода русских на этот путь, и притом лишь в лице своей верхушки, быстрее размножавшей стада.

У скотоводов по преимуществу само владение скотом, как основным средством производства, означает и владение землей, осуществляемое через выпас. У земледельцев, наоборот, большую роль приобретает сам вещественный акт захвата земли, как средства производства. У бурят, чье скотоводство и по форме связывалось с земледелием через поливные сенокосы, реальное значение и для скотоводства имел место именно прямой захват земли, как покосной территории. Тем более важно было обеспечение частного семейного владения земельными участками в которые вкладывалось большое количество труда (искусственное орошение и т. д.). Расслоение рода и выделение частной собственности шло поэтому не только по линии оформления айла и частной собственности на скот с отдельным кочеванием в противоположность родовой общине («курению»), но и дополнялось закреплением обрабатываемых участков земли за определенными семьями, т. е. реализацией земельной собственности в ее чистом виде.

Одним из первых актов обладателей частной собственности на основное средство производства в бурятском обществе XVII в. — на рогатый и конный скот, — неизбежно являлся захват как пашенных, так и сенокосных угодий, частнособственническое, захватное по форме, владение, огораживание этих захваченных угодий, прежде принадлежавших роду в целом. В одном датированном 1688 г. документе из родового архива известного собирателя образцов народной словесности бурят П. П. Баторова есть прямое указание на огораживание засеянных просом полей и сенных покосов в отличие от выгона, составлявшего общую собственность улуса. Будущие тайшинские «роды» тщательно берегли в своих «архивах» подобные документы, обеспечивавшие им права на владение захваченными земельными участками, ибо частная собственность на огороженную покосную землю была к концу XVII в. уже прочно сложившимся общественным институтом. По крайней мере, даже по возвращении из Монголии после бегства 1658—1661 гг. один из балаганских бурят в тяжбе насчет покосов, происходившей в 1714 г., ссылается на слова соседей и родичей о давности владения землей: «о которых де сенных покосах бьет челом он, Будорей, и называет своими, — и теми де сенными покосами владели деды и отцы их, и они (свидетели. — А. О.) и по ним владеют и сена косят». Другие же сказали: «о которых де он, Будорей, сенных покосах по пади Закулею бьет челом великому государю, и тем де сенным покосам в давних летах владели дед и отец Нахуевы, а после их косил и владеет он, Будорей, а как из мунгал вышли, преж ево, Будорея, Нахуй не кашивал». Очевидно, и до бегства в Монголию частная собственность на огороженные участки покосов была

бесспорной, раз ссылались на положение, имевшее место в то время. ¹

Огораживание частей общинных земель производилось, видимо, довольно часто. Так, в одном из тяжёбных дел 1718 г. сказано: «сенные покосы явились умерших иноземцев Олзоева роду, Хомотая и Хадуря Лелиных з братьи и с сродники». Эти «Хомотаевские и Хадуровские с сродники сенные покосы» в то время «лежали впусе и вытаптывали табуны, будет их сот с пять копен и больше. А когда годом бывает табун не вытопчет, и те Хомотаевские покосы кашивали безотвозно сродники Хомотаевы, Баин Ноенгуев да Дагатка Цаганилов с сродники, а у них же, Баина и у Дагатки с сродники, есть свои покосы подле Унги-ж в городьбах и не в городьбе и по двух Зукулеям падям». ²

Термин «с сродники» не должен заслонять наличия частной собственности на землю, ибо внутри родового земельного массива, если таковой и существовал, земля принадлежала отдельным семьям. Около «Хара-Нора» по Унге, например, «косит покос Олзоева роду братской мужик Губзап», ³ земля отводится «дяде с племянниками», а не всему обширному Икинатскому роду. Отводит землю казна, признаваемая новыми социальными элементами бурятского общества верховным собственником земли и поддерживающая эти социальные элементы всей мощью государственного аппарата, ⁴ причем верховная собственность государства на землю была в условиях вечного — бессрочного владения условной и только прикрывала частновладельческие права бурятских шуленг и богачей.

Интереснее всего для характеристики классовой роли «огораживания» и тому подобных захватнических мер, что наряду с людьми, обеспеченными лишними угодьями, были и такие, которые «с прошлых давних лет живут под Иркутским под Балаганску в ясажном платеже, а под юртенные летныя и зимныя кочевья земли и сенных покосов и скодского выпуска нигде не отведено, а в зимнее время за безкормицею конное табунишко и рогатой скот и овцы помирают з голоду». Не имеющие сенокосных собственных угодий вынуждены были косить траву на чужих местах («ис кортому», т. е. за определенную плату). ⁵

¹ См. текст этого документа, хранящегося в Иркутском музее, ниже — в приложении.

² То же, приложение № 2.

³ См. текст этого документа, хранящегося в иркутском музее, ниже — в приложении.

⁴ Обычное право балаганских бурят в XVIII—XIX вв. прочно фиксировало положение о наследственности (по отцовской линии) утугов, являвшихся объектом частносемейной собственности (см. М. Н. Хангалов, Юридические обычаи у бурят, «Этнографическое обозрение» № 2, 1894, стр. 141).

⁵ Там же (приложение).

Отмеченное старинными путешественниками развитие чисто скотоводческого хозяйства бурят-монголов очень усиливало именно тогда, в XVIII в., эту борьбу из-за приобретения сенокосных угодий в частную собственность и, следовательно, имущественное неравенство; судя по фольклору, вместе с укреплением скотоводческого варианта в хозяйстве бурят-монголов, несомненно, имела место частная собственность на покосы и землю, а тем более на скот, еще задолго до русского завоевания. Прочие виды земельной неогораживаемой собственности тем не менее вряд ли могли стать предметом частной собственности.

Нельзя не отметить также, что хотя в стремлении «уничтожить» общинно-родовой строй в Прибайкалье Н. Н. Козьмин не допускает даже и мысли о существовании общинной земельной собственности рядом с собственностью открытых им мелкопоместных феодалов, такая общинная собственность все же имела место рядом с княжеской и т. п. везде, где существовали феодальные отношения.

Пашни и огороженные участки покосов в древней Бурятии были в значительной мере вещественным нарушением именно такой общинно-родовой земельной собственности. Относительно «собственности» на выгон надо помнить, что здесь в законной частной собственности нужды не было: богатый скотовладелец осуществлял свои интересы посредством частного скотовладения, через свои табуны скота, т. е. опять-таки в порядке захвата угодий, бывших прежде общеродовыми и считавшихся юридически общими. Объявляя землю «божьей» — родовой и племенной собственностью, — богач мог преспокойно пользоваться ею как выгоном в ущерб остальным членам рода и племени. Наконец, скот в кочевом обществе — основное средство производства, и наделение непосредственного производителя средствами производства с целью эксплуатации его в условиях бурятского улуса и якутского наслега даже XIX—XX вв. одинаково выражалось в отдаче ему скота на выпас (у якутов — «хасас») с обязательством платить за то натуральный оброк продуктами скотоводства или отрабатывать в хозяйстве крупного скотовладельца, какого-нибудь бурятского Донэ-Баяна, «Тыгыновых детей» и тому подобных тойонов или лучших людей у якутов. Этот скот тоже кормился травой родовых пастбищ, на которую у богача юридических прав не было.

С экономической точки зрения в хозяйстве бурят-монголов XVII в., как скотоводов по преимуществу, были следовательно уже налицо элементы, на основе которых кристаллизовались основы нового, эксплуататорского общественного строя, существовали некоторые зачатки и феодальных отношений.

Естественно, что при сходном направлении развития экономики в сторону преобладания кочевого табунного скотоводства над остальными занятиями (в данном случае земледелием и охотой) бурятское общество перед приходом русских во многом напо-

минало не только в хозяйственном отношении, но и по социальной структуре монгольское общество дочингисовой эпохи. Приведенный выше, по Владимирцову, пример с аилом и куренем, существовавшими еще в условиях родового быта древних монголов и выражавшими там процесс вызревания классов, имеет большой интерес, как мы видели, и для истории бурятского общества, ибо в нем раскрываются конкретные формы процесса классообразования у поздних кочевников Центральной Азии. Только имея в виду этот пример, мы можем дальше в нашем последующем изложении перейти от анализа производства древнего бурятского общества к его политической структуре, к взаимоотношениям различных его слоев.

Возвращаясь теперь к проблеме конкретных исторических взаимоотношений скотоводческой культуры бурят и земледельческой культуры курумчинцев, мы должны считать отмечавшееся выше кажущееся противоречие археологической схемы полностью снятым уже самой новой постановкой вопроса. Археологические, собственно исторические, т. е. письменные, и, наконец, этнографические данные позволяют считать бурятское хозяйство и общество XVII в. преемниками очень сложного и длительного исторического процесса, исходным пунктом которого и явилась так называемая «курумчинская стадия».

Общая характеристика бурятского хозяйства XVII в., данная еще М. Перфильевым в 1626 г. на основании тунгусских сведений, очень ярка и по-своему показательна для метода, которому следовали и позднейшие историки: с точки зрения русского человека — хлебопашца XVII в. — нет ничего выше земледельческой пашенной жизни и культуры. Перфильев услышал, что бурятская земля — пашенная, а братья — люди сидячие, и «хлеб пашют и ячмень и гречю», — очевидно, под гречей подразумевается «курлыч» (позднейшие же наблюдатели, вплоть до Похабова, отмечают посевы проса). Это обстоятельство очень повысило уважение Перфильева к бурятам по сравнению с таежными звероловами и бродячими скотоводами. Так рассуждают и все историки, изучавшие прошлое бурятского хозяйства.

Однако, как мы видели выше, было бы ошибкой вслед за Перфильевым, очень толковым человеком своего времени, поражаться древним бурятским земледелием и видеть именно в нем прогрессивный элемент. Теперь мы можем уверенно сказать, что, наоборот, бурятское земледелие XVII в. является пережиточным и устарелым, а не возникающим вновь. Перед нами земледелие не ранних земледельцев, а ранних кочевников, в быту которых просовые посевы являются еще показателем слабости собственно скотоводческого хозяйства, как такового, показателем недостаточности полного развития тех тенденций, которые заложены в кочевом скотоводстве, а не доказательством «начала земледелия». Согласно археологическим данным, типичными ранними земледельцами в Прибайкалье являются совсем не буряты, а те «курум-

чинцы» и «баргуты»,¹ о которых шла речь выше и которые, якобы, исчезли бесследно и полностью с занимаемой ими когда-то территории от Кабанска до Усть-Кута и Киренска, от Иркутска до Красноярска и минусинской котловины.

Стадиальным обломком этих «курумчинцев», знавших, повидимому, в ряде случаев и плуг, являются в XVII в. качинцы и другие скотоводческо-земледельческие племена Приенисейского края, пользующиеся наречиями того же турецкого языка, на котором были написаны тексты «пряслиц» из бывшего Курумчинского ведомства, изученные Г. В. Ксенофоновым,² а до него лингвистом Рэзеном.³ Часть турок могла быть оттеснена в горы (Саяны).

Что касается социального строя, то большие семейные общины с патриархальным укладом, объединенные в патриархально-родовые мелкие группы, оставившие на территории Прибайкалья свои небольшие городища или «китайские дворы», как их теперь называет население, с «китайскими грядами», т. е. следами земледелия около них, — вот, очевидно, какими были по своему социальному укладу загадочные древние «турки-курумчинцы» в Прибайкалье и «баргуты» в Забайкалье, по Баргузину и на Селенге.

Эти древние земледельцы и скотоводы были еще очень раздроблены, экономически слабы и бедны, вооружение их являлось еще крайне недостаточным, ибо для покорения себе подобных еще не было сколько-нибудь значительных экономических предпосылок, а внутри патриархальной семьи гнезился в виде известного патриархального рабства только зачаток грядущих форм эксплуатации. Потому качинцы и вынуждены были кочевать в крешких местах, строить особые убежища-городища,⁴ убегать от лукавого и сильного врага, норотившего взять ясак или албан с патриархальной общины, забрать ясырь — рабов — и угнать скот. Наконец, именно эти черты общественного строя заставляли людей семейной общины уходить на зиму, когда снят с пашен хлеб, под защиту хотя бы и чужеплеменного феодала.⁵

Новые черты наблюдаются в общественном быту и хозяйстве бурят XVII в. Намеченная М. Н. Богдановым «лестница патриархально-родовых связей»⁶ существовала в действитель-

¹ Еще в первой половине XIX в. Словцов в статье о городищах Иркутской губернии отмечал по археологическим памятникам добурятскую земледельческую культуру в Прибайкалье и Забайкалье.

² Г. В. К с е н о ф о н о в, Расшифровка двух памятников Орхонской письменности из Западного Прибайкалья М. Рэзеном, «Язык и мышление», I, 1933.

³ Рэзену материалы доставил Б. Э. Петри (см. его работу «Даленое прошлое Бурятского края», 2-е издание, Иркутск, 1928).

⁴ См. Собрание государственных грамот и договоров, ч. III, № 78, стр. 299.

⁵ По словам казаков, например, «сагалские люди живут летом на пашнях на верх Толы реки от ясашных волостей в 3 днищах, а зимою сходят со всем своим кочевьем в киргизь» (архив АН СССР, ф. 24, оп. 4, Списки Томской архивы, I, № 252).

⁶ М. Н. Б о г д а н о в, Очерки, стр. 40.

ности, и хотя не всегда одинаково прочно, но объединяла все же бурят, начиная с низовой единицы общества — патриархальной большой семьи и рода, кончая племенем и союзом племен. Медленно продвигавшийся процесс племенного объединения, правда, далеко еще не кончился в XVII в. Межродовой союз булагатов, например, определенно противопоставлял себя остальным; в его фольклоре настойчиво повторяется сочетание терминов «булагаты» и «буряты», хотя позднее эти термины сопоставлялись в порядке соподчинения булагатского рода бурятскому народу. Но этот процесс племенного объединения неуклонно шел вперед, и именно он обеспечивал возможность тех или иных временных совместных выступлений племенных групп бурят, как этнического целого, по отношению к внешнему окружению.

С другой стороны, рост скотоводства, размножение конного и рогатого скота, в особенности мелкого, и увеличение удельного веса скотоводческих занятий в быту содействовали вызреванию в недрах родоплеменного общества элементов нового социального строя, оформлению не только частносемейной собственности, но и все увеличивавшегося с ростом частного скотовладения имущественного, а следовательно, и социального неравенства. «Донэ-Баяны» приобретали все больший и больший вес в обществе и были уже ведущим фактором политической жизни. Из богача-баяна рождался «князец», намечался крупнейший социальный перелом.

Изменения в социально-экономическом строе не могли не отразиться и на соотношениях этнических групп, на их бытовом укладе, в языке и материальной культуре, т. е. во всем, что слагает облик «этноса», определяет характер племени и народности как в плане внутренних сдвигов в роду, так и в плане взаимоотношений отдельных этнических групп, т. е. как по линии стадийных изменений, так и по линии «аккультурации», «ассимиляции» и «культурных заимствований». При учете закономерностей развития базиса проясняются конкретные судьбы надстроек, сложный этногонический процесс также должен как будто стать более ясным в своих главных чертах и предпосылках, и допустимо поэтому предположение, что с исторической точки зрения бурят-монголы в процессе своего сложения в народность закономерно явились как бы результатом дальнейшего развития и объединения всего этого конгломерата более дробных и разнородных этнических групп, стоявших на стадии патриархально-родового общества с характерной для него «большой семьей», прошедших перед тем длительное развитие здесь же в Приангарье и на Лене, причем монгольские группы оказались гегемоном. Подобное утверждение, конечно, не выходит за пределы вероятной гипотезы, которая должна быть подтверждена новыми (старых мало) документальными свидетельствами, будь то фольклорные, археологические данные или свидетельства письменных источников.

Еще не поздно развернуть собрание материалов по этно-

гони бурят в масштабе целой народности, вполне реально перспектива развертывания широких археологических и историко-географических исследований по архивным материалам, а поэтому следует надеяться, что вскоре станет более ясным также и «частный», но весьма существенный вопрос о соотношении «монгольского», «турецкого» и т. д. населения, эвенков и других этнических групп в ходе многообразного по формам этногенетического процесса в областях, лежащих вокруг Байкала.

Пока же нельзя не вспомнить в данной связи, что углубляясь в этногонию — эту наиболее темную область истории народов Сибири, — еще Г. Н. Потанин писал когда-то, что «в противоположность тюркскому, монгольское племя занимает в северо-западной Монголии места наиболее низкие, как будто оно вторглось в тюркское море вдоль степных долин, оттесняя тюрков к горам», точно так же и в «Восточной Сибири», писал он дальше, «бурятское племя распространялось вдоль степных долин Селенги и Ангары, оттесняя тюркское племя (сойотов и карагасов) на юг в Саяны; вероятно, и тункинская долина была занята бурятским нашествием с севера, от Ангары, а не с юга, из Дархатской земли. Спускаясь вдоль Ангары, бурятский народ еще на памяти сибирских исторических актов доходил до г. Красноярска». ¹

Соотношение племенных «расово-этнических» групп со специфическим бытом и хозяйством (а кроме турок надо учитывать тунгусов и «палеоазиатов») определяется у Г. Н. Потанина закономерным сочетанием физико-географических условий горной тайги и степных открытых пространств, т. е. естественной средой, вне которой и не могло развиваться хозяйство и которая была естественным базисом последнего. Г. Н. Потанин здесь уже почти подошел, хотя и стихийно, к вопросу о связи кочевого скотоводства со степями, как к главной предпосылке «бурятского нашествия», т. е. распространения в прибайкальских степных долинах и лесостепях ² бурятского языка и форм быта, хотя и не мог осознать всего значения своих выводов. Так было с хозяйством и, следовательно, с культурой. Что касается языка, то водворились ли в таежном и лесостепном Прибайкалье «чистые монголы», или процесс шел сложнее, — решат дальнейшие специальные исследования, но и сейчас в связи с наблюдениями Потанина не следует забывать указание Н. Я. Марра, вполне применимое и к прошлому Прибайкалья. «Имея по археологии факт наличия не только древней-

¹ Г. Н. Потанин, Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV, 1883, стр. 654, 655.

² Б. Я. Владимирцов (см. Общественный строй монголов, стр. 45) указывает, что «в XIII в., в эпоху образования монгольской державы, лесные народы уступают место степным». Район «леса» отодвигается, в некоторых «лесных» областях водворяются кочевники, часть лесных звероловов переходит на скотоводческое кочевое хозяйство.

Сходные процессы развертывались к эпохе русского завоевания и в Прибайкалье в очень сложной и далеко еще не выясненной в деталях обстановке.

шего палеолита, но и непрерывную смену различных стадий развития материальной культуры от палеолита до настоящего времени, мы видим в языковой части непрерывную смену не только языков, но и систем языков, отвечающую на смену соответственных ее эпох, или, точнее, коренным образом расходящихся соответственных культур, казавшихся по разности типологии созданиями различных рас». ¹ Иными словами, если выше ясно была видна преемственность в развитии хозяйства и в смене форм идеологии, то как обстоит дело с языком, что может сказать лингвистика?

То, что необходимость применения методов материалистической лингвистики к изучению по языковым данным прошлого народов Сибири и бурят-монголов, в частности, уже назрела, — не подлежит сомнению. Несомненно и то, что анализируемые под диалектико-материалистическим углом зрения языковые факты не могут служить опорой абстрактно-схематическим построениям (вроде высказываний Н. Н. Козьмина), вытекающим из общих методологических принципов индоевропейской школы с ее изолированными расово чистыми праязыками, их ответвлениями — племенными и национальными языками позднейших времен, судьба носителей которых обычно «исчерпывается» бесконечными миграциями.

И действительно, следуя учению Н. Я. Марра, Н. Н. Поппе не только дает развернутую критику господствовавших до сих пор представлений об алтайском праязыке и отношении к нему бурятского, с предельной четкостью выраженных в «Сравнительной грамматике монгольского языка и халхасского наречия» Б. Я. Владимирцова, но и утверждает, что развитие бурятского языка шло совершенно иным путем: от множества к единству, не на расовой, но на общественной основе. «Монгольские языки, — читаем мы в обобщающей работе Н. Н. Поппе, — в древности представляли собой ряд языков, вероятно еще дальше отстоявших друг от друга, чем теперь. Отдельные наречия их, как например наречия бурятского языка, представляют собой сблизившиеся языки, в прежнем своем состоянии далекие друг от друга. Когда племена, вошедшие впоследствии в состав бурятской народности, жили разобщенно, когда иной общественной организации, кроме родовой, у них не существовало, эти племена говорили на различных, быть может, очень далеко отстоявших друг от друга языках. Впоследствии эти племена создали нечто вроде племенного союза и постепенно на почве общественных охот и т. п. утратили свою полную разобщенность; можно было уже говорить как бы об одном большом племени с родовыми подразделениями. Несомненно, к этому времени языки всех племен уже настолько приблизились друг к другу, что можно было говорить об одном языке, разделявшемся на наречия и го-

¹ Н. Я. Марр, Расселение языков и вопрос о прародине турецких языков, «Под знаменем марксизма», июнь 1927 г., № 6, стр. 131.

воры. На этом дело почти остановилось, ибо буряты были покорены русскими и, живя своей феодально-родовой организацией, они сразу же, особенно на Западе, оказались объектом эксплуатации со стороны русских капиталистических элементов», их денационализирующего влияния, уничтожающим образом действовавшего на национальный язык, как думает Н. Н. Поппе.¹

Исходя из специальных лингвистических исследований, Н. Н. Поппе находит, далее, возможным видеть уже в племенах баргут, хори и икирес, обитателях Баргуджин-тукума, упоминаемых Рашид-Эддином, главные племена бурят-монголов: эхиритов, баргу-бурят, хоринцев.²

В. И. Сосновский также рассматривает ряд этнических наименований и имен вождей-эпонимов из родословной Чингиса в Юань-чао-би-ши, как искаженные китайской транскрипцией отзвуки имен хоринцев, баргутов и племени урянхитов, «имевшего с бурятами много общего».³

Со своей стороны, Б. Б. Барадийн полагает, что булагаты и хоринцы в древности объединялись общим племенным термином баргу, а слово булагат есть лишь китаизированный вариант слова баргут, которым в эпоху Чингиса обозначались лесные народы, в отличие от коренных степных монголов.⁴

Названные исследователи, как мы видим, чужды вульгарно-миграционистическим взглядам Н. Н. Козьмина, упоминавшимся выше. Они разделяют мнение об автохтонности для Прибайкалья в пределах второго тысячелетия нашей эры во всяком случае ядра бурят-монголов, их основных трех племен.

Были ли эти племена или их предки обитателями Прибайкалья в более далекое время, в первом тысячелетии нашей эры, — вопрос, естественно, остается открытым, хотя некоторые исследователи (и не без основания) решают его в положительном смысле.

Весьма существенным основанием может быть для этого и свидетельство археологического материала, который вполне определенно ставит, как мы видели, проблему «культурного наследства», преемственности форм быта и хозяйственно-общественной жизни. Но были ли преемники древних курумчинцев и наследники их земледелия — буряты в какой-то своей части наследниками их по крови, по языку, т. е. были ли они прямыми потом-

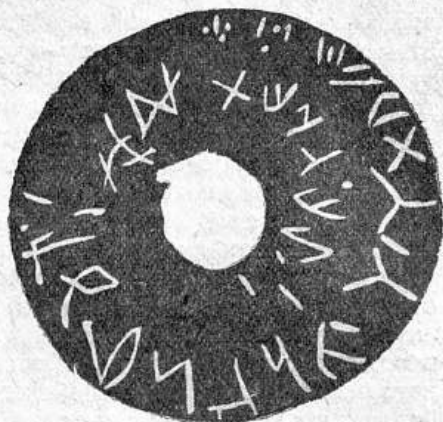
¹ Н. Н. П о п п е, Бурято-монгольское языкознание, Л., 1935, стр. 63.

² Там же.

³ В. И. С о с н о в с к и й, К вопросу об образовании бурятской народности, «Бурятияведение» № IV, 1928, стр. 98.

⁴ Б. Б. Б а р а д и й н, Бурято-монголы, Краткий исторический очерк оформления бурято-монгольской народности, Верхнеудинск, 1927. обстоятельный разбор фактов, относящихся к этническому составу бурятской народности, и сводка теорий об их происхождении даны в статье Б. Б. Б а м б а е в а. К вопросу о происхождении бурято-монгольского народа, «Бурятияведение» № 4—11, 1929. Ему же принадлежит новейшая попытка определения состава предков бурят-монголов, в частности эхирит-булагатов, связываемых с байркунами-баргутами ответвлением ойратов; см. там же, стр. 131, 132.

ками людей, пользовавшихся знаменитыми пряслицами с тюркоязычными надписями, начертанными орхоно-енисейскими знаками, — решить может только лингвист, хотя в свете общих исторических данных и памятников материальной культуры положительный ответ как будто неизбежен. И тем более существенно, что в пользу предположения о кровной связи «курумчинской культуры» с позднейшей бурятской, т. е. бурят с их предшественниками, тюркоязычными племенами, кроме археологии, свидетельствуют как будто и данные языка. Согласно указаниям

20. Пряслице с орхонскими письменами из улуса Шохтой (по Б. Э. Петри).

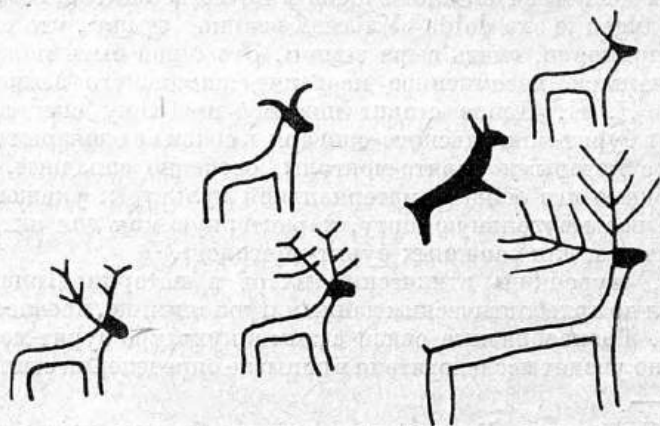
Н. Н. Поппе, бурят-монгольский язык обнаруживает особую близость, что касается немонгольских языков, к языкам тюрков Алтая. Достаточно указать, пишет он далее, «что бурято-монгольское слово, служащее для обозначения понятия «люди», «народ» *zon*, очень мало свойственное другим монгольским языкам, чрезвычайно характерно как раз для языков тюрков Алтая, ойротское *jon* «народ», «люди», шорск., хакасское *çon* «народ». Укажем далее, что название высшего доброго божества алтайских тюрков-шаманистов *ülgän* стоит совершенно изолированно и лишь в языке шаманских призываний и эпических произведений бурят-монголов мы встречаем слово *ülgen* в качестве эпитета земли, например, *ülgen je эхэ daida* «Ульгенъ великая земля», что соответствует, примерно, «мать сыра земля». Это *ülgen* быть может есть первоначальное несомненное название шаманского земного божества». Н. Н. Поппе ставит поэтому проблему специального изучения бурят-монгольского словаря в связи со словарем тюрков Алтая, «с которыми бурято-монголы, особенно западные, имеют много общего и в области материальной культуры: укажем здесь лишь на восьмиугольную юрту, характерную как для алтайских тюрков, так и для западных бурят-монголов».¹

Итак, «тюрецкий» этнический пласт в истории Приангарья был, судя по археологическим данным и топонимике, древнее эпохи Чингиса. Разнообразные связи с ним в культуре бурят-монголов неизбежно уводят исследователя в попытке определения этнических

¹ Н. Н. П о п п е, К словарному изучению бурято-монгольских говоров, Сборник «Академия Наук СССР—академику Н. Я. Марру», Л., 1934, стр. 336.

корней бурят-монгольской народности, поскольку речь идет о западной ее части, к этому пласту, отложившемуся в современном бурятском языке, и ко времени его преобладания в Прибайкалье, т. е. хронологически к эпохе до возвышения монголов в Центральной Азии. С этим «турецким» пластом, пережиточно вскрывающимся и в культуре бурят-монголов, и в топонимике занятой ими территории и в эпических преданиях, очевидно, ближайшим образом связана проблема генезиса бурятского земледелия, насчитывающего многовековую давность, которая измеряется пока только масштабами относительной археологической хронологии. В виде потомков древних земледельцев «курумчинской стадии» мы можем представлять себе древнейший компонент бурят-монгольской народности; к нему могли принадлежать многие роды, предки которых не помещаются в общих родословных таблицах эхирит-булагатов и оказываются «чужаками», причем судьба последних, как указывал в свое время Г. В. Ксенофонов, сильно напоминает судьбу мифического культурного героя якутов Эллея (легенды о Сэгэн-гуге, Обондэ, Сэгэндэ, Борто и т. д.). В связи с этим приобретают значительный интерес и определенную историческую ценность упорные указания бурятского фольклора на широкое распространение предков бурят от байкальского побережья и до Минусинского края в глубоком прошлом.

Историческая география бурятского фольклора в данном случае совпадает с показаниями археологических источников, регистрирующих на той же самой территории памятники, принадлежащие «курумчинской культуре». Само же племя эхирит-булагатов, и тем более хори, явно испытало сложные исторические судьбы, прежде чем стать ядром бурят-монголов XVII в. в Приангарье. Не исключена возможность того, что их объединению предшествовало раздельное существование булагатов и тех же

21. Изображения диких животных на писаном камне на горе Орсо, по берегу Байкала (по работе П. П. Хороших).

«сихиритов», тоже являвшихся каждое, быть может, прежде самостоятельным племенем, построенным на основе дуально-родового строя (Н. Н. Поппе производит термин «сихирит» от «икире» — близнецы). Что касается булагатов, то сам по себе главный этногонический миф бурят указывает на обилие первоначальных тотемов и, следовательно, родов, образующивавших в совокупности мелкие племенные группы, и на резкие различия последних.

Наиболее интересно то обстоятельство, что если сложение бурят-монгольской народности шло под сильнейшим влиянием общего экономического развития в сторону преобладания скотоводства кочевого типа, как это отмечает также Б. Б. Барадийн и другие авторы, то именно ядро народности все же сохранило сильнейшие переживания охотничье-звероловного быта в быту, религии и преданиях, сближающие их с таежными охотниками от алтае-саянских турок до исконных таежников-эвенков (поразительно, в частности, совпадение сюжета мифа о налеме — отце Экирита — с эвенкийскими легендами, «бухэка» эпохи Зэгэтэ-Аба — с юртами лесных звероловов, и т. д.).

Не исключена в связи с этим возможность усиления роли охоты вследствие перехода от преимущественного занятия земледелием в сочетании со скотоводством к табунному скотоводству. Обращает на себя внимание выдающаяся роль охоты и в быту коренных монголов эпохи Чингиса, хозяйственное значение облав и проч. Вполне могло быть, что соседство лесных звероловов, говоривших по-монгольски, и оседлых земледельцев-турок в таких условиях имело следствием возвышение именно первых и превращение их в ядро возникающей новой этнической группы, будущей народности. С таким предположением согласуются и выводы Б. Б. Барадийна о хозяйственном развитии ядра бурятской народности, начавшегося с охотничьего хозяйства в сочетании со скотоводством.¹

Относительно родины и происхождения древнейшего собственно-монгольского ядра бурятской народности существуют, к сожалению, противоречивые мнения. Ряд исследователей, опираясь на упоминания шаманами Алтая и тому подобные факты, на близость их языка и быта к племенам Алтая, находит вероятным алтайское происхождение бурят.

Б. Б. Барадийн изложил в своей оригинальной работе «Бурято-монголы, краткий исторический очерк» гипотезу, предполагающую, наоборот, родину коренных бурят-монгольских родов в северо-западной части Забайкалья, где они составляли особую «ветвь монгольской национальности», лишь номинально входившую в состав государства Чингис-Хана вследствие своей первобытности и недоступности местобитания. «Основ-

¹ Б. Б. Барадийн, Бурято-монголы, краткий исторический очерк, «Бурятведение» № 3—4, 1927, стр. 46.

ными поколениями, из которых слагалась нынешняя бурят-монгольская народность, являются, — по его словам, — булагаты, икириты и родственное им племя хори. Эти племена, за исключением икиритов, в древности входили в состав племенного образования баргу, в отличие от коренных монголов, и назывались в старину, кроме своих родовых названий, баргутами. Из них только булагаты могут быть этнически «чистыми» бурятами, и самое слово булагат есть древний китаизированный вариант слова баргут». ¹

Судьбы эхирит-булагатов XVII в. — монголов по языку, проблема их этнической принадлежности и происхождения должны, конечно, рассматриваться в единой связи с судьбами монголов, как таковых (западных в особенности), настолько неясными, к сожалению, для эпохи более ранней, чем время возвышения Чингиса, что, по мнению Б. Я. Владимирцова, нельзя доказать их этнографического существования в то время. Тот же авторитетный исследователь писал относительно самого языка монголов: «уже теперь можно поставить вопрос: не является ли монгольский язык языком мешаным». ² Тем более неясны судьбы эхирит-булагатов, как таковых.

Во всяком случае, ясно одно: эхирит-булагаты, носители собственно-монгольской культуры, швеллировавшей различия в культуре всего комплекса лесных племен Прибайкалья, ставшие ядром позднейшей бурятской народности, принадлежали, как сказано выше, к числу древнейших собственно монгольских племен и известны как монголы, если не во времена Байыркунов, то при возникновении государства Чингиса, притом на своих коренных местах в Баргуджин-Тукуме, Прибайкалье, когда уже и следует предполагать наличие возникающей бурятской народности — племенного союза. ³ Здесь они были соседями турецких племен. Здесь в результате этого соседства и возникает бурят-монгольский народ.

Значительно более поздними наслоениями являются уже те монгольские элементы, которые внедрялись в среду коренных обитателей Прибайкалья во время происходивших на Западе и на Востоке бурных политических событий. Это были появившиеся среди лесных племен пришельцы в виде отдельных групп и облом-

¹ Б. Б. Барадийн, Бурято-монголы, краткий исторический очерк, «Бурятияведение» № 3—4, 1927, стр. 45.

² Б. Я. Владимирцов, Турецкие элементы в монгольском языке, «Записки ВОРАО», XX, вып. II и III, стр. 181.

³ Общеизвестно указание Рашид-Эддина о племенах булагачин и керемучин: они обитали в пределах Баргуджин-Тукума «и на краю страны кыргызов: близко одни к другим. В этом государстве никто из них неизвестен, а также нет ведомых и славных мужей из этих племен». Соседи их были тоже «подобны монголам», распались на «множество племен» и заселяли «Баргуджин-Тугум» (см. «Сборник летописей, История монголов, Введение: о турецких и монгольских племенах», «Труды ВОРАО», ч. V, стр. 88—90, 85—88).

ков различных родов из числа ойратских племен, связи с которыми были уже предметом изучения историков и лингвистов, а также и наиболее новые внедрения с Востока, из Халхи, в XVII столетии, когда в Прибайкалье шли новые «мунгальские выходы» и постоянно появлялись коренные монголы на Ангаре и Лене.

Заканчивая наш обзор, следует вспомнить, однако, что М. Н. Забанов после попытки сведения в общую картину всех фактов, касающихся истории сложения бурят, эхирит-булагатов, в народность, писал: «Оторвались ли они от западных монголов-ойратов и переселились в пределы Прибайкалья, или же они являются древнейшими обитателями Прибайкалья. Когда и как переселение происходило. Все это скрыто во мраке прошедших времен».¹

К сожалению, и теперь положение остается прежним и до сих пор в науке нет фактических данных, достаточных для решения этой проблемы. Чтобы увереннее разбираться в именах и фактах, в былых событиях и найти верную дорогу «в мраке прошедших времен», необходимо, следуя примеру М. Н. Забанова и М. Н. Хангалова, заняться восстановлением по всей совокупности источников общих исторических условий и хода развития той социальной среды, в которой разворачивалось становление бурятской народности. Взятые в целом, они позволяют увидеть и раскрыть в столь сложном этногоническом процессе существенные стороны и закономерности, объясняющие нам многое в позднейшей истории бурят, в их отношениях с соседями в особенности.

В свете изложенных данных о развитии бурятского хозяйства и культуры и в связи со всеми высказанными предположениями о прошлом предков бурят-монголов до момента русского завоевания для нас должны также стать значительно яснее и контуры социальных связей и политический строй Бурятии в XVII в., представляющие, таким образом, продукт длительного исторического развития в сложной исторической обстановке, кратко охарактеризованной выше, и определявшие, в ходе тех же восстаний XVII в., формы и характер борьбы, являющейся предметом нашего исследования.

Пока же следует сказать, что в широком историко-географическом плане развитие бурятской народности и ее культуры представляется нам как своеобразная история «лесных племен» эпохи монгольской феодальной государственности и несколько более раннего времени, не утрачивавших самостоятельности и составлявших особую группу разнородного этнического состава, окруженную еще более, чем она сама, отсталыми племенами, с которыми ее связывали не только экономические, но и чисто этнические связи. Эта своеобразная и чрезвычайно слож-

¹ М. Н. Забанов, Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов, Верхнеудинск, 1929, стр. 40.

ная обстановка в значительной мере определила темпы и ход общественного развития бурят-монголов, их культуру и быт в эпоху перед русским завоеванием. Такие выводы намечаются по данным археологии, фольклора, письменных источников и, наконец, как мы видели, по данным материалистической лингвистики.

Оставляя в стороне все еще спорные попытки выяснения конкретного состава, этнической принадлежности и времени происхождения тех или иных групп древних бурят, по-разному определявшегося по письменным памятникам и фольклору и в связи с крупными историческими событиями в Центральной Азии, мы можем лишь, учитывая все сказанное, остановиться на наиболее вероятном предположении об автохтонности основных компонентов позднейшего бурятского народа в Прибайкалье (понимаемом, как и Баргуджин-Тукум эпохи Чингис-хана, в широком смысле — со включением в него Приангарья и низовьев Селенги).

В процессе смены хозяйственных форм и быта, содействовавшем ускоренному по сравнению с обитателями тайги развитию их общества, коренные жители степных равнин и лесостепей Прибайкалья, находившиеся в постоянной культурной связи со степными племенами Центральной Азии, воспринимавшие некоторые элементы их культуры, конечно, испытывали значительные перемены, а в момент образования империи Чингиса они стояли уже сравнительно очень высоко, хотя и были с точки зрения монголов Халхи лишь грубыми лесными народами, дикарями — «баргутами», «ойн-урянками» и т. п.

Оседлые земледельцы-скотоводы «курумчинского облика», с одной стороны, с другой — таежные охотники, звероловы и скотоводы, они были уже связаны друг с другом весьма крепко и переживали сообща усиленный процесс изменения быта, хозяйства и общественного строя, о котором и дают нам общее представление археологические памятники.

Это были очень пестрые еще этнические группы, переходившие к преимущественному занятию скотоводством и находившиеся на пути к образованию, в силу общности быта, нескольких языковых племенных групп под общим мощным влиянием монгольского языка и культуры, нивелировавших хозяйственно-культурные и языковые различия — наследие былой изолированности отдельных родов и племен. К XVII в. сложение племенных языков, — четырех наречий бурятского языка, в основном уже закончилось, а этногонический процесс получил свое завершение в виде создавшихся основных племенных групп бурятского населения, ибо была давно уже достигнута общность хозяйственных и социальных условий внутри будущей бурятской народности, определившая этот путь.

Буряты с их монгольским ядром в то время оказались наиболее передовыми по культуре и экономике обитателями всего Прибай-

каля, чем и обусловлено было господствующее положение бурятской народности среди прочих местных, более отсталых, — этнических групп.

Этногонический процесс, изменение состава этнических групп не остановились здесь, они шли и дальше, по линии скрещения дробившихся родовых массивов, выходявших все более и более из прежней изоляции, в связи с перемещениями и смещениями родов, ассимиляцией ранее «чуждых» групп на базе перехода их к скотоводческому быту и хозяйству, а следовательно и некоторой дальнейшей унификацией культуры, языка и бытового уклада. Тем самым была обеспечена не только военная, но и свдего рода мирная «экспансия» бурят и бурят-монгольской культуры среди соседних племен и народов.

4. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ БУРЯТИИ В XVII В.

В начале XVII в. русские казаки еще не успели пробраться на Уду, но уже торопились собирать разведочные данные для организации похода к удинским бурятам. Первым сообщением был рассказ о князе Омонгуе, который «своими людьми и с своими улусы» жил на устье реки Уды. «А тот князец Омонгуи над всеми брацкими людьми большой», сообщали казаки. Ясак с него взял Бекетов несколько позже: «а ясак с него, князца Омонгуя, и с его людей, которые живут с ним на усть-Уды реки, и с его улусов государю взял в Енисейском сотник стрелецкой Петр Бекетов с служилыми людьми». ¹

Большой князец Омонгуи с улусами и с улусными людьми не одинок. В сороковых годах XVII в. русские встретились с воинственным Чепчугуем. После трагической смерти Чепчугуя на реке Анге его племянник Куржум рассказывал, что «Чупчугуи де владелец был обем улусом брацким (зачеркнуто слово «всем») людем ихирожям». ² Характерно, что сначала автор черновой отписки принял было Чепчугуя за владельца всех братских людей, но затем оговорился, что под властью Чепчугуя находился род ихиритов, оба улуса этого рода, находившиеся на реке Анге и на реке Манзурке. Эти два владельца заметно возвышались по своему удельному весу среди прочих бурятских князцов в Прибайкалье. Остальные выдавались значительно слабее и имели, очевидно, меньше данников и улусных людей; таковы многочисленные булагатские, ашебагатские и т. д. «князцы», власть и влияние которых не выходили за пределы их улусов.

По рассказам русских казаков, князцы и лучшие люди по преимуществу были конниками и «куяшными мужиками», отличались от остальной массы населения даже внешним видом. Бурятские князцы и их дружинники, «лучшие люди», имели шеломы, кюяки, луки и сайдаки. «Братские люди конные, бывают на боях в кюяках и в наручах и в шишаках, а мы, государь, холопи твои, людиска неодежные — пансырей у нас нет, из своих худых пищаленок их братских кюяков не пробиваем, а у ково есть у нас нарочитые пи-

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 12, л. 478.

² ИАИ АН СССР, Якутские столбцы, д. 1641, л. 27.

щали — те их и побивают, а из худых ничево им не учинить», жаловались начальству завоеватели Лены — якутские казаки.¹ О том, что такое вооружение принадлежало не всем бурятам, не рядовым улусникам, а князьям и их родичам, свидетельствуют даже официальные перечни казачьих служб во время походов на улусы, где описываются подвиги служилых и убитые или раненые бурятские воины. В росписях обычно сообщается: «такой-то бился и убил такого-то», но иногда попадаются и такие, например, фразы: «Ивашка Афанасьев бился, убил Конготурского роду лутчего мужика, князца Мугулчокова брата, наездника-богатырка,² и с убитого мужика куюк, шелом и сайдак взяли». После смерти рядовых людей обычно оставались только конь, лук да стрелы, в лучшем случае сабля.³

Прекрасно вооруженные князья и их приближенные имели чисто княжескую идеологию, основанную на сознании собственного превосходства над черным народом. Это была по существу во многом уже идеология типичных рыцарей — «богатырей», выросшая в среде аристократии.

Этику аристократов хорошо выразил князец ленских ихиритов Чепчугуй, когда, в ответ на предложение сдаться на царское имя и стать «царским холопом» стал говорить тунгусу с бранью: «али де вы не знаете Чупчюгуя, каков де Чюпчугуй своею головою. Жив, де, я вам, казаки в руки не дамся». И действительно, «Чюпчугуй сторел, а не сдался», писали казаки.⁴

К князьям примыкал «род их», т. е. братья, дяди и племянники, причем братья князцов не являлись князцами. Это были «лучшие люди». Ниже стояли улусные люди, отождествлявшиеся самими князцами с ясачными. Во время перти князец Ойланко, или Иланко, в сороковых годах объявил за собою «в улусах своих ясашных людей 134 человека, да улусной лутчей мужик Корчунские земли Кокте объявил тебе, государю, в улусах своих ясашных людей 60 чел.»⁵

Улусный мужик, следовательно, находился в зависимости не только у своих князей, но и у лучших людей.

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 30, № 52.

² Характерные сведения содержатся в отписках, излагающих историю известного похода казаков на Лену и разгрома ими улуса князца Чепчугуя. Когда под давлением бурят казаки кинулись отступать к Лене с ангинских степей, где располагались бурятские улусы, их в крепких местах у леса окружили бурятские воины. Последние собрались на бой «в куюках и шапках железных», среди них, кроме князцов Жаяки и Куржума, находился также князец Доргей, о котором казаки писали «князца Дорогея-боготырка ранили». «Богатырями», батырями, чаще всего и были, видимо, родичи князей или сами князцы (ИАИ АН СССР, Якутские дела, кор. 188, столб. № 8, слав. 44—48).

³ Дополнения к актам историческим, т. III, № 4.

⁴ Там же, II, № 9.

⁵ Корчунские «татары» были ништымами, данниками ашабагатского князца Иланки, как мы увидим ниже.

Еще ниже стояли киштымы и рабы — «холопы». ¹

В Удинский острог, например, пришел посланником «татарин» Курумдейка с другим татаринком же Чибилдейком и объявил про себя, что послан он «бить челом от брацково князца Ойланка и от братьев ево и племянников и от улусных людей и от киштымов». ² Вся социальная пирамида бурятского общества, за исключением рабов, которые не имели голоса, показана этой формулой в своем действительном виде. Эта же традиционная формула в несколько иных сочетаниях и вариантах повторяется значительным количеством документов первой половины XVII в. Даже их иркутский князец Булуй, которого в качестве «изменника» официально «князцом» в обращении к нему не называют, все же остается князцом де-факто. Воеводское обращение (выговорные статьи) к Булую упоминает рядом с именем «Братского мужика Булуя» его род и его улусных людей по отдельности, четко различая «род» князца от «улусных людей». ³ Социальная неоднородность бурятского народа в XVII в., следовательно, не подлежит сомнению, но взаимные отношения между отдельными перечисленными выше группами бурятского населения, а также между бурятами в целом и их соседями (киштымами), могут быть восстановлены, к сожалению, неполно и лишь в их основных чертах.

РАБЫ

Еще в 1632 г. русские землепроходцы на Лене были неприятно поражены сходством склонностей бурятских князцов со своими собственными. Казаки явились на Лену объясничать царю новые неясачные земли и приобретать лично для себя холопов, захватывая население в качестве «погромного ясыря». А буряты «почали государское величество себе ни во что ставить и почали оне говорить: ясак де мы с себя ни в которую землю не даем, а сами со многих землиц ясак емлем; да и ныне де государю вашему ясаку не дадим и вас к себе в холопи разберем и из своей земли не выпустим». Казаки были, разумеется, не склонны стать холопами князца Бокоя и Борочая с их дружинниками, но у бурят эти намерения были настолько серьезными, что переговоры кончились побоем. ⁴

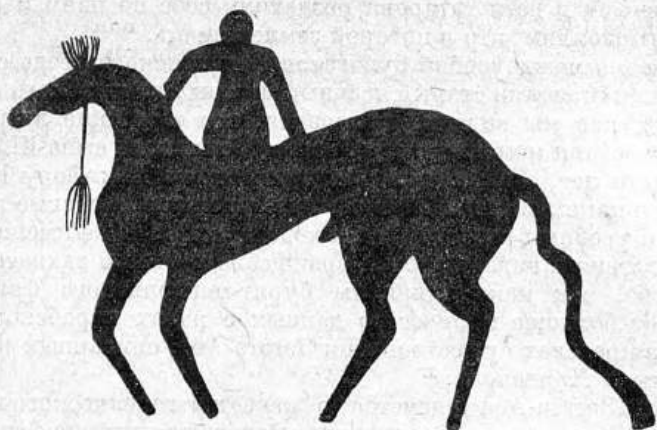
Рабами князей и лучших людей были не только чужеземцы и чужеплеменники, но и свои единокровные люди — буряты. В 1658 г. балаганский управитель Ф. Шириков отобрал у казака Овдокимки Микитина куяк и наручи, а затем продал их иноземцам и взял за куяк «девку брацкую». У знакомой нам по кафтыревскому делу 1694—1696 гг. Марфицы Нагаловой тоже была девка

¹ Ср. структуру древнего монгольского рода (Владимирцов, *Общественный строй монголов*, стр. 70).

² ДАИ, II, № 28.

³ Там же, № 4.

⁴ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 49, л. 125 и др.

22. Наскальное изображение всадника на коне с пышным убором, «Шишкинская шаманка».

одной с ней национальности — бурятской «породы». Значительная часть рабов, находившихся в распоряжении русских в середине XVII в., по всей вероятности, получалась уже путем купли-продажи, а не разгромом неясчных людей. О способах добычи рабов и источнике живого товара для работорговческих операций старой Сибири, в частности в Енисейском уезде в пятидесятых годах XVII в., свидетельствуют документы, передающие историю кровавых междоусобий бурят отдельных улусов, вызванных соперничеством служилых людей Красноярского, Верхотенского и Иркутского острогов.

Икинатский князец Баахай был кровно заинтересован в драке между енисейцами и красноярцами. Он пользовался соперничеством их для достижения собственной выгоды, в первую очередь для грабежа скота и приобретения живого рабского товара. Каждая военная экспедиция Баахая на Уду заканчивалась уводом красноярских ясачных людей в рабство.

В свою очередь, красноярские ясачные люди тоже пользовались своими набегами на булагатов по Оке, Ие, а может быть и по Унге, для захвата рабов «братской породы». В 1652 г. против князца Долона состоялась карательная экспедиция из Красноярского острога во главе с племянником тогдашнего красноярского воеводы Андрея Бунакова, К. Бунаковым. С отрядом К. Бунакова «на непослушников братского Долона князца» и его «племянников на Узуна да на Чипачея и на их улусных людей» отправлены были и красноярские ясачные люди качинцы, аринцы, тубинцы и др., а также «братские корчюнской земли татаровя». В результате этого похода царские непослушники оказались побитыми и улусы их разоренными, а «жены их и дети в полон взяты

и тех жен их и дети татаровя розделили себе по паям и розвели по розным землям, кто в которой земле живет». ¹

Во время междоусобий булагатов Балаганского уезда с верхоленскими ихиритами старый ясачный мужик Балаганского острогу Моманко, как мы видели, жаловался, что «братские люди кережа» ² повоевали моманков улус, взяли Моманкова сына Шипкайка пятнадцати лет, а затем продали приказному Никифору Качину.

Нет никаких сомнений и в том, что прежние кровавые родовые распри и усобицы задолго до прихода русских тоже имели подобные следствия в виде разгрома враждебного рода и захвата людей в рабство, так как материалы бурят-монгольского фольклора сообщают большое количество данных о рабах и рабском труде даже и в пределах существования Зэгэтэ-Аба, описанных в трудах Клеменца и Хангалова. ³

Эпоха Зэгэтэ-Аба рисуется в качестве героического периода бурятской народности, к ее времени относится деятельность героев народного эпоса, еще не ханов и не нойонов, а шаманов и предков рода и силачей-предводителей вроде знаменитых на Лене балтайских богатырей близнецов Хашха и Дарьё, а также Хамнагада и его противника Зунгара-Уха-Шара и т. д.

В эту полулегендарную эпоху рабство было уже хорошо известно. Согласно старинным преданиям и призываниям шаманов, воинственные шаманы, начальники периодических Зэгэтэ-Аба, нередко превращали охоту в военный набег на враждебные племена. Имущество и захваченных людей участники походов делили между собой. Пленники становились рабами. «Низший класс Зэгэтэ-облашников, рабы (барлаг), не имели никакого голоса в общем предприятии; они представляли собой рабочую силу, которою другие распоряжались бесконтрольно». ⁴ Рабы пасли скот под присмотром общинников на открытых полянах, они пешком таскали на себе убитых зверей на стоянки, снимали с них шкуры, разрезали на части туши и сортировали мясо. Рабы ставили балаганы для своих хозяев на месте облавы, добывали огонь и выполняли все хозяйственные дела по указаниям шаманов, заведывавших хозяйственной частью общинной охоты. Рабы получали худшее мясо, они имели самые убогие жилища. Рабы принадлежали отдельным семьям Зэгэтэ-облашников, причем муж и жена имели равное право держать собственных рабов и рабынь. Главный шаман, «галши», имел особенную свиту-дружину, «но не из свободных людей, а из рабов... Другие важные шаманы тоже имели рабов, но в ограниченном количестве». После смерти главного шамана рабы приносились в жертву: убивали всех рабов, сопровождавших шамана к погребальному костру, на котором их и

¹ ДАИ, III, № 141.

² Списки Иркутской архивы, № 49.

³ См. выше литературу о Зэгэтэ-Аба.

⁴ См. Клеменц и Хангалов, Общинные охоты у северных бурят, стр. 113, 133, 135.

сжигали. «Других важных шаманов-начальников хоронили с меньшей торжественностью и убивали менее рабов и рабынь для услужения усопшему в загробной жизни». ¹

Согласно преданиям, рабы были жертвой не только во время шаманских похорон, но и в других случаях, например, при религиозном обряде Хун-долё, когда в качестве выкупа за одного свободного человека черному зайну, злему могущественному духу, приносили жертву рабом.

Записанное М. Н. Хангаловым древнее предание рассказывает: «Были два брата. Один Томо, богатый, который имел двух дочерей, а другой брат, бедный, — Тэрму, имевший двух сыновей и двух дочерей. Однажды богач Томо, в это время живший на местности Мадаган (ныне в Бильширском инородческом ведомстве), сильно заболел. Вследствие этого он обратился к черному шаману, который сказал, что нужно делать жертвоприношение человеком, т. е. долё. Томо совершил (поэтому) религиозный обряд, так называемый Хун-долё.

У Томо жила одна девица служанка, которую звали Боржихон; выбор черного шамана пал на эту девицу Боржихон, которую и принесли в жертву по обряду Хун-долё как обыкновенно приносят теперь животных, но только с некоторыми особенностями».

Второе, совершенно аналогичное предание относится к легендарному богачу Донэ, или Доно. Он имел, согласно преданиям, одного сына, который сильно заболел. «Тогда по совету черного шамана совершили религиозный обряд Хун-долё, для которого взяли мужчину, выбрав одного работника из 25. Этого избранного работника и принесли в жертву, как животное. При совершении религиозного обряда Хун-долё шаман шаманил следующим образом:

Арбан табан хобунхэн
Ахоки барябаб
Хорин табан хобунхэн
Хошурхан барябаб
Мэни хэми тала
Хэмдэ хурэ
Мэни хэлгэн тала
Хэлгэдэ хурэ.

*Из пятнадцати работников
Старшего поймал.
Из 25 работников
Опередившего поймал.
Для моей мерки
В мерку иди.
Для моей смерти
К смерти иди.*

По словам этого предания, сын богача Доно после обряда выздоровел, и следовательно, черный зайн принял принесенную ему черным шаманом жертву, взял душу работника вместо души донового сына, мясо же работника было съедено черными зайнами как пища, кровь выпита вместо питья». ²

Эти легенды, подчеркивающие наличие богачей, — Донэ-Баянов, рабовладельцев, имеющих до 25 работников и служанок, раскрывают, какие именно «отдельные семьи» у бурят владели

¹ Там же, стр. 146.

² М. Н. Хангалов, Духи-людоеды у бурят, «Этнографическое обозрение» № 1, 1896, стр. 133.

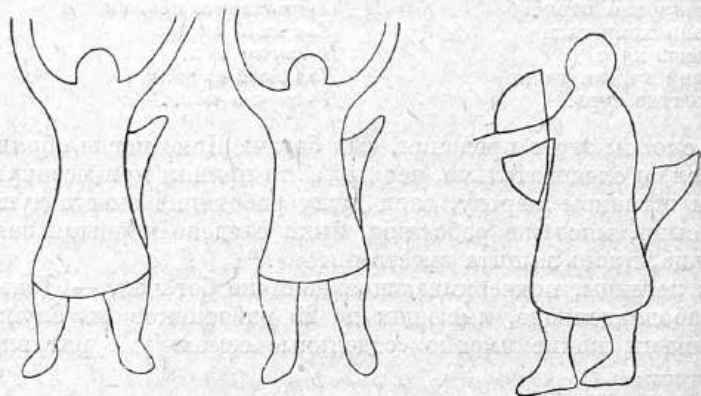
рабами. Сопоставление же шаманов и богачей в преданиях, ничего не знающих о князьях, дает право сближать «князцов» казачьих отписок и «богачей» бурятского фольклора как одних и тех же лиц, роль которых и общественное положение в значительной мере разъясняются в данном случае теми фактами, которые сообщаются преданиями бурят.¹

Все эти драгоценные бытовые черты освещают и характер рабства у древних бурят и несомненно также в значительной мере могут быть приурочены к XVI—XVII вв.

Организаторами кровавых походов на соседей и в XVII в. являлись князцы и шаманы, функции которых, вначале, совмещались в одном лице — патриарха, вождя и мага, как это видно из эпоса. Естественно, что руководители подобных экспедиций завладевали наибольшим количеством холопов, были крупнейшими для того времени рабовладельцами, хотя рабство еще не выходило за пределы внутрисемейного патриархального рабства. Надо полагать, что и в XVII в. рабы были нужны для ухода за скотом, для домашних услуг, точно так же, как и рабы в якутских богатырских преданиях, приставленные к дверям тойонского жилища для открывания последних, к скотному двору, или к вертелу, чтобы поворачивать жаркое, и т. д. Бурятское земледелие тоже, вполне естественно, должно было в той или иной мере использовать труд рабов.

Возможно, что рабы-чужеродцы участвовали в войнах, как «преторианцы» своего хозяина — «князя». Принадлежа ему, рабы составляли внутри народа внутреннюю и вместе с тем внешнюю для рода силу, вооруженная мощь которой могла в любую минуту направиться против любого сородича «князя» или шамана, даже

¹ Может быть, Хунши-ноены, светские вожди, о которых упоминает эпос (К л е м е н ц и Х а н г а л о в, Общественные охоты..., стр. 151 и др.), и были этими «князцами» XVII в.

23. Военная сцена. Наскальное изображение на правом берегу р. Лень, ниже Верхоленска.

против общины в целом, если для того представлялись повод и необходимость. Большое количество рабов неизбежно усиливало вес и влияние их владельца как с экономической стороны (укрупнение стад), так и с политической, как вооруженная сила, будучи средством внеэкономического принуждения по отношению к свободным людям внутри и вне рода при международных войнах.

Рабство патриархального типа не было нововведением в бурятском обществе XVII в. и явлением характерным только для бурят в Прибайкалье той поры. Оно одновременно существовало и в более архаическом по укладу обществе оленеводов-эвенков, где рабство, судя по археологическим данным, уходит, быть может, к временам раннего «бронзового века». Оно существовало, как мы видели, в героический период — Зэгэгэ-Аба — у предков бурят. Существенно новой, по нашему мнению, является общая роль рабства у бурят в сочетании со всеми чертами их быта и общественного строя. Не занимая очень большого места в общественном быту, оно содействовало вытеснению новых и более развитых форм эксплуатации, хотя как первая и древнейшая форма эксплуатации сохранялось в качестве уклада и в позднейшее время у бурят XVII в., когда несравненно большее значение, чем рабство, имела эксплуатация так называемых киштымов.

К и ш т ы м ы

Слово «киштым», по мнению Н. Н. Козьмина, следует производить от термина «кистергэ», что значит у минусинских племен «притеснять», «прижимать».¹

Киштымами бурят были турки-качинцы, арины, асаны, коты и другие «палеоазиатские племена» Енисея, тунгусские родовые группы налягов, шемагиров и проч., которые в тридцатых годах XVII в. первыми завоевателями в ясачных книгах назывались «ордынцами», т. е. подданными бурятской орды».²

Зависимость киштымов от бурят имела очень разнообразные формы и выражалась в сложной совокупности отношений от прямого рабства до спорадического грабежа при набегах. Вряд ли будет неточным определение отношений киштымов к бурятам как

¹ М. Н. Богданов, Очерки, стр. 8, 9.

² Тунгусы были киштымами и у якутов, таких же скотоводов, как и буряты. Помимо общих сведений о киштымах у якутов, заключающихся в отписках времени Ив. Галкина, отчетливые указания на положение тунгусов в качестве киштымов якутских тойонов заключаются и в фольклоре. М. И. Губельман (Е. Ярославский) записал со слов вилюйского якута Т. Данилова следующее: «тунгусы хитрый народ; тунгусы помогали русским. Тыгын их всех покори́л якутам. При Тыгыне тунгусы были все равно как работники у якутов. Вот однажды два тунгуса стали подсматривать за Тыгynom, подсланные русскими чиновниками. Тогда Тыгын узнал про это и схватил одного из них, вошел с ним на вершину Иллюн-Хая и бросил его в Лену. В самую средину реки упал тунгус, а другой успел убежать». (М. И. Губельман, Из путевых заметок, введенных на реке Олекме летом 1916 г., «Известия РГО», т. VIII, вып. 4, 1926, стр. 172).

содержащих в себе зачатки различных форм эксплуатации и разных видов зависимости, еще не получивших четкого оформления, часто случайных и обусловленных в каждом случае локальными особенностями.

Характер эксплуатации определялся здесь внутренним строем бурят и укладом самих эксплуатируемых племен; свои особенности были в приемах эксплуатации бурятами тунгусских племен, иначе эксплуатировались земледельцы и скотоводы долины Енисея, хотя главной целью бурят и в том и в другом случае был захват пушнины: соболей, бобров и белок. О захвате именно мягкой рухляди во время бурятских набегов на Кан, об извлечении соболей из тунгусской земли подробно рассказывают отписки казаков, сталкивавшихся в начале XVII в. с бурятами, как соперниками в борьбе за ясак с киштымов. Вполне вероятно, однако, возможность присвоения бурятами не только мехов. Заинтересованные только соболями для государевой казны, казаки просто могли не обратить внимания на другие объекты дани, собиравшейся бурятами с киштымов.

Социально-экономический строй минусинских турок и «палеоазиатов», живших семейно-родовыми общинами, патриархально-родовой быт тунгусов и прочих групп, не дошедших до образования мощных племенных объединений, обуславливали их политическую раздробленность и слабость вооруженных сил. Как минусинцы и жители долины Енисея, так и лесные обитатели Приангарья одинаково становились жертвами набегов и погромов более сплоченных, хорошо организованных и лучше вооруженных соседей — тубинцев, киргизов и бурят. От нашествий воинственных конников плохо защищали земляные валы и стены городищ, не спасало и традиционное бегство в черные леса, в гольцы, болота и «ржавцы». 3 000 бурят, о которых шли слухи в 1623—1624 гг., представляли бы уже непреодолимую силу для киштымов, да и вряд ли собиралась вообще такая армия на киштымов. Даже против русских выступали позже отряды только из нескольких сот всадников, а для покорения киштымов, наверное, хватало и менее сильных отрядов.

Кроме того, сама по себе возможность выступления в поход одновременно сотен вооруженных людей и кавалерийские рейды с Байкала на Оку, с Унги на Уду и на Кан указывают на огромное значение, которое приобретало скотоводство, и притом бурятское скотоводство табунного типа, с преимущественным разведением лошадей.

Роль скотоводческого хозяйственного уклада в отношениях бурят с соседями, разумеется, не ограничивалась только стратегическими чисто военными преимуществами и удобством производства набегов. Она была и предпосылкой этих набегов. Взаимоотношения с киштымами покоились на потребности обмена, естественно выраставшего из всех новых потребностей бурятского быта, ибо соболя нужны были бурятам для торгов с китайско-монгольскими, а может быть и бухарскими купцами. По отношению к киш-

тымам набеги и войны были для бурят как бы продолжением их экономической политики иными средствами, они были иной формой тех же связей, которые, с другой стороны, проявлялись в мирном обмене.

Обмен часто выражался в ростовщического типа операциях, хотя вообще постоянно граничил и с грабежом.

Все эти формы были связаны друг с другом большим количеством переходов и не могут быть резко отграничены друг от друга. При этом, хотя сами буряты еще не порвали связи с земледелием, но они уже выступали в этом начальном общественном разделении труда как представители кочевой части общества по отношению к второй — оседлой или бродячей охотничьей, в чем и заключается специфика их отношений с киштымами Ангаро-Енисейского края.

Документальные данные о наличии двухстороннего обмена между киштымами и бурятами со всей ясностью показывают, что и в данном случае «захват обусловлен объектом захвата», что отношения киштымов к бурятам имели тоже крепкие корни в экономике и самих киштымов, потому что и киштымы тоже желали торговать. Именно торговые взаимоотношения открывали бурятам в ряде случаев пути на чужую территорию, связывали их с соседями экономическими узами, перерастали в ростовщические операции, причем, конечно, перешлетались и с актами насилия.

Расстояние играло немалую роль в степени этой эксплуатации киштымов и в ее конкретных формах. Посещения бурятами Кана и джесаров имели эпизодический характер. Дань там была нерегулярной, брали ее часто с боя, — брали сколько могли взять за один раз.

Более близкие племена входили в число постоянных данников с более или менее определенной нормой «албана» — дани. «В старину, — рассказывали проф. Катанову обитающие в Саянских горах «каракасы» или тофалары, — бурятский народ подчинил себе каракасов и сделал их своими подданными; заставил платить подати. Подать ему платили четыре племени (кости): Кара Чогду, Чогду, Каш и Сарыг Каш». ¹ В связи со степенью территориальной близости к «большим братским людям» зависимость киштымов здесь усиливалась еще больше и переходила в форму постоянного подчинения целого рода, часто целого племени. Иногда очутившись между двух огней, притесняемые со всех сторон, мелкие племена и роды при этом поддавались сильнейшему, как бы «коммендировались». Так в XVII в., когда карагасский род Чептей ушел от народа Адай (монголов), он не стал давать дань бурятам, говоря: «мы не станем платить дань народу, не заслуживающему похвалы, а будем платить русскому народу». ²

Из числа таких поддавшихся бурятам киштымов в наибольшей зависимости от них, естественно, были ближайшие соседи бурятских улусов — тунгусы на Ангаре, Илеме и Лене, особенно «пе-

¹ М. Н. Богданов. Очерки, стр. 8.

² Там же.

шне». Их положение можно определить как положение целиком зависимых данников, эксплуатировавшихся самыми различными способами. Это явно не были рабы, они сохраняли собственное жалкое хозяйство, имели свои личные средства производства, но, по существу, их участь мало чем отличалась от рабской: буряты «сводили» их к себе по произволу и полностью распоряжались их судьбой.

Буряты почти не сопротивлялись казакам, когда те начали отбирать у них киштымов, и поэтому в отписках XVII в. сохранились лишь случайные указания на быт киштымов и отношения последних с бурятами.

Другое дело — енисейские киргизы и отчасти соседние с ними народы, одинаково с бурятами бравшие дань с различных племен Саяно-Алтайского края. Киргизы решительно противились изъятию киштымов, и поэтому документы о столкновениях русских с киргизами, а также с калмыками (чжунгарами) в борьбе из-за киштымов сохранили более четкие данные о характере эксплуатации. Ввиду некоторого родства социального строя и хозяйственного быта бурят и киргизов в то время, эти данные могут принести пользу и в деле реконструкции отношений бурят с их киштымами.

Самой грубой формой эксплуатации является военный набег, подобный тому, который учинили войска Алтын-Хана в 161 (1653) г. на Енисей. Они забирали конный и рогатый скот, а остальные «животы» туземцев люди Алтын-Хана грабили на лабазах и из земли выкапывали.¹

Алтын-хановы люди и «калмыцкие» князья, однако, брали в то же время и постоянную дань «всяким зверьем, и луками, и таганами и керками и всяким железом, и жен их и детей и ясачных людей своим насильством в улусы к себе емлют».²

Киргизы жили на Кондоме и Мрассе «безпрестани», отнимали у своих киштымов насильно «животы, а у иного ясачного и жену и дочь отымет и отдаст за иного мужика сильно»,³ причем страх ясачных перед киргизским князем Талаем с его людьми был настолько силен, что они, по словам казаков, с «киргизскими людьми говорить не смеют». Некоторые киргизы оставались грабить киштымов и на зиму: в Кивинской волости прожила зиму «женка киргизская», отбирая у ясачных «всякой живот сильно». Как правило, киргизы появлялись по волостям у киштымов отрядами, с племянниками и детьми князков во главе. Являясь представителями князей, киргизские и калмыцкие ясачные сборщики брали ясак по особой норме, в «оклад». Уже теряя власть над районами местной железодобывающей промышленности,⁴ калмыки, например, об-

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, Списки Томской архивы, ч. II, № 8.

² Там же, ч. I, № 284.

³ Там же, № 209.

⁴ В. Н. К а ш и н, Железодобывающая промышленность Кузнецкого края в XVII—XVIII вв., «Проблемы истории докапиталистических обществ» № 9—10, 1934, стр. 98, 99.

ложили кузнецких ясачных алманом и потребовали с каждого по 30 полиц куячных, по 30 наконечников стрел, по 2 горшка железных, по 1 наковальне, по 2 молота и по клещам, угрожая за отказ в алмане перевешать ослушников.¹

Но и значительно раньше, в 1647 г., приезжал князец Инкей в Бугасары. Ему стали давать в ясак вместо бобра красную лису да кошлока, но он не взял их, а отобрал у этого ясачного трех коней и сайдак со стрелами. Остальные ясачные жаловались русским, что прежде брали киргизы ясак на трех князей, и выходило с киштыма по 3 бобра, а теперь киргизские князцы берут с души по 8 бобров, кроме соболей. Ясак с каждого ясачного распределялся между князьями так: князец Абакай брал по бобру, Табун и Бехтень тоже по бобру каждый, Обутай Тыкаев — уже по 2 бобра за то, что «отец его умер на Москве» (!). Ишатыев сын Айкан брал по бобру, «Отоурка по бобру, Яга по бобру, Номакайко по два соболя, Ябжи по соболю, Изерчевы дети по соболю с человека-ж». ² Ясак киргизов, следовательно, был уже систематическим почти «окладным сбором», хотя этот окладной сбор нормировался только своего рода княжеским рангом, а не платежеспособностью улусных людей. В связи с систематическими наездами киргизов за ясаком следует отметить в его ассортименте, кроме пушнины и железных изделий, также и хлеб, в котором нуждались кочевники. В 1675 г., в августе, «в которую пору жали ячмень», калмыки черные пришли из Кагуни к кергасалам за ясаком. ³ По последнему водяному пути, уже в заморозки, мимо Кергасальской волости поехали также белые калмыки Бачинова улуса в 11 лодках, направляясь в Кумандинские волости. Когда калмыки (алтайцы) плыли назад, «а те лодки у них (были) насыпаны полны ячмени, и им де, ясачным людям Кумандинские волости, утеснение большое учинили, что ячмень поотнимали без остатку». ⁴

Опираясь на этнографические наблюдения среди племен Минусинского края и Алтая, Н. Н. Козьмин сделал очень интересную попытку теоретической реконструкции осуществлявшихся купцами торгово-ростовщических операций среди таежных охотников и в дорусское время. «В этих условиях», пишет Н. Н. Козьмин, «и торговые отношения принимали кабальный характер. Охотник не может расплачиваться во всякое время. Его платежеспособность находится в зависимости от «урожая», удачно или неудачно сложившихся условий охоты». Основного капитала тоже мало и у самих купцов, а поэтому «торговля связывается с долговыми обязательствами, а боязнь риска вызывает и огромные про-

¹ Архив АН СССР, ф. 21, Списки Енисейской архивы, ч. V, № 236. Калмыки брали ясак и «всякими мелочьми»: ганзами, ковшами, ножами, «пятами конскими» и т. п.

² Там же, Списки Томской архивы, ч. I, № 235, л. 448.

³ Там же, ч. II, л. 199.

⁴ Там же.

центы. Обычное явление, что долг ежегодно удваивается, и платежи по нему превращаются в тот же «албан», который звероловам уплачивается только не князю, а купцу».¹

По имеющимся в нашем распоряжении документам XVII в. общая картина, набросанная Н. Н. Козьминым, подтверждается целиком. Так, например, в 1654 г. князец Сенге просил пропуска к аринам, так как ему оставались должны 9 аринов. Киргизы же постоянно добивались у русских властей допуска в русские ясачные волости, мотивируя эти требования вполне убедительно со своей точки зрения тем, что «в ясачные волости им не приходится не уметь, потому что у них ясачные люди многие, приходя в киргизы, емлют в долг лошади и платье и шубы и козлины, и за то им сулят платеж собольми и бобрами; и тех де им долгов сами не приносят, и они де для тех долгов в государевы ясачные волости ходят и долги свои выбирают, на ком что доведетца, собольми и бобрами; и тем де они (киргизы) платят государю с себя ясак и Алтыновым детям — черных калмыков тайшам, а сами де они за собольми и за бобрами зверовать не умеют и не природа им».²

Кроме голого внеэкономического принуждения и прямого вооруженного насилия над таяжскими жителями со стороны степных кочевников в распоряжении последних были и экономические средства для выкачивания из тайги как всего излишнего, так и части необходимого продукта, производимого лесными охотниками. И если от погрома кочевниками могли спасти черные леса да непроходимые болота, то чисто экономическая потребность таяжников в изделиях, доставлявшихся к ним теми же киргизами и чжунгарами, гнала киштымов навстречу их «господам». Общественное разделение труда приковывало киштымов к своим эксплуататорам, несмотря на всю ту ненависть, которую они, как нам известно, к ним нередко питали.

«Купец», с которым имели дело киштымы, обычно предстает перед нами в лице лучшего человека или князца степных кочевников. Перефразируя выражение Н. Н. Козьмина, можно было бы сказать: долговые платежи превращаются в тот же албан, который вносится не купцу, а «князю» киргизов. Купцы вроде среднеазиатских, с их караванами, вряд ли добивались до непосредственного добывателя пушнины, сидевшего в своих горных падах и ржавцах, до его берестяных юртишек, разбросанных кучками в необозримых таяжных пространствах, да и, вдобавок, непрерывно менявших свое местонахождение.

Роль скупщика и коробейника выполняли степняки — ближайшие соседи таяжных людей, хорошо знакомые с их бытом и потребностями. Собранная ими пушнина шла далее в руки купцов, по-

¹ Н. Н. Козьмин, Хакасы, Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края, Иркутск 1925 (ср. е г о ж е, К вопросу о турецко-монгольском феодализме, стр. 35).

² Списки Томской архивы, ч. I, № 133. «Сами, — говорили киргизы еще в 1629 г., — соболей не ловим, а емлем за долг соболи у киштымов».

сещавших степного владельца — «князца», и вытягивалась через них по караванным путям в оборот мировой торговли.

Такой купец не был чужим лицом для «степных феодалов», и поэтому вполне понятны заботы кочевников, например, того же Галдана Бушухту-Хана, о купцах, рассказы русских о свободе, пользуясь которой ходят купеческие караваны по степи между кочевыми ставками монгольских и чжунгарских феодалов.

Чрезвычайно существенно то обстоятельство, что отношения между киштымами и их владельцами не ограничивались только насиллями со стороны владельцев («кто что ухватил, тот тем и завладел»),¹ сбором регулярной дани, т. е. систематизированным и организованным грабежом, или даже ростовщическими методами закабаления, но очень важное место занимала, наряду с этим чисто отработочного типа, эксплуатация труда киштымов, когда киргизы сводили к себе в улусы киштымов, их детей и жен на определенный срок.

В ответ на требование русских властей возратить ясачных, уведенных в киргизские улусы, колмаки и киргизы отвечали, что они киштымов «взяли для того, что они нужны, а по то де время покамест они справятца, и они де на свои старые урочища отпустят».²

Во многом сходны были, повидимому, отношения и бурят к их киштымам, варьировавшие в своих формах от случайных набегов и вплоть до отработок, так как иначе незачем было бурятам «сводить» на свои кочевья киштымов, употреблявшихся, видимо, или для обработки земли и других земледельческих работ, или для пастьбы скота, причем, судя по сезонности отработок у киргизов и калмыков, вероятнее первое предположение.³

Для общей характеристики взаимоотношений бурят и их киштымов существенное значение имеет тот факт, что многие киштымы жили своими улусами непосредственно у самых бурятских улусов и жили там, повидимому, задолго до прихода русских, сохраняя иногда совершенно непонятным, на первый взгляд, образом прежний свой уклад и этнические особенности, несмотря на неизбежное влияние более высокой бурятской культуры. Объяснение этого факта можно видеть в характере самих форм эксплуатации бурятами киштымов. Эти формы представляются с их внешней стороны, якобы, как «отношения племен» и родов, хотя по существу и под «междуродовыми» отношениями бурят и их киштымов скрывается явная классовая противоположность эксплуататоров и эксплуатируемых, а политика бурятских князей направлена на осуществле-

¹ Там же, ч. I, л. 185.

² Там же, д. № 20; Списки Красноярской архивы, № 84 (курсив наш А. О.).

³ См., например: ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 53/54, л. 16, 24; архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 30, № 22, л. 53; д. 22, № 84, л. 256; № 56, л. 140, № 63. Скот пасти нужно было круглый год, пашни же требовали сезонного труда. Сезонный труд, для которого сводились киштымы, и был, вероятно, земледельческим трудом (жатва, вспашка полей).

ние и закрепление этой эксплуатации. Родовая оболочка была лишь формой, покрывавшей отношения эксплуатации между бурятской знатью и киштымами. Сохранение такой формы диктовалось князьям необходимостью мобилизации сил своего племени для личных целей, и князья всемерно поддерживали фикцию междуплеменных, а не классовых, отношений, когда речь шла о киштымах и бурятах.¹ Этому способствовала и живучесть родовых отношений в массах бурятской народности, и притом отношений, принимавших уродливые формы, превращавшихся в орудие в руках аристократии бурятских племен.

Особенного внимания с этой стороны заслуживает эпизод с приходом бурят к реке Кану в 1623—1624 гг., и появлением загадочного бурятского «знамени». Такие «знамена», возвещающие войну, хорошо известны в обществах с родовым строем или, как пережиток родового быта, и в более позднее время; для их характеристики достаточно нескольких примеров.

Колымские русские в одном своем предании отчетливо вскрывают роль такого «знамени», как призыва к войне. Они рассказывают про чукчей, будто те пригнали оленя, у которого «на рогах сколько разветвлений, столько стрел привязано. Про это сказали: Вот эти чукчи пришли. Вот теперь воевать станем, говоря, они столько стрел привязали».²

Владимир Атласов в своей словесной «сказке» 3 июня 1700 г. рассказывал об ясачном юкагире Еремке Тугуланове, стороннике русских казаков, что «послал он, Еремка, к ним, Володимеру с товарищи, родника своего со знаменем с наушками и велел ему про убийство сказать», задуманное родниками Е. Тугуланова.³ При учете наблюдений этнографов над образцами юкагирской пиктографической письменности не остается никакого сомнения в пиктографическом характере «знамени с наушками» посланного юкагиром Еремкой Тугулановым В. Атласову. Очевидно, термин «знамя» как в сказке Атласова, так и в нашем примере обозначает именно пиктографический условный знак: извещение о войне и тому подобных событиях. Это знамя могло иметь вид какого-нибудь реального предмета, например, стрелы с символическими изображениями и узорами. В этом виде описывается стрела-знамя, пересылавшаяся по юртам остяков на Сосве во время подготовки задуманного грандиозного восстания в 1609 г. На этой

¹ Так называемые *унаган-богол'ы* эпохи Чингиса юридически были подчинены, к стати, тоже целому роду или его ветви, они не теряли собственных родовых связей, а жили такою же родовой жизнью, родовым бытом, как и их владельцы. Они должны были помогать своим владельцам, кочевать с ними, если это требовалось, загонять дичь на облавных охотах и т. д. Б. Я. Владимирцов склоняется к определению *унаган-боголов*, как «крепостных вассалов» (Общественный строй монголов, стр. 64, 65).

² А. А. Попов, Материалы по родовому строю у долган, «Советская этнография» № 6, 1934.

³ «Колониальная политика царизма на Камчатке и в Чукотке в XVIII в.», Сборник архивных документов, 1935, стр. 26.

стреле были «нарезаны одиннадцать шайтанов», а «преж сего такие стрелы ходили промеж остяков для измены», как отмечено в документе того времени.¹

Аналогичные знамена-стрелы, заменявшие письменные документы в междуродовых и междуплеменных сношениях в условиях не только военных действий, но, может быть, и мирного времени, отмечаются и для значительно более развитых обществ, изживших родовой строй. По крайней мере, у древних турок Алтая, в средневековом Китае и у монголов известны подобные вестовые стрелы, как пережиток прошлого.

В освещении приведенных примеров бурятское знамя 1623 г.² расшифровывается несомненно по значению, как условный знак, вещественная пиктограмма, а по форме же, всего вероятнее, как стрела.³

Конкретное значение подобного знака, как призыва к совместной войне или вызова на войну, формального объявления войны одним родом другому по древним обычаям, выясняется из всей обстановки, в которой имело место появление бурятского знамени на Кане. Она не оставляет сомнений в его значении как вещественного пережитка родового быта в бурятских набегах и походах, означавшего в данной конкретной обстановке нечто вроде формулы: «Иду на вы».

Обращает на себя внимание также и наличие большого, во всяком случае, количества воинов в таких походах, хотя бы и не достигавшее величин порядка 2—3 тысяч. Речь идет о выступлении в поход группы родов, крупной племенной группы во всяком случае. Это тоже явно пережиточное явление — общенародное ополчение, как преследующее пока еще по форме, якобы, цели междуплеменной борьбы, а не феодальных усобиц.⁴

Но одно внешнее сопоставление количества киштымов и числа этих воинов ведет нас, далее, и к уточнению общей постановки вопроса: «3000» бурят одновременно не могли пользоваться с большой выгодой для себя трудом и данью каких-то десятков и, самое большее, сотен киштымов. Организация подобных выступлений под маркой междуродовой борьбы была выгодна больше всего князьям, ибо у бурят, как и у киргизов, собирателями ясака оказы-

¹ См., например, «Акты времени правления царя Василия Шуйского» М., 1914, № 61.

² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, № 86.

³ Еще в XVIII в. Георги слышал у бурят, что «когда в прежние времена бывали у них военные наряды, то от одного небольшого стана обыкновенно пускали они до другого стрелу, как то делают и другие сибирские народы». Во времена путешественника существовали лишь пережитки данного обычая: «Оные повестки употребляются у них еще и ныне, но только в таком случае, когда надобно заготовлять по дороге лошадей. Кому надобны подводы, тот посылает вперед свою шпагу, которую они с великою поспешностью от одной перемены до другой везут и везде лошадей довольно заготавливают» (см. Георги, Описание народов..., ч. IV, стр. 34).

⁴ Миллер, Сибирская история, «Ежемесячные сочинения», 1764, стр. 227; Фишер, Сибирская история, стр. 281 (о событиях 1623—1624 гг.).

ваются княжеские племянники, дети и братья, одним словом лучшие люди, князцов род, белая кость. Не случайно также Радуковского в 1636 г., как мы видели, допрашивали, кого он взял аманатами, — детей княжеских или киштымов: князья имели возможность заменить своих детей киштымами. Киштымы находились явно в непосредственной от князей зависимости, а не от всего народа.

У л у с н ы е л ю д и

Роковым последствием той обстановки, которая сложилась в процессе описанных взаимоотношений между бурятами и окружающими племенами, было ускоренное разложение родовых отношений у бурят, ибо «господство над покоренными несовместимо с родовым строем». ¹ В отдельных бурятских племенах и во всем народе органы родового строя тоже выродились в результате завоеваний, обмена и т. п.; вместо сознания равенства, основанного на кровной связи сородичей, появилась иная психология, выросли различия между белой и черной костью. Это ясно. Но как это происходило?

Проблема внутренних взаимоотношений между улусными людьми и их князьями остается, к сожалению, все еще мало выясненной. Особенно же далеки от конкретного анализа бурятской действительности XVI—XVII вв. и присущих ей тогда форм эксплуатации, как это ни странно, именно некоторые «сторонники феодализма» для той поры.

Взаимоотношения между бурятами — улусными людьми — и бурятскими князьями в самом главном, в экономике, до сих пор остаются не освещенными документальным материалом, предположения о крепостнической эксплуатации князьями улусных людей пока еще не были подтверждены фактами. В силу этого вопрос о существовании родовых или феодальных отношений неизбежно решался в зависимости от личных склонностей исследователя при помощи более или менее условных аналогий. Так решает его в сторону феодализма для ранней поры, для времени, предшествующего русскому завоеванию, и Н. Н. Козьмин. С другой стороны, материалы преимущественно из области бурятского фольклора, на которые опирались сторонники родового строя в Бурятии и полного отсутствия в ней крепостнической эксплуатации по отношению к собственно бурят-монголам, в свою очередь, во многом условны и недоказательны в качестве исторических данных для поздних времен (например, сведения о Эгэгэ-Аба у Клеменца и Хангалова).

Бурятская эпическая традиция сохранила нам немало образцов демократического по направленности народного творчества аларских и других легендистов, нередко открыто враждебного общественной верхушке народности и русскому государственному

¹ Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, 1934, стр. 133.

аппарату, но она сообщает лишь по данному вопросу, что буряты разделяются на разные роды под названием яган, т. е. кость. «Кость делится на два: саган и хара-ягатаи, первые есть потомки ханов и ноинов, а вторые, — происшедшие от людей податного состояния». Кроме этих подразделений вертикального характера существуют внутри родов и горизонтальные членения, выраженные существованием так называемых омоков; это — «славная известность целого рода, отличившегося какими-нибудь подвигами». ¹

М. Н. Забанов указывает, что в эпических произведениях встречаются такого рода обращения: «царского ты происхождения, или же из черного люда приходишь?»

Людам же белой кости противопоставляется «унаган хара албата», т. е. «более или менее однородная масса подданных».

М. Н. Забанов, впрочем, справедливо не рассматривал бурятское общество, как феодальное. Наоборот, он намеренно подчеркивает, что в былинах главные герои «являются знатными родовичами», и сравнивает быт бурят по эпосу с эпохой до Чингиса и до образования великой империи чингисханидов в Монголии. ²

И тем не менее, как выяснено выше, бурятское патриархально-родовое общество в XVII в. было уже сильно расслоено в экономическом отношении; имущественное неравенство при наличии частной семейной собственности на скот, бывший основным средством производства, сделало, безусловно, большие успехи в своем развитии. Аристократия, судя по фактам внешнеполитического порядка и по немногим сохранившимся сведениям о внутренней жизни улуса, выделилась в особую прослойку внутри рода и составляла в нем особые семьи знатных людей, причем знатность переходила по наследству в этих семьях и даже ветвях рода, как подчеркивается эпической традицией бурятской народности.

Утверждение П. П. Баторова о вертикальном расчленении рода на этих основаниях может быть принято для XVII в. вообще и для начального момента русского завоевания в частности. Внутренний процесс становления классов усиливался тогда и внешней обстановкой. Уже и тогда вместе с выделением аристократии постепенно исчезала грань между киштымами-чужеплеменниками и сородичами, единокровными людьми, бурятами. В процессе становления бурятского народа, вызванном общим ходом экономического развития, ростом скотоводческого хозяйства и падением барьеров прежней межродовой изоляции, к бурятскому ядру или ядрам эхиритов и булагатов в Приангарье присоединились новые группы, перенимавшие формы хозяйства, язык и быт. Отношения

¹ Архив Восточно-Сибирского краеведческого общества, Иркутск, Записи Баторова.

² М. Н. Забанов, Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов, 1929, стр. 49; ср. Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, стр. 41—78.

киштымов к бурятским родам показывают конкретные пути такого сближения — «ассимиляции», проникновения монгольских черт быта к туркам на Енисее и в Саяно-Алтайской области, эвенкийский массив Приангарья и в среду так называемых енисейских «палеоазиатов», путь к которым был хорошо известен бурятам, доходившим до Братского перевоза на Кане и дальше.¹

Характерно, что в конце XVII в. списки коренных, казалось бы, бурят на Ангаре пестрят тунгусскими именами, доказывая, что бурятская народность впитала и приняла в свою среду немало прежних киштымов.

На Уде такая же судьба значительно раньше постигла так называемых корчуновских татар, по языку, возможно, турецкого когда-то народа. В 1647 г. «корчюны и суртусы» числились киштымами бурятского князца Ойланки, последний же принадлежал к ашахабатскому роду, а предки его жили на реке Тасевой и по Уде.²

Позже русские документы называют корчунов: «браккой земли татаровями», а в XX в. Г. Д. Санжеев не смог обнаружить у них каких-либо отличий от остальных так называемых нижнеудинских бурят и предполагал на основании сохранившихся смутных преданий, что предки корчунов и рода туралак перекочевали на Уду около 250 лет тому назад, «надо полагать, в результате движения ойратов».³

Наличие корчунов, а также шарайтов в тридцатых-сороковых годах XVII в. в долине Уды заставляет сомневаться в том, чтобы все «племя нижнеудинцев» было оторвано от монголов, отброшено вглубь тайги «дуновением мятежного духа ойратов» и утерало свое прошлое «в самую темную и безызвестную эпоху монгольской истории — в XVII веке», в эпоху нашествия на Халху ойратского Бошокту-хана.⁴

Очевидно, нижнеудинские буряты имеют более сложный состав, чем это кажется на первый взгляд, а общность диалекта для 350 человек, обитающих в улусах Мунгутэ-Булак, Порог и Кутум, указывает только на общность исторической судьбы большинства их предков во время, предшествовавшее событиям восьмидесяти-девяностых годов XVII в. в Монголии.

Тот факт, что по языку теперешние корчуны наравне с остальными нижнеудинскими бурятами входят в группу западных бурят

¹ В своем известном труде Патканов отмечает уже итоги процесса ассимиляции тунгусского населения бурятами, русскими и якутами, причем подчеркивает особое значение перехода к иным, чем прежде, формам хозяйства для денационализации тунгусов, утраты ими языка и культуры. С. Патканов, Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири, ч. 1, вып. 2. СПб., 1906, стр. 181—195.

² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, Списки Томской архивы, т. 1, № 234.

³ Г. Д. Санжеев, Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят, Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и БМАССР, вып. 8, Л., 1930, стр. 9—11.

⁴ Там же.

на правах носителей особого диалекта западно-бурятского наречия, связывает их судьбу с судьбами собственно бурятских родов Уды, Оки и Унги, т. е. земли «Больших Братов» XVII в. Он указывает на слияние прежних киштымов с их бывшими господами, подготовленное еще до сороковых годов XVII в. всей историей взаимоотношений между бурят-монголами (по языку) и их разноязычными «подданными», «ордынцами» русских ясачных книг XVII в. И это имело роковые последствия в условиях такого общественного строя, когда бурятский род уже был расчленен на вертикальные слои по признаку имущественного неравенства и знатности отдельных семейств. Близкие к бурятам киштымы поднимались до уровня рядовых улусных людей, а те соответственно опускались до уровня киштымов, что и было залогом прочной «ассимиляции» киштымов, образовавших теперь вместе с низовыми слоями бурятской народности действительную «черную кость», которой противостояли уже семейно-династические «патрицианские» группы, господствовавшие в роду и племени, состоявшие из лучших людей — «белая кость». Именно такой ход развития только и может объяснить некоторые особенности общественных взаимоотношений у бурят в эпоху русского завоевания, отражавшиеся и на ходе последнего.

Основанные на развитии частно-семейной собственности в русле крупного скотовладения экономические отношения внутри самого бурятского рода, социальной надстройкой и выражением которых являлось расчленение общества на «белую и «черную» кость, а политическим оформлением власть «князцов», в условиях господства над киштымами могли успешно развиваться дальше по пути, который уже был намечен формами эксплуатации киштымов.

Все эти готовые формы неизбежно должны были перейти на самих бурят вместе с расширением пределов «черной кости» путем адаптации членов подчиненных родов, с увеличением племени за счет прежних киштымов.

В связи с поставленным вопросом заслуживают внимания некоторые документы, относящиеся как раз к тем же, так называемым корчунам XVII в., оказавшимся позднее в составе племени нижнеудинских бурят в качестве уже его органической составной части. Эти документы, во-первых, доказывают наличие ясачной повинности, которую несли корчуны, и в то время несомненно входившие в состав «бракчи улусов», а затем они ставят и вопрос о наличии иных форм эксплуатации.

В 1634 г. ходил на реку Чуну в район бурятских кочевий отряд И. Ермолина, в задачи которого входили поиски необъясченного русскими служилыми людьми бурятского князя Кориндея. Ермолин не отыскал Кориндея, но нашел зато по реке «Чюне», «на бору, гулящих Корчюньских мужиков брацких улусов шти (шесть) робытишек с кочевными з берестяными юртами — ходят для корму». Ермолин захватил в плен обнаруженных им на Чуне шесть

«робятишек» и держал их три дня, пока за ними не пришли братских улусов гулящие люди мужик Уто с товарищи, двадцать человек. В порядке выкупа «робятишек», захваченных Ермолиным в качестве аманатов, гулящие мужики дали с себя ясаку 20 соболей, 2 бобра. А про себя эти мужики, по словам Ермолина, сказали, что «те мужики кочевные брацких улусов, а живут по малым рекам на вершинах для корму и ясак с них и их мужиков емлют в работы сильно, а князец Кориндей с детьми своими и племянниками и с улучными людьми с Тасеевы и с Чюны реки откочевали в брацкие улусы на Оку реку выше брацкого острожку в немирные землицы и там де он умер». ¹

В том виде, как этот текст записан миллеровским копиистом в Списках Енисейской архивы, он свидетельствует о существовании внеэкономического принуждения («емлют сильно») и эксплуатации труда ясачных (ясак берет, самих мужиков емлют сильно на работу).

Характерно далее, в цитированном документе определение корчунов как «мужиков брацких улусов». Будучи киштымами, они не имеют, подобно тунгусам Приангарья, своих «улусов», особых князцов, а наоборот, входят в бурятские улусы, и князьями для них, как, например, для послов князца Ойлана в 1647 г., являются бурятские князья. Указание на быт этих мужиков как «гулящих», т. е. бродячих, блуждающих по тайге в поисках пищи («для корму»), раскрывает их социальное положение внутри бурятских улусов. Гулящие корчунские мужики, проживавшие в своих легких берестяных юртах, при отсутствии скота принуждены были кормиться лесным звероловством и собирательством, собирать сарану, драть и готовить в пищу ивовую кору и сосновую заболонь, запасать ягоды и съедобные травы. ² Это, однако, будет в таком случае уже не столько «тип» хозяйства, пережиточно отражающий в известной мере еще неолитический быт собирателей, сколько тип хозяйства обездоленных людей, беднейших слоев внутри скотоводческих племен, тесно связанных с их социальной верхушкой узлами экономической зависимости, ибо голод и нужда обитателя

¹ Архив АН СССР, ф. 21, Списки Енисейской архивы, ч. I, л. 233, 234.

² По наблюдениям Георги, «буряты, живущие к западу от Байкала, не будучи как другие богатые скотом, должны более, нежели живущие к востоку, пособлять нуждам своим звероловством, частью дикорастущими кореньями простой и сибирской овсянки, белой сараны, сердечной травы, маршина и марьяна корня, черноголовнику и других, которые они находят собранными, большей частью, в норах степных мышей» (Георги, Описание народов..., ч. IV, стр. 32).

О сборе мыхыра известно, что его корни добываются из мышиных нор, «в которых хранятся громадные (до и более двух пудов в одном поселении этих трудолюбивых зверьков) запасы этих корешков». Мыхыр употребляется в пищу сваренным в воде или в молоке, иногда едят его сырым. «Вкус корешков мыхыра терпко-сладкий, сваренные же они теряют свою терпкость и вкусом своим напоминают саго» («Известия ВСОРО», XV, № 5—6, стр. 211).

берестяной юрты¹ делали его покорной жертвой эксплуатации во всех ее возможных тогда формах, чаще всего выраставших из подкармливания бедняка богатым скотоводом, а может быть и из наделения его скотом, т. е. переставшего быть формой уравнения богатств внутри рода, реликтом былой общности имущества. Таковы предположения, которые можно высказать в связи с данными сведениями, но, к сожалению, в нашем распоряжении нет подлинника донесений Ермолина, а в другом документе этот же факт передается в ином виде. Из донесения енисейского воеводы А. Племянникова в Томск мы узнаем, что он посылал на Чуну и Тасееву для привода в ясачный платеж немирных земель пятидесятника Тараса Мелентьева и десятника П. Ермолина. В их задачи входило поставить острог на Чуне, призвать князца Кориндея с его детьми и племянниками, напоить и накормить их царскими запасами и дать им царское жалованье сукнами или, наоборот, если Кориндей не явится, «чинить над ним поиск». ² В сентябре, 29 числа, служилые вернулись и сказали в расспросных речах, что нашли на Чуне «наедущих корчюньских мужиков шти робя-тишек... ³ с кочевными юртами ходят для корму». Далее рассказывается, что «те мужики кочевые братских улусов, а живут по малым рекам, по вершинам для корму и ясак с них емлют в браты брацкие мужики сильно».

Основной вопрос, возникающий из сличения документов, от которого зависит и поставленная выше проблема наличия на Чуне в XVII в. отработочных форм эксплуатации труда киштымов бурятами, естественно, — вопрос о словах: «и их мужиков емлют в работы сильно». Мы не можем полагаться ни на один из документов полностью, ибо для этого нет определенных данных. Заслуживают лишь внимания два следующие факта: 1) Писец, работавший над перепиской томских столбцов, с трудом разобрался в своем документе, не понимая целых слов, а следовательно и выражений, оставляя пропуски. Второй переписчик Миллера имел более удобочитаемый документ или лучше читал скоропись тридцатых годов XVII в. 2) Томский текст не является копией с енисейского оригинала донесения Ермолина, а был лишь

¹ О жилище эпохи Зэгэтэ-Аба мы знаем, что это был берестяной шатер или чум из шкур-бухэк, сходный с легкими берестяными юртами, виденными на Чуне Ермолиным. В XVIII в. в таких жилищах жили прежние киштымы бурят — саянские племена. «Юртишки свои», сообщает Георгий, — покрывают звериными шкурами, койми и сами также одеваются. На одном месте редко они простаивают два или три дня. Летом таскаются с места на место вдоль по рекам для сараны, которая составляет главнейшее их пропитание и ценилась так, что мешок сушеных корней был равен по стоимости одному оленю (Г е о р г и, Описание народов..., ч. IV, стр. 425).

Судя по этому, бурятские киштымы в XVII в. не так уж далеко отстояли как от предков бурят эпохи Зэгэтэ-Аба, так и от собственно бурятской улусной бедноты XVIII в.

² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, Списки Томской архивы, ч. I, № 157.

³ Пропуск в копии; переписчик не смог разобрать текста документа.

переложением последнего в новой редакции, в отписке А. Племянникова.

Предпочтение, следовательно, должно быть отдано как будто копии енисейского документа, первичной версии, дающей более подробное изложение происшествий и отмеченные выше указания на отработки. Эти указания не могли бы быть оспариваемы, если бы даже и предположить, что вместо слова «работы» следует читать «братья», как в томском документе, ибо «сильно» брать в братья киштымов выгодно было бы лишь при условии извлечения какой-то пользы из их пребывания в улусах у бурят. Расхождение же в словах «и их мужиков» может объясняться пропуском их в отписке Племянникова, давшей сокращенный вариант рассказа о похождениях Ермолина, или небрежностью миллеровского копииста, работавшего в Томске. В противном случае следует предполагать только несколько чересчур сложный и потому маловероятный для писца енисейской приказной избы домысел, в задания которого входило механическое копирование буквы текста. Вопрос этот, очевидно, мог бы быть окончательно решен лишь открытием подлинника донесения Ермолина. Но, помимо этого, еще неясного, случая заслуживают внимания и другие обстоятельства, рисующие взаимоотношения бурят с киштымами и косвенно указывающие на возможность принятия енисейского варианта документа с рассказом о походе Ермолина, как достоверно передающего факты.

Буряты часто «сводят» пеших тунгусов к себе в улусы в первой половине XVII в. и делают это неоднократно, как бы следуя установившейся практике.¹ Речь идет преимущественно о сидячих, пеших тунгусах, а не об оленных, которых вряд ли можно было так легко сыскать в тайге. Эти соседние с бурятами тунгусы «пьют и едят» с ними «вместе».

Примерный смысл данной фразы может быть разъяснен этнографическими свидетельствами, показывающими, как пешие охотники и рыболовы подкармливаются у соседних скотоводов, неизбежно впадая в зависимость от них. От такой зависимости юкагиров от оленеводов тундры уже не так далеко и до зависимости киргизских киштымов и улусной бедноты от своих господ — богатых скотоводов-киргизов. У бурят же, близких по быту к последним, мы вправе ожидать и сходных взаимоотношений с киштымами, причем верооятнее всего, как выше отмечалось, одинаковое применение труда киштымов именно на курлышных и тому подобных пашнях, т. е. сезонные отработки во время полевых земледельческих работ.

И если бы это было так, то и в данном случае закабаленные пешие соседи конных бурят были бы для них в полной мере «холопией ордой». Характерно, в связи с этим, что в Сибирском приказе А. Палицын рассказывал после своего приезда из Сибири

¹ См. примеры выше, в главе 2-й.

(1633 г.), обобщая собранные им географические сведения, что по Лене с ее притоками выше Вилюя «и до самые великие Байкальские протоки» живут различные пешие и конные люди. В числе их Палицыным упоминается так называемая «Холопья Орда». Если учесть сведения начала XVII в. относительно «Ордынцев», обитателей Ангаро-ленского междуречья, то вряд ли можно сомневаться в правомерности сближения «Холопьев Орды» с «Ордынцами», т. е. соседями бурят, их киштымами.

Слова Палицына имели в основе расспросные казачьи сведения, которые передавали факты со слов своих толмачей, и, очевидно, термин «Холопья Орда» не был придуман казаками, а отражал не только различные отношения, но и ту идеологию, которая была ими создана.¹

Термин «Холопья Орда» бросает яркий свет на отношения зависимости, в каких находилась, по крайней мере, значительная часть киштымов по отношению к бурятской племенной верхушке. Это были порабощенные, зависимые, эксплуатируемые люди.

В свою очередь, лишь зыбкая и неустойчивая грань отделяла в реальной действительности XVI—XVII вв. бурятские низы от киштымов. В меру тех успехов, какие делали расслоение рода и рост имущественного неравенства, эта грань стиралась все больше и больше, и все формы феодальной, по экономической ее сути, эксплуатации, зачаточные данные во взаимоотношениях с киштымами, реально воплощались в быту самих бурят, определяя положение «черной кости», как вполне определенно свидетельствует об этом и фольклор, отмечающий эксплуатацию труда сородичей социальной верхушкой бурятского общества, даже и в легендарное время Зэгэтэ-Аба, как нечто обыденное и вполне привычное.

«Сыновья и дочери высших и низших шаманов-начальников, — говорит эпическая традиция бурятского народа о временах Зэгэтэ-Аба, — безнаказанно обижали простых рядовых зэгэтэ-облавщиков, которые все это терпели по необходимости».

«Все труды по Зэгэтэ-Аба лежали на простых рядовых зэгэтэ-облавщиках, которые непрерывно были заняты тяжелыми работами». Они главным образом «добывали зверей и содержали на свой счет шаманскую аристократию — начальников».² Такими и были, очевидно (в основе), взаимоотношения черной и белой кости бурятского народа перед русским завоеванием. В части «Холопьев Орды» было много общего с участью низов бурятской народности, во всяком случае это был образец будущей судьбы последних.³

¹ См. «Русская историческая библиотека», II, стр. 964.

² Д. А. К л е м е н ц и М. Н. Х а н г а л о в, «Общественные охоты у северных бурят», стр. 150, 135, 147. Замечательно, что фольклорные данные говорят о *пеших* бурятах, как объекте эксплуатации общественной верхушкой, подтверждая закономерность некоторого сближения пеших улусников и киштымов XVII в.

³ Изучая общественные отношения у остяков и вогулов, С. В. Бахрушин обнаружил, что у них «племенные князьки захватывают в свою пользу сбор

Задача дальнейших изысканий — обнаружить новые фактические данные, раскрыть эти отношения в их деталях, ибо весь ход развития экономики и социального строя не оставляет сомнений в экономической и отчасти внеэкономической зависимости масс бурят в XVII в. от князев и лучших людей, выражавшейся в феодальных по сути формах и определявшей основные тенденции дальнейшего развития общественных отношений у бурят.

Нужен, однако, тщательный учет всех фактов, чтобы избежать опасности грубой схематизации этого сложного конкретно-исторического процесса, вульгаризаторской подмены конкретно-исторического анализа противоречивой действительности абстрактной теоретической схемой, т. е. полного смешения общих схематических построений с историей конкретного общества.

Необходим, в первую очередь, точный учет конкретных исторических условий, определявших своеобразие развития бурятского общества в его конкретной среде, — учет всех фактов, определивших, в частности, и ту ступень, которой оно достигло к XVII в. Пока же во многом приходится удовлетворяться гипотезами и более или менее вероятными предположениями.

К н я з ц ы

Казаки постоянно имели дело с бурятскими князьями, поэтому имеется возможность проследить даже и по отпискам, по фрагментарным сведениям из официальной переписки, положение бурятской родовой аристократии, хотя и в самых общих чертах.

Даже при сравнении тактики русских завоевателей по отношению к тунгусским, с одной стороны, и к бурятским родовым группам, с другой, — внимательный читатель документов сразу уловит коренное отличие, объясняющееся особенностями их социального строя. К тунгусам русские обращаются как к роду — в целом, князец — только старший для рода. История Можеула и ответ его улусных людей на предложение платить дань русским достаточно показательны.

Если у налягов дело решает в конечном счете родовой совет, суглан, как это он делал и гораздо позже, то у бурят за все родовое и даже племенное объединение решает самые важные вопросы князец, не спрашивая совета у своих улусных людей или стариков, от имени которых пытался действовать Можеул. Документы категорически утверждают, что воля князца решает все: князца «братские люди слушают». ¹ Поэтому не только вообще «от рад-

ясака с покоренных племен, присваивают себе охотничьи угодья» и, наконец, «заставляют своих соплеменников работать на себя и отнимают у них часть их охотничьей добычи» (С. В. Бахрушин, Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., Л., 1935, стр. 84). Развитие эксплуатации шло таким образом, в одном направлении и в сходных формах как у бурят, так и у вогулов — одинаково «лесных» племен.

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 53/54, л. 689.

ново человека», как выражается Курбат Иванов, берут аманата, но именно родного человека князца, а лучше всего — самого князца, его сына или брата. Важна не принадлежность аманата вообще к данному бурятскому роду, а только к роду князца, к «лутчим людям». ¹

Влияние князца в роду и племени настолько реально, что князец пренебрегает интересами всего рода ради своих собственных; именно, боясь аманатства, в 1658 г. князцы бегут в Монголию, захватывая притом с собою улусных людей, которых в аманаты русские казаки брать совсем не стремились. ²

Удельный вес князцов в роду — например, ихиритских князцов на Лене — и их политическая роль в эпоху русского завоевания очень четко обрисовываются рассказами завоевателей о первых походах к Анге и Манзурке. Князцы ленских бурят называются монгольскими феодальными терминами, улусные люди именуют их «тайшами»; буряты говорят, например, дипломатически, что о предложении платить ясак они сначала передадут своим тайшам, а затем и всем их улусным людям. ³

Характерны такие, например, детали, что князцы ясак сначала не сами привозят к русским, а шлют его с улусными людьми, оберегаясь сами от аманатства; что касается простых людей, то о них князцы заботились мало, очевидно, рассматривая их как «харачжу», как «чернь». ⁴

И особенно показательную деталь сообщает известный нам документ, рассказывающий, как бурятские князцы приехали к служилым людям платить ясак и заплатили его «по своей воле» без всякого оклада. М. Перфильев, руководивший походом в бурятскую землю, не посмел тогда спрашивать князцов, сколько у них за кем ясачных людей, опасаясь «ожесточить» князцов столь неуместным вопросом. Очевидно, Перфильев опасался вызвать подозрения князцов о намерениях завоевателей обратиться непосредственно к обложению их данников — улусных людей —

¹ См. ГАФКЭ, столбец 328, л. 204, 205.

² Там же, столб. 589, л. 67.

³ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, Списки Якутской архивы, ч. 1, № 38.

Интересно, что основываясь на воспроизведенных данных, собранных Палицыным, авторы наказа первым ленским воеводам писали, что по Лене и рекам Ленского бассейна «живут явольские и якуцкие и брацкие тайши» («Русская историческая библиотека», т. II, стр. 964). У якутов «тайш» не было. Зато при постоянных связях ленских бурят с монголами к ним мог проникнуть монгольский термин тайшки — дворянин. Не исключена в данном случае и возможность влияния калмыков, исторические связи бурят с которыми также не подлежат сомнению. У русских тогда в ходу был вообще термин «князец», но к бурятам, как мы видим, — и не в одном, а в двух известных нам случаях, — применяется слово «тайша», и притом в случаях, когда сведения русских документов исходят из местных источников. Существовало, что в одном случае казаки от самих бурят слышат, что они своим тайшам скажут о казацких предложениях; в другом случае сообщаются, явно по готовой туземной канве рассказов толмачей, данные о распределении жителей в Ленском районе и соседних областях.

⁴ ГАФКЭ, столб. 331, л. 178.

и тем лишить князцов обычных доходов, какие князья получали от своих улусников.¹

Экономическое и социальное неравенство среди бурят-монголов перед русским завоеванием хорошо отражается судьбой «братского ясыря». Князцы немедленно выкупаются княжеским родом. Выкупаются за очень большие суммы и все княжеские дети, родственники князцов. На таких операциях казна наживала, вместе со всеми служилыми людьми, участниками походов, круглые суммы.

В сороковых годах, например, после разгрома чепчугуева юрта, Куржум Бурлаев, племянник Чепчугуя, выкупил свою дочь Алаикань, племянника Черепконку и Чепчугуеву дочь Шенейку, «а достальной де ясырь братской пять человек, — четыре жонки да девочка, велели мы, холопи твои», пишут дарю воеводы, «продать русским людям, для государь того, что тот ясырь, — улусных людей худых, и племяни у них в братах нет, и выкупить их некому», а везти их дорого, потому что хлеба нет, себе будут дороже стоить.²

Княжеские родственники выкупались их богатым и могущественным княжеским «племенем», а худые улусные мужики такого племени не имели, улусные мужики своих детей и жен выкупить не могли,³ потому что слово «улусный мужик», как мы видим, является в это время синонимом слов «худой», презренный, бедный. Одним словом, — это «черная кость».

При всем своем аристократическом пренебрежении к «черным людям» князья и лучшие люди не стеснялись использовать черную кость для борьбы с завоевателями, но сами стремились в затруднительные моменты бежать подальше в безопасные места, предоставив подвластную массу, преданную и обманутую ее вождями, в распоряжение беспощадных завоевателей. Курбат Иванов, в своей челобитной о походе в 1643 г. на остров Ольхон, картинно передавая сцену боя братских людей с казаками за стенами каменных «городков» (укреплений) и погрома улусов, подчеркивает в конце, что «которых взяли живых и тех брацких людей многих, болши душ 50-ти, отпустили и больше тово их не воевали, а в аманы от раднова человека не поймали, потому, что лутчия люди разбежались».⁴

Вся тяжесть последствий завоевания первоначально падала на плечи черной кости, потому что завоеватели прекрасно учитывали возможность использования в своих интересах политического влияния и экономической мощи эксплуататорской верхушки бурят-

¹ ГАФКЭ, кн. 34; ср. выше о походах Перфильева. Характерно, что на Лене в сороковых годах служилые Кислоквас с товарищем были побиты у Куржума как раз тогда, когда приехали учинить поголовную перепись его улусных людей (ДАИ, III, № 4).

² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, Списки Якутской архивы, ч. I, № 22.

³ ГАФКЭ, столб. 402, л. 158—178.

⁴ Там же, л. 187.

ского населения. К «лучшим мужикам» сразу же создается и лучшее отношение.¹

Во время первого нашествия казаков на ленских ихиритов казаками был захвачен князец Куржум. Испугавшись, что его свезут «на низ», в Якутск, Куржум поспешил бежать вместе с тунгусским аманатом Нелберей. За побег жестоко избили плетями тунгуса, Куржума и пальцем не тронули.² В аналогичном случае, когда бурятский лучший человек сделал какой-то важный проступок, за который простого человека посадили бы на цепь и били бы кнутом, этого лучшего человека балаганский приказчик Ф. Шадриков при Похабове отпустил домой в улусы, ссылаясь на то, что он «человек лутчей».³

Ссориться с лучшими людьми, и тем более с князцами, для русской власти было невыгодно, особенно на первых порах, тогда как притеснения простых черных людей, грабежи их имущества и издевательства над улусниками со стороны служилых людей были обыденным явлением.

Служилые люди кормили и поили «царским жалованием» князцов и лучших людей бурятских племен. Еще Яков Хрипунов специально для этой цели привез с собой пивной котел на 12 ведер. Куржуму дана была для поощрения «однорядка красная летчинная и с плетешком с серебряным и с завязями шелковыми, сапоги телятинные красные» и т. д.

Аналогичные подарки в виде котлов медных, оловянных тарелей, сукна, металлических мелких изделий, бисера и «змеиных головок» и т. п. получали все бурятские князцы в качестве жалованья от царя за покорность и за ясачный платеж.

Такое отношение русских властей к лучшим людям и князцам понятно: буряты говорили на Лене казакам в 1640—1641 гг., что «будет Куржум жив и мы ясак дадим» (в то время Куржум содержался под стражей в качестве пленника).⁴

Захват князца был лучшей гарантией покорности его рода и зависевшего от князца населения бурятского улуса.

Князец имел особенное значение в деле порабощения бурятской массы, как ее «владелец», которому беспрекословно подчинялись улусники — черная кость, ибо для них слово тайши было уже законом. На князцов-аманатов завоеватели поэтому возлагали в бурятской земле особые надежды, как на прямых агентов царских захватчиков. Купленный щедрыми подарками и государевым жалованьем от имени самого царя, аманат должен был «говорить о государевой милости», призывать под царскую высокую руку сородичей и соплеменников. Когда на Лене Куржум возбудил ходатайство о возвращении к нему в улус за выкуп его малолетнего сына Чевдакома, русские власти заколебались, а потом согласи-

¹ Там же, столб. 589, л. 61.

² ИАИ АН СССР, Якутские столбцы, 1641, стр. 13, 14.

³ ГАФКЭ, столб. 589, л. 61.

⁴ ИАИ АН СССР, Якутские столбцы, столб. 28.

лись на замену Чевдакома самим Куржумом. Замена была мотивирована вполне убедительно с точки зрения русской политики среди бурят: «он, куржумов сын, мал, — что увидит де до себя государскую милость, он у себя в своей земле и сказать не умеет». ¹

И Куржум, на первых порах по крайней мере, оправдал возложенные на него надежды. Документы подробно излагают историю подданства Куржума московскому царю.

В Усть-Куте перед русскими якутскими воеводами Куржум дал шерть, «что ему под государевою высокою рукою с своими улусными людьми быть в холопстве во веки неотступно, и ясак государю с себя и с роду своего и с улусных своих людей полной давать учнет по вся годы беспереводно, и иных брацких людей учнет под государеву царскую высокую руку приводить, а которые брацкие люди непослушны будут и ясаку с себя государю не учнут давать, и он, Куржум, на непослушных братских людей учнет государевых людей водить войною». ²

О таких же обязательствах, которые брала на себя эксплуататорская верхушка бурят-монгольского населения после признания русского господства в сороковых-пятидесятых годах XVII в., свидетельствует текст «шерти», присланной в Верхотенск для приведения в подданство братских князцов: ихиритского Булуя, ашеабатского Чокоры.

Заклинаясь упоминанием огня, земли и солнца, «под русскою саблей и пицалью», князцы торжественно обещались не приходить «изменою» под остроги, платить ясак исправно и привлекать других бурят в ясачный платеж.

Особенно подчеркивалось в шерти обещание оберегать ясачных сборщиков и выдавать замыслы «государевых непослушников», ходить на них войною и брать ясак с немирных бурят на царя.

Призыв бурятских князцов под царскую руку имел первоначально успех именно потому, что русские власти не претендовали на изъятие улусных людей и киштымов из-под власти туземной социальной верхушки. Наоборот, шерть, даже и как одностороннее обязательство, предусматривала сохранение полного господства князцов над зависимым и подвластным населением. Русское завоевание не ликвидировало сразу в Западной Бурятии местной аристократической верхушки потому именно, что русские власти стремились воспользоваться ее влиянием для закабаления черной кости, а почва для взаимного соглашения за счет социальных низов была вполне достаточной.

Достаточно было уже одного того, что бурятские князцы на первых порах стали своего рода вассалами московского царя и получили попрежнему права на эксплуатацию черных людей. Им был вверен и такой крупный источник дохода, как ясачный сбор.

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, Списки Якутской архивы, ч. I, № 29. Речь шла о том, что, будучи в аманатах, Куржум убедится в могуществе царя.

² Дополнения к Актам историческим, III, № 4.

Кроме того, они получали щедрые подарки в качестве «государева жалования».

И, наконец, русское завоевание означало усиление торговых отношений в Бурятии, а князцы и сами издавна любили торговать. Значение торгов правильно выдвигал Н. Н. Козьмин при анализе факторов, облегчавших головокружительно быстрое продвижение русских завоевателей по Сибири, а до Козьмина это обстоятельство не укрывалось и от наблюдательных глаз Фишера и Миллера. Роль князцов в торгах открывает нам из сторон их деятельности и один из источников их экономического влияния на массу.

Еще М. Перфильев в 1626 г. отмечал изобилие товаров в бурятской земле, но в виде драгоценных шелковых тканей китайского и среднеазиатского происхождения, а тунгусский князец Можеул описывал торги бурят с монгольскими купцами, продававшими за соболей серебряные чаши,¹ металлические изделия и предметы роскоши, преимущественно украшения из драгоценных металлов. Монгольские купцы и, вероятно, также чжунгары и даже бухарцы постоянно приезжали на Лену, на Иду и Унгу. С озера Косогола ездили купцы к окинским бурятам. Сложились постоянные и прочные торговые пути, из которых наибольшее значение имела «старая мунгальская дорога» через Тункинскую котловину по реке Иркуту, которая пересекала земли китайских (по реке Китою) бурят и переходила через Ангару около нынешней Каменки (Усть-Ида), откуда монголо-чжунгарские купцы, а в шестидесятых-девяностых гг. XVII в. «послы» ехали к идинским готолам на Лену и Куленгу. Этой основной артерии подчинялись многочисленные местные волоки и дороги, впоследствии фиксированные на листах ремезовской «чертежной книги». По этим дорогам поддерживались связи «скотных людей» бурят с таежными охотниками тунгусами.

Схема торговли может быть представлена в таком виде: пушнину добывали тунгусские охотники и сбывали ее после охотничьего сезона бурятам в обмен на просо, скот, ткани, металличе-

24. Китайское бронзовое зеркало. Найдено на «Шишкинской шаманке». Облыва.

¹ Цена серебряной чаши, очевидно, типа кубка на высокой ножке, известного по археологическим находкам, по словам Можеула, достигала суммы в сто соболей (см. выше).

ские вещи и т. п., а буряты покупали пушнину и продавали ее монгольским купцам на серебряные изделия, ткани и предметы роскоши. Монгольские купцы сбывали пушнину в Китай и Среднюю Азию в обмен на металлические изделия и предметы роскоши.¹

Не следует переоценивать, конечно, этот еще примитивный товарообмен, охватывавший преимущественно верхушку родов, но и забывать о его существовании нельзя. Он играл значительную роль в установлении тех в какой-то мере вассальных отношений, в которых состояли забайкальские бурятские князцы по отношению к монгольским владетельным феодалам; он обуславливал собою тот ясак: по соболю с человека, который платили ленские и частично ангарские буряты монгольским ясачным сборщикам. Этот же примитивный товарообмен облегчал поддержание господства бурятских князцов, вроде Котогора и Салжая, над их киштымами. В отношении своего снабжения тканями, серебром для изготовления таких украшений, как известные круги на головных уборах и передниках, а также скотом и просом, киштымы зависели от «конных людей»-бурят, т. е. внеэкономическое принуждение усиливалось, как отмечалось выше, экономической зависимостью таежника от степняка и покоилось на ней.

В бурятских преданиях сохранились любопытные черты той торговли, какую вели туземные бурятские власти с подчиненными. По словам Щукина, тункинские буряты употребляли особый термин: «торговать с властью». Суть этого термина заключалась в следующем: «как скоро бурят замечал приближение своего даргу к улусу с вьючной лошадейю, то давал знать о том соседям и все разбегались, запирая юрты. Даргу, встречая такой прием, бросал товар в отверстие юрты (дымовое) и потом в свое время разыскивал с хозяина все что следовало, разумеется, вдвое».²

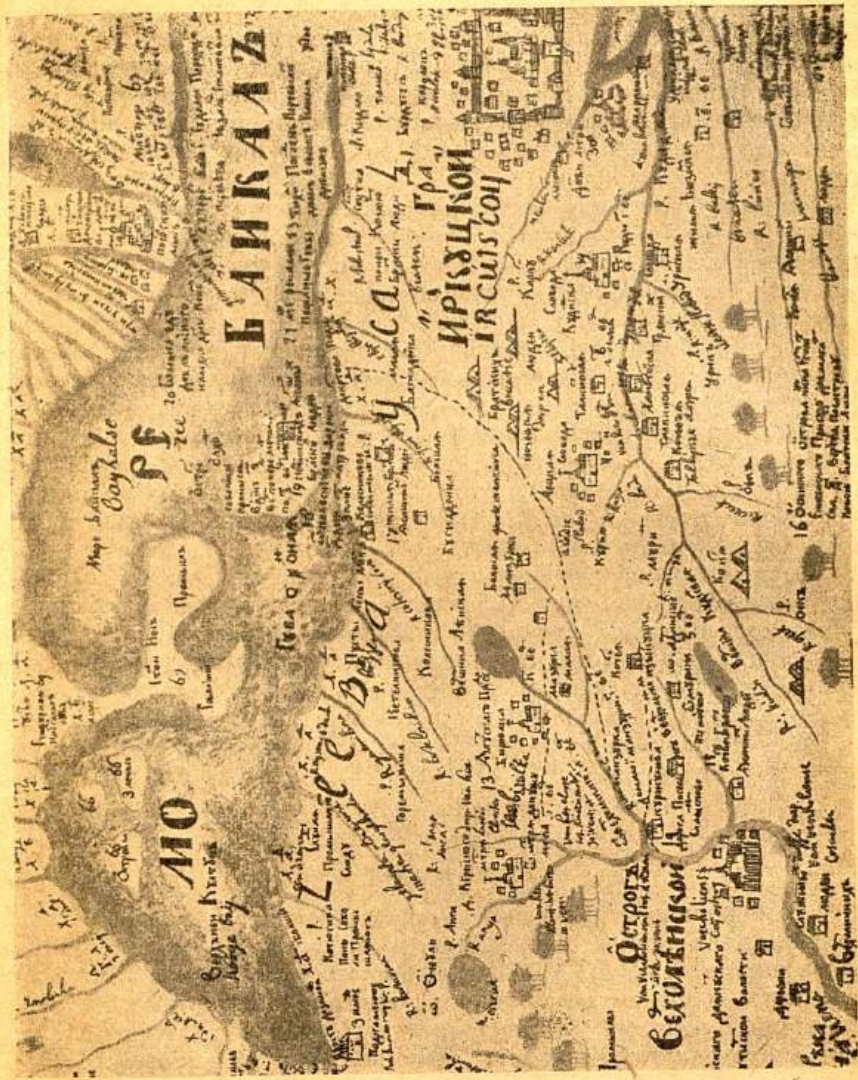
Князцы издавна вели торги и с чужеземниками: с бухарскими, монгольскими и, быть может, китайскими купцами. Обобщая сведения, почерпнутые из фольклора, М. Н. Забанов констатировал: «Одним из непременных занятий героев были

¹ Предания о Гэнэн-Худакте и Сухэр-Ноене указывают на существование постоянных связей монголов Запада и Востока и бурят, торговли между ними, обмена звериных шкур на украшения, в частности. Путь легендарного Гэнэн-Худакта, отправленного, якобы, из Монголии объяснять бурят, шел по Селенге, Ольхону и кудинским степям на Иду и Ангару, а оттуда по Унге и Оке в Монголию.

Сухэр-Ноен, явившийся с той же целью покорить бурят и «заставить их платить дань дорогой пушнинной», отправился из Монголии в Тунку, оттуда на Ангару и Осу, затем он приехал на устье реки Оки и поднялся по левой стороне Ангары на Унгу, оттуда же вернулся в Монголию по верховьям Оки.

Здесь ясно обрисованы главные и обычные, видимо, для приезжих купцов и сборщиков дани торговые пути Предбайкалья до русского завоевания см. сборник «Сказания бурят, записанные разными собирателями», стр. 108—111.

² Н. С. Щ у к и н, Буряты, «Журнал министерства внутренних дел», 1849, XXVI, стр. 77.

25. Карта Западной Бурятии с обозначением торозов: путей конца XVII в. (пунктиром) (из «Чертежной книги» С. Ремезова).

является торговля. Герои, владеющие многочисленными подданными и совершающие богатырские подвиги, представляются также и хорошими купцами... К моменту прихода русских в Сибирь хозяйство ихирит-булагатов, охота и скотоводство, носило вполне сложившийся и окрепший характер, с развитой торговлей пушнина. Оно могло представлять тогда емкий рынок в международной торговле Средней Азии, в частности для китайских купцов, проникавших в пределы южной Сибири еще в эпоху динлинов». ¹

Со стороны бурят XVII в. активно выступали в этой международной торговле, вполне естественным образом, князцы, слившиеся в памяти позднейших поколений с легендарными эпическими героями.

Когда русские завоеватели явились в бурятскую землю, первой вестью о бурятах было сообщение о готовности бурятских князцов и лучших людей вступить в постоянный товарообмен с завоевателями и на основе этих торговых связей платить ясак. В 1626 г. они ждали Перфильева торговать. Позднее они систематически торговали с казаками, продавая им лошадей и пушнину. Предпринимая в 1650 г. организацию десятинной пашни в Братске, Бекетов прямо рассчитывал на использование торговых склонностей бурятской общественной верхушки, рассчитывая закупить у нее скот. А в разгаре борьбы русских завоевателей с бурятами на Лене, т. е. в сороковых годах XVII в., к верхоленским казакам приезжали в острог для продажи коней «братские мужики». Это явно были лучшие люди и князцы.

Другая сторона экономической деятельности князцов уже нашла свое отражение при анализе положения как черных людей бурятского племени, так рабов и киштымов. Князцы в XVII в. уже эксплуатировали массу различными способами, и эта эксплуатация улусного люда в условиях сравнительно широко развернутого обмена сопровождалась и усиливалась торгово-ростовщическими операциями лучших людей, князцов и их родичей, как это было и у киргизов.

Семья, род и общественное развитие бурятской народности

К сожалению, мы имеем лишь косвенные и скудные указания архивных источников на строй бурятского рода до и после русского завоевания в XVII в. Можно даже сказать, что у нас почти нет еще иных данных для полной реконструкции истории и строя бурятского рода, чем фольклорные материалы или современные нам наблюдения этнографов. Учитывая, тем не менее, что возможность повторного возникновения более архаических семейных и брачных норм из более развитых (как полагает Н. Н. Козьмин)

¹ М. Н. Забанов, Бытовые черты в эпических произведениях ихирит-булагатов, стр. 40—42.

мало вероятно, мы можем принять положение, что родовые отношения, обычаи и нормы права, им соответствующие в XIX—XX вв., являются лишь дальнейшим развитием отношений XVII—XVIII вв. и более раннего времени и пережитками последних. Поэтому вполне допустимо использование этнографических данных в качестве отправного пункта для изучения прошлого семьи и рода у бурят, с учетом как всего направления, которое было свойственно развитию бурятского общества в прошлом, так и общего облика последнего в XVII в.

Долголетние наблюдения над бытом северных бурят и тщательное изучение их прошлого привели Б. Э. Петри к выводу, что «бурятский род представляет собою строго экзогамную общину, с отцовской филиацией и подчиненным положением женщины. Каждый род ведет свое начало от одного предка-родоначальника (узур утха) и потому состоит из группы людей, связанных между собой самыми тесными узами кровного по мужской (отцовской) линии родства: он состоит из дядей, племянников, внуков, братьев и кузенов всех степеней. Женщины, как элемент преходящий, в образовании рода участия не принимают. Во главе каждого рода стоит старший в роде, который наследовал это высокое звание от основателя рода по прямой линии и передает его своему старшему сыну». ¹ Род владеет общинной землей, причем имели место переделы (утугов).

В древности, как «деды сказывали», был когда-то общеродовой скот. Но сохранились до момента наблюдений исследователя лишь общеродовые ирригационные предприятия, общинно-родовая земельная собственность и различные следы общеродовых коллективных форм труда. ²

А. П. Щапов в свое время мог констатировать, что «не только между отцом и сыновьями в одноулусной загороде, в одном круге единокровно-родственных юрт все общее: и скот, и пашни, и утуги, и продовольствие, но и во всей одноулусной группе юрт дальних сородичей еще мало своего, собственного, — еще много общего — общие и хлебопекарни, а иногда даже амбары, особенно в небольших улусах, состоящих юрт из 9, 10, 15 общие и кузницы, общие и пастухи улусные; тарасун, жареная баранина, арса, пареная рожь или пшеница — все это уже собственность, но собствен-

¹ Б. Э. П е т р и, Элементы родовой связи у северных бурят, «Сибирская живая старина», Иркутск, вып. 41, 1924, стр. 2—3 (цитируется по отдельному оттиску).

М. Н. Хангалов относительно экзогамии у бурят говорит также, что по бурятским обычаям невесту нельзя сватать из своего рода, а непременно из другого; родство принимается в расчет только по мужской линии (до 9-го колена). «Ныне нередки случаи, — пишет он, — что женятся, не придавая значения родству даже в третьем колене (по мужской линии), правда такие браки совершаются, по большей части, убогом, и сами буряты относятся к ним неодобрительно, говоря «мангаджа» — обрусели» («Этнографическое обозрение» № 2, 1894, стр. 141).

² Там же.

ность такая, что в каждой юрте считается священным долгом сейчас же раздать, разделить ее по равным частичкам и кусочкам всякому входящему в юрту человеку, будет ли он бурят, будет ли русский». ¹

Этим элементам родовых отношений в идеологии соответствовали различные формы родового культа и связанных с ним шаманистических представлений.

Издавна, однако, внутри отцовского рода существовала еще низовая единица — отдельная большая семья: «каждая бурятская семья живет в отдельной юрте. В каждой юрте полагается быть мужу (хозяин юрты), его жене, их детям и старикам (отец, мать мужа, или его родственник, которого он кормит)».

Хотя женатые сыновья вместе со своими семьями и живут внутри общего двора (в отдельных юртах), но «в бурятской семье все разделено и обусловлено. По взаимному соглашению устанавливают кому каких коров доить, чтобы пища была в каждой юрте раздельная; мясо на зиму тоже раздельное: по уговору убивают скотину, и каждый своим мясом должен прожить зиму. Но пашни общие, обработка их общая, лошади, телеги, сбруя тоже общие: мука вымолоченная из общей жатвы — общая, соль, купленная на деньги, вырученные от продажи сена или хлеба — общая, только то, что покупает каждый отдельный домохозяин, то — его. Главенствует в такой семье отец, если он состарился, его заменяет один из его сыновей, обычно старший». ²

Разделы семьи и ее имущества имеют место после смерти отца или иногда, когда он перестал быть работником, производятся и при жизни отца. Сестры при разделе получают только то, что требуется им для приданого, матери дают коня и корову, а сыновьям — остальное поровну.

Эти освященные обычаями и детально регламентированные правила, определяющие существование более сложной и сильнее развитой по быту формы семьи, чем большая семья русских

¹ А. Н. Щ а п о в, Бурятская улусная родовая община, «Известия Вост.-Сиб. отдела РГО», т. V, № 3—9, 1875.

² Б. Э. П е т р и. Внутривидовые отношения у северных бурят, Иркутск, 1925, стр. 21, 22.

Сжатое и картинное описание большой семьи дано М. Н. Богдановым по Щапову (по «Бурятской улусной родовой общине»). «Каждый улус состоит обыкновенно из нескольких невысоких жердяных загородей, представляющих большей частью вид круга или эллипса. В каждой такой загороди стоит 1, 2, 3 и более юрт с разными пристройками — лабазами для арсы, амбарами, стойками, сараями или поветями, хлебопекарнями и т. д. В одной из этих юрт живет старший в семье бурят, старик со старухой, иногда с какими-нибудь сиротами-родственниками. В другой, рядом стоящей, юрте живет сын этого старика со своей женой и детьми. Если у старика еще есть женатые сыновья, то и они живут в особых юртах, но все в одной и той же общей изгороди, по обе стороны юрты отца... У всего этого единокровного семейно-родового круга пашни, покосы, скот, утugi — все общее. Все члены загороди работают сообща. Иногда даже обедают вместе, вообще при всякой «жаренине», при всяком сборе гостей, все соучаствуют, как одна семья» (Цит. по Богданову, Очерки истории бурято-монгольского народа, стр. 96).

крестьян на той же Лене, указывают на длительное развитие бурятского рода и семьи и глубокую давность тех форм, какие наблюдались в конце XIX в.

Бурятский род, как род агнатный, с наследованием по мужской линии, несомненно, сложился в давнее время и существовал так долго именно потому, что хорошо сочетался с частной (семейной) собственностью, давая широкий простор не только имущественному неравенству, но и всяким часто лицемерно скрытым формам эксплуатации.

Выражением далеко зашедшего развития частной собственности является сама судьба первичной и единственной экономической единицы бурятского общества XIX в. — большой патриархальной семьи, в которой уживаются два начала: традиции первобытно-коммунистического производства и нормы частного потребления. Внутри большой патриархальной семьи, как экономической единицы рода, обособляются маленькие хозяйственные организмы сначала по линии потребления. Их центробежные стремления в ряде случаев приводят к раздроблению большой семьи, разделам семейного имущества и распадению прежнего коллективного хозяйства, не соответствующего новому, капиталистическому строю, складывающемуся в конце XIX и в начале XX вв.

Если так обстоит дело внутри большой семьи, связанной теснейшими узами кровного родства, то большая семья в целом выступает по отношению к родовой общине еще более резко и определенно в качестве носителя частной собственности. При наличии всех элементов родовой хозяйственной взаимопомощи и т. п., сильное имущественное неравенство дает о себе знать на каждом шагу и чем позже, тем сильнее. Кто видел на Лене и Ангаре бурятские улусы даже недавнего прошлого, особенно зимники с домами рядовых членов рода и постройками влиятельных богатых семейств, тот мог составить наглядное представление о дистанции, отделявшей «нойона» от улусника-«сородича», тем более от бедняка. Огромные дома, иногда в два этажа, построенные на городской лад, с выкрашенными в яркие цвета ставнями и железными крышами, из крепкого дерева большие и солидные хозяйственные строения, обнесенные высокой стеной, крепкие ворота с надежным занором изнутри и злые собаки, высокие шесты и флаги с молитвенными буддийскими изречениями — обозначали резиденцию семьи богача.¹

Этой семье и ее внутренним ячейкам принадлежали лучшие утugi, всегда хорошо удобренные и политые водой из общественной оросительной канавы. Она располагала лучшими участками общинных покосов и самыми большими площадями пахотной земли, приобретающимися в неограниченном количестве на основе вольно-

¹ Ср. Б. Э. Петри, Внутриродовые отношения у северных бурят, стр. 71.

захватного землепользования. Эта семья, наконец, развевывала торговые, а в XIX—XX вв. даже и промышленные предприятия, разумеется внешне сохраняя способ расселения, свойственный большой семье прошлого, и патриархальные внутренние связи между членами семейства; такая семья у западных бурят, семья кулаков и ростовщиков, не имевшая ничего общего с большой семьей рядовых улусников прошлого, всеми своими корнями уходила в быт нойонатских семей, зажиточной внутривидовой верхушки улуса более раннего времени. Она не выросла на пустом месте.

Существование зажиточных семейств на одном полюсе и бедняков на противоположном не было против обычаев бурятского патриархального рода как такового, по крайней мере с тех пор, как род примирился с существованием порядков, введенных, по преданию, якобы, женой Дона-Баяна.

Судя по родословным, названиям родов (иркицев, муруев, олзоев, онгоев и т. д.), отцовское право и связанная с ним частная семейная собственность (о родовой собственности на скот, бывший основным средством производства, нет точных указаний) имели место в развитой форме еще задолго до XVII в.

Развитие отцовского рода у бурят не может быть отделено, как мы видели, от развития бурятского хозяйства, от проблемы аильного и куренного кочевания. Сам бурятский род XVII в. может быть определен поэтому как общественная форма, в которой нашли свое выражение наиболее развитые элементы древней родовой связи, превращавшиеся в собственную противоположность в условиях скотоводческого быта. Сохраняя форму отношений, вытекавших из кровной близости людей друг к другу, эти родовые связи, слагавшиеся в необычайно сложную по структуре лестницу: племенные группы, большие роды и их подразделения — старшие и младшие ветви,¹ уже не имеют по существу ничего общего с былой братской связью сородичей в коллективном производстве, являющейся теперь достоянием только низкой единицы рода — патриархальной семьи.

Связывая бурятский род с развитием скотоводческого хозяйства, следует вести его в описанных выше формах и вглубь веков, отделяющих аларских, ангинских и других бурят Прибайкалья XIX—XX вв. от «курумчинских кузнецов» и баргутов, т. е. возникновение подобных больших семейств внутри отцовского рода приходится, повидимому, еще на «курумчинскую стадию». И там большая семья несомненно была выражением не только расщепления рода на отдельные семьи — хозяйственные единицы, но и формой, обеспечивавшей совместное производство, общий труд по обработке полей и коммунистическое потребление. В условиях дальнейшего подъема производительных сил и разделения труда, усложненного по отношению к более ранним его формам, такая

¹ Б. Э. Петри, Внутривидовые отношения у северных бурят, стр. 7.

форма «большой» семьи, переходная от первобытно-коммунистической семьи материнского рода к отдельной малой семье позднейших времен, была тогда шагом вперед в общем ходе общественного развития предков бурятского народа, причем на первых порах она еще и не означала полного упадка родовых экономических связей.

Но дальше, при скотоводческом хозяйстве — источнике избыточного продукта, хозяйстве, основанном на разведении скота, ставшего объектом частной собственности, — большая семья, сохраняющая только для себя внутренние коммунистические устои быта, угрожающе поднимается против рода.

Именно этот процесс проследил Б. Я. Владимирцов у древних монголов и выяснил, что на его основе возникает степная аристократия.

По его словам, «древние монгольские роды постоянно разделялись, разветвлялись, давали начало новым ответвившимся родам... Отделяющиеся роды стремились к более привольной жизни, к возможности с большим удобством вести кочевое хозяйство и на облавных охотах получать лучшую долю. Ответвлялись, конечно, дома, семьи наиболее богатые, которым нечего было бояться самостоятельного существования. Но обособление такой семьи или части рода бывало возможно только тогда, когда отделившиеся имели клиентов, вассалов и прислужников в достаточном числе». ¹

Основой описанного явления является упрочившееся имущественное неравенство, приводило же оно к экономическому подчинению хозяйственно слабых групп рода сильным семьям, к возвышению аристократии, которая или полностью обособляется или занимает главенствующее положение в прежнем роду, ² оставаясь среди сородичей.

Процесс разложения общинно-родового коммунистического быта, как и у древних монголов, у бурят протекал несколько своеобразно в условиях развития скотоводческого хозяйства и при

¹ Б. Я. В л а д и м и р ц о в, Общественный строй монголов, стр. 72, 73.

² В дархатских преданиях, записанных Г. С. Санжеевым, есть один образец, показывающий выделение и обособление части семьи из больше-семейной общины скотоводов. «В хошуне Эрдечи-Вана жил в эпоху первого Ургинского Богдогегена Ценген-Батор-Хон-Тайжи с женою Залар-Хон-Тайжи. У них было семеро прекрасных сыновей. Однако Ценген (явное недоразумение: речь идет о сыне Ценгена. — А. О.) был по характеру человек неуживчивый и потому находился со всеми в ссоре. Наконец, его отец однажды ему сказал: «Мне не сумеешь быть твоим отцом, твоим начальником. Ступай туда, куда тебе хочется. Выбери себе любое кочевье и живи в нем». И, подаривши сыну около 10 юрт прислуги, добавил ему: «Тебе встретятся пять свободных местностей, из которых ты должен выбрать себе любую и поселиться в ней. Если же я укажу тебе сам, то будешь недоволен. Так выбирай же сам любую и живи себе один». И те пять местностей были следующие: гористая, кустарниковая, степная и лесная. И взял тогда Ценген свою прислугу в 10 юрт, 300 лошадей, множество рогатого скота и двинулся искать себе новые кочевья и новые пастбища для своих стад и табунов» (Г. С. С а н ж е е в, Дархаты, Л., 1930, стр. 2, 3).

сохранении наиболее архаических форм общинного строя, — естественно выросших родовых форм, основанных на кровной связи. Тем не менее, нельзя не видеть его общих закономерностей.

Внутри общины скрывается ее враг: в сельской общине — частная поземельная собственность, частный дом с его двором. Этот дом «... может превратиться в крепость, из которой готовится нападение на общую землю... Но самое существенное, это — парцеллярное хозяйство, как источник частного присвоения. Оно дает почву для сосредоточения движимого имущества, например — скота, а иногда даже рабов или крепостных. Это движимое имущество, не поддающееся контролю общины, объект индивидуальных обменов, в которых хитрость и случай играют такую большую роль, будет все сильнее и сильнее давить на всю сельскую экономию. Вот момент, разлагающий первобытное экономическое и социальное равенство».¹

Частная семейная собственность на основное средство производства — на скот и сенокосы, а также — в меру значения земледелия — на пахотную землю; развитие обмена и самое главное — парцеллярное хозяйство большесемейных, сначала, групп внутри улусно-родовой общины у скотоводов-бурят, вели к такому же положению, к какому приходила община земледельцев. Сам по себе строй бурятской улусной общины, основанной на кровных, а не территориальных связях, дает, притом своеобразный, пример не столько разрушения естественно выросших архаических кровнородственных объединений, сколько их внутреннего перерождения, при сохранении формы.

Ответвление от родов все новых и новых патриархальных семейных общин, дававших начало новым «ветвям» рода, приводило к переселениям, перемещениям и к смешению их с чужеродными группами. На территории бурятских племен шла такая же инфильтрация обломков родовых групп, какая имела место и у древних монголов. Рассказы о переселениях отдельных ветвей бурятских родов на Ангаре и Лене очень хорошо рисуют эту сложную и пеструю картину, а чересполосица уже в XVIII в. ашабагатских, икинатских и тому подобных групп во многом объясняется не одной только деятельностью Похабова, разогнавшего бурят с их породных мест в XVII в., но и ходом расселения, вызванного естественным процессом дробления родовых массивов.

Когда на одном месте скоплялись люди разных родов и жили рядом продолжительное время, сам собою намечался переход от общины, построенной по кровнородственному принципу, к общине, в основе которой лежат уже территориальные связи. Поэтому и бурятская улусно-родовая община издавна является как бы своеобразной переходной формой к общине, объединявшей, как и у русских крестьян, экономически независимые отдельные

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. I, 1930, стр. 284.

большие и малые семьи круговой порукой по отношению к государству (Забайкалье — монгольскому, на Лене — русскому), общей земельной собственностью — покосами и выгонами, находившимися хотя и в частном пользовании, но в общинно-родовом владении. О вызревании элементов именно территориальных связей свидетельствует и так называемое «территориальное родство», сущность которого заключается в том, что существующие на одной территории две и более родовых групп объединяются экзогамными запретами как бы в один род и не могут заключать браки друг с другом. Территориальное родство по своему происхождению, таким образом, связано со смешением обломков разных родовых групп на одной территории, когда автоматически действуют еще нормы экзогамии локального типа. В старой форме локально-родовой экзогамии обнаруживается здесь новое и явно иррациональное содержание. При дальнейших смешениях и росте населения экзогамия становится по существу излишней, а под ее оболочкой складывается тип иной, чем прежде, не родовой, а территориальной общины. До полной же ликвидации пережитков экзогамии, как последнего остатка родовых связей, буряты XIX в. все еще не дошли.¹

Из сказанного следует, что бурятский отцовский род держался веками, сохраняя весьма устойчиво свои формы.

В чем же непосредственные причины столь длительного существования и видимой «консервативности» бурятского рода, сложившегося, очевидно, задолго до появления русских и наблюдавшегося в ощутимых реликтах еще в начале XX в.?

Две основные стороны родовых отношений, взятых в их развитии, — экономическая, с одной стороны, и семейнородственная, с другой, — по-разному показывают нам условия существования родового быта и раскрывают причины его устойчивости. Что касается первой, то вместе с подъемом производительных сил, вызванным отделением скотоводства от земледелия, отношения по производству приобретают большее значение, чем старые формы кровнородственных отношений. Между ними происходит разрыв, и не в последних теперь заключается дальнейшее развитие общества. Род, сохраняющийся еще как выражение кровнородственных связей, сохраняет и свое экономическое значение, но не в целом, а в своих низовых ячейках — семьях, проявляющих тенденции к дальнейшему раздроблению.

Зато *род* теперь обеспечивает господство над покоренными кочевниками и рабами мерами внеэкономического принуждения, военной мощью вооруженного племенного ополчения. *Род* обеспечивает неуклонное соблюдение аннексированных в свою пользу родовой верхушкой общинных работ, остатков былой коллективной повинности по нуждам общеродового когда-то производ-

¹ Б. Э. Петри, Территориальное родство у северных бурят, Иркутск, 1924.

ства. *Род* оформляет отношения вскормленничества — замаскированного холопства, отношения кабалы и ростовщичества, вырастающие из взаимопомощи и поддержки нуждающихся богатыми сородичами. *Род* дает в руки зреющей эксплуататорской верхушки мощное оружие норм обычного права, анзу и головщину, суд старцев и влияние старших рода, для осуществления ее интересов и подавления оппозиции масс, для расправы с непокорными, которым грозят все суровые наказания родового быта, вплоть до политической смерти — изгнания, отказа в родовом огне, общинной земле и воде; родословные многих древних бурятских родов указывают на такую судьбу их основателей — изгоев, беглецов и скитальцев.

Таким образом, сохранение форм родового строя обусловливалось их приспособлением к новой экономике в меру отката от бывшего полного коммунизма, вполне понятным, если учесть, что это был отцовский и высокоразвитый род. Он, как таковой, имел, следовательно, свои глубокие корни в экономике, в социально-политической жизни.

Далее, бурятский род был строго экзогамен, по описаниям исследователей, вплоть до самых последних его лет. Экзогамия в ряде случаев распространяется, как мы видели, и на соседей по территориальной общине.¹

Устойчивость рода, как организации брачно-семейных отношений на основе строгой экзогамии, опирается у бурят уже, как известно, на представление о недопустимости и вреде кровосмешения.

Хорошо известно, какой подлинный ужас и глубокое физическое отвращение вызывали у бурят факты нарушения запретов полового общения между близкими родственниками. Достаточно одного примера. Рассказывая бурятам о русском деревенском семейном быте, и в частности о снохачестве, Б. Э. Петри видел на лицах своих собеседников «выражение ужаса перед одной мыслью о таком преступлении, и они неизменно мне говорили, — пишет он, — что этого быть не может». «Если же все-таки я заставлял вообразить такой случай, и спрашивал, что будет, как накажут люди и как накажут боги, мои собеседники отвечали, что ни о чем подобном никогда не слыхали и даже представить себе не могут, что тогда должно произойти».²

По утверждению Б. Э. Петри буряты в прошлом сознательно стремились заключать браки с тем родом, чьи женщины доказывали, как говорит он, свою плодовитость. В свою очередь, если только замечался упадок рождаемости, поспешно завязывали кровные связи с другим родом.³

¹ Б. Э. Петри, Брачные нормы у северных бурят, Иркутск, 1924.

² Б. Э. Петри, Внутриродовые отношения у северных бурят, стр. 30.

³ Там же. Любопытна одна фраза из «Всепожданнейшей записки уполномоченных хоринских бурят» в 1904 г. «Несоблюдение родового различия при бракосочетании (кровосмешение) не допускается в силу векового опыта: оно

Так, благодаря удобству использования родовых форм эксплуататорскими группами и в силу сохранения экзогамии, бурятский агнатный род сохранялся в течение веков, отражая своим строем пройденный бурятским обществом путь исторического развития.

Учитывая все сказанное выше о хозяйственном укладе бурят-монголов и общественном строе и, в частности, о родовом быте, мы можем на коренные вопросы социального строя Бурятии применительно к моменту перед русским завоеванием, поставленные в работах Н. Н. Козьмина и М. Н. Богданова, дать предварительную схему ответов с несколько иным решением проблемы, чем у этих авторов.

Бурят-монголы, как этническое целое, оформились в Прибайкалье из разнородных групп местного населения, но не без различных внедрений из степей Монголии-Халхи, а может быть и с запада (чжунгары).

Этот сложный и длительный процесс этногенеза, в основе своей — автохтонного, иллюстрируется в общих чертах, с одной стороны, археологическими памятниками, а с другой, — стадийными реликтами в живом быту XVI—XVII вв. у соседей бурят-монголов на западе, в тайге Приангарья и Приенисейского края.

Древнейшая «эпоха Зэгэтэ-Аба» должна быть определена по фольклорным данным как время существования-первобытно-коммунистических охотничьих групп в условиях материнского рода и несомненно уходит в эпоху, оставившую памятники каменного века и ранне-металлические. Эта эпоха только в искаженной форме отражена позднейшими эпическими произведениями бурят-монголов. Как мы видели выше, памятники «курумчинского типа», т. е. VII—XI вв. нашей эры, предшествующие «позднему железу» — остаткам культуры бурятского общества в Приангарье, раскрывают, вероятнее всего, более поздний «качинский», земледельческо-скотоводческий, оседлый тип хозяйства и социальный уклад с большесемейной патриархально-родовой общиной. Именно это общество с его представителями — туркоязычными племенами — и предшествовало реально в Прибайкалье бурят-монгольскому обществу, «снято» и ассимилировано последним.

Становление же бурят-монголов, в XVII в. образывавших мощную племенную группу булагатов на Унге и ряд иных более мелких по Уде, Лене и Оке, происходило в условиях перехода от

вызывает вырождение потомков». Вряд ли Бадмаев с хоринскими тайшами и нойонами выдумали ссылку на «вековой опыт». Повидимому, они лишь суммировали уже наличные среди самих бурят того времени взгляды на экзогамические запреты. Вполне понятно притом, что положительное значение экзогамии было действительным лишь в тех конкретных условиях, которые были следствием общей отсталости Бурятии в эпоху «царизма», что фраза «всепоподаннейшей записки» вызвана реакционными стремлениями нойоната к сохранению всех привычных для него устоев быта.

скотоводческо-земледельческого быта к преобладанию скотоводства степного табунного типа (от быта качинцев, как стадияльно-исходной ступени, к экономическому быту калмыков, киргизов и монголов XVII в.), от общинно-родовой — к частной собственности на скот и, отчасти, землю.

У бурят XVII в. реально существует еще система патриархально-родовых связей, но уже в специфическом виде: с одной стороны, — внутри улусной территориально-родовой общины в целом, а с другой, — внутри отслаивающихся из рода — общины нойонатских семей «саган-яган», белой кости, конституирующейся в особый династический слой и противопоставляющей себя остальным сородичам.

Князья бурят-монголов в начале XVII в. уже только по внешности сохраняют былой облик родовых вождей, господство родовой демократии на деле уже сменилось властью родо-племенной аристократии.¹

Особо должен быть рассмотрен вопрос о свидетельствах эпоса, подтверждающих, по мнению некоторых исследователей, наличие феодализма в Бурятии до появления русских. В былинах, как известно, говорится, например: «Виднеются густые, как леса, подвластные народы, широкие хоромы и бело-серебряный дворец, блестят, упираясь в небеса». Герои былин завоевывают чужие владения и забирают вместе со скотом народ, принадлежащий их противникам.

Былины, видимо, имеют сложную историю и особенную судьбу, которая отличает их от преданий исторических в собственном смысле слова и от мифов бурятского народа. Сюжеты бурятских былин и форма их очень близки монголо-ойратскому героическому эпосу — вплоть до такой эпопеи, как знаменитая Гесериада, тоже известной бурятам и представляющей результат планомерной обработки ряда сюжетов и сведения их в одно целое с единой фабулой.

В основе сюжетной схемы каждой быliny у бурят лежит история последовательно сменяющихся чудесных приключений героя. Герой борется с чудовищами, погибает и воскрешается сестрой, превращается в зверей и птиц, преследуя в таком виде своих врагов.

Эти мотивы имеют общемировой характер и несомненно по своим истокам восходят к очень древнему времени. Исторического в них, кроме «стадияльной наследственности», ничего нет, и для того, чтобы видеть в героях былин каких-либо реальных деятелей прошлого, у нас нет никаких оснований, а вместе с тем отпадает и возможность рассматривать их как «феодалов», тем более бурятских.

¹ К деятельности этой аристократии собственно и относятся все факты, позволяющие ряду исследователей говорить о «феодально-родовом» строе у бурят (Б. Б. Барадийн, Н. Н. Поппе).

И «бело-серебряный дворец» и «толпы подданных» равно заслуживают критического к себе отношения.

Принимая во внимание «весьма соблазнительное сходство» (М. Н. Забанов) бурятских былин с монголо-ойратскими и прямые исторические связи с ойратами и халхасами в сравнительно позднее время, мы вправе видеть в героическом эпосе бурят общее достояние их с ойратами и древними монголами, воспринятое бурятами и сохраненное благодаря слабому влиянию ламаизма в большей чистоте и цельности. Халха и Чжунгария действительно видели на своих степных просторах толпы подвластных народов и княжеские пышные ставки. В собственно же бурятских исторических преданиях раскрываются черты совершенно иного быта, и эти предания имеют весьма реальный колорит, отпечаток действительности, резко отличающий их от былин.

Былинный эпос не может, следовательно, быть источником для восстановления истории и черт бурятского феодализма и доказательством его существования. Даже заимствованные сюжеты и может быть целые былины, сохраняя некоторые элементы, совершенно чуждые «лесному» быту бурят, закономерно приобретают у них иной оттенок.

Исследователи бурятского эпоса не раз обращали внимание на своеобразный демократизм в отношениях между героем и его народом, резко противоречащий складу таких былин в целом.

Оттенья своеобразия именно этой черты бурятского эпоса, Б. Я. Владимирцов заметил: «Буряты почти не знали аристократии, а в тех местах, где она нарождалась, эта аристократия по своим вкусам и образу жизни почти не отличалась от окружающей ее массы простого народа».¹

Состояние бурятского общества, в целом, незадолго до прихода русских может быть полностью охарактеризовано формулой Энгельса, в которой нашли свое определение все признаки общества, находящегося на данной стадии развития, в том числе даже и отношения между бурятами и их кшштымами. Мы видим «... еще в полной силе древнюю родовую организацию, но вместе с тем и начало ее разрушения: отцовское право с наследованием имущества детьми, что благоприятствовало накоплению богатств в семье и усиливало семью в ее отношении к роду; влияние имущественных различий на общественное устройство посредством образования первых начатков наследственного дворянства и монархии; рабство, сперва одних только военно-пленных, но уже открывающее возможность обращения в рабство собственных соплеменников и даже сородичей; совершающееся уже вырождение былой войны племени против племени в систематическое разбойничество на суше и море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение ее в регулярный промысел; одним словом

¹ Б. Я. Владимирцов, Монголо-ойратский героический эпос, Введение, II. — М., 1923, стр. 15.

восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатств». ¹

В свете именно этих указаний Энгельса приобретают особую важность частные показания документов о волнениях в бурятской земле в 1625—1629 гг. и выступлении киштымов против бурят. Бурятская экспансия на запад среди местных племен была непреодолима, пока бурятская «народность», точнее — племенной союз, выступала как единое целое. ²

События 1625—1629 гг. показывают, однако, что былое единство было утрачено, и прежние киштымы получили военный перевес.

Вполне вероятно в данном случае скрещение внешнеполитических междуродовых и междуплеменных раздоров с борьбой родовых и «феодалных» тенденций уже внутри самого рода, ибо на высшей ступени варварства наблюдается отрыв органов родового строя «... от своих корней в народе, в роде, в фратрии, в племени, а все родовое общественное устройство превращается в свою противоположность...», а это влечет за собой и нарастание внутренних противоречий, переход былой общности интересов «в антагонизм между членами рода». ³ При чрезвычайно сложной внешней обстановке, в окружении, с одной стороны, сильных племен и народов, желавших брать дань с самих бурят, и, с другой, — киштымов, для которых буряты были угнетателями, — внутренняя борьба и вынудила бурятских князей очевидно искать компромисса с новым врагом — Московским государством. Так был обеспечен успех экспедиции Петра Бекетова в 1629 г., как уже отмечено выше, — причинами, не зависевшими от «мощи русского оружия».

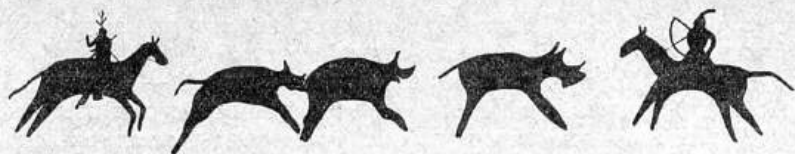
Легенды о Донэ-Баяне и другие фольклорные данные, безусловно очень древние, показывают вековое нарастание и углубление такого антагонизма внутри рода, который мог бы разрешиться временно и в борьбе масс против аристократов, в вооруженных столкновениях.

Эпос сохранил некоторые воспоминания о былой общности имущества, о коллективной родовой собственности на основные средства производства, но и для сказителей такие времена представляются эпохой богов, о них почти не сохранилось преданий, а основным занятием Зэгэтэ-облавицков тогда было только охота в сочетании с рыбной ловлей. Многие черты древнего первобытно-коммунистического, в полном смысле, быта сохранились и в более позднее время, позволяя исследователям проникать даже в палеолитический быт по таким реликтам ранне-ро-

¹ Фр. Энгельс, Происхождение семьи, 1934, стр. 98.

² Как показано выше, отношения бурят с киштымами в XVII в. были обусловлены внутренними процессами в этих обществах, были следствием становления классовых отношений у самих бурят, в первую очередь.

³ Фр. Энгельс, Происхождение семьи, 1934, стр. 143.

26. Наскальное изображение на «Шишкинской шаманке». Облава.

довой организации, но Зэгэтэ-Аба второй стадии своего развития несомненно предстает перед нами уже в ином виде. Необходимо вспомнить, что в то время родовая или племенная охота производилась только зимой. Причину устройства зимних охот Клеменц и Хангалов видят в невозможности летних охот из-за топких болот, непроходимых речек и озер. Пример быта чисто охотничьих племен Сибири показывает, что рыбная ловля и охота, в том числе коллективная, могли производиться летом. Дело, следовательно, не в этом, а в том, что буряты были уже не охотниками по преимуществу, а земледельцами и скотоводами, обитателями городищ «курумчинского типа». Летний сезон был уделен земледельческому хозяйству, которое вели отдельные патриархально-семейные общины, ветви отцовского рода, сенокосению, пастьбе скота на привольных пастбищах и тому подобным занятиям.

Былая коллективная охота имела место лишь зимой, т. е. после окончания полевой работы, и была теперь выражением даже не родовой, а племенной связи между отдельными родами, хотя в экономическом отношении общеродовые формы труда оставались притом в области охоты не менее эффективными, чем прежде, и пожалуй более доходными, если учесть, что соединение родов обеспечивало охват огромных территорий и массовую добычу ценного зверя.¹

Унаследованная от эпохи материнского рода коллективная охота-облава как на зверей, так, в случае войны, на людей сохраняла традиции коллективизма, которые вытекали когда-то из строя материнского рода.

Участниками облавы были равные между собой роды. Зэгэтэ-облавщики состояли из всех свободных, носивших оружие, и, что особенно важно, в Зэгэтэ-Аба принимали равное с мужчинами участие женщины. Женщина зимой «обращалась в рядового Зэгэтэ-облавщика, а в военное время в воина, и получала свою долю из общего раздела добычи (хуби). Она, соперничая с мужчинами,

¹ О соединении бурят идинских, балаганских, ленских, ольхонских и других на облаве близ реки Тайтурки (тайтурская облава), и о такой же межродовой облаве под именем Хэрмэн-Зэгэтэ-Аба сообщает М. Н. Хангалов (Зэгэтэ-Аба, облава на зверей у древних бурят. «Известия ВСОРО», т. XIX, № 3, стр. 3). Подобные облавы обеспечивали и возможность военного союза, в целях отпора русским, как это мы видели выше.

уносились в вихре Зэгэтэ-Аба, охотясь на зверей и участвуя наравне с мужчинами в военных действиях». ¹

Равенство вооруженных свободных людей — конников — внутри рода, ² ежегодно демонстрировавшееся во время общинной охоты, представляло прочную опору военно-демократического строя древних времен. Но, как и в древней Греции, бурятский род был отцовским родом, а не архаическим родом вроде прокеского. Частная собственность уже давно пробивает в нем брешь, внутри рода существовал уже своего рода хозяйственный микрокосм, патриархально-семейная община, хотя и сохранявшая все кровные и культовые связи с другими общинами своего рода. Этот микрокосм заключал в себе рабство, частную по отношению к роду собственность на скот, а следовательно и материальные предпосылки для возникновения и укрепления наследственной родовой и племенной аристократии. Дополнительные, но далеко не лишние, штрихи общей картины древнего общественного быта бурят-монголов до русского завоевания содержатся в идеологическом наследстве этого быта — в шаманском ритуале и воззрениях. У ближайших соседей бурят-монголов — эвенкийских племен и родов Прибайкалья и остальных представителей этой народности — шаманство четко отражает в идеологии и культе структуру общества, еще не знающего развитого и определенного деления на классы. Места родового культа, «тунгусские мольбища», своим обликом и осмыслением отражают наличные родовые связи.

Самые представления эвенков о духах напоминают нам о словах Н. Я. Марра относительно первичности множественного числа, зародившегося в коллективистическом обществе, т. е. в родовом обществе, где личность не может осознать себя вне целого и противопоставить ему свое «я». «Отдельный дух», пишет Широкогоров, «как например ай-буркан или малу-буркан, не есть единоличный дух, но каждый из бурканов многочислен и снабжен различными функ-

¹ К л е м е н ц и Х а н г а л о в, Общественные охоты..., стр. 145.

² Заслуживают особого внимания слова М. Н. Хангалова в его работе о «Юридических обычаях у бурят» относительно состава «среднего класса Зэгэтэ-облашчиков». Это были все те буряты, «которые имели коня и могли выезжать верхом на облаву или на войну. Конь во время Зэгэтэ-Аба много значил, без него трудно было обойтись. Тот Зэгэтэ-облашник, который имел коня, имел и право голоса в делах, принимая участие в облавах на зверей и различных военных действиях и получая свой пай (хуби) из общего раздела» (см. «Этнографическое обозрение» № 2, 1894, стр. 129). Владение скотом, особенно конным, как основным средством производства, определяло положение в обществе. Показательно, что «нижний класс Зэгэтэ-облашчиков» составляли пешие люди, не имевшие коней, которых предание отличает от рабов «хул-ханши».

Существование таких пеших сородичей и их зависимое положение, выражавшееся в том, что они таскали на себе туши убитых зверей и, самое главное, не участвовали в общинной охоте, снова дает право вспомнить о пеших киштымах, соседях бурят в XVII в. Предание подтверждает мысль об отсутствии резкой грани между черным народом самого бурятского рода и «чужеродцами»-киштымами в эпоху упадка военной демократии у бурят.

циями. Поэтому его скорее можно определить как комплекс, объединенный только единым понятием». ¹

При неизбежном сохранении в бурятском шаманстве многих подобных элементов, в нем существуют и другие напластования совершенно иного свойства и происхождения. Общеизвестны данные о шаманской иерархии, сложная система «господства и подчинения» в мире духов, но особый интерес в связи с историей внутренних социальных отношений зэгэтэ-облашников дорусского времени имеют для нас представления о душе. Душа в религии бурят множественна, как и у многих других народов, и в этом нельзя не видеть наследия более древней эпохи, отразившейся, как мы полагаем, и в комплексности эвенкийских севопов и бурханов. Однако, у бурят множественность душ приобрела иной, чем у них, характер и объясняется шаманами бурят совершенно иначе, чем можно было предполагать в связи с историей этой множественности или комплексности душ, как отражения первобытной коллективистической идеологии.

Подобно тому, как мир богов делился на три разряда, и душа одного и того же человека делилась так:

- 1) первая — хорошая душа (хайн — hūnhən или заяши);
- 2) вторая — средняя душа (дунда — hūnhən);
- 3) третья — худая душа (му — hūnhən).

По характеристике М. Н. Хангалова «хорошая душа (заяши) соответствует высшим шаманам — начальникам Зэгэтэ-Аба, средняя душа — простым рядовым зэгэтэ-облашникам, худая душа — рабам». ² Трудно сомневаться в том, что эти представления соответствуют обществу, далекому от первобытного равенства эпохи матриархата, а также и в том, что они потребовали длительного времени для приобретения своей окончательной, столь стройной, формы.

Для последней, судя по археологическим данным весьма длительной, эпохи Зэгэтэ-Аба уже не была формой коллективной организации основного производства, как раньше. Зэгэтэ-Аба теперь, как выражение племенного союза между отдельными родоплеменными массивами, разрушает рамки былой изолированности локальных групп эпохи материнского рода. Возникают те объединения, которые получили свое отражение в памяти людей XIX в. под именем тайтуругской, бурятской, бодорейской, хэр-мэйской и других облав.

Предание о существовании единой общепурятской облавы столь же маловероятно, как и генеалогические саги с указанием на Булагата, Эхирита, Хоридоя и других типичных эпонимов; хотя и оно имеет некоторые основания в давно изжитом коллективном

¹ С. М. Широкогоров, Опыт исследования основ шаманства у тунгусов, Владивосток, 1919, стр. 22; ср. Л о п а т и н, Гольды, Владивосток, 1922, стр. 212—229.

² К л е м е н ц и Х а н г а л о в, Общинные охоты у северных бурят, стр. 132, 133.

строе материнского рода охотников и собирателей, а затем и первых степных скотоводов.

Межродовое же ополчение позднейших времен, получившее стройную организацию еще в условиях общинной охоты, по внешности было, как давно отмечали различные авторы, готовой формой военной организации средневековых монгольских завоевателей.

Вожди этого ополчения были предшественниками хаанов времени Чингиса, хотя бы в Бурятии они и появились долго спустя после развала империи чингисидов, вырастая из богачей, глав большесемейных общин и поднимаясь над родом благодаря созданию межродовых крупных объединений (князцы на Лене и т. д.).

Отбрасывая от ядра преданий, составляющих цикл Зэгэтэ-Аба, все позднейшее и все более раннее, мы открываем в цикле Зэгэтэ-Аба не только драгоценные указания на существование, с одной стороны, зачаточной власти родовой аристократии и, с другой, — родовой демократии, но и на взаимоотношения демоса и аристократов — владельцев рабов и «хорошей души».

«Средний класс зэгэтэ-облавыщиков составлял большинство всего общества. Это большинство представляло собой буйную беспокойную группу; она частенько поднимала споры и шум из-за якобы неправильного раздела добычи и заявляла протест. В этих случаях шаманы-начальники уговаривали крикунов, и им нередко удавалось успокаивать недовольных, а когда увещания не действовали, прибегали не стесняясь к силе».

Бурятский эпос, в данном случае — создание шаманов, с такой же четкостью рисует здесь облик вождей демоса, как греческий — «крикуна» и «беспокойного спорщика» Терсита. И разве не похожи шаманы бурят, «увещавшие» противников силой, на древнегреческого героя, избивающего золотым скипетром представителя угнетаемых масс, своего сородича «презренного Терсита»?

Мы узнаем далее из бурятского фольклора, свидетельства которого талантливо обобщил М. Н. Хангалов, что борьба проходила в затяжных и очень тяжелых формах, сопровождая мучительный и медленный процесс становления классовых отношений в бурятском обществе прошлого.

«Ропот и недовольство увеличивались со дня на день и доводили народ до высшей степени раздражения; недовольные и обиженные шаманы и шаманки подстрекали простых рядовых зэгэтэ-облавыщиков, которые узнавали все шаманские плутни и преступления». ¹ «В это смутное время тяжело жилось простым рядовым зэгэтэ-облавыщикам, которые были слепым орудием в руках враждующих между собой партий шаманов-начальников, и все они постепенно начали сознавать это». ² «Прежняя любовь, дове-

¹ Там же, стр. 196.

² Там же, стр. 147.

рие и почтительность исчезли между зэгэтэ-облавицками. Исчезли старинное согласие и взаимопомощь и на место их появились недоверие и взаимная ненависть, а подобное настроение должно быть иметь пагубное влияние в таком деле, которое требует общего согласия. Зэгэтэ-Аба, очевидно, падала и доживала свои серые последние дни». ¹

Все это происходило на фоне окончательного перехода к развитому скотоводству табунного типа, к патриархально-семейному раздробленному скотоводству, заставившему «разделить общинный скот на отдельные части и прискаты для него особые пастбища».

Небольшие общины образовывали, как утверждает предание, мелкие Зэгэтэ, которые, подстрекаемые своими начальниками, нападали друг на друга: происходили кровавые драки, оплошавших брали в плен; шаманы-начальники, прежде пользовавшиеся таким высоким авторитетом, не избегали этой участи, а оставшиеся на свободе убегали и присоединялись к другой Зэгэтэ-Аба, а потом мстили своим врагам. ² Чужие племена (киштымы) нападали на раздробленные роды бурят, брали их в плен и уводили к себе в рабство. ³

Борьба сторонников обреченной на гибель родовой военной демократии против аристократии привела бурятское общество к тяжелому и затяжному кризису на грани перехода от старых форм быта, переживавшего «тусклые дни» своего заката, к новым, но эта же внутренняя историческая грань оказалась в силу хода событий «внешней» истории хронологической чертой, которую подвело русское завоевание под многовековой историей самостоятельного общественного развития бурят-монголов.

* * *

Означает ли данная выше постановка вопроса согласие с одной из двух противоположных изложенных нами вначале концепций истории бурятского народа?

Нам кажется — нет, не означает, как не означает она и «промежуточного» решения.

Выше мы в основном почти исчерпали имевшийся материал о бурятском обществе XVII в. и в результате получили очень сложную конкретно-историческую картину, отражающую отчасти его прошлое до прихода русских и связанную с позднейшим общественным развитием бурят-монголов. Встает вопрос: какой характер имело это общество, если подойти к нему с точки зрения не конкретно-исторического только анализа фактов, но и общей теории исторического процесса развития общества?

¹ К л е м е н ц и Х а н г а л о в, Общинные охоты у северных бурят, стр. 346.

² Там же, стр. 147.

³ Н. Н. К о з ь м и н, К вопросу о турецко-монгольском феодализме, стр. 28.

В упоминавшейся выше работе «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» Н. Н. Козьмин поставил перед собою задачу дать ответ именно на этот важнейший вопрос истории древнего бурятского общества.

К сожалению, его опыт не может быть признан удачным, как это было уже констатировано в ряде рецензий на эту работу. Работа Н. Н. Козьмина сама является примером того, как (говоря словами ее автора) «явления вырываются из их общей органической связи и открывается полный простор для произвольных построений, т. е. забывается основное научное требование».

Желая доказать, что феодализм является не специфически европейским явлением, а феодальные отношения знала и Азия, Н. Н. Козьмин привлек для обоснования этого бесспорного положения материалы из истории гуннского общества, турецкого (орхоно-енисейского), монгольского XII—XVIII вв. и бурятского XVII—XX вв.

Формально сравнивая исторические факты, вырванные из общей связи отношений, свойственных конкретному обществу, и конструируя условную статическую картину, Н. Н. Козьмин оставил в стороне основную задачу научного исследования, выяснение того, как возникло и развивалось явление, т. е. подошел к исследованию «турецко-монгольского» феодализма не как диалектик, а как метафизик.

Формальный, метафизический подход Н. Н. Козьмина определил его взгляды и на бурятское общество, на так называемый бурятский феодализм. Исходя из положения о господстве одинаковых феодальных отношений в Азии на протяжении тысячелетий, Н. Н. Козьмин распространил последние на территорию, занятую бурят-монголами. Такое априорное предположение оказалось в противоречии с реальными фактами, с элементами родового быта, например, отмеченными различными последователями и безусловно знакомыми самому Н. Н. Козьмину.

Однако, выход был найден им в пресловутой теории регресса, которая часто выдвигалась местными националистами, представителями шовинистически настроенной интеллигенции, в целях установления своей связи с «великими предками» глубокой древности.

28. *Сцена охоты-загона. Наскальное изображение на горе Сахюрта. Ольхон (по В. Э. Петру).*

Н. Н. Козьмин категорически отрицает, что «сибирские туземцы не вышли из стадии так называемого родового быта», и указывает, что их предки «входили в состав больших культурных государств» со сложными хозяйственными и социальными отношениями. Исторические судьбы и новые условия хозяйствования заставили их «опуститься» до более низкого уровня хозяйства и культуры. Буряты тоже, по его словам, не только знали феодальные отношения, «но и создали великую феодальную империю вроде империи Карла Великого или позднейшей — Карла V» (!).¹

Упадок же культуры и социально-экономического строя объясняется последствиями предполагаемого переселения в Прибайкалье, когда заброшенные в тайгу буряты оказались, по его словам, в условиях «подавленного (!) товарообмена». ² Родовой же быт, по заявлению Н. Н. Козьмина, теперь возникнуть мог «вторично» после эпидемии, вражеского набега и т. п., когда оставшиеся две-три семьи разрастались и образовывали целые роды, вроде русской деревни, заселенной однофамильцами.

Концепция регресса культуры и экономики туземного населения Прибайкалья, как мы видели, противоречит факты.³ Эта концепция, в которой роль демиурга истории играет торговый капитал и воля феодалов, в изложении Н. Н. Козьмина напоминает нам следующие слова Энгельса о теоретических построениях Е. Дюринга: «Возарение, по которому судьбы истории решаются политическими действиями правителей и государств, так же старо, как сама писанная история, и было главной причиной недостаточности дошедших до нас сведений о действительном историческом двигателе: о развитии народов, тихо совершавшемся на заднем плане этой шумной сцены».⁴

Тем не менее, выдвигаемая этнографическими материалами проблема родовых отношений и роли последних у бурят не переставала беспокоить Н. Н. Козьмина на всем протяжении его работы, действительным стержнем которой, начиная с введения и кончая последними страницами, является борьба против «родовой теории» и с взглядами некоторых сторонников последней о «феодально-

¹ Н. Н. К о з ь м и н, К вопросу о турецко-монгольском феодализме, стр. 133, 134 и др.

² Н. Н. Козьмин под этим термином понимает ослабление торговли, снижение роли обмена в хозяйстве бурят.

³ Нельзя не отметить в связи с «теорией регресса» противоположного взгляда Б. Я. Владимирцова на то же керентское государство и его главу Ван-Хана: «Никогда «царем» не был и пресловутый Ван-Хан керентский. Возводя его в этот ранг и приписывая ему никогда не бывшую у него силу и мощь, мы находимся под обаянием традиционных ассоциаций, связанных с именем и титулом Ван-Хана» и т. д. (см. «Общественный строй монголов», стр. 81, 82).

Эти слова покойного исследователя по адресу сторонников традиционного описания варварских царьков, как феодалов, в свою очередь, невольно заставляют вспомнить беспощадную критику подобных описаний строя древних обществ Америки со стороны Л. Г. Моргана.

⁴ Ф. Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, 1936, стр. 113.

родовых» отношениях у бурят и других скотоводческих народов. В своей борьбе против этих взглядов Н. Н. Козьмин, часто впрочем противореча собственным высказываниям, начисто отрицает наличие родовых отношений.

Но какие, конкретно, отношения понимает он в качестве «родовых»? Н. Н. Козьмин пишет:

«В отношении сибирских туземцев — не только северных, но и южных, в буржуазной этнографической литературе установилось совершенно определенное представление, как о живших, да и продолжавших жить в условиях патриархально-родового строя. Их быт представляется, как быт «примитивный», а хозяйство — еще не вышедшим из рамок замкнуто-натурального и насыщенным элементами «первобытного коммунизма». Иначе говоря, почтенные «ученые» мужи считают большинство сибирских туземцев первобытными дикарями, как бы еще только вышедшими из колыбели природы. Термин «дикари» имеет до сих пор еще все права гражданства в закоулках буржуазной «научной литературы». ¹

Сибирские туземцы — не дикари, ибо они, якобы, не знают теперь даже элементов первобытного коммунизма (почему-то заключенного Н. Н. Козьминым в прогнившие кавычки). Настоящие же дикари — первобытные люди, люди родового общества, следовательно, не имеют сложных «общественных отношений, тонкой психической организации и богатого художественного творчества», общество их квалифицируется Н. Н. Козьминым как «сборище дикарей, как какая-то серая-однородная масса». ²

Уровень таких представлений о первобытно-коммунистическом обществе явно стоит не выше уровня ученых обитателей «закоулков буржуазной «научной литературы», он бесконечно ниже уровня взглядов представителей передовой буржуазной этнографии.

Допустимо предположение, что столь мрачная и фантастическая картина родового быта каких-то «дикарей» создана была лишь для устрашения противников, которые в таком случае охотно отбросят мысль, «что население Сибири, особенно Присяянья, представляло собой дикарей», ³ если таковая мысль у них имелась. Эта картина «рода» и дикарей не заслуживает, очевидно, поэтому большого внимания даже и со стороны Н. Н. Козьмина, «уточняющего» затем свои взгляды на родовый быт в следующих словах: «скотоводческое хозяйство не следует представлять в виде идиллической картинки номадно-скотоводческого быта с патриархально-родовыми отношениями внутри как бы разросшейся чрезвычайной семьи с отцом-патриархом «эчигэ» во главе с мирной, сытой, хотя и простой, жизнью за счет молока и мяса на привольных степях стад и табунов». ⁴ Но, к сожалению, иных представлений

¹ Н. Н. Козьмин, К вопросу о турецко-монгольском феодализме, глава «Феодальные отношения в Бурятии», стр. 78.

² Там же, стр. 80.

³ Там же, стр. 78.

⁴ Там же, стр. 35.

о патриархальном роде у Н. Н. Козьмина вообще нет. Возражая против «родовой концепции», он возражает и здесь только против наличия у бурят нарисованной им такой идиллической картинки рода, восходящей к этнологическим построениям Библии. Сам же он, вообще, допускает реальное существование отцовского рода, но как чего-то, повидимому, схожего с таким счастливым бытом Авраама и Иакова, некоего более далекого Востока: «чем далее на восток, тем более мы должны встречаться с переживаниями и отголосками еще более ранней эпохи господства патриархально-родовых отношений и общинных хозяйственных порядков». ¹ Более точная географическая и хронологическая локализация нарисованной «восточной» картинки с патриархом-эцига здесь, однако, предусмотрительно избегается.

Такая «историческая диалектика», как ее называет автор, естественно, не может ответить на вопрос о происхождении классовых отношений у «одной из крупных национальных групп Восточной Сибири, именно у бурят-монголов», так как исследователь, видимо, не представляет реального доклассового общества, из которого возникает классовое общество, вульгаризирует историю и не понимает судьбу рода, в изучении которого, как известно, по словам Энгельса, «была найдена новая основа для всей первобытной истории», т. е. истории доклассового общества.

Б. Я. Владимирцов, детально изучивший общественные отношения древних монголов и взявший за исходный пункт эпоху возникновения монгольской государственности, раскрыл реальные родовые отношения у монголов той поры, а в связи с их развитием обнаружил действительные корни классовых отношений и проследил расцвет последних, следуя за конкретными фактами монгольской истории.

Ввиду близости древнего монгольского рода и общества чингисовой эпохи к бурятскому эпохи дорусского завоевания, — исключительный интерес для нас представляет общая характеристика родового строя монголов, данная Б. Я. Владимирцовым в его классическом исследовании.

Черты древнего монгольского рода в изложении Б. Я. Владимирцова не имеют ничего общего с фантастическим «сборищем дикарей» и мирной семьей седобородого патриарха, описанными Н. Н. Козьминым. «Монгольский род являлся довольно типичным союзом кровных родственников, основанным на агнатном принципе и экзогамии, союзом патриархальным, с некоторыми только чертами переживания былых когнатных отношений, с индивидуальным ведением хозяйства, но с общностью пастбищных территорий, связанным институтом мести и особым культом». ²

Подчеркивая отсутствие у монголов в родовом строе чего-либо особенно оригинального в отличие от других скотоводческих

¹ Н. Н. К о з ь м и н, К вопросу о турецко-монгольском феодализме, глава «Феодальные отношения в Бурятии», стр. 44.

² Б. Я. В л а д и м и р ц о в, Общественный строй монголов, стр. 58.

племен, живущих родовым бытом, Б. Я. Владимирцов пишет, что было бы «вообще напрасно искать в монгольском обществе XI—XII вв. «гармонию индивидуальной свободы и самой тесной солидарности», которую некоторые этнографы склонны видеть у так называемых первобытных племен».¹

Все сказанное, как мы видели, применимо и к бурятскому обществу, к бурятскому роду до русского завоевания, вопреки утверждениям Н. Н. Козьмина, связанного своей формальной анти-исторической схемой. Работа Н. Н. Козьмина, поскольку она выходит за пределы описания форм эксплуатации и включает решение проблемы их возникновения и развития, представляется в значительной мере искажающей действительную историю бурятского общества.

Взгляды сторонников родового быта в древней и новой Бурятии опирались на такую же формальную методологию, как и построения Н. Н. Козьмина, естественно, что они тоже не замечали фактов, которые нарушали целостность их концепции, представлявшей бурятский род XIX в. в идеализированном виде, и мнения их потому не могут быть приняты. Разоблачение подобных построений, связанных с народническими воззрениями, не представляет особого труда, хотя бы и на основе того интересного материала, который мобилизовал Н. Н. Козьмин в последних главах своей работы.

Тем не менее, изданные в 1926 г. «Очерки истории бурят-монгольской народности» Богданова и Козьмина в части описания общественного строя бурят XVII в. и их древнейших судеб во многом объективно оказывались иногда ближе к истине, чем высказывания Н. Н. Козьмина в 1934 г., поскольку авторы очерков не отходили от своей основной задачи — беспретенциозного изложения действительных фактов исторического прошлого бурятской народности. Но и только.

Н. Н. Козьмин с большим раздражением писал в свое время об исследователях, которые вопреки логике определяли общественный строй бурят и других народов Сибири, как «феодально-родовой», и употребляли термины вроде «степного» и «таежного феодала». Именно таков был подход к истории бурят большинства новейших исследователей, но он не был случайным, ибо подлинные исторические факты ставили их перед чрезвычайно сложной обстановкой, когда нельзя было найти выхода из создавшихся трудностей без применения диалектического метода. Только диалектический метод, гениально примененный Фр. Энгельсом к изучению истории доклассового общества, открывает иные пути для разрешения этих наболевших дискуссионных вопросов из истории бурят-монгольского общества.

Мы уже имели возможность констатировать многие элементы варварского родоплеменного быта древних бурят-монголов, разъясняющие весьма существенные черты общественного строя и кон-

¹ Там же, стр. 62.

кретные факты их исторического прошлого. Следуя за Энгельсом по указанному им пути, можно подойти теперь и к общей характеристике основных закономерностей истории западных бурят до русского завоевания.

Достаточно вспомнить, как указывает Энгельс, что в эпоху варварства в Старом Свете «...приручение домашних животных и разведение стад создали неслыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения»,¹ произошел переход от материнского права к отцовскому, зародилась частная собственность на средства производства (скот), «изобретено было также и рабство».² Все это мы нашли уже в стадии расцвета у бурят-монголов Прибайкалья в XVII в.

Исторический процесс в Прибайкалье, которое близко соприкасалось с территориями мощных политических образований Центральной Азии глубокой древности и само состояло из областей с различными темпами развития, шел, разумеется, несколько своеобразно в своих частностях. Предшественники бурят знакомы были уже с орхоно-енисейской письменностью (рунической), тогда как буряты в XVII в. были бесписьменным народом.³ Ремесло у бурят еще не выделилось в особую отрасль.⁴

При всем этом в древнем бурятском скотоводческом обществе уже налицо — имущественные различия, неизбежно ведущие к разрушению древнейшей коммунистической семейной общины и превращению семьи в основную хозяйственную единицу, сначала в виде патриархально-семейной общины.

Возникают союзы родственных племен, подготавливающие образование общенародной единой территории.

Войны между племенами уже ведутся теперь «ради чистейшего грабежа», закладываются основы наследственного дворянства.

Все эти черты характерны для высшей ступени варварства, они были налицы у греков героической эпохи и у римлян эпохи царей: «То было наиболее развитое общественное устройство, какое вообще могло развиться при родовом строе; оно являлось образцовым общественным устройством для высшей ступени варварства».⁵ История бурят всецело подтверждает выводы Энгельса о развитии варварского общества, а дальнейшее общественное

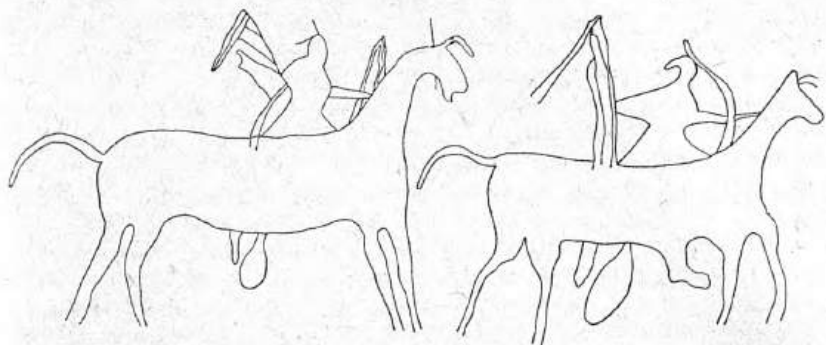
¹ Фр. Энгельс, Происхождение семьи, 1934, стр. 56.

² Там же, стр. 57.

³ Впрочем, орхоно-енисейская руническая письменность вообще исчезла в Центральной Азии после турецкого периода, и Прибайкалье не составляет в том смысле исключения, а монгольская письменность еще не успела проникнуть к бурятам в XVII в., как и более ранняя уйгурская, являвшаяся достоянием господствующих классов керейтского народа.

⁴ Следует отметить чисто бурятскую отрасль кузнечного дела: изготовление великолепных поясов, оружия и украшения с серебряной насечкой, широко ославившихся по Сибири в XVII—XIX вв. По существу это производство не выходило за рамки домашнего производства в роду, ибо долго еще бурятские кузнецы и серебряники не брали платы с сородичей за изготовление украшений и тому подобных вещей домашнего обихода.

⁵ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, 1934, стр. 128.

29. Наскальное изображение (р. Лена, близ Верхоленска). Всадники с луками и саадаками, с перьями на головных уборах — признаком знатности.

развитие у бурят-монголов, кратко описанное выше, также происходило в таких условиях, когда, по словам Энгельса, «...в рамках общественного расчленения, основанного на отношениях родства, все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с нею — частная собственность и обмен, различия в богатстве, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа противоположности классов — новые социальные элементы, пытающиеся в ряде поколений приспособить старый общественный строй к новым условиям...».¹

Я намеренно обрываю здесь изложение Энгельса, ибо исторический процесс в Бурятии испытал сильнейшее воздействие русского завоевания, так как еще до назревшего столкновения новообразовавшихся классов произошло подчинение бурят царизму, и дальше взаимоотношения внутри бурятского общества происходили уже в рамках русской государственности.

Русское завоевание имело различные, противоречивые, последствия применительно к общественному развитию бурятской народности в Приангарье.

Завоеватели прервали прежние отношения кыштымов и бурятской верхушки. Они расчленили Бурятию и перерезали намечавшиеся широкие племенные связи. Русские завоеватели нанесли удар торговым операциям князцов не только закрытием старых путей торговли или конкуренцией, но и государственной монополией пушнины.

Все это сказалось на роли старой родоплеменной аристократии, подготовило переход ее молодого поколения на царскую службу.

¹ Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, 1934, стр. 19, 20.

Вся последующая история бурятского рода, вопреки народнически-идеализаторским построениям ряда исследователей, является иллюстрацией этого положения Энгельса о деятельности новых социальных элементов, пытающихся приспособить старый родовой строй к новым условиям, к своим интересам. Иллюстрации к этому положению см. выше, при описании общественного строя бурят.

С другой стороны, поставив степных аристократов в положение посредников между русской властью и массой, Московское государство предоставило свой аппарат и свои законы в распоряжение этих посредников для устройства их личных дел. Эффектные, но младенческие формы классовых отношений перерастают, с благословения русской власти, в отношения феодального типа, — сильнее в Забайкалье, медленнее на Ангаре и Лене. Гордых Баяраканов и Чепчугуев сменяют новые люди, привыкшие низко кланяться русскому чиновнику, когда это нужно, и умело извлекающие пользу из новых порядков. Они ссылаются, когда хотят приобрести права дворян и звания феодалов, на сомнительные генеалогические связи с «убиенным князем Шибшеем» — Чепчугуем,¹ хотя на деле обычно не имеют ничего общего (в XVIII—XIX вв.) с исчезнувшей родовой аристократией глубокого прошлого.

Именно это время, по существу, и явилось временем подлинного развития «бурятского феодализма» в очень своеобразной обстановке, усложненной местными различиями для разных районов Западной Бурятии, при наличии элементов родового быта, воздействии торгового капитала и в условиях военно-феодального режима царской колонии Сибири. Но почему, спрашивается, «бурятский феодализм» и тогда не сбросил оболочки родовых отношений, прикрывающих и рождающих классовые на высшей ступени варварства? Почему, наконец, «феодал» не противопоставлялся массе, степные зайсаны и даже тайши не выделялись формально из рода и не порывали родовых связей, уже стеснявших дальнейшее развитие антагонистических отношений? Почему на месте родовых связей не оформились в окончательном и чистом виде отношения, присущие территориальной соседской общине, почему столь крепки оказались отмеченные выше корни родового быта?

В свое время некоторые авторы отвечали на такие вопросы ссылкой на необходимость охвата кочевого населения какими-то формами административных делений в целях феодальной эксплуатации. Они утверждали, что территориальные административные единицы немислимы при кочевании, и так как кочевники постоянно меняют территорию, возможно лишь намеренное прикрепление номада к «роду», точнее — к лицу, поставленному властями во главе последнего. Следует лишь указать в ответ на эти утверждения на факт отсутствия рода у монголов Халхи, являющихся кочевниками в большей степени, чем буряты Приангарья или алтайцы, и на оседлый, по сути, быт западных бурят, сохранивших элементы родового устройства.

С другой стороны, простая ссылка на «удобство» и полную пригодность родовых форм для эксплуатации масс феодалами, как на причину длительного существования рода у кочевников, только

¹ На попытки увязки родословных тайшинских родов с именем Чепчугуя указывают А. И. Востриков и Н. Н. Поппе (см. Труды Института востоковедения, VIII, «Летопись баргузинских бурят».

констатирует явление, а не объясняет подлинных причин его происхождения, не отвечает на сформулированные выше вопросы, по существу, ибо такая ссылка, как и первая точка зрения, исходит из учета только одной стороны явления, принимает во внимание лишь феодальные отношения и не пытается осветить по существу ту историческую среду, в которой эти отношения складывались и отрицанием которой являлись.

Не может быть принята в качестве главного объяснения и конечной причины устойчивости рода и ссылка на пользу экзогамных норм брачной жизни. Польза экзогамии так же относительна, как и удобство родовых отношений для эксплуататоров. Признание пользы экзогамии и удобства родовых отношений для эксплуатации ведет лишь к признанию наличия родовых отношений, а не каких-либо иных, более развитых, при которых отпадает нужда в экзогамии и родовой «оболочке», скрывающей классовые отношения: Выражая своеобразные экономические и брачно-семейные корни родовых связей, и та и другая могли существовать только в определенной исторической обстановке, обусловленной для всех очевидными «недоразвитостью» феодальных и силой «родовых» отношений, вызвавшими к жизни термин «феодально-родовое общество» — результат смешения и отождествления общей теории с конкретной историей, абстрактного понятия формации — с конкретным обществом.

Проблема так называемых «родовых пережитков» в конкретном феодальном обществе и докапиталистических пережитков в капиталистическом обществе является в основе прежде всего проблемой сочетания укладов, а корни каждого из этих укладов заключаются в определенных условиях, которыми определяются крепость, устойчивость и формы данного уклада.

Специфическая форма родового быта и уклада предстает перед нами в виде семейно-родственных, естественных, отношений, основанных на кровном родстве. Энгельс определенно указывал, что чем меньше развит труд, чем ограниченнее сумма его продукции, а следовательно чем незначительнее и богатство общества, тем более отношения кровного родства оказывают господствующее влияние на общественный строй. Такие отношения господствуют именно в условиях первобытно-коммунистического общественного строя и сохраняют свое определяющее значение в той или иной мере в зависимости от степени устойчивости последнего.

О таких первобытно-коммунистических общественных организациях Маркс в «Капитале» писал также, что «условие их существования — низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная связанность отношений людей в рамках процесса, создающего их материальную жизнь, а вместе с тем связанность всех их отношений друг к другу и к природе». ¹

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1936, стр. 40.

Подобная связанность людей — «...эта презренная, застойная и растительная жизнь... эта пассивная форма существования...»¹ — и нашла свое выражение в длительном существовании у бурят запретов браков между родственниками по роду, в экзогамии, т. е. в сохранении естественной кровной связи между членами первобытной общины — рода. Сохранение форм родовых связей, как кровных естественных связей, всецело покоилось «...на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественно-родовых связей с другими людьми...».²

Низким же уровнем развития производительных сил обуславливалось и сохранение первобытно-коммунистической собственности на землю, общность таких предприятий, как каналы для искусственного орошения, различные пережитки коллективных форм труда и быта, ибо первобытный коммунизм в целом был результатом слабости индивидуального человека на ранних ступенях общественного развития.

Степенью отсталости в развитии производительных сил и определяется в значительной мере степень сохранения бурятами-«кочевниками» пережитков первобытного коммунизма в экономике.

Совершенно неизбежна поэтому устойчивость как родовой улусной, у бурят, так и сельской территориальной общины, у русских, например, давно уже объясненная основоположниками марксизма простотой и ясностью производственного механизма подобных самодовлеющих общин и всей их примитивной экономики.³

В таких условиях, с одной стороны, очень долгое время даже всякая борьба масс против феодального и тому подобного гнета еще не могла идти вне рамок общин, обеспечивающих ее силу, а вместе с тем и слабость. Община или род, как древнейшая форма общины, давали своим членам опору в борьбе с природой, в борьбе с врагами, еще обеспечивали в той или иной мере политическое равенство членов рода внутри этого рода, будучи естественно выросшим демократическим по происхождению союзом.

С другой стороны, экономическая потребность в общине, как источник ее изумительной приспособляемости и устойчивости вообще, существовала и в Европе по указанию Фридриха Энгельса до того момента, «...как гигантский прогресс сельского хозяйства за последние сто лет превратил земледелие в научную дисциплину и привел к совершенно новым формам производства».⁴

Следует ли после этого удивляться устойчивости у бурят элементов родовых отношений и тем более игнорировать их, как это иногда делают, не делая попытки научно объяснить и правильно определить их роль, не стараясь выявить закономерности развития и материальные причины их существования?

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 351.

² К. Маркс, Капитал, т. I, 1936, стр. 40.

³ Там же, стр. 40.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 638.

Роль родовых отношений в комплексе докапиталистических пережитков недавнего прошлого и в истории бурят-монгольской народности тем более интересна, что всего каких-нибудь триста лет тому назад они определяли быт последней; иные же отношения были тогда лишь вновь возникающим укладом, носители которого пытались приспособиться к старым формам, ввиду устойчивости и силы таковых, а совсем не потому, что это были наиболее удобные и совершенные вообще с их точки зрения и для их интересов формы общественных связей.¹

Конкретно-исторические исследования должны раскрыть судьбу рода и все обстоятельства, связанные с развитием родовых отношений у бурят, с необходимой, но пока недостижимой, полнотой. Сейчас же следует лишь констатировать для древней Бурятии ее окраинное местонахождение, захолустный и дикий облик Баргуджин-Тукума далекого прошлого, слабость связей бурят-монголов с внешним миром, связей, к тому же составлявших монополию родоплеменной аристократии. Это определяло как общее положение Бурятии в качестве части варварской периферии соседних более развитых обществ, так и медленные темпы ее экономического развития; это содействовало устойчивому сохранению древнего общественного строя, корней родового быта.

Русское завоевание в XVII в., как и вся дальнейшая политика царизма, принесло жестокую эксплуатацию, гибель значительной части населения и вызвало бегство масс от угнетателей.

Такая деятельность царизма и его агентов в Сибири могла только задержать общее развитие и тем самым еще больше содействовать сохранению черт варварского прошлого. С другой стороны, военно-феодалное господство завоевателей, если и не навязывало завоеванным целиком свой способ производства, то давало готовый образец последнего и всемерно поддерживало новые социальные элементы, в интересах которых было развитие феодальных отношений у бурят, — отношений, еще ожидающих специального научного исследования, но в зачаточных формах, в качестве отдельных элементов, несомненных и для далекой варварской старины.

¹ Через всю историю феодализма проходит сосуществование марки и поместья, общины и феодала. Энгельс в «Марке» прямо подчеркивает необходимость общинного устройства в средние века даже для крупного землевладения, он приводит примеры, когда помещики становились членами марки (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 639).

Существование рода, архаической формы общинных связей с феодальными отношениями в XVIII—XIX вв. у бурят-монголов лишь доказывает, вопреки попыткам модернизаторов, что устойчивость рода и сила феодальных отношений были в обратном отношении друг к другу, определившем «недоразвитость» феодализма и указывающем на относительно недавнее варварское прошлое Бурятии.

5. О ДВИЖУЩИХ СИЛАХ ОСВОБИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ БУРЯТ-МОНГОЛОВ В XVII В.

Формы и характер борьбы бурятского населения Восточной Сибири, а также и его ближайших соседей — тунгусов — с царизмом определялись своеобразной социально-экономической обстановкой, создавшейся в начале XVII в., сочетанием всех основных ее элементов, характеризованных выше.

В первом периоде русского завоевания наши документы рисуют продвижение русских отрядов вглубь бурятской земли после погрома 1629—1630 гг., при активном противодействии как будто всего бурятского населения, которое «живет в скопе», «чинитца непослушно», побивает царские отряды. Но при ближайшем ознакомлении с материалами выявляется различное отношение к завоевателям со стороны низов и верхов бурятского населения.

Верхи бурятского населения в устье Оки — Баяракан, Кодогон и др. — вступили в мирные сношения с Бекетовым, дали ему шерсть и признали власть русского царя, уплатили ясак.

Двойной гнет своих и чужих эксплуататоров, а в особенности насилия Я. Хрипунова и его сотоварищей, вызвали вскоре такой взрыв возмущения у бурятских низов, что и князцы пошли на «измену великому государю». С этого момента буряты то поддаются царю, уступая вооруженной силе завоевателей и их огненному бою, то вновь восстают против угнетателей. Князцы же продолжают играть двойственную роль; в завязавшейся борьбе они занимают свою, особенную, позицию, которая в конце концов оказывается предательской по отношению к борьбе масс против захватчиков.

На протяжении тридцати лет, от первых шагов завоевателей по бурятской земле до бегства последнего буряты из Балаганска, после «бесчинств» Ивана Похабова, тянется полоса героического сопротивления завоевателям со стороны трудящихся масс бурятской земли. И на всем этом протяжении времени князцы не изменяют своей тактики. Эта тактика сводится, в первую очередь, к желанию мирно столкнуться с военно-феодальным аппаратом царизма в целях разделения дохода от эксплуатации черного народа.

Князцы быстро достигают соглашения с русскими завоевателями, когда предстает перспектива грабежа собственных едино-

племенников. При содействии русских властей отдельных острогов князья организуют даже хищнические военные набеги на соседние улусы, добывают ясырь, отгоняют скот и наживаются за счет разграбленных соплеменников. Типичным представителем таких князьев можно считать известного нам по набегам на ясачных людей Красноярского острога родовитого «лучшего» князя Ба-ахая.

Таково же отношение князьев и лучших людей бурятских родов к бывшим своим киштымам.

Во время завоевания казаками бурятских улусов по Оке и Ангаре князья неоднократно приезжали к своим киштымам, били их и грабили, сводили их насильно в свои улусы, приказывали платить ясак не русским, а себе.

На Лене князья готольских бурят силой отбивали тунгусов от русских, приезжали к ним в кочевья и отбирали русские подарки, бросали в огонь «государево жалованье» — олово и одекуй. Когда тунгусы, пользуясь борьбой бурят с русскими, перестали было платить дань бурятским князьям, последние явились в тунгусские жилища и пригрозили, что русских побьют и похолопят, а тунгусов сварят в котлах живыми.¹

Князья бурятские пытались натравить своих прежних киштымов на русских казаков и использовать первых, выражаясь языком XX в., как «пушечное мясо»: приказывали тунгусам побивать казаков по кочевьям и на промыслах.²

В то же самое время князец Братай, например, активно поддерживает русских против тунгусов, оказывает русским всемерную помощь. Когда тунгусы на устье Чадобца восстали против русских казаков, отобрали котлы и пищу, Братай приказал своим людям дать казакам котлы, а вслед за тем поймал тунгуса, затеяв-

¹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 402, л. 188. О такого рода расправах свидетельствуют факты из взаимоотношений «калмыков» с татарами Ашкиштымской волости. Контайшин князец Байгорок в 1710 г. приказал ясачному татарину за сообщение русским о приходе калмыков: «у живова глаза выколоть и ремень из спины вырезать», а затем «татарина» повесили на дереве (архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, Списки Томской архивы, ч. I, л. 229).

² В 1684 г. собрались тубинские киштымы в числе 40 человек итти на реку Кан воевать канских татар за то, что во время прихода тубинцев под Канский острог в 1683г. были побиты служилыми людьми родичи этих киштымов. Узнав об этом, тубинские князья Шанда и Сары послали своих посланцев к езерскому князю Шурлу с вестью, что «тубинские киштымы не слушают (их), хотя итти в Кан государевых ясачных людей воевать; и он де, Шанда, хотел в Красноярской весте подать, а сам де он, Шанда, хотел итти в калмыки и калмыцкому тайше на киштымов своих бить челом в непослушании». Из числа киштымов князя Шурла было побито казанами 40 человек, и он говорил: «Государевы де воинские люди побили киштымов ево 40 человек, а я ни в чем на государских людях киштымов своих не отыскиваю и с войной на государевых людей противно не посылавал» (архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, Списки Красноярской архивы, № 62, л. 125). Из данного примера видно, что при одинаковых формах эксплуатации киштымов князьями тубинские и бурятские князья одинаково предательски относились к своим киштымам в условиях наступления русских завоевателей.

шего «грабеж и убийство», и прислал его на расправу в Братский острожек.¹

Бурятские князья использовывались нередко в качестве парламентариев для уговоров непокорных подчиниться русской власти. Так в 1654 г. с М. Фирсовым на Унгу и Осу для уговору брацких балаганских людей пошло с Оки два «брацких мужика лутчих».² После побега булагатов в 1658 г. с казаками на Ангару ездили верхоленские бурятские князья тоже для «уговору».³

Повседневные связи бурятской родо-племенной верхушки с русскими властями закреплялись даже родственными связями, как это было у князя Ербугарки с балаганским толмачом. Некоторые из представителей молодого поколения бурятских князей превращаются в русских служилых людей, входят в ряды служилой аристократии того времени. Потомки Куржума, связавшие свою судьбу с завоевателями, становятся детьми боярскими, приобретают крупные земельные наделы и строят заимки, из которых вырастает впоследствии целая деревня Куржумова, существующая на Лене и теперь.⁴

В 1685 г. писали из даурских острогов и уездов Илимского острожка к илимскому воеводе о сборах многих монгольских воинских тайш с войском для похода на острожки и слободы Енисейского и Илимского уездов и для погрома и увода бурят. Илимский воевода сообщал тогда в Москву, что «посылал из Ылимского в брацкую землю Ылимского уезду к ясашным людям Илимского сына боярского братские-ж породы Василия Куржумова, да с ним служилых людей, и велел им, иноземцом, сказать вашу великих государей милость и жалованье, чтоб они тех воинских мунгалских людей не убоались и были-б с служилыми и со всякими русскими людьми заодно против воинских людей за один, чтоб их, иноземцев, под вашею великих государей самодержавною царскою высокою рукою удержать, потому государи, что Илимского уезду ясачные братские люди с мунгалскими людьми живут меж».⁵

Сквозь века вплоть до нашей современности долетели отзвуки этого тяжелого времени. Среди преданий бурят о прошлом примечательно одно, записанное Баторовым в Алари, пропитанное классовой ненавистью бурятского черного народа к продававшейся русским помещикам и купцам и породнившейся с ними бурятской общественной верхушке.

Предание рассказывает, что «русским правительством над населением Аларского района был назначен Бошко (из кости⁶

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 135, № 51.

² Там же, № 199, л. 673.

³ См. выше главу о Похабове.

⁴ Заимка Василия Куржумова превратилась в большую русскую деревню, расположенную около Качуга, на левом берегу реки Лены, и, что заслуживает внимания, через эту заимку в XVII в., как показано на чертеже Семена Ремезова, пролегает торговый путь с Лены за Байкал и на Ангару.

⁵ ГАФКЭ, столб. 1589, л. 133—138.

⁶ Т. е. из рода.

Дуртон), которому было предоставлено управлять вверенным народом по своему личному усмотрению, произвольно суд и расправу учинять над виновными, как ему вздумается, а лишь только немедленно и лично доносить в Иркутск замеченное им про шатость и государственную измену, как старожилых, так и вновь прибывших из мунгальской земли братских людей, также накрепко смотреть, чтобы не было побегов в Монголию с угоном скота, как туда, так и обратно.

Начальник Бошко сначала управлял усердно, проявил твердую власть, внушая подчиненным страх и тем самым безусловное исполнение его приказов и был за такую деспотическую власть прозван «хатту хулитай ноен» — начальник с твердым законом. Дальнейшее свое управление Бошко ознаменовал и омрачил следующими деяниями: строгость свою и жестокость довел до того, что, придравшись даже к таким ничтожным случаям, как, например, переход дороги женщиною невзначай перед Бошко, когда он шел или ехал по той дороге, Бошко у провинившейся женщины, если она была молодая, собственноручно вырезал груди, жарил и ел.

Вследствие такой жестокости Бошко население, особенно женщины, убегали в лес и если не успевали захватить с собою маленьких детей, то таковых оставляли в юрте, замкнув дверь. Бошко залезал на юрту, доставал ребят с люлькой железным крюком (дэгэ, каковым буряты достают мясо из кипящего котла) через дымовник юрты, также жарил, как женские груди, и ел. За это Бошко был прозван «мяхата-шулма» — воплощенный дьявол или демон.

Несмотря на такое жестокое самодурство и неслыханные злоупотребления властью, никто не смел принести жалобу на Бошко русскому начальству, так как (он) не был избран народом в начальники, а назначен царским правительством над ними с неограниченной властью. К тому же он обладал русским языком и говорить был мастер, что в то время было большим козырем в руках Бошко, пользовавшегося доверием начальства. А имея огромную физическую силу, безжалостное сердце, он с противниками справлялся с небывалой жестокостью.

«В это время, — рассказывает дальше предание, — в Куркутском улусе жило два брата Лута и Кирха из кости Баршуха. Бошко похитил у Луты младенца, сына его невестки, и увез домой, чтобы съесть дома. Бошко жил тогда около Бурковского моста через реку Голуметь в местности Улан-Хайр. Вслед за Бошко отправился туда и Лута с намерением выручить ребенка или убить Бошко. Ребенка выручить удалось, а убить Бошко Лута все-таки не смог, ибо рассудил так: «если он убьет Бошко, тогда он себя и всю семью погубит, ибо русское правительство не простит убийства своего ставленника».

После жалобы, как повествуют легенды, записанные Батовым, из Иркутска прислали за Бошко железную повозку, а затем распяли его на кресте в Иркутске и срезали его мясо с ко-

стей, так как оно оказалось целебным. «А на смену Бошко, назначенному правительством, было разрешено вновь избрать достойного начальника из среды аларских жителей, тогда именно и был избран начальником Бахак Ирбанов, из кости Хонгодор, как человек родовитый и принадлежащий к белой кости». ¹

При естественных и неизбежных в фольклоре преувеличениях образ Бошко, приурочиваемого ко второй половине XVII в. в качестве предшественника Бахака Ирбанова, очень показателен. Русский ставленник, насильник и грабитель, приобретает в сознании народа черты сверхъестественного демона, людоеда-шулмуса. Улусная масса бессильна встать против его гнета, ибо на стороне угнетателя — весь аппарат царской власти, который обрушится на улусы при малейшем признаке неповиновения начальству. Сам по себе Бошко отнюдь не представляет только один лишь мифический образ. Под именем Бошко (китайское название одного из мелких чинов) на самом деле скрыты все эти В. Куржумовы, Ербугары Бугаевы и им подобные представители бурятской аристократии, вступившей в союз с царизмом в целях угнетения и совместной эксплуатации трудящегося населения бурятской земли. ²

Предание с поразительной точностью излагает своими словами содержание обязательств, которые брала на себя в шертных записях XVII в. бурятская аристократия, когда оно говорит о Бошко и его обязанностях, указывая тем самым на подлинные корни народного недовольства («хатту-хулитай-нойеном»). Бурятский нойнат, персонифицированный личностью полусказочного Бошко, честно выполнял свои обязательства, его верную службу отмечал для Забайкалья несколько позже и Савва Рагузинский. Русское правительство было довольно нойнотом, а массы глубоко ненавидели нойонов.

Н. Н. Козьмин ошибочно принимает внутренние «родовые» междоусобия — почти уже феодальные усобицы среди бурят в XVII в., обострившиеся соперничеством острогов из-за ясачных людей — за проявление классовой борьбы. Но тем не менее несомненно, что параллельно с хищническими набегами и межро-

¹ Архив ВСКО (б. ВСОРО), Записи Баторова.

² Обстановку, окружавшую нойона в старое время, хорошо передает М. Н. Хангалов, впитавший в свою память и сохранивший в записях воспоминания ряда поколений западных бурят. Он пишет, что «власть тайши была велика, перед ним все буряты буквально трепетали и беспрекословно подчинялись всем его решениям и распоряжениям. Решение главного тайши считалось окончательным, и если кто осмеливался обжаловать это решение перед русским правительством, то это считалось величайшим преступлением и небывалым случаем».

В виде шамана Боголо, первого главного тайши балаганских бурят, М. Н. Хангалов, возможно, описывает того же «Бошко». Ему, говорит он, «было предоставлено право казнить и вешать по своему усмотрению. Шаман Боголо во время своего служения казнил и повесил до трехсот человек. Буряты и ныне показывают место казни, где еще сохранились столбы от виселиц» («Этнографическое обозрение» № 2, 1894, стр. 142).

довой враждой Баахаев и тому подобных представителей феодализирующейся верхушки бурятского населения, уже в первой половине XVII в. разгоралась глухая борьба угнетенного аратства с князьями и лучшими людьми, действительными предателями дела обороны бурятской народности от царских отрядов. Предания и легенды ленских бурят об основании Верхоленского острога, записанные сначала В. Алсахановым,¹ а затем П. Хаштаевым, хорошо иллюстрируют начальный момент капитуляции эксплуататорской бурятской верхушки перед служилыми людьми и открытый поворот части князцов на сторону сильных завоевателей вопреки боевым настроениям улусных людей.²

Отношения между бурятскими князцами и новыми захватчиками, вводящими свои формы эксплуатации по отношению к народу, находившемуся прежде в зависимости от туземной аристократии, в дальнейшем обостряются. Как мы видели из документальных данных, часть князьков подталкивается этим соперничеством из-за права эксплуатации улусных людей и общим недовольством к участию в борьбе низов против завоевателей.

Противоречия между князцом и улусными людьми приводили, тем не менее, видимо, к тому, что иногда отдельные улусники покидали свои кочевья и бежали к служилым людям в остроги, рассказывали казакам о планах, которые намечали фрондирующие князцы, и предупреждали гарнизоны русских крепостей о грозящей опасности. Таков братский мужик Бортохайко, прибежавший в Верхоленский острог после штурма острога повстанцами и рассказавший об организации восстания «лутчими» князцами Булагатского и Хонгодорского (кайгаторского) родов.³ Таков улусный мужик И. Кутухта, выручивший из беды А. Е. Оленя в братском остроге своим рассказом о готовящемся погроме острожка.⁴ Таков, наконец, окинский бурят Азигидай Буентин, брата которого князцы держали под караулом,⁵ отделившийся от беглецов и вернувшийся к острогу в 1658 г.

¹ В. Алсаханов, Предание о подчинении бурят русскими (вариант, записанный от кудинского шамана), «Этнографический бюллетень» № 1, Иркутск, 1922. Вариант этого предания был записан еще Спасским и опубликован им в «Сибирском вестнике».

² Замечательны легенды кизильских татар, героем которых является Казга, человек совсем незнатного происхождения, но сильный и храбрый, самоотверженно боровшийся с завоевателями-казаками. Он боролся до тех пор, пока не стал жертвой предательства, был пойман и повешен за ребро в Тобольске (К. К о с т р о в, Кизильские татары, «Москвитянин», кн. 4, № 11, июнь 1854, стр. 154).

Такие же боевые настроения были и у массы улусных людей на Лене. Борьба среди ленских бурят была настолько ожесточенной, что это было хорошо известно и казакам, сообщавшим в отписках о ней сведения, подтверждающие достоверность фольклорных свидетельств.

³ ГАФКЭ, столб. 331, л. 335—337.

⁴ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 447.

⁵ См. выше, при описании событий 1658 г. на Оке.

В связи с этим вопросом о «ренегатах» улусных мужиках значительный интерес представляют некоторые факты из истории борьбы якутов с казаками в тридцатых годах XVII в. Когда русские отправились на разведки к улусу крупнейшего кангаласского «феодала» Мымака (или Мамыка), в лице которого некоторые исследователи видят знаменитого якутского царя Тыгына, то к казакам прибежал холоп князца Мымака и выдал планы своих господ, собиравшихся напасть на якутский гарнизон. Неудачи восстаний якутов в известной мере объясняются существованием глубокого антагонизма между племенной тойонской верхушкой и закабаленными низами, в первую очередь, холопами. Во всяком случае, социальная структура бурятского населения и нараставшие в нем социальные антагонизмы тоже накладывали резкий отпечаток на характер борьбы бурят-монголов с завоевателями.

В качестве сравнительного материала представляет значительную ценность параллельный материал о борьбе с завоевателями тунгусских родовых групп, которая так или иначе сочеталась с борьбой бурят-монгольского населения.

Тунгусы не только пассивно подчинялись бурятским князцам, сводившим их в свои улусы, но и активно участвовали в отпоре завоевателям, организованном бурятами. Заявление ленских тунгусов казакам: «у нас налягов, людей много, а братьев и тово больше», подчеркивает отношения военного союза между непримиримыми «молодыми тунгусами» и бурятами. В 1632 г. тунгусы самостоятельно, без всякого принуждения с Илима и Лены, переходят на Ангару в улус непокорного царю князца Буги («Букиев улус»). Тунгусы, по сообщениям казаков, живут с бурятами «за один человек», «пьют и ядят вместе с братьями». ¹ При нажиме казаков на тунгусов те «похваляются итти в братья». ² Первый заводчик повстанческого движения на Лене тунгус Звероул организационно связан с бурятами и пользуется их поддержкой. ³ Ясачные тунгусы, признавшие превосходство русского «огненного боя» над своими луками и стрелами, тем не менее «подводят» бурят на русских служилых людей, помогают бурятам устраивать набеги на Верхоленинский острог. ⁴

Уход тунгусов от насильников—русских казаков—в бурятские улусы совершался нередко и даже обычно целыми родовыми группами.

Подготовка выступлений против завоевателей совершалась в рамках родовых и межродовых связей, когда люди разных родов сходились на общий совет и вместе обсуждали планы восстаний.

В 1621 г., например, пошли все тунгусы думать общую думу со своих мелких речек «на сход» на большую реку—Верхнюю

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 56, л. 143.

² Там же, № 22, л. 33.

³ Там же, № 23.

⁴ ИИАИ АН СССР, Якутские столбцы, 1648—1649, л. 20.

Тунгуску.¹ Позже, когда тунгусы разбили в тайге 18 каюков енисейских промышленных людей на Подкаменной Тунгуске, повстанцы собрались и пошли к енисейским ясачным тунгусам «на совет, чтоб им и в Верхней Тунгуске русских людей побивать».²

Будучи в союзе с бурятами, тунгусы тем не менее сохраняют специфические особенности в общей борьбе с завоевателями. Их борьба носит характер общеродовой борьбы, она пропитана такими элементами родового быта, как кровная месть за сородичей. Когда казаки жили у Можеула на Тальме речке в его кочевьях, к Можеулу пришел чилкагирский тунгус с Байкала. Этот пришелец попытался убить гостей Можеула — русских казаков — за то, что какие-то русские люди ходили на судах по Байкалу и побили членов его рода, чилкагирских байкальских тунгусов.³ Подчиняясь священному родовому закону кровной мести за кровь сородичей, уже «зампренные» ангаро-илимские тунгусы восстают против русских, так как им на глаза попался служилый человек, принимавший участие в погроме их сородичей во время экспедиции Хрипунова за серебром.⁴ А на Лене тунгусы хотели побить служилых людей за то, что во время стычки бекетовского отряда с бурятами последние побили «вожов тынгуских» — князца Лишку и шаманова брата Шавдана. Мстили тунгусы *всем* русским (как бы «роду») за то, что те не сберегли и подвели под бурятские стрелы их сородичей.⁵

Исключительно ярко противоположность между тунгусами и бурятами в общей тактике борьбы отражена фактом убийства Вихоря Савина. Савин явился к бурятам с мирными целями, но брат князца Баяракана, неограниченный властелин в своем улусе, напился пьяным и решил отомстить Вихорю за личную обиду, за рану, нанесенную каким-то служилым человеком задолго до приезда В. Савина. Самовластие и самодурство социальной верхушки бурятского народа отражены в этом примере с достаточной четкостью. Если тунгусский род мстит за каждого сородича, как за полноправного члена коллектива, то у бурят за «худых мужиков» никто не мстит, зато не только за кровь князца, но и за обиду мстит его род и сам князец, не считаясь с интересами всего населения.

Даже бегство, которым заканчивались восстания в первой половине XVII в. после приобретения бурятами полной уверенности в своем бессилии перед завоевателями, в их военном и техническом превосходстве, имело для князцов определенное значение. Они выводили с собой и своих улусных людей, данников, «ясачных людишек», как сказали бы казаки. На улусных людей бурятские князьки смотрели уже почти так же, как монгольский Чи-

¹ Списки Томской архивы, ч. I, № 66.

² Там же, № 98.

³ Дополнения к актам историческим, т. II, № 89.

⁴ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 135.

⁵ Там же, № 156, л. 143.

хунь-Доржиин на бурят вообще, т. е. как на людей, труд которых кормит его и доставляет ему средства для украшения жизни предметами роскоши. Бегство без улусника поставило бы бурятского князца в положение двух генералов из известной «сказки», которые очутились на одном необитаемом острове и собирались друг друга съесть с голода, пока не обнаружили островного аборигена, мужичка, заменившего дикий и неудобный для них остров благоустроенным поместьем.

А когда князцы узнали, что их улусные люди в Монголии превращаются фактически в улусных людей монгольских феодалов, им Монголия перестала казаться раем. Инкей потому именно и отказался от предложения Омегена бежать в монгольские кочевья, что к этому времени у него наладились сносные отношения с царизмом, а улусные люди князца, ставшие государевыми холопами, вынуждены были исправно платить двойную дань — казне и князьку, — хотя бы путем сбора ясака для казны князьком.

В движении 1658 г., вызванном в первую очередь притеснениями И. Похабова, выявилась одна принципиально новая черта: дружественный нейтралитет бурятского улуса, его демоса в особенности, по отношению к русскому населению, в своей массе тоже борющемуся с управителем. Зато прямое сочувствие крестьянства, да и остальных слоев русского населения, обиженного Похабовым, было на стороне бурят. Дружественный нейтралитет проявлял тенденции перерастания в союз, в совместные действия против конкретного врага — представителя военно-феодалного аппарата русского самодержавия. Эти черты оформляются еще более определенно в событиях 1696 г. в Братском остроге, когда восстание русского населения поддерживается бурятским, когда возникает нечто вроде самоуправления туземного и русского населения, самое существование которого, не говоря уже о насильственной смене законного начальства выборным, было с точки зрения Москвы делом «воровским», бунтарским.

При этом борьба против крепостнической эксплуатации, которая ведется улусными людьми, переплетается с грызней отдельных эксплуататорских групп, с феодально-родовыми усобицами, возникающими вследствие столкновения грабительских интересов Ербугаров и им подобных бурятских аристократов. Люди олзоева рода идут против людей онгоева рода и т. д.

В 1696 г. Петрушка Тайшин, сын боярский, но из иркутских бурят родом, при помощи монгольских выходцев организует вооруженный побег с захватом городского табуна Иркутского острога. Но попытка Тайшина прорваться через Тунку в Монголию не удалась, а с беглецами учинена была жестокая расправа.

Такой поворот событий притом в самое тяжелое для Иркутска время, когда его «раздирали междоусобия», когда кипела в городе внутренняя политическая борьба и, казалось бы, легче всего было осуществить планы восстания, обнаруживается коренной поворот движения. Движение не было поддержано широкими улус-

ными массами потому именно, что во главе его стоял не только потомок степной аристократии, но к тому же и русский служилый человек, т. е. представитель тех бурятских верхов, которые связали свою судьбу с судьбой царизма и пользовались его милостями за помощь в угнетении черного улусного народа. Улусные массы не поддержали восстания потому именно, что на помощь П. Тайшину пришли люди феодальной ханско-вановской Монголии, в цели которых входила одна задача: поживиться за счет русских жителей Иркутска при погроме деревень и отгоне городского скота, а также вывести из Прибайкалья несколько сот новых данников, ясачных холопов для своего хана. Перспектива лишиться родины и покинуть свое имущество при поспешном бегстве, а затем стать нищими рабами монгольского феодала мало улыбалась бурятскому населению долины Иркутска, хорошо осведомленному во внутренних монгольских делах.

Само собой разумеется, что трудящиеся бурят-монголы и тунгусы не были успокоены безвыходностью своего положения и не примирялись с национально-колониальным гнетом; они восставали, искали выхода в бегстве, хотя и не находили спасения в этом традиционном крестьянском способе избавления от гнета крепостников.

В 1683 г. бежали из-под Тункинского острога в Монголию кочевавшие там буряты Бирай, Тулюк и Сарбан. В расспросных речах после возвращения из Монголии они показали: «пошли де те брацкие люди от Тункинского в мунгальскую землю для того, что подзывали де тех брацких людей, которые ушли, и их, Бирайка с товарищи, тайши Далай-Цецен-Ноена люди: Иркутского ясачного человека Тодоков свояк, да Боргоев шурин, да в другое де время приезжали подзывать же Могдой, Солбунка, да Горги Тураев, да Каукин сын с товарищи четыре человека». Буряты Бирай, Тулюк и Сарбан слышали в разговоре от других бурят из числа беглецов, что «будто приказной человек Анисим Михалев тех брацких людей без вины в железа и в колоду сажал и батоги бил без вины и взял с них насильством, с Надешкою толмачем, с Шили три скотины рогатых да три коня; с Охая — девять коней да быка болшого; с Окина, — два быка, а с ыных что имал, того, сказали, не упамятуют. Да с них же, Сарбанка, взял он же, Онисим, корову. Для чего де они, Шили с товарищи, в тех обидах не били челом великим государем на них, Анисима и Надежку, про то сказал не ведают. А он де, Сарбанко, не бил челом боясь ево, Анисима, что, он де, Анисим, впредь ево батоги не перебил, да и болше б тово скота у него, Сарбанка, не взял». ¹

В июне 1683 г. бил челом иркутскому воеводе тункинской прикащик Анисим Михалев о побеге из-под Тункинского острожка с Торы в два приема «братских людей», причем бежали 29 человек

¹ Иркутский свиток 1683 г. (из собрания столбцов, хранящегося в коллекциях историко-революционного отдела Иркутского музея).

Тураева рода, 5 хонгодоров, 12 «мунгалских выходцев», а попутно беглецы отогнали скот у служилых людей. Убегали и одиночки. Так, воеводе Власову селенгинский прикащик Федор Кряж писал, что ездил служилый человек П. Томской к монгольским тайшам, к «пяти братьям, Кукановым детям, для крепосной бабы служилого человека Ефремки Воробьева». Тайши приказали бабу отдать, по муж ее, «ухватя бабу, уехал с нею на Камень, и приехал к юртам один в куюке и стрелял по юрте, в коей казаки седят, и в то время бабы не дали; и после тово июля в 11 день приезжали в Селенгинской от тех тайшей посланцы о переговоры и говорят, как де нам у жива мужа жена отнять, да вам отдать, а в то место дают они пную бабу и я им в том деле отказал», пишет прикащик Ф. Кряж, «у нас де в русской вере так не водится, что за крещеново человека да взять некрещеново». ¹

Количество примеров может быть и увеличено, но дело не в количестве дополнительных фактов, а в общем характере освободительной борьбы бурят-монголов с царизмом, в которой остро сказывалась на всем ее протяжении классовая противоположность эксплуататорских верхов и угнетенных ими низов бурятской народности.

Наш обзор будет уместно закончить поэтому пословицами самих «черных людей» — улусников, где каждое слово пропитано горечью и классовой ненавистью к нойонату.

1. Нойон-той ханиласан-ас
 Нохой-той ханиласан-дээрэ.
*Чем с нойоном сблизаться,
 Лучше с псом сдружиться.*
2. ² Нойон урбакчи
 Нохой ширбокчи.
*Нойон способен изменить (ответиться),
 Собака может верной быть.*
3. Нойон-той ушиэрхэху нуру угэй
 Нойон-той — ушиэрхэху хормой угэй.
*Не враждуй с нойоном — заплатишься спиной,
 Не враждуй с собакой, заплатишься спиной. ²*

¹ Иркутский свиток 1683 г. (из собрания столбцов, хранящегося в коллекциях историко-революционного отдела Иркутского музея).

² И. А. К л ю к и н, Поэзия монголо-бурятов, «Восточная студия», серия II, № 7 (22), стр. 167.

6. РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И СУДЬБЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ БУРЯТ ПРИАНГАРЬЯ

История завоевания Сибири и распространения русской колонизации с фактической стороны была достаточно подробно разработана, под своим классовым углом зрения, великодержавнической историографией, начиная еще со времен Фишера и Миллера. Нет лишь истории Сибири как колонии царизма, истории населяющих ее племен и народов до и после русского завоевания, которые должны быть написаны историками-марксистами. Данная же работа, тем более с ее узкими тематическими рамками, естественно касается этих узловых вопросов истории Сибири как колонии и судеб русской колонизации лишь попутно и в той мере, в какой они связаны с судьбами освободительного движения западных бурят-монголов в XVII — XVIII вв. В данной связи следует лишь отметить некоторые факты, необходимые для понимания особенностей хотя бы основных этапов освободительного движения бурят, направленного на самозащиту народа от агрессии царизма и защиту своей территории от колонизаторов, причем здесь мы преследуем лишь одну цель: суммировать и обобщить изложенный выше материал, без выхода в круг более широких проблем.

Продвижение завоевателей в XVII в. преследовало вполне ясные цели: новые территориальные захваты, которые должны были обеспечить господствующим классам России извлечение из покоренных стран их естественных богатств — прежде всего мехов. Освоение природных богатств на завоеванных территориях осуществлялось господствующими классами Московского государства путем принудительной эксплуатации труда местного поработанного населения под прямым воздействием военно-феодального аппарата царизма (ясак) и деятельностью торгового капитала. Покорение же народов Сибири осуществлялось огнем и мечом, с истреблением целых племен в случае их сопротивления.

Бурятия вслед за соседними областями Приенисейского края подверглась этой участи в первой половине XVII в. Ход русского завоевания определился возникшей к тому времени ситуацией внутри Бурятии. Основными фактами этой ситуации следует считать начавшееся быстрое разложение патриархально-родовых

отношений и сложение классовых, а вместе с тем — крайнее обострение внутренних противоречий.

Подталкиваемая угрозой восстаний киштымов и внутренней борьбой в бурятском улусе, феодализирующаяся социальная верхушка бурятского общества пошла на компромисс с завоевателями и признала их власть — при условии добровольной дани и владения зависимым населением.

Московское правительство и его местные органы одобрили такую сделку, но дальнейшее развитие этих отношений было прервано авантюрой краснойрцев и Хрипунова, отражающей примитивность и варварский характер колониальной политики царизма, все несовершенство его колониального аппарата и системы управления колонией.

Последующие события показали затем всю силу сопротивления царизму и его захватнической политике со стороны народных масс Бурятии, киштымов в том числе. Под давлением масс князья выступают во главе своих родов против завоевателей, но в то же время ведут и двойственную предательскую политику по отношению к борьбе масс черного народа. Князья, как и во времена Бекетова, желали торговать, они могли рассчитывать и на известную поддержку Москвой и их феодальных тенденций.

Эти события показали также и всю силу отрицательного влияния элементов родового быта в условиях его разложения. Если общинный быт давал массам, с одной стороны, сплоченность и стойкость в борьбе с завоевателями, то, с другой стороны, элементы родовых связей и родовые традиции сковывали движение черного народа. Черная кость не могла осознать свои классовые интересы и не была еще в состоянии покончить с разлагающим влиянием князцов и лучших людей.

В результате, после кровопролитных схваток, длинной полосы насилий и карательных экспедиций, после обостренной междуродовой и внутриродовой борьбы, Бурятия потеряла силу сопротивления и была окончательно покорена.

Сам по себе ход русского завоевания показывает отличие варварского общественного строя Бурятии, где еще не сложился феодализм, от монгольского и киргизского общественного строя.

В Монголии русские и не помышляли о таких завоеваниях, как в Восточной Сибири. Даже в лице правителя хотохойтов они видели могучего «Золотого Царя», а его вассал киргизский князец Иренак доставил им тьму огорчений, и киргизы все-таки не были покорены.

Феодальные владельцы, с одной стороны, отсталые племена тайги (князец Тасей) и северо-востока Сибири, с другой, — оказывали большее сопротивление агрессии русского царизма, чем буряты, оставившие позади собственно родовой строй эпохи его расцвета и не дошедшие до развитого феодализма.

В половине XVII в. неокладной ясак сменяется окладным, увеличивается его тяжесть, растут насилия и вымогательства

завоевателей. Как основная форма эксплуатации царизмом естественных богатств страны и труда ее населения, как специфическая форма военно-феодальной дани, ясак был тем тяжелее, что степные скотоводы буряты не могли больше приобретать пушнину прежними средствами (грабеж и дань с киштымов), а вынуждены были покупать ее, и вдобавок с громадным трудом, потому что таежные охотники сдавали теперь сами всю пушнину в казну, обложенные непосильным ясаком (по 10 соболей с человека).

Сказывалась и конкуренция русского торгового капитала, жадно закупавшего тунгусскую пушнину на русские товары, с которыми не могли соперничать товары, имевшиеся у бурят, так как приток товаров из Китая почти прекратился.

Приближение русского торгового капитала к массам и внедрение его в улусы сказалось в быстром обеднении бурят и разорении населения, особенно в связи с недавними разгромами. С другой стороны, эксплуатация улусных масс князьями не уменьшилась, а усилилась вследствие изъятия былых данников-киштымов из ведения князей и увеличения потребностей князей в чужеземных товарах, теперь столь близких и доступных. Сбор ясака князьями, очевидно, оказался орудием их обогащения, ибо через руки князей проходила на первых порах вся пушнина, собираемая в казну.

На этой основе быстро росло всеобщее недовольство улусных масс, росли и внутренние противоречия между черным народом и князьями, лучшими людьми, белой костью. Не видя выхода из своего тяжелого положения, массы стихийно поднимаются против царизма (первая вспышка на Оке в половине XVII в. произошла по инициативе представителей черного народа).

Восстание 1658 г., ввиду общего военного превосходства завоевателей и ослабления сопротивляемости бурятского народа предательским поведением князей и внутренними антагонизмами, не могло кончиться победой повстанцев и ликвидацией завоеваний царизма.

В исходе событий 1658 г. огромное значение имели старые торговые связи с Монголией, наличие хорошо известных торговых путей из Приангарья в Халху и к дархатам. Эти моменты подчеркивают важное значение соседства с Монголией для Бурятии XVII в., даже по отношению удаленной от нее местности по реке Оке, и сильное влияние монголо-китайского торгового капитала, прочных торговых и политических связей. Именно под влиянием этих связей знать пошла на новый компромисс, сговорившись вместо московского царя с халхасскими феодалами. Попытка подъема освободительной волны на самой территории Бурятии должна была теперь оказаться сорванной в самом начале, а бурятские улусные массы только сменили царский ясак на монгольский албан.

После возвращения бурят-монголов на Ангару и Оку намечается известная стабилизация положения в бурятской земле.

Устанавливаются прочные связи между русским и бурятским населением.

Стихийное объединение массы бурят и русского крестьянства в общих требованиях произошло в XVII в. только в такой обстановке, когда русская крестьянская колонизация еще не затрагивала существенным образом жизненных интересов бурятской народности: земли было много, часто русские крестьяне осваивали горные склоны, а рядом буряты пасли свои стада в степях. Возможность обмена с русским населением скота на хлеб и т. п. отчасти содействовала исчезновению следов уже реликтового бурятского земледелия, а вместе с тем и упрочила их взаимные связи. С другой стороны, в основе этого объединения лежало сходство положения бурят-монголов и русских крестьян под тяжестью феодально-крепостнической эксплуатации — ясака и десятинной пашни, под гнетом местной царской администрации типа Похабовых — Кафтыревых и им подобных деятелей.

В новой ситуации освободительное движение моментами поднимается вплоть до размежевания масс с туземной общественной верхушкой, переходившей в ряды сибирских дворян и детей боярских и сраставшейся с торговым капиталом и служилой верхушкой.

Нам мало известно более позднее время, но вся совокупность имеющихся фактов указывает на поразительно быстрый ход русской земледельческой колонизации, рост торгового земледелия и кристаллизацию крестьянской буржуазии.

Сельское хозяйство снабжает хлебом ватаги промышленников на Ангаре и Лене и сбывает с выгодой свою продукцию в бурятские улусы и тунгусские кочевья.

В крупном крестьянском хозяйстве часто употребляется рабский труд, все чаще и чаще применение дешевого наемного труда гулящих и беглых людей, разоренных голодающих ясачных и бедноты из числа старожил.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении документальным данным XVII—XVIII вв., на одном полюсе деревни оформляется предок сибирского кулака — ростовщика и торговца, так ярко описанного для начала XIX в. А. П. Щаповым, а на другом — полуничий многодетный крестьянин, жертва торгово-ростовщической кабалы со стороны богатого собрата и купца, объект издевательств самодура-начальника.

Вызревающая крестьянская буржуазия, добываясь осуществления своих интересов, проводит сильнейший колонизаторский нажим на бурят, захватывает лучшие земли, отбирает сennie покосы и врзается своими «чертежами» вглубь бурятских угодий в целях расширения площади товарного земледелия. Осознавая свои классовые интересы, она воспитывает чувство острой национальной вражды и ненависти. Господствует атмосфера погромов, зверских и рассчитанных убийств, диких издевательств над «нехристями» — излюбленных средств этих колонизаторов, от Поха-

бова и вплоть до кулаков, попов и полицейских, организаторов побоища в логу Дерем во время движения алтайских бурханистов, до генерала Куропаткина в 1905 г.

Прежние отношения у бурят-монголов тоже во многом изменились. Исчезла, вымерла или руссифицировалась прежняя родовая аристократия, но развивались дальше антагонистические общественные отношения и улусные массы изнемогали под гнетом феодальных повинностей, «темных», т. е. не фиксированных поборов своих «Бошко», царского ясака и колонизаторского нажима, а прямая борьба стала уже невозможной. В такой обстановке становятся понятными и события 1767 г. на Оке, связанные с именем ламы Данжина, подробно охарактеризованные выше и особенно интересные для нас как первый случай такого рода, ставший известным для середины XVIII в. и, возможно, не последний, не единственный для той эпохи.

Борьба бурят-монголов с царизмом в XVII и XVIII вв. целиком подтверждает указания основоположников марксизма-ленинизма на неспособность раздробленного и разобщенного крестьянства к освобождению от военно-феодального колониального гнета только собственными силами. Реакционной роли патриархальных пережитков в русской деревне соответствуют общинно-родовые пережитки в улусе. Кроме того, Приангарье, особенно же район окинских бурят, как показывает дело о событиях 1767 г., находилось с конца XVII в. и после в очень своеобразном и крайне тяжелом положении. Весь этот район, в первую очередь охваченный русской колонизацией, заимками кулаков-слободчиков и торгующих крестьян, представлял такую область, где бурятское коренное население раньше всего оказалось в положении угнетаемого национального меньшинства. Его всячески притесняли представители русского кулачества и власти, оно было объектом дикой безудержной травли и звериного шовинизма.

Окруженные кулацкими заимками, буряты на той же Оке, например, были обречены на утрату своих исконных земельных владений, на голод и вымирание, они утрачивали элементы национальной культуры и подвергались принудительной руссификации с насильственным крещением и тому подобными методами последней. И вообще, даже позже, западные буряты были, наконец, оторваны от общения с бурят-монголами Восточной Бурятии, где развивались зачатки самобытной литературы, крепла письменность и зарождался единый литературный национальный язык, хотя и обслуживавшие еще только потребности феодально-теократических прослоек. Миссионеры и царские чиновники-руссификаторы уже предвкушали в своих мечтах в XIX в. перспективу полной ассимиляции и уничтожения остатков национальной самобытности западных бурят-монголов.

В условиях примитивного хозяйственного быта, когда нормальное развитие экономики было невозможно в создавшейся

обстановке, — сильнее были пережитки прошлого и в общественном быту, коренившиеся в общей отсталости ангаро-окинских бурят в XVIII и в начале XIX вв. по сравнению с Восточной Бурятией. Даже феодальные отношения, насаждавшиеся в политической жизни царской администрацией в виде созданного ею подобия местной феодальной администрации из бурятских богачей, и те не достигали такого пышного расцвета, как на Востоке.

Нещадно эксплуатируемое и отсталое улусное население Западной Бурятии долго сохраняло различные пережиточные родовые связи, вплоть до культовых связей по шаманским тайлаганам и т. д. Эта религия, сохранявшая наибольшие следы родового быта в свойственных ей представлениях, например, упорно держалась здесь и тогда, когда Восток был завоеван пышной ламской религией, покровительствуемой там нойонатом. Правда, под влиянием соседства с русскими у западных бурят зато впоследствии быстро развиваются капиталистические отношения, но опять-таки переплетаясь с пережитками родовых и скрытыми под ними элементами феодальных форм эксплуатации. Начавшееся развитие капитализма не обеспечило полного подъема национально-освободительного движения, разворота борьбы за национально-культурное самоопределение в полной мере, полного изживания отсталости масс в хозяйственно-культурном отношении.

Вдали тем не менее уже намечались иные перспективы: в сознании батрака и бедняка буряты и трудовой интеллигенции, в лице ее передовых представителей, уже зрели настроения и мысли, которые нашли свое выражение в деятельности большевиков-подпольщиков, партизан, борцов за советскую власть в 1917—1920 гг.

Спустя три века с момента первых восстаний против царизма, трудящиеся массы Бурятии объединились под знаменем Советов, поднялись для последней решающей борьбы с исконным врагом. Октябрьская пролетарская революция не только коренным образом решила все задачи национально-освободительного движения, создав автономную советскую республику, объединившую впервые бурят-монголов Востока и Запада, но и окончательно освободила трудящихся улусников от гнета эксплуататоров, открыла в условиях пролетарской диктатуры новую эру свободного развития всех творческих сил народа, расцвет культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Трудящиеся Бурят-Монгольской АССР и только они — строители новой радостной жизни, о которой не могли и мечтать народные массы в прошлом — являются теперь законными и единственным наследниками всего возвышенного, всего героического в истории бурятской народности, в том числе и борьбы бурят-монголов с царизмом в XVII—XVIII вв.

1718 г. 8 августа. — Отводная память шуленге Холтываева рода Запу Батхонову с родственниками и шуленге Икинатского рода Барзаю Шехулдееву на владение санными покосами и юртенною землею с скотским выгоном.

«1718 году августа в 8-й день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Россіи самодержца Иркутской сын боярской Балаганского острогу приказной Федор Кочетов дал даную на порозжую землю на юртяные летние и зимние кочевья на скотинной выпуск и на санные вверх по Унге Балаганских ясашных иноземцов Холтываева роду Запу Батхонову з братом Хариком да племянниками Бахадаем и Курелдеем Икинатского роду шуленге Барзаю Шехулдееву, Башинхаю Бодаеву летними и зимними юртами кочевать и скотским выпуском владеть Запу с шуленгою Селенгутского роду с Намызкаком Бадановым вповаль, а Барзаю Шехулдееву кочевать летними же и зимними юртами и скотским выпуском владеть вповаль Болотского роду с шуленгою Онохоном Обываемым подле Унги и по Хамхару паде прежними кочевьями умерших Онгоевских иноземцев Багдуй сродники, а санными покосы владеть Запу з братом и племянниками Ользоевских Хоматаевыми сродники в вѣрх по левую сторону Унги под юртами Намызкаковскими и выше юрт полуторым мысом и по правую сторону Унги от огородного да гатинным покосу з другую сторону накось от увалу из вершины от истоку Хоматаевского в вѣрх же возле Унгу мыски и прилуки и подле увалу болшими и малыми лошки до Оногоевской межи на пять сот копен, опроче Гурзанок... около Хара Нору покосу от Хара Нору в вѣрх по Унге покосами владеть Барзаю Шехулдееву и Башилхаю Бодаеву Онгоевских умерших иноземцев Богдуевскими сродники мысами и прилуками и возле увала и средними лошками на три ста копен до Цаганоровского Онгоевского покосу для того, что в нынешнем 1718 году государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Россіи самодержцу а в Балаганскую приказную избу приказному Иркутскому сыну боярскому Федору Кочетову они Зап и Барза с товарищи подали за знамены челобитную, а в челобитной их написано: с прошлых де давних лет живут они под Иркутском под Балаганску в ясашном платеже а под юртенные летняя и зимняя кочевья земли и санных покосов и скодсаго выпуску нигде не отведено а в зимнее время за без(корми)цею конное табунишко и рогатой скот и овцы помирают в голоду а прискали де они Зап и Барза порозжую кочевую землю и санные покосы и скотской выпуск бывших Балаганских умерших ясашных иноземцов Олзоева роду Хоматая да Хадуря Лелиных да Хабахана да Хадая Бодореевых да Харамалагая да Дохая шти человеков да в Онгоевском улусе порозжую ж землю умерших же шуленги Бугдуй Банаева з дегами и сродники тринатцати человек кочевье зимнее подле Унгу, а летнее по Хамхару паде едучи из Балаганска по левую сторону Унги, а санные покосы по правую сторону Унги с нижнюю сторону от истоку где юртами ставвал Хомота вѣрх по Оногоевской Цаган Нор

и чтоб великий государь пожаловал бы их Запа и Барзая с родники — велел про вышеписанную порозжую под юртенные кочевья землю и про сенные покосы и скодской выпуск послать розыскать и по розыску отвести четырем человекам Олзоевския кочевья Селенгутскаго роду с шуленгою Намзыком, а двум человекам Онгоевския кочевья з Болотским с шуленгою с Онохоном Абызаевым з Батьи... а сенные покосы по вышеписанной меже за Унгою от истоку Хомотаевского вѣрх по Онгоевской Цаган Нор вповаль и дать в Балаганску ис приказной избы им Запу и Барзая с родники на те урочища впредь для владения даную и против того их вышеписанного Запова и Барзаева с родники челобитья посылаемы были из Балаганска ис приказные избы для досмотру и сметы и розыску Балаганские служивые люди толмач Петр Евдокимов, подъячей Яков Агафонов и подали за своими руками доезд, а за иноземскими знамены розыск.

А в доезде их написано: по указу де великого государя и по наказной памяти из Балаганска ис приказные избы приказного Иркутского сына боярскаго Федора Григорьева сына Кочетова велено Балаганским служивым людем толмачу Петру Евдокимову, подъячему Якову Агафонову ехать из Балаганска вѣрх по Унге реке по обе стороны Унги на юртяные кочевья и на сенные покосы и на скотской выпуск Балаганским умершим ясачным иноземцом Олзоева роду Хомотая да Хадуря Лелиных да Онгоева роду шуленги бывшаго Бугдуря з детми и сродники для того в нынешнем 718 году августа в 4-й день били челом великому государю, а в Балаганску в приказной избе приказному Иркутскому сыну боярскаму Федору Григорьеву сыну Кочетову Балаганские ясашные иноземцы Халтуваева роду Зап Бабухонов з братом своим с Хариком да племянниками Бахадум да с Куреддем Хариковыми Икинатского роду шуленга Барзай Шехундеев да Башинха Бодоев, а приехав на те вышеписанные умерших иноземцов Хомотаевы и Бугдуевы сродники юртяные прежняи кочевья и на сенные покосы и скодской выпуск по вышеписаным межам досмотреть и описать с кем в межах и подлинно розыскать про ту кочевную землю и про сенные покосы и про скотской выпуск ясачными иноземцы та земля порозжая и не в отводе кому по крепостям и не будет ли впредь и челобитья у них Запы и Барзая с родники нет ли иной в отводе под кочевья и сенные покосы в отводе и не напрасно ли бьет челом, а розыскав вподробно тому всему подать в Балаганскую приказную избы приказному Иркутскому сыну боярскаму Федору Григорьеву сыну Кочетову за руками доезд и за иноземскими знамена розыск и потому вышеписанному великому государю указу и памяти они, Петр и Яков не вышеписанные урочища вѣрх по Унге реке по обе стороны на Хомотаевы и Багдуевы сродники юртяные прежняи кочевья и на сенные покосы и на скотской выпуск ездили и досматривали и отписывали и ясачными иноземцы розыскивали.

А по досмотру и по розыску явилось под юртяное летнее и зимнее кочевья земли и скотского выпуску с вышеписанными братскими иноземцы Селенгутскаго роду с шуленгою Намыкзакон Бадиновым Запу Бабухонову з братом и з двумя племянниками, а Барзая Шехундееву и Башинхаю Бодоеву з Болотским шуленгою с Онохоном Абызаевым и с его братьею земли будет. А сенные покосы явились вышеписанных умерших иноземцов Олзоева роду Хомотая и Хадуря Лелиных з братьи и сродники едучи из Балаганска по левую сторону Унги под юртями Намыкзаконскими полмыса да выше юрт мыс да по правую сторону Унги от огородного да гатинова покосу з другую сторону накос от увалу и с вершины от истоку Хомотаевского в вѣрх подле Унгу мысы и прилуки и подле увал малые и болшия логи до Онгоевской межи, в том числе около Хара Нора носит покос Олзоева роду братской мужик Губаап и те де Хомотаевские и Хадуровские сродники сенные покосы по вышеписанной меже Онохоновской и по край Хара Нора лежали впусе и вытапывали табуны, будет их сот пять копен и болши, а когда годом бывает табу не вытопчет те Хомотаевские покосы кашивали безотвозно с родники Хомотаевы Баин Ноенгуев да Дагатка Цаганилев с родники, а у них же Баина и у Дагатки с родники есть свои покосы подле Унги же в городьбах и не в городьбе и по двум Закулеям падам а от того вышеписанного Хара-Нора вѣрх по правую ж сторону подле Унги мыс и прилуки и подле увал и средние лошки

сенных покосов явилось вышеписанных умерших иноземцов Оногоева роду шуленги Бугдую з детьми и с родники до Цаганоровского покосу копен ста на три порозжи и косили после их Барзая с родники Мирон Ботогоев и Хабу Бубкеев, Заяхан Бурзыгин с родники а их де покосы Мироновские и Хабудовы с родники около Цаган Нору и вверх по Унге рече до красного яру ему Мирону будет, а им де челобитчикам Барзаю от Хара-Нору по Цаганоровские покосы троєм будет же, а у них де челобитчиков у Запа отводной иной земли нигде нет, а кочевать и вышеписанным Намыкзаком, а сенные покосы косил искортому у Олзоевских иноземцов, а у Барзая Шехундеева есть отцовская и ево и братья породная отводная земля и сенные покосы против Балаганска за бором и на той де породной земле кочуют и сено косят братья и мать ево Барзаевы шесть человек, а ему ж Барзаю и братья кочевать и сена косить покосов скудно и скотской выпуск мал, а живают де их Барзая и братью с той породной земли Балаганские всяких чинов жители потому что кочуют от Балаганска в близости — в трех верстах и табунами де своими у Балаганских жителей скотской выпуск и сенные покосы стравливают. А в розыску Балаганские ясачные иноземцы шуленги Намакзак Бабанов, Онохон Абызаев в скасах своих сказали: вышеписанным де челобитчикам Запу Бабухонову з братом и племянниками с ним, Намакзак, Абырзаю и Башихаю с Онохоном з братьей земли под летние и зимние кочевья и скотского выпуску будет и впредь с той кочевой земле и скотском выпуску спору и челобитья от них Намыкзана и Онохона не будет а сенные де покосы вышеписанные бывших Олзоевских братских иноземцев Хомотая и Хадур Лелиных и Онгоевских Бугдую с родники умерших порозжи годом кашивали без отводу родники их Хомотаевы и Бугдоевы Баин Ноенгуев и Хабул Буркеев с товарищи а у них де Баина и Хабула с родники своих сенных покосов троєм будет. И в нынешнем 1718 году Августа в 8 день указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росіи самодержца Иркутской сын боярской Балаганского острогу приказной Федор Григорьев сын Кочетов велели теми вышеписанными порозжими юртенными летними и зимними кочевьями и скотинным выпуском и сенными покосами вверх по Унге по обе стороны по вышеписанным межам против доезду и розыску толмача Петра Евдокимова, подъячего Якова Агафонова владеть Иркутского присуду Балаганских ясачных иноземцов Холтуваева роду Запу Бабухонову з братом Хариком де племянниками Бахадаем и Курелдеевым Икинатского роду шуленге Барзаю Шехундееву, Башилхаю Бодоеву до указу великого государя а на сторону той кочевой земли и скотского выпуску и сенных покосов не продать и не заложить, а сия даная писана не на подписной бумаге, потому что подписная бумага в Балаганску вся в расходе. На подлинной подписано по листам тако:

К сей даной вместо приказнова Иркутскаго сына боярскаго Федора Григорьева сына Кочетова по ево велению Балаганской дьячек Петр Бобровников руку приложил. Писарь Яков Агафонов».

(Материалы Иркутского музея, фонд рукописей историко-революционного отдела).

II

1714 г. Август. — Отводная память Будорею Булину на владение сенными покосами вверх по Унге в пади Закулее.

«...а от Рожества Христова 1714 году августа в ... день по указу великого государя царя і великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росіи самодержца Балаганского острогу приказной Енисейской сын боярской Василий Тиханов сын Чемесов дал даную на сенные покосы что вверх по Унге рече по паде Закулею с нижних россох до верхних Балаганскому ясачному брацкому мужику Будорею Булину для того, что в нынешнем 1714 году августа в АІ (II) день бил челом великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа великия и малыя и белыя Росіи самодержцу

а в Балаганску в приказной избе приказному Василью Чемесову он, Будорей, подал челобитную, а в челобитной ево написано: с прошлых де давних лет владеет он санными покосы вѣрх по Унге речке по паде Закулею с нижних росох и до верхних и те де санные покосы и ныне косит сильно и называет своими покосами Балаганской ясачной брацкой же мужик Нахуй Моголоков і в том де ево Нахулееве насильстве бил челом он Будорей словесно и он Нахуй взял к себе на душу, что итти ему по их вере к шерсте, в том что бутто те санные покосы ево Нахуевы в срок был к шерсте итти шерствовать августа в АІ (11) день и он де и он Нахуй знав свою вину на срок к шерсте не пришел і великих государь пожаловал бы ево Будорей велел на те ево старинные санные покосы по Закулею паде промеж росох дать даную, а которое он, Нахуй, выносил сено отдать ему Будорею чтоб от него Нахуй в конец не разоритца і в нынешнем 1714 году августа в ... день по указу великого государя и по помете на челобитной приказного Василья Чемесова и против ево Будореева челобитья велено ево Нахуй допросить і розыскать ясачными старыми иноземцами чтоб тот сеной покос кто преж сего кашивал и давно ли владеет и косит те санные покосы он, Будорей, а в скаске Нахуевы дети — Аюша, да боб в Балаганску сказали в приказной избе перед приказным перед Васильем Чемесовым о которых де он санных покосех бьет челом он, Будорей, и называет своими и теми де санными покосами деды и отцы их и они Аюша, и по них владеют и сена косят а отвод де делам был ли того они не ведают, а отец их владеет без отводу и по против той вышеписаной пометы и скаски Нахуевых детей посланы из Балаганска на те вышеписанные санные покосы вѣрх по Унге речке в падь Закулею для розыску Балаганские приказной избы подъячей Иван Лосев да служилой человек Афонасей Курень и подали за своими руками доезды, а в доезде их написано по указу де великого государя и Балаганской указной памяти они, Иван и Афонасей, ездили и тутошних старожилы ясачными людьми розыскивали, а в сыску старожилы ясачные люди Бумай Босогоев, Хомота Лелин сказали о которых де санных покосех по пади Закулею государю Будорей бьет челом великому государю Будорей Булин и тем де санным покосом в давних летех владели дед и отец Нахуевы, а косили ж они те санные покосы или нет, того они не ведают а после их косит и владеет он Будорей, а как из мунгал вышли преж ево Будорей, Нахуй не кашивал.

І в нынешнем же во 1714 году август в ДІ (14) день по указу великого государя царя і великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росіи самодержца Балаганского острогу приказной Енисейской сын боярской Василей Тиханов сын Чемесов велел владеть ему, Будорею, теми старинными санными покосы в вышеписанных урочищах вѣрх по Унге речке по паде Закулею промеж росох с нижних и до верхних росох против ево братья ясачных людей до указу великого государя, а на сторону не продать и не заложить.

(Материалы Иркутского музея)

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1604. Основание города Томска.
1609. Появление сведений о братах, взявших ясак с джесаров.
1613. Погром бурятами аринов на реке Кане и захват ими ясачной рухляди.
1621. Слух о сборе Харахулы-тайши в поход с черными калмыками («жунгарами»), братами и матами под Томск и на «Кузнецов».
1622. Слухи о сборах киргизов (енисейских) с братами на Томск и Мелесский остров.
- 1622 (осень). Известие о сборе братьев на Енисей войною и о присылке ими к местным племенам «своего знамени».
1623. Командировка Ждана Козлова с товарищами для проведывания братской земли.
1625. Посылка отряда В. А. Тюменца и П. Фирсова на Ангару для приведения братской земли в ясак.
- 1626—1627. Поход отряда атамана М. Перфильева на Ангару и сбор им сведений о братской земле.
- 1627 (лето). Основание М. Перфильевым первого Братского острожка на Шаманском пороге выше устья реки Илима.
- 1627—1628. Вторичный поход М. Перфильева на Ангару, сбор ясак с бурятских киштымов.
- 1628 (весна). Постройка острожка на Рыбной ловле.
- 1628—1629. Поход атамана Петра Бекетова на Ангару в братскую землю, приведение им в подданство и ясачный платеж бурятских князцов на реке Оке и по Ангаре.
- 1629 (февраль). Известие о войне и междоусобиях у бурят, длящихся третий год.
- 1629 (июль). «Серебряная» экспедиция Якова Хрипунова, поход красноярцев на реку Ангару и основание Илимского острожка (зимовья).
- 1629—1630. Восстание ангаро-окинских бурят.
- 1630 (14 марта). Посылка Вихоря Савина к бурятским князцам для уговора их вернуться в подданство.
- 1630 (весна). Убийство Вихоря Савина князем Байраканом.
- 1630 (июнь). Посылка М. Перфильева к бурятам и возвращение бурятских князцов в царское подданство.
- 1631 (июнь). Построение Братского острога на Падунском пороге.
- 1631 (8 августа). Заявление бурятских князцов об отказе их платить ясак и вызов казаков бурятами на бой.
- 1631—1632. «Непослушание» бурятских князцов и платеж ими плохого ясак.
- 1633 (зима). Отказ князцов платить ясак и приезд байкальских бурят для совместной «думь» с окинцами.
- 1633 (лето). Набег князя Байракана под Братский Падунский острог, сведение бурятами тунгусов в свои улусы.

- 1633 (осень). Неудачная посылка на Ангару и возвращение с дороги отряда Д. Копылова.
- 1634 (июль). Отправление на Ангару отряда Дуная Васильева.
- 1634 (осень). Приезд тунгусского князца Корока в Братский острог у Падунского порога с вестью о сборах бурят к острогу войной.
- 1635 (весна). Уничтожение гарнизона Братского острога на Падуне и сожжение острожных укреплений бурятами.
- 1635 (лето). Поход М. Радуковского на Ангару и погром им бурят на реке Оке.
- 1635 (лето). Постройка Радуковским нового Братского острога в устье реки Оки на правом берегу.
- 1636—1637. Приведение Чермениновым в ясак неясчных бурят на реках Уде и Ангаре.
- 1637—1638. Восстание ангаро-удинских бурят, осада ими Братского острога и убийство ясачных сборщиков.
- 1644 (лето). Укрепление Братского острога Иваном Похабовым и поход его на Байкал.
1646. Восстание ангарских бурят против М. Перфильева.
- 1646 (лето). Поход на Ангару отряда Ивана Похабова и бой его с бурятами на устье реки Осы.
- 1646 (осень). Основание первого Балаганского острога на Осинском острове Иваном Похабовым.
- 1647 (весна). Второй поход Похабова на Байкал.
1647. Постройка Похабовым острожка на реке Култуне.
- 1648 (весна). Сожжение бурятами Осинского острожка.
1650. Отказ бурят от платежа ясака в Братский острог.
- 1651 (весна). Побег бурят из Братского уезда.
- 1651 (весна). Осада бурятами Братского острога и набег ангарских бурят из Букиевского улуса под острог, уничтожение посевов.
1652. Отправление Похабова на приказ в Братский острог. Вой бурят на Осе с отрядом Петра Бекетова.
- 1652 (осень). Погром служилыми людьми из отряда Петра Бекетова на реке Белой местных бурят.
- 1652 (18 сентября). Нападение бурят на отряд Бекетова у реки Голоустной на Байкале.
- 1653 (10 марта). Погром служилыми людьми из отряда Петра Бекетова бурят на реке Голоустной.
1653. Перенесение Братского острога в устье реки Оки с правой стороны на левую.
1653. Нападение красноярцев с удинскими бурятами-ашабагатами на окинских бурят-икинатов.
1654. Основание нового Балаганского острога.
1654. Приведение к шерти 17 булагатских родов.
1654. Основание десятинной пашни в Балаганске.
- 1654 (август). Вторичный набег Михаила Ярлыкова на князца Хандея.
1654. Осада Удинского острога балаганскими служилыми людьми и бурятами-икинатами, погром ими ашабагатов.
1657. Отправление И. Похабова вторично на приказ в Братский острог.
- 1658 (июль). Челобитье жителей Братского острога на обиды, чинимые Похабовым.
- 1658 (20 июня). Восстание унгинских бурят и побег их из-под Балаганского острога в Монголию.
- 1658 (28 июня). Восстание и побег в Монголию окинских бурят.
- 1658 (23 декабря). Указ из Москвы о сведении с приказа Ивана Похабова и о высылке его в Енисейск для допроса.
1660. Поход Дружины Попова вверх по реке Иркуту в Монголию за беглецами-бурятами.

1660. Выход части ихиритов и балаганских бурят обратно из Монголии.
- 1661 (весна). Бегство бурят из Балаганского уезда во главе с князьями Инкеем и Бураем, отгон ими скота у служилых людей.
1661. Погоня отряда Якова Похабова за беглецами.
- 1661 (17 марта). Погром Касоноцкого улуса на реке Уде енисейскими служилыми людьми.
- 1666 (зима). Погром Верхоленских ясачных людей енисейскими казаками.
1666. Появление монгольских албанных сборщиков на реках Ангаре и Лене.
1667. Погром бурят, вышедших из Монголии, монгольскими войсками в Саянских горах.
1668. Слухи о походе тайши Сэнгэ на реки Ангару и Лену.
1669. Приезд монгольского отряда за бурятами на Унгу.
1672. Постройка острога на устье реки Иды (на «Мунгальском перевозе»).
1689. Погром торговых бухарцев и посольства Галдана Бушухту-хана в Тунке «немирными и неясачными мужиками».
- 1693—1698. Восстание Бѳгачея с родом на Ангаре.
- 1694 (19 апреля). Бегство табунутов из Селенгинска в Монголию к прежним владельцам.
1695. Бегство бурят Балаганского уезда от насилий Христофора Кафтырева.
- 1695 (11 августа). Восстание и побег из Иркутска Петра Тайшина с товарищами.
- 1696 (весна). Побег монгольских выходцев и казачьих холопов из Верхоленского острога.
1696. Участие ясачных бурят-повстанцев в осаде Шиптатур-Батуром Тункинского острожка.
- 1696 (январь). Восстание жителей Братского острога против Христофора Кафтырева.
- 1696 (май—июль). Восстание забайкальских служилых людей (заморцев) и поход их по Ангаре.
1767. Раскрытие бурятского «заговора» на реке Оке в связи с делом ламы Данжина.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абавак, монгол 119, 123
 Абаганут, бурятский род 271
 Абакай, киргизский князец 323
 Абакай, калмыцкий князь 39
 Абакан, красноярский ясачный князец 93
 Абалей (он же «Балей»), наляжский князец 30, 34
 Абан, бурят Ашахабатского рода 93
 Абачей, бурятский князец 108, 116
 Аболкей (он же Болкей), тунгусский князец 30, 35
 Аввакум, протопоп 104
 Авозай, бурятский род 271
 Агапитов Антон, мирской крестьянский староста 107
 Агафонов Як., подъячий 392
 Агилдей, монгольский выходец 155
 Адагуши, бурятский род 271
 Адай (карагасское обозначение монголов) 321
 Азигидаев Андрей, ясачный 165.
 Азигидай Буентин, улусный человек, бурят 119, 122, 125, 379
 Айкан Ишатъев, киргизский князец 323
 Акалкан, бурятский князец 108
 Акеев Намырко, лучший человек, бурят 155
 Аким, служилый человек 118
 Акинфов, енисейский воевода 28, 63
 Акчорок, князец 286
 Алаикань, дочь бурятского князя Куржума 338
 Албичев, служилый человек 260
 Алгун, бурятский род 270
 Александров М., писатель 173
 Алексеев Василий (Тюменец), атаман 30, 31, 38, 55, 69
 Алексеев Федор, пашенный крестьянин 107
 Алексеев М. П., профессор 24, 45
 Алексей (Михайлович), царь 140, 194
 Алсаханов, этнограф 379
 Алтыновы дети 324
 Алтын-Хан (хотогойский князь) 40, 192, 195, 196, 322
 Андриевич, историк 11
 Аникиев Сидор, служилый человек 56
 Аничков Сила, енисейский воевода 83, 111
 Анкудинов Иван, подъячий 146
 Анци-татары 253
 Анцифоров, крестьянский сотский 234
 Аплинцы, родовая группа 255
 Аргамаков Василий, енисейский воевода 36, 50, 52
 Аргасан, бурятский род 271
 Арины, племя 315, 319, 324
 Арпун Чекалин, ясачный 225, 226
 Анцифоров Ю., историк 140
 Ассаны («васанские люди»), племя 28
 Асуйхэн, шаманка, мифическое лицо 277, 278
 Атабай, брат князца остяков Намака 26
 Атаган, родовая группа 256
 Атласов Владимир, служилый человек 326
 Афанасьев Иван, служилый человек 235, 313
 Ахай-Эрдени-Батур 188, 190
 Ахай-Эрдени-Дайчин 188, 191
 Ашабагаты, бурятский род 93, 94, 270, 313
 Ашахабаты (Ашебагаты) 270, 330
 Ашахай, бурятский род 271
 Ашита, бурятский род 271
 Аюша, ясачный бурят 394
 Баахай (Бахай, Абахай), бурятский князец 88, 93, 94, 108, 110, 115, 116, 123, 268, 315, 375
 Бабай, бурятский род 271
 Багун, бурятский князец 132, 133
 Бадан, монгол 119
 Бадараев Игнатий, ясачный бурят 224
 Бадмаев 353
 Базей Кривой, ясачный бурят 132
 Байгорок, джунгарский князец 375
 Байкал Иван, толмач 117, 118, 125

- Байыркуны, племя 308
 Бакшей, сойот 130
 Балдуников А. И., этнограф 74, 272
 Балей, монгольский выходец 155
 Балгайские богатыри (близнецы) 316
 Бамбаев Б. Б., историк 271
 Банаев Бугдуй, шуленга 391
 Бантыш-Каменский, историк 189, 203
 Барадийн Б. Б., профессор, историк и лингвист 8, 25, 304, 307, 354
 Баранов Дагал, ясачный бурят 165
 Баратай, бурятский князец 61, 65, 88
 Баргу-буряты, племя 304
 Баргузинские буряты 211
 Баргут (Баргу), племенная группа 287, 308
 Баргуты, народ 287, 300, 304, 308
 Барсаев Болдой, бурят 165
 Бартольд, историк 275
 Баруни-Хады, шаманские божества 279
 Баршуха, бурятская кость (род) 377
 Басагары, этническая группа 27
 Басаев, пашенный крестьянин 234
 Басни, купец 170, 173, 175, 207
 Баторов П. П., этнограф 43, 279, 294, 329, 378
 Батуров Контгогон, бурят 182
 Батхонов Зап, шуленга 391
 Бахадай, бурят 391
 Вахрушин С. В., историк 23, 29, 44, 124, 167, 335, 336
 Бачей, брат княздя Ербугара 158, 160
 Бачигалдай, сын княздя Илана 94
 Вангирцы, родовая группа 259
 Баян, бурятский род 271
 Баяндай, бурятский род 271
 Байракан (Маярахан, Баракан, Баяракай), бурятский князец 36, 55, 56, 59, 61, 62, 65, 69, 88, 109, 124, 168, 370, 374, 381
 Бевсонов Кирилл, служилый человек 146, 151
 Бекетов Петр, служилый человек 30, 35, 36, 44, 50, 87, 88, 90, 124, 131, 159, 264, 265, 295, 312, 344, 356, 374
 Березовский А., сын боярский 237
 Берестов, думный дьяк 149, 169
 Бестина, князец 286
 Биней, князь чжунгарский 39
 Бинтухай (Бинтугахай), тайша 185, 190
 Бирай, бурят 383
 Боб, ясачный бурят 394
 Бобровников Петр, дьячок 393
 Богачей, бурят-повстанец 213, 214
 Богданов М. Н., историк 8, 10, 15, 16, 25, 90, 124, 138, 177, 189, 270, 300, 321, 346, 367
 Богдогеген, ургинский 349
 Богдойский хан (китайский император) 184
 Богдохан, император Китая 183, 191
 Богов А., лавочный сиделец 211
 Боголо, шаман и первый тайша балаганских бурят 378
 Богородица Абалатская (чудотворная икона) 146
 Бодаев Башинхай, бурят 391
 Бодой, бурят 117
 Бодой Дайчинов, посол Мерген-Ахай 177, 196, 198
 Бодон, бурятский князец 90
 Бодонгут, бурятский род 274
 Бодореев Хадай, бурят 391
 Бодорхон, бурятский род 271
 Бозогидаев Хартул, ясачный бурят 156
 Бокой, бурятский князец 314
 Боладаев Кекуй, бурят 165
 Болдой, бурятский род 271
 Болжей, князец 259
 Болотский род, бурятский 137, 270, 271
 Болтурин, тунгусский князец 30, 48
 Боргой, бурятский род 271
 Боржихон, рабыня 317
 Борясов В., служилый человек 102, 111
 Борисов К., служилый человек 141, 165
 Бородин Ф., служилый человек 145
 Борой, бурятский род 271
 Боролдой, бурятский род 90
 Борондой, бурятский род 270
 Борочей, бурятский князец 313, 314
 Борсой, бурятский род 271
 Борто, легендарное лицо 306
 Бортохай, бурят 379
 Борчиев Заректуй, бурят 165
 Борчин, бурят 93
 Босогоев Бумай, бурят 394
 Ботак, князец 95
 Ботогев Мирон, бурят 393
 Ботогонов Хахай, бурят 155
 Бодогоев Карамалахай, ясачный бурят 152, 154, 155, 156
 Бошко, легендарное лицо 214, 376
 Братай, бурятский князец 55, 56, 60, 65, 76, 375
 Браты (буряты) 24
 Брюханов Д., пашенный крестьянин 233
 Брюханов К., пашенный крестьянин 273
 Бубкеев Хаду, бурят 393

- Буга (Букий), бурятский князец 161, 380
 Бугаев Ербугар, бурятский князец 154, 155, 157, 158, 164
 Бугор Василий, служилый человек 78
 Будай, бурятский князец 93, 96
 Будан-Хатан, шаманское божество 278
 Будорей Булин, бурят 296, 393
 Буемыга, бурятский князец 96, 97
 Бузагат, бурятский род 271
 Бузуев Иван, ясачный бурят 294
 Буймин С., ясачный бурят 224
 Букнев улус (люди князца Буги) 57, 68, 87, 88, 159, 168
 Букинов Н., ясачный 223
 Булагат, мифический предок бурят 278, 280
 Булагаты, племя 13, 87, 91, 95, 268, 278, 307, 308, 353
 Буладай, сын кн. Кодогуну 57, 58
 Булган-Хара, мифический предок бурят 280
 Булуй, бурятский князец 314, 340
 Булут, бурятский род 271
 Бунаков А., красноярский воевода 315
 Бунаков К., служилый человек 315
 Бурай, бурятский князец 130
 Бурзыгин Заяхан, бурят 393
 Бурков О., тунгус 236
 Буха-Нойон, мифический предок бурятского народа 277, 278, 279
 Бухаров В., пашенный крестьянин 143, 146, 147
 Бухарцы, торговые люди 41
 Бухгольд, полковник 205
 Бухут, бурятский род 271
 Бушухту-Хан (Бошохту-Хан — Галдан Ойратский) 178, 186, 190, 192, 197, 199, 200, 201, 213, 348
 Быкотский род 90, 136, 235, 270
 Быкучин Сакирко, бурят 165
 Бырбихэн, бурятский род 271
 Валютинский И., приказный 211
 Вамбоцыренов, этнограф 250
 Ван-Хан керейтский 364
 Васильев Борис, пашенный крестьянин 104
 Васильев Дунай, служилый человек 70, 73, 75, 87
 Васильев Кондратий, сын служилого человека 112, 121
 Васильев Лучка (Крюков), служилый человек 153
 Васильев О., служилый человек 52
 Виноградов, сыльный 241
 Витязев Михаил, служилый человек 146
 Владимирцов Б. Я., академик 179, 183, 262, 276, 295, 308, 314, 349, 355, 366
 Вогулы 335
 Воейков Н., шурия Я. Хрипунова 48
 Волзаев род (см. Олзаев род) 90
 Воложенин Иван, крестьянин 234
 Воробей В., разбойник 146
 Воробьев Ефр., казак 384
 Востриков А. И., исследователь 12, 371
 Выдомской Тихон, верхоленский воевода 134
 Вятка Кирилл, служилый человек 117
 Вяткина К. В., этнограф 250
 Гагарин И. П., кн., иркутский воевода 157, 178, 196, 203
 Галдан Ойратский (Бушухту-Хан, Бошохту-Хан) 90, 181, 182, 189, 190, 193, 195, 197, 198, 200, 201, 326
 Галкин А., служилый человек 144, 145
 Галкин Иван, атаман 55, 62, 81, 99, 257, 264, 319
 Гантимур, тунгусский князь 101
 Гегень-Кутухта 185
 Генеул, тунгус 261
 Георги, исследователь 90, 256, 327, 332, 333
 Гилев, пашенный крестьянин 140
 Гладков И., приказный 211
 Гмелин, исследователь 72, 73
 Говорин Ф., служилый человек 85
 Головачев П. М., историк 209
 Головин А. Ф., воевода 190
 Горбуновы, кулаки 243
 Горностаев, крестьянин 221
 Горшев Оботук, бурят 165
 Готолы, бурятский род 89, 341, 375, 376
 Григорьев Иван, пашенный крестьянин 94
 Губзап, бурят 247
 Губельман (Ярославский Е.) 319
 Гуляши (буляши), племя 29
 Гульма П., гулящий 143
 Гунзап, чжунгар, полководец Галдана 192
 Гэндун-Дайчин, князь хотогойтов 194, 195, 196, 198
 Гэнэн-Худакта, легендарное лицо 342
 Давыдов К., пашенный крестьянин 118
 Дайчин-Контазий (см. Гэндун-Дайчин) 188, 190, 191, 192, 194, 196
 Далай-Батур 182

- Далай-Лама 193
 Далай-Манжинширей (Манчжушри), хутухта 191, 195
 Далай-Цецен-Ноен 150, 190, 383
 Дандзилан-Ноен-Хашка 190
 Данжин-Лама 217—220, 225, 227, 244, 245, 249
 Даркей, бурятский князец 108
 Дарьё, богатырь 316
 Дархаты, народность 387
 Дахай, бурятский князец 391
 Дахуев Осей, бурят 165
 Дахуй, бурятский князец 108, 115, 123, 195
 Дворченков М., тунгус 232
 Дебеч Г. Ф., антрополог 265
 Дементьев Игнатий, крестьянин 104, 105, 116
 Дерднев Асхибай, бурят 165, 168
 Джесары 25
 Джучи, старший сын Чингис-Хана 275, 276
 Дзюб-Ирдени (Чжаб-Эрдени), монгольский князь 189
 Димитров, Г. М. 9
 Динлины, народность 344
 Долган Мих., крестьянин 152
 Долгих Б., этнограф 258
 Долоп Негодеев (Нагатаев), бурятский князец 88, 315
 Долот, бурятский род 271
 Донэ-Баян, легендарный богач 293, 295, 298, 301, 317
 Дружина Даурский, служилый человек 132
 Дубенской Андрей, красноярский воевода 28, 30, 37, 50
 Дудоровский, купец 173, 174, 177
 Дунай, бурятский князец, сын Баахая 108, 122
 Дурбат, бурятский род 271
 Дуртон, кость (род) 377
 Дуртум, бурятский род 271
 Дюринг Евгений 364
 Евдокимов П., служилый человек 392
 Евдокимов С., служилый человек 152
 Едок, тунгусский князец 30, 34
 Евдоков Иван, служилый человек 145, 154, 169
 Елов Ирбан, бурят 158
 Ербанов М. П., секретарь Бурят-Монгольского Обкома ВКП (б) 6
 Ербугар, бурятский князец (см. Бугаев Ербугар) 158, 163
 Ердени-Контазий 190, 191, 192
 Эрдени (см. Эрдени-Ноин) 175
 Ерки-Белая (Бейлэ) 180
 Ермолин Иван, служилый человек 331, 332, 333, 334
 Ефремов, ясачный 231, 233
 Жамцарано Цибен, доктор истории 179
 Жаргаулев Боявица, тунгус 232
 Жаяка, бурятский князец 313
 Жданов А. А., секретарь Ленинградского Обкома ВКП(б) 7
 Жептаков Л., тунгус 231
 Жолобов Ал., вице-губернатор 205
 Забанов М. Н., историк 292, 309, 329, 344, 355
 Заборщиков Лука, крестьянин 233
 Заборщиков М., крестьянин 222, 223
 Завьял, служилый человек 103
 Заектай, тунгусский князец 134
 Залар-Хон-Тайжи 349
 Зангидаев Зомейка 152, 154, 156, 157, 158
 Зарубин, сержант 223, 229, 239
 Захарьев Андрей, пашенный крестьянин 104
 Заяктаев род, бурятский 136
 Зверев К., казак 199, 212
 Звероул, тунгусский князец 313, 380
 Зиновьев Ф., пашенный крестьянин 107
 Золотой царь (см. Алтын-Хан) 192, 194, 196, 386
 Зорин Багандай, ясачный бурят 224
 Зорин Гаврила, ясачный 224
 Зумад, бурятский род 271
 Зунгар, бурятский род 90, 271
 Зунгара-Уха-Шара, богатырь 270, 316
 Зэгэтэ-Аба 250, 251, 252, 307, 310, 319, 328, 333, 335, 353, 357, 360, 361
 Иван, священник Братского острога 104
 Иванов А., служилый человек 27, 82
 Иванов Курбат, служилый человек 49, 111, 268, 337, 338
 Иванов П., казак 155
 Идайчи-Тазий (см. Дайчин-Контазий) 188, 191, 194
 Изень, бурятский князец 96
 Изерчевы дети, киргизские князья 323
 Измайлов, воевода 204
 Икейца, сноха князя Ербугара Бугаева 158
 Икинаты, бурятский род 75, 93, 94, 225, 268, 391
 Илан, бурятский князец 38, 91, 313, 330, 333
 Илдене-Цохтоевшины, улусы 203

- Илжиев Хангай, бурят 165
 Именинников В., служилый человек 26
 Инкеев Матила, ясачный бурят 226
 Инкей, бурятский князец 90, 130, 136, 382
 Инкей, киргизский князец 323
 Ирбан, бурят 157
 Ирбанов Бахак, бурят, хондогор 370, 378
 Иргижалды Ахай 184
 Ирдени-Ахаевшины, улусы 208
 Ирдени-Колн 177
 Ирдени-Контазий 188, 189, 190, 191, 198
 Ирденъ-Контайша 190, 192, 194 195
 Ирдени-Патку 189
 Иренак, киргизский князь 90, 193, 386
 Ирилдиев Залбул, бурят 165
 Ирки-Контазий (Эрху-Хунтайчжи) 189, 190, 191, 194
 Иркийей, тунгусский князец 30, 31, 33, 35
 Иркищев род, бурятский 270
 Иркичей, бурят 139
 Ирхидэй, бурятский род 271
 Ирхэт, бурятский род 271
 Ихинат, бурятский род (см. Икинаты) 90, 271
 Ихириты, бурятский род 134, 136, 307, 308, 316, 337
 Июско-чулымские татары 27
 Кадай, бурятский князец 95
 Кадалай Буксогонов, бурят 119, 120
 Каага, низыльский татарин 379
 Кайгаторский род, бурятский (см. Хондогор) 379
 Кайдаев Бозей, бурят 165
 Кайдаев Болдой, бурят 165
 Кайдаев М., бурят 165
 Каканчей, бурятский князец 108
 Калга Иван, казак 145
 Калмыки (чжунгары) 265, 322
 Калмыки белые (алтайцы) 28, 47, 323
 Калтагоров Батрахан, бурят 224
 Каменев И., служилый человек 145
 Камчаги, родовая группа 256, 264
 Кандей (см. Ханлей), бурятский князец 96
 Кантагирцы, тунгусский род 261
 Карагасы (Тофалары) 302
 Кара-Нюдум, бурят 93, 94
 Кара-Чогу, тофаларский род 321
 Каргапулцев Ив., крестьянский сын 233
 Карл Великий 364
 Карл Пятый 364
 Кармагинцы, ясачные люди 93
 Карнаковы, кулаки 243
 Карней, князец 31
 Карпин Амонатко, толмач 26
 Карцев В. Г., археолог 282
 Касовские остяки 260
 Катан-Батур, тайша 190
 Катанов, профессор 321
 Кафтырев Х. Ю., служилый человек 99, 139, 145, 388
 Качин Н., атаман 96, 134, 316
 Качин Петр, служилый человек 232
 Качин Я., посадский 233
 Качинцы, племенная группа 315, 319
 Каш, тофаларский род 321
 Кашин В. Н., профессор 24, 45, 322
 Келты, тунгусский князец 46
 Кераиты (керениты), народ 272, 276
 Кережаев род (см. Ихириты) 134
 Керемучин, племя 278
 Кетские остяки (кеты) 260
 Кизильские татары 379
 Киланский род (тунгусский) 257
 Киндигирский род (тунгусский) 261
 Кинегга («Кенегга»), наляжский князец 30, 34
 Кинтасей (Хунтайчжи) 189, 195
 Кирал, бурят 134, 136
 Киргиз Петр, служилый человек 181
 Киргизы 277, 322
 Кирилов Б., служилый человек 145
 Кирилов Д. (см. Кирилов М.) 145, 147, 150, 151
 Кирилов М., служилый человек 146, 148, 151
 Кирилов Т., служилый человек 145, 165
 Кирингин Капкара, ясачный 223, 226
 Киров С. М. 7
 Кирха, бурят 377
 Кислоквас, служилый человек 338
 Кислянский Л. К., иркутский воевода 156, 190
 Клеменц Д., этнограф 250, 295, 316, 318, 319, 335, 358, 359, 362
 Клепик Г., служилый человек 117
 Клепиков Ф., боярский сын 146
 Клюкин И. А., лингвист 384
 Когоня, тунгусский князец 34, 35, 259
 Когун, бурятский князец 68
 Кодогон (Кодогунь), бурятский князец 30, 54, 56, 59, 60, 65, 69, 71, 76, 308, 374
 Кожгун, бурятский князец 60
 Козлов Ждан, служилый человек 27, 32
 Ковьмин П. Н., профессор 10, 11, 42, 44, 13, 46, 25, 40, 124, 169,

- 179, 185, 193, 201, 253, 272—277, 287, 288, 290, 291, 303, 323, 324, 362, 364, 365
- Кокте (корчунский лучший человек) 313
- Кокура Нагатаев, ясачный 120
- Колесников, служилый человек 85, 88, 99
- Колжеки, родовая группа 250
- Колмаки Черные (чжунгары) 27, 39
- Колмогоров, служилый человек 264
- Колочей, бурят 134
- Колтогон, тайша 182
- Колымские русские 326
- Кольцов Иван, атаман 51
- Комов В., разnochинец 230
- Конготурский род (см. Хонгодор) 313
- Кондогири, тунгусский род 259
- Кондырев Ждан, енисейский воевода 55, 63, 67
- Конко, бурятский князец 108
- Конкодорский род (см. Хонгодоры) 134
- Коогай, бурят 93
- Копылов Д., служилый человек 170
- Корели, родовая группа 256
- Корелин Ив., подканцелярист 222
- Коренев Ив., крестьянин 234
- Кориндей, бурятский князец 330, 331, 332, 333
- Кормишка, тунгус 231
- Корок, тунгусский князец 34—71
- Корот, тунгусский князец 35, 259
- Корчунские удусы 93
- Корчунские татары 313, 315, 331, 340
- Корчуны, родовая группа 268
- Костров, князь, этнограф 379
- Костянтинов А., новокрещен 223
- Котелков Г., служилый человек 89
- Котельников Ив., служилый человек 94
- Котога (см. Котогор) 62
- Котогор (Кодогор), бурятский князец 61, 62, 71, 76, 81, 342, 368
- Котконов Аткуй, бурят 165
- Котты, племя 319
- Кочемары, родовая группа 93, 259, 268
- Кочетов Ф., служилый человек 391
- Кошенбай, князец 286
- Кошкарлов В., крестьянин 222
- Краснояр Сенька, служилый человек 185
- Красовский, пристав 241
- Крашенинников С., путешественник и исследователь 42
- Кривянич Ю., ученый 33
- Кроль М., исследователь 250
- Кротов, автор Иркутской летописи 172—177, 207
- Крыжановский Юрий, сын боярский 211
- Крюков Л., служилый человек 153
- Кряж Федор, служилый человек 384
- Ксенофонтон Г. В., этнограф и историк 272, 306
- Кудря, толмач 134—135
- Кудука, жена бурятского князца 108
- Кузачик, князец 286
- Кузнецов И., историк 193
- Кузнецов Петр, служилый человек 152—154
- Кукановы дети, тайши 384
- Кулаков Якунька, служилый человек 85
- Кулгора, князец 287
- Кулеметский род, бурятский 20, 157, 270
- Кулуз, бурятский князец 35, 36, 54
- Кумкагирский род, тунгусы 133
- Кундун, бурят 110
- Кункул, даруга 136
- Курдаек, князец 280
- Курдюков Евд., служилый человек 157, 205, 211
- Курейские тунгусы 263
- Курелдей, бурят 391
- Курень Аф., служилый человек 394
- Куржум Бурлаев, ихиритский князец 262, 313, 338, 339, 340, 376
- Куржумов Василий, сын К. Бурлаева 376, 378
- Куркаги, родовая группа 256
- Куркут, бурятский род 276, 271, 377
- Куропаткин, генерал 389
- Курсун, бурят 118, 122
- Курул, киштым князца Илана 38
- Курумдей, ясачный 314
- «Курумчинцы» 283, 285—287, 300
- Куриц Б. Г., историк 33
- Курьяканы, племя 272
- Курябыл, тунгусский князец 34
- Кусточик, ясачный ясаул 27
- Кусынетев Тебелдей, ясачный 165
- Кутигур, бурятский князец 77
- Кутюкин Одой, тунгус 236
- Кутугур, бурятский князец 71
- Кутухта М., бурят 87, 374
- Кучегуты, род 27
- Кучомейко Шаманов, тунгус 127
- Кылтуев Муськей, бурят 165
- Лалаг, бурятский князец 90
- Лалигири, родовая группа 256
- Ламуты, племя 258

- Лапа Гавр. служилый человек 71, 72,
Ласковский Ф., литвин 33
Лелин Хадур, бурят 297, 391
Лелин Хамута, бурят 155, 394
Лелин Хомотай, бурят 297, 392
Липка, тунгусский князец 259, 381
Литвинцев, сын боярский 235
Людвоп II., служилый человек 145
Логан, англичанин 45
Лоджан (см. Лубсан) 193, 194
Лодыгин В., служилый человек 27,
32
Лозон (см. Лубсан, Лубсан-Тайчжи)
192, 193
Лозон-Дайчин, Контавий (см. Луб-
сан, Лубсан-Тайчжи) 193
Лосев Ив., подъячий 394
Лоузан (см. Лубсан) 137, 193
Лубсан 193
Лубсан-Тайчжи 193, 194
Лубсан-Ноян 193
Лудка, бурятский князец 108
Лукашка, тунгусский князец, брат
Иркинея 33
Лукин Сидор, крестьянин 234
Лукой, бурятский князец 108, 116
Лумбунов Юмкап, этнограф 181
Лута, бурят 377
Лутка, князец Дахаева улуса (см.
Лудка) 110
- М. А. (псевдоним писателя, может
быть Маргос А.?) 36, 215
Маадай, бурят 96
Макаров Дан., пашенный крестьянин
94
Мальха, Буйтов сын, бурят 92
Мамыга, тунгусский князец 30
Мануйлов С., казак 117
Манхамуд, бурятский род 271
Маркс К., 206, 207, 293, 350, 371,
372, 373
Марр Н. Я., академик 274, 302, 303,
305, 358
Мартос А., писатель 170, 171, 176,
187, 204, 205, 215, 270
Матвеев Безсон, служилый человек
102
Матвеев Г., служилый человек 151
Маты (маторы), племя 27, 28
Маугири, тунгусский род 259
Медведев Ив., разночинец 236
Межов Ив., ясачный 233
Мерген-Ахай 178, 185, 198
Меркиты, народность 272, 275, 276
Мещанинов И. И., академик 250
Микитин О., служилый человек 314,
319
Миллер Герард, историк 7, 8, 9, 10,
11, 12, 25, 27, 177, 227, 260
- Минин Паштелей, служилый человек
102
Минусинские турки 320
Мироманов Петр, толмач 116
Мироманов Г., казак 218
Миронов Ем., служилый человек 132
Михайлов Вампилун, этнограф 13
Михайлов Ив. пашенный крестьянин
104
Михайловская А. И., историк 74,
238, 239
Михайловский Н. Н., историк 140
Михалев Ан., служилый человек 383
Митюков, казак 235
Многогрешный Дем'ян, бывший гет-
ман 181, 184, 196
Моголцово Нахуй, бурят 394
Можеул, тунгусский князец 259, 260,
261, 262, 264, 265, 267, 336, 341,
381
Моксой, бурят 128, 129
Моманко, бурят 139
Момотов В., служилый человек 145
Монгол, бурятский князец 54
Морган Г., этнограф 256, 364
Москвитин Д., казак 152, 159
Москвитин, пятидесятник 63, 65, 67
Мохонка, ясачный бурят 132
Мугулчок, бурятский князец 313
Мукотей, тунгусский князец 35, 259
Муку, бурят 155
Мулта, тунгусский князец 30, 31
Мумуегов Холзик, бурят 165
Мумуегов Дочикой, ясачный 165
Мунгулей, тунгусский князец 30
Мунгулы, тунгусский род 35
Муруй, бурятский князец 79, 84
Муруй, бурятский род 90, 270, 271
Мухор, бурятский князец 77
Мучуги, род 81, 257, 264, 285
Мымак (Мамык), якутский князец 380
Мычикеев С., ясачный бурят 221, 223,
224, 225, 244, 245
Мычикейко, бурят 165
Мясин К., толмач 261
- Нагал Григорий, толмач 154
Нагалов Иван, сын толмача 156
Нагалова Марфа, 151—157, 161—163,
315
Нагатай, бурятский князец 88
Надежка, толмач 383
Назимов Дм., крестьянин 151
Наиров Урмакей, ясачный 80, 165
Наканов Бадолчей, ясачный 165
Наляги, род 256, 263, 268, 319
Наляжские люди (см. наляги), тун-
гусский род 29, 31, 35
Намак, князец остяцкий (кетский)
с Кадыма 25, 26

- Намакай, киргизский князец 323
 Наматай, бурятский князец 77
 Намкалей С., тунгус 236
 Намызаак Баданов, бурят 394
 Нанагирский род, тунгусский 266
 Нарей, бурятский князец 85
 Нарекаев Содой, бурят 165
 Нахуй, бурят 247
 Негутай (Нагатай), бурятский князец 69, 70
 Нелберя, тунгус, аманат 349
 Нетукий, бурят 118
 Никитин П., служилый 35
 Никогирцы, тунгусы 260
 Николой, грек 140, 146
 Ниткей, сын князца Котогора 66
 Нитник М. (Шульгин) 151—155, 163
 Ноенгуев Баин, бурят 297, 392
 Ноет (Нойот), бурятский род 90, 271
 Ноетский род 235, 270, 271
 Ноорак, сын князца Баяракана 66
 Ноин-Ердена 170—172, 177
 Ном, бурят 93, 94
 Номея, рабыня-бурятка 156, 163, 164
 Номо-Орки-Газий, тайчки 191
 Носко Иван, служилый человек 52
 Обедник Ив., служилый человек 37
 Обогон, бурятский род 271
 Обольянинов Григ., сын боярский 33
 Обонда, легендарное лицо 306
 Обондэй, бурятский род 271
 Обуон Ирбан, бурят 152, 155, 156
 Обусинские погребения (эпохи позднего железа) 13, 284
 Овчинников М. П., археолог и этнограф 13, 239, 240
 Оглоблин Н. Н., историк 139, 149, 166
 Огородников В. И., профессор 257
 Овановичин Ф., казак 229
 Ованканы, род 257
 Ованы, род 257
 Ойкогири, тунгусский род 256
 Ойн-урианхи, племя 310
 Ойраты, западные монголы 330, 355
 Окин, бурят 383
 Окин-Зайсан, тайша 180, 181, 182, 183, 201, 202
 Окойка, жена бурятского князца Хая 158
 Окунь, князец тунгусский 46, 47, 49
 Окунь С. Б., историк 242
 Оленев Микчан, бурят 119
 Олень А. Е., служилый человек 86, 87, 379
 Олень Ф., казак 152
 Олазов род 155, 157, 247, 270, 382
 Олзон, бурятский род 271
 Омбо-Эрдени, князь хотогойтов (см. Алтын-Хан) 193, 194, 195
 Омегенъ, бурятский князец 136, 382
 Омонгуй, бурятский князец 168, 312
 Онгоев род 90, 270, 382, 391
 Онгой, бурятский род 271
 Онгоетов род 270, 271
 Онгогой, бурятский род 90
 Онохон Обыгаев, бурят 391
 Онхой, бурятский род 271
 Ордынцы 319, 331, 335
 Орцоло-Уй-Зайсан 190
 Орючуканов Онокон, ясачный 156
 Осипов Иван, пашенный крестьянин 104
 Осипов Л., служилый человек 153
 Остафьев П., новокрещен 185
 Остяки (кеты) 326, 335
 Отоурка, киргизский князец 323
 Оута, бурятский род 271
 Охай, бурят 303
 Очеул, бурятский род 271
 Очирой-Хан (Очирой-Сайн-Хан) 132, 185
 Ошанин Андрей, воевода 30, 31, 33, 34, 55, 255
 Павлов Иван, крестьянин 106
 Павлов И. С., служилый человек 88
 Палач Митьна, служилый человек 58
 Палицын Андрей, воевода 23, 334
 Паллас П. С., путешественник, исследователь 90
 Патканов, исследователь 256, 258, 259, 390
 Пашков Аф., енисейский воевода 37, 88, 89, 95, 99, 104, 105, 121
 Пежемский П., автор Иркутской летописи 172, 174, 175—177, 205, 207
 Пенда, промышленник 41
 Первушин, десятник 335
 Перфильев И. М., служилый человек 212
 Перфильев Максим, служилый человек 33, 34, 59, 62, 63, 64, 83, 88, 198, 205, 206, 207, 267, 299, 337, 341, 344
 Песков Сидор, казак 155
 Петри Б. Э., профессор 282, 284, 294, 300, 344, 346, 347, 348, 351, 352
 Петрушка, толмач 102
 Пиль И. А., вице-губернатор 172
 Пинширча Кочнев, ясачный тунгус 231
 Писарев М., служилый человек 145
 Питские тунгусы 231, 259
 Племанников А., воевода 70, 75, 333, 334

- Плехан Осип, служилый человек 119, 120
- Погодаев Моисей, крестьянин 230
- Подгорбунский И. А., священник 8
- Подрез Д., служилый человек 102, 103
- Позднеев А., профессор 183, 192, 193, 195, 202, 277
- Полежаев Тим., казак 152, 153, 159
- Поленов Б., десятник казачий 60
- Полтев Николай, сын С. Полтева, малолетний воевода 186, 205, 206, 207
- Полтев Семен, стольник, иркутский воевода 147
- Полянский, думный дяк 149, 169
- Попов А. А., этнограф 326
- Попов Андр., промышленник 96
- Попов Дружина Васильев, служилый человек 128, 129, 130, 136
- Попов Иван, пашенный крестьянин 143
- Попов Н., крестьянин 233
- Попов Я., служилый человек 145
- Пополутов С., казак 145
- Поппе Н. Н., профессор 12, 303, 305, 307, 354, 370
- Потанин Г. Н., этнограф 273, 277, 302
- Потанина А. В., этнограф 295
- Похабов Григорий, подьячий, брат И. Похабова 100
- Похабов Иван, сын боярский 83, 86, 97, 98, 124, 126, 127, 128, 137, 199, 349, 374, 382, 388
- Похабов Яков, служилый человек 129
- Поярков, служилый человек 99
- Поясницын А., служилый человек 127, 152, 153
- Прокопьев Петр, крестьянин 231
- Псковитин А., крестьянин 222
- Псковитин Ф., служилый человек 52
- Путимец Аф., служилый человек 37, 52
- Рабтан, чжунгар 192
- Рагузинский Савва, посол 378
- Радуковский Н., служилый человек 75—79, 82, 328
- Разин Степан 146, 147, 167
- Разумов М., секретарь Восточно-Сибирского Крайкома ВКП(б) 6
- Распута Степанов Потаповых, слободчик 91, 96
- Распутин Иван, крестьянин 121
- Распутин Федор, крестьянин 121
- Рашид-Эддин 274, 276, 278, 295, 304, 308
- Ремезов Семен, сын боярский 376
- Репнин, кн. 169
- Ржевский Ив., иркутский воевода 128
- Римский-Корсаков М. И., енисейский воевода 145
- Рогинский Я. Я., антрополог 265
- Родина, жена посадского 229
- Родоков С., казачий десятник 69
- Роевнущкой род, бурятский 139
- Ропот П., пятидесятник 63, 64
- Российско-американская компания 215
- Ртищев, енисейский воевода 100, 127
- Рукин Черкас, служилый человек 260
- Рузанагы, бурятский род 94
- Рээнэн, лингвист 300
- Рыбников Г., казак 229
- Савелов Аф., иркутский воевода 171, 183, 196, 205, 206, 207, 209, 212
- Савельев Тим., пашенный крестьянин 104, 105, 116
- Савин Вихор (Терентий), служилый человек 46, 55, 56, 59, 62, 381
- Сагалские люди 300
- Саган, бурятский род 270, 271
- Саган-Батор, богатырь 75
- Саганка, сын бурятского князя Тохтохи 92
- Саган-Малагай, бурят 155
- Садай (Саадай), бурятский князец 35, 36, 54
- Садовник Ив., крестьянин 105
- Сайн-Хан 276
- Сакуй, бурят 165
- Салжай, бурятский князец 79
- Салмачко, бурят 69
- Санжеев Г. С., исследователь 330, 349
- Санкидаев З., бурят 157, 158
- Сарбан, бурят 383
- Сартагул, бурятский род 274
- Сартул-Гартул, бурятский род 274
- Сарты (узбеки), народность 274
- Сары (Шары), тубинский князец 375
- Сарыг-Каш, тофаларский род 321
- Сатыгаш, аринский князец 26
- Саянцы, род 27
- Седой, бурят 134
- Седун, бурят 134
- Селенгутский род, бурятский 391
- Сельский И., писатель 112, 187, 188, 193, 199, 204
- Семейка Карпов, сын крестьянина 118
- Семенов Ф., подьячий 148
- Семенов Ф., крестьянин 105
- Сенге, князец 193, 324
- Сергоулев Теул, тунгус 231

- Сердика, тунгусский князец 259
 Серебренников И. И., историк 8, 10, 15, 157, 172
 Сивов И., ясачный бурят 233
 Сивов М., служилый человек 230, 231
 Силкин Кочюта, тунгус 232
 Сивянин Л. Ф., воевода 181, 212
 Сирень-Секулай, тайша 181, 189
 Словцов, историк 11
 Союты (танну-тувинцы), народ 302
 Сойт, князец 38
 Солбун, бурят 383
 Солэнгутский род 270
 Солманхил, бурятский род 271
 Солодков С., крестьянин 295
 Сорокин, служилый человек 99
 Сорокин П., казак 208
 Сосновский В. И., историк и лингвист 304
 Софонов С., служилый человек 152, 154
 Софронов В., крестьянин 222
 Сохоев Сахур, бурят 156, 157, 158
 Сохто-Кашка, чжунгар, посол Галдана 190
 Спасский И., писатель, историк 39, 379
 Снафарий Н., посол 48, 292
 Сталин И. В. 7, 17, 19
 Степанов Василий (Бодой), новокрещен, 170, 172, 175, 176, 177, 184, 186, 187, 197, 198, 199
 Степанов Иван (см. Степанов Василий) 170, 174
 Стуков К., миссионер, этнограф 113
 Суворов Ив., крестьянин 107
 Суджин-Сенге-Тюрюин-Ноен, сын-Гэндун-Дайчана 192
 Судукеев Сегдей, бурят 165
 Сукачев, иркутский городской голова 198
 Сумангилей, ясачный 93
 Су-монголы 253
 Сургусы, родовая группа 330
 Сухой, иркутский бургомистр 204
 Сухар-Ноен, легендарная личность 342
 Сучуты 39
 Сыркай, тунгусский князец 259
 Сытин А., чиновник 205
 Сычегиры, родовая группа 256
 Сычуги (см. Сычегиры) 31, 255
 Сэган-Гуг, предок одного из бурятских родов 306
 Сэганут (Олод), бурятский род 131, 271, 283
 Табеев Колочей, бурят 165
 Табун, киргизский князец 323
 Табязин, бурятский род 271
 Тайжи-Хан, мифическое существо 280
 Тайшин Петр, новокрещен 170, 172, 174—177, 184, 186, 187, 191, 196, 197, 198, 199, 200, 204, 205, 206, 207, 382
 Такия, князец 260
 Талай, киргизский князец 322
 Тарской М., толмач 67
 Тасей, тунгусский князец 31, 386
 Татауш (Татуш), аринский князец 27
 Татыбай, князец 280
 Тобоев Тугултур, бурятский летописец 12
 Торцов Б., бурят 156
 Тохтоха, бурятский князец 92
 Трехта, тунгусский князец 31
 Тубинцы 27, 35
 Тугуланов Еремей, юкагир 326
 Тузинко, бурят 156
 Тузыга, ясачный 155
 Тулюк, бурят 383
 Тункинские погребения (эпохи раннего железа) 13
 Тунтур, бурят 155
 Туница Иван, крестьянин 146, 147
 Тураев род, бурятский 384
 Тураев Горги, бурят 383
 Турай, бурят 134
 Туралак, бурятский род 271, 340
 Тургенев, балаганский управитель 112
 Турукай-Табун, князь 85
 Турундугай, бурят 168
 Турунов А. Н., историк 8, 10, 98
 Турчанинов Яков, служилый человек 126, 127, 129
 Турчанкай, бурят 119
 Турчинко, бурят 156
 Тутур, бурятский род 271
 Тутчик, бурятский князец 88
 Түшөтү-Хан (см. Сайн-Хан) 124, 198
 Тыгын, полулегендарный «Якутский царь» 319, 380
 Тыгыновы дети 218
 Тыкаев Обутай, ясачный 323
 Тымак, бурятский князец 38
 Тыргоурд, бурятский князец 68
 Тэрму, легендарное лицо 317
 Тэртэй, бурятский род 271
 Тюлка, аринский князец 25—45
 Тютюнов, шуленга 219, 220, 221, 225, 226, 227, 242
 Уваров Ф., воевода 101, 111
 Удай-Тынгэри, шаманское божество 274
 Узений, князь черных калмыков 39
 Узун, племянник бурятского князя Долона 91, 93, 94, 315

- Улабат, бурятский род 271
 Улитин, лингвист 256
 Ульгень — Великая земля, шаманское божество земли 305
 Умыдыкей, бурят 165
 Унгинские буряты 12
 Ундун-улцэйтү, титул 124
 Унегилдей, бурятский князец 66
 Уныгей, бурятский князец 61
 Уныгенов Умукыдей, бурят 165
 Уразов Г., толмач 191, 192, 196
 Урмакей, ясачный 165
 Урянхай, бурятский род 271
 Урянхиты, племя 274, 304
 Устинов, новокрещен 232
 Уто, кншгым 332
 Ухин-Хонтогор, тайша (см. Окин-Зайсан) 180
 Ушаков Ал., московский гость 211
 Уюрьльцы, родовая группа 259
- Федор, царь 194**
 Федоров Софрон, крестьянин 107
 Фирсов А., служилый человек 106, 110
 Фирсов Д., служилый человек 89, 91, 92, 94, 95, 96
 Фирсов М., служилый человек 376
 Фирсов Поздей, енисейский атаман 31, 32
 Фишер И. Э., историк 7, 8, 9, 10, 11, 14, 15, 16, 17, 18, 25, 27, 34, 35, 38, 41, 49, 87, 97, 98, 108, 131, 192, 194, 250
 Фомин Тер., крестьянин 105, 108
 Фомин Шумка, крестьянин 116
 Фык Д., казак 208, 211
- Хабар Князев, бурят 108**
 Хабаров Ер., служилый человек 99, 111
 Хабахан Бодореев, бурят 391
 Хагяс (Хакасы), народность 283
 Хакасы, народность 324
 Халенга, тунгусский князец 34
 Халинка, тунгус 60
 Хамнагадай, эпический герой, богатырь 316
 Хамнай, бурятский род 271
 Хангалов М. Н., этнограф 13, 75, 155, 158, 162, 250, 251, 252, 295, 296, 297, 309, 317, 318, 319, 335, 345, 357, 358, 361, 362, 379
 Хангин, бурятский род 270, 271
 Хандей, бурятский князец 93
 Хандоров Т., ясачный 224
 Хандук-Ирки Батур, тайчжи 182, 184
 Хангаев П. Т., историк 379
 Хара-Малагай, бурят 391
 Хара-монгол, бурятский род 271
- Харик, бурят 391
 Хармяган, бурятский род 271
 Хартул, бурятский род 271
 Харузин Н., этнограф 295
 Харыгей, князец 260
 Хасамак, бурятский род 271
 Хахан, бурят 156, 158
 Хахта, бурятский род 271
 Хашха, богатырь 316
 Хогой, бурятский род 271
 Ходукин Я. Н., историк 241
 Холзик Доена, бурят 165
 «Холопья Орда» 335
 Холтубаев, бурятский род 90, 271
 Холтыбаев род (см. Холтубаев род) 370, 391
 Хонгдор, бурятский род 370, 371, 378, 384
 Хонюг, бурятский род 271
 Хори, племя 306, 308
 Хоринцы 304, 276
 Хоромнай, бурятский род 271
 Хорчит, бурятский род 271
 Хотогойт, бурятский род 271
 Хотохойты, северные монголы 193, 194, 196
 Хошигучи, титул 124
 Хрипунов Яков, воевода 31, 44, 45, 46, 58, 71, 84, 90, 250, 349, 381
 Хромцов Ив., служилый человек 143
 Хугуев род, бурятский 270
 Хувулев Дорога, тунгус 231, 232
 Хулдат, бурятский род 271
 Хунтайчи, титул 189, 201, и др.
 Хунши-Ноен, должность в Зэгэтэ-Аба 3, 18
 Хурдуг, бурятский род 271
 Хурхут, бурятский род 271
 Хусухэн, шаманка, легендарная личность 277, 278
 Хухтэ, бурятский род 271
 Хухуйт, бурятский род 271
 Хэнгут, бурятский род 271
 Хэрбит, бурятский род 271
 Хэрмэн-Зэгэтэ-Аба 357
 Хэрмэшин, бурятский род 271
- Цаган-Батур 192, 195**
 Цаганилаев Д., бурят 297, 392
 Цагаты, бурятский род 94
 Ценген-Батор-Хон-Тайжи 349
 Цецен-Ноен 190
 Цецен-Хан 85
 Цзасаку-Хан 193, 194, 195, 198
 Цициник Николай, грек 140
 Цокту-Нойон 191
 Цонгол-Укин-Хонтогор 181
 Цэнгунь 193, 194
 Цысан (Цецен-Хан) 85

- Чагатай, сын Чингис-Хана 275
 Чагакчон, тунгуска 262
 Чайчак, шуленга 184
 Чань-Чунь, даосский монах, путешественник 295
 Чапаги, родовая группа 256
 Чах Н., разбойничий атаман 107
 Чевдаком, сын Куржума 349
 Чегодэр, бурятский род 271
 Челачев Жидиуль, тунгус 231
 Челкагири (см. Чилкагиры) 81
 Чемеев С., тунгус 231
 Чемесов, капитан 99, 152, 153, 154, 159, 163, 164, 228, 241
 Чемесов В., приказный 394
 Чепаги, родовая группа (см. чапаги) 31
 Чептей, тофаларский род 321
 Чепчугуй, бурятский князец 262, 312, 313, 338, 370
 Черепкон, племянница Куржума 338
 Черколом, тунгус 46
 Черменинов, казачий десятник 68
 Черниговский Ф., служилый человек 196
 Черные калмыки, чжунгары 324
 Чеулка, тунгусский князец 30, 34
 Чечол, бурятский род 271
 Чечуйская слобода 167
 Чибилдей, ясачный 38, 314
 Чилкагиры, тунгусский род 256, 381
 Чингис-Хан 272, 305, 307, 308, 310, 326
 Чингисханиды 251, 329
 Чипачей, бурятский князец 315
 Чиногурцы, тунгусский род 30, 35
 Читуг, бурятский род 271
 Чихуль-Дорчжи, монгольский князец 382
 Чогду, тофаларский род 321
 Чокора, ашеабагатский князец 340
 Чолкаги, родовая группа 256
 Чудовский, историк 10
 Чукчи, народность 326
 Чуфаков брат 184
 Чюрка Ф., ясачный сборщик 79
 Чюсовитин М., крестьянин 221
 Чюсовитин Ф., крестьянин 221, 225, 229
 Чючкин М., ясачный 223
 Шавдан, тунгус 381
 Шадра Гоголев, бурятский князец 108, 110
 Шадриков Ф., служилый человек 102, 110, 117, 118, 119, 125, 349
 Шалганы, родовая группа 257
 Шамазабья, жена тайши 181
 Шаманские люди, см. шаманцы 33
 Шаманцы, тунгусы 31, 33, 255
 Шанда, тубинский князец 375
 Шандукугун, тайша 183
 Шарад (см. Шарайт) 271
 Шарайт, бурятский род 90, 268, 271, 330
 Шаралдай, бурятский род 271
 Шаранут, бурятский род 270, 271
 Шарацкой род (см. Шарайт) 157, 158
 Шаронимцы (см. Шарайт) 94
 Шарыгин, илимский воевода 222
 Шахабатцкий род (см. ашабагаты) 156
 Шаховской С. Н., князь, воевода 57, 78, 178
 Шебука, бурят 119
 Шелеги, родовая группа 31, 256
 Шемагири, родовая группа 319, 256
 Шенейка, дочь Чепчугуя 338
 Шехулдеев Барзай, шуленга 391
 Шибгу — хатан-батур, правитель баргутов 202
 Шибшей (см. Чепчугуй) 370
 Шилюги, родовая группа 81
 Шили, бурят 383
 Шипкайка Моманков, бурят 316
 Шинтатур-Батур 205, 214
 Широкогоров С. М., исследователь 358, 360
 Ширшиков Ф., служилый 134, 314
 Шолот, бурятский род 271
 Шорин М., енисейский служилый человек 55
 Шорцы, народность 287
 Шохича, тунгус 120
 Шошолок, бурятский род 271
 Шпаковский Ян, служилый человек 26
 Шульгин М., служилый человек 159
 Шухтый М., толмач 76
 Шапов А. П., историк 45, 174, 345, 346, 388
 Щеглов, историк 27, 176, 177, 204, 205, 207.
 Щегорин, купец 173
 Щенатов, автор географического словаря 197
 Щукин Н., писатель 171, 172, 176, 204, 205, 342
 Эвенки (тунгусы) 255
 Эжанцы, родовая группа 256, 257
 Эллей, мифический герой 306
 Эмхэнут, бурятский род 271
 Энгельс Фридрих 292, 293, 328, 350, 356, 364, 367, 368, 369
 Эргина-Таюн, шаманка 187
 Эрдени 196

- Эрдени-Батур 188, 190
Эрдени-Дайчин 190, 199, 200
Эрдени-Контазий 169, 190, 191, 192
Эрдени-Ноин 187, 188, 207
Эрдени-Тоин, 175, 176, 177, 187, 188, 189, 196, 205
Эрденийн-Эрихэ, летопись 193
Эрдечи-Ван 349
Эринчин 193, 194
Эрки-Тайчи-Ном 191
Эхирит, мифический предок бурят 278
Эхирит-булагаты 271, 278, 304, 306, 308
Юань-Чао-Ми-Ши 285
Юмсунов Вандан, летописец 12
Ючана, тунгусский князец 31
Ябжи, киргизский князец 323
Яга, киргизский князец 323
Якобий, губернатор 217
Якольские тайши 337
Якуты 337
Якуцкие тайши 337
Якушевы Н. и М., разночинцы 236, 237, 238
Ялкеев Луна, князец 259
Янгут, бурятский род 270, 271
Яндаш, даруга 126
Яндашские татары (сойоты) 129, 130
Ярлынов М., служилый человек 92, 94

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абакан, река 192
 Абаканские степи 23
 Агинские степи 291
 Аларский район (Аларь) 376
 Аларская степь 294
 Албазинский острог 261
 Алеутские острова 173
 Алтай 287, 305, 307, 323, 327
 Алтайский край 23
 Амур, река 24, 146
 Амыл, река 25
 Анга, река 312, 337
 Ангара, река (Верхняя Тунгуска) 19, 23, 24, 25, 33, 45 сл.
 Ангара Малая (Верхняя Ангара) 85
 Аплинский порог 30
 Аргалицкая деревня 224, 225
 Аскис, река 192
 Ачинская волость 286
 Ашкиштымская волость 375
- Баберский улус 268
 Байкал, озеро 37, 80, 89, 275, 281
 «Байкальская протока» 335
 Байнзурхэн (см. Манзурка), река 370
 Балаганск 79 сл.
 Балаганская земля 90
 Баргуджин-Тукум, 276, 281, 308, 310, 373
 Баргузин 99, 217, 283, 300
 Баргузинские степи 179
 Барлук, село 157
 Барлуцкая застава 151, 152, 165
 Барлуцкая слобода 225
 Басагарская волость (Бугасары) 287, 323
 Бачинов улус, калмыцкий 323
 Белая, река 85, 88, 90, 98, 135, 191
 Бельень (см. Белая) 83
 Бельск, острог 207
 «Белый город» 24
 Бильчирское ведомство 317
 Бирюльская слобода 167
 Бирюса, река 25
 Больше-Кадинская деревня 221
 Братский острог 61, 63, 64 сл.
 Братско-Острожная слобода 239
 «Братский перевоз» 330
- Братский порог 46, 48, 53, 59
 Буреть, село 282
 Бурковский мост 377
- Введенщина, деревня 198
 Верхнеудинск, город (см. Улан-Удэ) 8
 Верхняя, деревня 52
 Верх-Окинская деревня 219, 224, 229
 Верхоленская гора, палеолитическая стоянка 282
 Верхоленский острог 92, 131, 211, 379
 Виллюй, река 335
 Вихорева река 48, 64, 69, 93, 238, 255
 Вихорева деревня 73
 Восточная Сибирь 20, 23, 24
- Гея, река 34
 Голоустная, река 89
 Голуметь, река 377
- Дархатская земля 302
 Дерем, лог (на Алтае) 389
 Дунаева, река 72, 223, 224, 226
- Енисей, река 23, 26 сл.
 Енисейский острог 23, 50, 52
- Жданиха, речка 232
 Жигалово, село 283
- Забайкалье 13
 Закулей, падь 392-393
 Западная Сибирь 23
 Зарубино, деревня 284
 Зухулей, падь 297 (см. Закулей)
- Ибалатцкая деревня 235
 Игирма, река 231
 Ида, река 133, 341
 Идирма, река 264, 265
 Иицкая волость 224, 226
 Илга, река 211
 Илгинский острог 235
 Илим, река 82, 255
 Илимск, острог 105, 114 сл.
 Иллюн-Хая, гора 319

- Иргень, озеро 88, 89
 Иркинсева, река 255
 Иркут, река 83, 85, 89, 341, 383
 Иркутск 7, 12
 Иркутский острог 134
 Исакова деревня 120
 Итандинский острог 181
 Ия, река 54, 80, 92, 268
- Кабанск** 209, 283, 300
 Када, река 223, 225, 226, 237, 240, 242
 Казыр, река 25
 Камень Мунгальской 128, 135, 137
 Каменка, деревня 255, 341
 Кан, река 25, 29, 38, 320, 321, 326, 340, 375,
 Канск 101
 Кантергин, река 132
 Карабула, река 255
 Караноцкий улус 268
 Карапчанский погост 232
 Кас, река 260
 Касоноцкий улус 133
 Катанга, река 45
 Катунай, гора 241
 Катунь, река 323
 Кача, река 51
 Качинская земля 285
 Качинский (Красноярский) острог 37, 50
 Качуг, село 376
 Каштак, местность в устье реки Оки 73
 Кежемская волость 233
 Кежемская деревня 210
 Кежма, река 238
 Кемник, река 189
 Кемницкая степь 189
 Кемчуг, река 192
 Керсасальская волость (см. Керсасальская волость) 323
 Кересукская (Керексуская) волость 27, 286
 Керулан, река 182, 191
 Керсасальская волость 323
 Кетский острог 26
 Кеть, река 260
 Кивинская волость 322
 Кизильская волость 286
 Кизыр, река 25
 Кимская Байголова волость 286
 Киренга, река 237, 261, 263
 Киренск 300
 Китай 24
 Китой, река 98, 191, 270, 344
 Кова, река 300
 Кодогоновы улусы 64, 69
 Кондома, река 322
 Коробейникова деревня 230, 231
- Косогол, озеро 93, 121, 192, 341
 Кошевой Яр 57, 58
 Красноярск 25, 55, 147, 166, 300
 Красный Яр (см. Красноярск) 192
 Кремль 6
 «Кривая протока» (в устье реки Оки) 72, 73, 74, 238
 Кула, река 80, 83, 89, 131
 Кудинская степь 277, 342
 Кузнецкий край 24
 Кузнецкий острог 23
 Куленга, река 41, 264, 270, 341
 Култук, река 85, 112, 187, 199, 204
 Кумандинская волость 323
 Курумчинское ведомство 300
 Кута, река 256, 264
 Кутум, бурятский улус 340
- Лена, река 12, 80, 319
 «Ленской хребет» 261
 «Летняя россоха» (местность в долине реки Ангары) 32
 Лучихинский железодельный завод 120
- Мадаган**, местность 317
 Мановский острог 50, 260, 264
 Максимовщина, деревня 188, 199
 Малая Мамырь, село 223
 Мальта, село 282
 Мангазель 23
 Манзурка, река 89, 270, 283, 285, 312, 337
 Мелесская верхняя волость 27
 Мелесская волость 286
 Мелесский острог 27
 Метляево, деревня 283
 Милославская деревня 234
 Минусинский район (край) 284, 306, 323
 Монастырская поляна 198
 Москалева, деревня 234
 Москва 9, 24
 Мрасса, река 322
 Мука, река 232
 Мунгутэ-Булак, бурятский улус 330
 Мура, река 30, 255
 Муруев улус 90
- Нарым**, город 47, 208
 Нерчинск 140, 167, 183, 184
 Нижне-Илимск 230, 231
 Нижнеудинск 121, 131, 133
 Нижняя Тунгуска 259
 Нюя, река 237
- Обуса**, река 284
 Ожась (Тунгусская земля) 256
 Ока, река 35 сл.
 Оленка, река 81, 82, 260, 265, 319
 Олхон, остров 89, 111, 338, 342
 Орхон, река 192, 276

- Оса, река 35, 48, 83, 85, 117, 342
Осинский остров 84, 86, 90
Осинский острог 84, 86
Охота, река 257
- Падун, порог 35, 64, 268
Падунский братский острожек 64, 66, 72, 76, 80
Песида, река 45
Подволошная, деревня 264
Порог, бурятский улус 330
Предбайкалье 82
Приангарье 12, 79, 82
Приенисейский край 23, 24
Прикосогольский край 117
Присянье 365
- Радуй, река 182
Ратай (Наратай), остров 119
Рыбенский острожек 35
«Рыбная ловля», местность 30, 34, 35, 259
- Саган-Нур, озеро 294
Саяно-Алтайская область 252, 284, 322, 340
Саянский камень 126
Саяны (горы) 300, 302
Северо-западная Монголия 38
Селенга, река 83, 84, 85, 89, 276, 310, 342
Селенгинск, город 178, 384
Скида, река 255
Соль-Вычегодская 134
Сосва, река 326
Спасский монастырь 130, 142
Средняя Азия 267, 342
Ступина, деревня 230
Сым, река 260
- Тайтурка, река 357
Тальма, речка 381
Танну-Тувинский край 124, 123
Тасеева река 46, 49, 332, 333
Таяурская деревня 236, 237, 238
Тетбея, река 223, 224
Тегея, река 259
Тобольск, город 146, 379
Тола, река 191, 276
Томск, город 27, 39, 334
Томский острог 23, 24, 70
Тора, река 383
Торская степь 137, 199
Тотомская земля 93
Туба, река 155, 230, 240, 256
Тубинская деревня 231
Тулуновский погост 225
Тунгуска (см. Аягара) 29, 30
Тунгуска Подкаменная 29
Тунка 112, 174, 199, 284, 286, 270, 341, 382
- Тункинский острог 175, 185, 195, 383
Тункинские Альпы 213
Тургенев остров, деревня 233
Туркестан 274
Туруханск 41
Тутура, река 211, 263
Тюлкина земля 25
- Убса, озеро 192
Уда, река 13, 25, 54, 84, 95, 276, 312
Удинская слобода 225
Удинский острог 140, 165, 206, 344
Укин, ключ 181
Улан-Удэ, город 12
Улан-Хайр, местность 377
Унга, река 35, 84, 90, 96, 117, 341, 342
Унгинские степи 291
Усть-Ида, село 341
Усть-Илимское зимовье (острожек) 49, 55, 60
Усть-Кова, река 255
Усть-Куда, местность 130
Усть-Кутский острог 236, 300, 340
Усть-Окинские буряты 12
Усть-Удинская деревня 225, 235
- Халха 117, 194, 195, 197, 202, 276, 309
Хамхар, падь 391
Ханда, река 237
Хара-Нор, озеро 391
Хоринская степь 291
- Цаган-Нор, озеро 391
Цаганский улус 270
Центральная Азия 299, 306, 340, 368
Цыганов улус 130, 431
- Чадобец, река 30, 375
Чадома, река 67
Чадопча, река 255
Частье Броды, река 192
Чжунгария 193, 355
Чечуйская слобода 167
Чуна, река 331, 332, 333
Чюхтерма, река 264
- Шаманская деревня 221, 226, 245
Шаманов порог (см. Шаманский порог) 128
Шаманский порог 30, 33, 34, 64, 76, 256
Шилка, река 89
- Якутия 81, 264
Якутск 349
Ялык, река 264
Ядинская волость 234, 235
Янды, слободка 35, 138

ÉTUDES SUR L'HISTOIRE DES BOURIAT-MONGOLS OCCIDENTAUX (XVII — XVIII-e SIECLES)

A. Okladnikov.

RÉSUMÉ.

La conquête de la Sibérie orientale par le tsarisme au XVII-e siècle rencontra une résistance opiniâtre de la part de la population indigène. Il fut particulièrement difficile de s'emparer du pays bouriate et du territoire des Evenks dans la région de l'Angara et sur le fleuve Léna.

De nombreux documents renfermés dans les archives, pour la plupart ignorés de la littérature, donnent un tableau très expressif des révoltes des aborigènes, de leur lutte héroïque contre les envahisseurs et des relations réciproques souvent complexes créées au cours de ce mouvement d'émancipation nationale, dont les formes étaient déterminées par la situation historique générale existant dans la région du lac Baïkal au moment de l'arrivée des Russes.

Au début du XVII-e siècle, les Bouriates de l'Angara entrent en ligne comme concurrents des Russes; leurs détachements apparaissent dans la région de l'Iénisséï et prélèvent un yassak (tribut) sur les indigènes: Kottes, Arines, Assanes, etc. En 1629 ils se soumettent inopinément aux autorités russes, sans combat. Cette soumission s'explique par le développement des luttes intérieures dans la société bouriate, les révoltes des kichtymes — tributaires et le besoin qu'éprouvaient les couches supérieures de la société, les «princes» bouriates, de trafiquer avec les Russes, d'échanger les produits de l'élevage et les pelleteries reçues en tribut des kichtymes contre des tissus, des objets de métal, des parures et autres marchandises.

Les exactions commises par les conquérants, surtout par les aventuriers de l'«expédition d'argent» de Jacob Khrïpounov en 1630—1631, provoquèrent le soulèvement des Bouriates. La lutte se poursuivit avec des péripéties diverses durant plusieurs années, au cours desquelles la garnison de «Bratskij-Ostrog», le point d'appui des conquérants, fut exterminée. Avec la fondation des nouvelles places retranchées de Balagansk et d'Irkoutsk (1652 et 1654), la lutte active devint impossible. Ne pouvant supporter plus longtemps

la tyrannie du gouverneur du pays bouriate Ivan Pokhabov, les Bouriates se joignent d'abord à la fermentation générale qui se manifeste dans la population russe, puis fuyent en masse en Mongolie, en 1658, abandonnant leurs yourtes et leurs champs de millet. Recus ici par les féodaux mongols et ayant éprouvé le poids de leur oppression, ils reviennent dans la région du Baïkal. Là, ils participent en 1696 à la révolte paysanne qui éclate à Bratskij-Ostrog contre le gouverneur Chr. Kaftyrev. Au milieu du XVIII-e siècle se place «l'affaire de la rébellion» des Bouriates sur l'Oka, en relation avec l'apparition ici du lama mongol exilé Danjine (1767).

Cette marche suivie par le mouvement national de libération des Bouriato-Mongols occidentaux de l'Angara était conditionnée par le milieu économique fort compliqué et constamment changeant. Au XVII-e siècle les Bouriates étaient surtout des éleveurs de chevaux et de bêtes à cornes. L'agriculture ne tenait plus qu'une place insignifiante dans leur économie. Leurs ancêtres, au contraire, pratiquaient sur une grande échelle une culture primitive combinée avec l'élevage du bétail, vivant en grosses communautés familiales à régime patriarcal dans leurs gorodistchés et leurs fermes (zaimki).

Le développement économique des Bouriates, qui a déterminé leur ordre social et leur structure en tant que complexe ethnique, se faisait dans le sens de la différenciation de l'élevage en une branche à part de la production. Les riches se spécialisaient dans l'élevage en troupeaux, la propriété privée se développait, et avec elle croissait l'inégalité des biens. La démocratie de clan cédait la place à la domination des aristocrates—propriétaires de bétail et d'esclaves, qui exploitaient les tribus subordonnées—les Kichtymes, s'occupaient de commerce et pratiquaient l'usure. En même temps la prépondérance économique et politique du peuple bouriate sur les autres peuples de la région du Baïkal avait pour conséquence son augmentation numérique, non seulement par accroissement naturel, mais aussi par l'assimilation culturelle de ses voisins, qui adoptaient son économie, sa culture et sa langue. A cette époque, la lutte intérieure entre les aristocrates et la masse, qui se reflète également dans le folklore, obligea les «princes» bouriates à se soumettre aux Russes. Les conquérants, mettant à profit l'influence dont disposaient les princes, assujettirent le peuple bouriate, jadis puissant et forcé maintenant de subir le double joug de ses propres «princes»-aristocrates et du tsarisme. C'est précisément la lutte des masses contre cette double oppression qui constitue dès lors l'élément essentiel du mouvement d'émancipation nationale. S'étant accordés avec les conquérants, les princes menèrent une politique à double face et passèrent pour la plupart au service du gouvernement tsariste, entrant dans les rangs des fonctionnaires locaux supérieurs; par la suite, ils se russifièrent et une partie d'entre eux perdit plus tard ses anciens privilèges.

Au XVIII-e siècle, la région de l'Angara fut soumise à la colonisation russe: les Bouriates devinrent une minorité nationale, opprimée

de toute part par les représentants de la classe des gros paysans russes, de la bourgeoisie paysanne de marchands et d'usuriers, qui excitaient les haines entre nationalités et le chauvinisme féroce. C'est sous ce régime que se produisit une dernière fermentation des esprits, très confuse d'ailleurs, parmi les Bouriates de l'Oka, amplifiée à dessein par les autorités russes locales, à qui elle servit de prétexte pour des persécutions sauvages de la population bouriate sans défense.

A cette époque, sous le poids compresseur du tsarisme et de son régime national et colonial, on s'évertue à créer dans la région de l'Angara un simulacre d'administration indigène féodale; d'autre part, on procède à la dénationalisation et souvent à la russification forcée (baptême par contrainte, etc.) des masses bouriates, privées de tout contact avec les Bouriates orientaux, chez qui apparaissent alors les premiers germes d'une littérature autonome et se fortifient l'écriture et la langue, qui ne servent encore, il est vrai, qu'aux besoins des couches théocratico-féodales, c'est-à-dire des lamas.

Ce n'est que la révolution d'Octobre qui mena à bonne fin la lutte de libération nationale des Bouriates, en créant au sein de la République soviétique socialiste fédérative de Russie la République Bouriato-Mongole et en assurant la réalisation de l'union nationale des masses bouriates et le libre développement de leur propre culture.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

К «СПОРНЫМ ВОПРОСАМ» ИСТОРИИ БУРЯТ-МОНГОЛИИ.¹

Состоявшаяся в Улан-Удэ в июне 1934 г. дискуссия по спорным вопросам истории Бурят-Монголии хронологически завершила длительную полосу спора по наиболее сложным и наименее разработанным вопросам прошлого бурят-монгольской народности. Подводя итоги совещанию, докладчик тов. Хаштаев заявил: «Теперь нет и не может быть спора о том, прошла ли Бурятия через стадию феодализма, даже тов. Косоков, который отрицал феодализм, и тот признал, что зачатки феодализма в Бурято-Монголии были. Не подлежит сомнению также господство капиталистической эксплуатации в экономике предреволюционной Бурятии. Теория господства докапиталистических отношений в предреволюционной Бурятии, поскольку она умаляет рост и значение капиталистических элементов, разоблачена, как право-оппортунистическая».

Совещание 1934 г., определив в такой форме общую линию, тем не менее не решило даже в принципе многих и весьма существенных вопросов, ближайшим образом связанных с коренными спорными проблемами, обсуждавшимися совещанием. Так, не была достигнута полная ясность в периодизации исторического прошлого бурятской народности, в особенности же в вопросе о происхождении, развитии и характере классовых отношений, о реальных взаимоотношениях последних с доклассовыми, т. е. с родовыми отношениями, у бурят-монголов.

¹ Материалы дискуссии в Улан-Удэ стали доступны автору данной работы лишь после ее окончания и передачи в производство. См. «К истории Бурят-Монголии». Материалы дискуссии, состоявшейся в июне 1934 г. в Улан-Удэ, Предисловие А. В. Шестакова, под редакцией А. В. Шестакова и А. И. Ломкина, М.-Л., Соцэкгиз, 1935 г.

Здесь имели место совершенно противоположные высказывания, обнаружившие коренные разногласия, особенно резко выжившиеся в выступлениях Косокова и Козьмина, которыми были сформулированы принципиальные установки сторонников «феодальной» и «родовой» концепций. Наименее ясным из числа не разрешенных совещанием остался старый вопрос о конкретной исторической роли и характере родовых отношений и их пережитков у бурят-монголов. Представитель сторонников «родовой» концепции тов. Косоков, опираясь на работы своих предшественников, даже и не пытался самостоятельно выяснить этот вопрос. Он обратился лишь с призывом к историкам начать изучение элементов родового быта в Бурятии в интересах скорейшего преодоления пережитков докапиталистических отношений.

В силу этого обстоятельства, а также и того факта, что изучение родовых отношений и интерес к ним зависели от определенных общественно-политических условий, для правильного понимания всей проблемы — как она оформилась к моменту созыва совещания — недостаточно данного нами выше анализа фактов и сжатого обзора развития научных воззрений о строе древнего бурятского общества. Необходимо особо остановиться на общественно-политической стороне вопроса.

Первый этап в истории проблемы связан с деятельностью Щапова и Хангалова.

Работа Хангалова, сельского учителя и краеведа, о Зэгэтэ-Аба представляла собой первый систематический очерк древней истории бурят-монголов. В ней последовательно освещалось развитие первобытно-коммунистического родового общества предков бурят; излагалась общая концепция его истории, вплоть до распада и гибели. Хангалов проделал колоссальную работу, его произведение остается пока единственным по полноте и четкости.

Если древнее бурятское общество было предметом изучения Хангалова, то Щапова, казанского профессора-историка, сосланного царизмом на его каторжную родину, еще в 70—80-х годах привлекло современное бурятское общество. Щапов, изучая бурятскую улусно-родовую общину, обнаружил элементы древних патриархально-родовых связей у бурят, пережитки родовой взаимопомощи и общинное землевладение. Увлеченный этими чертами быта, он, в соответствии со своими утопическими воз-

зрениями, идеализировал «первобытные социальные инстинкты», восхищался «общинным единодушием», «общностью и солидарностью интересов». При всем этом Шапов убедился впоследствии, сколь велико влияние «эгоистических приобретательных инстинктов» и среди бурят. Наличие и влияние эксплуататорских отношений отмечал в свое время и Хангалов, не склонный идеализировать общественный быт бурят XIX в.

После работ Хангалова и Шапова в конце XIX и начале XX в. интерес к родовому быту бурят-монголов вновь усилился благодаря возникновению и развитию «национал-народнического», национал-демократического течений в бурятской общественной жизни. Выдвинувшись на арену общественной жизни как идеологи и выразители интересов эксплуататорских классов бурятского народа и принадлежа в большинстве к буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, национал-демократы последовательно проводили свою классовую линию и стремились направить в соответствии с ней национально-освободительное движение масс.¹

В период февральской и октябрьской революции национал-демократы подходили к задачам освободительного движения «с чисто национальной точки зрения», противопоставляли свою линию «классовой политике», замазывая и затушевывая классовые противоречия внутри бурятского общества. Обманывая массы, демагогически прикрываясь лозунгами национального освобождения, они стремились оторвать трудящихся бурят-монголов от рабочего социалистического движения в России и отгородиться от пролетарской революции. После победы реакции и восстановления власти эксплуататоров, в условиях колчаковщины и семеновщины, буржуазные националисты, ламство и войонат активно и открыто выступали на помощь Семенову и японцам-интервентам: «теперь мы должны опираться на японцев и Семенова», — писали их идео-

¹ Общие данные о национал-демократах и их платформе изложены по работам: Ербанов М. Н., Об итогах и очередных задачах проведения ленинской национальной политики в Бурятии в связи с решениями пленума ЦК и ЦКК КПБ(у) по национальному вопросу, «Советская Бурятия» № 3, 1933. Ербанов М. Н., От колониального вырождения — к социалистическому расцвету, «Советская Бурятия» № 1, 1933. Маркизов А., Борьба на два фронта за ленинскую национальную политику, «Советская Бурятия» № 1, 1933. Дашидондоё О., Об одной вреднейшей антимарксистской теории, «Вестник Института Культуры» № 1, 1931, Улан-Удэ.

злогл. Пытаясь осуществить панмонгольскую программу, они создают марионеточное Даурское правительство в 1919 г., означающее конкретный шаг по пути образования панмонгольского «государства» под протекторатом японского империализма. После разгрома колчаковщины и провала интервенции, исходя из «принципиальной» установки о невозможности осуществления национальной культуры в Бурят-Монголии при отсутствии компактной территории, буржуазные националисты требовали переселения западных бурят к границам Монголии и ориентировались на «Восток». Они стремились овладеть государственными органами и культурным строительством, вели пропаганду националистических убеждений в массах и среди членов партии. В соответствии со своей политической программой и практической деятельностью буржуазные националисты открыто требовали «равноправия всех классов», настаивали на превращении Бурят-Монгольской республики в отделенную от страны Советов буржуазную республику, которая неизбежно должна была стать частью феодально-теократического панмонгольского государства, или, иначе говоря, японской колонией. Развивая эту программу на культурном совещании 1933 г., Б. Б. Барадий заявил: «Национальное самоопределение мыслимо только при участии в строительстве национальной республики всех слоев населения, не разделяя на классы середняков, бедняков и кулаков и в прошлом видных людей, ибо действительными носителями культуры именно должны быть такие люди, которые в прошлом представляли из себя цвет бурятского народа». «Видные люди» и «цвет бурятского народа», которые должны были руководить Бурят-Монгольской республикой, по требованию националистов, означали нойонат, кулачество и буржуазную национал-демократическую интеллигенцию. Следовательно, в борьбе против диктатуры рабочего класса эти националисты ставили своей целью установление диктатуры эксплуататорских классов.

Развертывая свою борьбу против советской власти, буржуазные националисты агитировали за свой «единый национальный фронт» ссылками на отсутствие классовой розни и противоречий в улусе. Пропагандируя тезис национал-демократов об отсутствии классов у бурят, Н. Н. Козьмин писал тогда: «Буряты представляли однородную крестьянскую массу, прикрепленную к сельскому хозяйству. Это обстоятельство следует особенно иметь в виду». «В бурятской общественной семейной и хозяйственной

жизни остается много пережитков еще первобытного, или вернее, первоначального коммунизма, которые являются благоприятной психологической средой для восприятия коммунистической идеологии. Условия скотоводческого хозяйства, особенно кочевнического, обуславливают общее пользование землей».

Замечательно, что и на дискуссии в 1934 г. Н. Н. Козьмин с поразительной цепкостью развивал старое положение о том, что буряты представляли сплошную крестьянскую массу, хотя и утверждал теперь, что это обстоятельство имело лишь юридическое значение. С той же цепкостью Н. Н. Козьмин пытался уверить, что если были в 1921—23 гг. последовательные большевики, то только те, кто проповедовал «теорию» о бесклассовой структуре улуса и об исконном коммунизме кочевников, основанном на их скотоводстве. Правда, и тогда, по его словам, подобного коммунизма в действительности вовсе не было, но если бы его и не было, то следовало по тактическим соображениям выдумать такой коммунизм. И «коммунизм», да еще «первоначальный» был выдуман...

Ясно, что такая постановка вопроса не имеет ничего общего с большевизмом и была призвана теоретически обосновать лозунг «единого национального фронта» национал-демократов, национал-народническую идею о возрождении монголов и объединении их в единое государство путем развития «коммунистических начал», якобы лежащих в основе общественного строя Бурят-Монголии.

Вопрос о роде у бурят параллельно с Козьминным разрабатывал Б. Э. Петри, находившийся под воздействием народнических тенденций, резко выраженных у его учителей по этнографии, под прямым влиянием бурятских национал-демократов. В отличие от Козьмина, Петри не изобретал фантастического «первобытного коммунизма», а в соответствии с действительными реликтами и элементами родового быта у западных бурят пытался осветить основные черты бурятского рода в прошлом и его реальные следы в настоящем (1912—1916 гг.). Его исследование по стройности и полноте описательных данных является пока единственным и, повидимому, при отсутствии других останется надолго, если не навсегда, главным пособием для изучения строя исчезнувшего бурятского рода. Лучший знаток прошлого монгольских народов академик Владимирцев ставил работу Петри в ряд с очерками Богданова и трудами Хангалова.

При всем том, благодаря влиянию национал-демократов, Петри, не будучи марксистом, не смог разобраться в процессах перерождения и распада родовых отношений, происходивших уже давно. Отмечая наличие богачей, середняков и бедняков в улусе, он не понимал общего хода развития капитализма в бурятском обществе и не замечал феодальных форм эксплуатации внутри общины. Он утверждал, что члены рода, приказчики, посредники, «хотя и косвенно, участвуют в прибылях своего богатого сородича, дело которого является до известной степени делом обще-родовым», «страдают же больше всего от богачей-кулаков чужеродцы».

Исключительно ярко влияние национал-демократизма проявилось в работах Петри о шаманстве, в которых шаманизм рассматривается с методологической точки зрения идеалистического крыла эволюционизма. Развивая в своих работах заимствованную от национал-народников мысль, что пережитки первобытного коммунизма у бурят облегчают переход народности к новым, социалистическим формам общественной жизни, Петри подчеркивал демократический характер шаманства как религии родового общества. Он даже развивал (в печати и на своих лекциях в 1922—23 гг.) мысль относительно обновления и развития падающего шаманства. И в этой области готовый пример ему был дан национал-демократами, боровшимися за усиление «обновленного» буддизма как одного из идеологических устоев «единого национального фронта» кулаков, нойонов, лам и мелкобуржуазной реакционной интеллигенции.

Таким образом, вопрос о родовых пережитках, впервые поставленный Щаповым, Клеменцом и Хангаловым, ближе всего стоявшими по своей идеологии к представителям раннего народничества, был в своих целях использован национал-демократами, которые приспособили для этого и высказывания утописта Щапова, идеализировавшего бурятскую улусно-родовую общину. Действительное же отношение национал-народников, национал-демократов к этим своим «предшественникам» примерно таково же, как и отношение контрреволюционеров-эсеров к Чернышевскому, к народовольцам.

После разоблачения и разгрома партией под руководством тов. Сталина буржуазного национализма, вопрос о родовых пережитках вновь был поднят тов. Косоковым, поставившим эту проблему в прямой связи с очередными политическими задачами. Косоков в момент подготовки и проведения земельной реформы выступил

с утверждением о том, что в Бурятии земельная реформа запаздала, ибо здесь нет и не было никаких следов феодальных отношений. Бурятия, по Косокову, миновала стадию феодализма, так как рано отпочковалась от Монголии и была затем непосредственно вовлечена в орбиту товарных отношений благодаря своему положению на стыке зон влияния торгового капитала Китая, с одной стороны, и России — с другой. Поэтому имел место лишь «интенсивный процесс внедрения капиталистических отношений на фоне разлагающихся патриархально-родовых отношений». Бурятия пошла, по его словам, по американскому пути капиталистического развития. Сопоставление историков Бурятии показало, что утверждение Косокова об американском пути необоснованно, а на деле имел место прусский тип развития капиталистических отношений. Проблема родовых пережитков была, следовательно, неправомерно использована Косоковым для оправдания своих общих установок.

Совещание выявило, однако, совершенно недостаточное конкретное знакомство историков с пережитками родового быта, недостаточное изучение их исторической роли, столь резко извращавшейся и искажавшейся, как показано выше. Эти вопросы остались открытыми, а ряд участников совещания вслед за Козьминым высказал категорические утверждения о глубокой древности феодализма в Бурятии и даже о том, что Зэгэтэ-Аба была лишь формой феодальных общественных отношений.

Козьмин с исчерпывающей ясностью выразил методологические установки, на основании которых отрицался бесклассовый характер древнего бурятского общества, включая эпоху Зэгэтэ-Аба. По его мнению, феодалы всегда стояли за патриархальные порядки, а потому «патриархально-родовые отношения и представляют в сущности патриархально-феодальные отношения». Промежуточных укладов быть не может: «Если был родовой строй, так это — родовой строй, патриархальный — так патриархальный» (читай феодальный строй).

Совещание тем не менее не разъяснило Козьмину неправильность отождествления феодального строя с патриархально-родовым, общественно-экономической формации с конкретным обществом и неправомерность подстановки одного на место другого.

Общая судьба споров о возникновении и историческом значении родовых отношений в конкретном бурятском обществе обязывает нас вспомнить о словах Ленина, что человеческое познание идет не

по прямой, а по кривой, приближающейся к спирали, каждый отрезок которой может быть односторонне превращен в самостоятельную прямую линию и последняя «...ведет тогда в болото, в поповщину (где ее *закрепляет* классовый интерес господствующих классов)». ¹ Именно так здесь и вышло.

У бурят-монголов сохранились к началу XX в. только пережитки родового быта, лишь элементы патриархально-родового строя прошлого. Они были деформированы и перерождены влиянием выраставших в течение веков внутри патриархально-родового общества классовых отношений, влиянием классового — сначала феодального, а затем и капиталистического — общества завоевателей и соседей. В сложной исторической действительности элементы древнего быта сочетались с иными, *ведущими*, классовыми отношениями, все более и более изменяясь и утрачивая свою жизнеспособность в меру тех успехов, которые делало общественно-экономическое развитие.

Крайние сторонники «феодальной» концепции, с одной стороны, родовой концепции, с другой стороны, одинаково произвольно выхватывали из многообразной и сложной действительности отдельные элементы, противопоставляя их целому, а потому и «не видели за деревьями леса», т. е. извращали реальный исторический процесс.

По сути спор не мог быть положительно решен, как лишний раз показало и Улан-Удэнское совещание, на почве формальной, антидиалектической методологии, когда противники находили аргументы и «за» и «против» в любом количестве. Они и сами начали осознавать это обстоятельство, ибо спор логикой фактов перемещался в область конкретной истории. Но как раз отсутствие данных о конкретно-историческом развитии, отсутствие фактов препятствовало правильному решению проблемы. И, далее, даже при наличии фактов правильные объяснения и действительная связь между ними могут быть найдены лишь при условии последовательного применения материалистической диалектики, гениальный образец которой и классическое руководство для изучения дофеодального периода и процесса становления классовых отношений, в том числе и у бурят-монголов, мы давно уже имеем в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Фридриха Энгельса.

¹ Ленинский сборник, XII, 1931, стр. 326.

Совещание в Улан-Удэ, таким образом, наглядно показало, насколько актуальна теперь задача перестройки методологии исследовательской работы и развертывания конкретно-исторических исследований, накопления и обработки фактов, без решения которой, как признали и участники совещания, не может быть обеспечено создание марксистско-ленинской, сталинской истории бурят-монгольского народа.

Данная работа и будет оправдана, если она в какой-то мере окажется полезной при разрешении отмеченной общей задачи исторического фронта в Бурят-Монголии.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	6
Введение	6
<i>Часть первая. Восстания ангарских бурят</i>	
1. Завоевание Бурятии (1609—1630 гг.)	23
2. Погром бурятской земли казаками и восстания первой половины XVII в.	44
3. Бурятская земля в 40—50-х годах XVII в.	83
4. Восстание и побег бурят в 1658 г.	98
5. Восстание 1696 г. в Братском остроге и буряты	139
6. Иркутские события 1695—1696 гг.	170
Источники	170
Бунт и побег Петра Тайшина	177
«Осада» Иркутска бурятами в 1696 г.	203
7. Волнения на Оке в 1767 г.	217
<i>Часть вторая. Социально-экономические отношения и освободительное движение в Западной Бурятии XVII—XVIII вв.</i>	
1. К постановке вопроса	249
2. Эвенки (тунгусы) Прибайкалья в XVII в.	255
3. Буряты. Расселение и происхождение. Хозяйство	268
4. Общественно-политический строй Бурятии в XVII в.	312
Рабы	314
Киштымы	319
Улусные люди	328
Князцы	336
Семья, род и общественное развитие бурятской народности	344
5. О движущих силах освободительной борьбы бурят-монголов в XVII в.	374
6. Русская колонизация и судьбы освободительного движения бурят Приангарья	385
Приложения	
I. Отводная память Запу Батхонову, 1718 г.	391
II. Отводная память Будорею Булину, 1718 г.	393
Хронологический указатель	395
Именной указатель	398
Географический указатель	411
Résumé	414
Послесловие. К «спорным вопросам» истории Бурят-Монголии	417

TABLE DES MATIERES

Avant-propos	5
Introduction	6
<i>Première partie. Les révoltes des Bouriates de l'Angara</i>	
1. La conquête du pays des Bouriates (1609—1630)	23
2. La dévastation des terres bouriates par les cosaques et les révoltes de la première moitié du XVII-e siècle	44
3. Le pays bouriate au milieu du XVII-e siècle	83
4. Révolte et fuite des Bouriates en 1658	98
5. La révolte de 1696 à Bratsky Ostrog et les Bouriates	139
6. Les événements de 1695—1696 à Irkoutsk	170
Sources	170
Révolte et fuite de Pierre Taichine	177
Le «siège» d'Irkoutsk par les Bouriates en 1696	203
7. L'effervescence populaire de 1767 sur l'Oka	217
<i>Seconde partie. Les rapports sociaux et économiques et le mouvement de libération dans la Bouriatie occidentale aux XVII—XVIII-e siècles</i>	
1. Définition du problème	249
2. Les Evenks (Toungousses) de la région du Baikal au XVII-e siècle	255
3. Les Bouriates Distribution territoriale et origine Économie	268
4. L'ordre politique et social de la Bouriatie au XVII-e siècle	312
Les esclaves	314
Les kichtyms	319
Les habitants des oulouss	328
Les petits princes	336
La famille, le clan et l'évolution sociale du peuple bouriate	344
5. Les causes déterminantes dans la lutte de libération des Bouriates-Mongols au XVII-e siècle	374
6. La colonisation russe et le mouvement de libération des Bouriates de l'Angara	385
<i>Annexes</i>	
I. Titre de concession de terres de Zap Batkhonov, 1718	391
II. Titre de concession de terres de Boudorèi Bouline, 1718	393
Index chronologique	395
Index des noms propres	398
Index des noms géographiques	411
Resumé	414
Postface. Sur les «questions controversées» de l'histoire de la Bouriatie-Mongolie	417

Отв. редактор Э. Р. Рыдылов. Техн. редактор П. С. Смирнов.
Перешлет и форзац по рисунку худ. И. В. Варвар. Сдано в
набор 10/X 1936 г. Подписано к печати 21/1 — 7/III 1937 г.
Союзгиз № 1637. Ленинолгормит № 713. Заказ № 1026. Тираж
3250 экз. Формат $62 \times 94\frac{1}{8}$ Объем 20,75 Уч.-авт. л., 26 $\frac{3}{4}$ л.
л. + 1 вклейка.]

13 $\frac{3}{8}$ бум. л. (94400 тип. зн. в 1 бум. л.).

Цена книги 10 р. 75 к. Перешлет 1 р. 75 к.

2-я типография ОГИЗАа РСФСР греста «Полиграфкнига» «Пе-
чатный двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.